

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

ВЫПУСК 3

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А.С.ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

Альманах

3

«Дорн»
Санкт-Петербург
2002

ББК 83.3(0)5
П 91

**Редакционная коллегия
«Пушкинского музеума»:**
Р.В.ИЕЗУИТОВА,
С.М.НЕКРАСОВ (председатель), В.П.СТАРК

Научный редактор
Р.В.ИЕЗУИТОВА

Ответственный редактор
С.М.НЕКРАСОВ

**Редакционно-издательский отдел
Всероссийского музея А.С.Пушкина**
Редактор А.Г.ТИМОФЕЕВ,
Компьютерный набор: Ю.А.ЗИГЕРН-КОРН и М.Л.КУРАКИНА

Составитель указателей
Г.Г.МАРТЫНОВ

ISBN 5-85447-019-5

© Всероссийский музей
А.С.Пушкина, 2002.
© Издательство «Дорн», 2002.
© Коллектив авторов, 2002.
© В.Н.Дзюба, художественное
оформление, 2002.

Очередной выпуск альманаха «Пушкинский музей», следуя уже сложившейся традиции, открывается рубрикой «Пушкин и наши современники», предоставляя возможность известным деятелям науки, культуры и политики высказаться о значении для них и для нашего времени Пушкина, оценить его влияние на духовную жизнь современного общества, откликнуться на какую-либо волнующую их пушкинскую тему.

На этот раз мы даем слово Генеральному консулу Франции в Петербурге господину А.Кельчевскому, учитывая в особенности то значение, которое имела Франция и ее великая литература уже для самого Пушкина. Другим нашим собеседником выступает знаменитый и уважаемый в нашей стране академик И.Д.Спасский, в живой и увлекательной форме рассказавший о том, как в трудные дни работ по подъему затонувшей подводной лодки «Курск» Пушкин внутренне помогал ему и духовно его поддерживал.

Структура альманаха, также во многом сложившаяся, предусматривает публикацию разнообразных материалов, связанных с историей и каждодневной жизнью музея и его филиалов, с изучением богатейших фондовых материалов. Раздел «Жизнь и труды музея» открывается программной по значению статьей директора музея С.М.Некрасова об основных направлениях в деятельности музея на ближайшее десятилетие. Картине П.И.Геллера «Гоголь среди своих великих друзей», важной для понимания характера дружеских царскосельских встреч лета 1831 года, посвящена статья Т.И.Галкиной. Г.М.Седова выступает как хроникер Пушкинского кружка Общества «Старый Петербург» (1924—1925). Статьи Ю.Г.Епатко и А.Н.Маркова посвящены проблемам атрибуции портретов П.А.Катенина и Н.Н.Ланской (Пушкиной). Авторы альманаха обращаются и к изучению материалов, не являющихся собственностью музея, но ценных по своему художественному и историко-культурному значению. О хранящемся в собрании парижского антиквара М.Барюша альбоме с карикатурами графа Э.-К.Сен-При (упомянутого в «Евгении Онегине») идет речь в статье Е.В.Пролет.

В разделе «Пушкинские места России» читателей ожидает сенсация: С.Л.Турилова сообщает о неизвестном до 1992 года автографе Пушкина — записи в «Адресной книге» Министерства иностранных дел. Подробно комментируя эту запись, В.П.Старк устанавливает новый петербургский адрес Пушкина, первый по выходе его из Лицея. Истории других пушкинских мест (Михайловского и Вече, в окрестностях Тригорского) посвящены статьи Н.К.Телетовой и В.Г.Никифорова.

Сохраняется и раздел «Вокруг Пушкина», в котором помещена обстоятельная статья В.М.Файбисовича о сложных взаимоотношениях А.Н.Оленина и А.А.Аракчеева. В работе Б.В.Сяско речь идет о некоторых обстоятельствах «Дела о ссылке Пушкина», не привлекавших ранее внимания исследователей.

Особый раздел отдан в альманахе публикации докладов, прочитанных на конференции «Михайловский затворник и события 14 декабря 1825 года», посвященной 175-летию восстания декабристов. Статья А.В.Семеновичевой построена на выявленных ею ценных материалах о декабристе П.И.Колошине и его семье. В статье А.Н.Иезуитова заново проанализированы литературные источники и реалии текста поэмы Пушкина «Граф Нулин» в свете ретроспективно воспринятых самим Пушкиным декабрьских событий 1825 года. Е.Б.Добровольская подробно характеризует роль митрополита Серафима в этих событиях, а Р.В.Иезуитова рассматривает комплекс проблем, связанных со знаменитой строкой Пушкина «И я бы мог...» и с рисунками виселицы декабристов.

Богат разнообразными материалами и интересными наблюдениями раздел публикаций и комментариев. В статьях Н.И.Михайловой и В.П.Старка продолжена работа по комментированию романа «Евгений Онегин» и пушкинского эпистолярного жанра. Несомненный интерес вызовут публикация Т.Г.Александровой писем сестер Шелашниковых (хранящихся в архиве музея), С.В.Павловой — воспоминаний о Лицее Д.Ф.Кобеко, известного историка этого замечательного учебного заведения (где ныне расположен один из филиалов Всероссийского музея А.С.Пушкина). Полезными в плане изучения истории памятных мест Пушкиногорья являются и дневники Н.П.Вревской, которые публикует по материалам архива семьи Вревских В.Ф.Рожнов. В обстоятельном очерке Д.М.Добровольской собран большой материал о литературной деятельности автора известной брошюры о дуэли и смерти Пушкина А.Н.Аммосова.

Раздел «Из художественной пушкинианы» целиком посвящен выставочной и общекультурной работе, которую ведут в музее сотрудники отдела «Пушкин и современность». О выставке литературы самиздата («Вольное слово») пишут Т.С.Буковская и В.Э.Долинин, о редкой книге из Санкт-Петербурга — «Пиковой даме» с иллюстрациями Валерия Мишина — Д.Я.Северюхин и Ю.М.Лютко, а И.А.Щепеткова берет интервью у Валерия Траугота, постоянного участника музейных выставок на Мойке, 12 и в Музее-Лицее. Тема заметки А.Г.Рабинянц — художник В.С.Вильнер и его произведения.

Новый раздел «Пушкинского музеума» — «Из истории пушкиноведения» — целиком посвящен выдающемуся пушкинисту Б.В.Томашевскому как текстологу (статья С.В.Березкиной) и преподавателю математики в 1920-е годы в одном из ленинградских вузов (публикация В.А.Грибовской).

Статьи, помещенные в разделе «Обзоры и рецензии», касаются столь существенной для Пушкина проблемы, как русско-английские и русско-немецкие культурные связи (работы О.Яценко-Бэрд; Л.Б.Михайловой и М.Шиппана).

Завершается альманах полезной по своей информативности «Хроникой важнейших событий музейной пушкинианы (1879—1999)».

***

Все цитаты из произведений А.С.Пушкина даются по Большому академическому 16-томному Полному собранию сочинений (1937—1949) с указанием в тексте номера (римской цифрой) и страницы (арабской), за исключением особо оговоренных случаев.

ПУШКИН И НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

Александр Кельчевский, Генеральный консул
Французской Республики в Санкт-Петербурге

ПУШКИН И ФРАНЦИЯ

Пушкин и Франция — тема неисчерпаемая. Великий русский поэт всю жизнь мечтал о поездке в Париж, но эта поездка так и не была ему позволена.

Как известно, А.С.Пушкин получил французское образование. Его отец, очень образованный человек, читал ему Лафонтена и Мольера. У него было три воспитателя — француз, англичанин и немец. Французский язык был для него на первом месте.

С десятилетнего возраста Пушкин запоем читал книги из библиотеки своего отца: произведения французской литературы XVII—XVIII веков, Плутарха и Гомера в переводе на французский. Он до такой степени любил Мольера, что сочинял в подражание ему пьесы на французском языке, которые сам и разыгрывал перед сестрой или друзьями своего возраста.

Александр Сергеевич очень рано начал читать Шатобриана, Кондорсе и особенно Вольтера, перед которым он преклонялся всю жизнь. В Царскосельском лицее он с удовольствием возвращался к изучению своих любимых авторов: «Сегодня утром, — писал он в дневнике, — я перечел жизнь Вольтера» (XII, 298). Он высоко ценил эпиграммы и философские сказки великого французского мыслителя.

Этими интеллектуальными пристрастиями объясняются и политические взгляды Пушкина: он и его друзья считали, что в своем развитии Россия должна руководствоваться примером Западной Европы, при этом не подражая или, что еще хуже, не копируя ее слепо. Именно эти идеи стоили ему запрета на путешествие во Францию.

Но, несмотря на это, история любви между самым великим русским поэтом и Францией по-прежнему питает наши умы.

И.Д. Спасский, генеральный конструктор
и начальник ФГУП «ЦКБ морской техники
“Рубин”», академик

МОИ ВСТРЕЧИ С ПУШКИНЫМ

Моя первая встреча с Пушкиным (конечно, кроме сказок) произошла в далекой юности, когда я учился в восьмом классе. Это было в сороковые годы минувшего столетия.

Состоялась она благодаря преподавателю русского языка, а вернее — литературы, который один из немногих запомнился мне как неординарная личность.

Он был уже в хорошем возрасте (призыву не подлежал), безумно любил русский язык, и это было не показное, а органичное свойство его натуры.

У него была необычного конструктивного исполнения носоглотка, позволявшая произносить слова и их сочетания с каким-то особенным звучанием и некоторым грассированием. Когда он читал стихи или даже хороший прозаический текст, то пребывал в каком-то упоении от процесса чтения. У меня при этом почему-то всегда появлялось интересное ощущение и возникал образ здорового мужика, который после приема хорошей стопки водки смачно и сочно откусывает и жует целый соленый огурец.

Кстати, по цвету носа преподавателя можно было судить о том, что и в этом вопросе он был также хорошим мастером. Мои ассоциации не были беспочвенны.

Но факт есть факт: Пушкина он читал особенно виртуозно и с таким вдохновением, что мне на всю жизнь запомнились гармония и лаконизм произведений великого поэта, но, признаюсь честно, тогда я не очень задумывался о глубине их содержания.

Первый год нового тысячелетия был для меня очень тяжелым: я активно поддержал решение президента нашей страны о подъеме атомной подводной лодки «Курск» и взял на себя определенные обязательства относительно технической возможности осуществления этой операции в течение 2001 года. Мои действия опирались на широкий комплекс научно-технических исследований, проведенных многими предприятиями промышленности и военно-морского флота, однако масштабность и принципиальная новизна технологий подъема, предложенных нидерландскими фирмами «Маммут» и «Смит Интернешнл», давали широкое поле для размышлений, которые не всегда приводили к положительным эмоциям.

Пресса с привлечением так называемых «экспертов» резала по живому и порой обгрызала трагическую тему с такой вульгаризацией, что это сразу приводило к мысли о явно недостаточном уровне общей культуры тех людей, которых «допустили» к гласности.

Когда настал день отбытия на Баренцево море на конечный этап операции подъема АПЛ «Курск», я подумал о том, что для локализации и снятия морально-психологических воздействий, которые непременно возникнут в командировке, надо бы что-то с собой взять.

Конечно, то первое, что приходит на ум едва ли не каждому россиянину в связи с этой проблемой, было немедленно включено в состав моего багажа и потом сыграло свою положительную роль в самый критический момент подъема, когда погибшая лодка была оторвана от грунта и прошла первые метры вверх, а стрессовое состояние руководителей подъема — как россиян, так и голландцев — достигло высшей точки. На судне «Майя», с которого осуществлялось общее руководство подъемом, был строгий сухой закон. Но когда мы уже вернулись на берег и сообщая признались капитану судна в нарушении запрета, то этот на удивление строгий шотландец не только нас простил, но и очень положительно оценил примененный способ снятия стресса.

Но все же при сборах в командировку меня не оставлял в покое вопрос о не столь примитивной и более длительной поддержке моего духовного состояния, поскольку нам предстояла примерно двухнедельная, по существу круглосуточная работа в беспокойном море на сравнительно небольшом судне. Постоянное наблюдение за очень сложной работой водолазов (современная подводная техника позволяет осуществлять это в масштабе реального времени), необходимость коллегиального принятия решений по ходу операции и многие непредвиденные обстоятельства, которые могли возникнуть при таких необычных работах, предопределяли большую нагрузку на нервную систему.

Так у меня блеснула идея — надо взять с собой Пушкина. Незадолго до операции подъема у меня был юбилей, и среди прочего мне подарили однотомник стихотворений и поэм Пушкина (издание 2001 года), где они напечатаны по мере их написания, начиная с 1814 года.

Этот принцип мне очень понравился и в целом, и в частности, поскольку хронологический порядок позволяет проследить во времени творческий и идейный рост поэта. (Видимо, это и раньше так делалось, но я как-то не обращал внимания).

В итоге я обрел прекрасное занятие. На корабле, когда наблюдение за пультами и экранами утомляло меня и обстановка позволяла его прервать, я уходил к себе в каюту, запирался и не спеша читал вслух Пушкина, иногда поглядывая в иллюминатор на всегда беспокойное море.

В этой обстановке как-то по-иному воспринималось прочитанное:

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны (II, 290).

Удивительно, но я не сразу заметил, что читаю стоя и диктуется это чем-то необъяснимым.

Эта процедура доставляла мне огромное удовольствие, успокаивала и заставляла задумываться над каждой строчкой.

К концу операции подъема я дошел до 1824 года и с большим сожалением упаковал книгу, подумав: «Какая глубина мысли и гармонии были сосредоточены в этом человеке еще в очень молодом возрасте». Закрывая чемодан, я не был оригинален, и в истории еще раз мысленно прозвучало: «Ай да Пушкин!».

С каким блеском и многогранностью представлен в его произведениях наш русский язык, равного которому нет в мире и который был и будет одним из главных духовных богатств нашего народа! Поэтому его необходимо всемерно беречь и очень нежно с ним обращаться.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МУЗЕЯ

С.М.Некрасов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С.ПУШКИНА НА 2001—2011 ГОДЫ

Всероссийский музей А.С. Пушкина (ВМП), успешно и в срок завершивший основной комплекс мероприятий, намеченных к 200-летию со дня рождения поэта, нуждается в реализации важнейших программ развития на ближайшие годы. Исходя из этого, руководство музея инициировало разработку перспективного плана и создание программы сохранения, реконструкции и развития музейных объектов ВМП.

Основные ее положения были рассмотрены и одобрены на заседании Ученого совета ВМП, состоявшемся 9 июня 2000 года.

ВМП в настоящее время включает в себя пять музеев.

Три из них занимают исключительное место в системе пушкинских музеев России и дают полное представление о жизни и творчестве великого поэта. Это два музея, расположенные в г. Пушкине: Музей-Лицей, посвященный учебе Пушкина в Царско-сельском лицее, и Музей-дача, экспозиция которого в мемориальном здании (бывшем доме А.К. Китаевой) рассказывает о пребывании Пушкина в Царском Селе в 1831 году. В мемориальном особняке Волконских на Мойке, 12 в Санкт-Петербурге находится самый значительный из филиалов — Музей-квартира А.С.Пушкина (здесь поэт провел последние месяцы своей жизни). К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина на втором и третьем этажах главного здания на Мойке, 12 была открыта основная литературно-монографическая экспозиция «А.С.Пушкин. Жизнь и творчество». Она объединяет едиными хронологическими рамками разные периоды жизни Пушкина и построена на редких изобразительных, книжных и рукописных материалах пушкинского времени. Литературная экспозиция рассказывает о жизни и творчестве поэта и дает целостное представление не только о биографии Пушкина, но и о пушкинской эпохе, ее богатстве и разнообразии. Здесь можно увидеть личные вещи поэта, его прижизненные портреты, в числе которых знаменитый шедевр В.А.Тропинина, семейные портреты Пушкиных. Впервые в особом зале экспонируется ценнейший экспонат коллекции музея — «Нащокинский домик».

В состав ВМП входит также Музей-квартира Н.А.Некрасова (Литейный пр., 36).

Музейный комплекс «Всероссийский музей А.С. Пушкина» тематически объединил два века становления и развития национальной культуры, вобрал в себя неординарные и разноплановые музейные объекты. В мировой музейной практике существует всего один литературно-мемориальный биографический музейный комплекс, сопоставимый с пушкинским музейным комплексом в Санкт-Петербурге. Это Национальный музей И.В.Гете в Веймаре, включающий в себя около сорока музейных и мемориальных объектов в самом городе и его окрестностях.

Серьезным основанием для разработки программы развития ВМП на период до 2011 года послужила необходимость выполнения музеем его основных функций в условиях новой общественной и экономической ситуации после широкомасштабного празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, а также тех работ, выполнение которых было намечено к юбилею, но осуществлено только частично. В соответствии с решением Юбилейной Пушкинской комиссии от 4 декабря 1994 года был разработан проект реконструкции зданий на набережной р. Мойки, 12 и на набережной р. Фонтанки, 118, а также запланирован ряд ремонтных и реставрационных работ на других объектах музейного комплекса.

Основной целью программы сохранения, реконструкции и развития ВМП является гармоническое развитие всего музейного комплекса в качестве музейного, научного и методического центра и одновременно творческой лаборатории, воспроизводящей особую культурную и духовную среду пушкинского времени, его предтеч и последователей. Эта задача соответствует трактовке современного музея как хранилища социальной памяти, человеческого разума, овеществленного в предметах материальной и духовной культуры, школы знаний, научно-исследовательского института, центра воспитания и места проведения досуга, библиотеки, студии — то есть полифункционального многопланового социального образования.

Дальнейшее развитие музея во многом связано с освоением новых музейных объектов, знакомящих посетителей с историко-культурным контекстом пушкинского творчества, с предшественниками и современниками поэта в русской литературе. Важнейшим из этих объектов является дом Г. Р. Державина на Фонтанке. Этот особняк, в котором Державин прожил около четверти века, — один из самых «литературных» домов Петербурга. В нем бывали почти все великие русские писатели XVIII — начала XIX веков. Здесь в специально выстроенном зале собирались участники знаменитой «Беседы любителей русского слова», с которыми столь резко и остроумно полемизировали создатели общества «Арзамас», членом которого уже на лицейской скамье стал А. С. Пушкин. Время вхождения юного лицеиста в литературу — это эпоха литературных споров «Беседы» и «Арзамаса», а потому создание в державинском особняке литературно-мемориального «Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени» — своеобразного музея русской литературы предпушкинской и пушкинской поры — весьма важно для более глубокого и вдумчивого рассказа о раннем периоде деятельности Пушкина в русской литературе. Сохранившиеся фрагменты отделки зала «Беседы», Соломенной гостиной и кабинета Державина позволяют вернуть этим важнейшим мемориальным помещениям их исторический облик.

Воссоздание городской усадьбы Державина очень важно для Петербурга. Город богат литературными музеями, однако все они посвящены писателям и поэтам XIX и XX веков (от Пушкина до Ахматовой). В то же время целое столетие русской литературы — век восемнадцатый, представленный именами Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина и многих других выдающихся деятелей литературы, которых столь ценил А. С. Пушкин и которые жили и творили в Петербурге с первых десятилетий существования города, — к сожалению, не получило еще должного музейного воплощения. Литературно-мемориальный «Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени» призван решить эту задачу.

Однако значение дома Державина для развития ВМП не ограничивается лишь созданием нового филиала. Как и многие другие крупные музеи Петербурга, ВМП нуждается в создании специального фондохранилища, где с использованием самого современного фондового оборудования можно было бы хранить многочисленные экспонаты, не вхо-

дящие в состав основных музейных экспозиций. Часть из них периодически требует реставрации. Музей располагает большим штатом первоклассных мастеров-реставраторов высшей квалификации, которые работают не только по заказу ВМП, но и оказывают квалифицированную помощь коллегам из других музеев России. Поэтому в одном из флигелей дома Державина предполагается оборудовать фондохранилище и реставрационные мастерские.

С освоением помещений державинского особняка на набережной р. Фонтанки, 118 помимо создания новой экспозиции «Музея Г.Р.Державина и русской словесности его времени» ВМП получит реальные перспективы развития с использованием новых коммуникационных технологий: здесь разместится музейное INTERNET-кафе, виртуальная полностью восстановленная и функционирующая усадьба Державина, современно оборудованный конференц-зал с мультимедийным проектором, видеосалон музейной студии «Арион».

Предусматривается современный «визит-центр» для приема и предоставления информации посетителям, где будут сосредоточены и сувенирные магазины.

Здесь впервые ВМП сможет реализовать все богатство музейных технологий XXI века, используя самые современные средства в целях максимального приближения к посетителю хранящихся здесь шедевров, связанных с Г.Р.Державиным, А.С.Пушкиным и великими деятелями искусства XIX—XX веков.

Городская усадьба Державина и прилегающие к ней сад и парк — одна из немногих сохранившихся усадеб Петербурга в стиле русского классицизма с традиционными чертами русской дворянской усадьбы конца XVIII — начала XIX веков. Возвращение усадьбе ее первоначального облика, реставрация и ремонт всего комплекса составляющих ее зданий, воссоздание историко-культурных ландшафтов на всей ее территории при сохранении традиционных черт усадебной культуры конца XVIII века представляется приоритетным направлением в юбилейной программе ВМП к празднованию 300-летия со дня основания Санкт-Петербурга.

Создание «Музея Г.Р.Державина и русской словесности его времени» наряду с грандиозными проектами реконструкции Эрмитажа и Русского музея станет важным элементом подготовки музеев города к 300-летию Санкт-Петербурга, где наряду с историко-художественной появится и литературная составляющая. Ведь 300 лет Петербурга — это и 300 лет новой русской литературы. Как писал Пушкин в «Набросках статьи о русской литературе», «словесность наша явилась вдруг в восемнадцатом столетии» (XI, 184). И основа этой новой литературы во многом закладывалась в державинском доме. Здесь в течение четверти века был центр литературной жизни России. В этом уникальность старинного петербургского особняка. Поэтому возникает настоятельная потребность в его музеефикации. Реализация проекта — главное направление и важнейшее условие развития ВМП в 2000—2003 годах.

Историко-культурный контекст пушкинского творчества предполагает не только музейное воплощение темы литературных предшественников поэта. Не менее важно решение и другого вопроса, а именно — темы бессмертия Пушкина для будущих поколений, памяти и творческого влияния поэта на развитие русской культуры в течение XIX—XX веков. И потому совершенно необходимо в самое ближайшее время реализовать проект создания новой экспозиции ВМП «Пушкин в памяти поколений». Ее экспозиционной основой станут хранящиеся в музее уникальные коллекции живописи и графики, посвященные Пушкину и героям его произведений. Это работы К.П.Брюллова, В.И.Сурикова, И.Е.Репина, В.А.Серова, М.А.Врубеля, А.Н.Бенуа и др.

Будущая экспозиция включит в себя предметы быта, связанные как с потомками А.С.Пушкина, рассеянными по всей земле, так и с деятелями искусства, в чьем творчестве отразилась пушкинская тема.

Особый ее раздел «Пушкинский Петербург» будет посвящен теме Петербурга, столь неповторимо заявленной в творчестве А.С.Пушкина и развитой во всем разнообразии интерпретаций пушкинского наследия выдающимися деятелями искусства XIX—XX веков.

Наиболее удачным местом размещения данной экспозиции можно считать здание бывшего Конюшенного ведомства, в церкви которого в феврале 1837 года происходило отпевание Пушкина. Существует проект реконструкции здания и всего ансамбля Конюшенной площади.

Кроме предметного комплекса музейных материалов пушкинское наследие будет представлено в этой экспозиции в различных видах аудио- и видеопroduкции, в том числе созданной при участии ВМП и зафиксировавшей важнейшие события истории музея.

«Программа сохранения и развития Всероссийского музея А.С.Пушкина» рассчитана до 2011 года. Это год 200-летия Императорского Царскосельского лицея, юбилей которого будет широко отмечаться в нашей стране. Это обстоятельство не могло не найти отражения в данной программе.

Историческая часть города Пушкина, примыкающая к Екатерининскому и Александровскому дворцам и паркам, сохранилась до нашего времени с незначительными изменениями. Здесь находятся уникальные для своей эпохи образцы гражданской архитектуры середины XVIII века — т. н. «кавалерские дома» на Садовой улице, дом архитекторов Лицея и дом Н.М.Карамзина, Знаменская церковь (самая ранняя из сохранившихся построек Царского Села), Лицей, дом Теплера де Фергюссона на Средней улице, дом Китаевой — Музей-дача А.С.Пушкина.

Все бывшие лицейские дома окружают полукольцом Лицейский сад, в центре которого в канун 100-летия со дня рождения Пушкина был поставлен прекрасный памятник поэту-лицеисту работы Р.Баха — один из первых пушкинских монументов. Они создают неповторимый историко-архитектурный ансамбль, своеобразный пушкинский заповедник, словно предназначенный для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в бесценный мемориал.

Лицейский переулочек после проведенных в 2001 году работ по реставрации Лицейского сада и воссозданию дорожного покрытия и фонарей заметно приближен к историческому облику пушкинской эпохи.

В пушкинские времена к Лицею относились еще несколько зданий, хорошо сохранившиеся до наших дней. Это, прежде всего, дом директоров Лицея, расположенный напротив самого лицейского здания. Фронтон этого дома до сих пор украшен уникальным металлическим декором, основой которого является лицейский герб — сова, сидящая на лире в окружении дубовых и лавровых ветвей. В этом доме жил первый директор Императорского Царскосельского лицея В.Ф.Малиновский, а затем — сменивший его на директорском посту Е.А.Энгельгардт. Можно без преувеличения сказать, что этот дом был неотъемлемой частью Лицея. Именно сюда, в дом первого директора, приезжали летом и осенью 1811 года будущие лицеисты в сопровождении своих родных, здесь проходили первые беседы директора с воспитанниками и только после этого приходил гувернер или инспектор, провожавший лицеиста в его «келью» в верхнем этаже основного лицейского здания.

В дом директора лицеисты частенько наведывались и после классов. Здесь проходили литературно-музыкальные вечера и театральные представления. После оконча-

ния Лицея воспитанники первого выпуска праздновали здесь первую лицейскую годовщину.

В доме директоров Лицея мог бы разместиться музейный лицейско-методический пушкинский центр с небольшим залом для временных выставок и конференц-залом для проведения семинаров и творческих встреч работников пушкинских музеев из разных уголков России, учителей и воспитанников лицеев, возникших в последнее время в нашей стране и за рубежом.

В доме № 12 по Садовой улице жил Н.М. Карамзин со своей семьей. С 1816 по 1822 годы он работал здесь над «Историей государства Российского». Салон Карамзиных и после смерти историографа играл большую роль в культурной жизни Петербурга и Царского Села. Здесь может быть создан музей, посвященный Карамзину, его основному труду «История государства Российского» и литературному салону Карамзиных. А на втором этаже уместно воссоздать кабинет историографа.

Стоящий напротив Лицея небольшой одноэтажный домик (Средняя ул., 2), примыкающий к Лицейскому саду, — одно из самых памятных пушкинских мест Царского Села. В этом доме жил лицейский учитель музыки и пения Теппер де Фергюссон, у которого также постоянно бывали лицеисты. В доме учителя пения, как сообщает В.Г. Гаевский, «<...> происходили литературные беседы, <...> совершались литературные состязания, на которых Пушкин первенствовал».¹

В год окончания Лицея первыми его воспитанниками юный поэт А.А. Дельвиг вместе с хозяином этого дома сочинял здесь знаменитую «Прощальную песнь», ставшую гимном Лицея. Таким образом, этот дом имеет не менее важное мемориальное значение, чем само здание Лицея, и является по сути его неотъемлемой частью, равно как и дом директоров Лицея.

Бывший домик Теппера де Фергюссона весьма перспективен как возможный центр пушкинских уроков, поэтических состязаний и литературных бесед, встреч друзей Музея-Лицея, которые происходили бы в том самом месте, где все дышит памятью о поэте и его друзьях-лицеистах. Тем более, что работа эта уже и сейчас активно проводится сотрудниками Сектора музейной педагогики ВМП, хотя отсутствие надлежащих условий заметно ограничивает их возможности.

Необходимо отметить, что домик Теппера де Фергюссона находится в прекрасном состоянии, а занимающее его государственное учреждение может быть в перспективе перебазировано в другое помещение.

Таким образом, включение этих мемориальных зданий в состав ВМП в канун 200-летия Царскоевельского лицея позволит создать в городе, носящем имя поэта, уникальный мемориально-культурный комплекс, который органично входит в разрабатываемую ныне концепцию развития города Пушкина как международного историко-культурного и туристического центра России.

Важнейшим результатом осуществления программы станет сохранение и развитие особо ценного объекта культурного наследия народов России — музейного комплекса ВМП и значительное расширение его влияния на социокультурный климат нашего города и страны в целом.

Несомненное возрастание роли ВМП в Петербурге в результате осуществления программы обусловлено рядом факторов, главнейшие из которых — расширение музейного «пространства» за счет создания «Музея Г.Р. Державина и русской словесности его времени», музеефикация и включение в культурный оборот огромного пласта культурных ценностей периода становления национальной литературы XVIII—XIX веков. Освоение новых форм деятельности значительно увеличит возможности культурного и ду-

ховного влияния ВМП, тогда как освоение современных средств коммуникации существенно расширит аудиторию музейного комплекса и включит ВМП в единую мировую музейную сеть.

Помимо социокультурного эффекта осуществление программы даст музейному комплексу реальные возможности экономического развития за счет новых форм деятельности. Включение в деятельность ВМП таких составляющих, как туризм, издательская деятельность, производство видео- и CD-продукции, производство и продажа сувениров и т. д., станет доступным только в результате завершения всех программных мероприятий. Реализация системы мероприятий определит формирование эффективного и конкурентоспособного музейного комплекса, позволив сохранить и реализовать его огромный культурный и духовный потенциал. Развитие музейного комплекса обеспечит весомые поступления в государственный и региональный бюджеты, станет немаловажным фактором решения проблемы занятости населения. Комплексное решение проблем развития ВМП создаст прецедент эффективного использования обществом культурных ресурсов в современных условиях. Главный социальный эффект программы будет состоять в создании прочных предпосылок и условий для удовлетворения потребностей населения страны в культурном и духовном обогащении.

Примечания

¹ Гаевский В. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. III//Современник. 1863. Т. 97. № 8. С. 385.

Ю.Г.Епатко

ПОИСК ДЛИННОЮ В СТО ЛЕТ
(К истории портрета П.А. Катенина)

Павел Александрович Катенин (1792—1853), поэт пушкинской поры, драматург, театральный педагог, литературный критик, переводчик, автор воспоминаний о Пушкине, оставил заметный след в истории русской литературы и театра. Начав службу в 1806 году в Министерстве народного просвещения, через четыре года Катенин сменил чиновничий мундир на военный. В составе лейб-гвардии Преображенского полка он принял участие в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах. Храбрый офицер доблестно бился с французами во многих сражениях, в том числе под Бородиным, Кульмом, Лейпцигом, при взятии Парижа. За мужество, проявленное в сражениях с французами, он был награжден орденами Св. Владимира IV степени с бантом, Св. Анны III степени, серебряной и бронзовыми медалями «В память Отечественной войны 1812 года», серебряной медалью «За взятие Парижа».¹

Особенно П.А.Катенин гордился железным Кульмским крестом, который получил за бесподобное мужество, проявленное в этом сражении. Незадолго до смерти, составляя эпитафию на свое надгробие, он начертил: «Павел, сын Александров из рода Катениных. Честно отжил свой век, — служил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился на смерть, но судьба его пощадила».²

Известное фрондерство, независимый характер, острые суждения о «власть имущих», столкновения по службе с великим князем Михаилом Павловичем привели к отставке блестящего гвардейского офицера в сентябре 1820 года. Окончательная расправа с непокорным отставным полковником произошла в ноябре 1822 года. После скандала, учиненного Катениным в театре, когда он призывал зрителей не вызывать на поклон артистку Азаревичеву³ — протеже петербургского генерал-губернатора графа М.А.Милорадовича, император Александр I повелел немедленно выслать его из столицы.

С 1822 по 1832 годы с небольшим перерывом Катенин жил в далекой провинции, в собственном имении Шаево в Костромской губернии, и был оторван от столичной театральной и литературной жизни. В 1832 году он вернулся в Петербург и 8 сентября поступил на службу в Седьмой Эриванский карабинерский полк, который воевал с горцами на Кавказе. 20 ноября 1838 года при невыясненных обстоятельствах Катенин был уволен в отставку в чине генерал-майора. С этого времени до своей кончины в 1853 году он безвыездно жил в Шаево.

До начала 1930-х годов исследователи русской литературы и театра не имели в своем распоряжении ни одного изображения Катенина. Указания на его портрет нет в четырехтомнике Д.А.Ровинского «Подробный словарь русских гравированных портретов»; отсутствует он и в пятитомном издании великого князя Николая Михайловича «Русские

портреты XVIII и XIX столетий»; изображений Катенина не было, судя по каталогам, на портретных выставках 1870, 1902 и 1905 годов.⁴

В 1929 году Литературный музей Пушкинского Дома приобрел от некоего гражданина П.С.Чистякова фотографию с живописного портрета Катенина.⁵ Точнее, это был фрагмент портрета, на котором запечатлены лишь голова и грудь изображенного, плечи срезаны. По фактуре видно, что фотография сделана с живописного полотна, имеющего густую сеть кракелюр и многочисленные утраты красочного слоя. Идентичная фотография хранится в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина. Она была подарена 28 января 1939 года Литературному музею Пушкинского Дома Михаилом Дмитриевичем Беляевым (1884—1955), известным музейным работником и пушкинистом. На обороте фотографии есть надпись, сделанная рукою Беляева: «Снимок с единственного известного портрета, хранившегося в родовом имени Катениных (в Костромской губ.) и сгоревшего при пожаре дома. Первоначальный снимок был получен мною от внука Павла Александровича — Евгения Александровича Катенина. М.Беляев».⁶ Обе фрагментарные фотографии восходят к третьей фотографии, отпечатанной на почтовой открытке и найденной нами в Литературном музее Пушкинского Дома. На ней в интерьере дворянского дома сфотографирован портрет в ампирной раме, поставленный на ломберный столик.⁷ И рама и портрет носят следы утрат от небрежного хранения.⁸ Почтовая открытка поступила в музей 30 апреля 1928 года из наследия замечательного ученого-пушкиниста Б.Л.Модзалевского, скоропостижно скончавшегося 3 апреля 1928 года. Неясно, откуда Модзалевский получил почтовую открытку, как неизвестно, кто, где, когда и для кого снимал портрет Катенина. Ранее мы высказали предположение, что фотография была сделана в 1904 году во время подготовки Таврической выставки 1905 года, накануне которой ее организатор С.П.Дягилев и его помощники объехали многие дворянские усадьбы в поисках портретов известных россиян.⁹

Лишь недавно стало известно, что «виновником» появления почтовой карточки, на которой воспроизведен единственный портрет Катенина, является петербургский коллекционер, чиновник Министерства внутренних дел, действительный статский советник Павел Владимирович Гейцыг (1862 — после 1927). В Российском государственном историческом архиве хранятся его чрезвычайно интересные «Воспоминания коллекционера».¹⁰ Мемуары датированы 26 декабря 1919 года, отредактированы в декабре 1927 года.

П.В.Гейцыг, как он сам пишет, был увлечен собирательством с детских лет. Во время учебы в Аннинской гимназии коллекционировал перья, бабочек; поступив на юридический факультет Петербургского университета, стал собирать книги, ноты и многое другое. Летом 1881 года Павел Владимирович приобрел в книжном магазине М.Попова на Невском проспекте около «Пассажа» фотографии профессоров Петербургского университета и артистов Императорских театров. С этой покупки началось новое увлечение, ставшее главным в жизни Гейцыга: «Я решился собрать коллекцию портретов русских деятелей с петровских времен, понимая под деятелем лицо, которое творит или действует, оставляя след своей деятельности».¹¹

Фотографии, репродукции из книг и журналов, гравюры, литографии, фотокопии и прочие печатные издания коллекционер наклеивал на планшеты из картона, которые хранил в папках по роду деятельности изображенных лиц. К сентябрю 1917 года, когда коллекционирование было прекращено, у Гейцыга скопилось более 16 тыс. портретов, размещенных в 35-ти папках. К папкам был составлен указатель, позволявший быстро найти портрет нужного лица.¹²

Большую помощь оказал коллекционеру Б.Л.Модзалевский, посоветовавший составлять на каждое лицо краткие биографические справки, указывать источник поступления портрета, большие листы с гравированными и литографированными портретами не обрезать, как до этого делал Гейциг, а хранить в больших папках. Пользовался Павел Владимирович консультациями известных ученых В.В.Стасова, В.И.Срезневского, К.А.Военского, С.А.Венгерова, В.Я.Адарюкова, коллекционера П.Я.Дашкова. В 1918 году он передал свое собрание на временное хранение в Архив Академии наук.

Надо отметить, что Гейциг был уволен из Министерства внутренних дел весной 1916 года министром Б.В.Штюрмером сразу после его назначения на эту должность. После октябрьского переворота Гейциг остался без средств к существованию, испытывал, как и многие «бывшие», материальные трудности. Затратив большие деньги на составление коллекции, Гейциг решил продать свое ценное иконографическое собрание государству, но все музеи, архивы, библиотеки, несмотря на благоприятные отзывы В.Я.Адарюкова и П.П.Вейнера, отказывались от приобретения коллекции. Нынешнее местонахождение ее неизвестно. В Архиве Академии наук, где временно хранилась коллекция, ее сейчас нет, как нет и следов пребывания там.

Гейциг собирал не только опубликованные портреты, но и обращался с письмами к своим современникам: писателям, поэтам, ученым, художникам, к потомкам знаменитых россиян — с просьбой прислать недостающий портрет. В год он посылал более тысячи писем, и почти не было случаев, когда на его запрос не поступал ответ. Поэтому в коллекции было много редких, а подчас и уникальных, сохранившихся в одном экземпляре портретов. На поиск некоторых изображений иногда уходили годы. Об одном длительном поиске коллекционер рассказал на страницах воспоминаний:

«Самым трудным из всех был розыск портрета современника А.С.Пушкина П.А. Катенина. Как известно, его портрета никогда не было напечатано. В Главном управлении по делам печати служил тайный советник А.А.Катенин, уже старик, оказавшийся ему родственником. Я обратился к нему лично и из его слов узнал, что в детстве родители его должны были спешно покинуть родовое имение Шаево, так быстро, что многого из имущества не успели захватить. Смутно припомнил он, что в числе оставшихся предметов находился и портрет его двоюродного дяди, П.А.Катенина.

Затем другим письмом он известил меня, что у его дальних родственников была миниатюра П.А.Катенина и он неоднократно просил одолжить ее для снятия фотографии, но каждый раз получал отказ под разными предлогами. Существует ли этот портрет в настоящее время, ему неизвестно.

Тогда я обратился к Кологривскому уездному предводителю дворянства узнать, кому ныне принадлежит Шаево, для непосредственного обращения к владельцу, и получил ответ, что усадьба Шаево существует и доньше, но перешла уже в третьи руки после последнего владельца из рода Катениных, Михаила Ивановича. Портрета П.А. Катенина в Шаеве нет, но по некоторым сведениям он находится у одного из доверенных бывшего владельца имения Курово — кологривского землевладельца Сокольниково, который продал его местному же владельцу Чистякову, во владении которого портрет находится и по настоящее время. «Как я еще слышал, портрет значительно пострадал от небрежного хранения, но в живописи все-таки заметна искусная рука».

Со своей стороны В.П.Чистяков сперва ответил мне, что «этот портрет сейчас находится далеко от места постоянного моего жительства. Портрет очень неважной работы и сохранности плохой (но лицо сохранено). Портрет этот — единственный, и я помню его с детства, когда он был в лучшем виде. Когда через несколько лет я вспомнил о нем и стал искать его, то года через два поисков он оказался в одной деревне вырванным из

подрамника (портрет был в старой раме), наверху на полено дров и брошенным в сарай”.

Затем через несколько месяцев он “пока” послал мне две открытки с портрета П.А.Катенина. “Лучшей фотографии я еще не имею”. Но других он более мне <не> выслал. Таким образом, если портрет <не> на месте или уничтожен, все же имеются копии с такой интересной реликвии”.¹³

Проанализируем рассказ Гейцыга. В поиске портрета П.А.Катенина коллекционер обратился к Александру Александровичу Катенину, внучатому племяннику поэта, который, кстати, был его крестным отцом. А.А.Катенин родился 19 декабря 1849 года и умер 16 февраля 1917 года. Образование получил в Александровском лицее. Был председателем Комитета главного управления по делам печати, затем начальником Департамента здравоохранения, закончил службу в чине действительного тайного советника. Когда коллекционер к нему обратился, он был еще в чине тайного советника.

И еще одна важная информация. У родственников П.А.Катенина был миниатюрный портрет. Где он сейчас? Может быть, когда-нибудь исследователи найдут его...

Неутомимый Гейцыг продолжил поиск портрета П.А.Катенина. Из переписки с уездным предводителем дворянства г. Кологрива он узнал, что последним владельцем имения Шаево из рода Катениных был Михаил Иванович Катенин, двоюродный брат поэта. Патриарх костромского краеведения А.А.Григоров писал в исследовании, посвященном костромским дворянским родам: «М.И.Катенин разорился, потерпев какую-то очень серьезную неудачу в своих коммерческих делах. Он занимался заготовкой леса и сплавом его, однако вследствие каких-то причин начисто разорился и от этого скоропостижно скончался. И Шаево стало продаваться, владельцами его становились в разное время разные люди». ¹⁴ Есть сведения, что М.И. Катенин скончался в 1891 году.

Добрался Гейцыг и до последнего владельца портрета некоего В.П.Чистякова, который помнил портрет П.А.Катенина «в лучшем виде»; но в момент переписки с коллекционером портрет был «сохранности плохой», да и не знал новый владелец имения толком, где он находился. Долгое время портрет валялся «наверху на полено» в сарае.

Благодаря настойчивости Гейцыга, В.П.Чистяков после двух лет поисков нашел все-таки изуродованный портрет поэта и пригласил фотографа, который снял портрет, поставив его на ломберный столик и прислонив к стене. В конце XIX — начале XX веков было модным печатать фотографии на лицевой стороне почтовой открытки. Их называли открытками — по надписи на оборотной стороне (например, «postcard»).

Вот что писал Гейцыг об этом увлечении: «Кстати о открытках. Они появились 25 лет назад (написано в 1919 году.— Ю. Е.), сначала очень художественного выполнения, на толстой бумаге; тон красок был нежно матовый. В погоне за дешевизной их стали печатать менее тщательно, на плохой бумаге с тусклым оттенком красок <...>. В провинции издание открыток быстро прижилось и распространилось, <...> печатали редкие портреты местных деятелей, которые издавали фотографии». ¹⁵

В.П.Чистяков прислал Гейцыгу две открытки с портретом П.А.Катенина. Одну из них коллекционер приобшил к своему собранию, а другую подарил Б.Л.Модзалевскому. Как уже было сказано выше, эта открытка хранится в фондах Литературного музея Пушкинского Дома. Тогда же Чистяков сфотографировал центральную часть портрета, которая, по его словам, «лучше всего сохранилась». Этот снимок по каким-то причинам он так и не послал Гейцыгу. Вероятно, именно эту фрагментарную фотографию с живописного портрета П.А.Катенина продал в 1929 году Литературному музею Пушкинского Дома некто П.С.Чистяков, возможно, родственник после-

дного владельца портрета. Такая же фотография от родственника поэта Е.А.Катенина попала в собрание М.Д.Беляева и ныне хранится в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина.

Далее Гейццг сообщает в своих воспоминаниях об одесском коллекционере генерале Л., который видел какой-то третий портрет П.А.Катенина: «<...> о портрете Катенина я получил запрос от одного генерала из Одессы, Л. <...>. Сообщая свой портрет, он написал мне: “Я тоже одержим страстью собирания и коллекционерства и посему понимаю Вас и при этом случае прошу Вас ответить мне, нет ли у Вас в собрании портрета П.А.Катенина, друга Пушкина; если у Вас нет, то не известно ли Вам, где находится такой портрет и вообще известен ли оный. Это меня крайне интересует и будет интересовать многих <...>. Я, как уроженец г. Кологрива, в уезде которого находится усадьба Катенина, Шаево, где он опальный жил (sic! — Ю. Е.).”

Случайно я видел у одного любителя портрет П.А.Катенина, но так как портрет этот не имел никаких художественных достоинств — исполнен варварски, то я не обратил на него внимания”».¹⁶ Что это была за копия, неизвестно.

На почтовой открытке мы имеем фотографическое воспроизведение утраченного живописного портрета П.А.Катенина. Оригинал портрета, очевидно, пропал. В том, что на открытке запечатлено подлинное изображение Павла Александровича, сомнений быть не может. Помимо того, что портрет происходит из его родовой усадьбы Шаево, на нем воспроизведены все награды, какие имел П.А.Катенин. Он изображен в горделивой позе, в вицмундире с накинутой по моде николаевского времени на плечи шинелью, руки скрещены на груди, хорошо видна кисть правой руки. На груди в орденской колодке можно рассмотреть следующие награды: орден Св. Владимира IV степени с бантом, две медали за Отечественную войну 1812 года, ниже — Кульмский крест. Отсутствует медаль «За взятие Парижа», но ею стали награждать по дипломатическим соображениям только с 1826 года, и пожалование медали растянулось до конца 1832 года, отдельные награждения производились и позже. П.А.Катенин, бывший в отставке и живший в глуши, мог ее получить одним из последних. Отсутствие ордена Св. Анны III степени, который с 1815 года стал четвертой степенью, объясняется тем, что эта награда (Аннинский крестик) крепилась на холодное оружие и не могла быть видна на пояском портрете.

Густые, закрученные вверх усы помогают датировать портрет. До 1832 года носить усы разрешалось только офицерам гусар, улан, казаков и конной артиллерии. Во время службы в Преображенском полку Катенин носить усы не имел права. С июня 1832 года носить усы было разрешено и офицерам пехоты. С 8 августа 1833 года Катенин снова находился на военной службе. Его возвращение в армию совпало с Высочайшим разрешением носить усы всем офицерам, чем Павел Александрович и воспользовался. Полгода он служил в учебном образцовом полку, который квартировал в Царском Селе, а в марте 1834 года отправился на Кавказ к месту службы. Портрет, по нашему мнению, следует датировать промежутком от августа 1833 до марта 1834 годов, т. е. временем пребывания Катенина в Царском Селе.

В нашей статье 1994 года мы предположили, что возможным автором портрета П.А.Катенина мог быть петербургский художник Филипп Осипович Будкин (1806 или 1807 — 1850), выполнивший в 1834 году портрет М.Ю.Лермонтова в вицмундире лейб-гвардии Гусарского полка.¹⁷ Оба портрета роднит схожесть композиции, посадка модели, высветление лица и ряд других деталей. Более подробно говорить о том, что портреты Лермонтова и Катенина писал один и тот же художник, мы не можем, так как приходится сравнивать живописный оригинал и некачественную старую фотографию с утраченно-

го портрета. Однако интересно отметить, что Будкин писал Лермонтова в 1834 году с натуры в Царском Селе, где в это же время служил П.А.Катенин.

Итак, поиск портрета известного литератора и воина П.А.Катенина, начатый петербургским коллекционером П.В.Гейццом в начале XX века, можно считать оконченным.

Примечания

¹ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на лето 1838 года. Ч. II. СПб., 1838. С. 229.

² Сапрыгина Е.В. Костромская вотчина Катениных. Кострома, 1992. С. 33.

³ Надежда Аполлоновна Азаревичева (1806—1873) — внебрачная дочь директора театров А.А.Майкова, одна из любимых учениц Ш.-Л.Дидло. В 1828 г. ушла в отставку и вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии Уланского полка О.О.Новицкого.

⁴ См.: Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1—4. СПб., 1886—1889; Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1—5. СПб., 1905—1909; Петров П.Н. Каталог выставки русских портретов известных лиц XVI—XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников. СПб., 1870; Врангель Н.Н. Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет (1700—1850). СПб., 1902; Каталог историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце/Сост. Н.Н.Врангель. Вып. 1—8. СПб., 1905.

⁵ См.: Катенин П.А. Фотография. 13,2 x 9,6 (в свету)//Литературный музей ИРЛИ. Инв. № 8602.

⁶ Катенин П.А. Фотография//Всероссийский музей А.С.Пушкина. Ф-1467. Поступила в 1953 году из ИРЛИ. В надписи на обороте фотографии Беляев ошибся. У П.А.Катенина не было детей. Е.А.Катенин был его двоюродным внучатым племянником.

⁷ См.: Портрет П.А. Катенина в интерьере. Фотооткрытка//Литературный музей ИРЛИ. Инв. № 22288.

⁸ Об этой находке см.: Епатко Ю. Загадки портрета Катенина//Арс Петербург. 1994. № 1. С. 56—62.

⁹ См.: Там же. С. 62.

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. № 1216 («Воспоминания коллекционера Павла Владимировича Гейцца, 1919-1927»). «Гейцц Павел Владимирович, чиновник особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел. В службе с декабря 1885 г. Действительный статский советник с 1 января 1908. Содержание 3000 рублей. Награды и пожалования. Орден Св. Станислава 2 степени (1896), Св. Анны 2 ст. (1899). Подарок с вензелевым изображением имени его императорского величества (1905), подарок (1911). Орден Св. Владимира 3 ст. (1913), Св. Станислава 1 ст. (1915). Имеет медали: В память царствования императора Александра III, коронационная (1896), В память 200-летия Полтавской победы и В память 300-летия царствования Дома Романовых» (Список гражданским чином 4-ого класса. Ч. 1. Пг., 1915. С. 1279).

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² О коллекции П.В.Гейцца см.: Ист. вестник. 1916. Июнь. С. 837—839.

¹³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. № 1216. Л. 91.

¹⁴ Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 107.

¹⁵ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. № 1216. Л. 22. Первые в мире почтовые открытые письма (посткарты) появились в 1869 году в Австрии. На одной стороне писали письмо, на другой — адрес. В России открытые письма (открытки) с 1 января 1872 года монополично производило почтовое ведомство. Циркулярным письмом от 19 октября 1894 года почтовые открытки было разрешено издавать частным лицам. Первые художественные и фотографические открытки появились в 1895 году. На лицевой стороне воспроизводилась репродукция картины или фотография. Новый вид почтовых отправлений быстро вошел в моду. Ежегодно выпускали несколько миллионов штук открыток.

¹⁶ Там же. Л. 91.

¹⁷ См.: Епатко Ю. Загадки портрета Катенина. С. 62.

Е.В.Пролет

«...ST.-PRIEST, ТВОИ КАРАНДАШИ...»
(Альбом с карикатурами графа Э.-К. Сен-При
из собрания парижского антиквара)

Пушкинистам хорошо известны строки 1829 года, в которых звучит это имя: роман в стихах «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа XXVI (VI, 176—177) и эпиграмма «Счастливы ты в прелестных дурах...» (III, 171).

Сами карикатуры, знакомые А.С.Пушкину и его друзьям, в настоящее время практически никто не видел. У нас появилась возможность узнать, что это такое, благодаря владельцу альбома Морису Барюшу, директору русского отдела фирмы «Попов и Ко».

Этот антикварный магазин, существующий в Париже с 1920 года, был основан Александром Александровичем Поповым. Кадровый офицер, участник Первой мировой войны, прикомандированный к французской армии, Попов не вернулся в Россию в годы гражданской войны. Член кружка казаков-литераторов, автор нескольких книг, в том числе поэмы «Григорий Орлов», он был блестящим знатоком русского фарфора, экспонировал свою коллекцию на различных выставках, а в 1937 году участвовал в пушкинской выставке Сергея Лифаря.

В юбилейном выпуске журнала «Пушкин и его эпоха» М.Л.Гофман дал обстоятельный обзор юбилейной выставки в Париже и особо отметил небольшую витрину, в которой — наряду с миниатюрами и акварельным портретом И.Г.Полетики работы П.Ф.Соколова — экспонировался альбом карикатур графа Э.-К.Сен-При: «Альбом интересен и тем, что в нем помещены рисунки современника Пушкина, и притом современника, о котором Пушкин не раз говорит в своих произведениях <...>, и тем, что в нем помещены карикатуры на современное Пушкину светское общество и на близких знакомцев Пушкина (здесь и посаженный отец Пушкина на свадьбе И.А.Нарышкин, и Загряжская, и автор русского национального гимна Львов, и проч. и проч.); особенно интересен маленький портрет — на отдельном листе — князя П.А.Вяземского; но все же главное его значение и интерес заключается в том, что он дает реальный комментарий к “Евгению Онегину” и позволяет утверждать, что этот альбом был хорошо известен Пушкину». ¹ В издании эта часть обзора была проиллюстрирована лишь одной черно-белой репродукцией страницы альбома со сценой бала. Закljučая статью, Гофман писал: «<...> материал, представленный на выставке, оказался таким богатым, значительным и в такой большой части неизданным и неизученным, что было бы бесконечно жаль, если бы он не дождался своего исследователя или своих исследователей». ² Обстоятельства сложились так, что альбом на долгие годы выпал из поля зрения пушкинистов. И лишь недавно благодаря любезности нынешнего владельца реликвии нам удалось познакомиться сначала с фотографиями, а затем и с самим альбомом (в дальнейшем все ссылки на этот альбом даются в скобках в тексте статьи с указанием листа).

Он среднего размера (19,5 x 26), переплет сафьяновый, с тиснением, без накладок; бумага разных цветов, с золотым обрезом, с водяным знаком «WHATMAN 1805»; есть чистые листы. В конце — более поздняя помета: «Въ альбоме этомъ сто двадцать во-семь (128) нумерованныхъ листовъ». На первой странице справа внизу сохранилась запись: «писалъ Графъ Сентъ При 1825 г».

Более пристальное знакомство с альбомом приводит к выводу, что он заполнялся разными лицами в несколько приемов. В начале альбома на листы цветной бумаги тщательно наклеивались карикатуры-акварели, часть которых — с авторской монограммой «S. P.». Есть и работы других авторов: в их числе — «в. к. Николай Павлович» (Л. 163) и некто «Нащокин» (Л. 128). Известно, что Николай I имел «особенную склонность к карикатуре» (в Литературном музее Пушкинского Дома сохранился его автопортрет-шарж 1843 года).³ Часть карикатур — это достаточно слабые карандашные зарисовки с натуры.

Однако есть в альбоме и несколько графических работ высокого уровня, причем без намека на шарж. В их числе — отмеченные Гофманом портреты князя П.А.Вяземского и сенатора, дяди Н.Н.Гончаровой, посаженного отца со стороны невесты на свадьбе Пушкина Ивана Александровича Нарышкина (1761—1841). Последний изображен погрудно, 1/2 вправо (Л. 34). Левее — еще один мужской профиль в круге. Подписи нет, но характерная линия носа выдает Петра Ивановича Шаликова. Это тот редкий случай, когда Шаликов, «газетчик наш печальный» (III, 484), нарисован без тени иронии.

Еще один профильный портрет в круге — это легко узнаваемый князь Вяземский (Л. 126). 4 сентября 1825 года он сообщал жене Вере Федоровне: «Я заказал St.-Priest для тебя карикатуру мою на босу ногу». ⁴ Не будем утверждать, что речь в письме идет именно об этом портрете: перед нами вовсе не карикатура. Уместно вспомнить, что Вяземских и большое семейство графа Сен-При связывали уважительные и дружеские отношения, а Эммануиля, младшего из сыновей графа Карла Францевича Сен-При (1782—1863), князь Вяземский называл не только «веселым и затейливым проказником», но и «отличным карикатуристом, которого карандаш воспет Пушкиным в “Онегине”». ⁵ Вероятнее всего, именно в доме Вяземских Пушкин познакомился с этими рисунками.

Впрочем, вернемся к альбому. На его страницах — молодые гвардейские офицеры: красавец граф Николай Александрович Самойлов (Л. 24, 110), Бутурлины (Л. 1), князя Андрей и Лев Голицыны (Л. 109; 1, 31, 48, 110), младший Н.Депрерадович (Л. 21, 26), Андрей Иванович Сабуров, штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, сослуживец графа Сен-При (Л. 11, 15, 21, 28, 110), несколько раз нарисованный с особой язвительностью. Персонажами карикатур становятся и молодые дипломаты: секретарь французского посольства Теодор Лагрене (Л. 20, 28, 36, 110), по отзыву А.О.Смирновой-Россет — «неизбежный ветрогон», ⁶ граф Максимилиан Лерхенфельдт (Л. 45об.) и «блестящий атташе австрийского посольства» граф Феликс Шварценберг (Л. 11, 20, 76, 103, 110). Таков круг общения юного графа Сен-При, корнета лейб-гвардии Гусарского полка, в 1825 году.

В это время среди его знакомых оказывается Александр Иванович Якубович (1792—1845), приехавший в столицу для операции в клинике С.-Петербургской медико-хирургической академии после тяжелого ранения в голову. «Свирепое» выражение смуглого лица, черная повязка на лбу, огромные глаза, сросшиеся брови, высокий рост — все это обращало на себя внимание петербуржцев. «Кроме военного мундира, его нельзя было вообразить в другом костюме», ⁷ — вспоминал Петр Андреевич Каратыгин, как и граф

Сен-При, увлеченный мрачной и поэтической внешностью одного из самых ярких представителей романтической эпохи.

В альбоме находятся два шаржированных портрета Якубовича (Л. 20, 31). Наиболее выразителен первый из рисунков: Якубович изображен в полный рост, с пистолетами в обеих руках, в драгунском мундире. Его характерная особенность — пламенное красноречие — нашла отражение в другой зарисовке: рядом с миниатюрным погрудным изображением есть надпись: «Моя совесть!». Ранее эти портреты декабриста не репродуцировались, в научный оборот вводятся впервые.

Наибольший интерес представляет многофигурная композиция, частично снабженная подписями (Л. 11). Она замечательна своей остротой и выразительностью. Эта акварель со сценой бала — зримый образ XXIV строфы восьмой главы пушкинского романа в стихах:

Тут был однако цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые
В чепцах и в розах, с виду злые <...> (VI, 176).

Образы, запечатленные графом Сен-При в 1825 году, полностью совпали с пушкинским текстом 1829 года: «несколько девиц», старик «в душистых седирах», «посланник», золотая молодежь. На этой акварели художник изобразил и самого себя — он стоит справа, в гусарском мундире, спиной к зрителю. Его облик останется для нас загадкой.

Загадкой останется и его ранняя смерть, о которой много говорили современники. «Твой приятель St.-Priest застрелился; говорят, в Италии, в Риме, в церкви в самое светлое воскресение» (XIV, 12), — сообщал князь Вяземский жене в двадцатых числах апреля 1828 года (письмо было написано совместно с Пушкиным). Пушкину, несомненно, стали известны различные слухи о причинах самоубийства графа Сен-При, подробности он мог узнать и от Н.М.Смирнова⁸ после его возвращения из Италии.

Даты короткой жизни графа Э.-К.Сен-При можно найти в различных справочниках: 1806—1828. Точная дата смерти графа — 6 апреля — была уточнена мною по письму его отца к министру юстиции графу В.Н.Панину.⁹ Точка в биографии поставлена.

Но поиск работ графа Сен-При может быть продолжен, а зарисовки из альбома, принадлежащего парижскому антиквару, заново введенные в поле зрения пушкинистов, надеюсь, помогут исследователям и при атрибуции портретов современников Пушкина, и при издании романа «Евгений Онегин», и при изучении второго альбома с карикатурами графа Сен-При, ныне хранящегося в Пушкинском Доме.¹⁰

Примечания

Автор приносит искреннюю благодарность Морису Барюшу и его помощнице Ири-не Сычковой (Париж) за предоставленную информацию.

¹ А.С.Пушкин и его эпоха. Париж, 1937. С. 118.

² Там же. С. 131.

³ Литературный музей ИРЛИ. Инв. № 60686.

⁴ Остафьевский архив. Т. V (1). СПб., 1908. С. 98.

⁵ Русский архив. 1875. № 1. С. 208.

⁶ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания/Изд. подг. С.В.Житомирская. М., 1989. С. 196.

⁷ Каратыгин П.А. Записки/Новое изд. под ред. Б.В.Казанского, при участии Ю.А.Нелидова, Ю.Г.Оксмана и Н.С.Цемша. Т. 1. Л., 1929. С. 230.

⁸ Смирнов Николай Михайлович (1808—1870) — чиновник Министерства иностранных дел; в 1825—1828 годах служил при русской миссии во Флоренции.

⁹ См.: РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 873. Л. 9.

¹⁰ См.: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1732.

А.Н.Марков

К ИСТОРИИ ПОРТРЕТОВ Н.Н.ЛАНСКОЙ

В собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина (ВМП) хранится портрет Натальи Николаевны Ланской, написанный в 1849 году художником И.К.Макаровым (1822—1897).¹ В 1930 году пушкинист М.Д.Беляев писал о нем следующее: «Заметим, что портрет дошел до нас с поддельной, сделанной поверх лака подписью и датой “Pinx. Neff. 1856”». Объясняется это тем, что портрет не был подписан Макаровым и, будучи похищен у прежних его владельцев и продан похитителем одному из антикваров, был подписан последним для поднятия цены именем Неффа, с работами которого, действительно, он имеет некоторое сходство. За безусловную принадлежность хранящегося в Пушкинском Доме портрета кисти Макарова говорят как архивные данные, так и воспроизведения его в “Художественных сокровищах России” (1907 г., № 6) и в “Новом времени” (1907 г., № 11409), относящиеся еще к тому времени, когда он находился у первоначальных своих владельцев Араповых».²

Александра Петровна Арапова (1845—1919), унаследовавшая портрет матери от своего отца Петра Петровича Ланского (1799—1877), знала, что портрет принадлежит кисти Макарова. Подписи Т.А.Неффа (1805—1876) в 1907 году на портрете не было. Пушкинский Дом приобрел портрет у новых владельцев Пушкинским Домом в 1919 году, когда на нем уже стояла фальшивая подпись Неффа. В 1953 году портрет Н.Н.Ланской поступил из Пушкинского Дома в ВМП как работа И.К. Макарова 1849 года.

Однако несколько лет назад ВМП выпустил альбом, в котором портрет Н.Н.Ланской приписан кисти Т.А.Неффа и отнесен к 1856 году.³

История создания портрета

В 1849 году лейб-гвардии Конный полк, которым командовал генерал-майор П.П.Ланской, в связи с революционными событиями 1848 года в Австро-Венгрии был выдвинут к границам Российской империи и временно размещался в Риге. Н.Н.Ланская оставалась с детьми от первого и второго браков в Петербурге. Супруги вели оживленную переписку друг с другом.⁴

В письмах к мужу Н.Н.Ланская описывает историю написания портрета так: «Необходимость заставляет меня сказать, в чем состоит мой подарок. Это мой портрет, написанный Макаровым, который предложил мне его сделать без всякой просьбы с моей стороны и ни за что не хотел взять за него деньги: “Я так расположен к Петру Петровичу, что за счастье поставлю ему сделать удовольствие к именинам”. Прими же, это дар от нас обоих» (4 июля 1849 года);⁵

«Сегодня или завтра ты получишь мой портрет. Отчасти я сдержала слово: так как я не смогу сама приехать в Ригу, моя копия тебе меня заменит, и все же я тебе послала очень хорошенькую женщину — все, кто видел портрет, подтверждают сходство, что мне очень льстит и заставляет предполагать, что мои притязания иметь успех у тебя (клянусь тебе, я не стремлюсь ни к какому другому) не покажутся смешными — я любовалась собой; увы, чуточку тщеславия все же проскользнуло, и я тебе в этом смиренно признаюсь. Прости мне отступление по этому поводу, но оно необходимо. Макаров, автор этого сюрприза, с нетерпением ждет сообщения о впечатлении, которое на тебя произведет портрет. Надо мне тебе рассказать, каким любезным образом он предложил свои услуги, чтобы вывести меня из затруднения с дагерротипом и фотографией, которые у меня были, потому что оба они были неудачными. Он пришел однажды утром к нам работать над портретами детей, и мне пришла в голову мысль посоветоваться с ним, нельзя ли как-нибудь подправить фотографию и не поможет ли в этом случае кисть Гау. “Да,— сказал он,— может быть”. Потом, глядя на меня очень пристально, что меня немного удивило, он сказал: “Послушайте, сударыня, я чувствую такую симпатию к вашему мужу, так его люблю, что почту себя счастливым способствовать удовольствию, которое вы хотите ему доставить. Позвольте мне заняться вашим портретом — я схватил характер вашего лица, и вашу голову мне легко будет изобразить на полотне”. Ты прекрасно понимаешь, что я не заставила себя просить, в таком я была отчаянии, не имея ничего после стольких хлопот. Он назначил мне сеанс на следующий день, был трогательно точен и заставил меня позировать три дня подряд. Не утомляя меня, делая большие перерывы для отдыха, он закончил портрет удивительно быстро. Я спросила его о цене, он не захотел мне ее назвать и просил принять портрет в подарок, который он счастлив тебе сделать. Не забудь выразить ему свою благодарность, я непременно ее передам. Мы расстались с ним очень тепло, он обещал время от времени бывать у нас. Положив руку на сердце, он меня всячески уверял в своем уважении и преданности. Теперь он начал писать портреты г-на и г-жи Айвазовских» (8 июля 1849 года).⁶

«Вот я и дошла до вопроса о портрете — я счастлива, что он доставил тебе удовольствие. Александрина сделала те же замечания, что и ты. Она нашла, что нос слишком длинный, и сказала это Макарову, который и внес значительные изменения, и стало гораздо лучше, чем было. Выражение рта, по словам тех, кто видел портрет, не совсем удалось, и все же это один из лучших моих портретов; ты можешь говорить, что художник мне не польстил, но я нахожу, что я изображена такой красивой женщиной, что мне даже совестно согласиться, что портрет похож, и меньше всего я могу сказать, что на портрете я не так красива, как в действительности. По-моему, это чрезвычайно изящная картина, на которую приятно смотреть, за исключением тех некоторых недостатков, которые в ней находят и о которых я судить не могу. Я надеюсь, что ты остался доволен Воейковым, который сделал очень красивую раму. Как только увижу Макарова, я передам ему твою благодарность; без сомнения, ему надо сделать подарок, и я уверена, что подарок от тебя доставит ему удовольствие. Что же касается до офицеров, которые находят, что портрет мне не польстил, то я им не верю: ты можешь находить это, потому что ты ослеплен любовью ко мне,— они же говорят это единственно для того, чтобы доставить тебе удовольствие и польстить тебе в том, что для тебя всего дороже — просто я красавица на портрете. Я и не желаю быть более хорошенькой» (20 <июля> 1849 года).⁷

Давайте внимательно рассмотрим аксессуары туалета Натальи Николаевны, которые художник изобразил на портрете. Беляев писал: «Наталья Николаевна изображена на нем (портрете.— А. М.) погрудно, почти прямолично с легким поворотом влево, у нее

светло-карие глаза, с чуть косым разрезом, темные, немного волнистые волосы расчесаны прямым пробором и закрывают верхнюю часть ушей, тонкий нос, тон кожи бледно-матовый почти без румянца, выражение лица усталое и слегка скорбное. Одета она в открытый бальный туалет из белой легкой материи, с короткими рукавами, с правого плеча спущена красная бархатная мантилья, с широкой собольей опушкой, на шее синяя с желтым узором лента, скрепленная брильянтовой брошью, в ушах голубые эмалевые серьги».⁸

А теперь обратимся к письму Натальи Николаевны к мужу от 18 августа 1849 года, относящемуся к тому же времени, что и процитированные выше послания, в которых затронута тема портрета. Накануне, 17 августа, графиня Строганова, встретив Наталью Николаевну во время прогулки на Островах, пригласила ее поехать вместе на вечер к Лавалям. «Сев в коляску, мы отправились прямо домой — мне надо было заняться туалетом, так как графиня должна была заехать за мной в 9 часов. Я была в белом муслиновом платье с короткими рукавами и кружевным лифом, лента и пояс пунцовые, кружевная наколка с белыми маками и зелеными листьями, как носили этой зимой, и кружевная мантилья. В момент отъезда Александрина дала мне свой именинный подарок — очаровательную лорнетку; она отдала мне ее вчера, потому что моя была далеко не элегантна».⁹

«Кружевная наколка с белыми маками и зелеными листьями» видна и на рассматриваемом портрете: тончайшая темная сеточка, расшитая белыми маками и зелеными листьями, наброшена на спинку кресла и на красную бархатную мантилью, прикрывающую правую руку. Н.Н.Ланская в своих туалетах строго следовала моде; и если она подчеркнула в письме: «<...> как носили этой зимой <...>», — то, следовательно, речь идет о портрете, который писался именно в 1849 году. Туалет Натальи Николаевны подобран и по цветовой гамме: белое платье, красная мантилья и синяя лента; цвета ее туалета повторяются на портрете работы В.Гау для альбома офицеров лейб-гвардии Конного полка — белое платье, красные розы на голове и у лифа и синяя лента — кстати, та же самая, что на портрете работы Макарова. Не могла же она семь лет хранить эту ленточку, а затем надеть ее на шею ради позирования Неффу! Худоба Н.Н.Ланской на портрете работы Макарова 1849 года и на двух портретах работы Гау, датированных тем же 1849 годом, объясняется изнуренностью ее организма после рождения трех дочерей от П.П.Ланского — Александры в 1845-м, Софьи в 1846-м и Елизаветы в 1848 годах. Последние были ее седьмыми родами. Она всегда тяжело переносила их, и в 1851 году ей пришлось провести на заграничных курортах свыше трех месяцев для лечения.

Несколько комментариев к вышеприведенным выдержкам из писем Н.Н.Ланской по поводу написания ее портрета И.К.Макаровым

Звание неклассного художника было присвоено Макарову Советом Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств в 1842 году, а в 1845-м он был принят в Академию художеств в класс профессора исторической живописи А.Т.Маркова. Мы не знаем, когда Макаров познакомился с Ланскими; не исключено, что его мог рекомендовать Сергей Степанович Ланской, бывший в 1830—1834 годах Костромским и Владимирским губернатором. Он приходился родным братом княгине Ольге Степановне Одоевской, урожденной Ланской, и двоюродным братом Петру и Павлу Петровичам Ланским — мужу и деверю Натальи Николаевны. В Мордовском республиканском музее изобразительных искусств (г. Саранск) хранится небольшой (36 x 26 см) живописный портрет «неизвестного

в синем сюртуке» работы И.К. Макарова.¹⁰ По нашему определению, это портрет князя Владимира Федоровича Одоевского (1804—1869), исполненный художником во второй половине 1840-х годов. Идентификация изображенного лица осуществлена по портрету В.Ф. Одоевского работы А.А. Покровского из собрания ВМП.¹¹ В доме Н.Н.Ланской Макаров появился «для работы над портретами детей» — разумеется, имелись в виду дети П.П.Ланского, а не А.С.Пушкина. С какой стати Наталья Николаевна заказывала бы портреты дочерей Пушкина для отсутствующего мужа? Макаровский портрет самой Н.Н.Ланской — экспромт со стороны портретируемой и самого художника; это был сюрприз, подарок ко дню рождения П.П.Ланского. Изящная рама, сделанная Воейковым для портрета, представляет собой шкатулку; портрет (40,5 x 34 см) смонтирован в крышке, которая раскладывается, как настольное зеркало. Это портрет жены военного человека, привыкшего к походной жизни.

Итак, нет никаких оснований не считать художника И.К.Макарова автором портрета Н.Н.Ланской из собрания ВМП. Возникает вопрос, когда Макаров написал портреты Н.Н.Ланской и ее дочерей от первого брака Марии и Натальи Пушкиных.

Семейные портреты по случаю...

Остановимся на трех портретах: Натальи Николаевны Ланской из Государственного музея А.С.Пушкина (ГМП);¹² Марии Александровны Пушкиной¹³ и Натальи Александровны Пушкиной¹⁴ — из собрания ВМП. Все исследователи давно пришли к выводу, что эти портреты написаны И.К.Макаровым одновременно, но утверждение, что в письмах Наталья Николаевна 1849 года речь идет об овальном портрете, изначально было неверным.¹⁵ Все три портрета салонные; овальный портрет Н.Н.Ланской в Ригу не отправлялся. Портреты были написаны по случаю. 1852 год в судьбе дочерей Пушкина был переломным. Двухлетняя Мария закончила Екатерининский институт и 6 декабря 1852 года была назначена фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Полагаем, что указ императора Николая I был подписан по ходатайству Н.Н.Ланской. На портрете старшая дочь Пушкина предстает только что назначенной фрейлиной. В волосы Марии Александровны (своего рода тонкая лесь) вплетены васильки — любимые полевые цветы императрицы. Портрет младшей дочери Пушкина Натальи Александровны также исполнен не случайно. Перед нами не тринадцатилетняя девочка, согласно музейной датировке,¹⁶ а девица на выданье. Н.Н.Ланская писала в это время С.А.Соболевскому: «Дружба, связывавшая Вас с Пушкиным, дает мне право думать, что Вы с участием отнесетесь к известию о свадьбе его дочери». ¹⁷ А в письме к князю П.А.Вяземскому от 6 января 1853 года Наталья Николаевна писала: «Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелой возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась воле Божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх — ее молодость, иначе сказать — ребячество». ¹⁸ Наталье Александровне было в это время шестнадцать с половиной лет. 18 февраля 1853 года она вышла замуж за М.Л.Дубельта. Что касается портрета Н.Н.Ланской из собрания ГМП, полагаем, что он был выполнен в то же время, что и портреты ее дочерей от А.С.Пушкина. Лечение в течение трех летних месяцев 1851 года на курортах Германии и Швейцарии принесло положительные результаты. В одном из писем в Россию Наталья Николаевна писала, что «<...> стала немного поправляться и лицо не мертвое». ¹⁹ На портрете она выглядит не такой изможденной, как на трех портретах 1849 года. Лицо ее слегка пополнело, плечи умело задрапированы газовым шарфом. Характерно, что Макаров сохранил выбран-

ный в 1849 году ракурс и повторил его в овальном портрете. В качестве вывода можно с большой долей вероятности предположить, что все три портрета были написаны художником в конце 1852 — начале 1853 годов.

Президентом Академии художеств в 1852 году стала великая княгиня Мария Николаевна, в свите которой И.К.Макаров, пенсионер Общества поощрения художников, в 1853 году выехал в Италию. Возвратившись в Россию в 1855 году, он получил звание академика. В Доме-музее Л.Н.Толстого в Москве экспонируется еще один портрет Марии Александровны Пушкиной работы И.К.Макарова. Дочь поэта изображена художником в черном платье с белым лифом; на голове — черная кружевная наколка, напоминающая кружевную испанскую мантилью. С правой стороны в волосах приколоты гирлянда из цветков граната. На шее три нитки крупного жемчуга; серьги — крупные продолговатые жемчужины. Если это не траурное одеяние (фрейлины императрицы не были вольны в выборе цвета своей одежды, особенно в дни придворного траура), то, скорее всего, карнавальный костюм. После смерти императора Николая I 19 февраля 1855 года был объявлен шестинедельный придворный траур, но, согласно записи в дневнике А.Ф.Тютчевой, дамские траурные платья были из белого крепа, без украшений.²⁰

14 марта 1855 года вдовствующая императрица Александра Федоровна обратилась к императору Александру II с просьбой о том, чтобы ее фрейлины дежурили и при новой императрице Марии Александровне. Это решение повлияло и на судьбу М.А. Пушкиной. В январе и феврале 1856 года Н.Н.Ланская вместе с дочерью Марией Александровной находились в Москве. Они получили приглашение на костюмированный бал от А.Ф.Закревской, жены московского военного генерал-губернатора. Наталья Николаевна ездила по московским магазинам, чтобы купить костюм для дочери: она остановила свой выбор на красивом цыганском костюме, который очень подошел Маше (об этом Н.Н.Ланская писала мужу из Москвы в Нижний Новгород, где он находился тогда по делам сформированного им ополчения).²¹ Не исключено, что именно в этом костюме испанской цыганки изображена М.А.Пушкина на портрете работы Макарова. В таком случае этот портрет относится к 1856 году.

Кстати, он не очень удачно реставрирован. На фотографии, сделанной с портрета до его реставрации, Мария Александровна изумительно красива (это настоящая Анна Каренина, по толстовскому описанию в одноименном романе). Заметим, что в 1850-е годы Макаров выработал своеобразный стереотип женского портрета: лицо крупным планом вписано в овал с темным фоном, плечи задрапированы газовым шарфом или кружевами, видна тонкая моделировка драгоценностей. Очень близок по манере исполнения к портретам Н.Н.Ланской и дочерей А.С.Пушкина портрет графини Д.В.Олсуфьевой,²² который Макаров написал в Царском Селе в 1856 году, по возвращении из Италии. По нашему мнению, тогда же был написан и портрет М.А.Пушкиной в костюме испанской цыганки.

Мог ли рассматриваемый портрет принадлежать кисти Т.А.Неффа?

Мы отвергаем версию, что портрет Н.Н.Ланской был написан Т.А.Неффом. Причины следующие.

Во-первых, фамилия художника Неффа никогда не упоминалась в письмах Пушкиных и Ланских, и нет никаких свидетельств, подтверждающих факт их знакомства.

Во-вторых, не исключено, что в 1856 году (именно этот год указан на поддельной подписи Неффа на портрете) художника вообще не было в России. На большинстве

достоверных живописных работ Неффа имеются авторские подписи с указанием фамилии, года и места исполнения. Многие годы художник жил и работал в Риме. В Отделе живописи Государственного Русского музея хранится ряд картин Неффа 1850-х годов, снабженных авторскими подписями: «Neff 1855. Roma» — «Женщина с кувшином»; «Roma 1858 Neff» — «Купальщица»; «Roma 1859 Neff» — «Две девушки в гроте»; «Neff Nizza 1859» — «Девушка на фоне гор».²³ Возвратившийся в Россию художник в 1864 году был назначен хранителем Картинной галереи Эрмитажа.

Далее. Несмотря на утверждение хранителей фондов ВМП о том, что подпись на портрете проникла в слой авторской живописи, мы не можем считать это доказательством авторства художника Неффа. Прошло около ста лет, как поддельная подпись Неффа была нанесена на портрет. Ни один искусствовед и ни один художник-реставратор не может сказать, как взаимодействует нанесенная на лак краска со слоями живописи на холсте за указанный срок. Если бы это было возможно, то мы не имели бы столько подделок в музейных и частных собраниях живописи.

В-четвертых, фон портрета Н.Н.Ланской из собрания ВМП весь в багровых разводах. Мы считаем, что либо это результат неудачной реставрации, либо фон был размыт самим П.П.Ланским. По-видимому, в письме к Наталье Николаевне он посетовал, что, протирая, повредил живопись. Отвечая 2 сентября 1849 года, она писала: «<...> обмывая меня слишком часто, ты сможешь меня смыть».²⁴ Поэтому нельзя делать глубокомысленные выводы о живописной манере разных художников, имея перед собой портрет с испорченным фоном.

И последнее. Маловероятно, чтобы в 1856 году Наталья Николаевна дважды позировала для написания портретов художникам-живописцам. Дело в том, что когда она находилась в Москве, в феврале 1856 года художник К.И.Лаш написал ее портрет, до сих пор, к сожалению, не найденный. Вот что писала Наталья Николаевна мужу 13 января 1856 года из Москвы: «Я, слава Богу, чувствую себя лучше, кашель прошел, и я даже надеюсь вскоре начать мой портрет. Ты взвалил на меня тяжелую обязанность, но, увы, что делать, раз тебе доставляет такое удовольствие видеть мое старое лицо, воспроизведенное на полотне».²⁵ 17 февраля 1856 года она возвратилась к этой теме вновь: «Мои несчастные портретные сеансы занимают теперь все утра, и мне приходится отнимать несколько часов у вечера для своей корреспонденции. Вчера я провела все утро у Лаши, который задержал меня от часа до трех. Он сделал пока только рисунок, который кажется правильным в смысле сходства; завтра начнутся краски. Когда Маша была у него накануне вместе с Лизой, чтобы назначить час для следующего дня, и сказала, что она моя дочь, он, вероятно, вообразил, что ему придется перенести на полотно лицо доброй, толстой старой маминьки, и когда зашла речь о том, в каком мне быть туалете, он посоветовал надеть закрытое платье. “Я думаю,— добавил он,— так будет лучше”. Но, увидев меня, он сделал мне комплимент, говоря, что я слишком молода, чтобы иметь таких взрослых детей, и долго изучал мое бедное лицо, прежде чем решить, какую позу выбрать для меня. Наконец, левый профиль, кажется, удовлетворил его, а также и чистота моего благородного лба, и ты будешь иметь счастье видеть меня изображенной в 3/4».²⁶

Примечания

¹ ВМП. Инв. № КП-14707.

² Цит. по: Беляев М.Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. СПб., 1993. С. 72. Ср. подписи при воспроизведении портрета: «Наталья Николаевна Ланская. Портрет писан масляными красками Макаровым в 1848 г.» (Новое время. 1907. № 11409. 15 дек.; при публи-

кации записок А.П.Араповой «Наталья Николаевна Пушкина-Ланская»); «С портрета, писанного в 1848 году Макаровым, принадлежащего дочери ее А.П.Араповой» (Художественные сокровища России. 1907. № 6. Титул. л.). Датировка портрета в цитированных подписях ошибочная, со слов А.П.Араповой.

³ См.: Преданья русского семейства: Портреты. Реликвии. Документы. СПб., 1999. С. 100 (ил. 158; аннот.: «Слева в слое авторской живописи подпись Neff 1856»).

⁴ См.: ИРЛИ. 25565. СЛ. XXXIV6 (письма Н.Н.Ланской к П.П.Ланскому; 308 л.). Фактически это архив Н.Н.Ланской; архивом Араповой он именуется потому, что эти письма поступили в Пушкинский Дом от А.П.Араповой. Нельзя смешивать письма Н.Н.Ланской из архива Араповой и «Записки» А.П.Араповой, в которых мемуаристка весьма вольно излагает многие факты из этих писем, давая волю своей фантазии.

⁵ Цит. по: Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980. С. 160.

⁶ Цит. по: Там же. С. 161.

⁷ Цит. по: Беляев М.Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. С. 70—71. В издании датировка ошибочная — 20 июня 1849 года.

⁸ Там же. С. 71—72.

⁹ Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. С. 163.

¹⁰ Мордовский респ. музей. Инв. № 431. См.: Иван Кузьмич Макаров: Живопись. Графика/Сост. Т.В.Елисева. Саранск, 1994. С. 87.

¹¹ ВМП. Инв. № КП-25544.

¹² ГМП. Инв. № 5400. Х., м.; овал 61 x 49 см.

¹³ ВМП. Инв. № КП-21771. Х., м.; овал 59, 5 x 47, 6 см.

¹⁴ Инв. № КП-7960. Х., м.; овал 52, 5 x 44, 3 см.

¹⁵ См.: Московская изобразительная Пушкиниана. М., 1975. С. 140.

¹⁶ Преданья русского семейства. С. 111.

¹⁷ Цит. по: Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. С. 178.

¹⁸ Цит. по: Там же.

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 170.

²⁰ См.: Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 91.

²¹ См.: Ободовская И., Дементьева М. После смерти Пушкина. С. 176.

²² См.: Музей В.А.Тропинина и московских художников его времени. Л., 1987. С. 210 (ил. 124).

²³ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века: Каталог. Л., 1980. С. 215.

²⁴ Цит. по: Беляев М.Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. С. 68.

²⁵ Цит. по: Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. С. 176—177.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 177.

Р.Г.Жуйкова

«ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННЫХ РОДИТЕЛЯХ».

Письма М.Д.Ралль

из собрания Всероссийского музея

А.С.Пушкина

Перед нами старинная, большого формата книга в потертом темно-зеленом сафьяновом переплете, с немного сентиментальным заглавием: «Воспоминания о незабвенных родителях». ¹ Листы в книге разного размера — некоторые подогнуты, чтобы уместиться в формат, другие совсем маленькие. Тисненные знаки в уголках страниц с золотым обрезом дорогой почтовой бумаги и бумага попроще; красный и черный сургуч печатей; коричневые чернила...

Перелистываем первые страницы, читая наугад то размашистые и торопливые, то убористые строки: «Милостивый государь и любезный брат Федор Федорович! Не удивляйтесь, что уже Вас сим именем называю. Видев в письме сестры моей, сколь Вы ей понравились, спешу совершить ее благополучие согласием, коего она требует. <...> Ваш искренний и любящий брат Н.Римский-Корсаков»; «Друг мой сердечный, куда как грустно, скучно, мочи нет без тебя, вот уже половина дня прошло, а еще остается пять вдвое длиннее. Христа ради, скорее старайся окончить, приезжай к своей Маше»; «Всякое твое письмо мне более открывает твое сердце. Да, душа моя, жизнь моя, большое, самое большое, первое счастье в свете у меня — любить и быть любимой и найти друга, какого я имею <...>»; «Я вас, батюшка Федор Федорович, поздравляю с любезным вашим сыном <...>. Скажу тебе, милый мой друг, что сейчас Николушку вынесли от меня, и он меня обновил так, что я шлафрок принуждена переменить. Он так мил становится, милее всякий день более. Жду с нетерпением пяти недель, чтобы ему привить воспу. Он тебя целует, и я с ним, дай Бог, чтобы он всем нам был в утешение <...>».

Искренность, теплота чувств, обаяние архаичного слога привлекают и притягивают, от книги уже трудно оторваться. Здесь — запечатленная в 249 письмах семейная хроника. Ее хронологические рамки — 1808—1831 годы; это время А.С.Пушкина, декабристов, эпоха Отечественной войны и заграничных походов 1812—1814 годов; эпидемия холеры в России летом 1831 года...

Почти все письма подписаны Марьей Ралль — Марией Дмитриевной Ралль, урожденной Римской-Корсаковой. Почти все письма адресованы ее мужу Федору Федоровичу Раллю, полковнику артиллерии, затем полковнику в отставке. В письмах упоминается множество лиц: дети Раллей, их родственники в Москве и Петербурге, русские и немецкие по мужу, соседи по имениям, сослуживцы, знакомые.

Чаще всего письма написаны и помечены тремя именами: Балушево Тамбовской губернии, Первитино и Городище — Тверской. Они адресованы в Москву, Петербург, а то и так: «Правителю Канцелярии III Округа графа Петра Александровича Толстого,

Володимеру Сергеевичу Филимонову.— А Вас покорно прошу доставить Бригадному Командиру Федору Федоровичу Раллю. Через Житомир в город Заслав или где находятся вслед за войсками».

Вчитываясь в письма, оказываешься в незнакомом мире, населенном неизвестными людьми; работаешь со справочниками по генеалогии, «Некрополями»; роешься в «Историях полков» и архивных документах. Обращаешься с запросами, переписываешься со специалистами; на помощь приходят люди, которым все это просто интересно.² И постепенно начинаешь ориентироваться, узнавать, «кто есть кто»; постепенно герои писем начинают занимать места в мозаике исторического времени.

М.Д.Ралль принадлежала к старинному дворянскому роду Римских-Корсаковых, родилась 29 мая 1783 года. Рано осиротев, она считала родной семью своего дяди Александра Яковлевича Римского-Корсакова и его жены Марьи Ивановны. Эти имена уже помогают определиться: о М.И.Римской-Корсаковой, ее семье известно достаточно много. В их гостеприимном доме в середине 1820-х годов часто бывал А.С.Пушкин, ценивший его хозяйку как «чрезвычайно милую представительницу Москвы» (XIII, 329); с ее сыном Григорием Александровичем поэт был дружен; Алина, одна из дочерей Марьи Ивановны, ему нравилась, а перипетии поездки Римских-Корсаковых на Кавказ отразились в планах и набросках «Романа на Кавказских водах». Имя М.И.Римской-Корсаковой встречается также у П.А.Вяземского и в «Рассказах бабушки» Д.Д.Благово. Этой семье посвящена книга М.О.Гершензона «Грибоедовская Москва», где, в частности, упоминается и М.Д.Ралль — «любимая племянница» Римских-Корсаковых.³

Другое имя, часто встречающееся в письмах, — «тетушка Александра Петровна Ермолова». Это жена родного дяди знаменитого «кавказского героя» А.П.Ермолова. И его имя также находим мы на страницах писем. Они населены необычайно густо: Лопухины, Протасьевы, Волконские, Бекетовы, Балашовы, Языковы, Нарышкины, Енгальчевы, Давыдовы, Олсуфьевы, Голицыны, Архаровы, Багратионы, «Паскевичевы», Грибоедовы — и множество других исторически громких и безвестных имен... Была М.Д.Ралль знакома и с семьей родителей А.С.Пушкина: она говорит в одном из писем о Надежде Осиповне Пушкиной как о своей «давнишней приятельнице» (февраль 1831).

Муж Марьи Дмитриевны Федор Федорович Ралль принадлежал к семье выходцев из Германии, к служилому немецкому дворянству; его отец приехал в Россию во времена Екатерины II. Ф.Ф.Ралль родился в 1774 году, был старшим из пяти братьев. Его определили в службу в 14 лет, а свой первый офицерский чин подпоручика он получил в 16 — за участие в «действительном сражении» под Фридрихсгамом против шведского гребного флота и «оказанную тут отличную храбрость». Ф.Ф. Ралль служил в гвардейской артиллерии, а в начале 1810 года вышел в отставку.⁴

М.Д.Римская-Корсакова и Ф.Ф.Ралль обвенчались в Москве в январе 1808 года. Этим годом и начинается семейная хроника.

Самые яркие, самые значительные страницы писем связаны, несомненно, с Отечественной войной 1812 года, когда жизнь этих счастливых и любящих людей, как и тысяч их современников, оказалась захваченной и омраченной грозным вмешательством Истории.

Война застала семью Раллей в тамбовском имении Балушево, куда они приехали весной 1812 года. Здесь 6 июня родился их третий ребенок — дочь Анастасия, — а в ночь на 13 июня войска Наполеона перешли Неман и вторглись в пределы России.

В августе Ф.Ф.Ралль уехал в Нижний Новгород для поступления в Третье народное ополчение и оставил в Балушеве жену с тремя маленькими детьми (сыну Николаю было 3, а Сергею — 2 года).

И буквально первое письмо Марьи Дмитриевны мужу датировано 26 августа 1812 года — днем Бородинской битвы. Но до Шацкого уезда Тамбовской губернии пока дошла лишь весть о более раннем событии: «Кутузов назначен главнокомандующим над обеими западными армиями и, приехавши в армию, нашел ее в Гжатске, то есть 161 верст от Москвы, 17 сего месяца, а Вязьма уже была в руках неприятеля — отдана без выстрелу. <...> Гриша (Г.А.Римский-Корсаков.— Р. Ж.) был целый день в сражении под Смоленском и за отличие представлен» (Марья Дмитриевна только что получила письмо от «своих»). «Что-то теперь Бог даст, — продолжает Марья Дмитриевна, — он нам поможет, на него все упование, теперь один главнокомандующий, то меньше будет несогласицы».

2 сентября — очень быстро — в Шацком уезде уже знают о сражении под Москвой: вести мгновенно передаются из имения в имение. Марья Дмитриевна получила от Хрущева² записку Енгальгчева, «коему штафет из Москвы пришел», что «27 прошедшего месяца была победа, 70 000 убитых французов, в том числе маршал д'Аву, и неаполитанский король в полон взят. <...> Хотя я чрезвычайно рада этим новостям, но признаюсь, что худо верю, покуда не подтвердится это газетами, все не буду покойна. Что верного, это то, что в тот день должно было быть кровопролитное сражение: это и в афишах объявлено. Авось Бог помог искоренить злодея». Марья Дмитриевна боится верить всем этим чересчур мажорным известиям, как мы знаем, действительно преувеличенным: и в цифре французских потерь, и в известии о смерти Даву, и в новости о пленении Мюрата, — хотя потери французов и были огромны. Огромны были и потери русских. Но при Бородине была одержана репающая моральная победа русского оружия, это был переломный момент войны, хотя русскому обществу еще предстояло пережить потерю Москвы...

«Здесь слухи страшные и поминутно увеличиваются. Признаюсь тебе, милый друг, что одно твердое упование на власть Всевышнего, которая меня поддерживает и не допускает меня до отчаяния. Я вручила ему душевно участь нашу и детей наших. <...> Здесь бездна приехали, все деревни наполнены, и всякий день приезжают, и мимо бездна едет. <...> Господи, какое положение несчастное! Век веков едакова не было, что с нами будет, Бог единый знает. Я не хочу тебе всего рассказывать, что я слышу здесь, волосы дыбом становятся; да по несчастью здесь такая бездна глупых дворян и трусов, прежде времени все штаны замарали, а уж женщинам бедным что осталось?» — это письмо от 9 сентября. В этот день Марья Дмитриевна как раз получила письмо от мужа, оно ее очень поддержало: «Сию минуту получила твое письмо, неоцененный друг мой, слава тебе Господи, ты здоров. А из Москвы уже более почты нету. Сегодня мне прислал сказать Хрущев, что приехала Молчанова и сказывала, что второго сентября злодеи вошли в Столицу точно и им это не стоило ни единого выстрела...». Положение настолько «крайнее», что Марья Дмитриевна уверена: «Вижу я, что и ты пойдешь, ты так меня успокаиваешь, но береги себя, Христос над тобою, дети ручки целуют».

На следующий день, 10 сентября, после поездки к предводителю дворянства Шацкого уезда князю Козловскому, где Марья Дмитриевна узнавала новости, она снова обратилась к мужу. По письму от 10 сентября мы чувствуем, как тяжело было пережито известие о падении Москвы, уже не оставившее сомнений: «Ну, милый мой друг, голубчик ты мой, до смерти грустно; сию секунду приехала от Козловского, ездила узнать наверное, правда ли, что злодей занял Москву. По большой дороге бездна мне попалась всякого рода людей, кто в субботу, кто позднее выехал, а в понедельник взошел злодей точно: вчерась обедала у Козловских Бекетова, которая

выехала после обеда в понедельник, он был версты три только от Москвы». И дальше: «Как тебе нравится взятие Москвы? Все у них между командующими несогласица, все винят Кутузова». По письму мы восстанавливаем тональность разговоров у Козловских; чувствуется, что еще нет никаких официальных известий, новости идут от «несчастливых выгонных».

Тревога за судьбу детей, жажда действия, необходимость что-то предпринять в самые ближайшие, быть может, дни прорывается в страстном обращении: «Милый, душа моя, ангел мой, научи меня, прикажи, придумай, что мне лучше сделать, куда деваться? Ежели Главная наша Квартира будет в Рязани, то я тогда решусь уехать. Но только ты напиши куда; очень бы мне хотелось быть с тобою, к тебе приехать. Но надолго ли? Ведь ты должен будешь иттить, не думай, чтоб я так была малодушна, чтоб я себя обманывала, что ты не пойдешь. Все знаю и ни мало себя не обманываю. Ежели бы я была одна, то наверно была бы с тобою вместе и в опасностях, потому нынче не то уж время приходит, чтобы нам, бабам, по домам сидеть. Но дети, дети, залог священный, Бог мне их дал, чтобы для них всем в свете жертвовать, я их не оставляю. А с ними за тобой ездить — вещь невозможная. То говори, милый, неоцененный друг мой, что ты лучшего придумаешь для их безопасности, то другой ты, Машка твоя, и будет делать» (письмо от 10 сентября 1812 года).

Вникая в письма, мы узнаем горестные и страшные военные новости: потери близких, отсутствие известий об их судьбе, отчаяние родных: «Итак, милый мой друг, дружба, любовь — всему смерть преграда. Мне кажется, что я с теперешними обстоятельствами совершенно окаменела, ничего не чувствую. <...> А горесть княгини Марьи Адамовны? Сын, князь Дмитрий, жестоко ранен, а другой? — Еще не известно, что с ним. А наш Паша? что? где он? Может быть, еще и не в полону. А Гриша, маменька пишет, что легко ранен. А где твои братья? что они? Бог знает. Я у всех проезжающих спрашиваю, говорят, что об них не слыхали...» (письмо от 23 сентября 1812 года).

Судьба двоюродного брата Марьи Дмитриевны Павла Александровича Римского-Корсакова, пропавшего без вести, стала известна родным только в апреле 1813 года: он погиб в Бородинской битве. О гибели его рассказано в «Сборнике биографий кавалергардов»: «О Римском-Корсакове, огромного роста и необыкновенной силы, сохранилось предание, основанное на рассказах французских офицеров, что, занесенный конем к неприятелю и окруженный им, он на все требования сдачи отвечал ударами палаша, под которым легло несколько человек. Наконец, выстрел из карабина положил его на месте. <...> “Он был необыкновенного роста и сильного сложения, — пишет Н.Н. Муравьев, — к сему присоединял еще благородную душу”».⁷

Из двух братьев Федора Федоровича, раненных под Бородином, один вскоре скончался в Петербурге у матери, куда его привезли. «Капитан конной роты» лейб-гвардии артиллерийского батальона Александр Федорович Ралль «умер 10 сентября от ран, полученных им 26 августа в сражении при Бородине».⁸ Имя его в числе гвардейцев-артиллерийцев, убитых и умерших от ран в 1812—1814 годах, было занесено на мраморную доску Сергиевского собора в Петербурге. Скончался во Владимире от ран и другой родственник — князь Дмитрий Голицын.⁹

Идут чередой в письмах: огромное, общее, историческое и — личное, близкое, свое; вести о поражениях, а затем о победах и — подробности дней, заботы повседневности. «Меня почта не только сокрушает, но даже бесит! <...> Меня больше всего то бесит, что Елена Дмитриевна¹⁰ получает от своего мужа гораздо чаще меня. <...> Только одно, одно прошу, чтобы Бог нас сохранил друг для друга и для детеночек. <...> Я часто у них спрашиваю: что ты делаешь? Николка все говорит: к маме письма пи-

шет!» Очень мила становится Настя: «Хотя затей больших нету, но дает ручки и знает свое имя».

«Твои известия политические есть не только мне отрада, но и отрада всего почти уезда; ты не поверишь, как вторник пришел (день почты. — *Р. Ж.*), отовсюдова присылают справиться, что новенького» (письмо от 27 марта 1813 года).

«Государь уже с войском в герцогстве Варшавском, шведы с нами, а из Англии пишут, что корабли готовят, чтоб весной вместе с русскими иттить угрожать злодеям. Государь, из Вильны выходя, отдал прекрасный приказ войскам, чтоб не грабили, а что он вступает в чужие пределы для достижения прочной тишины, а не для завоевания, и славно говорит, что кто будет грабить, да не будет он русский» (письмо от 27 января 1812 года).

«Городище с обеими деревнями внесли половину оброка — по 6 рублей с души. <...> Я сегодня напишу, чтобы по шести рублей за весь год, как ты, милый друг, думаешь? вить подлинно им трудно было, слава великому творцу, что уцелели» (письмо от 1 декабря 1812 года).

«Истинно, ни единых газет не могу читать без слез. Горжусь быть русской!» (письмо от 2 мая 1813 года). Вспоминается пушкинское: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!» (VIII, 83).

«В Москву Государь пожаловал 5 000 000 и в Смоленск и в Калугу по миллиону на разоренных, и сделана особая кампания: что, будет ли нам от онога пользы?» (письмо от 4 апреля 1813 года). Дом Раллей сторел в Москве со всей обстановкой.

«Ах! Друг мой милый, я душою патриотка и русская, но и нежный друг неоцененного человека, одно отсутствие которого меня сокрушает, но если к этому прибавить и страх знать его в опасности, этого снести мудрено...» (письмо от 12 сентября 1813 года).

«Снова объявлено о рекрутском наборе, а ведь едва два месяца прошло, что последних поставили. Душу не имею выбрать, однако надо будет решиться. Ах, друг мой! Какое бедствие война! Надо жить в деревне, чтобы знать — чего рекруты стоят бедным крестьянам» (письмо от 19 сентября 1813 года).

«Господи, будет ли этому конец? Увижу ли я тебя? возвратишься ли ты?» (письмо от 24 октября 1813 года).

Напряжение военных писем спадает в декабре 1813 года, а письмо Марьи Дмитриевны от 1 января 1814 года адресовано мужу уже в Петербург...

Что же произошло? Почему офицер с огромным чувством долга, командир Четвертого пехотного полка, проделавший с Третьим ополчением многомесячный переход из Нижнего Новгорода в Волынскую губернию, вступивший уже за пределы России, вдруг покинул армию? Для читателя писем поворот этот оказывается неожиданным: ведь все надежды на его возвращение неизменно связывались только с надеждами на окончание войны. Предполагаешь: может быть, весной 1813 года, во время побед в Европе, ожидавшегося союза с Австрией, который сделал бы ненужным «употребление» резервной «третьей силы», Марья Дмитриевна уговорила мужа подать прошение об отставке? Или смерть его матери?..

Так или иначе, но «война», военная эпопея для семейства Раллей закончилась, закончилась без славы и награды, но благополучно. Они снова были все вместе.

Никогда более супруги не разлучались так надолго; письма теперь пишутся лишь от случая к случаю, в недолгие отъезды одного из них. Жизнь в годы и дни «мира» предстает перед читателем своеобразным пунктиром, отрывочно, с временными пропусками. Меняется и тон писем: патетика патриотизма, страстность, яркая взволно-

ванность чувств сменяются ровным теплом, нерасторжимой душевной близостью, взаимопониманием.

«Ну, друг милый, я здесь и все еще здесь, когда бы я должна уже давно быть в дороге и близко тебя, друг души моей. <...> Умираю, домой хочу, надоело здесь до смерти» (письмо от 1 июля 1818 года из Москвы).

«Благодарю тебя за твой любезный отзыв обо мне, друг мой. Дай Бог, чтоб ты точно в душе своей был счастливейший смертный и чтоб ты точно любил Машку, сколько она тебя, ибо ее вся жизнь посвящена тебе и детям, не словами, а делами. Это единый Господь знает; я думаю, что ты сам в том уверен» (письмо от 3 февраля 1824 года).

Идут годы. Рождаются младшие дети, и постепенно у трех старших появляются еще одна сестра¹¹ и три брата. Детей воспитывают, лечат, учат, определяют в пансионы и казенные учебные заведения, нанимают учителей и гувернеров. Мелькают имена «мусье Валентина», «мамзель Кастюс», «немца Дятки», Граммона, Петерсона, швейцарца Де Бриер Лефорта... С последним мы можем познакомиться по его письму Раллям, в котором он представляется будущим хозяевам. (Письмо было переведено с французского совместными усилиями Марьи Дмитриевны и сестры мужа Елизаветы Федоровны:) Прадед Де Бриера — знаменитый адмирал Лефорт, который был «назначен Петром I вице-королем в городе Новгородском и Президентом всех Советов». Но судьба правнука оказалась далеко не столь удачной. «Семейные огорчения, неоднократные потери по купеческим оборотам расстроили мое состояние» и побудили в одночасье отправиться в Россию, чтобы «посвятить себя занятию почтеннейшему». Планы нравственного воспитания детей определяют «виды и рассматрительность» родителей, а обучать Де Бриер Лефорт берется французскому языку и литературе, истории, географии, математике, ботанике, «сфере», натуральной истории, физике... (письмо от 27 мая 1819 года).

Особые заботы родителей вызывает образование мальчиков. Для определения судьбы двух старших сыновей отец едет в Петербург — для «сбора информации», как сказали бы сейчас.

«Получила твое письмо от 22 числа, милый, неоцененный друг мой, вижу все твои сокрушения об детях, все твои недоумения и все хлопоты. Конечно, трудно, очень трудно решать, ибо теперешний шаг твой есть для них навек: ибо лета их уходят, где они должны сделаться людьми. — Одно, что я нашла в твоём письме, неясно, это то, что Магнитской тебе советует, — какой это университет? Ты ни слова не говоришь про военные училища? Разве оно не хорошо? Да еще Лисей? Помнишь, что тебе предлагал Голицын, князь Федор?¹² Заходи к нему в Царское Село и с ним вместе рассмотри заведение лисейское. <...> Ежели бы смела еще другой совет тебе дать, чтоб поместить тут, где бы дети смогли связи сделать. Мне кажется, что в Лисее лучше оно можно. <...> Полторацкой купил у нас сто четвертей ржи по 11 р. 25 коп. ассигнациями, выходит 1035 р., которые он обещал отдать тебе в Петербурге; он поехал вчерась, то ты через него познакомишься с Олениным,¹³ который, может, тебе поможет лучше, ежели решишься поместить в пансион партикулярный. <...> Но все эти пансионы, прав-то они не будут иметь для службы...» (письмо из Первитина в Петербург от 27 января 1822 года). В конце концов и Николай, и Сергей кончили военное училище.

Ралли гостят у родных и принимают их у себя; живут в основном в имениях, но выбираются в Москву и в Петербург; в 1818 году едут за границу, на воды в Баден; через несколько лет Федор Федорович снова едет на воды, на Кавказ, — лечиться и для сопровождения «тетиньки», Марьи Ивановны Римской-Корсаковой... Сообщаются в письмах

подробности о родных и знакомых: свадьбы,¹⁴ крестины, болезни, похороны... радости и горести человеческой жизни...

Много места в «делах и днях» Марьи Дмитриевны, в ее письмах, занимает хозяйство: это ее страсть, ее призвание. Она во все входит, «вершит дела», правда, неизменно советуясь с мужем. Мы следим по письмам, как благоустраивают имения, выплачивают долги, прикупают земли, вносят в «Ланбард» проценты; управляют крестьянами: получают с них оброк, распределяют наряды на барщину, сдают в рекруты, помогают с хлебом в неурожайный год, строят дома для дворовых. Барыня закладывает первый сноп в новую молотилку, и мужики довольны, смеются: «век едакова не видывали»... Временами ловишь себя на ощущении, что в данном случае система отношений «баре — крестьяне» кажется вполне естественной и не лишенной достоинств: все «по справедливости», «как приговорит общество». Марья Дмитриевна добра, да к тому же наделена незаурядной практической смекалкой. Ее любят, всем хорошо. Только вот староста, умный и честный мужик, с мнением которого Марья Дмитриевна неизменно считается, все же только «Грошка»; только вот «сегодня в Первигине стоит вой», и Марье Дмитриевне тяжело, она туда не поедет: часть крестьян «вывозят» в уплату долга... И вдруг Марья Дмитриевна может запросто сообщить, что продала «Семена повара», и беспокоить ее будет только опасение, что «покупщик передумает», а ей деньги нужны... Факты эти рассеивают идиллию, и мы ощущаем будни, привычные, «нормальные» будни крепостного права. Никто не виноват, просто «такова жизнь».

Но там, в письмах, этот порядок, эту жизнь, кажется, принимают пока обе стороны. Вот одно из писем. Как будто раздвигается театральный занавес, и нам дано увидеть жаркий летний день в дворянской усадьбе, день рождения ее хозяйки:

«Первигино, 1 июня 1819.

Благодарю, милый друг, за поздравление и за подарок преприятный, пречудный, что ты мне прислал. А я тебе опишу, как мы оный день провели; тебя с детьми не доставало (два старших мальчика находились в пансионе, в Москве. — *Р. Ж.*), а то бы Машка твоя была бы совершенно счастлива. Поутру были мы все у обедни; обедать приехали Софья Ивановна Горбунова с мужем да Семевские.¹⁵ Как я вхожу от обедни, то Настинька подает мне в своей корзинке, украшенной цветами, письмо прекрасное, в котором меня поздравляет и дает слово быть послушной и умной; и при том своей работы оборочек — очень порядочно вышит для ее лет. А Аннюточка также корзинку, в которой Наташа вышила шимизет своей работы. День был прекрасный; после обеда от жару мы сидели в рощице перед домом. В шестом часу пошли в сад; мне и говорит Семевская, что желает видеть, полотна как белят. Вот Лиза (Елизавета Федоровна. — *Р. Ж.*) и говорит, что мы успеем до чая сходить. Едва половину прошли рощу, за рекою, как вдруг видим прекрасную беседочку из зелени; дети все в цветах, дают мне венки, букеты. Чайный стол, другой стол, где питье разное и где Ванюшка-столяренко в пестрой рубашке — наряжен сбитенщиком. Ты можешь легко догадаться, что этот сюрприз приготовила добрая наша Лиза. Везде гирлянды из цветов с моим вензелем; ты воображаешь, как меня это тронуло. Выполнение всего плана сделано Митюшкой, так умно, так скоро: все в несколько часов после обеда, ибо они боялись прежде начать, чтоб мне не вздумалось туда иттить. Горбуновы были в секрете, они и цветов целый воз привезли <...>».

Письма обрываются 1831 годом, страшным годом в жизни этой семьи. В Петербурге во время эпидемии холеры погибли один за другим — 3 и 5 июля — два старших сына Раллей, молодые, недавно выпущенные в лейб-гвардии Семеновский полк офицеры.¹⁶ (Это была та самая эпидемия, которая застала Пушкина с Натальей Николаевной в Цар-

ском Селе.) А 20 июля, узнав о смерти сыновей, скончалась и их мать: Марья Дмитриевна Ралль была похоронена в Первитине в Казанской церкви.¹⁷

Федор Федорович пережил жену: 1840 годом датировано его последнее, отбившееся от других на десятилетие письмо в томе. Отец сообщал сыну Василию о свадьбе тетки Екатерины Александровны Офросимовой (урожд. Римской-Корсаковой) с композитором Александром Александровичем Алябьевым. В 1841 году умер и Федор Федорович и был похоронен на том же кладбище в Первитине.

Закрывая том писем, невольно испытываешь чувство утраты, чувство расставания с людьми, ставшими во многом близкими. Что из того, что их имена не овеяны славой, что лишь косвенно оказались они причастны людям, известным Истории?.. Да, лица, о которых идет речь в письмах М.Д. Ралль, — «рядовые люди эпохи»: Но, пожалуй, в подобном случае особенно явственно выступает сознание самоценности каждой человеческой личности, каждой судьбы.

Значение этих писем как исторического источника несомненно; и не только ввиду редкости подобных материалов. Они дарят нам яркое чувство времени, «эффект присутствия», с ними мы попадаем в самую гущу невыдуманной, документально представленной жизни.

Одно из открытий, ожидающих нас при чтении этой рукописи, — ее автор. Марья Дмитриевна Ралль покоряет одаренностью души; она является нам женщиной щедрого сердца, способной на верное, сильное чувство, способной «составить счастье жизни» своему избраннику. Ее мужество и здравый смысл в дни военных испытаний вызывают подлинное уважение. Натура вполне земная, активная, она вся в делах и хлопотах на благо своим близким. Марью Дмитриевну не особенно интересуют «новости культуры»: в ее письмах практически нет упоминаний о книгах, театрах. Но она явно наделена талантом эпистолярного общения. Непринужденно, естественно и свободно способна она выразить любое свое чувство, все, что ее томит, заботит или радует. В обаятельном русском языке ее писем слышен то чувствительный «язык сердца», то отголосок стиля тогдашних газет и журналов, то французская конструкция фразы, то простонародный говор.

Восприятие писем в чем-то родственно восприятию произведений художественной литературы — в обоих случаях через образы частных людей, переплетение их судеб находит воплощение образ эпохи. Не случайно, что при чтении писем М.Д. Ралль вспоминаются повести Пушкина «Метель» и «Рославлев». Не случайно временами возникает ощущение, что перед нами — как бы один из источников или один из вариантов романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир».

***

Ф.Ф. Ралль пережил жену и сохранил ее письма; их младший сын Константин Федорович, с которым отец доживал свой век, велел их переплести и назвал получившуюся книгу «Воспоминания о незабвенных родителях». Более полутора столетий хранились письма в семьях потомков Марьи Дмитриевны и Федора Федоровича Раллей. Их последними владельцами были вдова и дочь вице-адмирала, видного участника обороны Ленинграда в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов Юрия Федоровича Ралля, — Марина Александровна и Марина Юрьевна Ралль.

В настоящее время книга писем хранится во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Петербурге; передача ее в музей заслуживает уважения и признательности. «Воспоминания о незабвенных родителях», семейная хроника, обрела значение и размах хроники исторической, статус достояния нашей культуры.

Примечания

¹ Всероссийский музей А.С.Пушкина. Ф. 11. № 7 (249 писем, 594 л.). Первая информация о переплетенном сборнике писем как новом экспонате музея была опубликована автором настоящей статьи и В.С.Поповым; см.: Нева. 1978. № 1. С. 218—219.

² С благодарностью вспоминаются имена В.С.Попова, А.А.Григорова, М.П.Матвеевой, С.К.Романюка, К.К.Троицкой за их участие в раскрытии лиц и реалий писем. Многие данные, добытые при их щедрой помощи, остались, разумеется, за рамками настоящей публикации, но отложились десятками карточек в картотеке музея, образуя ценный конкретно-исторический комментарий к письмам.

³ См., например: Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 7. Литературно-критические и биографические очерки, 1855 г.— 1877 г. СПб., 1882. С. 170; Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово/Изд. подг. Т.И.Орнатская. Л., 1989 (по указателю); Гершензон М. Грибоедовская Москва. Изд. 2-е, доп. М., 1916. С. 7—14.

⁴ Об Ф.Ф. Ралле см., например: РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. № 565; Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 83, 84, 92 и др. Здесь на четвертой странице иллюстраций, между с. 176 и с. 177, помещен портрет Ф.Ф.Ралля.

⁵ Упоминаемые в этом письме и далее фамилии — соседи по имениям, знакомые М.Д.Ралль.

⁶ Кн. М.А.Голицына; родственница по М.И.Римской-Корсаковой.

⁷ Сборник биографий кавалергардов, 1724—1899 [1724—1908]: [В 4 т.]/Сост. под ред. С.Панчулидзева. СПб., 1901—1908. Т. 3. 1801—1826. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Феодоровны полка. С. 129.

⁸ Лажеский его императорского величества корпус за 100 лет, [1802—1902]/Сост. Д.М.Левшин. Т. 2. [СПб., 1902]. Прил. С. 381.

⁹ См.: Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. С. 388.

¹⁰ Муж Е.Д.Пашковой тоже был в Нижнем Новгороде.

¹¹ Вторая дочь Раллей, Анна Федоровна, была впоследствии замужем за Н.Ф.Ремером, тем самым, что был пожалован в камер-юнкеры одновременно с А.С.Пушкиным [ИРЛИ (ПД) РАН. Картотека Б.Л.Модзалевского].

¹² Очевидно, речь идет о князе Ф.С.Голицыне, двое сыновей которого учились в это время в Благородном пансионе Императорского Царскосельского лицея. Голицыны жили в Царском Селе.

¹³ Известный А.Н.Оленин, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств. Полторацкие — его родственники по жене.

¹⁴ Так, Марья Дмитриевна описывает свадьбу своего двоюродного брата Сергея Александровича Римского-Корсакова с Софьей Алексеевной Грибоедовой, кузиной А.С.Грибоедова (прототип Софьи из «Горе от ума») (письмо от 23 апреля 1828 года и проч.).

¹⁵ Соседи по имениям.

¹⁶ ИРЛИ (ПД) РАН. Картотека Б.Л.Модзалевского.

¹⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 729.

Л.А.Осипович

ЕЩЕ РАЗ О ЗОЛОТЫХ ЧАСАХ ПУШКИНА

После лицейского экзамена 8 января 1815 года министр народного просвещения граф А.К.Разумовский выразил пожелание образовать юного Пушкина «в прозе», на что последовало горячее возражение Г.Р. Державина: «Оставьте его поэтом».¹ Но юного поэта не оставили в покое. Вскоре ему пришлось по заказу директора Департамента народного просвещения и одного из лицейских наставников И.И.Мартынова написать стихи «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». Затем последовали и другие официальные заказы. По совету Н.М.Карамзина близкий ко двору поэт Ю.А.Нелединский-Мелецкий, приехав в Лицей, обратился к Пушкину с просьбой написать стихи на бракосочетание принца Оранского и великой княжны Анны Павловны. Через час или два текст был уже готов, и Нелединский-Мелецкий увез его в Павловск. В благодарность за стихи, которые, надо полагать, понравились царскому семейству, вдовствующая императрица Мария Федоровна прислала юному автору в подарок золотые карманные часы.

Часы эти сохранились и ныне находятся в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина. Весьма примечательна судьба этой ценнейшей пушкинской реликвии. Именно эти часы остановил в момент смерти поэта В.А.Жуковский, взяв их себе на память о своем великом друге. Несколько лет они хранились у Жуковского, а затем были подарены им Н.В.Гоголю, который — в свою очередь — передал их на хранение родным. Об этом подробно рассказывается, в частности, в книге Л.П.Февчук «Портреты и судьбы».²

Дошедшее до наших дней предание гласит: подарок императрицы вызвал бурную реакцию со стороны юного автора, якобы бросившего часы на пол и растоптавшего их каблуком.³ Прямых свидетельств об этом событии не сохранилось.

С целью уточнить или опровергнуть эту легенду мы провели исследование состояния самого экспоната. В итоге было установлено следующее.

1. На наружной стенке часов имеются небольшие заглаженные вмятины. Трудно сказать, чем в точности была вызвана такая деформация, но скорее всего, это следы от падения часов. Стальные стрелки (конструкции Луи Брегета) немного погнуты при давлении. Очевидно, часы упали на пол плашмя (концы аксов, или осей, баланса остались целы, а стекло было разбито). Однако после падения часы не утратили работоспособности. Пушкин потом носил их много лет (круглая дужка — кольцо часов в средней части — утоньшена трением о карабин золотой цепи). Циферблат часов металлический, серебряный, а стекло имело размер t 17 линий, или 45 мм в диаметре (по старинному «часовому» исчислению это диаметр t 20 единиц). На стеклах когда-то были круглые бумажные наклейки с цифрой, обозначающей диаметр стекла.

2. Механизм часов — в хорошем состоянии. Это очень дорогие часы, один из первых экземпляров часов с боковым швейцарским анкерным ходом. Анкерное колесо — стальное, «волосок» тоже стальной. Есть обод баланса винтов; число опорных «каменей» — 15 штук. Материал — рубин. Платы и мосты золоченые, а винты — вороненые стальные. Полировка стальных деталей сохранилась идеально. Вторая крышка часов — с гравировкой. Часы выпустила швейцарская фирма («Geneva»). Квадрат под заводной ключ и квадрат перевода стрелок — различной величины. Таким образом, часы имели, соответственно, два ключа и, очевидно, крепились на цепочке.

Примечания

¹ См.: Пушкин С.Л. Замечания на так называемую биографию Александра Сергеевича, помещенную в «Портретной и биографической галерее»//Отеч. записки. 1841. Т. 15. Особое прил. С. III.

² См.: Февчук Л.П. Портреты и судьбы: Из ленингр. Пушкинианы. Изд. 2-е, доп. [Л.], 1990. С. 186—188.

³ См.: Воеводин В. Повесть о Пушкине. Л., 1969. С. 28.

Т.И.Галкина

КАРИНА П.И.ГЕЛЛЕРА «ГОГОЛЬ СРЕДИ СВОИХ ВЕЛИКИХ ДРУЗЕЙ»

В фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина хранится картина П.И.Геллера «Пушкин и Жуковский слушают Гоголя» (1904?; х., м., 88 x 108).

Имя художника Петра Исааковича Геллера (1862—1933) известно мало. В монографиях по русской художественной культуре конца XIX — начала XX веков¹ можно встретить лишь упоминания его имени. Материалы, посвященные художнику, находятся в Российской Национальной библиотеке, Российском государственном историческом архиве² и Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.³ В экспозиции Центрального военно-исторического музея А.В.Суворова представлена картина Геллера «Неожиданное послание от императора Павла к Суворову»; три его картины на революционно-бытовые сюжеты («Дом крестьянина», «Побывали», «За политграмтой») находятся в Государственном Русском музее, а в Отделе эстампов Российской Национальной библиотеки хранятся его автотипии революционной тематики. Работы Геллера имеются также в Музее города Нарвы, в галереях Твери, Казани, Пензы.

В советские годы о художнике Геллере упоминали исключительно как об авторе картин революционного содержания. В некрологе сказано, что «покойный известен преимущественно историко-революционными полотнами, находящимися в Музее Революции».⁴ Геллера отмечали среди немногих художников (М.Л.Маймон, Н.И.Верхотуров и др.), которые «ближе других в своем творчестве отразили русскую революцию».⁵ Однако в советское время Геллера не переставали критиковать за недостаточный показ революционного героизма и большое внимание к «натуралистическим деталям».⁶

На тему русско-японской войны Геллер создал картину «Душа моя скорбит смертельно», изображающую умирающих в госпитале солдат и Иисуса Христа («некое видение», как писали в цитированном советском издании⁷). К революционной тематике художник обращался и после октябрьского переворота, когда им были созданы картины «1918 год», «Политзаключенный», «Комиссар», «Голодовка протеста политзаключенных» и др.

Геллер был членом различных художественных объединений: Санкт-Петербургского Общества художников (1890—1918), Общества имени Куинджи (1909—1931),⁸ Общества художников-индивидуалистов (1921—1929) и, наконец, Общества художников исторической живописи (1896—1906).⁹ Это общество было основано московскими и петербургскими художниками с целью «содействия развитию исторической живописи в России»¹⁰ и находилось под августейшим покровительством великого князя Сергея Александровича. В конце XIX века Общество насчитывало 36 действительных членов, в основном петербуржцев.

Историческая живопись привлекла Геллера еще в годы обучения в Академии художеств (1878—1887). В 1887 году, вместе со званием классного художника первой степени, он получил большую золотую медаль за картину «Митрополит посвящает Иоанна Грозного в схиму». К образу Грозного художник обращался и впоследствии. В 1895 году на Первой выставке картин исторического содержания в Москве была показана его картина «Иоанн Грозный и юридивый Никола Салос у ворот Пскова» (в настоящее время находится в Музее города Нарвы). В 1902 году Геллер написал картину «Неожиданное послание от императора Павла к Суворову», а в 1903-м — «Малолетний Людовик XV у Петра Великого в Париже» (экспозиция Музея города Нарвы). Основным недостатком этих полотен, как и работ Геллера революционной тематики, — их иллюстративность.

В этом ряду стоит и написанная в 1904 году картина, известная под названием «Н.В.Гоголь, В.А. Жуковский и А.С.Пушкин в Царском Селе летом 1831 г.».¹¹ Существуют другие варианты названия этой работы Геллера. Так, М.М.Калаушин называет ее «Гоголь, Жуковский и Пушкин».¹² Э.Ф.Голлербах именует эту картину «Гоголь и Жуковский у Пушкина в Царском Селе».¹³ Это название, несомненно вслед за Голлербахом, повторяет Е.В.Павлова в современном издании.¹⁴

Удалось установить первоначальное название картины, данное самим художником. Оно зафиксировано в «Каталоге XII выставки картин Санкт-Петербургского общества художников», в котором под номером 100 значится картина «Гоголь среди своих великих друзей. (Из летнего пребывания Гоголя в Царском Селе у Жуковского в 1831 году)».¹⁵ То же название приводится и в художественно-литературном журнале «Новая иллюстрация» за 10 марта 1904 года, где помещена репродукция картины с подписью «“Гоголь среди своих великих друзей”. — Картина П.И.Геллера», выполненная с фотографии К.Булы.

В данном случае название картины — не формальный момент, а указание на то, интерьер чьей квартиры на ней изображен. Установленное первоначальное название свидетельствует о том, что на картине Геллера изображена не царскосельская дача Пушкина в доме вдовы Анны Китаевой, как это всегда считалось, а квартира Жуковского в Александровском дворце.

Не существует единого мнения относительно времени создания картины. В разных изданиях датировка колеблется от 1880-х годов¹⁶ или «конца XIX века»¹⁷ до 1910 года.¹⁸ Не вызывает сомнения, что картина не могла быть создана ни в 1880-е годы (в конце 1880-х годов Геллер только закончил Академию художеств), ни в 1910 году, так как в 1904 году работа художника уже выставлялась.

Можно считать окончательно установленным, что картина была написана в самом начале 1904 (в крайнем случае, в конце 1903) года, так как в феврале 1904 года она экспонировалась в залах Пассажа на XII выставке картин Санкт-петербургского общества художников. Именно в это время Геллер, будучи членом Общества художников исторической живописи, создал все свои главные картины на исторические темы.

Знакомство с историей создания Геллером его работ наводит на мысль, что толчком к написанию картин нередко выступали внешние события, чаще всего юбилеи известных исторических деятелей. Так, 6 июня 1900 года исполнилось сто лет со дня смерти А.В.Суворова, и вскоре после этого юбилея, в 1902 году, Геллер создал известное полотно «Неожиданное послание императора Павла к Суворову». В 1902 году в Новом Петергофе был установлен памятник Петру I — бронзовая фигура, созданная Л.Бернштамом. Памятник отображал эпизод, имевший место в Версале в мае 1717 года, куда Петр прибыл во время своего второго путешествия по Европе. Взяв на руки малолетнего

Людовика XV, русский император шутил по этому поводу: «Всю Францию на руках несущ». В 1903 году, через год после установки памятника в Петергофе, Геллером была написана картина «Малолетний Людовик XV у Петра Великого в Париже» (второй вариант названия картины — «Петр I держит всю Францию на коленях»).

Можно с большой долей уверенности предположить, что картина «Гоголь среди своих великих друзей» была создана Геллером между двумя юбилеями: 1902 годом, когда исполнилось 50 лет со дня смерти писателя, и 1909 годом, когда отмечали столетний юбилей со дня его рождения. Очевидно, гоголевские торжества и вспыхнувший с новой силой интерес к личности и биографии писателя захватил и Геллера, посвятившего Гоголю две картины: «Гоголь среди своих великих друзей», написанную в предверии столетия со дня рождения писателя, и более позднюю, изображающую Гоголя незадолго до кончины. Вторая картина была написана, по всей видимости, уже после столетнего юбилея.¹⁹ Здесь изображен измученный физическими и духовными страданиями писатель, который в раздумье облокотился на руку, сидя в кресле у стола; левая рука безвольно повисла с листком бумаги. Интерьер, изображенный на этой картине, форма кресла, рисунок ковра, широкая полоса обоев — почти те же, что и на полотне «Гоголь среди своих великих друзей».

Что касается интерьера на картине Геллера, где изображены три литератора в Царском Селе в 1831 году, то по этому поводу еще в 1937 году Э.Ф.Голлербах писал: «О верности бытовой обстановки судить трудно, так как мы не представляем себе, как был обставлен дом Китаева. <...> дом Китаева <...> был типичной барской дачей и мог иметь соответственную обстановку, достаточно нарядную».²⁰

Однако выше было указано, что картина Геллера изображает не царскосельскую дачу Пушкина, а квартиру Жуковского, который в 1831 году проживал «в правом флигеле в нижнем этаже с надворной стороны»²¹ Александровского дворца. То, что художник изобразил именно квартиру Жуковского, подтверждают портреты на стене, среди которых в центре явно обозначен портрет Александры Федоровны, и стоящий справа от двери скульптурный бюст, по всей видимости — Александра I.

Оценивая достоверность изображенного на картине Геллера интерьера, можно сделать вывод, что художник не обнаруживает в своей работе детального знания быта 1830-х годов. Вызывают недоумение скатерть на столе и портьера, которая вообще появилась в быту позднее, в конце 1830-х и особенно в 1840-е годы. Обшитые кашемировые скатерти появились в 1820-е годы, но чаще всего их можно было встретить в жилых комнатах: спальне, детской, на женской половине. В гостиных столы оставались в основном открытыми. Бумажные обои, изображенные на картине, должны были бы иметь более широкую полосу. Все эти немаловажные детали свидетельствуют о том, что картина Геллера, изображающая Гоголя, Жуковского и Пушкина в Царском Селе, — произведение достаточно эклектичное; это во многом представление человека начала XX века об эпохе Пушкина и Гоголя.

Похожее изображение интерьера мы встречаем в другой картине этого художника, «Пушкин и няня»: та же драпировка над дверью, скатерть на столе, диван у стола и большой портрет над диваном, предположительно Надежды Осиповны Пушкиной. Всероссийский музей А.С. Пушкина хранит старинную фотографию с этой картины, поступившую из Пушкинского Дома; сама картина датируется специалистами музея 1899 годом. Таким образом, Геллер, очень часто создававший свои произведения к юбилейным датам, написал картину «Пушкин и няня» к столетнему юбилею со дня рождения поэта. Она так же холодна и суха, как и обсуждавшаяся выше картина 1904 года, где Пушкин изображен слушающим Гоголя, а фигуры Жуковского и особенно Пушкина

статичны и невыразительны. Гоголь написан, несомненно, с большим чувством, хотя по поводу его изображения Голлербах писал: «Промах художника заключается в том, что он руководился в своем изображении Гоголя портретами работы Александра Иванова и Ф.А.Моллера, исполненными в 1841 году (в Риме); в ту пору Гоголь выглядел иначе, чем в 1831 году, когда у него не было усов и длинной шевелюры (см. набросок Пушкина начала <18>30-х годов и акварель Каратыгина 1836 г.)».²²

Итак, картина, изображающая Гоголя среди великих современников, написанная в конце 1903 — начале 1904 года, спустя несколько лет (до 1913 года) попала в Нарву, в частную коллекцию купцов Лаврецовых. Возможно, Геллер провел какое-то время в Нарве, в течение которого им были написаны парные портреты нарвского купца-мещанина Сергея Антоновича Лаврецова и его супруги Глафиры Александровны. Оба портрета были датированы 1903 годом. После смерти супругов (Сергей Антонович скончался в 1906 году, а Глафира Александровна — 25 февраля 1913 года²³) вся коллекция Лаврецовых перешла в собственность города. Местная газета писала по этому поводу: «Многие провинциальные города не имеют музеев, но заштатный город Нарва представляет среди них редкое исключение, у него после смерти Г.А.Лаврецовой имеется собственный музей, находящийся в специально назначенном для этой цели доме».²⁴

Открытие музея имени Лаврецовых состоялось 9 августа 1913 года, в 209-ю годовщину взятия Нарвы русскими войсками.²⁵ В большой и богатой коллекции Лаврецовых среди картин разного художественного достоинства были работы Айвазовского, Маковского и других знаменитых художников.²⁶ Согласно архивным документам, в коллекции Лаврецовых имелось девять работ кисти Геллера (данные 1913 года). Но во время Второй мировой войны коллекции был нанесен огромный ущерб, и в настоящее время Музей города Нарвы владеет лишь шестью работами Геллера на социально-бытовые и исторические темы: «Сельская учительница», «Представление воспитанников покровительницы», «Просительница», «Иван Грозный и Никита Салос у ворот Пскова», «Набор в рекруты», «Малолетний Людовик XV у Петра Великого в Париже».

Среди работ Геллера, которых лишился Музей города Нарвы, числится и картина «Гоголь читает перед Пушкиным и Жуковским». В 1943 году в числе других вещей картина Геллера попала в Центральное хранилище музейных фондов и пригородных дворцов, откуда в 1949 году поступила в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В октябре 1958 года картина Геллера под названием «Пушкин и Жуковский слушают Гоголя» была передана Всесоюзному музею А.С.Пушкина и в декабре того же года заняла свое место в литературно-мемориальной экспозиции открывшегося для посетителей Музея-дачи А.С.Пушкина. Картина находилась в третьей комнате музея (столовой), экспозиция которой была посвящена теме дружеского и литературного общения Пушкина с Гоголем и Жуковским в Царском Селе в 1831 году.

Картина кисти Геллера (авторское повторение?) под названием «Гоголь и Жуковский у Пушкина в Царском Селе» (89 x 107,5), датируемая 1910 годом, находится также в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве, где она представлена в экспозиции «Пушкин в движении эпох». Московское полотно отличается не только размерами, но и наличием двух подписей художника: слева внизу черной краской по ковру и справа белой краской (тогда как на картине, хранящейся во Всероссийском музее А.С. Пушкина, одна подпись с правой стороны: «П. Геллеръ»). Можно предположить, что продавая свою работу в частную коллекцию Лаврецовых в Нарву, художник сделал с нее авторское повторение, которое впоследствии и попало в Москву. Вопрос о том, какой музей владеет подлинником, может быть решен только путем искусствоведческой экспертизы.

Работа П.И.Геллера, не будучи шедевром живописи, является, наряду с замечательной акварелью Д.Н.Кардовского, едва ли не единственной широко известной публике «иллюстрацией» к пребыванию Пушкина, Жуковского и Гоголя в Царском Селе в 1831 году. И если мы сегодня и вспоминаем художника Петра Исааковича Геллера, то в первую очередь как автора именно этой картины.

Примечания

¹ Русская художественная школа второй половины XIX — начала XX веков. М., 1967. С. 339; Кн. 2. М., 1969. С. 244—252; Художники народов СССР: Библиогр. словарь. Т. 2. М., 1972. С. 434.

² РГИА. Ф. 789. Оп. 10. № 119. Л. 1—27.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. № 529; Ф. 118. № 670.

⁴ Вечерняя Красная газета. 1933. 29 янв.

⁵ Русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Кн. 2. С. 244.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Там же. С. 244.

⁸ Среди немногих лауреатов конкурса им. Куинджи, который проводился Обществом в конце весеннего выставочного сезона, был И.Е.Репин, получивший первую премию за картину «Пушкин на экзамене в Лицее» (1912). От премии Репин, будучи принципиальным противником каких бы то ни было премий, отказался.

⁹ В выставках, проводимых этими обществами, а также в выставке картин и скульптуры художников-евреев (апрель 1917) Геллер принимал активное участие. Однако утверждение Э.Ф.Голлербаха о том, что Геллер был «участником передвижных выставок» (А.С.Пушкин в изобразительном искусстве/Лит. ред. А.Л.Слонимского; Худож. ред. и коммент. Э.Ф.Голлербаха. [Л.], 1937. С. 154), ошибочно, так как имени Геллера мы не находим среди 43-х участников передвижных выставок (см.: Золотой век художественных объединений в России и СССР, 1820—1932. СПб., 1992. С. 298—304).

¹⁰ Золотой век художественных объединений в России и СССР. С. 200—201.

¹¹ Художники народов СССР: Библиогр. словарь. Т. 2. С. 434.

¹² Пушкин в портретах и иллюстрациях: Пособие для учителей сред. шк./Сост. М.М.Калаушин. Л., 1954. С. 229.

¹³ А.С.Пушкин в изобразительном искусстве. С. 154.

¹⁴ Павлова Е.В. Пушкин в портретах и иллюстрациях. М., 1983. С. 167.

¹⁵ Каталог XII выставки картин Санкт-Петербургского общества художников. Февраль. СПб., 1904. С. 17.

¹⁶ Золотусский И. Гоголь. М., 1998. С. 86. (ЖЗЛ).

¹⁷ Здесь жил Пушкин/Сост. А.М.Гордин. Л., 1963. С. 488.

¹⁸ А.С.Пушкин в изобразительном искусстве. С. 154; Пушкин в портретах и иллюстрациях: Пособие для учителей сред. шк. С. 229; Павлова Е.В. Пушкин в портретах и иллюстрациях. С. 167.

¹⁹ Картина воспроизведена в № 5 журнала «Родина» за 1911 год (см. также: ЦГАЛИ СПб. Ф. 118. № 670. С. 8). Под работой Геллера следует текст: «Никто не знает и не слышит моих страданий», — писал незадолго до смерти Гоголь, а именно в этот период его жизни наш великий юморист изображен П.И.Геллером на его прекрасной картине».

²⁰ А.С.Пушкин в изобразительном искусстве. С. 155.

²¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 7. № 3697. Л. 28об.

²² А.С.Пушкин в изобразительном искусстве. С. 155.

²³ Об этом см.: Нарвский листок. 1913. 7 марта; 1913. 27 февр.

²⁴ Там же. 1913. 25 мая. Ср.: «Насколько ценно это имущество, перешедшее в собственность города, можно судить по тому, что предполагается застраховать музей в сумме 50.000 рублей; кроме того, самый дом, в котором помещается музей, являющийся в данное время также собственностью города, оценен в 32.000 руб<лей>» (Там же. 1913. 16 марта).

²⁵ Там же. 1913. 10 авг.

²⁶ Там же. 1913. 16 марта.

Г.М.Седова

**ПУШКИНСКИЙ КРУЖОК ОБЩЕСТВА
«СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ» В ДОМЕ
НА МОЙКЕ, 12 (1924—1925 годы)**

Самый ранний период в истории Музея-квартиры А.С.Пушкина на Мойке, 12 приходится на 1924—1925 годы — время, когда контуры будущего музея были лишь очерчены в планах его создателей. В ту пору только еще начиналось кропотливое изучение жизни и быта дома, в котором прошли последние месяцы жизни Пушкина. Шел поиск сведений о пребывании здесь поэта, о последующих ремонтах, существенно изменивших облик квартиры и всего дома. Многие обстоятельства оставались неясными. Для решения вопросов, касающихся ремонта и реставрации квартиры, требовались время и немалые деньги.

Положение осложнялось тем, что во всех учреждениях, от которых зависела судьба будущего музея, его создатели, как правило, встречали безразличие и равнодушие к Пушкину и к его дому. В борьбе с чиновниками сотрудники Пушкинского Дома Российской Академии наук и их коллеги из Историко-бытового отдела Русского музея сумели добиться того, что к пушкинскому юбилею 6 июня 1924 года бывшая квартира поэта была освобождена от жильцов. Завершился первый этап борьбы за возвращение квартиры в культурное пространство города.¹ Однако мечты пушкинистов о создании музея поэта в доме на Мойке еще были далеки от реальности.

Пушкинский Дом, которому по документам была передана квартира в середине финансового года, не мог отыскать средства для ремонта и реконструкции объекта, не «прописанного» в его бюджете. Чтобы не потерять только что расселенную квартиру, необходимо было отыскать организацию, которая согласилась бы временно принять на себя хлопоты по ее охране и содержанию. Пушкинистам удалось такую организацию придумать. Среди членов добровольного общества по изучению и охране старины «Старый Петербург — Новый Ленинград» нашлись лица, которые поддержали идею восстановления пушкинской квартиры, а для ее скорейшей реализации согласились создать Пушкинское отделение общества.

Это произошло 12 октября 1924 года на общем собрании общества, где было зачитано официальное обращение руководства Пушкинского Дома, подписанное его директором академиком Н.А.Котляревским и старшим ученым хранителем, членом-корреспондентом РАН Б.Л.Модзалевским: «Препровождая при сем справку о квартире, в которой скончался Пушкин, Пушкинский Дом при РАН, не имея в своем распоряжении никаких денежных сумм для оплаты указанной квартиры, просит Общество принять последнюю в свое ведение. К сему Пушкинский Дом присовокупляет, что необходимо возможно скорейшее занятие квартиры Обществом, так как в противном случае квартира эта поступит в состав 10%-нормы, предназначенной для пострадавших от наводнения. Что касается участия в детальной разработке проекта переустройства квартиры, равно и в

проведении этого проекта в жизнь, то Пушкинский Дом готов оказать со своей стороны в этом деле Обществу свое полное содействие».²

На просьбу академического учреждения откликнулось тридцать пять членов общества, среди которых были и сотрудники Пушкинского Дома. В архиве сохранился список лиц, изъявивших желание стать действительными членами Пушкинского отделения Общества, вскоре переименованного в Пушкинский кружок. Приводим эти имена в алфавитном порядке: К.П.Ажинова, М.Ц.Антонова, Н.Э.Архангельская, У.Ф.Байдукевич, Е.А.Баторская, М.Д.Беляев, С.А.Галяшкин, Е.Г.Геркен, Е.Б. и М.Н.Гохштейн, И.А.Гриневская, С.Н.Жарновский, П.В. и В.Р.Завитаевы, К.А.Зеленин, С.Н.Зенков, Л.А.Клевцова, М.А.Коковкина, Н.А.Котляревский, Л.И.Кречевская, Н.Е.Лансере, Е.И.Лекоде-Летомбель, З.Д.Масловская, Б.Л.Модзалевский, Е.М.Невгина, А.А.Платонов, Е.В. и Н.О.Рейхард, О.Н.Санянтовская, А.А.Сретинская, Е.Н.Такановская, Ц.А.Таубер, С.П.Трончинский, С.А.Шилейко, А.Г.Яцевич.³

Пушкинский кружок был создан 12 октября 1924 года. Через несколько дней на общем распорядительном собрании был избран президиум кружка, в который вошли М.Д.Беляев, С.А.Галяшкин, С.Н.Жарновский, А.А.Платонов и Е.В.Рейхард. Председателем кружка стал краевед-любитель Сергей Николаевич Жарновский, которого на распорядительном собрании 21 октября попросили «<...> принять на себя обязанности хранителя квартиры, заняв свободные от предполагаемых музейных комнат помещения».⁴

Много лет спустя, в декабре 1965 года, Жарновский был приглашен на научное заседание по проблемам развития Всесоюзного (ныне Всероссийского) музея А.С.Пушкина, филиалом которого Музей-квартира А.С.Пушкина стала в 1953 году. Бывший председатель Пушкинского кружка ярко и эмоционально охарактеризовал деятельность кружковцев в 1924 году: «Тогда не было никаких комиссий. Я просто вызвал старшего дворника Финогенова и спросил: “Сколько возьмешь, чтобы сломать этот коридор и еще кое-что?” Не помню, взял он 200 или 300 рублей и начал ломать различные наслоения (господский туалет, перегородки и т. д.)».⁵

В 1965 году рассказчик был единственным оставшимся в живых членом Пушкинского кружка. Собирая по крупицам данные о первых шагах пушкинистов в доме на Мойке, 12, мы не могли обойти стороной рассказанную им историю.⁶ Однако документы Пушкинского кружка Общества «Старый Петербург» зафиксировали несколько иную картину. Часть материалов хранится в Архиве Российской Академии наук, Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и других хранилищах; основной корпус — в Российском государственном архиве литературы и искусства.⁷ Протоколы заседаний президиума кружка, отчеты о научной и ремонтно-реставрационной работе, переписка членов кружка за все время его недолгого существования позволяют представить, как же в действительности разворачивались события вокруг пушкинской квартиры в 1924—1925 годах.

Первое сообщение о работе кружка находим в городской газете: «Квартира в д. 12 по Мойке, в которой умер Пушкин, освобождена от жильцов и передана обществу “Старый Петербург” для устройства в ней Пушкинского музея. Со времени смерти поэта квартира подвергалась значительным изменениям. Общество “Старый Петербург” имеет в виду, насколько это окажется возможным, восстановить последнюю квартиру Пушкина в ее первоначальном виде, на основании материалов Пушкинского дома».⁸

Естественно, что, передавая квартиру в руки кружковцев, сотрудники Пушкинского Дома ни на минуту не оставляли идею ее перехода под свою опеку. Поэтому в кружок записалось так много пушкинодомцев. Один из них, ученый хранитель Музея Пушкин-

ского Дома Михаил Дмитриевич Беляев, был избран заместителем председателя кружка, а его товарищ, недавний студент Института гражданских инженеров Александр Анисимович Платонов, — секретарем «с временными обязанностями казначея».⁹

Беляев сумел добиться того, что из Пушкинского Дома была получена мебель, необходимая для проведения научных заседаний. По акту от 11 декабря 1924 года на Мойку, 12 были переданы стол простого дерева, «крытый клеенкой», два кресла и два стула, тоже «крытые клеенкой», а также диван, обитый красной материей. Кроме того, кружок получил две посмертные маски Пушкина, выполненные С.И.Гальбергом и Л.Палацци, гипсовую модель памятника Пушкину и бронзовый бюст поэта работы скульптора И.П.Витали, копии портретов Пушкина работы О.А.Кипренского и В.А.Тропинина, авторскую копию картины А.А.Наумова «Дуэль Пушкина» и копии портретов Н.Н.Пушкиной и родственников поэта Изота Андреевича и Никиты Изотовича Пушкиных. В квартиру на Мойке, 12 был передан и факсимильный альбом рукописей Пушкина из собрания бывшего Александровского Лицея.¹⁰ Согласно решению общего собрания Российской Академии наук от 27 ноября 1924 года, указанные вещи «из дублетного собрания Пушкинского Дома» были выданы кружку во временное пользование «с обязательным возвратом этих предметов по первому требованию ПД».¹¹

Общество «Старый Петербург» выделило свой инвентарь: пять красных штор, сорок золоченых стульев, большой стол с суконной крышкой, стоячую венскую вешалку и немного посуды — вазу для сахара и двадцать стеклянных стаканов и блюдеч.¹² Председатель кружка Жарновский передал во временное пользование люстру «екатерининской эпохи» на шесть свечей с синим стеклом.¹³

Уже во втором заседании президиума кружка 1 ноября 1924 года обсуждалась смета предстоящих реставрационных работ, составленная архитектором-художником Н.Е.Лансере. Члены кружка понимали, что «полная реставрация первоначального плана квартиры немислима без капитального переустройства всего дома, подвергшегося варварской переделке в очень недавнем времени — в 1909 году <...>. Восстановить все полностью пока невозможно, но целый ряд крупных деталей, искажающих облик квартиры, мог быть устранен, и прежде всего должен быть восстановлен в своих прежних пропорциях кабинет поэта, где он лежал раненый после дуэли и где скончался».¹⁴ Президиум кружка за «неимением средств и приближением зимы» был вынужден отказаться от «реставрации полностью внутренности квартиры <...>». На эти работы требовалось 613 рублей 49 копеек. Была утверждена более скромная смета в размере 199 рублей 80 копеек на «реставрацию одного кабинета и производство текущего необходимого ремонта».¹⁵ Наблюдение за проведением работ было поручено автору сметы Н.Е.Лансере.¹⁶ В течение недели был осуществлен небольшой ремонт, и в пятницу 7 ноября президиум кружка в первый раз собрался в обновленной квартире Пушкина.

Однако для того, чтобы приступить к большому ремонту в кабинете Пушкина, средств, имевшихся в распоряжении кружка, катастрофически не хватало. Членские взносы (3 рубля в год) выручить не могли. Многие кружковцы предпочитали платить и эту небольшую сумму не сразу, а в три этапа — по 1 рублю за каждую треть года.¹⁷

На первом же заседании президиума было решено выдать подписные листы действительным членам кружка для сбора добровольных пожертвований «на содержание и восстановление квартиры, <...> где жил и умер Великий Русский Поэт А.С.Пушкин».¹⁸ Подписные листы, как и книжки сбора членских взносов, сохранились в архиве кружка, поскольку являлись документами строгой отчетности. Лист под № 1 (образец) остался незаполненным, лист № 2 был выдан М.Д.Беляеву, который, естественно, обратился за помощью к своим коллегам. В его листе двадцать два автографа сотрудников Пушкин-

ского Дома, против каждого имени указана сумма пожертвования. Больше всех — 5 рублей — пожертвовал бывший директор первого Пушкинского музея при Александровском Лицее П.Е.Рейнбот, по 2 рубля дали Б.Л.Модзалевский и Е.П.Населенко, несколько человек пожертвовали по 50 копеек, а большинство, в том числе А.П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.В.Измайлов, Е.П.Казанович, М.Н.Мотовилова, П.М. Устимович,— заплатили по 1 рублю.¹⁹ За первые полгода по двенадцати подписным листам было собрано 68 рублей 40 копеек.²⁰

Недостающие средства решено было собирать, организуя вечера, посвященные Пушкину. Жарновский, Беляев и Е.В.Рейхард по поручению президиума должны были создать концертные группы, а также отыскать лекторов, которые открывали бы вечера. М.Д.Беляеву и Н.Е.Лансере предложили составить программу лекций-конcertов на целый год.²¹ Беляев договорился с художником Г.И.Гидоном, который бесплатно выполнил гравированную обложку для программ пушкинских вечеров.²² Одна такая изящная программа сохранилась в архиве Пушкинского кружка.²³ Возможно, что этот художник изготовил и макет пригласительного билета на первое памятное собрание в пушкинской квартире 10 февраля 1925 года.²⁴

Для продажи на пушкинских вечерах М.Д.Беляев передал от Пушкинского Дома пять гравированных портретов Пушкина, выполненных Т.Райтом и двадцать пять экземпляров альбома выставки пушкинских дней 1924 года.²⁵ Впоследствии С.А.Галашкин предоставил кружку для продажи открытки с изображением знаменитого Нащокинского домика.²⁶

Соблюдая формальности, 8 декабря 1924 года президиум кружка обратился в Управление милиции с просьбой зарегистрировать свое пребывание в квартире № 1 на Мойке, 12. Милиция была извещена о том, что научные собрания, на которых предполагалось собирать не более пятидесяти человек, должны были проводиться еженедельно по понедельникам в 8 часов вечера.²⁷

В архиве кружка сохранилась самодельная тетрадь, сшитая толстой желтой нитью, в которой регистрировались научные доклады. На каждом листе фиксировалась дата проведения заседания, фамилия докладчика и тема. Рядом отводилось место для автографа выступавшего, сюда же вклеивались вырезки из газет, если они содержали сообщение об этом заседании.²⁸ Таким публикациям в прессе члены Пушкинского кружка придавали особое значение: все большее число людей узнавало о том, что в бывшей квартире поэта начинается новая жизнь. Кроме того, газетная информация увеличивала число потенциальных посетителей открытых научных заседаний, целью которых было не только просвещение, но и сбор добровольных пожертвований на ремонт и восстановление квартиры.

Впрочем, денежные сборы были весьма незначительны. Сохранились подписные листы, распространявшиеся на таких заседаниях. Больше всего пожертвований удалось собрать 29 декабря на докладе А.А.Платонова (перечень научных заседаний кружка см. ниже). Пример подали М.Д.Беляев, который сдал 25 копеек, Н.В.Измайлов, Н.Е.Лансере (по 20 копеек), Л.Цирель-Спринцзон²⁹ (15 копеек). Всего же на заседании присутствовало двадцать четыре человека, которые все вместе пополнили кассу кружка на 5 рублей 80 копеек. Обычно же сбор составлял и того меньше — от 2 до 3 рублей за вечер.³⁰

Члены кружка рассчитывали получить некоторые средства, устраивая пушкинские вечера в различных учреждениях города. Но такая работа оказалась делом нелегким, и в кружке не нашлось человека, который взялся бы проводить ее систематически. Многое зависело не от самих членов кружка, а от тех лиц, что были хозяевами той или иной площадки.

„Пушкинский Кружок“ при Обществе „Старый Петербург“ почтительнее просит Вас пожаловать на первое памятное собрание в квартире, где жил и умер А. С. Пушкин (Мойка 12), и имеющие быть в годовщину смерти поэта 10 Февраля 1925 года (29 Января ст. ст.) ровно в 2 г. 45 мин. под председательством Почетного Члена Общества Почетного Академика Анатолия Семеновича Кони.

Порядок дня:

- 1) Ровно в 2 г. 45 мин. Зна: Отрывки Гевиса Моцарта, исполнит Госуд. Академическая Певческая Капелла под управлением профессора М. П. Килиова.*
- 2) Вступительное слово Академика Н. А. Котляревского.*
- 3) Речь П. С. Ушаева: О смерти Пушкина.*

416-200 Гр.Л.Гаврилов, А.Мус.С.№18 июня 21.

Пригласительный билет на первое памятное собрание в бывшей квартире А.С.Пушкина 10 февраля 1925 года. Всероссийский музей А.С.Пушкина

Первый вечер, который должен был состояться 10 ноября 1924 года в Петротоке (для энергетиков Петрограда), был отменен, потому что организаторы не учли государственных праздников. Их отмечали в тот год 7, 8 и 9 ноября. В эти дни в Петротоке устраивались свои праздничные вечера, и вечер 10 ноября был попросту лишним.³¹

17 ноября 1924 года состоялся вечер в КУБи (Комиссия по улучшению быта инженеров при Всероссийской ассоциации инженеров). Это был концерт из произведений Пушкина в русской музыке.³² Два вечера «в пользу пушкинского кружка» были устроены 1 и 8 декабря в помещении Государственной Капеллы. Это были лекции-диспуты, которые проводил Э.Ю.Блок.³³ Доход от первой составил 86 рублей (продано девяносто восемь билетов), от второго — 94 рубля 86 копеек.³⁴ Похоже, что на этом хлопотная работа по организации подобных мероприятий прекратилась.

Кружковцы были неопытны в финансовых вопросах. Проработав в квартире на Мойке всего два месяца, они вынуждены были признать, что кружок находится в критическом финансовом положении.³⁵ На заседании 26 декабря председатель кружка С.Н.Жарновский предлагал проекты получения средств одним заманчивее другого. Он заявил, что готов передать кружку те 200 рублей, которые ему лично задолжал комитет помощи Обществу «Старый Петербург». Однако эти деньги было непросто получить, поэтому Жарновский предложил отыскать частное лицо, которое «под фирмой пушкинского общества» открыло бы кинотеатр и отдавало бы кружку 8% сбора (по подсчетам Жар-

новского — не менее 300 рублей в месяц). Другое не менее авантюрное предложение председателя поступило в январе — обратиться в совет Общества «Старый Петербург» с просьбой открыть при нем комиссионный антикварный магазин «с забронированием всех поступлений на счет кружка». К этому времени обнаружилась задолженность кружка по всем позициям сметы: с октября месяца (то есть с момента переезда в дом на Мойке) правление кружка ни разу не оплатило работы уборщицы, маляра, плотника, а также игнорировало внесение квартплаты и оплату услуг Электрототоку.³⁶

Неоплаченным оказался и косметический ремонт, проведенный осенью. В начале января 1925 года рабочие подали в суд, требуя, чтобы Пушкинский кружок оплатил выполненные работы в размере 251 рубля 83 копеек.³⁷ В предъявленном ими счете находим и ту самую перегородку в кабинете Пушкина, за слом которой, по словам Жарновского, он лично заплатил дворнику Финогенову 200 или 300 рублей. По счету за нее следовало заплатить всего лишь 40 рублей, но и за эту работу кружок не сумел рассчитаться с рабочими.³⁸

Член коллегии адвокатов Евгений Германович Тягельский, защищая интересы Пушкинского кружка, добился того, что 30 января 1925 года суд отклонил требования истцов. Однако они не сдавались и заявили, что в случае неуплаты оставляют за собой право предъявить новый иск в народном суде.³⁹ Президиум кружка на заседаниях 26 января, 18, 25 и 27 февраля требовал разъяснений от своего председателя.⁴⁰ Вместо финансового отчета Жарновский стал предлагать новые планы скорейшего добывания средств «для покрытия расходов по ремонту», в частности — просить Общество «Старый Петербург» выдать кружку «взаимобразно» 250 рублей.⁴¹ Одновременно он продолжал споры с рабочими, требовал от них задним числом каких-то скидок.⁴²

Председатель кружка не сумел правильно распорядиться имевшимися в его распоряжении средствами и утратил доверие кружковцев. Для большинства из этих людей неприемлемыми оказались и проповедуемые председателем этические нормы. Первым выразил свой протест М.Д.Беляев, который заявил о выходе из президиума кружка и о желательности скорейшего переезда хранителя квартиры Жарновского «в целях более надежной охраны квартиры».⁴³ «<...> По выяснившейся для меня невозможности вести работу в президиуме пушкинского кружка, — говорилось в его заявлении, — прошу с настоящего числа считать меня выбывшим из состава президиума 13/22 января 1925 г.»⁴⁴ Кризис пришелся на самое неудачное время — 10 февраля, когда все силы были направлены на то, чтобы достойно провести в квартире первое памятное собрание. Председатель потребовал перенести рассмотрение поданного заявления на общее распорядительное собрание, созыв которого все время откладывался. Через некоторое время Беляев вновь заговорил о своем уходе. В заявлении от 23 февраля 1925 года он применил более резкую формулировку: «<...> в третий раз обращаюсь с просьбой о наискорейшем освобождении меня от звания товарища председателя (курсив мой.— Г. С.) пушкинского кружка».⁴⁵ Следует отметить, что, несмотря на трудности, в том числе и финансовые, кружковцы смогли подготовить квартиру к проведению в ней первого памятного собрания 10 февраля 1925 года. В архиве кружка сохранился список лиц, приглашенных в этот день в дом на Мойке. Приглашения были отправлены в различные учреждения и организации: в губисполком Комарову, заведующему Столом союзов и обществ губисполкома Смирнову, заведующему Отделом армии губисполкома, в Откомхоз (Отдел коммунального хозяйства.— Г. С.) Н.И.Иванову и Карпову, председателю Союза просвещения, в губполитпросвет Лисовскому, председателю культотдела губкома Любимову, в Академию материальной культуры, Общество архитекторов, Отделение северных окрестностей, в Союз пролетарских писателей и поэтов, Союз драматических

писателей, Большой драматический театр, в Русское театральное общество, Московское общество драматических писателей (С.Э.Радлову), в редакции «Красной газеты», газеты «Правда», журнала «Ленинград» и т. д. В списке находим и имена известных деятелей отечественной науки и культуры, в том числе Б.В.Асафьева, А.А.Ахматовой,⁴⁶ А.Н.Бенуа, Ф.Т.Бернштама, Э.Ф.Голлербаха, Н.С.Державина, А.О.Доливо-Добровольского, В.М.Жирмунского, М.А.Кузмина, Н.О.Лернера, А.В.Луначарского, С.Ф.Ольденбурга, А.И.Пиотровского, С.Ф.Платонова, В.А.Рожественского, К.К.Романова, А.Н.Тихонова, Б.Л.Томашевского, С.Н.Тройницкого, К.И. Чуковского, Б.М.Эйхенбаума, — всего семьдесят восемь имен.⁴⁷

11 февраля 1925 года «Ленинградская правда» сообщала об этом первом памятном собрании в пушкинской квартире следующее: «В день и час смерти Пушкина <...> впервые после почти столетнего перерыва квартира наполнилась многочисленными почитателями памяти великого поэта». Газета извещала читателей и о том, что Пушкинский кружок произвел в квартире «реставрационные работы, снял переборки, понастроенные различными жильцами. <...> Историческая комната, где Пушкин провел последние часы жизни, восстановлена в своей прежней архитектурной форме. На месте, где стояла софа, на которой умирал поэт, установлен весь украшенный зеленью бюст работы скульптора Витали и посмертная гипсовая маска. <...> Заседание открыл почетный академик А.Ф.Кони. Речи, посвященные памяти великого писателя, произнесли Н.А.Котляревский и П.Е.Щеголев».⁴⁸

Памятные собрания устраивались в квартире и в последующие годы. Обычно они состояли из двух частей — в 2 часа 30 минут предоставлялось «председательствующему», «ровно в 2 часа 45 минут» отрывки из «Реквиема» В.А.Моцарта звучали в исполнении хора Государственной Академической капеллы под управлением профессора М.Г.Климова. Затем следовало возложение цветов и венков к бюсту Пушкина, установленному на месте его кончины.⁴⁹ «Декоративные растения для украшения квартиры» получали «безвозмездно» из Ботанического сада.⁵⁰ Рояль обычно предоставлял В.Д.Резников — «музыкант, проживавший в доме», а в его отсутствие инструмент брали напрокат в Музтресте.⁵¹

24 марта 1925 года наконец состоялось общее распорядительное собрание Пушкинского кружка. На нем присутствовало тридцать три действительных члена кружка и пять членов-сотрудников. Президиум отчитывался о работе, связанной с изучением жизни и творчества Пушкина, охраной и «переделкой в прежний вид его квартиры». С 20 октября 1924 по 1 марта 1925 годов было проведено двенадцать заседаний президиума, одно памятное собрание 10 февраля в день смерти Пушкина, девять научных и два общих распорядительных собраний. Средняя посещаемость научных собраний составила 75—80 человек, распорядительных — 40. Гордостью членов кружка было то, что за отчетный период в квартире Пушкина уже появились музейные экспонаты, «в прежнем плановом состоянии» был восстановлен кабинет поэта.⁵²

Однако проблем было больше, чем радостных свершений. «Необычайные трудности, с которыми сопряжено добывание средств путем добровольных пожертвований, повело к тому, что до сих пор Пушкинскому кружку удалось лишь восстановить в прежних размерах кабинет Пушкина, который остается, однако, до сего времени неотделанным», — сообщал о деятельности кружка современный журнал в начале 1925 года.⁵³

Долги кружка, озвученные на собрании 24 марта, были впечатляющи: по-прежнему оставалась непогашенной квартплата с октября 1924 года и счета Электротокса, не были оплачены работы маляров, плотников, уборщицы. Выяснилось также, что не сходится

баланс финансового отчета. Не дав никаких внятных разъяснений, председатель вновь заговорил о способах получения доходов, предлагая вновь вернуться к подписным листам, музыкальным вечерам и, кроме того, повысить членские взносы действительных членов до 1 рубля в месяц.⁵⁴ Объяснения Жарновского не удовлетворили собрание, и оно приступило к перевыборам президиума. Из прежнего состава в нем остались М.Д.Беляев и А.А.Платонов, которые вскоре были избраны хранителями квартиры.⁵⁵ Вместе с ними в президиум вошли академик С.Ф.Платонов (избран председателем), Б.Л.Модзалевский (вице-председатель) и Н.В.Измайлов (секретарь с временными обязанностями казначея).⁵⁶

Новый состав президиума не случайно состоял в основном из сотрудников Пушкинского Дома. Полугодовой опыт работы показал несостоятельность попыток реконструкции пушкинской квартиры без поддержки серьезного академического учреждения. Не случайно и то, что первое заседание обновленного президиума состоялось 25 марта 1925 года не в доме на Мойке, а в помещении Пушкинского Дома. С этого времени начался новый период в истории Музея-квартиры. За девять месяцев до того, как 31 декабря 1925 года состоялась ее формальная передача Пушкинскому Дому, работы по устройству будущего музея уже начали обретать серьезный профессиональный характер. Замечательно, что в документах о деятельности кружка вновь появилось его прежнее солидное название — Пушкинское отделение Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград».

В первую очередь была проведена ревизия всех проведенных ремонтных работ с целью уточнения действительной задолженности, часть долгов была погашена за счет средств Комитета помощи Обществу «Старый Петербург».⁵⁷ Кружковцы сознавали, что необходимо продолжать поиск денежных средств. На собрании 24 марта поступило неожиданное предложение от П.В.Завитаева — «показывать публике квартиру за небольшую плату». Предложение вызвало жаркую дискуссию. Вновь встал вопрос об этике в работе. «Нельзя водить экскурсии по совершенно пустой квартире», — говорил А.Г.Яцевич. Его поддержал М.Д.Беляев. Через месяц Б.В.Томашевский предложил провести пробную экскурсию, с которой блестяще справилась В.Р.Завитаева.⁵⁸ Впоследствии она водила экскурсии, будучи на должности служительницы музея, и именно ее имя называл К.С.Станиславский актерам Московского Художественного театра, рекомендуя им посетить Музей-квартиру на Мойке, 12 и послушать замечательного экскурсовода.⁵⁹

Весной 1925 года Пушкинское отделение ставило перед собой новые неотложные задачи: во-первых, «заняться устройством в квартире Пушкина музея быта 1830-х годов», во-вторых, «если позволят средства отделения, перекрасить кабинет, где умер Пушкин, в исторический зеленый цвет», в-третьих, «продолжать по возможности научные собрания с докладами и наладить при содействии В.Р.Завитаевой и С.Л.Галашкина экскурсии по квартире <...>».⁶⁰

Для решения первой задачи предполагалось обратиться в Музейный фонд и в Главмузей со списком вещей, «необходимых для мебелировки», составленным М.Д.Беляевым и Н.Е.Лансере.⁶¹ Параллельно архитектор-инженер А.А.Платонов продолжал работы по исследованию истории дома Волконских. «Ввиду большого научного интереса работы А.А.Платонова и важности ее для целей Общества» решено было «просить совет Общества командировать А.А.Платонова в Москву в Бахрушинский музей и бывший Румянцевский музей для работ по их материалам».⁶²

Впоследствии всем, кто так или иначе помогал в деле реконструкции квартиры, в организации памятных собраний, были направлены письма с благодарностью. «За деятельную помощь при устройстве квартиры, где скончался Пушкин» получили благодарность и бронзовую Пушкинскую медаль, выбитую Академией наук в 1899 году, В.А.Пы-

пина, С.Д.Цирель-Спринцсон и С.А.Галяшкин (последний — «за копию его работы с портрета Н.Н.Пушкиной (масло), подаренную музею»⁶³). Медаль и благодарность получил и Н.Е.Лансере. В архиве сохранился черновой вариант отправленного к нему письма: «Уважаемый Николай Евгеньевич! От имени Пушкинского Дома позвольте принести Вам выражение искренней благодарности за составление плана квартиры, в которой умер Пушкин, и не откажите принять на память о Пушкинском Доме, как слабый знак его благодарности, посылаемую при сем бронзовую юбилейную медаль в честь Пушкина».⁶⁴ Письмо, приложенное к экземпляру бронзовой пушкинской медали, было отправлено и профессору М.Г.Климову.⁶⁵

21 ноября 1925 года на годовом собрании Общества «Старый Петербург» был заслушан отчет «по денежной части с 1 апреля по 1 ноября 1925». Докладчиком был Н.В.Измайлов, ведавший с марта 1925 года финансовой деятельностью отделения. Члены общества не обнаружили никаких финансовых нарушений, и отчет был утвержден. После этого с докладом о научной работе выступил М.Д.Беляев. Он же сообщил собранию, что Пушкинский Дом готов вновь «<...> принять квартиру Пушкина в ведение и на бюджет Академии Наук». Члены общества приняли решение «<...> не возражать против перехода квартиры в Пушкинский Дом, <...> признавая, что Академия наук СССР в лице Пушкинского дома имеет все права на владение квартирой <...>».⁶⁶ Против высказался только С.Н.Жарновский.⁶⁷

В октябре 1925 года, незадолго до официальной передачи квартиры Пушкинскому Дому, состоялось последнее научное заседание кружка. На нем был заслушан доклад М.Д.Беляева о декабристе В.П.Ивашеве «От ареста до ссылки». Ровно через четыре года сам докладчик и некоторые из его слушателей также оказались под арестом и в ссылке. 13 ноября 1929 года М.Д.Беляеву, Н.В.Измайлову и еще нескольким сотрудникам учреждений Академии наук было объявлено, что они «на основании постановления Комиссии по проверке аппарата АН СССР увольняются от службы в АН».⁶⁸ Вскоре они и многие их коллеги были привлечены органами ОГПУ к следствию,⁶⁹ которое после ареста в январе 1930 года С.Ф.Платонова и еще троих академиков стали называть «академическим делом». По странному стечению обстоятельств первая серия приговоров арестованным по этому делу была вынесена тройкой ОГПУ в очередную пушкинскую годовщину 10 февраля 1931 года.⁷⁰

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень научных докладов, заслушанных на заседаниях Пушкинского кружка, проходивших в 1924—1925 годах в квартире № 1 в доме на Мойке, 12⁷¹

1. «Петербург в поэзии Пушкина» (Н.В.Измайлов, 24 декабря 1924 года).
2. «Пушкин в кружке Олениных и мыза Приютино» (А.А.Платонов, 29 декабря). Сохранилась газетная вырезка с сообщением: «Сегодня в 8 час. вечера в квартире А.С. Пушкина (Мойка, 12) состоится доклад члена общества “Старый Петербург” А.А. Платонова “Пушкин в кружке Олениных и мыза Приютино” по новым данным. Вход свободный».
3. «Последнее новоселье» (П.Е.Рейнбот, 5 января 1925 года).
4. «Анна Алексеевна Оленина» (М.Н.Мотовилова, 12 января).
5. «Самая красивая страница в биографии Пушкина (Пушкин и Елена Николаевна Раевская» (А.П.Семенов-Тянь-Шанский, 19 января). Об этом и трех следующих докладах также появились извещения в «Красной газете».

6. «Пушкин и Анна Алексеевна Оленина» (П.М.Устимович, 26 января).
7. «Южная любовь Пушкина (ответ на доклад А.П.Семенова-Тян-Шанского от 19 января)» (Н.Н.Кузнецов, 2 февраля).
8. «Смерть и похороны Пушкина» (П.Е.Рейнбот, 16 февраля).
9. «По поводу стихотворения “Ты видел деву на скале...”» (С.А.Гальяшкин, 23 февраля). После доклада обсуждались результаты конкурса «на идею увековечивания памяти Пушкина в Михайловском».
10. «Пушкин и Кольридж. Перевод Пушкина из Вордсворта» (Н.В.Яковлев, 9 марта).
11. «Село Михайловское в прошлом и настоящем» (П.М. Устимович, 16 марта).
12. «Пушкин в Петербурге» (П.Е.Рейнбот, 23 марта).
13. «К вопросу об отражении пушкинских образов в позднейшей русской литературе (Германн и его духовные потомки)» (А.А.Гизетти, 30 марта).
14. «Забывтый уголок Пушкина — с. Михайловское Порховского уезда, Псковской губернии» (А.К.Гладкий, 6 апреля).
15. «Гринев как тип интеллигента переходной эпохи» (продолжение доклада от 30 марта) (А.А.Гизетти, 13 апреля).
16. «Арина Родионовна — няня Пушкина» (П.М.Устимович, 27 апреля).
17. Внеплановое собрание кружка, посвященное памяти Нестора Александровича Котляревского состоялось 11 мая. Выступали С.Ф.Платонов, Л.Л.Барсков и Б.М.Энгельгардт.
18. «Пушкин и князь В.Ф.Одоевский» (Н.В.Измайлов, 18 мая).
19. Заседание 8 июня, посвященное 126-й годовщине со дня рождения Пушкина, открыл академик С.Ф.Платонов (вступительное слово «Пушкин и Петр Великий»), затем выступил Б.Л.Модзалевский (доклад на тему «Пушкин и его друзья в письмах баронессы С.М.Дельвиг»).
20. «Два месяца в с. Михайловском» (П.Н.Елагин, 22 сентября).
21. «Пушкин и Саути. Источник Родрига» (Н.В.Яковлев, 29 сентября).
22. «Любовь на пороге XIX века. Письма Андрея Тургенева» (Е.Н.Шейкина, 6 октября).
23. «О московском собрании рукописей Пушкина» (Н.В.Измайлов, 13 октября).
24. «Столетие двух перлов лирики Пушкина — “Я помню чудное мгновенье...” и “Всё в жертву памяти твоей...”». 1825—1925» (А.П.Семенов-Тян-Шанский, 20 октября).
25. «От ареста до ссылки (декабрист В.П.Ивашев в 1826—1827 гг.)» (М.Д.Беляев, 27 октября).

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: Седова Г.М. Музей-квартира А.С.Пушкина в доме на Мойке, 12//Седова Г.М., Солдатова Л.М. Особняк на Мойке, 12. СПб., 1999. С. 93—103.
- ² РГАЛИ. Ф. 2134 (Пушкинский кружок при Обществе «Старый Петербург»). Оп. 1. № 6. Л. 1.
- ³ См.: Там же. № 2. Л. 6.
- ⁴ Там же. Л. 5.
- ⁵ Архив Всероссийского музея А.С. Пушкина. Оп. 3. № 317. Л. 6.
- ⁶ См.: Седова Г.М. Музей-квартира А.С. Пушкина в доме на Мойке, 12. С. 97.
- ⁷ См., например: Архив РАН. Ф. 1, 2, 150; ЦГАЛИ (СПб.). Ф. 2862; РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 1—13.
- ⁸ Красная газета. Веч. вып. 1924. 23 дек.
- ⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 2. Л. 5. Подробнее о М.Д.Беляеве см.: Яценко О.А. М.Д.Беляев. Теория построения историко-литературного музея//Страницы истории пушкиноведения. СПб., 1994. С. 99—100.
- ¹⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 14. Л. 106.

¹¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1919). № 3. Л. 345.

¹² См.: РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 14. Л. 2об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. № 4. Л. 47.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Там же. № 2. Л. 11. Впервые заведующий Историко-бытовым отделом Русского музея Н.Е.Лансере изготовил планы и чертежи будущего музея и сметы на ремонт его помещений в 1922—1923 годах. См.: ЦГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. № 1884. Л. 2—3, 10—11.

¹⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 5. Л. 7—109.

¹⁸ Там же. № 9. Л. 1.

¹⁹ См.: Там же. Л. 7.

²⁰ См.: Там же. № 4. Л. 47об.

²¹ В архиве сохранилась программа такого пушкинского концерта. Вечер должен был открывать П.Н.Столлпский сообщением «О петербургских квартирах А.С.Пушкина». Затем звучала музыкальная пьеса Л.В.Бетховена, актриса Э.Каминская читала стихи Пушкина (гимн Чуме из «Пира во время чумы», «К поэту», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Желание славы», «К морю», «Памятник», «Испанский романс», эпиграммы). Романы русских композиторов на стихи Пушкина исполняли артисты М.Я.Хортик («Ночной Зефир» А.С.Даргомыжского, «Пью за здравие Мэри...» М.И.Глинки, «Редет облаков летучая гряда...» Н.А.Римского-Корсакова, «В крови горит огонь желанья...» А.К.Глазунова, «Цветок засохший...» А.Т.Гречанинова), Г.Г.Карпова («К Морфею» Титова, «Я вас любил...» А.Е.Варламова, «Испанский романс» Н.К.Метнера, «Нереида» А.К.Глазунова, «В крови горит огонь желанья...» М.И.Глинки), Б.М.Фрейтков («Анчар» и «Пророк» Н.А.Римского-Корсакова, ария Бориса из оперы М.П.Мусоргского «Борис Годунов»), С.А.Николаев (арии из опер П.И. Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама»), О.П.Долматовская (романы А.П.Бородина «Для берегов отчизны дальней...», «Царскосельская статуя», «Редет облаков летучая гряда...»). См.: Там же. № 13. Л. 1.

²² См.: Там же. № 2. Л. 11об.

²³ См.: Там же. № 13. Л. 6.

²⁴ См.: Там же. Л. 13.

²⁵ См.: Там же. № 14. Л. 2об.

²⁶ См.: Там же. № 2. Л. 13.

²⁷ См.: Там же. № 12. Л. 1. Из документов следует, что обычно такие заседания посещало от сорока до семидесяти человек. Исключение составили три собрания, посвященные памяти Пушкина (10 февраля и 6 июня) и памяти директора Пушкинского Дома академика Н.А.Котляревского (18 мая). На них присутствовало свыше ста пятидесяти человек (см.: Там же. № 4. Л. 49). Желавших попасть в квартиру, особенно 10 февраля, было еще больше. В архиве кружка сохранилось письмо с просьбой пропустить в этот день на памятное собрание десять школьников — активных участников литературного кружка. На нем имеется резолюция секретаря кружка А.А.Платонова: «Отказать из-за недостатка места» (Там же. № 13. Л. 10). 3 февраля 1925 года президиум кружка известил Третье отделение милиции о предстоящем «акте по случаю исполняющейся годовщины смерти Пушкина». Платонов ходатайствовал: «Ввиду ожидающегося большого наплыва публики, желающих посетить акт, кружок просит принять соответствующие меры к предотвращению могущих быть конфликтов» (Там же. Л. 11).

²⁸ См.: Там же. № 12. Л. 3—11об.

²⁹ Загадочную букву «Л», проставленную перед фамилией одного из друзей М.Д.Беляева — Соломона Давидовича Цирель-Спринцсона, помог расшифровать его сын В.С.Цирель-Спринцсон. Он обратил наше внимание на то, что друзья и домашние называли его отца Лима.

³⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 12. Л. 12, 14, 16, 34.

³¹ См.: Там же. № 2. Л. 11, 13.

³² См.: Там же. Л. 11об.; № 4. Л. 47об.

³³ См.: Там же. № 2. Л. 21.

³⁴ См.: Там же. № 13. Л. 2, 4.

³⁵ См.: Там же. № 2. Л. 18.

³⁶ См.: Там же. Л. 27.

³⁷ См.: Там же. № 8. Л. 1.

³⁸ См.: Там же. Среди лиц, которым кружок остался должен за проведенные работы, находим имена печника Носикова, столяра Лебедева, поденщицы П.Ильиной, уборщицы С.Визберг, монтера Николаева, переписчицы Сретинской, рабочих Большакова, Смирнова, Кудрявцева и Михайлова. Имени дворника Финогенова в сметах не найдено. См.: Там же. № 5. Л. 1—5; № 8. Л. 1.

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ См.: Там же. № 2. Л. 20—22.

⁴¹ Там же. Л. 19.

⁴² См.: Там же. Л. 20.

⁴³ Там же. Л. 19.

⁴⁴ Там же. № 17. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 2; № 2. Л. 21.

⁴⁶ Возможно, Ахматова воспользовалась этим приглашением и побывала в пушкинской квартире 10 февраля 1925 года. Впоследствии она вспоминала: «Примерно с середины 20-х годов я начала

очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина» (цит. по: Ахматова А. [Проза поэта]. М., 2000. С. 82). 20 июня 1929 года она расписалась в книге посетителей Музея-квартиры Пушкина (рядом стоят подписи Э. и М. Гинзбург). См.: Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1928). № 14. Л. 31об.

⁴⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 2134. № 13. Л. 7—9.

⁴⁸ Ленингр. правда. 1925. 11 февр.

⁴⁹ Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1929). № 9. Л. 70—71; № 7. Л. 128.

⁵⁰ Там же. Л. 134.

⁵¹ См.: Там же. Л. 58, 61, 66.

⁵² Там же. № 7. Л. 27.

⁵³ Беляев А. Последняя квартира Пушкина/Красная панорама. 1925. № 6. С. 7.

⁵⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 2. Л. 27.

⁵⁵ См.: Там же. № 2. Л. 27, 32.

⁵⁶ См.: Там же.

⁵⁷ См.: Там же. Л. 33.

⁵⁸ См.: Там же. Л. 32, 31.

⁵⁹ См.: Седова Г.М. Музей-квартира А.С. Пушкина в доме на Мойке, 12. С. 101—102.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 2. Л. 33об.

⁶¹ Там же. Л. 33об., 34.

⁶² Там же. Л. 34.

⁶³ Там же. Л. 142—144.

⁶⁴ Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1921). № 7. Л. 58.

⁶⁵ См.: Там же. Л. 141. Благодарность от лица Пушкинского Дома лицам, оказавшим «<...> ту или иную помощь в деле устройства последней квартиры Пушкина», также выражена в кн.: Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем, 1837—1927/Сост.: М.Д.Беляев, А.А.Платонов. Л., 1927. С. 28.

⁶⁶ Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1921). № 7. Л. 39.

⁶⁷ Архив Всероссийского музея А.С.Пушкина. Оп. 3. № 317. Л. 8.

⁶⁸ Архив РАН. Оп. 1 (1929). № 31. Л. 46.

⁶⁹ См.: «Еще осталось немало хлама в людском составе»: Как началось «дело Академии наук»// Источник: Документы рус. истории (Вестник архива Президента Российской Федерации). 1997. № 4. С. 114—118.

⁷⁰ См.: Академическое дело 1929—31 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993. С. XLVIII.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. № 12. Л. 4—11об.

ВОКРУГ ПУШКИНА

В.М.Файбисович

А.Н.ОЛЕНИН И ГРАФ А.А.АРАКЧЕЕВ

В посмертной судьбе А.Н.Оленина А.А.Аракчеев сыграл роковую роль: с именем всемогущего временщика в массовом сознании непостижимым образом связалась знаменитая «лабзинская история», густой тенью упавшая на репутацию президента Академии художеств.

Напомним, что 13 сентября 1822 года на заседании Совета Императорской Академии художеств Оленин предложил избрать в почетные любители графов А.А.Аракчеева, Д.А.Гурьева и В.П.Кочубея. В ответ на требование вице-президента А.Ф.Лабзина обосновать кандидатуру графа Кочубея Оленин сослался на близость последнего к императору. Лабзин возразил президенту, что на таком основании можно избрать и государева кучера Илью. За эти слова, дошедшие до властей, он был сослан в Сенгилей и вскоре умер. В его удалении молва обвиняла Оленина.

Теперь нет нужды доказывать невиновность Оленина в деле Лабзина; в 1875 году М.И.Семевский опубликовал в журнале «Русская старина» ряд документов, которые, по его справедливому убеждению, «снимают с А.Н.Оленина малейшую тень нарекания по отношению к судьбе, постигшей Лабзина, и неопровержимо доказывают, что он не только не был доносчиком на своего конференц-секретаря,¹ но еще всячески старался смягчить его проступок и, рискуя своим собственным положением, — смело протянул опальному руку помощи».² Однако публикация Семевского фатально запоздала: волна явных обвинений и глухих намеков уже прокатилась по запискам и воспоминаниям современников Оленина и Лабзина.

Действительно, «дело Лабзина» получило столь громкий общественный резонанс и столь широкое отражение в мемуарной литературе, что превратилось со временем в настоящую мифологию.³ При этом, по точному наблюдению ее современных комментаторов, «сопоставление многочисленных рассказов об этой истории <...> демонстрирует, что Аракчеев оказывается в центре повествования по мере сглаживания нюансов, т. е. убывания достоверности».⁴ Об устойчивости этого апокрифа свидетельствует, например, недавняя анонимная газетная публикация «Коня — в сенат»: «В свое время секретарь Российской императорской академии наук А.Ф.Лабзин на предложение избрать академиком графа Аракчеева (за близость его к государю) выдвинул встречную инициативу: «Давайте уж сразу кучера, Илью Байкова, — он-то к государю еще ближе бывает». Лабзина сослали».⁵

«Дело Лабзина» для биографа Оленина имеет и другой аспект. Можно не сомневаться, что именно оно подало Ф.Ф.Вигелю повод утверждать, что, «никогда не изменяя чести, был он (А.Н.Оленин. — В. Ф.), как все служащие в Петербурге быть должны, искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними».⁶ В свою оче-

редь, это свидетельство Вигеля об «уступчивости» Оленина определило негативное отношение к его личности, надолго воцарившееся в советской популярной и научной литературе;⁷ так, Т.Г.Цявловская назвала предложение Оленина об избрании в почетные любители Академии художеств Аракчеева (которого известная исследовательница также предпочла Гурьеву и Кочубею) «венцом его угодничества».⁸

Между тем истинные взаимоотношения Оленина с гр. Аракчеевым никем доньше не рассматривались, хотя наряду с документами дела Лабзина М.И.Семевский опубликовал часть их переписки. Неопубликованные документы из архива Оленина, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ГИМ), а также в Отделах рукописей Российской Государственной (РГБ) и Российской Национальной (РНБ) библиотек, позволяют достаточно ясно представить, кем в действительности были друг для друга Оленин и Аракчеев.

С 1812 года Оленин исполнял должность государственного секретаря и, лично докладывая императору о ходе дел в Государственном совете, приобрел колоссальное влияние на их течение. Однако уже в 1816 году заведование канцелярией Комитета министров и доклад по его делам были переданы Аракчееву, последовательно прибиравшему бразды правления к своим рукам. С этого времени и до конца александровского царствования Оленин был вынужден непрестанно отстаивать свои служебные права и защищать свое достоинство от посягательств Аракчеева. Первое столкновение между ними (речь о нем впереди) произошло в конце 1817 года.

16 декабря 1817 года Аракчеев отправил из Москвы⁹ собственноручное письмо к Оленину с выражением крайнего неудовольствия по поводу увольнения из Академии художеств его крепостного; некоторые пассажи в этом письме имели явно угрожающий характер.¹⁰ Оленин получил это письмо 21 декабря. Одновременно до него дошли слухи об интригах некоего недоброжелателя из числа «товарищей» по службе, порочившего его в глазах Аракчеева в связи с многолетней тяжбой между Муравьевыми, Ермоловыми и Давыдовой. Есть веские основания подозревать, что в этом «товарище» Оленин небезосновательно видел статс-секретаря Н.Н.Муравьева, ибо, в отличие от большинства чиновников, рассматривавших эту тяжбу, Оленин считал Муравьевых неправыми.

Стремясь убедить Аракчеева в своей беспристрастности, Оленин отправил ему 22 декабря 1817 года пространное и откровенное объяснение. Его письмо было тщательно обдуманно и исполнено достоинства; оно, писал Оленин, должно было послужить «к вящему, или, лучше сказать, к излишнему, может быть, успокоению моей совести: ибо она, впрочем, как по сему делу, так и по всем другим, мною производимым, весьма спокойна, поелику *в службе у меня нет ни родства, ни кумовства, ни знакомства, ни подобострастного угождения*». Отвергая приписываемое ему в связи с этим делом влияние на недавно скончавшегося председателя Государственного совета князя Н.И.-Салтыкова, Оленин продолжал: «Я знаю, что про меня давно слух носится, будто я большой у вельмож мастер владеть их мнением.— Не потому ли пронеслась сия невыгодная для меня молва, что при перемене Начальства, весьма между собою различного, я все остаюсь при моем месте и притом имею счастье через некоторое время приобретать доверенность новых начальников. Спрашивается: чем? Конечно, не ласкательством и не коварством, но могу смело сказать, верностию в исполнении мне поручаемого, прилежностью и повиновением.— Не распространяясь более о сем предмете, я осмелюсь в том сослаться собственно на ваше Сиятельство. Сравните, Сиятельнейший Граф, мнение ваше обо мне до того времени, как я имел счастье сблизиться с вами по делам службы, и то, которое вы изволили мне потом неоднократно изустно изъявлять.— Скажите по

сродной Вам справедливости, другими я какими путями до сего достигнул, как не теми, о которых я здесь упомянул?»¹¹

В доказательство своей непредвзятости Оленин прилагал к своему письму документы семнадцатилетней давности, из которых следовало, что своего мнения в этом затяжном судебном процессе он придерживался еще в 1800 году, до учреждения Государственного совета...

Ошибочно рассчитанное на благородство и великодушие адресата, это письмо лишь еще более раздражило Аракчеева. 28 декабря 1817 года он вернул Оленину ходатайство за его подчиненного П. Меркуриева, прослужившего двадцать лет под оленинским началом и попавшего в отчаянное положение. «<...> письмо на ваше имя Военного советника Меркуриева, — писал Аракчеев, — я должен возвратить при сем к вам, Милостивый Государь мой, так как я не нахожу себя вправе докладывать по оному Государю Императору».¹²

Еще через три дня, 31 декабря 1817 года, Аракчеев учинил Оленину демагогический письменный разнос, отправленный им в Петербург накануне выезда из Москвы в Грузино, где он остановился на несколько дней проездом в северную столицу и куда вслед за ним на две недели намеревался приехать император. Любопытно, что в «откидной кибитке» гр. Аракчеева ехал статс-секретарь Муравьев.¹³ «Милостивый государь, Алексей Николаевич, — писал Аракчеев Оленину. — При самом моем отъезде из Москвы доставили ваше пре<восходительст>во ко мне дело из Государственного совета, Давыдовой с Муравьевым, которое я и передал для доклада, по принадлежности, статс-секретарю Марченко со всеми приложениями. Но, найдя в оном деле письмо ваше, милостивый государь, по сему делу, которое меня, признаюся вам, крайне удивило, ибо не мое дело судить качества людей, а особенно еще почтенных, каковым я всегда привык считать и ваше пре<восходительст>во. После оною я долго размышлял, отдать ли сие письмо г. Марченке или возвратить вашему пре<восходительст>ву, и, наконец, по моим заключениям, нашел я, что лучше возвратить вам оное. Если сим несколько вас и огорчу, но не сделаю того, чтобы его кто-либо другой читал».¹⁴

Вероятно, это письмо встретилось по пути из Москвы в Петербург с письмом Оленина, написанным в тот же предновогодний день, 31 декабря 1817 года. Свое долгое молчание Оленин оправдывал больной рукой и твердо настаивал на решении об увольнении из Академии крепостных.¹⁵

В начале 1818 года положение обострилось. Император приехал в Петербург в ночь с 15 на 16 января и провел в столице две недели. 21 января, в понедельник, как свидетельствует Камер-фурьерский журнал, он «изволил заниматься докладами со статс-секретарями Олениным и Марченко».¹⁶ В ночь с 28 на 29 января Александр I выехал из Царского Села в Москву. Очевидно, вскоре после его отъезда Оленин получил документ, в котором воля государя по одному из решенных дел Государственного совета была изложена даже не Аракчеевым, узурпировавшим эту обязанность Оленина, а статс-секретарем Муравьевым. В одном из документов оленинского архива находится свидетельство об этом самого Оленина: «Видя себя более и более отстраняемым от Государя без всякой с моей стороны вины, я хотя и с горестью, но безропотно сносил жестокою мою участь. Наконец, в начале 1818 г. решенные дела Государственного Совета стали ко мне быть присылаемы к исполнению не только с объявленными Высочайшими повелениями, подписанными рукою Графа Аракчеева, что до того времени я сам своеручно исполнял на основании 131 § Высочайшего образования Государственного Совета, но даже за подписанием г. Статс-Секретаря Муравьева, а при том и хождение мое с делами к Государю Императору прекратилось».¹⁷

Из того же документа — отчета Оленина о своей деятельности в должности исправляющего обязанности Государственного секретаря в правление императора Александра, представленном Николаю I в первые дни по его воцарении, — мы узнаем о дальнейшем развитии событий: «Не могли снести столь тяжкого для меня положения, я решился 2-го марта 1818-го года письменно просить Графа Аракчеева об исходатайствовании мне честной отставки. — Граф на мое письмо приготовил ко мне от себя ответ, но Государь Император не велел ко мне оно послать, а Всемилостивейше указать мне соизволил явиться на другой день пред Священную Его Особу и Сам изустно объявил мне, после многих лестных для меня выражений, что я в бытность и небытность здесь Графа Аракчеева всегда лично представлял дела Его Императорскому Величеству по Середам».¹⁸

Между тем в последнем сообщении есть некоторая временная несообразность. 21 февраля 1818 года император отбыл из Москвы на сейм в Варшаву и возвратился в Петербург только 15 июля.¹⁹ Таким образом, в 1818 году личная встреча Оленина с Александром I могла состояться никак не ранее, чем через четыре с половиной месяца со дня подачи прошения об отставке. Однако из слов Оленина явствует, что реакция императора на его прошение была незамедлительной («<...> указать мне соизволил явиться на другой день пред Священную Его Особу <...>»). Кстати, об оленинском прошении об отставке мы узнаем и из другого неопубликованного документа — письма Оленина к Александру I от 31 января 1820 года. «В прошлом году я осмелился всеусерднейше просить о милостивейшем увольнении меня от исправления трудной должности Государственного Секретаря как не по молодым моим летам, так и потому, что заведывать сею должностью с пользою для службы без некоторой Высочайшей доверенности и благоволения — никак не можно, — обращается к государю Оленин. — Вашему императорскому Величеству угодно было в просьбе моей отказать, в самых лестных для меня выражениях, объявленных мне тогда его сиятельством Графом Алексеем Андреевичем Аракчеевым и потом лично Вашим Величеством мне всемилостивейше подтвержденных».²⁰

Из этого документа следует, что оленинское прошение об отставке следует датировать 2 марта не 1818-го, а 1819 года; с 22 декабря 1818-го по 23 июля 1819 годов император Александр I находился в Петербурге, и его ответ Оленину мог последовать незамедлительно. Неопубликованное черновое письмо Оленина к государю, датированное 12 марта 1819 года, подтверждает это предположение. «Я давно желал оставить службу мою при Государственном Совете, чувствуя, что заботы и деятельность, которых она непременно требует при отправлении должностей — и Государственного Секретаря, и недостающих Статс-Секретарей, — с летами моими уже несоразмерна! — признавался Александру I Оленин. — Неминуемые и неприятные встречи по сим должностям наконец понудили меня письменно утрудить Ваше Императорское Величество, посредством Графа А.А.Аракчеева, о изъявлении мне сей милости. <...> На письмо мое Граф А.А.Аракчеев мне объявил, что Вашему Величеству угодно, чтобы я службу мою продолжал и при Государственном Совете».²¹

Итак, весь 1818 год Оленин и Аракчеев провели в откровенной вражде, — и Оленин в неравном соперничестве со своим могущественным противником готов был пожертвовать своей карьерой, но не собственным достоинством. Более того, в этом противоборстве временный успех оказался на его стороне: Александр I объявил ему, «что в случае каких-либо неприятностей по службе в Государственном Совете» Оленин может адресоваться непосредственно к императору.²² Кроме того, государь недвусмысленно подтвердил право Оленина на личный доклад ему по делам Государственного совета.²³

Все это заставляет нас критически пересмотреть историю создания известного портрета гр. Аракчеева, исполненного Н.И. Уткиным с оригинала И.Ф.Вагнера (1818). Эта история, со слов престарелого гравера, была рассказана П.Н.Петровым (1827—1891), родившимся через десять лет после описанных им событий. «В бытность графа Аракчеева в 1817 году с императором Александром за границую, — сообщает Петров, — А.Н.Оленин, имея лично надобность в *благорасположении любимца государя*, поручил Уткину выгравировать его портрет и успеть окончить непременно ко времени приезда, обещая на долю художника несомненно щедрое вознаграждение. Услужливый гравер с величайшей поспешностью и тщанием, оставив все другие работы, исполнил поручение блистательно. Оленин по приезде Аракчеева представил портрет его и получил *при посредстве его просимую милость*. По-своему признательный и любезный, Аракчеев поручил Оленину привезти художника к нему обедать. Являются. Хмурый хозяин встретил приветливо, как умел, приглашенного и, представив толпе вельмож, сказал, что это художник, сделавший ему честь портретом. Все хвалили тщательность работы и искусство гравера, говорили любезности, находили большое сходство. После обеда Аракчеев отводит Уткина в угол и едва слышно, носовыми своими звуками высказывает ему, что готов исполнить все, в чем он, Уткин, будет иметь до него нужду: затем расстается. Уткин не пробовал потом обращаться к Аракчееву, а тот забыл о нем».²⁴

Этот рассказ, записанный по меньшей мере три десятилетия спустя после выхода в свет уткинской гравюры, никем, кажется, не проверялся. Между тем он, мягко говоря, неточен. Портрет Аракчеева действительно был исполнен в 1818 году,²⁵ однако в 1817 году император за границу не ездил, граф Аракчеев его, следовательно, не сопровождал, да и Уткин без награждения не остался. В апреле 1824 года Н.И.Греч, по собственному его свидетельству, «в большой компании уличал гравера Уткина в лености и говорил: «Ты выгравировал картофельный нос Аракчеева, получил за это пенсию и перестал работать»»...²⁶

Указание точной даты рождения Аракчеева, помещенное под портретом, позволило А.М.Амшинской заключить, что этот портрет был предназначен «для поднесения Аракчееву в день юбилея».²⁷ Однако Аракчеев родился 23 сентября 1769 года, и его пятидесятилетие пришлось на осень 1819 года. Уткинский портрет датирован 1818 годом и исполнен, следовательно, не менее чем за десять месяцев до юбилея; так что и в этом случае никакой необходимости в спешке у гравера быть не могло. Вслед за П.Н.Петровым Амшинская называет заказчиком портрета Оленина. Однако в свете реконструированных выше враждебных отношений Оленина с Аракчеевым в 1817—1819 годах это представляется совершенно невероятным. Более того: у Оленина не было нужды заручаться «*благорасположением любимца государя*», чтобы получить «*при посредстве его просимую милость*», хотя бы потому, что в качестве исполняющего должность государственного секретаря Алексей Николаевич, как мы установили, имел еще в это время личный доступ к императору и мог обратиться к государю без чьего бы то ни было «посредства» — так он и поступал, когда его вражда с Аракчеевым приобретала особенно острый характер.

Заказчиком портрета, как представляется, мог быть и император, и сам Аракчеев, уже обращавшийся к Оленину с просьбой или, лучше сказать, с поручением награвировать изображение принадлежащего ему знамени (1817). То обстоятельство, что Уткин исполнил около 1818 года три варианта экслибриса Аракчеева, несомненно заказанных граверу самим графом, также свидетельствует в пользу этого предположения.²⁸ Текст, помещенный на гравюре, по-видимому, действительно приурочивал ее к пятидесятилет-

нему юбилею графа. Как уже говорилось выше, оригиналом для гравюры Уткина послужил пастельный портрет работы И.Ф. Вагнера (нынешнее местонахождение его нам неизвестно); на нем, судя по гравюре, Аракчеев был изображен без орденов св. Анны I класса и св. Александра Невского, украшающих его на других портретах, — единственной наградой здесь оставался лишь миниатюрный портрет государя на шее фаворита, пожалованный ему 30 августа 1814 года. Отказ от помещения на портрете орденов, этот подчеркнутый жест «скромности паче гордости», мог быть обусловлен лишь волей самого графа. Это позволяет с известной долей уверенности предположить, что заказчиком вагнеровского портрета был сам Аракчеев. Вероятнее всего, им же в преддверии юбилея, была заказана и гравюра. Можно полагать, что Оленин, уже ощутивший на себе мелочный и мстительный нрав временщика, действительно торопил Уткина с окончанием работы над портретом Аракчеева к его возвращению в Петербург после путешествия по южным губерниям летом 1818 года.

Принужденный императором в марте 1819 года «в самых лестных выражениях» просить Оленина остаться на службе, Аракчеев не простил ему этого торжества над собою. Неудивительно, что менее чем год спустя Оленин вновь столкнулся с бумагами Государственного совета, доклад по которым через его голову был сделан императору ставленником Аракчеева Н.Н. Муравьевым. Отстаивая свои права, Оленин вновь обратился к императору. «Я не могу скрыть от Вашего Императорского Величества, сколь сильно я был поражен третьего дня, — писал он 31 января 1820 года, — когда вдруг увидел на Высочайше утвержденной и возвращаемой к исполнению мемории Государственного Совета, через Статс-Секретаря Муравьева, что я снова <должен?> мемории объявлять к исполнению общему собранию с означением на них воли Вашего Императорского Величества рукою чиновной особы, вовсе чуждой Государственному Совету!»²⁹ Замечательно, что, получив вслед за тем «мнения Государственного Совета», собственноручно адресованные ему Александром I, Оленин все же счел необходимым напомнить императору об уважении, на которое он вправе рассчитывать. «Всемиловитейший Государь! — писал он Александру. — Простите великодушно мою чувствительность и мою откровенность, которые заставляют меня обременять внимание Вашего Величества сими строками. — Но если человек, все свое счастье поставляет служить своему Государю не словом, а делом — верою и правдою, сколько есть его сил и умения, нисколько не заботясь получением обыкновенных возмездий по службе,³⁰ то не должен ли он выше всего дорожить некоторой степенью Высочайшего благоволения — *а кольми паче доверенности?*»³¹

Реакция императора на это письмо неизвестна, но нет сомнений, что оно не могло не усугубить вражды Аракчеева к Оленину. В 1820 году у Аракчеева появились и другие причины для сведения счетов с Олениным.

Весной 1820 года решилась судьба Пушкина. Ссылка должна была стать наказанием за его вызывающее поведение, антиправительственные стихи и эпиграммы, среди которых особенно злы были эпиграммы на Аракчеева («Всей России притеснитель...»; «В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...» — *dubia*).

«Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева и было рассматриваемо в Государственном совете, как говорят, — свидетельствует Я.И. Сабуров. — Милорадович призывал Пушкина и велел ему объявить, которые стихи ему принадлежат, а которые нет. Он отказался от многих своих стихов тогда и, между прочим, от эпиграммы на Аракчеева, зная, откуда идет удар».³²

Когда в середине (около 15—18) апреля 1820 года по Петербургу распространился слух о предстоящей ссылке Пушкина, Н.И. Гнедич «с заплаканными глазами», как свиде-

тельствует Ф.Н.Глинка, «бросился к Оленину».³³ Ни заступничество Оленина, ни заступничество Н.М.Карамзина и И.В.Васильчикова успеха не имели, но Аракчееву, вероятно, донесли, что Оленин принадлежал к числу ходатаев за Пушкина. Трудно предположить, что Оленин не догадывался о том, что, радушно принимая у себя в 1819—1820 годах автора убийственных эпиграмм на «чугуевского Нерона» или заступаясь за юного поэта перед государем, он усложняет свои и без того крайне натянутые отношения с Аракчеевым.

Осенью 1820 года Оленин снова дал Аракчееву повод для озлобления. Во второй половине 1810-х годов на топографической съемке в Грузии отличился молодой офицер Григорий Никанорович Оленин (1797—1843), троюродный брат А.Н.Оленина.³⁴ Аракчеев вознамерился оставить его у себя в адъютантах, но неблагодарный поручик решительно уклонился от этой чести. Прикомандированный к Аракчееву в 1817 году Е.Ф. фон Брадке (1796—1861), сверстник Г.Н.Оленина, вспоминал: «Я поступил под начальство графа подпоручиком 20-ти лет от роду. Избалованный своими прежними начальниками, с преувеличенными понятиями о чести и с твердо установившимся сознанием своего достоинства, я, собственно говоря, не был подготовлен к службе при человеке, который в своем умственном высокомерии едва ли считал своих подчиненных людьми и часто обращался с ними “en canaille”. Так как многие другие молодые люди, разделявшие мои чувства, были прикомандированы к поселениям, как, например, известный скрипач Львов, состоявший в то время поручиком путей сообщения, — то мы вначале постоянно прощались друг с другом на долгое время всякий раз, что граф требовал нас к себе, твердо решившись не выносить никаких грубостей; а естественным последствием подобного образа действий несомненно было бы заточение в Шлиссельбургские казематы».³⁵ Упомянутый здесь Алексей Федорович Львов (1798—1870) испытывал эти нравственные муки в течение долгих лет, даже не пытаясь искать другого места.³⁶ «Трудно представить себе, как служба при Аракчееве была тяжела, — писала по этому поводу Е.Н.Львова, его мачеха, — а оставить ее было невозможно, потому что граф Аракчеев никогда не прощал тому, кто переменил службу у него на другую <...>».³⁷ По словам В.А.Олениной, вышедшей в 1823 году за Г.Н.Оленина, ее муж, уроженец Воронежской губернии, «в 17 лет приехал в Петербург (в 1814 г. — В. Ф.), где, не приготавливаясь к Экзамену в юнкера в колонновожатаи, ни с какими профессорами не знакомившись, прямо пошел на экзамен и стал вторым в 17 лет. — Был посылаем на съемку, уже офицером, в Грузино во время de la terreur. — В. Ф.) в имение грозного Г<ра>фа Аракчеева: его там пребывание было чрезвычайно интересно; но, к несчастю, Г<ра>ф Аракч<еев> его полюбил и решительно объявил, что он хочет его взять себе в адъютанты. Мой муж, узнавши это, тотчас поскакал в Петербург к К<ня>зю Меншикову, к своему тогда начальнику, умоляя его — его перевести куда ему угодно, только не оставлять его при Г<ра>фе Аракчееве. К<ня>зь Меншиков очень любил моего мужа, тотчас поехал к дядюшке К<нязю> Пет<ру> Мих<айловичу> Волхонскому, который был в это время в большой распре с Г<ра>фом Аракч<еевым> (что и составило мужа моего щастие), в эту минуту. К<нязь> П.М.Волхо<нский> сказал Меншикову тотчас же перевести в Гвардейс<кий> Генерал<ьный> Штаб моего мужа, к великому его удивлению и восхищению. Бывало, как мы едем с мужем по Петербургу, если повстречаемся с Граф<ом> Аракч<еевым>, он непременно от мужа моего отвернется, которой всякой раз мне и скажет: “Посмотри, волк-та и взглянуть на меня не хочет”».³⁸

Рассказ В.А.Олениной находит подтверждение и уточнение в «Списке о службе и достоинстве Гвардейского Генерального штаба Поручика Оленина 1-го», датирован-

ном 25 декабря 1821 года.³⁹ Из него следует, что Г.Н.Оленин ежегодно участвовал в топографических съемках в Новгородской губернии с 1816 года. За съемку, проведенную летом 1818 года, подпоручик Г.Н.Оленин получил в 1819 г. «бриллиантовый перстень в 400 рублей», а за съемку, осуществленную в 1819 году, произведенный в поручики (15 сентября 1819 года) Григорий Оленин 4 февраля 1820 года был удостоен «высочайшего благоволения»; 29 августа 1820 года «по высочайшему повелению» переведен в Гвардейский Генеральный штаб.

Помолвка Григория и Варвары Олениных состоялась 20 сентября 1822 года, и летом 1820 года Григорий Никанорович, вероятно, был уже вполне своим в доме своего будущего тестя. Трудно сказать, сколь осведомлен был о намечающемся браке Аракчеев, но в сознании последнего оскорбительное пренебрежение к его благоволению поручика Г.Н.Оленина неизбежно ассоциировалось с оппозиционностью к нему правителя Государственной канцелярии.

Личность кн. П.М.Волконского, вовлеченного в эту историю, заслуживает особого внимания. «Князь Волконский, как самый близкий человек к Александру I, не покидавший его с юных лет до самой его кончины, никогда не злоупотреблял своим положением государева любимца,— отмечает его прекрасно осведомленный биограф.— По отзывам современников, он всегда отличался беспристрастием, не знал ни друзей, ни родных, не выпрашивал им ни милостей, ни наград и был известен своею ненавистью к nepотизму... Благородный и великодушный по природе, но суровый в исполнении долга, он в последние годы жизни Александра являлся противовесом влиянию Аракчеева, которого презирал и называл змеем, считая его самым вредным для России и государя человеком».⁴⁰

Князь Петр Михайлович был женат на своей родственнице — Софье Григорьевне Волконской, дочери князя Григория Семеновича Волконского, дяди А.Н.Оленина по материнской линии,— и приходился Алексею Николаевичу кузеном. Нетрудно предположить, что в глазах современника это родство превращало историю с уклонением Г.Н.Оленина от покровительства Аракчеева в своего рода «семейный заговор».⁴¹

Между тем в то самое время, когда решалась судьба строптивого поручика, А.Н. Оленин набросал эскиз фронтисписа к первому изданию «Руслана и Людмилы»; в июле 1820 года виньета с широко известной монограммой *Д* уже гравировалась. За две недели до приказа о зачислении Г.Н.Оленина в Гвардейский Генеральный штаб, 14 августа 1820 года, в журнале «Сын Отечества» (№ 33) в разделе «Новые книги» под № 54 появилась заметка «Руслан и Людмила. Поэма в 6 песнях. Сочинение А. Пушкина». В извещении о выходе поэмы в свет говорилось: «Принадлежащая к ней виньетка, на которой изображены все лица и главнейшие явления поэмы, еще не кончена. Она нарисована весьма удачно, гравировается искусным художником и купившим поэму раздаваться будет безденежно».⁴² Через месяц, 18 сентября 1820 года, в том же журнале (№ 38) были напечатаны «Прибавления к поэме: Руслан и Людмила». Это были отрывки из шестой песни с двумя исправлениями и впервые публикуемый эпилог («Так мира житель равнодушный...»). Эта публикация сопровождалась подписью (А.Пушкин) и пометой: «26 июня 1820 г. Кавказ».⁴³

Все это не прошло мимо внимания Аракчеева, хотя вторую половину лета и осень 1820 года он провел вне столицы. 17 июля скончалась его мать, Елисавета Андреевна; она была похоронена в с. Курганы Бежецкого уезда Тверской губернии.⁴⁴ Прожив «при ее гробе две недели», Аракчеев 1 августа отправился в военное поселение Полоцкого и Елецкого пехотных полков. 16 августа Аракчеев писал из Могилевского военного поселения: «<...> сегодня я отправился в Варшаву к государю, где и располагаю про-

быть до сентября месяца, а потом оттуда поеду уже прямо в свой Грузинский монастырь». ⁴⁵ Однако и в путешествиях, и в «своем Грузинском монастыре» граф Аракчеев регулярно и бесперебойно получал от своих осведомителей полные сводки столичных новостей. В сентябре 1820 года граф Аракчеев должен был получить в Грузии известия и об «измене» ему Г.Н.Оленина, и о выходе в свет «Руслана и Людмилы» с оленинским фронтисписом, и о неприличной, с его точки зрения, помете под стихами ссыльного Пушкина в «Сыне Отечества». В октябре он получил донесение о возмущении в лейб-гвардии Семеновском полку, штабс-капитаном в котором числился сын А.Н.Оленина Петр. ⁴⁶

28 октября 1820 года Аракчеев писал Александру I: «Батюшка, Ваше Величество! <...> Как мне скучно, больно и досадно, что случившееся в Семеновском полку происшествие огорчит Ваше Величество; я, может быть, грешу, но думаю, что оно не от солдат. <...> Цензуре довольно дела смотреть за сочинителями. — Известного Вам Пушкина стихи печатают в журналах, с означением из Кавказа, видно, для того, чтобы известить об нем подобных его сотоварищей и друзей. Навек чистым сердцем и душою преданный Вашего Императорского Величества верноподданный». ⁴⁷ Очевидно, что Аракчеев (а с этого времени и Александр) усматривает прямую связь между солдатскими волнениями и «неуместным либерализмом». ⁴⁸ Монограмма *Ж* под иллюстрацией к сочинению Пушкина неизбежно причисляет А.Н.Оленина к неприличной компании «подобных его сотоварищей и друзей».

С начала 1820-х годов положение Оленина становится весьма незавидным. О тоне, который усвоил в обращении с ним Аракчеев, можно судить по письму от 17 марта 1822 года: «Не имею ни времени, ни позволения оное докладывать, а можете ваше превосходительство при личных докладах делать все, что угодно, ибо мы имеем не Государя, а отца, который от всех выслушивает; а потому и прошу как на сей раз, так и впредь извинить. Дурно пишу, ибо еду сей час в Царское Село». ⁴⁹ Однако из этого письма следует, что Аракчееву не удалось окончательно отлучить Оленина от Александра I.

Осознавая важность поста государственного секретаря и желая иметь на этом месте менее самостоятельного и более стоворчивого человека, В.П.Кочубей и Аракчеев в 1822 году по очереди предлагали Оленину должность министра юстиции. Прекрасно осознавая подоплеку этих предложений, Оленин ответил на них вежливым отказом, отправив 16 апреля 1822 года соответствующее письмо на имя Аракчеева. ⁵⁰ Пять месяцев спустя на Совете в Академии художеств произошел инцидент с А.Ф.Лабзиным. Кажется, ни один из многочисленных интерпретаторов пресловутого «дела Лабзина» не обращал внимания на то обстоятельство, что все кандидаты, представленные президентом к избранию в почетные любители Академии (графы Аракчеев, Гурьев и Кочубей), были его злейшими врагами. ⁵¹ Мало того, их вражда была обусловлена, выражаясь пушкинским словом, «самостояньем» Оленина и его нежеланием поступаться своими служебными правами и личным достоинством. ⁵² Как представляется, предложение Оленина было своеобразной демонстрацией миролюбия и жестом доброй воли по отношению к его противникам. ⁵³

Делая этот шаг, Оленин, конечно, не рассчитывал на существенное потепление отношений с Кочубеем, Гурьевым или Аракчеевым, для которого он оставался членом партии, возглавляемой кн. П.М.Волконским. В следующем году напряженность во взаимоотношениях Оленина с Аракчеевым вновь привела к кризису.

В это время Аракчеев вновь встал между императором и Олениным, не упуская случая унижить последнего и заставляя его часами «ожидать приказаний его сиятель-

ства». Четыре записки, которыми Оленин и Аракчеев обменялись 15 мая 1823 года, весьма живо рисуют нам их отношения.

«Бумаги, следующие к Высочайшему благоусмотрению на завтрашний день, готовы,— пишет Аракчееву Оленин.— Я с ними ожидаю приказания вашего Сиятельства в комнатах Государственного Совета.— Не прикажете ли теперь или через час явиться с ними в комнаты Комитета Гг. Министров?»⁵⁴

«Государь Император изволит находиться на Каменном Острове,— отвечает Аракчеев,— следовательно, ваше превосходительство завтрашний день бумаги изволит послать запечатенные к Государю Императору; то мне и нет надобности уже их видеть, тем более что я из комнат Гг. Министров не могу отлучиться, а при том должен сего же числа обедать у Государя, то и не буду иметь времени видеться с вами, милостивый государь».⁵⁵

«Из письма Вашего Сиятельства на покорнейшую мою записку, касательно предвзвешенного Вашего рассмотрения, по данному мне предписанию, бумаг Государственного Совета, изготовленных к завтрашнему докладу, я должен заключить, что Государю Императору неблагоугодно уже более, чтоб я лично имел счастье сии доклады подносить Его Величеству на Каменном Острове, как то с давних лет велось и до сего времени,— резюмирует Оленин, осознавая, что Аракчеев вновь пытается превратить его из государственного секретаря в канцеляриста.— Не имел никакого сведения о сем новом повелении, я, по предписанию Вашего Сиятельства, явился было с изготовленными к докладу бумагами и осмелился о том Вас, Сиятельнейший Граф, утрудить запискою. Теперь, по объявленному мне Вашим Сиятельством новому распоряжению, хотя с крайним огорчением, но исполняя Высочайшую волю, я возвращаюсь домой, и завтрашний день отправлю изготовленные к докладу бумаги к Государю Императору на Каменный Остров».⁵⁶

К сожалению, мы не знаем, сколько времени отделяет эту записку от следующей, датированной тем же числом, как не знаем и того, что предпринял в это время Оленин; судя по результатам, меры эти были экстраординарными: «Государь Император Высочайше соизволяет Его Превосходительству Алексею Николаевичу Оленину завтрашнее утро самому привезти лично на Каменный остров дела, поутру, в обыкновенное время, и время оное наблюдать. С истинным почтением навсегда, Аракчеев. <P. S.> Я же завтра поутру на Каменном острове не буду, меня прошу не дожидаться».⁵⁷

Однако и этот очередной успех оказался Пирровой победой. Личные доклады Оленина императору стали скорее исключением, чем правилом. В уже цитированном письме к Николаю I от 23 декабря 1825 года Оленин констатирует, что и после ободрившей его аудиенции у Александра I, состоявшейся, как мы установили выше, в марте 1819 года, «порядок докладов продолжался посредством Графа Аракчеева».⁵⁸ В 1823 году Оленин вновь подал прошение об отставке: «Сей затруднительный ход дел, невыгодный для самой службы, преклонные мои лета и некоторое как бы неблаговоление ко мне обожаемого мною Государя побудили меня в конце 1823 г. повторить через Графа Аракчеева просьбу мою об отставке».⁵⁹

Можно думать, что, предпринимая это шаг, Оленин был вполне чистосердечен: по видимому, он не намеревался отказываться ни от поста президента Академии художеств, ни от поста директора Публичной библиотеки. Тем более неожиданным был для него эффект от его прошения. «В Бозе почивающий Государь Император изволил прислать ко мне самого Графа Аракчеева с тем, чтоб настоятельно меня уговорить остаться в службе...— рассказывал Оленин в письме к Николаю I.— Явившись во дворец в последних днях года, я был призван в Кабинет и обласкан, как верноподданный может быть

ласкан справедливым Государем. Несколько дней спустя, а именно 1-го января 1824 года, я имел счастье получить вовсе неожиданный знак царской милости: орден Святого Александра Невского». ⁶⁰

В это время Аракчеев был в зените своей власти, — а перед ним и прежде пресмыкались носители громких званий, наследники древних титулов и обладатели несметных богатств. ⁶¹ «Весьма немногие не следовали этому примеру или сохраняли, по крайней мере, некоторое собственное достоинство, — свидетельствует современник, — но большинство высших сановников в столице поклонялись той высокой власти, которую он держал в своих руках». ⁶² Визит всесильного временщика, приехавшего к Оленину с уговорами «остаться в службе», был, без преувеличения, явлением беспрецедентным. ⁶³ В субботу, 22 декабря 1823 года, в шестом часу вечера Оленин получил от Аракчеева записку следующего содержания: «Граф Аракчеев, свидетельствуя свое почтение Его Превосходительству Алексею Николаевичу Оленину, просит уведомить, может ли он принять его, Графа Аракчеева, сего вечера около 8 часов, ибо имеет надобность переговорить с ним о нужном». ⁶⁴ Однако в этот день Аракчеев посетить Оленина не смог; ⁶⁵ его визит состоялся между 23 и 27 декабря, поскольку 28 декабря Аракчеев был уже в Грузии. Но и там Аракчееву пришлось лично позаботиться о грамоте на орден св. Александра Невского, врученной Оленину 1 января 1824 года. ⁶⁶

Неожиданное благоволение, недвусмысленно проявленное императором к Оленину, заставило Аракчеева стать осторожнее. В 1824 году он пригласил Оленина в Грузино «на деревенский праздник». Отказ был бы неприличен: сам император Александр был частым посетителем Грузина (в общей сложности он гостил там двенадцать раз). «После примирения с Г<ра>фом Аракчеевым, — рассказывает В.А.Оленина, — он неожиданно был приглашен к себе в знаменитое Грузино, где он еще не бывал». ⁶⁷ Любопытно, что Оленин счел за благо обратиться к императору за разрешением на эту поездку. ⁶⁸ Варвара Алексеевна объясняла это тем, что «Батюшка предчувствовал еще какую-нибудь новую выходку». ⁶⁹ По ее словам, заведя за столом в Грузине при множестве гостей «разговор по ученой части», Аракчеев по обыкновению прикинулся неучем и неожиданно указал на Оленина: «Вот, Г<оспо>да, спросите почтеннейшего Алек<сея> Ник<олаеви>ча. Он наш ученый, он наш умный, понимающий дело, а где нам, дуракам, мужикам, что понимать». — «На мужике кафтан-то сер, а ум не черт съел», — почтительно привстав, ответил Оленин... ⁷⁰

Орден св. Александра Невского, уступающий в многоступенчатой иерархии русских наград лишь орденам св. Владимира I класса и св. Андрея Первозванного, оказался последней наградой, полученной Олениным от императора Александра Павловича. Но, несмотря на столь высокую оценку заслуг Оленина, до самого отъезда императора в Таганрог доклады по делам Государственного совета «продолжались в прежнем порядке» — через Аракчеева. Между тем наряду с графом Гурьевым и князем А.Н.Голицыным в начале 1824 года временщиком был повержен и князь П.М.Волконский. Ничего хорошего очередное усиление Аракчеева Оленину не сулило, но через несколько месяцев император Александр Павлович скончался в Таганроге. На пятый день царствования императора Николая I граф Аракчеев был лишен своей власти и значения.

Всеми покинутый и всеми забытый, Аракчеев по меньшей мере трижды обращался к Оленину в 1829—1833 годах в связи с работами по созданию в Грузине монумента в память Александра I. В каждом из этих писем он приниженно благодарит Оленина за его учтивую отзывчивость; одно из них он завершает знаменательными словами: «<...> повторяя мою благодарность и продолжая мое удивление христианскому доброму вашего пре<восходительст>ва ко мне расположению, пребуду навсегда с истинным почтением

вашего пре<восходительст>ва, милостивого государя, покорный слуга гр. Аракчеев».⁷¹ Предваряя публикацию нескольких писем героев этой статьи, М.И. Семевский сделал точное наблюдение: «Помещаемая ниже переписка А.Н.Оленина с гр. Аракчеевым весьма характеристична, как по отношению к Оленину — смело, твердо, с большим достоинством отстаивавшему свои убеждения и самостоятельность вверенной ему Академии художеств пред могущественным и злым временщиком, так в особенности по отношению к самому Аракчееву: в письмах владельца села Грузина к Оленину внимательный читатель встретит несколько черт, отлично обрисовывающих Аракчеева; интересно, между прочим, как разнится тон писем этого человека на верху силы и власти с письмами, какие он посылал во время опалы... Между тем А.Н.Оленин все тот же, чуждый ласкательства и принижения, но одинаково любезный и обязательный <...>».⁷²

Новые документы, связанные с взаимоотношениями А.Н.Оленина и графа А.А.Аракчеева, вводимые в научный оборот в настоящей статье, как представляется, убедительно это подтверждают.

Примечания

¹ В действительности должность конференц-секретаря А.Ф.Лабзин занимал в 1799—1818 годах; 12 января 1818 года он был назначен вице-президентом Академии художеств.

² Рус. старина. 1875. Окт. С. 292.

³ Лабзинская история известна в изложении М.А.Дмитриева (см.: Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 178); С.А.Лайкевич (см.: Рус. старина. 1905. Окт. С. 188); митрополита Филарета (см.: Рус. архив. 1888. № 3. С. 586); Н.В.Сушкова (см.: Вестник Европы. 1867. № 6. С. 177), А.Л.Витберга (см.: Рус. старина. 1872. Апр. С. 549—550); со слов последнего рассказана А.И.Герценом (см.: Герцен А.И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.; Л., 1956. Т. 8. С. 57—58) и, по-видимому со слов Герцена, Т.П.Пассек (см.: Пассек Т.П. Из дальних лет: Воспоминания. [Б. м.], 1963. Т. 2. С. 107).

⁴ Аракчеев: Свидетельства современников/Подг. текста и коммент. Е.Е.Давыдовой и Е.Э.Ляминой. М., 2000. С. 454.

⁵ Моск. новости. 2001. № 43. 23—29 окт. С. 30.

⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 328.

⁷ Лишь недавно, изучив переписку А.Н.Оленина с князем А.Н.Голицыным, современная исследовательница поставила под сомнение характеристику, данную Оленину Ф.Ф.Вигелем. См.: Агамалаян Л.Г. А.Н.Оленин: За парадным фасадом удачной карьеры//Новый журнал (СПб.). 1997. № 1. С. 77.

⁸ Цявловская Т.Г. Дневник Олениной//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1958. С. 281.

⁹ С осени 1816 до конца лета 1817 годов Александр I находился в Петербурге; 25 августа 1817 года император выехал из Царского Села в Витебск и Могилев для осмотра войск Первой армии. 1 октября государь прибыл в Москву, куда, по словам статс-секретаря В.Р.Марченко, «весь двор собран был на зиму. Граф Аракчеев оставался в деревне своей». Однако позднее в Москву приехал и Аракчеев; там он занемог. «В декабре граф Аракчеев был нездоров,— вспоминал Марченко,— и я ходил по утрам вместо его с докладами» (Аракчеев: Свидетельства современников. С. 80).

¹⁰ См.: РГБ. Ф. 211. 3617. А-4-4. Это письмо опубликовано М.И.Семевским без саркастической приписки В.А.Олениной: «Милый человек! После его письма много еще других грозных получено. Но заметьте, пожалуйста, как он переменял тон с Батюшкой, будучи сослан им <ператором> Николаем I-м».

¹¹ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 47—49 (курсив здесь и далее мой.— В. Ф.).

¹² РГБ. Ф. 211. 3617. А-4-5.

¹³ Аракчеев: Свидетельства современников. С. 36.

¹⁴ Рус. старина. 1875. Окт. С. 288. Заметим, что письмо Оленина отнюдь не было рассчитано на передачу Марченко — это было сугубо личное обращение к Аракчееву. Вероятно, письмо Аракчеева было получено Олениным 5 или 6 января 1818 года.

¹⁵ См.: Там же: С. 284—288.

¹⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1818 года. Пг., 1917. С. 78.— В.Р.Марченко был в это время секретарем императора.

¹⁷ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 44—44об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт ист. исследования. Т. 2. СПб., 1912. С. 714 (прил.).

²⁰ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 33.

²¹ РГБ. Ф. 211. 3617. А-1.

²² ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 33—33об.

²³ Там же. Л. 33об.

²⁴ Рассказ приведен в монографии Д.А.Ровинского «Николай Иванович Уткин, его жизнь и произведения» (СПб., 1884. С. 17). См. также: Принцева Г.А. Н.И.Уткин, 1780—1863. Л., 1983. С. 65.

²⁵ Об этом свидетельствует надпись под изображением: «Писал сухими красками, г. Вагнер.— Гравир: Н.Уткин 1818 года» (Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1. СПб., 1886. С. 344).

²⁶ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 260.

²⁷ Амшинская А.М. Николай Иванович Уткин, 1780—1863//Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников 1-й пол. XIX в. М., 1954. С. 298.

²⁸ Принцева Г.А. Н.И.Уткин. С. 213.

²⁹ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 34.

³⁰ «Когда Батюшке говаривали, что стыдно Государю, что он так мало для него делает,— вспомнила В.А.Оленина,— он всегда говаривал: «Не попрекайте ему и никогда не забывайте русскую пословицу: (Дитя не плачет, мать не ведает)». Я просить не умею и не могу! Это слишком тяжко бывает» (ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 35).

³¹ Там же. Л. 35.

³² Я.И.Сабуров по записи П.В.Анненкова/Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С. 337.— О роли Аракчеева в удалении Пушкина из Петербурга см. содержательную статью В.Б.Сясько в настоящем сборнике (с. 73—84).

³³ Глинка Ф.Н. Письмо к П.И.Бартеневу с воспоминаниями о высылке А.С.Пушкина из Петербурга в 1820 году//Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1, СПб., 1998. С. 203.

³⁴ Сын Никанора Михайловича Оленина (ум. 1799) и его второй жены Екатерины Петровны, урожд. Савельевой, муж (с 3 февраля 1823 года) Варвары Алексеевны Олениной.

³⁵ Брадке Е.Ф. фон. Автобиографические записки//Русские мемуары: Избр. страницы, 1800—1825. М., 1989. С. 197—198.

³⁶ Когда в 1826 году он поступил в адъютанты к А.Х.Бенкендорфу, Николай I рекомендовал его последнему весьма характерным образом: «Возьми его, он хороший офицер, сумел восемь лет прослужить у Аракчеева»...

³⁷ Львова Е.Н. Из записок Елисаветы Николаевны Львовой//Николай I и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 2. М., 2000. С. 315—316.

³⁸ РНБ. Ф. 542. № 6. Л. 37—38.

³⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2083. Л. 1112—1113.

⁴⁰ Знаменитые россияне XVIII—XIX веков: Биографии и портреты/По изд. вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996. С. 653.

⁴¹ В действительности помощь князя П.М.Волконского Г.Н.Оленину была обусловлена, вероятно, не столько родственными чувствами, сколько корпоративным сочувствием, коренящимся, быть может, еще в презрении скатерининского семеновца князя Волконского к павловскому «гатчинцу» Аракчееву.

⁴² Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 1. М., 1999. С. 195—196.

⁴³ Здесь опечатка, должно быть: июля. См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 203.

⁴⁴ Аракчеев: Свидетельства современников. С. 426.

⁴⁵ Река времен: Кн. истории и культуры. Кн. 5. М., 1996. С. 121.

⁴⁶ Петр Оленин с конца 1819 года состоял адъютантом графа П.П.Коновницына и не присутствовал при бунте; по рассказыванию Семеновского полка его перевели тем же чином в лейб-гвардии Егерский полк.

⁴⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Т. 2. С. 677—678 (прил.).

⁴⁸ Выражение императора Александра I (1823).

⁴⁹ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 40. Датировано: «17 марта, пятница». 17 марта было пятницей в 1811, 1816, 1822 и 1833 годах. Это письмо не могло быть написано ни в 1811-м и 1816-м, ни в 1833 году.

⁵⁰ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 50—50об.

⁵¹ И граф В.П.Кочубей, и граф Д.А.Гурьев стремились ограничить значение государственного секретаря. Кочубей с нескрываемым раздражением писал государю: «Учреждение Совета, ныне существующее, есть весьма правильное; одной перемены в нем желать можно: это — уменьшение влияния Канцелярии, а с тем вместе и числа людей, оную составляющих <...>. Того же усердно добивался и граф Гурьев. «Нельзя», — заявлял он, — оставить без замечания звание Государственного Секретаря, который от правителя Канцелярии Совета учредился первенствующим лицом сего сословия <...>» (Государственная Канцелярия, 1810—1910. СПб., 1910. С. 28).

⁵² Когда усилиями В.П.Кочубея, Д.А.Гурьева, А.А.Аракчеева, М.М.Сперанского, М.А.Балугьянского и А.Н.Голицына в апреле 1827 года А.Н.Оленин был отставлен от должности государственного секретаря и его место занял бесцветный В.Р.Марченко, ни об ограничении влияния государственного секретаря, ни о сокращении штата Государственной канцелярии речь более не заходила.

⁵³ Не говорим здесь о сугубо практической выгоде для Академии роста числа ее почетных любителей. См.: Агамалян Л.Г. А.Н.Оленин. С. 74.

⁵⁴ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 58. Л. 36.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 37.

⁵⁷ Там же. Л. 38.

⁵⁸ Там же. Л. 45—45об.

⁵⁹ Там же. Л. 45.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Е.Ф. фон Брадке вспоминал: «<...> председатель Государственного совета князь Лопухин (собственно говоря, непосредственный его [Аракчеева.— В. Ф.] начальник) и действительный тайный советник Куракин, председательствовавший часто во многих комитетах, где граф состоял простым членом, относились к нему как покорнейшие его слуги, принимали с глубочайшим уважением все его приказания, подчинялись всяким с его стороны дерзостям, ухаживали за его любовницей и с величайшей поспешностью кидались к графу, когда ему недоставало партнера за карточным столом <...>» (Брадке Е.Ф. фон. Автобиографические записки. С. 204).

⁶² Там же.

⁶³ Уточнение времени этого визита позволяет исправить заблуждение, в которое В.А.Оленина ввела краеведов, засвидетельствовав, что Аракчеев приезжал к Оленину на Фонтанку (ныне дом № 97). Однако память, видимо, изменила ей: в конце 1823 года Оленины жили уже на Мойке (ныне дом № 67). См.: Файбисович В.М. Салон А.Н.Оленина/Шубин В.Ф., Файбисович В.М. К литературной жизни пушкинского Петербурга//Рус. лит. 1982. № 3. С. 156.

⁶⁴ РГБ. Ф. 211. 3617. А-4-15.

⁶⁵ «Граф Аракчеев, свидетельствуя почтение Его Превосходительству Алексею Николаевичу Оленину, в ответ на записку его от 23 сего декабря просит извинить его, что он, вопреки намерению своему, не мог быть вчера вечером у Его Превосходительства, ибо, сверх чаяния, должен он был заняться в сие время безотлагательными делами и, проработав таким образом до 10-го часа, не смотря на слабое его положение, хотя и мог бы еще выехать, но опасался, не было ли бы сие уже поздно для Его Превосходительства»,— писал Аракчеев Оленину на другой день.

⁶⁶ 28 декабря 1823 года император Александр I отправил Аракчееву в Грузино приказание: «Заготовь грамоты на Александровские ленты Канкрину и Оленину к 1-му генваря и пришли ко мне» (Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Т. 2. С. 642 [прил.]).

⁶⁷ РНБ. Ф. 542. № 877. Л. 35об.

⁶⁸ См. рапорт А.Н.Оленина Александру I о разрешении посетить с. Грузино по приглашению Аракчеева: РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 2. № 1.

⁶⁹ РНБ. Ф. 542. № 877. Л. 35об.

⁷⁰ Там же. Л. 36.

⁷¹ Русская старина. 1875. Окт. С. 290—291.

⁷² Семевский М.И. Алексей Николаевич Оленин, 1763—1843//Там же. С. 283.

П. А. Катенин
Фрагментарная фотография с живописного оригинала.
Всероссийский музей А.С. Пушкина

П. А. Катенин. Авг. 1833 – март 1834. Художник Ф.О. Будкин.
Фотография с утраченного оригинала. Холст, масло. Фрагмент почтовой открытки. Литературный музей ИРЛИ (Пушкинский Дом)

П. А. Катенин
Фрагментарная фотография с живописного оригинала.
Литературный музей ИРЛИ (Пушкинский Дом)

П. А. КАТЕНИН.
С ПОРТА РАВ. НЕИЗВ. ХУДОЖНИКА.

Э. Сен-При
Петербургский бал. Акв. 1825. Собрание М. Барюша. Париж

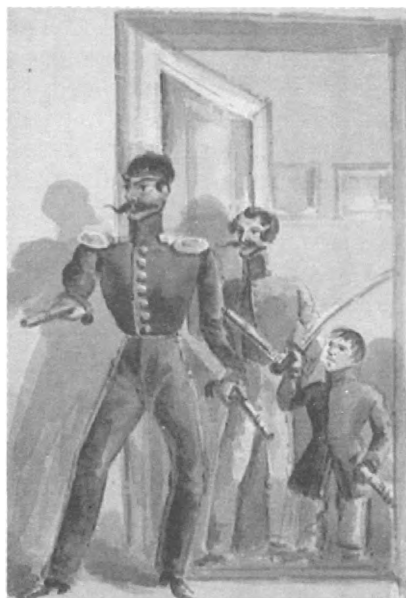
Карикатура на А. И. Сабурова. Акв. 1825.
Собрание М. Барюша. Париж

Карикатура на гр. Шварценберга.
Акв. 1825. Собрание М. Барюша.
Париж

Карикатура на Т. Лагрене.
Акв. 1825. Собрание М. Барюша.
Париж

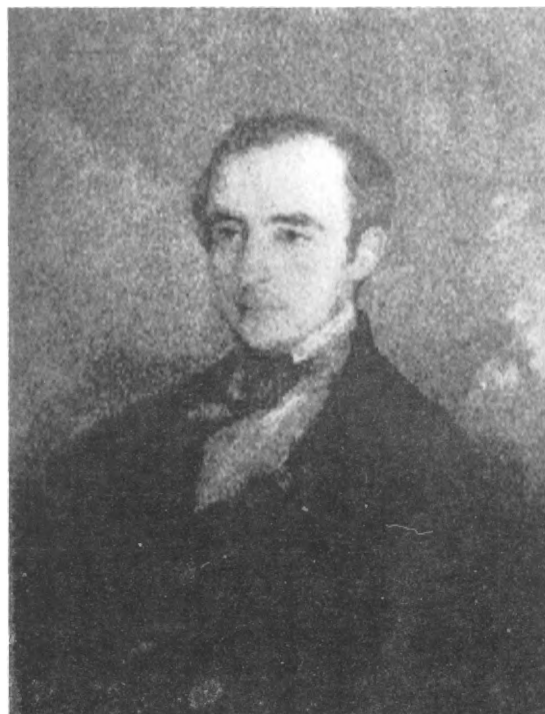

Карикатура на А. И. Якубовича.
Акв. 1825. Собрание М. Барюша. Париж

А. А. Покровский. Портрет князя В. Ф. Одоевского. 1844. Картон, масло. 37 х 31. Всероссийский музей А. С. Пушкина, КП-25544. В ИРЛИ (Пушкинском Доме) хранится акварельный вариант данного портрета, исполненный А. А. Покровским в том же году

И. К. Макаров. Портрет князя В. Ф. Одоевского. Вторая половина 1840-х. Картон, масло. 36 х 26. Мордовский республиканский музей изобразительных искусств. № 431. В музей в Саранске подарен И. К. Макаровым, внуком художника в 1971 г. В музее именуется как "Портрет неизвестного в синем сюртуке", не датирован. Атрибуция А. Н. Маркова. Сравнение изображенного проводилось с портретами князя В. Ф. Одоевского, исполненными художником А. А. Покровским

И. К. Макаров.
Портрет Н. Н. Ланской. 1849.
Холст, масло. 40,5 x 34. Всероссийский
музей А. С. Пушкина КП-14707

И. К. Макаров.
Портрет М. А. Пушкиной.
Конец 1852 — начало 1853.
Холст, масло. 59,5 x 46,7.
Всероссийский музей А. С. Пушкина
КП-21771

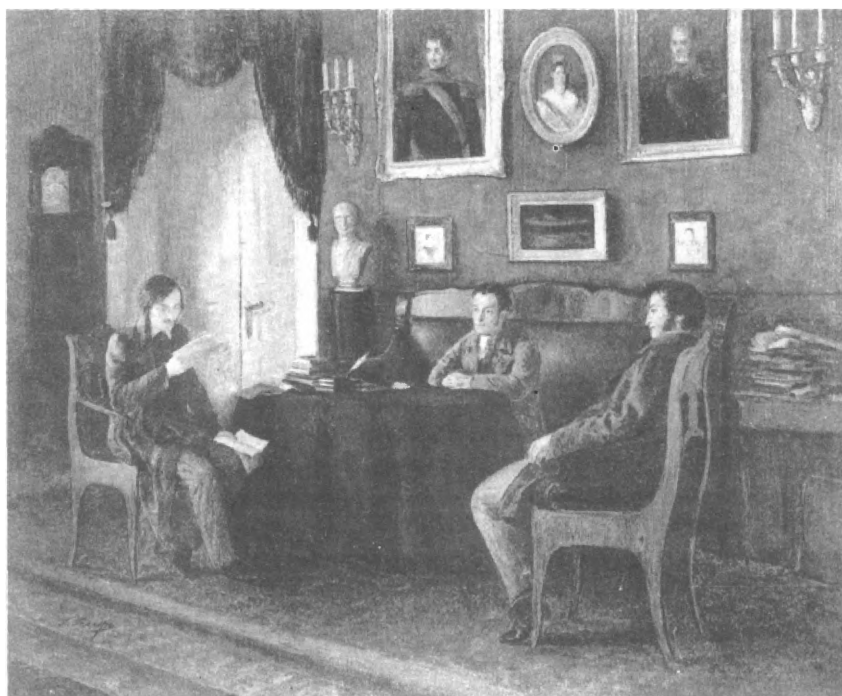
И. К. Макаров.
Портрет Н. А. Пушкиной.
Конец 1852 — начало 1853.
Холст, масло. 52,5 x 44,3.
Всероссийский музей А. С. Пушкина.
КП-7960

А. Молинари.
М.Д. Ралль. Рисунок. Бумага, карандаш.
Конец 1800 – начало 1810.
Всероссийский музей А.С. Пушкина

П.И. Геллер. Пушкин и няня. 1899

П.И. Геллер. Гоголь среди своих великих друзей. 1904

Дом графа И. А. Апраксина на Екатерининском канале, где жил А. С. Пушкин после окончания Лицея (совр. адрес: канал Грибоедова, д. 174). Фотография из книги Г.К. Лукомского «Старый Петербург». 1917.

Боковой фасад дома графа И.А. Апраксина. Современное фото

В.Б.Сясько

К ИСТОРИИ «ДЕЛА О ССЫЛКЕ ПУШКИНА»

«П одробности дела, кончившегося высылкой Пушкина из Петербурга, не вполне известны, так как составляют еще секрет архивов», — жаловался в свое время П.В. Анненков.¹ Но и по прошествии ста с лишним лет после этого «подробностей» не прибавилось. «До нашего времени не дошли (или, быть может, еще не удалось их обнаружить) материалы Особой канцелярии министерства полиции», — констатировал Б.С. Мейлах и сокрушенно признавал: «<...> в истории ссылки до сих пор еще много неясного».²

Сведения о послепелицейском периоде действительно скудны, но это не может остановить попыток доискаться правды, распознать обстоятельства и причины, повлекшие такой резкий перелом в жизни А.С. Пушкина, как ссылка. Казалось бы, схема событий проста. «<...> служа под знаменами либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий», — писал Н.М. Карамзин.³ Однако этого свидетельства, положенного в основу существующих версий «дела о ссылке», недостаточно. Оно отображает лишь тот пик событий, который потребовал вмешательства Карамзина. Здесь за кадром оставлены и завязка, и завершение истории. Но если «следствия» освещены в воспоминаниях Ф.Н. Глинки и других мемуаристов, то вся предыстория так и остается сокрытой.

Стремясь восполнить этот пробел, авторы справедливо исходят из того, что логика поведения Пушкина неизбежно должна была привести к какому-то взрывному финалу, так как «его вольнолюбивые пьесы, его шумный разгул, его ранняя популярность не могли не обратить на него нарочитого внимания блюстителей общественной тишины и опекунов государственной безопасности»,⁴ и в какой-то момент «над Пушкиным обрушилась давно ожидаемая и предвиденная катастрофа».⁵ Но действия властей при этом объясняются таким образом: «правительство *вдруг* решило покарать Пушкина, в его лице дать первое предостережение и другим либералистам».⁶ Звучит не очень убедительно, ибо остается неясным, почему именно Пушкин стал объектом преследований, «когда Петербург был полон людей, велегласно проповедующих правила, которые прямо вели к истреблению монархической власти, когда ни один из них не был потревожен <...>».⁷

Очевидно, кто-то должен был спровоцировать такой финал. Хоть и «ожидаемый», он не мог случиться «вдруг». Кто же явился «вдохновителем и исполнителем интриги» против поэта? Мнения пушкинистов на этот счет разноречивы. Б.В. Томашевский считает «возбудительным началом» донос В.Н. Каразина, «результатом которого и явилась ссылка Пушкина на юг».⁸ Этого мнения также придерживались Т.Г. Цявловская и Ю.М. Лотман. Некоторые ученые — вслед за Ф.Ф. Вигелем и Анненковым — называли

в качестве причины инициативу петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича, якобы внушившего царю мысль о ссылке Пушкина. Но при всем этом игнорируется тот факт, что и каразинский «донос», и подключение к «делу» градоначальника относятся к началу апреля 1820 года, тогда как по крайней мере еще в марте, по свидетельству автору же Каразина, «высылка Пушкина сделалась гласною». ⁹ В большинстве же своем авторы избегают конкретности и ограничиваются констатацией: «крамольные» стихи Пушкина каким-то необъяснимым образом «дошли до правительства», оставляя вопрос открытым.

С такой же легкостью варьируются и мотивы высылки поэта. Как случилось, что в пору беспрецедентных для российской действительности свобод, когда «неосмотрительность, заносчивость в мнениях и поступках <...> проходили почти без осуждения» ¹⁰ и «никто за политические мнения не был преследуем», ¹¹ Пушкина вдруг «постигнул остракизм»? Ответ напрашивается сам собой: в «мнениях и поступках» своих поэт позволил себе такое, что «без осуждения» властями не могло быть оставлено. Но и здесь разноречиво: по представленным в литературе оценкам, гнев монарха равным образом могли вызвать «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву», нозли, эпиграммы — все зависит от собственных представлений автора о «крамоле», хотя за критерий наказуемости выдается будто бы личное впечатление царя от «доложенных» ему стихов. При этом полтора века ведется полемика: что же на самом деле сильнее задело и обидело Александра I — «холоп венчанного солдата» или, скажем, «кочующий деспот»; и насколько задело, ибо озадаченный монарх «некоторое время выбирал между Соловками и югом». ¹²

Пытаясь найти объяснение неожиданного и счастливого превращения «ссылки» в «командировку по служебной надобности», авторы обычно называют заступничество за Пушкина друзей поэта. По разным источникам, «в хлопоты были втянуты» Н. М. Карамзин, И. А. Каподистрия, Е. А. Энгельгардт, М. А. Милорадович, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев и его безымянные «добрые друзья», А. Н. Оленин, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка, П. Я. Чаадаев, И. В. Васильчиков и даже товарищи Пушкина по «Зеленой лампе». Солидный список. Недаром один из авторов восклицает: «С таким внушительным общественным мнением правительству пришлось посчитаться». ¹³ Вместе с тем оставлено без внимания очень интересное замечание. «Рассказывают, — пишет П. И. Бартенев, — что когда Карамзину удалось смягчить наказание, навлеченное на себя Пушкиным, и шла речь о том, что с ним сделать, Государь Александр Павлович *сам придумал* перевести поэта на службу в Екатеринослав к Инзову <...>»; ¹⁴ — и об этом речь впереди.

Что же в итоге? Заверения почти каждого из авторов, что именно им сообщаемые известия являются «наиболее достоверными и доказанными», опровергает уже само по себе обилие версий, «обилие, — по оценке Б. Л. Модзалевского, — скорее количественного, чем качественного значения». ¹⁵ Опираясь на труды пушкинистов разных поколений, привлекая те самые «живые свидетельства», которые частью остались невостребованными, а частью истолкованы превратно, попытаемся расширить границы исследования и представить историю «дела о ссылке» с большей полнотой.

***

Предлагаемая версия основана на свидетельстве Я. И. Сабурова: «Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева и было рассматриваемо в Государственном совете, как говорят <...>». ¹⁶ Поводом к возбуждению этого дела послужила попытка Пушкина весной 1819 года определиться на военную службу.

Сабуровское свидетельство нередко используется в литературе, но преимущественно для того, чтобы связать «дело» с злополучной эпиграммой на «всесильного», которая

предопределила суровость кары, грозившей Пушкину. Вот лишь несколько примеров. «Аракчеев, заклеянный поэтом в широко известной эпиграмме, был в первую очередь заинтересован в наказании Пушкина, он был его злейшим врагом». ¹⁷ «Наказания злоумышленника требовал также военный министр Аракчеев, сообщив царю о двух эпиграммах Пушкина. Речь пошла о ссылке в Сибирь или в Соловецкий монастырь». ¹⁸ Есть попытки точнее обозначить роль графа: «Дело приняло весьма внушительные масштабы; оно попало, вероятно, к Аракчееву, которого многие современники считали главным виновником всей истории». ¹⁹

Здесь налицо классическое подтверждение того, что «факт, взятый сам по себе, подобен отдельному звену цепи, которое имеет ценность лишь будучи соединенным с другими, сходными звеньями». ²⁰ Факт участия Аракчеева в «деле» лишается своей действительной ценности, так как не удалось соединить это «звено» с другим — фактом рассмотрения «дела о ссылке» в Государственном совете, о чем говорит Сабуров, отслеживая цепь событий. И цепь распалась...

Почему же все-таки оно там «было рассматриваемо»? Если Аракчеев «требовал наказания», то было бы уместно упоминание в этой связи Сената, надзиравшего за деятельностью чиновничества. Но Государственный совет — не судебная инстанция, и даже Аракчеев, несмотря на свое особое положение, не мог искать там защиты чести и достоинства. Это высший совещательный орган Российской империи в 1810—1917 годах, который рассматривал внесенные министрами законопроекты до утверждения их царем. Следовательно, Совет ничем не мог пособить своему «учителю» в «наказании злоумышленника». Не находя подтверждения сабуровскому свидетельству, может быть даже считая его ошибочным, исследователи чаще всего избегают прямого цитирования или обрывают цитату в том месте, где следует упоминание о Государственном совете.

Но Сабуров, по всей видимости, сообщал точные сведения. Весной 1819 года Пушкин решил осуществить давно задуманное — определиться на военную службу. Однако перевод в военное ведомство из Коллегии иностранных дел, куда он был назначен именным царским указом от 13 июня 1817 года, мог быть произведен лишь аналогичным указом, отменявшим первый, то есть принадлежал к разряду дел, «разрешение коих превышает предел власти, вверенной каждому министру». Предварительная проработка вопроса, включая и подготовку проекта царского указа, возлагалась на Государственный совет, так что миновать его не было никакой возможности. К тому же указ мог состояться лишь при согласии Департамента иностранных дел на отчисление приписанного к нему чиновника и согласии Департамента военных дел принять просителя в свой штат. А возглавлял этот департамент граф Алексей Андреевич Аракчеев...

Свидетельство Сабурова, полученное Анненковым в личной с ним беседе, как и еще какие-то «подробности», долго оставалось неизвестно другим исследователям. Не напрасно В.Е. Якушкин и Бартенев упрекали Анненкова в том, что он «пренебрег большою частью бывшего у него в руках материала». ²¹ Да и сам он не скрывал, что из фактов «внешней биографии» им «многое <...> отдано в жертву для того, чтобы, по крайней мере, внутреннюю, творческую жизнь поэта сберечь всю целиком». ²² Но речь, как выясняется, не о каких-то незначущих мелочах, а о принципах отбора материала в работе над биографией: «Достоинство и правда каждого жизнеописания состоит вовсе не в верности его слагаемых разноречивым историческим законом, собранным им (биографом.— В. С.) о лице, а верности собственному *своему представлению* лица, которое возникло или должно было возникнуть у него при разборе этих данных, и потом в живой передаче своего представления». ²³

Руководствуясь этой сомнительной установкой, неприемлемой в работе над научной биографией, Анненков пренебрег свидетельством, которое раскрывало существо дела, но при этом разрушало его концепцию, согласно которой у Пушкина не было «сведений и необходимого приготовления к военному поприщу». По словам Бартенева, он «больше умствовал <...>, нежели исполнял долг жизнеописателя»,²⁴ и при всем уважении к патриарху пушкиноведения приходится признать в данном случае правоту его критиков.

***

Похоже, в Департаменте иностранных дел просьба Пушкина не встретила возражений. Там скорее даже не прочь были расстаться с молодым чиновником, мало заметным в службе, но успевшим скандально заявить о себе в обществе. А вот со стороны Военного департамента — по той же самой причине — согласие было проблематичным. Вместе с прошением о переводе кандидат должен был представить справки о дворянстве, об образовании, о доходах, а также установленные правилами характеристики. Дело осложнялось тем, что в лицейском аттестате Пушкина не было свидетельства о военной подготовке, хотя он исправно посещал «класс военных наук», но главное — Пушкин справедливо опасался, что характеристик, которые могли бы удовлетворить военное ведомство, он вряд ли получит: к этому времени поэт снискал репутацию «заядлого вольнодумца» и был уже «на примете у властей». Все предприятие грозило оказаться заведомо провальным, и Пушкин решил прибегнуть к протекции знакомых ему генералов.

На весну 1819 года приходится его активное общение с А.Ф.Орловым, П.Д.Киселевым, а также с А.И.Чернышевым и П.М.Волконским. В своих «Записках» и беседах с Е.И.Якушкиным И.И.Пушин вспоминает, как Пушкин в антрактах театральных представлений «вертелся возле них (генералов.— В. С.), как собачонка какая-нибудь <...>». «Мне на него мерзко было смотреть»,²⁵ — язвительно заключает он. Видимо, юноша «без приличного фрака», домогавшийся внимания «светских львов», в самом деле, мог производить невыгодное о себе впечатление. Но, по признанию самого же Пушина, они в ту пору с Пушкиным «как-то не часто виделись» и, судя по всему, намеренья поэта не были ему известны. Тем обиднее, что его «представления» и выводы стали хрестоматийной иллюстрацией того, будто «Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел жалкую привычку изменять благородному своему характеру»²⁶ ради того, чтобы «пробить брешь в табели о рангах».²⁷

Истинный смысл общения помогают раскрыть свидетельства людей, действительно близких к поэту. «Выходя из театра до окончания представления, он (Пушкин.— В. С.) встретился на разъезде с генералом А.Ф.Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся до службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Разговор продолжался довольно долго, по крайней мере, это был самый продолжительный разговор из всех, которые он вел о сем предмете»,²⁸ — писал Л.С.Пушкин. А вот как вспоминал об этом С.А.Соболевский: «Его подозвал к себе Алексей Федорович Орлов (впоследствии князь) и стал отговаривать его от поступления в гусары, о чем прежде была у него речь с П.Д.Киселевым, а напротив, предлагал служить в конной гвардии».²⁹

Собеседники Пушкина — это не просто заметные в свете фигуры. Все они занимали очень солидные посты в военном ведомстве³⁰ и в то же время не чурались «законно-свободных» идей, даже входили в «военную оппозицию». Ко всему прочему это были культурные, хорошо образованные люди. Обращаясь к ним за содействием,

Пушкин мог надеяться на их помощь. Участие генералов явилось бы достаточным ручательством, чтобы обойтись без сторонних характеристик, а заодно превращало в пустую формальность такие процедуры, как экзамен для кандидата в гвардию и аттестация. Непосредственно за дело взялся П. Д. Киселев, начальник штаба Второй армии, квартировавшего в Тульчине. В успехе сомнений не было. О возможностях Киселева можно судить хотя бы по такому отзыву о нем генерала И. В. Сабанеева: «С полною царскою доверенностью, известною всем и каждому, все сделать можно; требования его исполняются гораздо скорее и без всякого прекословия <...>, потому что боятся, зная доступ его к престолу».³¹

Дело и впрямь казалось решенным. «Пушкин уже на ногах (после болезни. — В. С.) и идет в военную службу,³² — рапортовал А. И. Тургенев князю П. А. Вяземскому в письме от 5 марта 1819 года и через неделю уточнял: «Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною. Я имею надежду отправить его в чужие края, но он уже и слышать не хочет о мирной службе <...>».³³ В конце марта в ответном письме Вяземский хотя и сдержанно, но одобрил Пушкина: «Я думаю, что он ни хорошо, ни худо не делает, вступая в военную службу. Ему нужно волнение и сотрясение: пускай трясет он себе! По крайней мере, фрянок не будет».³⁴

Однако все вдруг круто изменилось; 4-го июля появляется послание «К Орлову, отсоветовавшему мне поступить на военную службу»:

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты <...> (II, 85).

В чем дело? На этот счет в пушкиноведении имеется единственное объяснение: «В 1819 году, задумывая перейти в военную службу, Пушкин собирался определиться под его (Киселева. — В. С.) начальство, но А. Ф. Орлов отговорил его».³⁵ Что за причина — об этом в цитированном комментарии Б. Л. Модзалевского ни слова. Объяснить ее попытался Ю. И. Дружников: «Генерал Орлов, приятель³⁶ Пушкина, охладил его пыл, сообщив, что если поэт попадет сейчас на юг в качестве офицера, ему придется участвовать в расправе над восставшим уланским полком. Это в планы Пушкина вовсе не входило».³⁷

Такое объяснение трудно принять хотя бы потому, что автор не разъяснил, на чем основывается это утверждение; оно не позволяет понять злой пушкинской реплики в адрес Киселева:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
.....
<...> он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего (II, 85).

Если Орлов «отговорил», то при чем же Киселев и о каких не выполненных им обещаниях может идти речь? Ведь от мечты о военной службе Пушкин и здесь не отказывается:

<...> буду ждать. — Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей,
И брани громкой вызов грянет,
Тогда покину мир полей;

.....
 Орлов, я стану под знамены
 Твоих воинственных дружин <...> (II, 86).

Готовность отодвинута на неопределенное «Когда <...> брани громкой вызов грянет <...>». Что же сейчас помешало поэту «стать под знамены» хоть одного, хоть другого генерала?

Судя по дальнейшим событиям, произошло то, чего одолеть не помогла даже близость Киселева к престолу: путь Пушкину к военной службе преградил Аракчеев. Видимо, он сумел привести против соискателя аргументы настолько серьезные, что генералы сочли за благо хлопоты свои прекратить, а Пушкину «отсоветовать» думать о службе.

Обвинив Киселева в придворном лукавстве, Александр Сергеевич явно погорячился. И современники, и позднейшие исследователи, напротив, указывали, что, будучи в фаворе и у Александра, и у Николая Павловичей, П.Д.Киселев «сумел не потерять лица, сохранить независимость и не превратиться в обычного придворного <...>», что «мыслил и действовал с каким-то рыцарским благородством», и отмечали «независимость Киселева в отношениях с Аракчеевым, особенно заметную на фоне поведения членов свиты».³⁸ Так что заподозрить Киселева в неверности слову или слабавольной уступке Аракчееву было бы несправедливо. Неудача говорит лишь о серьезности встреченного им сопротивления. И Пушкин вскоре понял, что как раз на Киселева-то и можно «положить надежды», и посоветовал Льву Сергеевичу, перед которым возникла та же проблема с определением на военную службу, обратиться именно к Киселеву или Раевскому. Что же до Орлова и его предложения служить в конной гвардии — оно, видимо, было высказано для утешения раздосадованного поэта. Генерал, ожидавший тогда назначения на должность командира лейб-гвардии Конного полка, заверил его, что, вероятно, не все еще потеряно и в будущем он поможет Пушкину в определении его на военную службу. На том и порешили. Поставив своим посланием «К Орлову...» точку в этой истории, Пушкин 10 июля 1819 года уехал в Михайловское.

***

Однако история только начиналась. Аракчеев не дал согласия на перевод. Попытку Пушкина вполне можно было истолковать как злонамеренную — «найти новое поприще для распространения своих безнравственных принципов, которые доставили бы ему в скором времени множество последователей среди молодых офицеров».³⁹ Эти слова великий князь Константин Павлович написал в 1828 году, но они с не меньшим основанием применимы к Пушкину 1819 года. Видимо, нечто подобное и высказал Аракчеев генералам, попрекая их тем, что они хлопчут за человека, в котором он, Аракчеев, склонен видеть государственного преступника, разлагающего войска, и которого нелишне вывести на чистую воду. Такого рода объяснения, конечно же, не протоколировались (ср. сабуровское «как говорят...»), и тщетно было бы искать им документальное подтверждение, но сохранилось свидетельство А.Х.Бенкендорфа, наводящее на подобные размышления. В августе месяце А.Ф.Орлов принял командование Конной гвардией; «<...> узнав, что в его полку есть литературные общества офицеров, и, не предвидя ничего доброго, создавши их, <он> объявил, что не допустит заводить никаких обществ и поступит по всей строгости, если узнает впредь».⁴⁰ Так высокопоставленные «оппозиционеры» оказались по одну сторону с Аракчеевым, из ходатаев превратившись в недоброжелателей Пушкина.

О подлинных масштабах и силе влияния пушкинских стихов на армейскую молодежь стало известно позднее, главным образом из свидетельств декабристов. И. Д. Якушкин, например, вспоминая преддекабрьскую пору, писал, что «все его (Пушкина. — В. С.) ненапечатанные произведения были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть <...> Самое достоинство стиха, легко удерживаемого в памяти, содействовало распространению кощунственных и революционных идей».⁴¹ Аракчеев, разумеется, знал о тревожном положении в войсках. В связи с этим достойным «наказанием» графу виделась изоляция Пушкина от общества, на которое он разлагающе действовал своими «мерзкими, развратительными, но щегольскими» стихами, подрывая «основания, на коих почиет величество России».⁴² «Предание уверяет, — пишет Бартенева, — будто некоторые предлагали отдаленную снежную пустыню Соловецкого монастыря местом ссылки поэту <...>».⁴³ Эти «некоторые» легко угадываются. С этого и началось «по настоянию Аракчеева» «дело о ссылке Пушкина».

Суровость мер, которыми «полный мести» временщик намеревался свести личные счеты с поэтом, он мог объяснить «интересами дела». Аракчеев нес всю ответственность за состояние армии. Естественно, его тревожило «брожение умов», охватившее войска, и он действительно мог считать невозможным принять Пушкина на службу — поместить этот детонатор вольнодумства во взрывоопасную армейскую среду. Аракчеев прекрасно понимал силу такого мощного пропагандистского средства, как *слово*. Еще в 1818 году при участии и других видных государственных деятелей, в частности министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, он настаивал на пересмотре системы обучения и воспитания молодежи, ужесточении цензуры и полицейского надзора за литературными кружками и обществами, где, как известно, костяк составляла офицерская молодежь.

Однако Александр I отреагировал на предложения «совместников в царской милости», как называли Аракчеева и Голицына, односторонне — созданием Особого комитета при Министерстве народного просвещения с целью «согласовать преподавание всех наук с верой в Бога и принципом самодержавной власти».⁴⁴ Последовала известная «чистка» университетов, другие жесткие меры, но армию император не тронул. Он оставался безучастным при раскрытии «московского заговора» в 1818 году, когда ему стали известны «замыслы и вызов Якушкина на цареубийство»; в 1821 году, когда И. В. Васильчиков представил доклад о планах и списки заговорщиков. Лишь в августе 1822 года, с запрещением тайных обществ и масонских лож, с военных была взята подписка о неучастии в этих обществах, в армии введена сеть тайной полиции, и только в ноябре 1825 года, незадолго до смерти, Александр решил отдать приказ на арест заговорщиков.

Император отчетливо представлял размеры бедствия, о котором настойчиво повторял Аракчеев. «Пагубный дух вольномыслия разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается между войсками. Заражение умов генеральное»,⁴⁵ — такую запись нашли в бумагах императора после его смерти.

Позиция императора была обусловлена многими факторами. «В этом можно усмотреть и гуманный акт, и неверие в серьезность их (заговорщиков. — В. С.) намерений»,⁴⁶ — считает историк. Пояняет ее и сам император: «Я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения. <...> Не мне их судить».⁴⁷ И, наконец, глубинные истоки поведения Александра I. «Покойный Государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины» (XII, 322), — писал

Пушкин. И Александр, и его предшественники *«принуждены были терпеть и прощать»* (XII, 322; курсив мой.— В. С.).

Не меньшее «терпение» проявлял император и к Пушкину. Он явно стремился отвести обвинения от молодого поэта. На это указывает запись, сделанная современником: «Об оде на свободу. Александр ее знал, но не находил поводов для наказания». ⁴⁸ Прочитав «Деревню», император велел «поблагодарить автора за чувства, которые внушают его стихи». ⁴⁹ И это — о стихах, которые не пропускает цензура, после которых «русская литература не смела быть рабскою и продажною». ⁵⁰ Весной 1818 года по поручению императора группа во главе с Н.Н.Новосильцевым разработала «Краткое изложение основ», а затем и проект конституции под названием «Государственная уставная грамота Российской империи», и, по мнению историков, к 1820 году Александр I «был весьма близок к тому, чтобы ввести в России конституционную монархию». ⁵¹ В свете этого по-иному воспринимаются его «неожиданные» решения и поступки, понятным становится его отношение к Пушкину.

Вместе с тем пушкинские нозли и эпиграммы не щадили и самого монарха, а «мнительный и злопамятный Александр мог простить самые смелые мысли, но никогда не прощал и не забывал личных обид». ⁵² Александру «стало известно» о каких-то стихах Пушкина, распространившихся в рукописи, и он пожелал их прочитать. Тогда-то ему и представили «Деревню», в августе привезенную из Михайловского.

Пушкин же тем временем, не извлеки урока из своего провала с поступлением в гвардию и внезапного интереса императора к его «ненапечатанным стихам», «возобновил прежний род жизни». Не подозревая, какая над ним «грозы незримой сбиралась туча», он принимал участие в собраниях литераторов, где «читаются стихи против государя и против правительства», ⁵³ переписал забытую было в бумагах Н.И.Тургенева «Вольность», сам читал это стихотворение у графини Лаваль и «распускал» среди знакомых. Д.Н.Свербеев декламировал оду своим сослуживцам. Она «привлекла внимание правительства». А в сентябре появились «Стансы на Стурдзу» («Вкруг я Стурдзы хожу...»), из которых до нас дошло лишь одно четверостишие, но которые, видимо, содержали нападки не только на царского секретаря. Недаром А.И.Тургенев в ответ на просьбу князя Вяземского прислать ему «Стансы» в Варшаву признался, что «он боится и за Пушкина, и за Вяземского и не пошлет их по почте, так как “стены могут иметь глаза и даже уши”». ⁵⁴

В марте 1820 года, когда не только слежка была очевидной, но и «ссылка сделалась гласною», у Пушкина «пир, на котором он читает свою эпиграмму “На Стурдзу” (“Холоп венчанного солдата”)». Присутствуют друзья Пушкина и Греч. ⁵⁵ А в начале апреля, то есть когда уже и скрытое следствие началось, «Пушкин в театре, расхаживая по рядам кресел, показывает литографический портрет Лувеля со своей надписью “Урок царям”». ⁵⁶ Полиция доносит обо всем этом, но представить рукописи, уличающие Пушкина в авторстве «крамольных» стихов и эпиграмм, не может, а на слухах и доносах обвинения не построишь. И тогда в ход идет провокация. Где-то в середине зимы по Петербургу расползлась сплетня, будто за свои антиправительственные стихи поэт «по высочайшему повелению» был высечен. До сих пор ее приписывают Толстому-Американцу, однако в контекст тогдашних событий правдоподобно вписывается иная версия. «Вполне возможно, — пишет Б.С.Мейлах, — что распространившиеся в Петербурге слухи о том, что Пушкин был высечен в тайной канцелярии, возникли потому, что Аракчеев, для которого приказы о телесном наказании были привычным делом, предлагал применить их к “мальчишке”». ⁵⁷ Расчет был точный. «Я увидел себя опозоренным <...> Я воображал, не следует ли мне застрелиться или застрелить V», — писал

Пушкин в неотправленном письме к императору в 1825 году. И далее: «Я решился тогда вкладывать столько неприличия и столько дерзости в свои речи и в свои писания, чтобы власть вынуждена была, наконец, отнестись ко мне как к преступнику <...>» (XIII, 227). Это было как раз то, чего добивался Аракчеев, — вызвать Пушкина на открытое выступление. К счастью, участие Чаадаева и проявленная на этот раз самим Пушкиным выдержка не дали случиться трагедии. В «писаниях» же его, ходивших по рукам, и без того было «столько неприличия и столько дерзости», что их хватило бы для обвинения.

***

Тут-то, после недолгого выжидательного затишья, и развернулись события, принимаемые за начало «дела о ссылке». Весной 1820 года власти так активно кинулись на поиски крамольных стихов Пушкина, будто ими было вызвано какое-то серьезное возмущение, потребовавшее срочных мер.

В начале апреля по приказу генерал-губернатора Петербурга графа Милорадовича полиция «срочно» представила ему какие-то «мелкие стихотворения и эпиграммы» за подписью Пушкина, добытые «не без трудностей и издержек», но они не смогли удовлетворить следствие. Тогда к делу был подключен «один из знаменитейших агентов» некто Фогель, который попытался за деньги выманить у дворового дядьки пушкинские рукописи, обещая скоро их вернуть. Никита Козлов был непреклонен, и Фогель остался ни с чем. Сразу же после этого, 14 апреля, Милорадович получил приказ произвести у Пушкина обыск с целью изъятия рукописей и арестовать поэта. Вызванный для допроса в Канцелярию градоначальника, Пушкин объявил, что стихи были им сожжены, но выказал готовность по памяти записать их здесь же, в канцелярии. Тронутый «рыцарским» поступком поэта, Милорадович в ответ также «по-рыцарски» объявил ему «прощение» от имени императора. В число переписанных стихов Пушкин не включил эпиграммы на Аракчеева.

С не меньшей оперативностью действовал в эти же дни и министр внутренних дел В.П.Кочубей. С 1 марта докучал ему своими доносами на «армию вольнодумцев» «раскаившийся либерал» Каразин. Министр не обращал на них особенного внимания, по крайней мере не спешил разобраться. Но, получив письмо Каразина, которое было им «послано 2 апреля поутру рано» и написано, скорее всего, по указанию министра, Кочубей в тот же день полетел докладывать о содержании письма. Однако «донос» разочаровал. В нем по памяти цитировалась «эпиграмма Пушкина, которую, восхищаясь, Греч <...> с другими подобными, мне (Каразину. — В. С.) пересказал». ⁵⁸ «Донос», таким образом, не мог сыграть той роли, какую отводят ему иные исследователи — «толчком к высылке». Именно поэтому 12 апреля раздосадованный министр, призвав осведомителя к себе, «с настойчивостью требовал, чтобы он достал эпиграмму, оскорбляющую императора». ⁵⁹ Каразин «просил увольнения» от такого поручения.

Словом, предпринятые правительством судорожные меры ничего нового не дали. Следствие было свернуто, а 15 апреля определился и исход всего «дела»: после доклада Милорадовича император распорядился «снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг». ⁶⁰

Это *единственное* распоряжение по поводу высылки Пушкина, исходившее от императора. Все утверждения о том, что было какое-то «первоначальное, довольно суровое решение» ⁶¹ и что «Александр I согласился отменить решение о ссылке поэта в Сибирь», ⁶² по которому будто и «соответствующее распоряжение было подготовлено» ⁶³ —

это лишь застрявшие в литературе слухи более чем полуторавековой давности. Мало того, они еще и множатся. По заявлению одного из нынешних авторов, Пушкину грозила «мрачная альтернатива: сибирские рудники или Соловецкий монастырь, которую устранили его заступники». ⁶⁴

На вопрос, кто и кому объявлял мифическое «первоначальное решение» о ссылке или каторге, ответа нет, поскольку такого решения не существовало. Позиция Александра I в данном вопросе определилась еще в дни его коронации осенью 1801 года. Тогда одним из первых его указов была образована специальная комиссия по пересмотру уголовных дел. В указе говорилось, что раньше правительство позволяло себе «исторгать из среды общества людей невинных», при этом «оскорбительные величеству слова признаны были в числе первых злодеяний, но опыт и лучшее познание о начале преступлений показали, что мнимое сие злодеяние не что другое суть в естестве своем, как сущий припадок заблуждения или слабоумия, и что власть и величие государей, быв основано на общем законе, не могут поколебаться от злоречия частного лица». ⁶⁵

Однако живучесть легенды объяснима. «Между тем в промежутке двух суток (после доклада Милорадовича.— В. С.) разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают». ⁶⁶ Это сообщение Ф.Н.Глинка подтверждается запиской Пушкина к Н.И.Гнедичу: «Чадаев хотел меня видеть непременно и просил отца прислать меня к нему как можно скорее... По счастью — тут и все.— Дело шло о новых слухах, которые нужно предупредить» (XIII, 17; курсив мой.— В. С.).

Слухи мог породить сам факт вызова Пушкина к градоначальнику. Но, думается, поводом для них послужило иное. «Государь (это было после того, как Пушкина уже призывали к Милорадовичу, чего Энгельгардт до свидания с царем и не знал) встретил его в саду и пригласил с ним пройтись. “Энгельгардт! — сказал ему государь,— Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела”», ⁶⁷ — передает И.И.Пуцин со слов Е.А.Энгельгардта. Но интересно отметить: царь умолчал об уже отданном распоряжении. Не сказал и того, что решил сослать Пушкина в Сибирь. «Надобно...» — но и только. Энгельгардт, разумеется, просто не мог уловить такой тонкости, слова о ссылке он воспринял как монаршую волю и попробовал вступить за своего бывшего воспитанника.

Дальше события разворачивались таким образом. «Случайно узнав о грозящей Пушкину ссылке в Соловецкий монастырь, Чадаев едет к Карамзину и просит его заступничества». ⁶⁸ Не исключено, конечно, что Чадаев где-то на стороне услышал, что «Пушкина берут и ссылают». В стане пушкинских друзей напряженно следили за всем происходящим в ходе «дела», и даже случайная информация могла заставить действовать. И все-таки с большей уверенностью можно считать, что это Энгельгардт сразу после беседы с царем забил тревогу, что он оповестил жившего по соседству Чадаева, а тот кинулся к Карамзину и С.Л.Пушкину, прося одного срочно отправиться во дворец, а второго — «как можно скорее» прислать к нему сына.

Авторы «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина» в показе событий 15—18 апреля решили — ради объективности картины — не упустить ни одно из известных свидетельств. Трудность этой работы они сознавали. «Основная сложность <...> состояла в сведении ряда первоисточников, нередко противоречивых, об одном и том же событии из жизни Пушкина», ⁶⁹ — писала Т.Г.Цявловская в предисловии. Сложность преодолеть не удалось. Вышла невнятица, из которой невозможно представить, кто и кого просил «за Пушкина», когда и чьи хлопоты оказались способны «изменить решение царя». И потом — какое? Если проследить по той же «Летописи», то получается:

сначала предполагалась ссылка в Сибирь или на Соловки; после доклада Милорадовича — отправка на службу на юг; потом, после беседы царя с Энгельгардтом, — ссылка в Сибирь; наконец — «Пушкина дело кончилось очень хорошо», и он «едет к генералу Инзову».⁷⁰

Трудно вообразить, чтобы царь так метался в поисках решения, трижды меняя свое мнение в течение трех суток. Но вот вопрос: если все происходит уже после того, как распоряжение отдано, какой смысл царю нагнетать обстановку, создавая запоздалый ажиотаж вокруг «дела»? Думается, слова «надобно сослать в Сибирь» были сказаны для острастки, они как бы определяли и действительную степень пушкинского «прегрешения», и соответствующую ему меру наказания. Царь добился того, чего желал, — пушкинского «раскаяния». Слова эти прозвучали назиданием для всех, кто предавался «задирающему либерализму»: «Если Император Александр имел намерение поразить вольнодумцев ужасом <...>, то цель его была достигнута. Куда девался либерализм? Он исчез, как будто ушел в землю; все умолкло».⁷¹

Начавшееся вскоре «заточенье» поэта длилось шесть с лишним лет. Пушкин сам сделал шаг навстречу своей судьбе попыткой поступить на военную службу, невольно побудив Аракчеева начать «дело о ссылке». Но, может быть, этот роковой шаг стал и спасительным, уберег его от беды еще более страшной, от участи, постигшей его друзей-декабристов. «<...> Я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо»,⁷² — это оценка самого поэта. Да и сами эти годы оказались не только горестными, но и счастливыми, благодатными. Гонимый властями, скитающийся по захолустным углам империи, Пушкин уверенно занял в эти годы место в самом центре культурной жизни страны.

Примечания

- ¹ Цит. по: Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 106.
- ² Мейлах Б.С. Жизнь Александра Пушкина. Л., 1974. С. 146, 143.
- ³ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина, 1799—1826. 2-е изд. Л., 1991. С. 205.
- ⁴ Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники: Избр. труды (1898—1928). СПб., 1999. С. 68.
- ⁵ Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 106.
- ⁶ Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 229 (курсив мой. — В. С.).
- ⁷ Вигель Ф.Ф. Из «Записок»//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 221.
- ⁸ Томашевский Б.В. Пушкин. Т. 1. Лицей; Петербург. М., 1990. С. 157.
- ⁹ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 201, 216.
- ¹⁰ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. М., 1984. С. 86.
- ¹¹ Вигель Ф.Ф. Из «Записок». С. 221.
- ¹² Мейлах Б.С. Жизнь Александра Пушкина. С. 149.
- ¹³ Там же. С. 148.
- ¹⁴ Бартепов П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 261 (курсив мой. — В. С.).
- ¹⁵ Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. С. 436.
- ¹⁶ Цит. по: Там же. С. 481.
- ¹⁷ Мейлах Б.С. Жизнь Александра Пушкина. С. 149.
- ¹⁸ Дружников Ю.И. Узник России. По следам неизвестного Пушкина: Роман-исследование. М., 1997. С. 63. — Автор ошибается: Аракчеев не был в тот момент военным министром.
- ¹⁹ Гроссман Л.П. Пушкин. М., 1939. С. 197.
- ²⁰ Балакин Ю.А. От составителя//Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. С. 7.
- ²¹ Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. С. 447 («Работы П.В. Анненкова о Пушкине»).
- ²² Там же. С. 469.
- ²³ Цит. по: Егоров И.Е. Пушкинская трилогия П.В.Анненкова//Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 10 (курсив мой. — В. С.).
- ²⁴ Письмо к П.А.Плетневу (апр. 1862). Цит. по: Гордин А. П.И.Бартепов — биограф Пушкина// Бартепов П.И. О Пушкине. С. 25.

- ²⁵ Якушкин Е.И. Из воспоминаний//Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 440.
- ²⁶ Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. С. 60.
- ²⁷ Милоков П.Н. Живой Пушкин (1837—1937): Ист.-биогр. очерк. М., 1997. С. 70.
- ²⁸ Пушкин Л.С. Биографическое известие об А.С.Пушкине до 1826 года//А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 60.
- ²⁹ Соболевский С.А. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина»//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 6.
- ³⁰ А.Ф. Орлов — командир лейб-гвардии Конного полка; П.Д.Киселев — начальник штаба 2-й армии; П.М.Волконский — начальник Главного штаба и А.И.Чернышев — в свите царя.
- ³¹ Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества: Моногр. М., 1994. С. 71.
- ³² Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 176.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Вяземский П.А. Из писем//Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950. С. 112.
- ³⁵ Модзалевский Б.Л. Примечания//Пушкин. Письма. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 250.
- ³⁶ «Отговорил» Пушкина А.Ф.Орлов, который «приятелем» его не был. Близкие отношения связывали Пушкина с М.Ф.Орловым, но тот не принимал никакого участия в определении поэта на военную службу.
- ³⁷ Дружников Ю.И. Узник России. С. 59.
- ³⁸ Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. С. 70.
- ³⁹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. М.; Л., 1932. С. 256 (письмо вел. кн. Константина Павловича к А.Х.Бенкендорфу).
- ⁴⁰ Цит. по: Русский биографический словарь. [Т. 12]. СПб., 1905. С. 331 (свидетельство А.Х.Бенкендорфа).
- ⁴¹ Якушкин И.Д. Из «Записок»//А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 365, 509.
- ⁴² Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 251.
- ⁴³ Бартевев П.И. О Пушкине. С. 135.
- ⁴⁴ Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 254.
- ⁴⁵ Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. С. 176.
- ⁴⁶ Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 112.
- ⁴⁷ Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. С. 279.
- ⁴⁸ Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. С. 481 («Из черновых заметок. От Я.И.Сабурова»).
- ⁴⁹ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 189.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Сахаров А.Н. Александр I. С. 162.
- ⁵² Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. СПб., 1995. С. 55.
- ⁵³ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 192.
- ⁵⁴ Там же. С. 189.
- ⁵⁵ Там же. С. 200.
- ⁵⁶ Там же. С. 203.
- ⁵⁷ Мейлах Б.С. Жизнь Александра Пушкина. С. 149.
- ⁵⁸ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 200.
- ⁵⁹ Мейлах Б.С. Жизнь Александра Пушкина. С. 147.
- ⁶⁰ Глинка Ф.Н. Удаление А.С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году//А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 208.
- ⁶¹ Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 107.
- ⁶² Мейлах Б.С. Жизнь Александра Пушкина. С. 151.
- ⁶³ Аринштейн Л.М. Пушкин: Непричесанная биография. М., 1999. С. 186.
- ⁶⁴ Дружников Ю.И. Узник России. С. 68.
- ⁶⁵ Цит. по: Сахаров А.Н. Александр I. С. 117.
- ⁶⁶ Глинка Ф.Н. Удаление А.С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. С. 208.
- ⁶⁷ Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. С. 65.
- ⁶⁸ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 204.
- ⁶⁹ Цвяловская Т.Г. Предисловие к первому изданию//Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 6.
- ⁷⁰ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. С. 206.
- ⁷¹ Вигель Ф.Ф. Из «Записок». С. 221.
- ⁷² Хомутова А.Г. «Рассказано Пушкиным»//Рус. архив. 1867. № 7. Стб. 1068.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

С.Л.Турилова

**АВТОГРАФЫ А.С.ПУШКИНА И ДРУГИХ
ЛИЦЕИСТОВ В «АДРЕСНОЙ КНИГЕ»
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**

В конце 1980-х годов, разбирая «россыпь» материалов фонда «Внутренние коллежские дела» Архива внешней политики России (с начала 1992 года — Архив внешней политики Российской империи; далее: АВПРИ), я обратила внимание на небольшую книжку в картонном переплете. Невзрачная и пыльная, она лежала среди добротных кожаных фолиантов — различных делопроизводственных журналов Коллегии иностранных дел XVIII — начала XIX веков. В книжке размером 20,5 x 16 см было свыше 87 листов, некоторые — вырваны и надорваны, пронумеровано 54, часть листов — без текста и нумерации. Бумага — грубая, голубого цвета; обычно на такой в Иностранной коллегии составляли черновики, вели внутреннюю переписку.

Кстати, еще с середины XVIII столетия в Коллегии могли использовать бумагу Полотняного Завода Гончаровых. Сохранилось дело за 1753 год — переписка Коллегии иностранных дел с ее Московской конторой «о пробном заказе писчей бумаги по образцу голландской» на отечественных «бумажных фабриках», в том числе и на гончаровской.

А в 1816 году Министерство иностранных дел просило у своего московского архива доставить в столицу образцы писчей бумаги «высоких и низших сортов» из Полотняного Завода. Образцы эти дошли до нашего времени — в одном из дел лежит стопка чистых листов, а среди «низших сортов» — такая же грубая голубая бумага, из которой сброшюрована найденная нами книжка. На ее обложке — причудливо вырезанная бумажная наклейка. На таких наклейках: прямоугольных, ромбовидных, а иногда в форме овощей и фруктов (и даже «сердечек») — писалось название «записной» книги и год ее составления. Здесь же надпись была почти стерта: «Сия книга для записания <кто где ?> жи<ительствует ?> из <...> служащий при Государственной Коллегии иностранных дел»,¹ — а дату составления книги нам раздобыть не удалось.

Итак, это была адресная книга не только чиновников Коллегии иностранных дел (кроме высших чинов), но и переводчиков, даже живописцев, всегда состоявших при Коллегии, прочих канцелярских служащих, «низшей obsługi», например, ездовых. Все эти лица, в основном собственноручно вписавшие «места своего жительства», числились на службе в центральном аппарате ведомства, т. е. в С.-Петербурге, и были причислены к Канцелярии министерства. Открыв последние страницы буквы «П», среди карандашных и чернильных росписей я увидела знакомый изящный, летящий почерк:

«Александр Пушкин живет у Калинкина мосту в доме Графа Апраксина».²

Александръ Пушкина живетъ
у Калинкина мосту въ
домѣ Графа Апраксина

Это был автограф великого поэта.³

13 июня 1817 года Пушкин вместе с А.М.Горчаковым, П.Ф.Гревеницем, Н.А.Корсаковым, В.К.Кюхельбекером, С.Г.Ломоносовым и П.М.Юдиным поступил на службу в Министерство иностранных дел. В то время его по старинке именовали Коллегией, да и еще тридцать лет после учреждения в 1802 году Министерства иностранных дел Коллегия существовала наряду с Министерством, занимаясь определением на службу чиновников и проч. С июня 1817-го по май 1820 годов Пушкин жил с родителями и сестрой в квартире «в Коломне над Корфами на Фонтанке, близ Калинкина моста».⁴ Обнаруженный нами автограф вносит в список известных исследователям петербургских адресов Пушкина еще один.

Кроме того, в адресной книжке оставили свои автографы все выпущенные одновременно с Пушкиным лицеисты (кроме Юдина), поступившие в Коллегию иностранных дел. Можно предположить, что все они расписывались вскоре после определения на службу.

Ниже мы публикуем эти расписки, сохраняя особенности орфографии и пунктуации подлинников.

1. А.М.Горчаков.

«Горчаков, князь Александр Михайлович жительство имею между Обуховым мостом и Сенной в доме сенатора Борщова».⁵

2. П.Ф.Гревениц.

Зачеркнутый адрес: «Гревениц, барон Павел Федорович живет в Воспитательном доме, на квартире его сиятельства князя Николая Васильевича Голицына»; в нижней части листа — еще один (тоже зачеркнутый): «на Невском проспекте в доме купца Паскова против Императорской библиотеки».⁶

«Гревениц Павел Федорович жительство имеет на Невском прощпехте против Гостинного двора на углу к Садовой улице в доме Паскова, где живет Бобров».⁷

3. Н.А.Корсаков.

«Карсаков Николай Александров, титулярный советник — в Большой Миллионной в батальоне Его Императорского Величества».⁸

4. В.К.Кюхельбекер.

«Кюхельбекер, титулярный советник Вильгельм Карлович — в Галерной улице, в доме княгини Юсуповой».⁹

5. С.Г.Ломоносов.

Зачеркнутый адрес: «Ломоносов, титулярный советник Сергей Григорьевич жительствоует в доме Борщова у Абухова моста».

«Ломоносов, титулярный советник Сергей Григорьевич жительство имеет в Большой Подъяческой в доме господина Рено».¹⁰

И, наконец, расписка последнего из лицеистов, поступившего на службу в Коллегию иностранных дел вместе с Пушкиным, Павла Михайловича Юдина отсутствует, как мы уже упоминали, в этой адресной книге. Однако в ней есть два свидетельства о месте жительства его отца, который поступил в Коллегию в 1801 году: «Юдин Михаила Федорович жительство имеет близ Калинкина мосту против дому госпожи Порошиной» (этот адрес зачеркнут); «Юдин Михаил Федорович жительство имеет на Васильевском острову в 7-ой линии на берегу Невы в Академии».¹¹

Время заполнения адресной книги может быть определено по ряду косвенных данных. Первым в ней записано место жительства канцеляриста Михаила Антропова.¹² Он был определен в Министерство иностранных дел в 1813 году канцеляристом, а в 1816 году — был уже регистратором.¹³

Кроме того, перед автографом Пушкина имеются две расписки, сделанные карандашом; одна из них принадлежит чиновнику Персиани.¹⁴ Согласно старым картотекам, в начале XIX столетия в Министерстве иностранных дел значился лишь один служащий с такой фамилией. В 1816 году он был принят в российское подданство и определен в иностранное ведомство, а в 1817 году — назначен канцелярским служителем Российской миссии во Франкфурте-на-Майне.¹⁵ Написанный карандашом и довольно корявым почерком, выдающим иностранца, адрес Персиани перечеркнут — возможно, из-за отъезда на службу за границу в 1817 году (хотя, с другой стороны, адрес Корсакова, уехавшего в Италию в 1819 году и умершего спустя год, оставлен незачеркнутым).

Таким образом, уточнение сведений о поступлении и передвижении по службе двух чиновников (Антропова и Персиани) позволяет сделать вывод о том, что найденная нами адресная книжка заполнялась и в 1813-м, и в 1816-м, и в 1817 годах. Лицеисты же, в том числе Пушкин, судя по всему, записывали свои адреса сразу по поступлении на службу, т. е. в 1817 году.

Примечания

¹ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/2. Р. 52. Д. 139. С. 1обл.

² Там же. Л. 38.

³ Опубл. с неточностями: Турилова С.Л. Автографы А.С. Пушкина в Архиве внешней политики России//Дипломатический ежегодник. [Вып. 2]. М., 1992. С. 223—227; Турилова С. Автографы А.С. Пушкина в Архиве внешней политики России//Междунар. жизнь. 1999. № 6. С. 225 («Александр Пушкин проживает у Калинкина моста в доме графа Апраксина»). Автограф Пушкина экспонировался в 1992 году на выставке «Российские литераторы и российская дипломатия XVIII — первой четверти XIX вв.» и в 1999 году — на выставках, посвященных 200-летию юбилею со дня рождения поэта.

⁴ Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина, 1799—1826/Сост. М.А.Цявловский. 2-е изд. Л., 1991. С. 136.

⁵ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/2. Р. 52. Д. 139. Л. 14. Перед автографом Горчакова, вероятно, была расписка А.С.Грибоедова (см.: Там же. Л. 13об.; часть листа оторвана). Вскоре после поступления на службу Горчаков взял в 1818 году продолжительный отпуск (до 1822 года). См.: Там же. Ф. Административные дела. Ю-14 (1818). Д. 6; (1821). Д. 16.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 14об. Этот адрес идентичен зачеркнутому предыдущему.

⁸ Там же. Л. 26об. Титулярным советником Н.А.Корсаков был определен на службу в Канцелярию министра после выпуска из Лицея в 1817 году, а 16 сентября 1819 года — причислен канцелярским служителем при Российской миссии в Риме. Скончался в Италии 26 сентября 1820 года.

⁹ Там же. Л. 26. В.К.Кюхельбекер был отчислен из Министерства иностранных дел 20 августа 1820 года с чином коллежского ассессора (см.: Турилова С.Л. Предшественников славных имена// Вестник МИД СССР. 1988. № 12. С. 67). Автограф Кюхельбекера «варварски» перечеркнут, что могло, скорее всего, быть сделано после 1825 года, когда он, как декабрист, был объявлен государственным преступником.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/2. Р. 52. Д. 139. Л. 28. Из формулярного списка С.Г.Ломоносова следует, что, причисленный к Коллегии, он уже 28 мая 1818 года был назначен секретарем Российской миссии в Филадельфию, а в марте 1821 года — отозван к делам Коллегии (см.: Там же. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2056).

¹¹ Там же. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/2. Р. 52. Д. 139. Л. 52. Отсутствие записи об адресе сына М.Ф.Юдина может объясняться тем, что сразу после зачисления в штат Министерства иностранных дел коллежский секретарь П.М.Юдин не был оставлен при Канцелярии ведомства и определен к разборке «архива старых дел» (впоследствии П.М.Юдин будет директором С.-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел). См.: Там же. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 3783. Однако следует отметить, что один лист в разделе «Ю» вырван.

¹² Там же. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/2. Р. 52. Д. 139. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. Административные дела. IV-1 (1813). Д. 11; IV-7 (1816). Д. 7.

¹⁴ Там же. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/2. Р. 52. Д. 139. Л. 38.

¹⁵ Там же. IV-1 (1816). Д. 44; IV-4 (1817). Д. 19.

Дополнительные примечания к автографам лицестов

1. К автографу Горчакова.

3 Адм. ч., 3 кв., № 159. Обуховский проспект (проезд) (совр.— Московский пр., 5). Борщов Сергей Семенович (1754—1837) — отставной генерал-лейтенант, сенатор.

2. К автографу Гревеница.

3 Адм. ч. (совр.— Невский пр., 50/15, угол Садовой ул.). Паской Степан Иванович — купец 3-ей гильдии. Бобров Алексей Иванович — статский советник, служащий МИД.

3. К автографу Корсакова.

Казарма батальона лейб-гвардии Преображенского полка, угол Миллионной ул. и р. Мойки.

4. К автографу Кюхельбекера.

1 Адм. ч., 4 кв., № 222/244 (совр.— Галерная, 55; сохр.). Княгиня Юсупова Т.М.

5. К автографу Ломоносова.

Зачеркнутый адрес — общий с Горчаковым. 3 Адм. ч., 4 кв., № 206/257 (совр.— Б.Подъяческая ул., 9). Рено Леонтий Устинович — надворный советник.

В.П.Старк

В.П.Старк

«А.ЛЕКСАНДР ПУШКИН ЖИВЕТ
У КАЛИНКИНА МОСТУ В ДОМЕ
ГРАФА АПРАКСИНА»*

До настоящего времени сообщение, приведенное в заголовке, могло вызвать только недоумение. Считается, что все петербургские адреса Пушкина известны, у Калинкина моста в том числе. Достаточно открыть на первой странице широко известную книгу А.Г.Яцевича «Пушкинский Петербург», чтобы прочесть: «На набережной Фонтанки показались дрожки. Старая лошадь еле передвигала ноги. Извозчик остановился у небольшого каменного дома вице-адмирала Клокачева. Молодой человек в плаще и высокой шляпе легко соскочил с дрожек и исчез в воротах. Это был юный Пушкин, возвращавшийся домой с заседания “Зеленой Лампы”. Здесь в доме Клокачева, в старой Коломне, жили его родители».¹

О том же писал и В.Ф.Широкий в книге «Пушкин в Петербурге», вышедшей к столетию смерти Пушкина: «В старой Коломне, у Покрова, в небольшом каменном доме вице-адмирала Клокачева проживал в 1817 году Сергей Львович Пушкин с семьей. <...> В середине июня в семью Пушкиных приехал только что окончивший царскосельский лицей старший сын».²

В составленном Л.Медерским «Адресном указателе», приложенном к книге «Пушкинский Петербург», которая была подготовлена к 150-летию со дня рождения Пушкина, значится, что с 1817-го по 1820-й год он жил по адресу «Фонтанка, дом адмирала Клокачева (ныне № 185)».³ О том же более подробно пишет в этом сборнике Л.Шлионский в статье «Пушкин в Петербурге»: «Сюда, в район старой Коломны, после окончания лицея и переехал молодой Пушкин. В описанном Эртелем и самим поэтом (в послании В.Энгельгардту) “углу тесном и простом” (II, 83) протекли три года бурной, яркой, разнообразной по впечатлениям и переживаниям юности поэта. Здесь он жил с момента окончания лицея в июне 1817 г. до ссылки на юг в мае 1820 г.».⁴ Это же сообщается и во всех других, как популярных, так и научных изданиях, в том числе и в «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина», составленной М.А.Цявловским. Только он дает обоснование указываемому адресу.

Единственным источником адреса служит свидетельство П.А.Плетнева, который писал 2 марта 1846 года Я.К.Гроту: «Все, что высказал ты об “Домике в Коломне” и об “Андрее” (Тургеневе), я совершенно разделяю. Надобно еще прибавить к тому, что “Домик в Коломне” для меня с особенным значением. Пушкин, вышедши из Лицея, действительно жил в Коломне, над Корфами — близ Калинкина моста, в доме бывшем тогда Клокачева, здесь я познакомился с ним».⁵ В соответствии с этим в «Летописи жизни и

* Работа осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 01-04-00246а.

творчества А.С.Пушкина» значит: «Декабрь. 25—31. Петербург. Рождественские каникулы. Пушкин гостит у родителей, проживающих в доме вице-адмирала Клокачева на Фонтанке, у Калинкина моста (теперь д. 185; перестроен). Общается с Жуковским, которому обещает доставить собрание своих лицейских стихотворений». Под той же датой: «Знакомство с Плетневым, пришедшим к родителям Пушкина».⁶

Плетнев, говоря о доме Клокачева, явно вспоминает о более позднем времени. Документально подтверждается, что дом, с которым традиционно связывали всю петербургскую юность поэта, стал домом Клокачевых только по купчей от 14 февраля 1818 года. До того домом владел действительный статский советник Михаил Михайлович Демчинский (? — 1850).⁷ Следовательно, ранее указанного времени Пушкины не жили в этом доме, а Плетнев у них не бывал. В 1817 году Плетнев сам только закончил курс обучения в петербургском Педагогическом институте. Его дружба с Пушкиным завяжется значительно позднее, а пока, с октября 1818 года, они встречались на субботах у Жуковского.

Лицейский товарищ Пушкина Модест Корф поселился в этом доме сразу же по окончании Лицея и жил в нем и после того, как Пушкин был выслан из Петербурга. Воспоминания М.А.Корфа о жизни в одном доме с Пушкиным, образе жизни семейства Пушкиных постоянно цитируются, несмотря на их негативный характер по отношению к своим соседям. В них можно почерпнуть сведения о безалаберности семейства Пушкиных, но не найти ни точного указания на то, когда же в этом доме поселился Пушкин, ни имени хозяина дома. В адресной книге С.Аллера на 1822 год (ближайшей к интересующему нас времени) тайный советник барон Андрей Федорович Корф, отец лицейского товарища Пушкина, числится живущим в доме Клокачева № 359, а отец Пушкина Сергей Львович — уже в другом доме, принадлежащем «иностранцу Гронману», в той же 4-ой Адмиралтейской части под № 449 (современной адрес — Климов пер., д. 5; дом сохранился).⁸

Таким образом, мы можем приблизительно судить о том, когда родители Пушкина покинули дом Клокачева, что произошло в 1821 году,— но не о том, когда они в него въехали. Неожиданная находка дала возможность установить еще один адрес Пушкина в Петербурге,— как оказалось, первый после выхода его из Лицея, зафиксированный им самим.

Впервые запись рукою Пушкина была опубликована С.Л.Туриловой, сотрудником Архива Министерства иностранных дел: «Александр Пушкин живет у Калинкина мосту в доме Графа Апраксина».⁹

Особенный интерес этот автограф вызывает потому, что в нем Пушкин собственноручно указывает адрес, который никогда и никем не упоминался в качестве пушкинского. Подобное указание места жительства было характерно для пушкинского времени при существовавшей сплошной нумерации домов в пределах частей города, пользоваться которой было неудобно, тем более что при действующей нумерации память самих жителей, закрепленная привычкой, сохраняла и прежде действовавшую нумерацию. Это вносило путаницу, и проще было указывать свой адрес по имени хозяина дома и ближайшему ориентиру. В данном случае таким ориентиром служил Калинкин мост.

В Колонне действительно существовал дом рядом с Калинкиным мостом, принадлежавший графу Апраксину, который числится еще в «Санктпетербургской адресной книге на 1809 год» как владеющий двумя домами и живущий в одном из них: «Апраксин, граф Иван Александрович, член Военной Коллегии». Сам он живет в 3-ей Адмиралтейской части «по Вознесенскому проспекту в собственном доме № 189» и, кроме того,

владеет в 4-ой Адмиралтейской части домом «по берегу Екатерининского канала № 266». ¹⁰

Граф Иван Александрович Апраксин (1756—1818) — участник русско-турецкой войны, привезший Екатерине II ключи от крепости Аккерман. В 1796 году он генерал-контролер Военной коллегии. Его отцом был Александр Федорович Апраксин (1743—1792), а матерью — княжна Наталия Ивановна Одоевская. Граф Иван Александрович был женат на графине Марии Александровне Волькенштейн (Валедштейн). ¹¹ Семейство Апраксиных — одно из известнейших в России, особенно благодаря отличию его представителей в Северной войне и родству с домом Романовых. В «Истории Петра» Пушкин не однажды упоминает братьев Апраксиных — генерал-адмирала Федора Матвеевича и генерала Петра Матвеевича, а также их сестру царицу Марфу Матвеевну, супругу царя Федора Алексеевича.

Пушкин был знаком с детьми графа И.А.Апраксина. Через графа Петра Ивановича Апраксина (1784—1852), генерал-майора, начальника Казанского жандармского округа, он переслал в Казань своей знакомой А.А.Фукс «Историю Пугачевского бунта», о чем и написал ей 20 февраля 1836 года в сопроводительном письме: «Теперь гр. Апраксин снисходительно взялся доставить к Вам мою книгу» (XVI, 87). Дочь И.А.Апраксина, Екатерина Ивановна, была замужем за знакомым Пушкина Николаем Петровичем Новосильцевым. Был знаком Пушкин и с семейством графа Петра Александровича Апраксина, отставного бригадира, умершего в 1814 году, брата Ивана Александровича, соседями по Болдину: вдовой Натальей Алексеевной, урожденной Остафьевой, и ее детьми Александром, Николаем, Александрой, Анастасией, Варварой, Марией и Прасковьей.

В черновом варианте не завершенной Пушкиным повести «На углу маленькой площади...» встречается фамилия Апраксиных. Действие происходит в Коломне, куда переехала оставившая своего мужа героиня повести Зинаида и где она принимает своего возлюбленного Алексея. Между ними завязывается разговор по поводу бала у князя Горецкого (Горского), на который Алексей Володской (Володский) не был зван:

Который это Горецкий, не князь ли Егор?

Совсем нет. Кн. Егор давно умер; это брат его Князь Павел, мерзавец отъявленный

В зачеркнутых строках вслед за этими словами следовало:

Женатый

а. На дочери Генерала, бежавшего

б. На дочери Генерала, о котором сказано

в. На дочери Генерала славного своею трусостию

В ответ Зинаида говорит:

А, знаю, тот которого тому лет 15 побили палками

Совсем нет,— отвечает Алексей,— он просто получил пощечину и не дрался

В зачеркнутых строках читается:

А, знаю, тот который [когда-то] [лет 10 тому] тому лет 15 получил пощечину и не дрался —

Совсем нет — его прибили палками

Ниже, напротив слов о «дочери Генерала», приписано и зачеркнуто:

Апраксина Наскарпина Нарпа (VIII, 721).

В ходе дальнейшей работы дочь трусливого генерала будет заменена на дочь парикмахера, нажившего миллионы, а затем — на дочь певчего.

До графа Апраксина его участком владел Петр Григорьевич Демидов, значившийся хозяином еще в 1804 году. В этот год составлялись новые таблицы, и участок стал

числиться под № 266, с указанием старого № 322, что и означено в соответствующих графах «Табели» — «По старому положению» и «По новому положению». «Двор» П. Г. Демидова оценен по «Табели» 1804 года в 10000 рублей и, соответственно, полу-процентный сбор в доход городу обозначен в 50 рублей. Судя по этой «Табели», соседний участок № 323/265, занимающий мыс между рекой Фонтанкой и Екатерининским каналом в месте их соединения, принадлежал корабельному мастеру Семену Поспелову. С другой стороны от демидовского располагался участок № 321/267 «Здесьняго купца Лазаря Пентешева», а за ним участок № 320/268 «Здесьняго купца Власа Дубровина».

Существует несколько планов и карт, фиксирующих, в частности, интересующий нас 4-ый квартал 4-ой Адмиралтейской, позднее Коломенской, части, с обозначением его застройки. На известном аксонометрическом плане Петербурга, составленном в 1770-е годы Сент-Илером, на данном и прилегающих к нему участках никаких строений не показано вовсе. «Атлас столичного города Санкт-Петербурга, состоящий из одиннадцати частей и 51-го квартала», который был составлен при Сенате в 1798 году, включает план, где на интересующем нас участке показано каменное строение, по своей конфигурации соответствующее более поздним планам и чертежам. Кроме него на участке обозначено несколько деревянных служебных построек.

На плане Санкт-Петербурга 1828 года, составленном Ф. Ф. Шубертом, обозначен той же конфигурации каменный дом, но также и каменный дворовый флигель. Помимо них значится и несколько деревянных служебных строений. На этом плане обозначен и садик, примыкающий к боковому фасаду дома, с обозначением дорожек и посадки деревьев.

На более позднем плане из атласа, составленного Н. Цыловым, отсутствует подобная детализировка, но тем не менее схематично обозначено наличие каменных домов, в том числе на данном участке. При этом на соседнем в сторону Калинкиных мостов участке каменных строений не значится.

К 1822 году участок был разделен на два — пустопорожный, полковника Дубенского (позднее — с Домом призрения убогих Императорского человеколюбивого общества), и «коллежского асессора Маркова жены», со старым домом, перешедшим к чиновнику 5 класса Кутузову. С введением принципиально новой нумерации первый стал числиться под № 163, второй — под № 161. Оба значатся как бывшие № 262, 266, 322.

Маркова Мария Алексеевна, жена коллежского асессора, умерла в 1849 году на 43 году и похоронена с Алексеем Ивановичем Марковым, действительным статским советником (1794—1869).¹² При ней на сентябрь 1831 года, согласно фиксационным планам, значится дворовый каменный флигель — в том виде, какой он имеет и в настоящее время.¹³ В 1836 году на участке дома № 262 числятся также два участка — под № 161 и под № 163. Первый из них, под № 161, соответствует старому дому № 262, или, по прежней нумерации, № 266.

Согласно «Адресной книге» 1849 года, участок все так же числится за Яковом Васильевичем Кутузовым, уже действительным статским советником. На участке значится «каменный дом в два этажа с мезонином, такой же флигель и деревянные службы», оцененный в 7553 рубля 80 копеек и приносящий чистого дохода 755 рублей 38 копеек.¹⁴ И по «Атласу» 1849 года на этих двух участках (под № 163, Человеколюбивого общества, и под № 161, Кутузова) обозначен дом только на последнем участке. Кутузов служит в это время на Украине, возглавляя Кременчугскую провиантскую комиссию, а потому не значится проживающим в столице.¹⁵ Своеобразным ориентиром при этой перемене

хозяйев участков, изменении нумерации, застройке свободных мест может служить соседний, т. е. расположенный слева от апраксинского по Екатерининскому каналу, участок, на котором дом построен вплотную к интересующему нас. И в 1822 году, и в 1849-м этот участок с домом принадлежал купцу Григорию Фроловичу Фролову.

Следующим владельцем интересующего нас дома значится в 1856 году коллежский ассessor Шерстобитов. Его имя находится также в «Петербургском некрополе»: «Шерстобитов Карп Леонтьевич, к<оллежский> ас<ессор>, ум. 15 марта 1866, 66 л<ет>, с Пракковой Артемоновной Шерстобитовой, умершей в 1848 г. на 47 году».¹⁶

Последними владельцами дома становятся купцы Яковлевы, начиная с купеческой вдовы Дарьи Ионовны Яковлевой. При ней в 1873 и 1876 годах производится переустройство участка и сносится каменная наружная лестница, бывшая еще в XVIII веке, и — «за ветхостью» — садовая деревянная беседка, существовавшая еще при Пушкине.

На 1917 год владельцами дома числятся «Яковлева насл.» и Мальшев Павел Алексеевич.¹⁷ В книге Г.К.Лукомского «Старый Петербург», выпущенной в 1917 году, приведена фотография этого дома с подписью: «Домик на набережной Екатерининского канала».¹⁸ Сопоставление сегодняшнего облика дома с этой фотографией позволяет сделать утешительное заключение относительно его сохранности. Частично заложенным оказалось лишь полуциркульное окно мезонина, исчезли или оказались измененными декоративные детали в обработке фасада. Скорее всего, так же как и на этой фотографии начала XX века, в начале XIX века окна цокольного этажа были снабжены деревянными ставнями, а забор с калиткой и воротами отделял участок дома от набережной. Судя по фотографии, между первым и вторым этажами дома первоначально находились четыре барельефа. Крайние, т. е. первый и четвертый, барельефы тождественны, так же как тождественны второй и третий. Трехфигурные композиции всех четырех барельефов объединяет наличие кентавра. Два средних изображают мужскую фигуру, ведущую за руку ребенка, в движении навстречу кентавру. На крайних барельефах просматривается женская фигура, держащая за руку отрока. В обоих случаях кентавр поднятой рукой приветствует пришедших к нему. Нетрудно догадаться о том, какие мифологические сюжеты, связанные с кентавром, представлены барельефами.

На средних барельефах справа изображен кентавр Хирон, а слева — Аполлон, приведший к нему сына Асклепия. Известно, что одной из первоначальных функций Аполлона было врачевание. Именно врачующего Аполлона приветствует пеан — хореический гимн в честь Аполлона-врачевателя. Но с рождением сына от царской дочери (по другому варианту — от нимфы) Корониды и гибели ее Аполлон оказывается вынужденным передать своего сына на воспитание мудрому кентавру Хирону, поручив ему обучить мальчика знанию целебных свойств трав и прочих растений. Тем самым Аполлон передает свою функцию врачевателя при помощи Хирона своему сыну. Асклепий, в римской мифологии — Эскулап, овладев тайнами природы, не только будет спасать больных, но и постигнет чудо воскрешения мертвых. Жалоба бога подземного царства Аида, обращенная к Зевсу, заключается в том, что из-за Асклепия нарушается гармоническое равновесие жизни и смерти. Таким образом, мотив, использованный на барельефах, претендует на то, чтобы в античных формах представить возможное чудо воскрешения мертвых, чему будет обучен Хироном Асклепий. Чудо вечной жизни Хирон черпает в хтонических силах Матери-Земли.

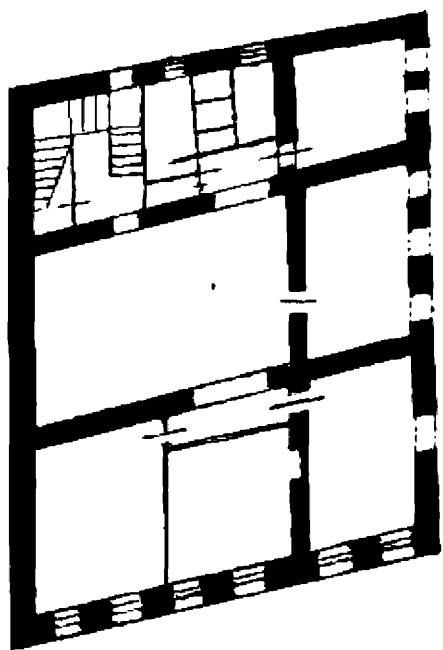
На крайних барельефах представлена морская богиня Фетида, также приведшая к кентавру Ахилла, своего сына от союза с Пелеем, царем Фессалии. Будущего героя Трои Хирон обучил не только врачеванию, но стрельбе из лука, игре на кифаре и пению.

Так, с помощью архивных материалов и старой фотографии, составилась постепенно облик этого старинного особняка, сохранившего в основном свой вид того времени, когда в нем поселились Пушкины. Дом двухэтажный с мезонином, обращенным окнами по фасадам на Екатерининский канал и на двор. Боковой его фасад, смотрящий на скверик и Калининские мосты, перекрыт треугольным фронтоном, который прорезан тремя окнами. По центру второго парадного этажа расположен балкон с металлической кованой решеткой старинного рисунка, справа от него — фальшивое окно, на фотографии из книги Лукомского перекрытое декоративной рамой, от которой в натуре осталась только ниша. Таким образом, экстерьер дома вполне соответствует тому, каким он был и в 1917 году, и в пушкинское время. Интерьер же дома подвергся в XX веке изменениям, которые связаны с тем, что в нем до недавнего времени располагалось несколько коммунальных квартир. Однако он сохранил тем не менее свою историческую планировку, так как не подвергался капитальным перестройкам.

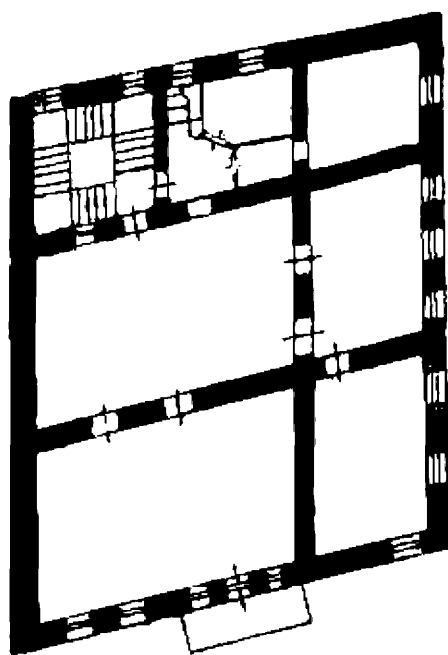
Пользуясь планами дома, с учетом норм и образа жизни пушкинского времени, нетрудно составить представление об использовании его семьей Пушкиных. Со снесенного, уже после них, наружного крыльца на шести каменных столпах крытая деревянная лестница вела во второй этаж, одновременно соединяя главный дом с флигелем. Кроме нее была и внутренняя лестница, сохранившаяся до настоящего времени, которая соединяла первый этаж со вторым и мезонином. Первый цокольный этаж был, конечно, служебным, предназначенным для многочисленной прислуги как вольной, так и крепостной. Здесь, скорее всего, жили и Арина Родионовна, и дядька Пушкина Никита Козлов. Во втором этаже с лестницы попадали в большую темную переднюю, из которой можно было войти в парадные покои дома — залу, с выходом на балкон, и столовую, обращенную тремя окнами в садик, а через них — в угловую гостиную. Еще одна угловая комната с видом на садик и двор могла служить кабинетом Сергея Львовича. Четыре комнаты в мезонине были, скорее всего, жилыми для членов семьи: спальней родителей, комнатами Пушкина, его сестры Ольги и брата Льва.

Дом, являя собою редчайший образец жилой застройки Петербурга конца XVIII — начала XIX веков, предназначенной для людей среднего достатка, чудом дошел до нас не перестроенным за двести с лишним лет. В 1981 году предполагали снести как самый дом, так и дворовый флигель, но Государственная инспекция по охране памятников не дала на то своего согласия. В письме за подписью тогдашнего ее начальника И. Д. Саутова, в частности, говорится: «Эти здания — редчайший сохранившийся образец обывательской застройки в Старой Коломне времен А. С. Пушкина, в которой он жил и творил первые годы жизни после окончания Лицея».

Известно, что мать Пушкина Надежда Осиповна, бабушка Мария Алексеевна Ганибал, старшая сестра Ольга и младший брат Лев приехали в Петербург в конце марта 1814 года в связи с определением Льва Пушкина в благородный пансион при Царско-сельском Лицее. 8 апреля состоялись вступительные экзамены, и Лев Пушкин был зачислен в пансион. В прошении, поданном Н. О. Пушкиной 14 апреля 1814 года, она указывает свой адрес: «Жительство имею ныне в Санктпетербурге на Васильевском Острове в 9 линии на Среднем проспекте в доме Попова». Обращение к адресным книгам и архивам позволило установить местонахождение этого дома (современный адрес — Васильевский остров, Средний пр., 38) и представить его внешний облик в пушкинское время. Это был одноэтажный деревянный дом на одиннадцать окон с мезонином в пять окон. В неизменном виде это здание простояло до 1899 года, когда на его месте был выстроен пятиэтажный дом для складов и мастерских табачной фабрики, существующей и ныне.¹⁹

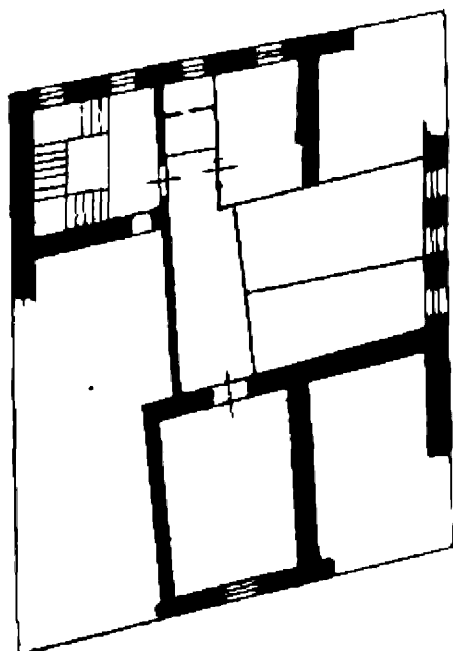

1-й этаж

2-й этаж

*Позтажные планы бывшего дома
графа А.И.Апраксина
в Петербурге «у Калинкина
мосту».*

мезонин

Скорее всего, Пушкины сняли квартиру на полгода, до приезда в Петербург Сергея Львовича в октябре 1814 года. Вскоре родители покинули Васильевский остров, перебравшись в 3-ю Адмиралтейскую часть, в так называемые «морские», или «адмиралтейские», слободки. Об этом свидетельствует то, что и они, и их крепостные числятся уже прихожанами тамошних храмов Никольского Богоявленского (или Николы Морского) и снесенной в 1936 году церкви Вознесения на углу Екатерининского канала и Вознесенского проспекта, которому она дала название и доминантой которого являлась. Так, в исповедных росписях на Пасху 1815 года в графе «Звание имени» под № 286 значится «военная советница Надежда Осиповна Пушкина». ²⁰ А на Пасху следующего, 1816 года в идентичной графе под № 2720 значится уже все семейство, «военный советник Сергей Львович Пушкин 46 лет и жена его Надежда Осипова 35 лет» и «дети их Лев 10 лет и Ольга 18 лет». ²¹ В соседней Вознесенской церкви исповедалась в том же 1816 году «отставного полковника Сергея Пушкина служащая женщина Ирина Родионова 65 лет» и «Евдокия Филиппова 30 лет». ²² Первая из помянутых, конечно же, няня Пушкина Арина Родионовна. Таким образом, где-то на Вознесенском проспекте или прилегающих к нему улицах, в 3-ей Адмиралтейской части, жили Пушкины с конца 1814 до середины или даже конца 1816 годов. С 1817 года всеми известными воспоминаниями и документами зафиксировано их жительство в Коломне в качестве прихожан Покровской церкви, но, как теперь оказалось, в одном и том же приходе Пушкины жили по разным адресам — давно известному, в доме адмирала Клокачева, и нововыявленному, в доме графа Апраксина.

Впервые Пушкин жил в апраксинском доме с 24 декабря 1816-го по 1 января 1817 года, отпущенный из Лицея на Рождественские каникулы. В кругу семьи Пушкин отменил в этом доме Рождество и встретил Новый год. Отпущенный на Пасхальные каникулы с 25 марта по 1 апреля 1817 года, Пушкин также жил в этом доме. В третий раз, еще до выпуска из Лицея, отпущенный 31 мая 1817 года в Петербург для обмундирования, он снова живет в этом доме до 3 июня, когда возвращается в Царское Село. Наконец, 11 июня 1817 года Пушкин поселяется в этом доме по окончании Лицея и живет с родителями, братом и сестрой до отъезда с ними в Михайловское в начале июля 1817 года. Вернувшись в конце августа в Петербург, Пушкин опять же поселяется в доме Апраксина.

В доме же адмирала Клокачева, в котором, как считалось, поэт прожил всю свою петербургскую юность, Пушкины поселились, скорее всего, по возвращении из Михайловского, после смерти там бабушки Пушкина М.А.Ганнибал, т. е. в конце лета 1818 года, но никак не ранее февраля 1818 года, когда Клокачев только приобрел дом. Во время отъезда родителей в Михайловское Пушкин один оставался в доме Апраксина. Таким образом, здесь была создана ода «Вольность», другие стихотворения начала петербургской жизни Пушкина, начата поэма «Руслан и Людмила». Здесь пережил Пушкин первую болезнь зимою в начале 1818 года, «в постеле с жадностью и со вниманием» прочитав первые восемь томов «Истории Государства Российского». Его посещают друзья, приятели и даже переодетая гусаром дама полусвета Елизавета Шот-Шедель, на что поэт откликнется стихотворением «Выздоровление».

Многие из воспоминаний о жизни Пушкина в Коломне, относимые прежде к дому адмирала Клокачева, теперь оказываются связанными с домом графа Апраксина. И те впечатления, которые отразились позднее и в «Езерском», и в «Медном всаднике», в поэме «Домик в Коломне» и в неоконченных повестях из петербургской жизни, писавшихся в конце 1820-х — начале 1830-х годов, впервые испытал Пушкин, живя «у Калинкина мосту в доме Графа Апраксина».

Примечания

- ¹ Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 1.
- ² Широкий В.Ф. Пушкин в Петербурге; Пушкинские места в Ленинграде. Л., 1937. С. 23, 25.
- ³ Пушкинский Петербург/Под ред. Б.В.Томашевского. Л., 1949. С. 67.
- ⁴ Там же. С. 377.
- ⁵ Цит. по: Бартенев П.И. Александр Сергеевич Пушкин: Материалы для его биографии. Гл. II. Лицей//Моск. ведомости (Лит. отдел). 1854. № 118. 2 окт. С. 29
- ⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 1, 1799—1824/Сост. М.А.Цявловский. [М.], 1999. С. 99—100.
- ⁷ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 38. Л. 141об.; Сaitов В.И. Петербургский некрополь. Т. 2. СПб., 1912. С. 34.
- ⁸ Старк В.П. Петербургские адреса родителей Пушкина//Петербургские чтения 96. СПб., 1996. С. 353—357.
- ⁹ См. статью С.Л.Туриловой в настоящем изд. (с. 85—88).
- ¹⁰ Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809. С. 8, 199.
- ¹¹ Русский биографический словарь. [Т. 2]. СПб., 1900. С. 240; Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 116—118.
- ¹² Сaitов В.И. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 45.
- ¹³ План и фасады по 4 Адмиралтейской части, 4 квартала, № 262. Двор жены 8 класса Марковой// ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. № 3594.
- ¹⁴ Оценочная табель недвижимых имуществ в столичном городе С. Петербурге по четвертой Адмиралтейской части//Там же. Оп. 168. № 239. Связка 472. Л. 19об. (№ 345 по ведомости).
- ¹⁵ Атлас тринадцати частей С. Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов/Сост. Н.Цылов. СПб., 1849. С. 55; Алфавитный указатель. С. 130 (собств. паг.).
- ¹⁶ Сaitов В.И. Петербургский некрополь. Т. 4. СПб., 1912. С. 535.
- ¹⁷ Весь Петроград на 1917 год. Отд. IV. Алфавитный список улиц Петрограда и его пригородов. Стб. 104.
- ¹⁸ Лукомский Г.К. Старый Петербург: Прогулки по старинным кварталам столицы. Пг., [1917]. Альбом ил. Л. [51]
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. № 2378. Чертеж.
- ²⁰ Там же. Ф. 19. Оп. 112. № 627. Л. 594об.
- ²¹ Там же. Ф. 19. Оп. 113. № 640. Л. 465об.
- ²² Там же. Ф. 19. Оп. 112. №№ 639, 686.

В.Г.Никифоров

СЕЛЬЦО ВЕЧЕ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Если вы проедете мимо Тригорского по Дериглазовскому мосту,¹ никуда не сворачивая, то минут через пятнадцать пути по современному асфальтированному шоссе приедете в деревню Вече, расположенную на месте бывшего одноименного сельца. В начале прошлого века здесь находилась деревенька Ветши, бывшая частью имения Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф. В 1840-е годы северную часть Тригорского, чуть более 1300 десятин, купил опочечкий отставной капитан и кавалер Федор Андреевич Карпов. Он был тверской дворянин, знакомый или родственник первого мужа владелицы имения Николая Ивановича Вульфа. Старший сын Ф.А.Карпова Григорий Федорович был женат на дочери Евпраксии Николаевны (Зизи) Марии Борисовне Вревской. Младший, Павел Федорович, впоследствии владелец села Вече, земский начальник, более десяти лет управлял пушкинским Михайловским после продажи его государству.

Дед Карповых Андрей Степанович — «из солдатских детей, в службу вступил в контору Санкт-Петербургского Генерального Сухопутного госпиталя писцом в 1792 г. Марта 1 дня 1798 г. произведен в писаря младшего унтер-офицерского состава <...>». А.С.Карпов по служебной лестнице поднимался постепенно. В 1813 году стал титулярным советником. В 1826 году был награжден орденом Св. Анны третьей степени. Спустя два года его удостоили «Знака отличия беспорочной службы за XX лет», а в 1831 году — такового «за XXX лет». Был «всемилодивейше пожалован орденом Св. Станислава 4 ст. в 1832 г. <...>». Согласно формулярному списку, выданному Санкт-Петербургской городской думой 29 апреля 1841 года, Карпов был чиновником седьмого класса и служил старшим бухгалтером в Думе.²

В дворянской родословной книге Карповых есть и формулярный список его сына, первого устроителя и владельца сельца Вече Федора Андреевича Карпова: «<...> Объявитель сего Федор Андреев сын Карпов, 36 лет; Кавалер ордена Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Станислава 2 ст., имеет Серебряную медаль за взятие приступом Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. и Польский “Знак отличия за военное достоинство” 4 ст. Вероисповедания православного, из дворян Тверской губернии, Ржевского уезда, умершего капитана сын <...>».³

Федор Андреевич Карпов родился в 1805 году (ровесник барона Б.А.Вревского). Согласно архивным данным, «поступил в 1-й Кадетский корпус в 1816 г. Произведен в действительную службу прапорщиком в 1824 г., имея от роду 19 лет, в Староингерманландский пехотный полк в 1827 г. февраля 4. <...> Назначен Старшим Адъютантом в штаб 2-й Гренадерской дивизии в 1829 г. марта 9».⁴ В этом же году стал поручиком, за отличия в сражении под Калушином и Гроховом (Польша) был награжден орденом

Св. Владимира 4 степени с бантом, а за «взятие приступом передовых варшавских укреплений, городского вала и Герусалимских ворот и за особенное мужество и храбрость, оказанные в сем сражении, переведен в Лейб-Гвардии Егерский полк подпоручиком».⁵ Вскоре Карпов снова стал поручиком. За годы службы в Петербурге после Польской кампании, до перевода в Подольский егерский полк уже в чине капитана в 1838 году, он получил четырнадцать «Высочайших благоволений» за смотры и маневры егерского и гренадерских полков. Причиной перевода Ф. А. Карпова из Петербурга послужило «дело, открывшееся после смерти командира Гвардейской дивизии генерала-лейтенанта Полешко». Карпов не донес начальству о злоупотреблениях своего дивизионного командира и был подвергнут домашнему аресту сроком на два месяца, снят с должности старшего дивизионного адъютанта и «переведен в Армию тем же чином». В 1841 году «по прошению уволен от службы за болезнью капитаном и с пенсионом». В аттестате уволенного сказано: «<...> Закону Божьему, Российской грамоте читать и писать, немецкому и французскому языкам, истории, географии, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, статистике, полевой фортификации, артиллерии, рисованию, черчению планов, фехтованию, военному судопроизводству и письмоводству знает. <...> Женат вторым браком на Шарлотте Григорьевой Гросман, лютеранского вероисповедания, имеет детей: от первого брака дочь Надежду 12 лет, от второго брака сыновей: Григория 5 лет, Андрея 4 лет, Владимира 3 лет. Семфинополь (sic! — В. Н.). 1841 г. мая 20 дня».⁶

У Федора Андреевича и Шарлотты Григорьевны было семеро детей, три дочери и четыре сына: Надежда (1829 — ?), Анна (? — 1922), Евгения (неизв.), Григорий (1835—1883), Андрей (1837 — ?), Владимир (1838 — ?), Павел (1850 — ?).

Вероятно, второй раз Федор Андреевич женился в Петербурге в 1834 году. Вскоре родился сын Григорий. Свидетельство о его рождении выдано в 1847 году в Петербурге полковым священником Екатерининского гренадерского полка Петром Преображенским. Где воспитывался старший сын Ф. А. Карпова, пока неизвестно. В бытность участковым мировым судьей Опочецкого уезда Григорий Федорович женился в 1860 году на баронессе Марии Борисовне Вревской, дочери Евпраксии Николаевны. 19 ноября 1862 года у них родилась дочь, которую назвали в честь бабушки Евпраксией. (В родословной Вревских, составленной Ольгой Сергеевной Павлищевой, она названа Зинаидой, очевидно, по аналогии: Евпраксия — Эфрозина — Зина). В свидетельстве о ее рождении сказано: «<...> по Метрической книге Псковоградской Ново-Успенской церкви 1862 г. записано так: ноября 19 родилась, 23 числа крещена Евпраксия. Родители ее: Коллежский Регистратор Григорий Федоров Карпов и законная жена его Мария Борисова Карпова. <...> Восприемниками были: отставной гвардии подпоручик барон Борис Александров Вревский и жена капитана-лейтенанта Николая Беклешова Прасковья Борисова Беклешова (пятая дочь Евпраксии Николаевны, замужем за племянником тригорской приятельницы А. С. Пушкина, по мужу Алины Осиповой. — В. Н.)».⁷ В 1867 году у Карповых родился сын Григорий. В метрической книге той же церкви записано так: «1867 г. декабря 3 родился, января 1 крещен Григорий. Родители его: Участковый Мировой судья Опочецкого уезда Григорий Федоров Карпов и законная жена его Мария Борисова Карпова. <...> Восприемниками были: капитан 2 ранга Николай Алексеев Беклешев и девица Анна Федорова Карпова (младшая сестра счастливого отца. — В. Н.). <...> Свидетельство о рождении дано Марии Борисовой Карповой. <...> Псков, август 12 дня 1877 г.»⁸

В 1870 году появился на свет еще и сын, названный в честь деда Борисом. «Свидетельство дано по прошению артиллерии подполковника барона Степана Борисова Вревского о

рождении и крещении сына его сестры <...> о том, что в Метрической книге Островского уезда, погоста Врева, Николаевской церкви 1870 г. записано так: октября 13 родился, 23 крещен Борис, родители его: имеющий жительство Опочецкого уезда в сельце Ветшах представитель съезда мировых судей Опочецкого округа Григорий Федоров Карпов и законная жена его Мария Борисова Карпова. <...> Восприемниками были: Опочецкого уезда, жительствоующий в селе Тригорском штаб-ротмистр Алексей Николаев Вульф и Островского уезда, жительствоующего в селе Голубово помещика Бориса Александрова барона Вревского жена Евпраксия Николаева баронесса Вревская. <...> Псков, мая 6 дня 1878 г.»⁹ В деле о занесении своих детей во вторую часть дворянской родословной книги в 1885 году Григорий Федорович написал: «Жительство имею в г. Опочке». В 1886 году он был избран предводителем уездного дворянства.

О судьбах детей Карповых мы ничего не знаем. Правда, о Борисе Григорьевиче немного поведала внучка Анны Федоровны, живущая ныне в Пскове, Татьяна Ивановна Антипова. Она вспоминала, что «в семье часто говорили о Бореньке». Он собирался жениться, а бабушка возражала: «Не женись, Боренька, на ней»; он же отвечал: «Мне с ней жить, а не вам», — и женился на сестре инженера-архитектора Псковского земства Владимира Леонидовича Назимова Марии Леонидовне. Борис Григорьевич окончил физико-математический факультет Петербургского университета, работал в Институте ядерной физики в Москве. Умер в 1941 или в 1942 году. Жену (детей у них не было) переселили из институтской квартиры в однокомнатную на Малой Якиманке. Там у нее была мебель и вещи из Михайловского и Тригорского, которые Мария Леонидовна хотела подарить Пушкинскому музею-заповеднику «Михайловское». Она все ждала расширения жилплощади, так и не дождалась, умерла в 1953 году.

Павел Федорович Карпов, будущий управляющий пушкинским Михайловским, родился в 1850 году. Из метрической книги Успенской церкви города Опочка мы можем узнать о нем следующее. Павел, сын Ф.А.Карпова и его второй жены Шарлотты Григорьевны, родился 12 января и был крещен 25-го. Восприемниками были опочецкий окружной начальник государственных имуществ титулярный советник Павел Иванович Большчев и жена опочецкого уездного врача Адольфа Карловича Бранта Каролина Федорова.¹⁰

Где воспитывался П.Ф.Карпов, мы пока не знаем, но в 1879 году он был уже членом Опочецкой земской управы. В этом году у него и его жены Марии Александровны, урожденной Янович, родилась дочь Надежда. В метрической книге Успенской церкви города Опочка значится следующее: «Апреля 1 родилась, мая 10 крещена Надежда. Родители ее: опочецкий помещик, член Земской Управы Павел Федоров Карпов и законная жена его Мария Александрова. <...> Восприемниками были: Капитан Николай Александров Янович и жена опочецкого помещика, Председателя Опочецкой Земской Управы Илиодора Александрова Яновича Надежда Михайлова <...>».¹¹

В 1883 году у супружеской четы родилась вторая дочь, Мария. «В Метрической книге Воздвиженской церкви Выборгского погоста Островского уезда за 1884 г. значится так: 1883 г. декабря 9 родилась, 1884 г. января 5 крещена Мария. Родители ее: Опочецкого уезда села Вечей помещик Павел Федоров Карпов и законная жена его Мария Александрова. <...> Восприемниками были: опочецкий дворянин Илиодор Александрович Янович и жена врача Псковского Земства Анна Федорова Столбушинская <...>».¹² Интересно, что здесь помещиком сельца Вече назван Павел Федорович. Возможно, что женатый Григорий Федорович некоторое время жил с семьей в Вече, но когда женился его брат (Павел Федорович), то в Вече стал жить с семьей он, тогда как Григорий с домочадцами переехал в Опочку.

Старшая дочь Карповых Надежда Павловна вышла замуж за инженера-архитектора Псковского земства Владимира Леонидовича Назимова. (Вспомним, что его сестра Мария вышла за Бориса Григорьевича Карпова...) Об этом пишет Б.Л.Модзалевский: «<...> я в 3 часа дня 26-го же числа (июня. — В. Н.) доехал до с<ела> Веча (в 45 в<ерстах> от Острова), где был встречен любезными хозяевами — Павлом Федоровичем и Мариєю Александровною Карповыми и их дочерью Надеждою Павловною Назимовою, супругой инженера-архитектора Псковского Губернского Земства Владимира Леонидовича Назимова, по проекту и под наблюдением которого производятся в настоящее время работы по укреплению в Святогорском монастыре горы с могилою Пушкина». ¹³ Укрепление могильного холма было сделано на высоком техническом уровне. Только почти через сто лет потребовались новые работы.

По приглашению самого Григория Александровича Пушкина или его вдовы Варвары Алексеевны Назимовы переехали в Маркучай, их имение под Вильно (Вильнюсом). Исследователь новейшей истории пушкинского семейства В.М.Русakov пишет: «После смерти В.А.Пушкиной о сохранности дома в Маркучае продолжал неустанно заботиться управляющий имением Владимир Леонидович Назимов <...>». ¹⁴ Отвечая на мой запрос, директор музея А.С.Пушкина в Маркучае Бируте Саржицкене сообщила: «<...> В 1935 году Варвара Алексеевна Пушкина, составив свое последнее завещание, исполнителем этого завещания назначила своего приятеля В.Л.Назимова. Последняя воля В.А.Пушкиной — сохранить усадьбу в Маркучай и создать в этой усадьбе музей Великого поэта. Это и была главная задача, которую решить обязался В.Л.Назимов. В.А. Пушкина умерла 11 декабря 1935 года. Похоронена на семейном кладбище недалеко от усадьбы.

Благодаря труду В.Л.Назимова правительство Литвы и городские власти Вильнюса в 1940 году создали музей А.Пушкина в усадьбе, где последние свои годы провели Варвара и Григорий Пушкины. После войны в 1948 году музей открылся для посетителей и действует по сей день.

Владимир Леонидович Назимов умер в 1941 году, похоронен на семейном кладбище Пушкиных, возле действующего музея А.Пушкина в Вильнюсе». ¹⁵

Как сложилась судьба Марии Павловны, неизвестно.

С годами Павел Федорович стал начальником Первого участка Опочецкого земства и принял самое активное участие в подготовке к столетнему юбилею Пушкина в роли председателя местного Пушкинского комитета. ¹⁶ Когда было решено выкупить Михайловское у сына поэта Григория Александровича, предводитель губернского дворянства поставил в известность земского начальника следующим образом:

Милостивый Государь Павел Федорович!

Считаю долгом известить Ваше Высокоблагородие, что отделению Дворянского банка в Пскове предписано немедленно приобрести покупкою село Михайловское в Государственную собственность, причем усадьба должна поступить в распоряжение Дворянства на основании постановления Псковского Губернского Дворянского Собрания от 26 января 1898 года. Мною послана доверенность с правом передоверия на имя опочецкого Уездного Предводителя Дворянства графа Гейдена на предмет приемки означенной выше усадьбы и дальнейших распоряжений по управлению оной. Прошу принять уверения в совершенном моем почтении.

Н.Новосильцев.

Июля 27 дня 1899 г.

В присутствии Павла Федоровича происходила передача имения от уполномоченного Г.А.Пушкина В.В.Черниговского представителю банка П.П.Беляеву, который в докладе

своему банку, в частности, писал: «Вся сеновая земля мною сдана в аренду землевладельцу Карпову по условию, заключенному и засвидетельствованному Вороницким волостным правлением 29 января 1900 года, сроком на 3 года за 1150 руб. в год. Это около 15 дес. пашни и 11 дес. покосов, а также покосы в пустошах “Кривцы” в количестве приблизительно 60 дес. <...>». ¹⁷ П.Ф.Карпов, как земский начальник и арендатор, осенью 1899 года производил ремонт усадьбы. Была отремонтирована оранжерея (сделаны новые рамы и обогревательные печи), окрашена часть железной крыши каменного амбара, в господском доме — выбелены потолки, поправлен балкон, в кухне и «прилегающей к кухне людской» были сделаны новые рамы и двери, а также поправлен пол и починена плита в людской, приведены в порядок скотный двор и другие постройки.

Постановлением Совета Министров от 27 января 1907 года Михайловское из ведения Дворянского банка было передано Псковскому дворянству. Вот часть этого постановления: «<...> Передать в собственность Псковского Дворянства состоящее во владении Государственного Дворянского Земельного Банка недвижимое имение “Михайловское” Опочецкого уезда Псковской губернии. Возложить на Дворянский Банк выдачу на это имение от имени казны на имя Псковского Дворянства данной, применительно к порядку, предусмотренному ст. 57, приложенной к ст. 78 Устава сего Банка. Предоставить названному Дворянству по передаче ему названного имения продать отдельно лежащие пустоши “Горки” (445 дес. 230 саж.) и “Кривцы” (77 дес. 1150 саж.) с тем, чтобы остальная часть имения не могла быть отчуждена ни безвозмездно, ни через продажу, ни посредством какого бы то ни было акта или сделки». ¹⁸

Наконец, Псковское дворянство добилось разрешения открыть в Михайловском приют для вдов писателей и для литераторов, страдающих неизлечимыми болезнями.

16 июля 1907 года губернский предводитель дворянства сообщал Правлению Дворянского банка:

<...> На отношение от 8 сего июня за № 1775 сообщаю Государственному Дворянскому Земельному Банку, что на Чрезвычайном Губернском Дворянском собрании 5 мая сего года избраны: Попечитель колонии им. поэта А.С.Пушкина — барон Георгий Владимирович Розен (С.-Петербург, 2-я Рождественская, д. 10, станция Крюково, село Горай Псковской губ. Островского у<езда>) и его заместитель — Павел Федорович Карпов (Св. Горы, село Вече Опочецкого у<езда> Псковской губ.). Каковые лица и примут от Банка село Михайловское в свое заведывание, о чем мною вместе с сим означенные лица и поставлены в известность <...>.

Губернский Предводитель Дворянства

Отставной Генерал-майор

М.Скворцов. ¹⁹

Более десяти лет П.Ф.Карпов «исправлял должность» управляющего Михайловским. Историческая оценка его деятельности еще не дана, но есть несколько частных мнений. Журналистка 1920-х годов М.А.Гаррис пишет об обитателях известной колонии для вдов и сирот писателей довольно предвзято: «Третья старушка была просто какая-то богаделка, которую “пристроил” в Михайловском его распорядитель, все тот же земский начальник Карпов, вообще не стеснявшийся хозяйничать в исторической усадьбе и пользовавшийся ею иногда как дачей для своих знакомых <...>», — и далее: «Земский начальник в качестве “пушкинианца по назначению” вел себя на своем историко-литературном посту довольно непринужденно. Непоправимые следы его “забот” бросились мне в глаза тут же на кладбище при первом взгляде на могилу Пушкина: между памятником поэта и

надмогильными плитами Ганнибалов стоит памятник, вызывающий полное недоумение своей надписью: “Нюня. Скончалась в 1911 году”. Спрашиваю: “Кто же здесь похоронен, и почему именно здесь?” — “А это земского начальника родня, барышня померла”, — отвечает монах». ²⁰

Еще более «строго» пишет о П.Ф.Карпове ее современник Ф.А.Васильев-Ушкуйник: «Он (П.Ф.Карпов.— В. Н.) построил на Михайловском свою карьеру: неоднократно приглашал псковскую аристократию, окружающую губернатора, его родственников, видных лиц правящего Петрограда и взбирался выше по чиновничьей лестнице, получая ордена и благодарности. Он же и некоторые его предшественники оказались предприимчивы и насчет набивания своего кармана: у престарелых литераторов урывались продукты: мясо, масло, фрукты и т. п.— и отправлялись к себе и к родственникам». ²¹

Это прямо-таки уголовное обвинение было основано более на слухах, которые распускались завистниками, чем на правде. Что касается могилы, находившейся действительно не на месте, то обвинение в этом скорее следовало предъявить Григорию Федоровичу, предводителю дворянства: он похоронил свою дочь, внучку Евпраксии Николаевны Вревской, не на родовом кладбище Осиповых-Вульфов или Вревских, а на родовом кладбище Ганнибалов-Пушкиных. Кстати, М.А.Гаррис допустила ошибку. На памятнике, хранящемся в фондах музея-заповедника «Михайловское», надпись такая: «Нюня умерла 8 июля 1889 года».

Как бы то ни было,— уверен, что Павел Федорович Карпов «в качестве пушкиннца» сделал немало доброго для сохранения Михайловского и светлой памяти великого поэта.

В годы революции сельцо Вече, или Вечи, было сожжено и разграблено, как и все окрестные дворянские усадьбы. Павел Федорович оказался с семьей в Париже. Внучка его сестры Т.И.Антипова (о ней я упоминал выше) рассказывала, что «бабушка получала письма от него из Парижа и плакала, он очень тосковал по родине». Это было в 1925 или 1926 году.

Когда в 1841 году отец Карповых Федор Андреевич вышел в отставку, он почему-то не поехал в Тверскую губернию, а поселился в Опочке, одном из городков Псковской губернии. Может быть, здесь жили родственники его жены Гроссманы? Вскоре он купил у владелицы Тригорского П.А.Осиповой-Вульф северную часть имения. Видимо, Прасковья Александровна очень нуждалась в деньгах. В филиале Государственного архива Псковской области в Великих Луках хранится любопытный документ — «Геометрический Специальный план <...> дачи, образовавшейся по специальному межеванию под названием приселка “Птичьи Горы” с деревнями: Селивановкой, Загорьем, Загряжье, Поросняжье тож, Девасильницей, Тимониной, Боговой, Круплеваткой и Алексеевкой, Хверон-Лобаны тож; владения Надворного Советника и Кавалера Федора Андреевича Карпова, обмежеванной при генеральном межевании в 1784 году <...> в дачу села Тригорского с деревнями». В плане приводятся следующие данные: «Ситуация снята вновь <...> в 1855 году. Межа утверждена в 1846 году. <...> По нынешней меже и по исчислению земли состоят: пашенной — 783 дес. 1838 саж., сенного покосу — 104 дес. 1200 саж., листовного дровяного лесу — 204 дес. 196 саж., под селением, огородами, гумениками и конопляниками — 11 дес. 1700 саж. А всего во всей окружной меже 1173 дес. 196 саж. <...> За вышеписанным <...> Карповым состояло: приселок Птичьи Горы, в коем один господский дом, в нем душ не имелось. Деревня Алексеевская <...> в ней 5 дворов, муж<ского> пола 24 и жен<ского> пола 28 душ. Деревня Поросняжье <...> в ней 2 двора, муж<ского> пола

12, жен<ского> пола 10 душ <...>».²² Всего в семи деревнях было двадцать семь дворов, в них — 123 мужчины и 126 женщин.

Северные земли приселка граничили с дачами деревень Островского уезда: на востоке — с землями деревни Масловой, принадлежавшей Александру Адамовичу Глаубичу, на юге — с землями Натальи Абрамовны Россихиной, на западе — с деревней П.А.Осиповой-Вульф Танцы. Деревни Ветши на плане нет. Дело в том, что на этом месте уже было сельцо Вече, также принадлежавшее Федору Андреевичу Карпову. В том же архиве хранится «Геометрический Специальный план <...> сельца Веча, <...> обмежеванного при генеральном межевании в 1784 году в дачу села Тригорского с деревнями». Как явствует из плана, «ситуация снята вновь <...> в 1855 году <...> а межа утверждена в 1846 году. <...> Пашенной земли: 93 дес. 1157 саж., сеного покосу 46 дес. 300 саж. <...> под селением, огородами <...> 2 дес. 2300 саж. А всего <...> 144 дес. 1357 саж. На сем числе во время межевания в сельце Вечи состоял один господский дом, в нем по последней ревизии дворовых людей муж<ского> пола 16, жен<ского> пола 8 душ, а ныне налицо муж<ского> пола 15, жен<ского> пола 7 душ».²³

На севере сельцо Вече граничило с пустошью Свинороевой, владением Н.И.Хотинцева. На северо-востоке и на юге находились земли пустоши Бобровки, принадлежавшей «корнетше» Александре Егоровне Ганнибал (она была вдовой племянника П.А. Осиповой-Вульф А.Я.Ганнибала), с западной стороны к сельцу Вече прилегали земли Псковской палаты гражданских имуществ. В усадьбе было только три постройки: господский дом, скотный двор и конюшня с санным амбаром. Видимо, сельцо начало строиться года два-три назад.

В Великолукском архиве нами был обнаружен и план сельца Вече 1890 года.²⁴ Его составили в Петербургском отделении Дворянского земельного банка. Очевидно, сельцо было заложено. В то время оно принадлежало Шарлотте Григорьевне Карповой. (Кстати, в дворянской родословной книге Карповых находится дело о занесении ее в эту книгу и справка о том, что «Шарлотта Григорьевна есть действительно жена покойного Надворного Советника Федора Андреевича Карпова». Справка выдана Депутатским дворянским собранием в 1868 году.) Если величина земельного клина сельца была прежней, то размер усадьбы увеличился в два раза и составил четыре десятины шестьсот саженой. Фасад господского дома, напоминавшего по форме букву «Г», был обращен на юго-восток. Около дома находился большой круглый газон. От дома вниз к обширному пруду с островом Уединения шла липовая аллея. Возле дома, по обе стороны аллеи, был разбит цветочный сад, а далее по склону, ведущему к пруду, — большой фруктовый. Посередине усадьбы с юга на север шла дорога. На противоположной от господского дома восточной стороне находились хозяйственные постройки: каретный сарай, кузница, амбары, погреба, конюшня — словом, все, что необходимо для повседневной жизни.

Ныне на этом месте — деревня. Круглый газон зарос травой, сад вырублен, пруд превратился в болото, на месте цветочного сада — пустой загон для бывшего колхозного скота, полуразрушенный, брошенный зерноток... Когда-то здесь жили друзья Пушкина.

Примечания

¹ Ср.: Никифоров В.Г. Сельцо Батово-Елизаветино и его обитатели (к родословным связям Тригорского)//Михайловская Пушкиниана. Вып. 5. Тригорский сб. [М.], 1998. С. 47—59.

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 110. Оп. 1. № 386. Л. 62.— Все цитаты из архивных документов даются с сохранением орфографии подлинника.

- ³ Там же. Л. 2.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. № 387. Л. 44.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 44об.
- ¹⁰ См.: Там же. № 386. Л. 44.
- ¹¹ Там же. № 387. Л. 59.
- ¹² Там же.
- ¹³ Модзалевский Б.Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 году: (Отчет Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук)//Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 1. 1903. С. 4—5.
- ¹⁴ Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С.Пушкина. [СПб.], 1992. С. 401.
- ¹⁵ Личный архив автора статьи.
- ¹⁶ См.: Васильев М.Е. Пушкинские торжества в Святых Горах//Псков. 1998. № 9. С. 187.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 593. Оп. 17. № 208. Л. 23.
- ¹⁸ Там же. Л. 347.
- ¹⁹ Там же. Л. 350.
- ²⁰ Гаррис [М.А.] Уголок Пушкина. М.; Пг., 1923. С. 57, 64.
- ²¹ Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 48.
- ²² ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. № 1819.
- ²³ Там же. № 1549.
- ²⁴ Там же. № 1550.

Н.К.Телетова

О МАТЕРИАЛАХ К ИСТОРИИ СЕЛЬЦА МИХАЙЛОВСКОГО*

Среди документов, касающихся владений Абрама Петровича Ганнибала в Псковской губернии, сохранились геометрические планы и перечисление всех деревень в Михайловской губе, пожалованных генералу в 1742 году и закрепленных Жалованной грамотой 1746 года.

По Михайловскому монастырю, стоявшему в древности на холме над речкой Соротью (впоследствии холм назывался Савкиной Горкой), все окрестности монастыря именовались Михайловской губой и были весьма обширны.

Зафиксированная история этих мест начинается с первых десятилетий XVIII века, когда эта губа была пожалована дочери царя Ивана V Екатерине Ивановне (1691—1733), по-видимому, к свадьбе ее весной 1716 года с герцогом Мекленбургским Карлом Леопольдом. Весьма грубый в обращении, он заставил супругу бежать от него на родину с маленькой дочерью Анной, родившейся в 1718 году, в будущем регентшей при младенце Иоанне VI, несчастном узнике Шлиссельбурга.

В Святогорском монастыре, в четырех верстах от Савкиной Горки, хранились богатые дары царевны Екатерины,¹ очевидно бывавшей в этих местах, однако история не сохранила сведений о том, где находилось ее поместье, дом и службы. Предполагается, что ее хоромы стояли над озером Белогулем на высокой горе, ныне густо поросшей лесом. В народе гора эта именуется Городком и привлекает немногих, кто попадает сюда, удивительной красотой тех далей, что открываются с Городка на огромное пустынное озеро и раскинувшиеся вокруг него леса. Отсюда до Святогорского монастыря и Тоболенецкой слободы шел древний тракт, так называемый Большак, ныне почти заросший кустарником и травами, длиною около шести верст.

После смерти матери Екатерины Ивановны ее владения перешли к дочери Анне, племяннице царицы Анны Иоанновны. Но в начале 1742 года, когда совершился переворот и на смену регентству Анны (тетка умерла годом ранее) пришла императрица Елизавета, крестная сестра А.П.Ганнибала, началось гонение на Анну Леопольдовну и ее сына. Она с супругом была сослана на Север. Тогда-то и подарила эти земли Ганнибалу новая царица. Неизвестно, полностью ли совпадают владения Екатерины Ивановны, а затем ее дочери, с теми землями, что получил Абрам Петрович, но десятки деревень и около шести сотен крепостных (подсчет касался только лиц мужского пола начиная с пяти-шестилетнего возраста) позволяют отождествлять эти территории.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 01-04-00-246а.

Примерно треть этих земель после смерти отца получил Осип Абрамович Ганнибал по Раздельной грамоте 1782 года. Через его дочь Надежду владения в марте 1836 года перешли к трем его внукам — Александру, Льву и Ольге.

История этих земель в XVIII веке представлена документами, но они неполны и отражают наличие деревень и проживавших в них крепостных только эпизодически. Практически отсутствуют какие-либо сведения о сельце Зуёв-Михайловском с 1742 по 1786 год. То же касается и владений Петра и Исаака, братьев Осипа.

***

Весь XIX век отмечен полной незаинтересованностью проблемой земельных владений Ганнибалов и их наследника А.С.Пушкина. Занимательные сведения о разводах Абрама Петровича и Осипа Абрамовича сообщались на фоне многих путаниц в отношении того, где это происходило. Так, поместье Елицы близ Суйды оказывается перемещенным под Псков, и неувязки устраняются сообщением о том, что было продано какое-то поместье, а потом Елицы и «Петр Абрамович Ганнибал приехал в Псков, чтобы <...> продать свое наследственное имение Елицы <...>».²

Между тем в 1895 году последний наследник рода Ганнибалов покинул псковские владения предков, и многие отсутствующие материалы по истории рода оказались в принципе невозполнимыми.

Юбилей Пушкина 1937 года вызвал к жизни три публикации и, соответственно, предварительные разыскания, связанные с попыткой не только определить владения деда, матери и самого Пушкина, но и представить места, воспетые поэтом. Первая публикация относится к 1936 году. Исследователь П.Попов приводит шестнадцать документов по истории владений О.А.Ганнибала и его наследников.³

Дополняет и исправляет неточности в прочтении первого публикатора очень ценная статья хранителя этих земель В.З.Голубева. В ней приведены планы Михайловского и соседнего Косохнова 1786 года, с которого и в этом издании идет отсчет истории земель Ганнибалов.⁴

Третьей публикацией по этой теме является обстоятельная и важная работа П.И. Люблинского «Из семейного прошлого предков Пушкина».⁵ Помимо обширного собрания неизвестных до тех пор биографических сведений о дедах Пушкина, публикации их писем и других материалов, открывающих реальную картину жизни близких поэту людей, Люблинский подробно и документально представляет псковские и петербургские поместья, которые составляли существенную основу для возникновения как дружественных, так и враждебных чувств между Осипом Ганнибалом и его братьями. Исследователь впервые «отправляет» поместье Петра Абрамовича Елицы, где управляющий этого имения Адольф (Адам) Роткирх составлял «Немецкую биографию А.П.Ганнибала» в конце 80-х годов XVIII века, — туда, где оно и находилось, т. е. под Петербург. Отметим только одно неверное прочтение «Приговора С.-Петербургской палаты гражданского суда по делу О.А.Ганнибала» 1785 года, где сообщается, что Елица в 1762 году была куплена А.П.Ганнибалом у помещика Д.А.Симонсона.⁶ На самом деле фамилия этого дворянина, бывшего известным лицом в XVIII веке, была Симонов.

Публикации шестидесяти последних лет дополняют сведения о поместьях и жизни в них предков Пушкина, приведенные в 1936—1941 годах, но обстоятельной работы на основе до сих пор не до конца изученных архивов Пскова, Великих Лук и С.-Петербурга еще не появилось. Тем ценнее материалы предвоенных лет, однако они нуждаются в комментариях, дополнениях и разъяснениях, ибо такие возможности предоставляют многообразные источники нынешнего пушкиноведения.

***

Особый интерес для истории сельца Михайловского представляют три неоткомментированных документа из числа шестнадцати, которые были представлены в 1936 году в первой из названных публикаций. Они касаются «запрещений», наложенных на псковские владения Осипа Ганнибала, с которыми предстояло разбираться после его смерти вдове Марии Алексеевне и дочери Надежде Осиповне — еще до того, как, окончив Лицей, впервые после младенчества приезжает в Михайловское Пушкин, узнавший здесь многое о своем деде.

Начнем историю с запрещениями с некоторых сведений, касающихся О.А.Ганнибала. Практически раздел земель после умершего в 1781 году Абрама Петровича послужил к оживлению землеустройства трех братьев — Петра, Осипа и Исаака. Старший брат Иван был наделен только купленными под Петербургом Суйдинскими землями. Именно с тех пор закладываются парки, копаются пруды, прокладываются аллеи однопородных деревьев. В Михайловском, доставшемся Осипу Абрамовичу, это сохранившиеся доньше еловая и липовая аллеи. Примечательно, что еще до официальной «Раздельной» братья «полюбно» (как записано в «Духовной крепости» А.П.Ганнибала 1776 года) разделили земли Михайловской губы.⁷ А.П.Ганнибал скончался либо 20 апреля (по сведениям его сына Петра), либо 14 мая (по словам его зятя Адама Роткирха) 1781 года. Нуждаясь в деньгах, особенно из-за своего увлечения одной псковской вдовушкой, уже 9 сентября 1781 года «морской артиллерии капитан Иосиф Абрамов сын <...> в бывшем Санкт-Петербургском дворянском банке» заложил за 2500 рублей «в Опочецком уезде в сельце Михайловском с деревнями 125 душ». В 1786 году Государственный банк начал об этом беспокоиться.⁸ По-видимому, долг был выплачен к 1792 году.

Видимо, в конце 80-х и в 90-х годах XVIII века О.А.Ганнибал задумал кроме Михайловского устроить в трех верстах от него в деревне Косохново еще один дом со службами и садом. Это поместье он назвал Генварским. Так же был назван и ручей под возвышенностью, где строился дом. Крестное имя О.А.Ганнибала было Ианнуарий (в итальянском варианте Дженнаро, а в латинском — Яннуарий). В основу переименованного Косохнова было положено не название целой губы, но личное имя владельца. Хорошая вода, две удобных дороги в поместья братьев Петра и Исаака — через деревни Федорыгино и Калитино, принадлежавшие Петру Абрамовичу, и, наконец, пологий холм с домом, откуда открывался прекрасный вид на озеро Кучане, замыкавший дальнюю перспективу,— все это способствовало успеху плана, который был частично осуществлен до смерти О.А.Ганнибала в 1806 году.

Обратим внимание на то, что, странствуя по окрестностям Михайловского, Пушкин, конечно же, бывал и в Косохнове-Генварском с недостроенным домом деда. Именно отсюда, и ниоткуда более, видно все озеро Кучане, которое «синяя, стелется широко». Эта картина озера ни из Михайловского, ни из Петровского, ни с каких-либо иных точек не предстает взору такой объемной и обобщенной, во всем своем покойном и пустынном просторе.

<...> Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни <...> (III, 399).

Что касается замысла О.А.Ганнибала устроить свое второе поместье, то это вовсе не следствие сумасбродства капитана второго ранга, находившегося «не у дел». Покинув жену и тайно обвенчавшись с новой избранницей в церкви ее поместье Апросьево Новоржевского уезда, Осип не подумал о последствиях, ссылаясь на некое письмо, в котором ему сообщали о смерти первой жены. Хлопоты Марии Алексеевны и ее брата Михаила привели к тому, что в январе 1784 года указом Екатерины II Осип был разлучен с Устиньей Ермолаевной, урожденной Шишкиной, уже вдовой капитана Ивана Дмитриевича Толстого, и наказан. Однако с годами прыткая Устинья, запасшаяся подарками и долговыми обязательствами и от несостоявшегося супруга, и даже от его брата Исаака, перехватывавшего где только удастся деньги в долг, пыталась через суд получить деньги с обоих братьев.

Несчастный Исаак был должен этой особе 5500 рублей и бегал от нее из опочечских поместий (главное — Воскресенское-Оклад, часть Михайловской губы, пожалованной его отцу) в порховские имения жены. Замечательны его письма и прошения. В одном из них он пишет «вся толпа моего семейства»⁹ — у него пятнадцать человек потомства, а в другом жалуется, что испытал «четырежды пожар и другие неблагоприятности, которые в конец разрушили мое состояние <...>» и «сверх понесенных мною жестоких злостраний, лишился ныне всего имущество (sic!)».¹⁰ По-видимому, долг Устинье остался не погашен.

Узнав характер своей сожительницы в течение нескольких лет, Осип Абрамович справедливо опасался, что утратит в результате возбужденного ею дела часть деревень, и при таком исходе хотел найти приют в новом поместье — на случай, если Устинья сумела бы отобрать и само Михайловское. Заметим, что Устинье Ермолаевне принадлежит шестнадцать писем государыне, с доказательством своих прав на супруга Осипа Ганнибала. Отношения Устиньи с Осипом, сначала став холодными, особенно обострились к 1797 году, и судебное решение по ее иску составило очередное запрещение по его имениям — ни продавать, ни закладывать Михайловское до выплаты долга хозяин не мог.

Рассмотрим три документа из вышеназванного собрания бумаг, которые связаны с этим поместьем О.А.Ганнибала. Документы хранились среди бумаг Пушкина, представляя какие-то детали, связанные с биографией его деда, а затем уже сюжеты, касающиеся хлопот матери и бабушки по освобождению Михайловского от запретов — весьма вероятно, что с целью заклада поместья.

Первый из трех документов — от 28 июля 1816 года — носит название «Удостоверение Псковской палаты гражданского суда».¹¹ Здесь дан весь список запретов и перечислены долги Осипа Ганнибала за период с 1792 до 9 марта 1814 годов, т. е. много времени спустя после его смерти. «Удостоверение» прислано на запрос от 20 октября 1814 года, сделанный человеком Пушкиных по их поручению.

Необыкновенная невнятица и бестолковость казенных бумаг XVIII века широко известны. Их отличает удивительное многословие и неясность мысли, но все рекорды побивает документ, составленный в 1821 году в городе Луге, — тот третий документ, к которому мы вынуждены будем обратиться, чтобы разобраться в фактической стороне дела. Чем дальше от столицы, тем витиеватее, «красивее» пишут губернские секретари, среди которых обнаруживается и псковский «заседатель Василий Тряпкин», быть может, волею Пушкина перенесенный под фамилией Тряпичкин на страницы Н.В.Гоголя. Весьма вероятно, что не только фактическая сторона документов, но и их стилистика заставила поэта хранить у себя эти писания. Заметим, что кокетливая Устинья слала письма государыне в том же «живописном» варианте,¹² видимо разъярив умную читательницу или ее секретаря.

Итак, попробуем изложить содержание накопившихся запрещений «на все его имение», отметив их оптимистический финал (увы, спустя восемь лет после смерти самого должника): из денег наследства Ивана Абрамовича все долги оказываются к осени 1814 года погашены.

Три первых запрещения, иска, «вчинены» Псковской палатой гражданского суда.

Первое из них — на имение Осипа Ганнибала от 2 января 1792 года — «за неисправное им содержание Долговской почтовой станции». Сумма не указана.

Второе — от 29 ноября 1799 года — разъясняет (спустя семь лет!) и уточняет сумму долга за содержание той же станции. Долг составляет теперь 13108 рублей.

Третье запрещение — от 8 января 1802 года — указывает сумму налога, которую должны погасить Осип и Исаак, — «немалотысячную сумму денег» (они должны были получить в качестве наследства умершего брата Ивана, скончавшегося 12 октября 1801 года).

Четвертое — от 1 мая 1805 года — поступило из Петербурга; оно является следствием иска «поручицы Натальи Тимофеевой», требовавшей выплатить ей 5350 рублей.

Пятое запрещение — от 20 февраля 1809 года — посмертное; сразу двое заимодавцев желают получить долг с Марии Алексеевны и ее дочери. Первый из них — братец Петр (он назван «генерал майор Ганнибал»), указавший на два заемных письма покойного Осипа. Одно на 3000 рублей, другое — на 845. Вторая — видимо, родственница вышеупомянутой Натальи, подпоручица Тимофеева; ей следовало получить тысячу рублей. На этот раз запрещение последовало из Опочецкого уездного суда, действовавшего через Псковскую судебную палату.

Шестое запрещение — от 27 июля 1809 года — повторяет требования третьего запрещения, включая в список должников всех трех братьев, наследников Ивана Ганнибала.

Седьмое — от 2 мая 1810 года — представляет требования троих псковичей. Один из них — снова Петр, пожелавший получить со вдовы брата свои 3845 рублей; вторая — та самая подпоручица Тимофеева, помянутая в пятом запрещении, которой теперь дано имя Настасья и аппетиты которой за год с лишним удвоились — она претендует уже на 2000 рублей. Всего интереснее третья истица — Устинья «Тальстая» (как подписалась она в письмах), которая требует с разлучницы Марии Алексеевны «золотом и серебром 8500 рублей» «по писму», т. е. векселю, покойного Осипа.

Восьмое (и последнее) запрещение — от 9 марта 1814 года: некая Бачманова желает получить по векселю свои 600 рублей.

И сразу же в «Удостоверении Псковской палаты гражданского суда» сообщается, что по продаже имений Ивана Абрамовича все заимодавцы «совершенно удовлетворены сполна, и ныне на покойном Ганнибале никаких исков не состоит».¹³

Следующий документ — от 21 мая 1817 года. Он называется «Свидетельство Псковской палаты гражданского суда».¹⁴ Здесь сообщается, что Иван Абрамович Ганнибал «из канцелярии строения города Херсона» занимал деньги на казенные нужды (около 1800 рублей) и их должны были вычестить у получивших наследство, в частности Осипа Абрамовича.

Псковская палата гражданского суда сообщает, что по манифесту 30 августа 1814 года долг Ивана Ганнибала был аннулирован, и удостоверяется «благонадежность имения», т. е. Михайловского.¹⁵ Именно этот манифест позволил задержанные деньги генерал-поручика И.А. Ганнибала привести в движение и раздать наследникам. Тогда и погашаются все долги по восьми запрещениям Осипа.

Это «Свидетельство Псковской палаты гражданского суда» нужно его вдове и дочери для представления в «Императорского воспитательного дома» «Санктпетербургский опекунской совет», ибо там хранятся деньги, скопленные еще Абрамом Петровичем (всего их было 60 тысяч, но часть явно уже истрачена), и те, что были выручены «посредством продажи имения покойного г<осподина> его Ганнибала». Речь идет о Суйдинских поместьях, принадлежавших Ивану и проданных в 1805 году его наследником Петром, по-видимому, от его имени.

Обратимся к третьему документу, составленному 27 декабря 1821 года. Это письмо «Из Лугского уездного суда. В С.-Петербургскую управу благочиния». ¹⁶ О содержании его приходится скорее догадываться. Но именно здесь поясняется давнее первое запрещение, связанное с почтовой станцией Долговка на Порховском тракте (ныне Киевское шоссе), близ Луги. Это произошло двадцать два года назад, и «чиновница 5-го класса Надежда Осиповна Пушкина» сообщает, что от нее уже получили 1551 рубль 96 1/2 копеек по содержанию почты в станции Долговка «на удовлетворение крестьян Лугского уезда казенного ведомства деревни Долговки <...> за родителя ея <...>». ¹⁷ Она «честь имеет донести вторично, что <...> деньги были удержаны из 20 000 р., доставших ему по наследству после брата его родного генерал лейтенанта и кавалера Ивана Абрамовича Ганнибала <...>». Лужское письмо подтверждает, что и Псковская, и столичная палаты гражданского суда сняли все запрещения и «<...> имение его совершенно освобождено от всякого взыскания <...>», но С.-Петербургская палата не имела о том сведений, и потому 3-й Департамент С.-Петербургского надворного суда «к выдаче ей остальных 6 619 р. 71 1/4 коп. не приступил <...>».

Далее следует текст, в котором сообщается, что с Надежды Осиповны нужно «<...> изтребовать <...> на платеж крестьянам деревни Долговки за содержание ими за родителя ея почтовых лошадей деньги 1 551 р. 96 1/2 коп., не принимая от нее более ни каких отговорок <...>, а в противном случае приступить ко взысканию с имения ея <...>». ¹⁸

Чем закончилось дело, ныне неизвестно, но колоритность всей истории замечательна.

***

Исходя из данных всех трех документов 1816, 1817 и 1821 годов, попробуем раскрыть имена истцов, названных в запрещениях, и причины этих запрещений там, где это поддается объяснению и открывает связи должника О.А.Ганнибала с забытыми родными и знакомыми семьи.

Рассмотрим причину двух первых запрещений. Речь идет о содержании Осипом Ганнибалом почтовой станции в деревне Долговка, в двадцати трех верстах к северу от Луги. Приведем документ, поясняющий суть аренды, которой в целях пополнения личных средств с 1785 года начали заниматься помещики, способные представить доказательства своей состоятельности при заключении договора. Среди них был, очевидно, и Осип Ганнибал, в первые годы удовлетворявший требованиям почтовой службы. «От главного почтовых дорог Правления. По причине неисправности содержателей почтовых станций, стоящих по тракту, к Белоруссии ведущему, Санктпетербургской губернии. Первой в городе Рождествене, второй в деревне Колпине (т. е. Колпаны.— Н. Т.), третьей Ящерях и четвертой при Феофиловой пустыни, отдаются сии станции на остальное время из двенадцати лет, на кои с начала прошедшего 785 года заключены были первые контракты <...>. Желаящие оные взять могут с узаконенными о состоянии своем в имении и капитале свидетельствами явиться в помянутое Правление для производства торгов». ¹⁹

Упомянуты четыре станции, но соседней с Ящерами Долговки здесь нет. Стало быть, Осип Абрамович в 1787 году еще справлялся со взятыми в 1785 году обязательствами и получал какой-то доход. Запрещение 1792 года, объявленное ему, шло для исполнения через Псковский суд, ибо числился Осип Абрамович псковским помещиком и с 1784 года петербургских земель не имел. Второе Запрещение (1799 года) подводило итог двенадцатилетней аренде станции и суммировало долги арендатора за все годы.

Главный расход по станциям был связан с содержанием лошадей. Их на станции числилось 55, и к 1799 году долг вырос до 13 с лишним тысяч рублей. Куда и кому поступали доходы, каков был договор, заключенный О.А. Ганнибалом, очевидно в городе Софии, с уездным почтмейстером, — неизвестно. Повятно, что стремление получать какую-то прибыль двигало Осипом, однако он почти что бежал, все более увязая с годами в долгах этой Долговки. Почему именно эта станция была избрана им? Ответ обнаруживается: по обе стороны от нее лежали земли и поместья сестер Ганнибала и их детей, так что лошади могли частично содержаться из поместных запасов и даже поставляться родственниками. Возможно, что что-то резко изменилось около 1790 года, но договор не мог быть расторгнут.

Предыдущая станция была в Луге, а следующая в сторону Петербурга — в деревне Ящера. Здесь располагалось имение родной племянницы Осипа Абрамовича Христины Андреевны Гулидовой (около 1760 — начало XIX века) и ее мужа поручика Михаила Парфеновича. Ее девичья фамилия — Пушкина. Она дочь Елизаветы Абрамовны (1737 — ?), сестры Осипа Абрамовича. Земли эти достались Христине от ее отца Андрея Павловича Пушкина (1728 — около 1768), женатого на Елизавете, дочери Ганнибала. Он владел большими землями по реке Оредежи, наследуя их как представитель старшей ветви рода Пушкиных. Поместье Передичицы, позже Перечицы, в десяти верстах от Белорусского тракта, принадлежало его предкам с середины XVI века.²⁰ Христина, его дочь, в 1783 году владела 1400 десятинами земли. Ее сестре Елизавете с мужем, поручиком Карпом Афанасьевичем Боровским, по разделу достались соседние земли, включая Перечицы, где еще жила мать сестер Елизавета Абрамовна. Она скончалась не ранее 1800 года.²¹

За Оредежью, ближе к Луге, жила и семья другой сестры Осипа Ганнибала — Анны Абрамовны, в замужестве Нееловой. Ни ее, ни ее мужа к этому времени в живых не было, но их земли достались детям, которых в семье было семеро. Эти земли тоже некогда принадлежали предкам Андрея Пушкина, получившего Перечицы в 1755 году от своего деда Кирилла Ильича. Бабкой, женой Кирилла, была Евфимия Мироновна Неелова. Брачный союз соседей-помещиков в XVII веке привел сначала к объединению земель, а потом какие-то земли Евфимии отошли роду Нееловых.²²

Ко времени поселения на Лужской земле двух старших дочерей Абрама Ганнибала — Елизаветы Пушкиной и Анны Нееловой по разным имениям расселились не только две дочери Елизаветы Абрамовны, но и семеро детей Нееловых, отец которых генерал-майор Семен Степанович, инженер, умер в 1781 году, а мать — около 1788 года. Документально подтверждается, что после смерти родителей Нееловых их главное поместье Заплотье перешло к их сыну Павлу Семеновичу. Его сестре Христине досталась деревня Далёково и дом в Луге (возможно, в общем владении), а сестре Екатерине (девице) — Большое Замощье. Какие-то деревни той же Лужской округи стали собственностью Петра Семеновича и, вероятно, остальных троих детей — Рахили, Александра и Авраама, если кто-то из них не умер ранее раздела земли. Таким образом, Осип Абрамович в окрестностях Луги мог странствовать и наносить приятные визиты, а затем отправляться в Петербург или Михайловское.

Второй комментарий к запрещениям относится к фамилии Тимофеевых. Одна из истиц — это поручица Наталья Тимофеева («Запрещение» № 4 из Петербурга); другая — подпоручица Настасья Тимофеева (ее имя встречается в «Запрещениях» № 5 и № 7).

Под Псковом, в двух соседних уездах, Опочецком и Новоржевском, проживали две родственные семьи Тимофеевых, в которых отцами были два Петра Ивановича. Один вышел в отставку в чине подпоручика; другой — коллежского советника, равного (по армии) чину полковника. Оба были женаты и имели детей. У первого из названных их было пятеро; у второго — то ли четверо, то ли пятеро. В обеих семьях преобладали девицы. Любой поиск разграничения этих семейств рискован: как правило, все перепуталось даже в свидетельствах начала XIX века.

Одна семья жила близ Новоржева; другая — неподалеку от Святых Гор, в поместье Чухны. Последние с конца 1820-х годов стали близкими друзьями Надежды Осиповны Пушкиной. Ласково прозванные Тимошами, три сестры, родители которых к этому времени уже скончались, звались Аграфена (умершая в августе 1836), Мария и — младшая — Татьяна Петровны. Их единственный брат служил в Петербурге.

Как и Пушкины, эти Тимофеевы числились по Опочецкому уезду. От Михайловского до их поместья Чухны в экипаже, по словам Надежды Осиповны, «всего полтора часа пути или того меньше». ²³ Еще не побывав в гостях у Тимош, Надежда Осиповна писала в 1829 году, что они «живут в 8-ми верстах от Михайловского <...> я в восторге от этого соседства». ²⁴ Однако О.С.Павлищева в августе 1836 года сообщала отцу, что отдала визит Тимофеевым, но не застала их дома. «Это настоящее невезение — проделать 12 верст, чтобы тут же вернуться ни с чем!» ²⁵ Поместье Чухны действительно находится примерно в 12 верстах от Михайловского, и дорога туда проходит через Святые Горы. Членом этого ли семейства была в 1805 году некая Наталья, жена поручика Тимофеева, сказать трудно. Возможно, что она и была матерью Тимош.

Однако точно известно, что подпоручица Настасья Тимофеева принадлежала к новоржевскому роду, чрезвычайно бедному, хотя и дворянскому. Эта семья жила в имении Анны Андреевны Ганнибал-Чихачевой, жены Исаака Абрамовича, не имея, видимо, ни своей земли, ни дома. Какие-то родственные, а возможно, интимные связи обнаруживаются в том, что Петр и Осип Ганнибалы крестили детей у этих Тимофеевых. Подпоручица Настасья решила просить свою тысячу рублей, а через год — уже две тысячи, но не у Осипа, а у его наследниц (в 1809 и 1810 годах). Отсюда — целых два запрещения. Удалось выяснить, что звали ее Анастасия Федоровна, в девичестве Юдицкая (1769—1836). Супруг ее Петр Иванович Тимофеев (1756—1823) вступил в службу в 1772 году и вскоре оставил воинское поприще в чине подпоручика, предпочтя сельскую жизнь и, видимо, находясь на какой-то службе у братьев Ганнибалов. Так возникли денежные отношения и, возможно, вексель на имя Настасьи, выданный Осипом в виде подарка своему крестнику или крестнице, детям Тимофеевых. Настасья обратилась в Опочецкий суд, чтобы выручить деньги, — по месту проживания ответчика, тем более что семейство, не имея земли, не было, следовательно, приписано и к временному месту обитания под Новоржем. ²⁶ В последнем (восьмом) запрещении упоминается истица Бачманова. Ее имя обнаруживается среди помещиков Лужского уезда. В июле 1786 года она была надворной советницей и звалась Марией Богдановной, женой Бачманова. Очевидно, решив арендовать почтовую станцию в 1785 году, Осип Абрамович занимал деньги, в частности у соседки своих сестер, а вексель был предъявлен его наследницам тогда, когда стало известно о получении ими крупного наследства, т. е. в 1814 году. ²⁷

Рассмотрев восемь запрещений, представленных одним документом, и два других, к ним относящихся, мы пытаемся представить те заботы и хлопоты, в которые были погружены Пушкины вплоть до конца 1814 года, когда наследство Ивана Ганнибала позволило им очистить Михайловское от долгов, и получить некоторую сумму сверх того.

Сведения о жизни Осипа Ганнибала скудны, но деловые документы в какой-то мере открывают ее. Не более богата и история его поместья, пока не свяжется она с освятившим эти земли именем Пушкина.

Примечания

¹ Об этом см.: Болховитинов Е. Описание Святогорского Успенского монастыря. Дерпт, 1821. С. 8—9.

² См.: Белозерская Н.А. Один из предков Пушкина: (Материалы для характеристики нравов рус. о-ва XVIII в.)//Ист. вестник. 1899. Май. С. 444. Та же ошибка встречается и у А.С.Ганнибал, и у Д.Н.Анучина (см.: Ганнибал А.[С.] Ганнибалы: Новые данные для их биографий. П. П.А. и О.А.Ганнибалы//Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 19/20. Пг., 1914. С. 271; Анучин Д.Н. А.С.Пушкин: (Антрополог. этюд). М., 1899. С. 30).

³ См.: Попов П. Документы, касающиеся Михайловского//Пушкин. М., 1936. С. 279—292. (Летопись Гос. Лит. музея; Кн. 1).

⁴ См.: Голубев В.З. Из истории Пушкинского заповедника//Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Т.] 6. М.; Л., 1941. С. 382—387.

⁵ См.: Люблинский П.И. Из семейного прошлого предков Пушкина//Литературный архив: Материалы по истории лит. и обществ. движения. [Т.] 1. М.; Л., 1938. С. 159—221.

⁶ См.: Там же. С. 219.

⁷ См.: Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., 1981. С. 151—154.

⁸ СПб. ведомости. 1786. № 65. 14 авг. Прибавление к объявлениям.

⁹ Люблинский П.И. Из семейного прошлого предков Пушкина. С. 187.

¹⁰ Ганнибал А.[С.] Ганнибалы: Новые данные для их биографий. С. 296.

¹¹ См.: Попов П. Документы, касающиеся Михайловского. С. 282—284.

¹² Ср.: «Вашего Императорского Величества правоты оправданной десницею, всемогущего и матерьяго попечения о возстановлении благоденствия в народе всякого рода и поколения тебе, всавгустейшая и премилосердая монархия, врученном, и из всех стран вселенная стекающемся, и об отвращении малейших видов, могущих составить ближнему вред или угнетение деннонощные труды,— ни кто из смертных на земном шаре к достохвальному прославлению не найдется ни в малейшей части достаточным» (Ганнибал А.[С.] Ганнибалы: Новые данные для их биографий. С. 293).

¹³ Попов П. Документы, касающиеся Михайловского. С. 283. В дальнейшем при цитировании архивных документов, приведенных в этом источнике, мы сохраняем все их грамматические, орфографические и пунктуационные особенности.

¹⁴ См.: Там же. С. 284—285.

¹⁵ Там же. С. 284.

¹⁶ Там же. С. 285—287.

¹⁷ Там же. С. 285—286.

¹⁸ Там же. С. 286.

¹⁹ СПб. ведомости. 1787. № 71. 3 сент. Объявления.

²⁰ См.: Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины: Родословная роспись. М., 1995. С. 389—433.

²¹ Сведения о сестрах Христине и Елизавете Пушкиных. и их мужьях см.: СПб. ведомости. 1784. № 34. 26 апр. Прил.

²² Разысканиями о лужских Несловых занимался краевед А.А.Лавров (1907—1988). Результатами своих поисков он любезно поделился с автором этих строк. В числе его находок — плита на могиле С.С.Неелова у Троицкой церкви близ Заплотья.

²³ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой, 1828—1835. СПб., 1993. С. 183.

²⁴ Там же. С. 37.

²⁵ Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу, 1831—1837. СПб., 1994. С. 171.

²⁶ Сведения о Тимофеевых извлечены в разное время из Государственного архива Псковской области (филиал в г. Великие Луки).

²⁷ СПб. ведомости. 1786. № 58. 21 июля. Объявления.

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

А.В.Семенова

«ПОЧТЕННЫЙ ДОМ КОЛОШИНЫХ»
(Новое о декабристе и его семье)

Среди деятелей декабристского движения есть немало лиц, чьи судьбы, подчас драматические и трудные, еще мало известны и исследованы. Между тем изучение их жизни и деятельности не только вносит новое в историю декабризма, но и позволяет расширить представление об отношении общества к движению декабристов, уловить новые оттенки в откликах на декабрьские события 1825 года в различных кругах.

Все сказанное выше в полной мере относится к судьбе видного деятеля раннего декабризма Павла Ивановича Колошина и его семьи. Братья Петр и Павел Колошины принадлежали к «почтенному дому Колошиных», как называли их семью товарищи.¹ Оба они входили в преддекабристскую организацию «Священная артель». Это был, по словам декабриста И.И.Пушина, «мыслящий кружок», члены которого интересовались «общественными предметами», ясно видели зло существовавших порядков и мечтали об их изменении.² Затем братья Колошины вступили в первое тайное декабристское общество «Союз спасения», а после его роспуска стали членами «Союза благоденствия». Младший из Колошиных, Павел (1799—1854), входил в Коренной совет «Союза благоденствия», руководил одной из его петербургских управ. Он участвовал в важнейших совещаниях тайного общества, в том числе и в знаменитом заседании Коренного совета в 1820 году в Петербурге, где было принято решение бороться за установление в России республиканского строя.

Военную службу Павел Колошин начал в 1812 году, то есть 13-ти лет. В 1815 году он офицер Гвардейского Генерального штаба. Большую роль в выборе службы Павла Колошина сыграла его мать Мария Николаевна, урожденная Олсуфьева, женщина властная, умевшая смотреть на своих детей критически, иногда даже преувеличивая их недостатки. Сохранилось любопытное письмо ее с характеристикой сына Павла и планами относительно его военной карьеры.³

Вопреки мнению матери, будущий декабрист, обладавший от природы незаурядным умом, сделался разносторонне образованным человеком. Он получил хорошее домашнее образование, а в юности слушал лекции лучших петербургских и московских профессоров. В числе его учителей — лицейской преподаватели А.П.Куницын и Н.Ф.Кощанский. Он также брал уроки в известной офицерской школе колонновожатых, основанной Н.Н.Муравьевым, откуда вышло немало будущих декабристов, много занимался изучением истории. Колошин, по его словам, стремился «быть полезным Отечеству своими занятиями».⁴ В 1822 году он составил по поручению Гвардейского Генерального штаба «журнал» военных действий союзных войск от Рейна до Парижа в 1814 году.

В начале 1820-х годов в жизни Колошина происходят большие перемены. В феврале 1821 года он был переведен из Петербурга в Могилев в штаб Первой армии. Его брат

Петр писал о новом назначении Павла: «Неудовольствие начальников, коего до сих пор причина неизвестна, удалило его от столицы империи в столицу войск 1-й армии». ⁵ Весьма вероятно, что перевод Колошина из Петербурга был связан с его деятельностью в «Союзе благоденствия», сведения о котором стали доходить до правительства. Некоторые руководящие члены этого общества были, как известно, подвергнуты репрессиям в 1821—1822 годах — отстранены от службы, оклеветаны и т. д. Братья Колошины в числе «примечательнейших по ревности» членов «Союза благоденствия», упоминались в доносе М.К.Грибовского, поданном правительству в мае 1821 года. ⁶ Вполне вероятно, что их имена стали известны Александру I и несколько ранее, так как сведения о «Союзе благоденствия» и его членах поступали к царю из разных источников и в разное время.

Павел был недоволен назначением в штаб Первой армии. Как писал старший Колошин в августе 1821 года, его брат, «кажется, забытый в производстве (в новый чин.— А. С.), намерен оставить службу». ⁷ В декабре того же года Павел подал в отставку и, получив ее, переехал в Москву. Перейдя на гражданскую службу, он стал, как и Пущин, советником Второго департамента Московской палаты гражданского суда. После нового кратковременного перерыва в службе, который имел место в 1824 году, с апреля 1825 года он — советник Московского губернского правления.

Здесь, после отпуска в 1821 году «Союза благоденствия», Павел Колошин стал членом московской управы вновь созданного Северного общества. Хотя он не являлся активным участником новой организации, однако был осведомлен о всех действиях товарищей, пользовался их полным доверием, часто встречался с ними. И.И.Пущин, родственник Колошина, перейдя на службу в Москву в надворный суд, жил у него в 1824—1825 годах в доме у Спаса-на-Песках близ Арбата (не сохранился) и был с ним «по давнишнему дружеству <...> и родству очень откровенен». ⁸ Колошин высоко оценивал деятельность Пущина, направленную против произвола и беззакония. В апреле 1824 года он сообщал товарищу по тайному обществу бывшему лицеисту В.Д.Вольховскому: «После долгого ожидания наконец Пущин прибыл к нам: все тот же. Принялся за дело и думает надворный суд свой исправить: дело великое, но трудное». ⁹ В 1825 году Колошин вошел в созданный в Москве членами тайного общества т. н. «Практический союз», цель которого состояла в освобождении от крепостной зависимости дворовых людей. Он знал о деятельности Южного общества, присутствовал на встрече с представителем «южан» А.И.Майбородой. ¹⁰ Убедительные свидетельства тесных связей Колошина с тайным обществом содержит его следственное дело. ¹¹

В 1822 году в Москве Колошин встретился с 17-летней графиней Александрой Григорьевной Салтыковой, считавшейся, по словам современника, «первою красавицей и самую завидною невестою в Москве». ¹² «Очень была она мила, свежа лицом, привлекательна, стройная, живая, преумная и прелюбезная, одна дочь у матери, которая только ею и дышала», — вспоминала известная московская барыня Е.П.Янькова. ¹³

В сентябре 1823 года состоялась свадьба. Невеста знала, что ее будущий муж находился в подозрении у правительства, но это не остановило ее. У Саши Салтыковой «много было <...> знатных и богатых женихов, — писал ее родственник писатель М.В.Толстой, — но она всем им предпочла Колошина, красивого, умного, образованного молодого человека, состоявшего под особым покровительством московского военного генерал-губернатора князя Д.В.Голицина». ¹⁴ Известен еще один отзыв о Колошине, совпадающий с первым. Колошин был «видный мужчина и в обращении ловкий и любезный, — вспоминала Е.П.Янькова. — Он был умен и очень хорошо воспитан». ¹⁵ «Веселясь

на пышной свадьбе,— замечал цитированный выше мемуарист,— никто не мог подумать о тех бедствиях, что вблизи ожидали новобрачных». ¹⁶

Пока же они были счастливы. «Жить мне у Павла (Колошина.— А. С.) прелестно,— сообщил И.И.Пуцин в 1824 году В.Д.Вольховскому,— семья вся необыкновенно мила — он так счастлив, что, кажется, совсем забыл о...» ¹⁷ надобно надеяться, однако, на время, которое возвратит его друзьям таким, как он был прежде. Он оставил службу по неприятностям, но, вероятно, <...> опять начнет трудиться для пользы общественной». ¹⁸

Жизнь семьи омрачалась лишь ухудшением состояния зрения Павла Ивановича. Еще в 1815 году мать называла его слепым. В 1826 году он писал, что лишился зрения почти полностью.

Горе пришло в дом Колошиных в декабре 1825 года. В это время у них уже рос годовалый сын, ожидалось появление второго ребенка. Известие о поражении восстания в Петербурге дошло до Москвы к 17 декабря, начались аресты. Мемуарист сообщает: «Последние дни 1825 года и начала 1826-го были для жителей Москвы эпохой беспокойств и ужаса: много семейств поражено было скорбью о внезапно схваченных и увезенных в Петербург родственниках». 29 декабря 1825 года был арестован П.И.Колошин. «Его схватили ночью в постели и тотчас же увезли,— вспоминал родственник,— но, к счастью, забыли захватить бумаги, лежавшие у него в кабинете <...>». ¹⁹ Тетка жены Колошина графиня Толстая «тотчас же сожгла большую грудку бумаг. Поутру нагрянула полиция, но ничего уже не нашла. В ближайшем окружении семьи стало известно, что в числе сожженных бумаг были такие, которые вполне доказывали участие Колошина в действиях тайного общества». ²⁰ Те же бумаги, которые были взяты полицией после ареста Колошина, не открыли его вину. ²¹

Находясь в заключении в Петропавловской крепости, Колошин испытывал сильнейшее беспокойство за судьбу своей семьи. «Оставя внезапно жену 20-ти лет, беременную по 7-му месяцу, имеющую при себе однолетнего сына, не простившись даже с дряхлою и престарелою матерью, покинув больную тещу мою, графиню Салтыкову и тетку графиню Толстую,— писал Колошин, обращаясь к царю,— я соделал их всех несчастными и страдающими выше всякого описания. Все сие семейство в одном мне находило опору и мне вверяло все свое спокойствие. Жена моя страдает более всех их и по положению своему, и по взаимной привязанности». ²²

Тревога Колошина была вполне объяснима. Он более не увидел своей матери: она умерла в апреле 1826 года. Жена его пережила сильнейшее потрясение: «Двадцатилетняя беременная женщина, по красоте и образованию служившая украшением московского общества, обеспамятовала от ужаса в ту страшную ночь, когда без всякой предосторожности выхватили из объятий ее любимого мужа. В начале великого поста мать и тетка привезли несчастную Сашу в Троицкую лавру; она ничего не понимала, никого не узнавала и казалась помешанною. Очень грустно было смотреть на нее в это время». ²³ 4 апреля 1826 года у нее родилась дочь Александра.

К июню 1826 года следствие по делу декабристов было закончено. Павла Колошина не предали Верховному уголовному суду. 13 июня 1826 года последовала резолюция Николая I по докладу Следственной комиссии о Колошине: «Продержав еще месяц в крепости, выпустить, запретив въезд в столицы, и не определять на службу». ²⁴ За ним был установлен секретный полицейский надзор. Это было сравнительно мягкое наказание. Материалы следственного дела Павла Колошина позволяют согласиться с мнением современника: «Недостаток улики и молчание Пуцина о виновности друга его, Колошина, послужили последнему: Колошин не был сослан в Сибирь, даже не был лишен прав состояния. Его оставили в сильном подозрении и назначили жить безвыездно в деревне». ²⁵

Начался новый этап жизни семьи Колошиных в деревне Смольнево под Владимиром — имени, принесенном в приданое А.Г.Колошиной. К Александре Григорьевне вскоре вернулся рассудок, и она «была уже в полном разуме, когда ездил встречать мужа во Владимир в июле 1826 года. Тут ожидало ее новое горе: она увидела мужа, ослепшего в каземате».²⁶

Несчастья не сломили молодую женщину. Она посвятила всю жизнь своему горячо любимому мужу, облегчая по возможности его жизнь. Пока у Колошина сохранялось слабое зрение, он мог выезжать в свои деревни, расположенные в других губерниях, испрашивая каждый раз разрешение властей.²⁷ В 1827 году до П.И.Колошина дошло последнее приветствие И.И.Пушкина, отправленного на каторгу и ссылку в Сибирь. Проезжая через Макарьев, закованный в кандалы декабрист через смотрителя почтовой станции «послал поклон» своим родственникам Колошиным, чьи владения находились в Кинешемском уезде.²⁸ Вскоре П.И.Колошину с семьей пришлось прочно обосноваться в Смольневе. Это была живописная усадьба, стоявшая на берегу реки, окруженная парком и прудами. Для удобства передвижения хозяина усадьбы, потерявшего зрение, была устроена система веревок внутри дома и около него.²⁹ Посетивший Смольнево в августе 1830 года родственник «дивился, видя спокойствие и даже веселое расположение духа в слепце, окруженном нежными заботами милой жены».³⁰

Александра Григорьевна долго не теряла надежды вернуть мужу зрение. Специальное «дело по надзору» за Колошиным, хранящееся в фонде III Отделения в Государственном архиве Российской Федерации, содержит не одно ходатайство его жены с просьбой разрешить мужу въезд в столицу для консультаций с врачами. В конце 1831 года Колошин получил разрешение жить с семьей в Москве «под строгим секретным надзором».³¹ Однако болезнь глаз излечить не удалось.

В декабре 1843 года Колошин обратился с ходатайством о разрешении ему выезжать в Петербург для свидания с детьми, обучавшимися в столице, и о снятии с него полицейского надзора. Московский гражданский губернатор поддержал просьбу Колошина, присовокупив, что тот, «будучи лишен зрения, не может уже пользоваться никакими другими удовольствиями жизни». В 1844 году Колошину было позволено жить в Петербурге «с оставлением, однако ж, полицейского за ним надзора».³² Скончался декабрист в 1854 году, Александра Григорьевна пережила его на семнадцать лет; они похоронены в одной могиле в Новодевичьем монастыре в Москве.

Верная любящая жена декабриста, мать пятерых детей, Александра Григорьевна достойно прожила жизнь и заслужила память и уважение потомков.

***

История семьи Колошиных известна не только благодаря участию братьев Петра и Павла в движении декабристов. Это семейство также связано с именем Л.Н.Толстого. Александра Григорьевна находилась в дальнем родстве с писателем, приходилась ему четвероюродной сестрой. Отец Льва Николаевича хорошо знал семью Колошиных. Толстой вспоминал, что он от отца слышал о декабристах, знал, что Николай Ильич «со многими из них был знаком».³³ Сам Лев Николаевич в молодости встречался с Павлом Ивановичем Колошиным, дружил с его сыновьями.³⁴

Дочь П.И. и А.Г. Колошиных Сонечка (родилась 22 августа 1828 года), ровесница Толстого, была подругой детства будущего писателя, его первой любовью. Своему детскому чувству Толстой посвятил поэтические страницы в повести «Детство», описав дочь декабриста под именем Сонечки Валахиной. Он дает портрет «чудесной двенадцатилетней девочки в коротеньком открытом кисейном платьице, белых панталончиках и

крошечных черных башмачках. На беленькой шейке была черная бархатная ленточка; головка вся была в темно-русых кудрях... Поразительною чертой в ее лице была необыкновенная величина выпуклых, полузакрытых глаз, которые составляли странный, но приятный контраст с крошечным ротиком. Губки были сложены, а глаза смотрели так серьезно, что общее выражение ее лица было такое, от которого не ожидаешь улыбки и улыбка которого бывает тем обворожительнее». ³⁵

Память о Сонечке Колошиной как существе возвышенном и прекрасном Лев Николаевич сохранил навсегда. Он считал самой сильной любовью своей жизни детское чувство к дочери декабриста. ³⁶ В 1890 году Толстой собирался «написать роман о любви целомудренной, влюбленной, как к Соничке Калошиной, такой, для которой невозможен переход в чувственность, которая служит лучшим защитником от чувственности». ³⁷ План этот остался неосуществленным. Не был создан писателем и роман о декабристах, к работе над которым Толстой обращался неоднократно, но был вынужден по многим причинам отказаться от его завершения.

Так переплелись в жизни и творчестве Л.Н.Толстого восхищение подвигом декабристов и дружба с дочерью одного из них, чувства и мысли, отраженные в замечательных произведениях, и замыслы, оставшиеся неосуществленными.

Сохранилось мало сведений о дальнейшей судьбе Сонечки Колошиной. Известно, что она не вышла замуж. ³⁸ Скончалась она в 1911 году, пережив на один год своего друга детства, ставшего великим писателем. Ее пленительный образ навсегда остался на страницах повести Л.Н.Толстого.

***

Несколько слов о публикуемых портретах.

До настоящего времени не было известно ни одного изображения Павла Ивановича Колошина. Однако существует акварель художника Д.М.Соболевского, изобразившего в 1825 году в Москве группу из восьми человек, близких друзей, членов т. н. Общества семиконечной звезды. В литературе история этого объединения практически не исследована, но есть основания предполагать, что оно являлось одной из ветвей декабристской организации в Москве. Известно, что на акварели изображены В.П.Зубков, Б.К.Данзас, И.И.Пушкин, И.Н.Горсткий, А.П.Бакунин, П.И.Колошин, В.П.Пальчиков и П.Д.Черкасский. Трое из них: Пушкин, Горсткий, Колошин — были членами тайного общества декабристов. Зубков привлекался к процессу в 1826 году, но был оправдан.

Точно атрибутированы портреты четырех изображенных. Сидят: В.П.Зубков — второй слева, Б.К.Данзас — третий слева, И.И.Пушкин — пятый слева; стоит И.Н. Горсткий — второй слева. ³⁹

Отметим, что особенно хорошо известен портрет И.И.Пушкина: с него сделаны копии, он часто воспроизводился в печати.

Таким образом, Павел Колошин остался в группе четырех других лиц, чьи изображения точно не были установлены. Попробуем определить портрет Павла Колошина. Как отмечалось выше, он с ранней молодости имел очень слабое зрение. На акварели Соболевского есть лишь один человек в очках, сидящий между Данзасом и Пушкиным. Его соседство на акварели именно с Пушкиным также является аргументом в пользу мнения, что это изображение Павла Колошина. Об их тесных дружеских и родственных отношениях говорилось выше. Обратим внимание также на серьезное выражение лица молодого человека, его умный, задумчивый взгляд — все это вполне соответствует тому, что нам известно о Колошине.

Наконец, изучение иконографических материалов⁴⁰ убеждает в том, что известные изображения Бакунина и Пальчикова (бывших лицейцев) не имеют сходства с лицом молодого человека в очках.

Итак, декабрист Павел Иванович Колошин изображен на акварели Д.М.Соболевского четвертым слева в первом ряду (сидит).

Примечания

- ¹ Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С.74.
- ² Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 56.
- ³ Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н.Н.Муравьеву-Карскому. М., 1975. С. 288—289.
- ⁴ Там же. С. 108.
- ⁵ Там же. С. 183.
- ⁶ Декабристы: Отрывки из источников. М.; Л., 1926. С. 113.
- ⁷ Из эпистолярного наследия декабристов. С. 183.
- ⁸ Восстание декабристов: Документы. Т. 18. М., 1984. С. 157.
- ⁹ Цит. по: Мироненко М.П., Мироненко С.В. Комментарии //Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. С. 442.
- ¹⁰ А.И.Майборода, как известно, впоследствии оказался предателем. Именно он первым назвал следователям имя Павла Колошина как члена тайного общества, после чего последовал арест Колошина в декабре 1825 года.
- ¹¹ Восстание декабристов. Документы. Т. 18. С.153—166.
- ¹² Толстой М.В. Мои воспоминания//Рус. архив. 1881. № 2. С. 266.
- ¹³ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово/Изд. подг. Т.И.Орнатская. Л., 1989. С. 267.
- ¹⁴ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 268.
- ¹⁵ Благово Д. Рассказы бабушки. С. 267.
- ¹⁶ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 268.
- ¹⁷ Многогочие в письме — вместо названия тайного общества.
- ¹⁸ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. С. 80.
- ¹⁹ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 309—310.
- ²⁰ Там же. С. 310.
- ²¹ См.: Восстание декабристов: Документы. Т. 16. М., 1986. С. 48.
- ²² Там же. Т. 18. С. 156.
- ²³ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 310.
- ²⁴ Восстание декабристов: Документы. Т. 18. С. 166.
- ²⁵ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 310.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ В Российском государственном военно-историческом архиве хранится дело о разрешении П.И.Колошину в 1827 посетить свое имение Наволоки Кинешемского уезда (Ф. 36. Оп. 5/848. Св. 33. Д. 50). См. также: Белоуроков Д. По следам декабристов//Ленинское знамя (Антропово Костромской обл.). 1974. 19 марта.
- ²⁸ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. С. 87.
- ²⁹ Маштафаров В. Декабрист П.И.Колошин в Смольеве//Призыв (Владимир). 1967. 20 авг.
- ³⁰ Толстой М.В. Мои воспоминания. С. 310.
- ³¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Д. 61. Ч. 188.
- ³² Там же. Л. 29, 31.
- ³³ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биогр. с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 86.
- ³⁴ Там же; Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1828—1890. М., 1958. С. 40.
- ³⁵ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 1. М., 1960. С. 86.
- ³⁶ Письмо к П.Бирюкову от 27 ноября 1903 года//Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1891—1910. М., 1960. С. 470.
- ³⁷ Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1828—1890. С. 761.
- ³⁸ См.: Кузьминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1958. С. 121.
- ³⁹ См.: Декабристы и их время. М.; Л., 1951. С. 339.
- ⁴⁰ Известно изображение А.П.Бакунина работы О.А.Кипренского (Поспелов Г. Портретные рисунки О.Кипренского. М., 1960. С. 29) и карандашный шаржированный портрет В.П.Пальчикова, сделанный А.С. Пушкиным (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин. М.; Л., 1936. Между с. 368—369).

А.Н.Иезуитов

ПОЭМА ПУШКИНА «ГРАФ НУЛИН»:
«странные сближения»

Поэма Пушкина «Граф Нулин», написанная в 1825 году, полностью была впервые опубликована в альманахе «Северные цветы» на 1828 год. К 1830 году относится пушкинская «Заметка «О графе Нулине»», которая увидела свет лишь в 1855 году (См: XI, 558). В наши дни широко известны и часто цитируются заключительные слова из нее: «Бывают странные сближения» (XI, 188). К сожалению, на этом все заканчивается. Между тем именно здесь все только должно начаться.

Необходимо привести пушкинское высказывание целиком, а не цитировать его усеченно: «Я имею привычку, — подчеркивает поэт, — на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писан <?> 13 и 14 дек.<абря>. — Бывают странные сближения» (XI, 188).

Таким образом, Пушкин сам устанавливает, «странные сближения» между поэмой «Граф Нулин» и восстанием декабристов, а шире — декабризмом как историческим явлением, которое получило крайнее выражение на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Показательно, что Пушкин называет две даты: 13 и 14 декабря 1825 года. 13 декабря — канун восстания — был очень важным и напряженным: заговорщиками принималось нелегкое для них решение о практическом начале восстания в очень неблагоприятных для них условиях.

У Пушкина имелись варианты, более вероятностные по смыслу: «сближения случаются», «быть могут странные сближения» (XI, 432). Окончательный текст — «бывают странные сближения» — носит безусловно утвердительный характер и одновременно предполагает определенную исключительность, особые условия для реального проявления «феномена», обозначенного поэтом.

В пушкинском понимании: «странный» — необъяснимый, удивительный, непонятный, но реальный.¹ «Сближение» — реальное совпадение в чем-то существенном, но не тождество.²

Говоря о «странных сближениях», которые для него реально существуют, Пушкин, судя по всему, имел в виду их комплексное проявление в поэме «Граф Нулин» («бывают сближения»). Кроме того, «странные сближения», считал поэт, «бывают» различными по своему реальному выражению, а, следовательно, в принципе имеют достаточно широкое распространение в жизни (они вообще «бывают»). Автор «Графа Нулина» никак их не объясняет и, очевидно, не может объяснить, но они практически дают о себе знать. В этом у него нет сомнений, о чем он сам свидетельствует, опираясь на собственное творчество.

Ни современная Пушкину критика, ни критика последующего периода не увидела в «Графе Нулине» ничего, так или иначе близкого к декабризму. Правда, до 1855 года она не могла знать «Заметки» самого поэта о «Графе Нулине». В поэме критики виде-

ли «мыльный пузырь» и «пикантный анекдот», проявление «неприличия», «беспутства» и «безнравственности», которая одобряется автором. В лучшем случае, отмечалось верное «бытописание» во «фламандском духе». ³ Проницательнее других критиков оказался В.Г.Белинский, который посчитал в 1844 году, что в «Графе Нулине» поэт «прямо от своего лица обращается к читателю с теми вопросами, которые равно интересны и для самого поэта и для читателя». ⁴ Такой интерес для поэта и его читателя, безусловно, представлял вопрос о декабризме, специфическим образом отразившийся в поэме.

В начале XX века внутреннее «сближение» поэмы «Граф Нулин» с декабризмом по-прежнему никак не рассматривалось, хотя уже было известно пушкинское суждение, относящееся к 1830 году.

Главная причина почти полного игнорирования наукой проблемы «странных сближений» состояла и состоит, по нашему мнению, в том, что с материалистических позиций (они по сути своей односторонне ограничены) «странные сближения» объяснению не поддавались и не поддаются, а обращение к мистике, которое справедливо считалось и считается «ненаучным», в свою очередь, ничего не объясняло и не объясняет. Чаще всего поэтому вопрос о «странных сближениях» вообще не исследовался и до сих пор не исследуется. Так спокойнее ученым самых разных взглядов и направлений. В принципе это относится и к дореволюционному, и к советскому литературоведению, и к современной науке о литературе. Если же иногда высказывались и высказываются более или менее конкретные суждения о «странных сближениях», то, в лучшем случае, они являются, на наш взгляд, сомнительными в научном отношении.

Так, по мнению С.Я.Гессена, высказанном в 1936 году, «совершенно невероятно, чтобы душевное напряжение, вызванное 11 декабря известием о подготовке восстания, разрешилось 13 и 14 декабря созданием графа Нулина». ⁵ Исследователь прав, что декабрьские события «вызвали» у Пушкина «душевное напряжение». В то же время заслуживает особого внимания вопрос: знал ли 11 декабря Пушкин о «подготовке восстания»? Подробнее речь об этом пойдет ниже. Кроме того, Пушкин только «сближает» в определенном отношении, представляющемся самому поэту «странным», «Графа Нулина» и декабризм, а не утверждает, что «создание» «Графа Нулина» 13 и 14 декабря было «вызвано» у него декабрьскими событиями 1825 года, о которых в период написания поэмы Пушкин, живя в Михайловском, еще ничего не знал. «Сближение» — отнюдь не иллюстрация к чему бы то ни было, тем более «странное сближение». Это действительно «феномен», нуждающийся в объяснении.

Существует и суждение о «странных сближениях» метафорически противительного характера. В 1921 году Н.О.Лернер писал: «13 декабря 1825 года, когда бойцы готовились к открытому выступлению, и 14 декабря, когда на улицах столицы лилась кровь, Пушкин перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией. Они вышли умирать, а он шутил». ⁶ По сути дела, это вообще не «сближение», а унижительное для поэта «разделение» его и декабристов (по-своему, тоже «странное»), поскольку оно делается вопреки самому Пушкину, который отмечал именно «сближения» и вовсе не только «шутил» в своей поэме.

Задача науки состоит в установлении, раскрытии и объяснении реальных, хотя и «странных сближений», замеченных Пушкиным между поэмой «Граф Нулин», тем, что в ней действительно заключено, и декабризмом в его конкретных и своеобразных проявлениях, жизненных и литературных. Сделать это непросто, но необходимо в интересах науки и многочисленных пушкинских читателей.

В «Заметке “О Графе Нулине”» Пушкин обращает внимание на то, что «в конце 1825 года», когда он «находился» в Михайловском, «представилась» ему «мысль пародировать историю и Шекспира» (XI, 188). Имелась в виду поэма Шекспира «Лукреция», посвященная Древнему Риму. Анализируя ее, Пушкин показывает, что если бы не «случайность»: Лукреция почему-то не «пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию», посягнувшему на ее честь, что, возможно, охладило бы пыл Тарквиния, который в данном случае нарушил и римское право — не заводить романы с замужними женщинами — и Лукреция предпочла «зарезаться», оставшись нравственной, «Брут (имелся в виду Люций Юний, живший в VI в. н. э.— А. И.) не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те» (XI, 188).⁷

У самого Пушкина в «Графе Нулине» иного рода «случайность»: Наталья Павловна, хотя и дает пощечину своему возможному соблазнителю, от этого ничего исторически значимого не происходит; мир не меняется, а героиня поэмы остается безнравственной,— кроме обманутого мужа у нее по-прежнему сохраняется молодой «сосед Лидин». В мире торжествует безнравственное status quo.

Под «пародией на историю и Шекспира» Пушкин подразумевает не просто их «осмеяние», а сознательное, хотя и не лишённое иронии, снижение в собственном творчестве древней «высокой истории», воспроизведенной Шекспиром, до ее реального и специфически российского жизненно-бытового уровня, затрагивающего интересы частных лиц.

В «Заметке “О Графе Нулине”» ее автором подчеркивалась особая роль «случайности» для «изгнания царей» и поэтому изменения человеческой истории и окружающего человека мира. Этот вопрос, политически чрезвычайно острый и очень серьезный, специфическим образом рассматривается Пушкиным, под внешним облачением игривой шутки, в поэме «Граф Нулин», на что намекает сам автор в своей «Заметке».

«Республикой, консулами, диктаторами,— считает Пушкин,— мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде» (XI, 188). Оно-то и легло в основу сюжета «Графа Нулина». За шуточной интонацией у поэта скрывается очень серьезная мысль: глубинный и всемирно-значимый исторический процесс в конечном счете определяет возникновение и характер, казалось бы, совсем частных событий, потому внутренне могут «сближаться» самые разные и разделенные временем и пространством явления. Взаимодействие как взаимодополнение и взаимообогащение шуточного и серьезного, исторически значимого и сугубо частного характерно для пушкинского творчества в целом и для отдельных пушкинских произведений, включая «Графа Нулина», где это явление выразилось достаточно отчетливо. В реальной жизни происходило «сближение» важного исторического события и внешне комического бытового эпизода.

А.Д.Синявский полагает, что кроме пушкинской мысли о пародировании «истории и Шекспира», реализованной автором в его поэме, «у “Графа Нулина” в истории была и другая аналогия — выступление декабристов. Оно тоже имело шанс закончиться так или эдак. Но повесть содержала более глубокий урок, рекомендуя анекдот и пародию на пост философии, в универсальные орудия мысли и видения».⁸ На самом деле, у Пушкина не было никакой пародии на декабристов в традиционном смысле. Его удивило то, насколько сравнительно немногие серьезные строки в шуточной по своему жанру и стилю поэме, включенные в нее автором, оказались внутренне созвучными, «странно близкими» с трагическим выступлением декабристов и связанными с ним явлениями.

Устойчивая традиция, считать «Графа Нулина» чисто «шуточным произведением», приводила и приводит к тому, что ничего «серьезного», а тем более реально близкого к

декабризму, в поэме не пытались и до сих пор не пытаются искать, а искать было и есть что, вовсе не лежащее на поверхности. Какие еще существуют суждения самого Пушкина и другие материалы, имеющие отношение к «Графу Нулину» и к вопросу о «странных сближениях», позволяющие прояснить этот вопрос?

В письме к П.А. Плетневу от 7 марта 1826 года Пушкин сообщает о своем намерении поместить в издаваемое им «собрание поэм» «повесть в роде *Верро*», которая у него «в запасе» (XII, 266). Имелись в виду «Граф Нулин» и поэма Байрона «Беппо» (1818). Комментаторы так трактуют этот факт. Б.Л. Модзалевский: «Повесть Пушкина в роде Байроновского “Верро” (“Беппо”) — “Граф Нулин”». ⁹ Б.В. Томашевский: «*Повесть в роде Верро* (Байрона) — *граф Нулин*». ¹⁰ К сожалению, комментаторы ничего не пишут о существенных различиях между двумя произведениями, которые нельзя не заметить, а это вопрос принципиально важный.

О чем же повествует «Беппо» (1818), произведение с авторским подзаголовком «венецианская повесть» (очень существенным, на наш взгляд, уточнением)?

Муж итальянки Лауры, которая «Уж была немолода» Джузеппе (Беппо), капитан корабля, отсутствует дома «лет уж пять». Лаура, которой «невтерпеж спать одной», заводит роман с заезжим обаятельным графом. «Шесть лет их длились отношения» (то есть начались они еще при муже Лауры), и теперь открыто живет с графом, за что «свет их не осудил», поскольку для него «внебрачный брак» стал нормой. Во время Венецианского карнавала Лаура и граф неожиданно встречают Беппо, который бежал из плена и в обличии турка явился на карнавал. Беппо снова стал мужем Лауры, хотя «с женой, по слухам, ссорился немало», «но графу стал он другом навсегда». В поэме Байрона много антицерковных колкостей, прежде всего антикатолических. Вся она действительно проникнута «венецианским духом» постоянного жизненного карнавала.

Байрон так передавал свое впечатление от Венеции: «Женщина, по здешним правилам, считается добродетельной, если у нее, кроме мужа, только один любовник; если их два, три и больше, то женщину находят немного своевольной». ¹¹ Все это являлось «нравственной нормой». В таком случае, Лаура оказывалась «сверхнравственной»: у нее был всего только «вице-муж», причем в отсутствие законного мужа. Наталья Павловна в «Нулине» была более чем «образцовой супругой».

В финале поэмы Байрона, «Хоть он (Беппо. — А. И.) с Лаурой ссорился, друзьями / Они остались с графом». ¹²

Спрашивается, что общего между «венецианской повестью» «Беппо» и повестью из русского быта «Нулиным»? Оказывается, совсем немного и сравнительно внешнего характера (авторские отступления, ирония, внимание к адюльтеру). ¹³ Различия же весьма существенные.

Ни слова осуждения «безнравственности» в традиционном смысле у Байрона нет. Более того, автор «Беппо» приветствует и одобряет ее как открытое проявление «свободного чувства». Ирония Байрона направлена в адрес ханжей, лицемерно не признающих такой «свободы». Пушкин в этом плане гораздо консервативнее и сдержаннее. Да и вся содержательная сторона у «Нулина» совсем другая, нежели в «Беппо», это достаточно очевидно. Почему же Пушкин пишет Плетневу, что «Нулин» «в роде *Верро*», то есть «наподобие» его, ¹⁴ а «подобие» — это «сходство» в существенном или существенное «сходство». ¹⁵ Так понимал «подобие» («в роде») сам Пушкин. В чем же здесь дело?

Если учесть, в какой конкретной обстановке были написаны пушкинские слова о «Нулине» («в роде *Верро*»), а именно — в самый разгар следствия над декабристами, когда Пушкин уже находился под подозрением и любое, даже малейшее обвинение

в какой-либо реальной причастности к декабризму, в том числе выраженное в творчестве (поэма «Граф Нулин» готовилась тогда к печати), могло усугубить положение уже опального поэта, возникает предположение, что Пушкин сознательно ориентирует внимание Плетнева в своем письме к нему именно на сходство («в роде») «Нулина» и «Беппо». У письма могли быть разные читатели: Плетнев находился под неофициальным полицейским надзором и письма к нему перлюстрировались.¹⁶

В «Беппо», «венецианской повести», признается за добродетель то, что в России воспринималось как «неприличие». Поэма Байрона, очевидно, была в этом плане для российских читателей, знакомых с ней, «одиозным произведением».

В пушкинской «повести в роде *Верро*», то есть «Нулине», по определению, не могло быть ничего, напоминающего о декабризме. Уподобление «Нулина» — «Беппо» было своего рода авторской «страховкой» в письме, которому предстояла перлюстрация. При этом Пушкин не говорит, что автором «Беппо» был Байрон, чтобы не навлечь на себя лишние подозрения. В 20-е годы многие произведения Байрона («Дон Жуан», «Бронзовый век» и др.), тоже относящиеся к 20-м годам, подверглись в России строжайшему цензурному запрещению как «безбожные» и «вольнолюбивые».¹⁷ «Беппо» был написан в 1818 году. Однако такая деталь вряд ли удержала бы цензуру.

Пушкин, судя по всему, считал: пусть ему лучше будут предъявлены обвинения в «неприличии» и «подражательности» («в роде *Верро*»), чем в определенных политических пристрастиях. Это безопаснее для поэта и его произведения.

Показательно, что, по воспоминаниям Плетнева, Н.М.Карамзин в начале января 1826 года воспринял в эпиграфе к сборнику стихотворений Пушкина, изданного Плетневым, латинское слово «tumultus» («смятение») как «намек на современные политические события в России» и воскликнул: «Что вы это сделали? зачем губит себя молодой человек?» Плетнев успокоил Карамзина, объяснив, что Пушкин имел в виду «душевные смятения».¹⁸ Атмосфера в обществе была в то время настолько напряженной, что даже самое невинное слово воспринималось как политическая аллюзия.

Основания для тревоги у Пушкина были. Внешне совершенно нейтральные суждения поэта в его письме к Плетневу от 7 марта 1826 года, относящиеся к стихотворению «Андрей Шеньев» и к поэме «Цыгань», о «добавлениях и исправлениях» (XIII, 266) (каких именно, автор не сообщал) очень насторожили цензуру и толкнули ее на самый тщательный просмотр текстов обоих произведений, что вызвало особое «Дело Плетнева».¹⁹ Пушкин знал, что его письма к Плетневу, и в том числе от 7 марта 1826 года, будут перлюстрированы. Очевидно, поэтому он так осмотрительно и скрытно упоминает о «Нулине». Именно его, как «другую повесть в роде *Верро*», которая была у него «в запасе», поэт намеревается напечатать «для новинки» вместо «Цыган». Еще не напечатанных «Цыган» (они вышли отдельной книгой в 1827 году) распространял Л.С.Пушкин. Этот факт вызвал повышенное внимание властей к «Цыганам», отчего у поэта, по его выражению, «кровь портится» (XIII, 266). Слова «другая» и «в роде *Верро*», видимо, имели особый смысл и для Пушкина, и для Плетнева, условно говоря, «камуфляжный».

В том же письме к Плетневу Пушкин так отзывается о «Борисе Годунове»: «В моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу» (XIII, 266). Поэт и в данном случае отводит внимание возможных читателей своего письма, облаченных в «голубые мундиры», на «неприличные выражения» и т. п. от действительно острых политических проблем, поднятых им в «Борисе» и актуально звучащих в современной Пушкину России: власть и народ, власть и нравственность. Есть основания говорить поэтому о приеме «ложного следа», примененном Пушкиным при автохарактеристике им и «Бориса Годунова», и «Графа Нулина».

Кстати сказать, Николай I в 1827 году (эти сведения были переданы Пушкину Плетневым в его письме к поэту от 27 августа 1827 года) не заметил ничего крамольного в «Нулине», которого «изволил прочесть с особым вниманием» и пожелал «видеть измененными» в поэме всего лишь «два стиха», очевидно, с точки зрения императора, недостаточно «приличные» в нравственном смысле: «Порою с барином шалит» и «коснуться хочет одеяла» (XIII, 336). Возможно, свою роль сыграли в этом доклады о Пушкине, представленные царю «блустителями порядка», учитывающие авторскую самохарактеристику «Нулина» («в роде *Verro*»). Пушкина в тот напряженный момент вполне устраивала любая критика, далекая от всяких политических аллюзий.

Следует сказать, что «приличие» понималось тогда властью в широком и своеобразном смысле. Николаем I было признано, что «по содержанию своему неприличны к напечатанию» представленные Пушкиным «Песни о Стеньке Разине». «Сверх того,— замечал император,— церковь прокликает Разина, равно как и Пугачева» (IX, 336). Таким образом, даже упреки, сделанные автору со стороны власти «в неприличии», могли иметь политический объект и были чреватые для Пушкина серьезными цензурными неприятностями.

Позднее, в 1830 году, в своих заметках «О новейших блустителях нравственности» и «Опровержение на критики» Пушкин аргументировано отводит все упреки, адресованные «Графу Нулину» в «безнравственности» как «неблагопристойности» и даже «похабности» (X, 98, 99, 155, 156). Весь критический разговор о поэме переводится ее автором в план: «прилично-неприлично». Причем в привычном для читателей смысле. Тем самым поэт снова, по существу, отводит любую возможность увидеть какие-либо политические аллюзии в своей поэме.

Одновременно с «Критическими заметками», в том же 1830 году, Пушкин пишет «Заметку “О графе Нулине”», в которой прямо говорится о «странных сближениях» между «Нулиным» и декабрьскими событиями 1825 года. Вряд ли, создавая свои «Критические заметки», которые при жизни поэта не были опубликованы и увидели свет только в 1841 году, Пушкин никак не ощущал такие «сближения». Остается предположить, что в «Критических заметках», предназначенных для печати, в отличие от «Заметки» о «Нулине», которая для печати не предназначалась, Пушкин сознательно обходит вопрос о «странных сближениях», которые он уже видел в «Нулине», а возможно, еще раньше, в 1826 году. Во всяком случае, пушкинское суждение относительно «странных сближений», заявить о которых в печати, хотя бы намеком, и в 1830 году было небезопасно для автора «Графа Нулина», появилось в определенных политических условиях и на своеобразной литературно-критической почве. Это существенное обстоятельство необходимо иметь в виду, рассматривая вопрос о «сближениях».

Обратимся непосредственно к пушкинской поэме и попробуем выделить в ней то, что, на наш взгляд, так или иначе «сближается», порою действительно весьма странным образом, с декабристскими реалиями, объективными и субъективными, жизненными и литературными, связанными с событиями 13 и 14 декабря 1825 года и внутренне готовившими эти события.

Есть в поэме «Граф Нулин» строки, имеющие явно биографический для ее автора характер:

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальний

Порой волнует сердце нам.
 Не друг ли едет запоздалый,
 Товарищ юности удалой?..
 Уж не она ли? <...> Боже мой!
 Вот ближе, ближе <...> сердце бьется...
 Но мимо, мимо звук несется,
 Слабей... и смолкнул за горой (V, 5).

Будущий декабрист И.И.Пушкин — действительно «товарищ юности удалой» — посетил опального поэта в Михайловском 11 января 1825 года. Был вариант: «Товарищ юности бывалой» (V, 166), который Пушкин, видимо, посчитал недостаточно точным. В Лицее протекала именно «юность удалая». «Удалая» для Пушкина означает — отважная, безудержно-смелая, в том числе и в плане вольнодумия. «Удалая» дружба двух лицеистов наглядно проявилась в Михайловском. «Удалой» она была по своей целенаправленности и характеру общности интересов двух друзей, убежденных противников самодержавия.

В стихотворении «19 октября» (1825) Пушкин писал:

<...> Поэта дом опальный,
 О Пушкин мой, ты первый посетил;
 Ты усладил изгнанья день печальный,
 Ты в день его Лицея превратил (II, 426).

Созвучность этих строк со строками из «Графа Нулина» очевидна.

Из беседы с Пушциным Пушкин узнал о существовании «тайного общества» в Петербурге, но подробно о содержании его деятельности и планах на будущее Пушкин своему другу не рассказал. В то же время Пушкин мог о них догадываться и предчувствовать их.

Вполне вероятно, что в разговоре двух друзей 11 января 1825 года видное место занимала проблема случайности в историческом процессе. Этой проблемой непосредственно интересовались оба собеседника.

Накануне 14 декабря 1825 года Пушкин писал своим московским единомышленникам: «Случай удобен: ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов»,²⁰ а, по словам К.Ф.Рылеева, «случай был удобен, такой, какого упустить нельзя». ²¹ Таким случаем явилось фактическое «междоцарствие» в России (27 ноября — 14 декабря 1825 года). Об исключительной роли случая, причем именно для «изгнания царей», писал позднее Пушкин в «Заметке “О графе Нулине”».

Декабристы «получают у Пушкина полное нравственное признание». ²² Поражение декабрьского восстания 1825 года в значительной мере вследствие случайности (предательства), о чем Пушкин мог только предполагать, по существу, явилось для поэта торжество безнравственности.

В стихотворении «Андрей Шенье» (май-июнь 1825 года), которое сам Пушкин считал «пророческим» (XIII, 249), имеются поистине провидческие строки о том, что в великой и светлой борьбе за «священную свободу» есть и «ужас роковой», и «страсти дикие», и «буйные невежды», «и злоба и корысть», и «презренные бойцы» (II, 400, 401). «Презренные бойцы», обуянные «корыстью и злобой», совершали и совершают предательство. В этом состоял и состоит «ужас роковой» великого дела свободы. В основе «ужаса» лежит предательство. Проявился такой «ужас» и в декабристском движе-

нии, особенно в событиях 13 и 14 декабря 1825 года. Пушкин действительно оказался пророком.

В правительство заранее поступил донос о готовящемся восстании, и оно приняло превентивные меры (утром 14 декабря Сенат признал легитимность Николая I и принес ему присягу, часть войск также присягнула новому императору). Это позволило властям быстро и жестоко подавить восстание.²³ «Многие знали о восклицании Рылеева накануне восстания, когда дело представлялось проигранным: “А все-таки надо!”».²⁴ Рылееву уже было известно о предательстве в собственных рядах (Я.И.Ростовцев).²⁵

По горячим следам декабрьского события появились народные песни о декабристах. В песне «Собирайся, мелка чернядь...», получившей широкое распространение, поражение декабрьского восстания прямо связывалось с предательством, которое явно осуждалось с нравственной точки зрения.²⁶ Это провидел и Пушкин.

Утверждение безнравственности как привычного явления и на частном уровне, показанное в поэме «Граф Нулин», и в масштабах государственных, произошедшее в действительности 13 и 14 декабря 1825 года, представляло собою, в самом деле, «странное», хотя и реальное, «сближение» литературы и жизни.

В начале февраля 1826 года Пушкин обращается с такими словами к А.А.Дельви-гу: «Класс писателей, как заметил Alfieri [имелся в виду итальянский поэт и драматург Витторио Альфиери (1749—1803) — *А. И.*], более склонен к умозрению, нежели к деятельности (“заметил” — означает частное и попутное уточнение.— *А. И.*), и если 14 декабря доказало у нас иное (по своему конкретному выражению, а не по сути.— *А. И.*), то на то есть особая причина (многие декабристы были писателями.— *А. И.*) <...> Не будем ни суеверны, ни односторонни <...> но взглянем на трагедию (речь шла о восстании 14 декабря 1825 года, которое Пушкин, в отличие от официальной точки зрения, считал трагедией.— *А. И.*) взглядом Шекспира» (XIII, 259). Пушкин фактически делает Альфиери принципиальным союзником декабристов, поднимая их литературные взгляды на европейский уровень, и сам поэт не был «ни суеверен, ни односторонен». Он действительно смотрел на «декабрьскую трагедию» «взглядом Шекспира» (без «суеверия» и «односторонности»). Неслучайно именно Шекспира вспоминает Пушкин и в своей «Заметке “О графе Нулине”», давая своеобразную трактовку шекспировской поэме «Лукреция» и весьма оригинально «пародируя» ее в «Нулине».

Уже давно дискутируется вопрос, что мог знать Пушкин о готовящемся восстании из письма к нему Пущина от 11 декабря 1825 года.²⁷ Начнем с того, что письмо это не сохранилось, и о его содержании мы можем только высказывать различные предположения. Само восстание, начавшееся именно 14 декабря 1825 года, произошло непредвиденно для его участников: еще накануне восстания решался вопрос — быть ему или нет,²⁸ хотя предгрозовая атмосфера, включая дух предательства, все более сгущалась, и восстание становилось неминуемым. Кроме того, если бы Пущин уже 11 декабря знал о готовящемся восстании, он никогда бы не пригласил своего друга на почти верную гибель. Несостоятельно поэтому уже приводившееся выше утверждение С.Я.Гессена, согласно которому «духовное напряжение, вызванное 11 декабря известием о подготовке восстания», у Пушкина не «разрешилось созданием графа Нулина». «Сближение» поэмы и декабрьских событий происходило, но совсем иначе и совсем другим путем, действительно «странным» с точки зрения традиционных философско-эстетических представлений.

В 1858 году Пущин так вспоминал о своей встрече с Пушкиным 11 января 1825 года в Михайловском: «Настало время обеда <...> начались тосты за Русь, за Лицей, за отсут-

ствующих друзей и за нее». ²⁹ «Она» было условным обозначением «свободы» среди лицейстов, а затем и среди декабристов.

«Она», «ее» — так называл «свободу», как и Пушкин, декабрист И.Д.Якушкин. ³⁰ Условное обозначение «свободы» («она») восходило для него к пушкинской строке: «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья...». ³¹

Становится в связи с этим понятен явный грамматический сбой в строке из «Графа Нулина»:

Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалый? <...>
Уж не она ли?..

«Она» — это вовсе не какая-то реально существующая возлюбленная поэта, на приезд которой он надеялся, а именно «свобода», тоже своего рода «возлюбленная», которую с волнением ждал для себя Пушкин вместе с новым посещением его верным и отважным Лицейским другом.

С «возлюбленной», «верного свиданья» с которой он ждет «с томленьем упованья», Пушкин уже сравнивал «вольность» («свободу») в 1818 году в стихотворении «К Чаадаеву» (II, 72). В 1821 году поэт признавался в своей любви к «Эллеферии» (по-гречески — «свобода»), являвшейся для него олицетворением в прекрасном женском облике долгожданной и неотразимо прекрасной свободы (см.: II, 197, 1097). Устойчивое для Пушкина особое словоупотребление («она» — «свобода»), политически значимое, проявилось и в «Графе Нулине». Такое словоупотребление было принято декабристами и стало для них своего рода условным знаком («паролем») при общении друг с другом и с единомышленниками.

Но «мимо, мимо» проносятся и свобода, и друг поэта, ее провозвестник...

Вместо друга и «нее» («свободы») появляется граф Нулин, который привез из Парижа весьма показательные издания: «В Петрополь едет он теперь <...> с ужасной книжкою Гизота» (V, 6), «с последней песней Беранжера» (V, 7).

Знаменательно, что Нулин едет именно в «Петрополь», где предстоят трагические декабрьские события. Очевидно, имелась в виду книга французского историка Ф.Гизо «Опыт истории Франции» (1823). В ней автором исторически оправдывалась революция и доказывалась обреченность абсолютизма. У Пушкина были варианты: «с новейшим пасквилом Гизота» и «с последней книжкою Гизота» (V, 167). Первый, вероятно, показался автору поэмы слишком негативным, второй — слишком нейтральным. Кроме того, уместнее было слово «последний» отнести к «песне Беранжера». «Ужасной», по мнению Пушкина, «книжка» Гизо представлялась охранителям самодержавия, но была весьма полезной ее противникам как историко-теоретическое обоснование их деятельности. Декабрьское восстание 1825 года явилось своеобразной попыткой реализовать некоторые идеи Гизо. В этом плане «Граф Нулин» тоже «сближался» с 13 и 14 декабря.

К словам — «с последней песней Беранжера» — у Пушкина существовали варианты: «С последним томом <?> Беранжера», «с новейшей песней Беранжера», «с последней песнью Беранжера» (V, 168). Все эти варианты были отвергнуты автором. Судя по всему, граф Нулин привез из Парижа сборник П.Ж.Беранже «Новые песни» (1825). Первый и второй варианты слишком открыто указывали на него («том», «новейшей»), а слово «песнь» как слишком возвышенное не соответствовало жанру и содержанию произведений Беранже. Это, скорее, были «песенки». Так и сам Пушкин уже называл их.

Указание на сборник, в котором содержались песни Беранже антисамодержавного характера, оказалось как бы «зашифрованным» в пушкинской поэме. Мы можем только предполагать, какую именно «последнюю песню» Беранже имел в виду Пушкин в связи со «странным сближением», но это песня, созданная Беранже не позже конца 1825 года, когда был написан «Граф Нулин».

В песне Беранже «Новый приказ» (1823), которая и в монархической Франции считалась крамольной, есть строки, словно бы непосредственно адресованные преддекабристской России. У деспотизма в любой стране — общие, устойчивые и впечатляющие признаки и свойства:

— Слышь, дядя! Что же будет с нами?
 — Сынок, вновь палки ждут солдат,
 А офицерскими чинами
 Одних дворян вознаградят.
 Усилят дисциплину:
 Шпицрутены одним —
 А ну, подставьте спину!
 Жезл маршала — другим <...>
 Отчизна под угрозой,
 Под тягостным ярмом...³²

Недаром именно солдатская масса, униженная и оскорбленная властью после победоносной войны 1812 года представляла наиболее благоприятную среду для агитационной деятельности декабристов.

Не исключено, что диалог двух солдат: ветерана и новобранца как литературный прием, не без влияния Беранже, был позднее (1837) использован М.Ю.Лермонтовым в его стихотворении «Бородино».

М.Ю.Лермонтов был знаком с творчеством Беранже. В стихотворении «Веселый час» (1829) поэт с явным сочувствием стилизовал «Тюремную песню» Беранже, который в 1828 году был приговорен к девятимесячному тюремному заключению за бунтарские стихи, включенные автором в сборник «Неизданные песни» (1828).³³ Возможно также, что авторский прием из «Бородино», в свою очередь, повлиял на русского переводчика песни Беранже.

Поистине пророчески звучит написанная Беранже в 1824 году песня «Галльские рабы», от горестной судьбы которых в принципе не отличается судьба «Российских рабов» царского самодержавия:

Где нам искать друзей забытых?
 На их могилах нет крестов.
 Не плачут жены там убитых,
 Весною нет на них цветов.
 По ним поэт не правит тризну,
 Их имена торопятся забыть <...>
 Надежды нет. Молчат витии
 О пережитых скорбных днях <...>
 Зловещий молот тирании
 Кует нам цепь на алтарях.³⁴

Именно такой оказалась судьба многих декабристов, участников восстания, и такая тягостная духовная атмосфера сложилась в обществе после жесткого подавления декабрьского восстания. Песня Беранже по-своему предсказывала все это.

Представляет особый интерес письмо Пушкина к Л.С.Пушкину (январь — начало февраля 1824 года): «<...> я дважды просил Ивана Ивановича (так поэт называл Александра I.— А. И.) о своем отпуске через его министров — и два раза воспоследовал всемилоостивейший отказ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости <...> Святая Русь мне становится не в терпеж. Ubi bene ibi patria (где хорошо, там и отечество.— А. И.). А мне bene (хорошо.— А. И.) там, где растет трин-трава, братцы» (XIII, 86).

«Трин-трава, братцы» — слова из запрещенной агитационной песни К.Ф.Рыльева, написанной им совместно с А.А.Бестужевым («Ах, где те острова...»):

Ах, где те острова
Где растет тринь-трава,
Братцы!

Она объединялась с песней «Ты скажи, говори...», в которой имелись явно крамольные строки:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.³⁵

Разумеется, процитировать эти строки Пушкин никак не мог и выражал через скрытую цитату свою симпатию к поэтам-декабристам.

Агитационные песни были написаны декабристами в духе Беранже, а сам Рылеев после подавления восстания томился в Петропавловской крепости, расположенной «против» Зимнего дворца.

В другом письме к Л.С.Пушкину (не позднее 20 декабря 1824 года) поэт замечал: «С Рокотовым (скорее всего, имелся в виду И.М.Рокотов.— А. И.) я писал к тебе — получи это письмо непременно. Тут я по глупости лет прислал тебе святочную песенку. Ветренный юноша Р.<окотов> может письмо затерять — а ничуть не забавно мне попасть в крепость pour des chansons (за песенки.— А. И.)» (XIII, 130).

В письме можно увидеть определенный намек на Беранже (Пушкин называет «песенки» по-французски), который писал именно «chansons», а «святочная песенка», посланная Пушкиным, была, очевидно, в антимонархическом духе, которым отличались «chansons» Беранже. Недаром автор сидел за них в тюрьме в 1821 году. Второй раз французский поэт был заключен в тюрьму за свои «песенки» в 1828 году. Видимо, факт о заключении Беранже в 1821 году в тюрьму был известен Пушкину, и он не хотел повторить судьбу французского поэта. За аналогичную с «песенками» Беранже собственную «песенку» Пушкин вполне мог быть заключен в Петропавловскую крепость. Позднее, именно в Петропавловской крепости сидели декабристы, в том числе и за свои агитационные песни, сходные по антимонархическому содержанию с «песенками» Беранже, который превратил песню «в активное оружие

текущей политической борьбы».³⁶ Эту традицию унаследовали от него поэты-декабристы.

Так устанавливается своеобразное «сближение» между Беранже с его «последней песней» и движением декабристов, что нашло отражение в «Графе Нулине».

Пушкин обращает внимание на то, что граф Нулин «Святую Русь бранит <...>» (V, 7).

От «Святой Руси», в самодержавно-монархическом понимании, признается Пушкин, ему самому «становится не в терпезо» (XIII, 86). В то же время поэт принимает «Русь» и «Святую Русь» в декабристском истолковании. В Михайловском 11 января 1825 года он вместе с Пушковым провозглашает тосты и «за Русь», и «за нее» («свободу»). Русь и свобода стоят для поэта в одном ряду.

В «Путешествии Онегина», черновые рукописи (1829) Пушкин отмечает, что Онегин прошел разные этапы своего духовного развития.

Проснулся раз он Патриотом...
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой
С ее развратной суетой,
Онегин едет, он увидит
Святую Русь: ее поля,
Селенья, грады и моря (VI, 476).

Были варианты лирически более откровенные: «Влюбился я в св<ятую> Русь», «Влюбился вдур в св<ятую> Русь» (VI, 476). Однако автор заменил их на более сдержанное и объективное суждение. Бесспорно одно: поэт пользовался и в данном случае понятием «Святая Русь» в самом серьезном и в исторически перспективном смысле. Это подтверждает аналогичный характер употребления слов «Святая Русь» в «Графе Нулине».

Известно, что декабристы не соглашались с теми, кто «брал Святую Русь». Именно за «Святую Русь» они выступали и ради нее не жалели собственной жизни.

Свой важнейший политический проект П.И.Пестель неслучайно называл «Русской Правдой» (1824), подчеркивая этим внутреннее сходство между устройством государства будущего и государственным устройством древней «Святой Руси» как выражением идей свободы, истины и правды.³⁷

Конечно же, такое представление о прежней «Святой Руси» было нормативно-иллюзорным, но при этом исторически перспективным. Именно «Святая Русь» олицетворяла собою для декабристов прошлое, настоящее и будущее Отечества, которое они беззаветно любили. В данном случае, «святой» не имело для Пушкина и декабристов религиозно-канонического смысла, а означало — глубоко чтимый, дорогой, заветный, величественный по своей цели и сути. Пушкин писал о «вольности святой» (II, 72) в послании «К Чаадаеву» (1818), и декабристы были с ним в этом солидарны.

В русском революционном «Катехизисе» (1825) С.И. Муравьева-Апостола отмечалось, что «святой закон наш повелевает» всему русскому народу «ополчиться против тиранства».³⁸

А.И.Одоевский, автор знаменитого «Ответа» Пушкину (1827), писал, находясь в ссылке (1830):

Идут под затворы молодцы
За святую Русь.

За святую Русь неволя и казни —
 Радость и слава.
 Весело ляжем живые
 За святую Русь.³⁹

В. К. Кюхельбекер (1827), как и Рылеев, верил в то, что в будущем «на Руси святой» восторжествует «свобода, счастье и покой».⁴⁰

Таким образом, и в понимании «Святой Руси» как Отечества, свободного от деспотизма, тоже прослеживается по-своему «странное сближение» пушкинских взглядов с позицией декабристов, реально дающее о себе знать в поэме «Граф Нулин».

Есть все основания полагать, что если бы бдительные «голубые мундиры» и их помощники заметили в «Графе Нулине», что вполне возможно, и «друга запоздалого», «товарища юности удалой» (государственного преступника Пущина), и нетерпеливое ожидание поэтом «ее» («свободы»), и «ужасную книжку Гизота», оправдывающую революцию и осуждающую абсолютизм, и «последнюю песню Беранжера», непримиримого противника любого самодержавия, и, наконец, «Святую Русь» как синоним антитирании, — судьба поэта могла быть совсем иной. Еще больше насторожились «блюстители закона», если бы они увидели дату написания «Нулина»: 13 и 14 декабря 1825 года. К счастью, не заметили и не увидели.

Случайность, которая занимала важное место и в самой поэме, и в «Заметке» о ней сослужила в данном случае добрую службу их автору.

Естественно возникает вопрос: чем и как объясняются «странные сближения» между пушкинской поэмой «Граф Нулин», ее внутренним смыслом и декабризмом, прежде всего — событиями 13 и 14 декабря 1825 года, какова реальная основа этих поистине «странных», непонятных и необъяснимых с традиционных философских позиций разнообразных «сближений», почему именно 13 и 14 декабря 1825 года они появились в «повести», которую автор написал «в два утра» (XI, 188)?

Ответить на поставленный вопрос и другие, с ним связанные, помогает «философия взаимодействия», предложенная и разработанная автором этих строк.⁴¹

«Философия взаимодействия» исходит из того, что в соответствии с реальностью существо всех явлений микро- и макромира, живых и неживых, природных и созданных человеком, и, в первую очередь, самого человека составляет взаимодействие исконно свойственных этим явлениям (разумеется, в разной мере) материального и духовного начал. Причем одно начало не порождает другое и константно не определяет его. Особенно развитым и совершенным духовным началом обладает человек. Духовное начало, в отличие от материального, не имеет массы, какой бы «легкой» и «тонкой» ее не представляли, и не имеет скоростных и пространственно-временных ограничений для своего распространения и функционального воздействия. Духовное начало реально, ибо существует вне и независимо от человеческого восприятия. Оно не «порождается» ни воспринимающим его субъектом, ни какой-то «Высшей силой», не «вкладывается» в явление извне, а составляет его собственное неотъемлемое начало, хотя конкретная мера выражения этого начала бывает различной в различных явлениях.

Духовное начало практически воздействует на подсознание и сознание человека, его эмоциональную сферу, творческие способности и проявления, не будучи при этом материальным по своей природе. Считается, что реальным воздействием на духовную сферу обладает только материально-вещественное начало или непосредственный контакт одного явления с другим. «Философия взаимодействия» в принципе не согласна с этим.

Духовное начало, присущее самим явлениям, неживым и живым, выражает себя уже на микро-клеточном уровне. При этом именно духовное начало одного явления может реально-практически воздействовать на духовное начало другого, сходного с ним явления, находящегося от первого на значительном расстоянии, а тем самым воздействовать на явление в целом, вызывая у него ответную реакцию в виде реально-практического результата, в свою очередь, оказывающего реальное воздействие на «первоисточнику».

Еще в 1935 году А.Эйнштейн открыл, что два атома можно скоррелировать, назвав этот процесс «телепортацией». Другими словами, если по какой-либо причине изменяется состояние одного атома, он возбуждается, в том же направлении меняется состояние другого атома, подобно ему, он тоже возбуждается, находясь на любом расстоянии от первого атома.⁴²

Профессор Григори (Франция) взял 50 пар улиток, которые сами создали брачные пары по собственному выбору, и по одной особи из каждой пары перевез из Франции в США, где на них производилось воздействие электрическим током. Каждое такое воздействие в США вызывало регистрируемый во Франции всплеск потенциала и резкое сжатие у однопарных улиток, оставшихся во Франции, в качестве их ответной и одновременной реакции, внешней и внутренней, происходящей на расстоянии в несколько тысяч километров.⁴³

Академик В.П.Казначеев (1994) установил дистанционную связь между живыми клетками. Кусочки однородных тканей помещались в двух изолированных пробирках. Когда в одну из пробирок вливался яд, клетки погибали в обеих пробирках.⁴⁴

На одну из двух ответственных подводных лодок, плавающих в разных океанах, поместили животное — мать (крольчиху), а на другую — ее детенышей (крольчат). В строго определенное астрономическое время кожу детенышей раздражали слабым током, и совершенно синхронно дергалась кожа у их матери.⁴⁵

Известен и такой факт. В Дамаске (Сирия) за час до похорон его внезапно скончавшегося отца в городе неожиданно появился сын покойного, живший в Иордании, который ничего не знал о случившемся. Как он сам рассказал, накануне, именно в момент смерти отца, сын вдруг ощутил сильную боль в области сердца и одновременно испытал чувство мучительного беспокойства. Все это и вызвало его срочный приезд в Дамаск.⁴⁶ Такого рода случаи не редки. И все они — реальность, а не вымысел. Тоже своего рода «странные сближения».

Научно-философского объяснения приведенным фактам и подобным им никем и нигде не давалось и не дается. Это понятно. Их не в состоянии объяснить ни материализм любого вида, ни идеализм любого вида. Их может в принципе объяснить «философия взаимодействия» на основании установленного ею «закона духовного резонанса», имеющего поистине универсальный характер. Согласно этому «закону» в случае сильного и напряженно-чувственного воздействия на какое-либо явление, меняющее его состояние, одновременно и сходным образом на такое воздействие реагирует другое явление, подобное первому, находящееся от него на значительном расстоянии. Ведущим в этом процессе выступает духовное начало, присущее самим резонирующим явлениям, неживым и живым.

Разумеется, способностью к «духовному резонансу» в наибольшей мере обладает человек как живое и сложнейшее многоклеточное образование и как органическое взаимодействие свойственных ему разносторонне развитых материального и духовного начал.

Особенно чутко и заметно реагируют на объект духовного возбуждения, находящийся от них даже на значительном расстоянии, люди искусства (писатели, художники и

т. д.), по сути своей духовно чрезвычайно восприимчивые. Естественно, в самой полной и высокой мере обладал способностью к «духовному резонансу» такой поистине вне-млющий всему и вся в мире творческий феномен, каким был Пушкин. Поэт одновременно представлял собою и общее правило, и его исключительное проявление.

Применительно к человеку «закон духовного резонанса» состоит в том, что близкие между собою идейно, нравственно и т. д., одним словом, духовно, люди, даже находясь на значительном расстоянии друг от друга, способны вступать в реальный контакт друг с другом и оказывать реальное воздействие друг на друга. Процесс этот, будучи подсознательным, со стороны своего восприятия, получает сознательное выражение в различной человеческой деятельности, в том числе духовно-творческой, и может, так или иначе, осознаваться как реальный результат самим человеком — творцом. Современная наука пришла к выводу, что, как правило, 97 процентов человеческой духовной деятельности протекает на уровне подсознания и только 3 процента на уровне сознания.

Чем сильнее, глубже и разносторонне духовная близость между людьми и чем они духовно восприимчивее, тем эффективнее и заметнее обнаруживает себя «духовный резонанс» как совпадение (но не тождество) их духовных интересов и представлений (духовного с духовным как <подобного> с «подобным»), которое реально проявляет себя в виде внешних и внутренних реальных «сближений», кажущихся, на первый взгляд и с традиционных позиций, «странными». В литературном творчестве такие «сближения» могут получать самое разное выражение в зависимости от замысла произведения, его жанра, стиля и т. д.

«Духовный резонанс» между Пушкиным и декабристами конкретно и реально дал о себе знать в строках из «Графа Нулина» о «друге запоздалом» (Пушине), о «ней» («свободе») и т. д. Видимо, в 1830 году в связи с полемикой относительно «Нулина» все это привлекло особое внимание поэта.

13 и 14 декабря 1825 года Пущин находился в состоянии сильнейшего духовного возбуждения, декабристы были одержимы неукротимым желанием всеобщей свободы и внутренним стремлением положить конец как исторически уже изжившему себя российскому абсолютизму, солдаты были воодушевлены революционно-агитационными песнями, созданными декабристами, дух высокого и глубокого патриотизма владел участниками восстания. Все это представляло собою «духовную реальность», практически действенную и стимулировавшую «духовный резонанс» с ней Пушкина в его поэме, написанной 13 и 14 декабря 1825 года.

Духовная близость, существующая между Пушкиным и многими декабристами, духовная напряженность, сопутствующая событиям 13 и 14 декабря 1825 года, и особая духовная восприимчивость самого Пушкина к ним и всему, так или иначе связанному с декабризмом, обусловили «странные сближения», в основе своей духовно реальные, достаточно отчетливо проявившиеся в поэме «Граф Нулин» между текстом поэмы и разнообразными декабристскими реалиями, жизненными и литературными, в свою очередь, духовно значимыми. В «Заметке “О графе Нулине”» наличии таких «сближений» было зафиксировано самим Пушкиным.

Усиление пушкинской духовной восприимчивости ко всему, духовно близкому поэту, и активизации всей духовной атмосферы, в которой совершались декабрьские события 1825 года, способствовало то обстоятельство, что на 1825 год, когда создавался «Нулин» и произошло восстание декабристов, приходится период высокой «Космической активности»,⁴⁷ которая, как установлено современной наукой, оказывает духовно активизирующее воздействие на человека, вплоть до стимулирования в нем агрес-

сивности, и усиливает духовную восприимчивость и проницательность. В декабре 1825 года повышенную агрессивность, как известно, проявили обе противоборствующие стороны.

Пушкинская «Заметка “О графе Нулине”» (1830) тоже приходится на год высокой «Космической активности». Это усиливало пушкинскую духовную восприимчивость к духовно близкому поэту недавнему прошлому, каким были для него и «Нулин», и декабрьские события 1825 года.

Таким образом, «странные сближения», которые уловил Пушкин между своей поэмой «Граф Нулин», написанной 13 и 14 декабря 1825 года, и декабрьскими событиями в Петербурге, имеют духовно-земную и духовно-Космическую основу, которая реальна и объяснима с позиций «философии взаимодействия».

Примечания

- ¹ См.: *Словарь языка Пушкина*. Т. 4. М., 1961. С. 392.
- ² См.: Там же. С. 33.
- ³ См.: А.С. Пушкин: Pro et contra: Личность и творчество А.С.Пушкина в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 49, 50; Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 27, 28, 381, 382, 420, 448.
- ⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 536.
- ⁵ Цит. по: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 177.
- ⁶ Лернер Н.О. Пушкин о казненных декабристах/Книга и революция. 1921. № 1. С. 80—81.
- ⁷ См. об историко-литературном контексте пушкинского суждения о «случайности»: Кибальник С.А. *Художественная философия Пушкина*. СПб., 1998. С. 112—122.
- ⁸ Сияновский А. Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993. С. 31.
- ⁹ Пушкин. Письма. Т. 2. 1826—1830. М.; Л., 1928. С. 150.
- ¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Л., 1979. С. 541.
- ¹¹ Там же. С. 86.
- ¹² Там же. С. 103.
- ¹³ См. о некоторых чертах сходства между «Графом Нулиным» и «Беппо»: Кибальник С.А. *Художественная философия Пушкина*. С. 122—126. См. также: Фридендер Г.М. *Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе: К характеристике повествовательной структуры и образного стиля поэм Пушкина и Байрона/Пушкин. Исследования и материалы*. Т. 7. Л., 1974. С. 116—118.
- ¹⁴ См.: *Словарь языка Пушкина*. Т. 2. С. 1029.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 437.
- ¹⁶ См.: Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 362.
- ¹⁷ См.: Алексеев М.П. *Русско-английские литературные связи: (XVIII в.—1-я пол. XIX в.)*. М., 1982. С. 408, 409. (Лит. наследство; Т. 91).
- ¹⁸ Бартечев П.И. *Еще новые письма Пушкина/Рус. архив*. 1870. № 7. С. 1366.
- ¹⁹ См.: Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. С. 360—365.
- ²⁰ Цит. по: Там же. С. 245.
- ²¹ Цит. по: Нечкина М.В. *Движение декабристов*. Т. 2. М., 1955. С. 219.
- ²² См.: Эйдельман Н. Пушкин: История и современность в худож. сознании поэта. М., 1984. С. 113—114.
- ²³ См.: Нечкина М.В. *Движение декабристов*. Т. 2. С. 264.
- ²⁴ Цит. по: Эйдельман Н. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. С. 114.
- ²⁵ См.: Нечкина М.В. *Движение декабристов*. Т. 2. С. 219, 264.
- ²⁶ См.: Там же. С. 291, 426.
- ²⁷ См.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 176—177. Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. С. 281—283.
- ²⁸ См.: Нечкина М.В. *Движение декабристов*. Т. 2. С. 219.
- ²⁹ Цит. по: Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. С. 275.
- ³⁰ Там же. С. 276.
- ³¹ Там же.
- ³² Беранже П.Ж. *Сочинения*. М., 1957. С. 253, 254.
- ³³ Там же. С. 285, 286.
- ³⁴ Лермонтов М.Ю. *Собрание сочинений: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп.* Т. 1. Л., 1979. С. 17—18, 544.

³⁵ Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1971. С. 255, 260.

³⁶ Данилин Ю. Великий народный поэт//Беранже П.Ж. Сочинения. С. 29.

³⁷ См.: Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. С. 73, 74.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 367.

³⁹ Одоевский А.И. Стихотворения. Л., 1936. С. 103.

⁴⁰ Кюхельбекер В. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1967. С. 212.

⁴¹ Иезуитов А.Н. Философия взаимодействия: Основы и перспективы. СПб., 1993; Иезуитов А.Н. Философия взаимодействия: Объяснение необъяснимого. СПб., 1995; Иезуитов А.Н. Информатика и философия взаимодействия. СПб., 1997; Иезуитов А.Н. Современный «Апокалипсис» и философия взаимодействия. СПб., 2000; Иезуитов А.Н. Пушкин и «философия взаимодействия»//Наука в России. 1997. № 4. С. 69—79.

⁴² См.: Медведев Ю. Телепортация станет реальностью//Известия. 2000. 31 янв.

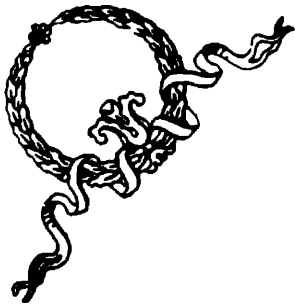
⁴³ См.: Репьев С.И., Барулин В.Н. Человск: Информация, системы взаимодействий, наследственность: Теория и практика. СПб., 1998. С. 72.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Мартынов А. Философия жизни. М., 2000. С. 21.

⁴⁶ См.: Там же. С. 24-25.

⁴⁷ Аллен К.-У. Астрофизические величины. М., 1960. С. 176—177.

Е.Б.Добровольская

**МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ
НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ
В ДЕНЬ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА**

14 декабря 1825 года — один из переломных дней русской истории. Восстановить картину этого трагического дня помогают воспоминания современников и участников событий.

Фигура митрополита Петербургского и Новгородского Серафима прежде не привлекала особого внимания исследователей. Волею судьбы он оказался в самом центре восстания на Сенатской площади. Впрочем, выполнить свою миссию — уговорить мятежников разойтись — ему не удалось, о чем он бесконечно сожалел впоследствии.

Его собственный рассказ о пережитом 14 декабря, а также записи сопутствовавшего ему в течение дня дьякона Прохора Иванова и другие воспоминания современников помогут нам представить роль митрополита в день восстания.

Митрополит Серафим (Стефан Васильевич Глаголев) родился в 1763 году. Детские годы его прошли в Калуге. Он был сыном дьячка Козмодемьянской церкви, учился в Калужском духовном уездном училище, затем — в Троицкой лаврской семинарии. Окончательное образование он получил в Московской духовной академии, слушал лекции в Московском университете, где занимался в филологическом семинарии «Дружеского общества», основанного Н.Новиковым. В 1787 году Стефан Глаголев постригся в монашество с именем Серафим. Вскоре он был назначен преподавателем философии в духовной академии, а в 1799 году стал ее ректором. Он был епископом Смоленским (с 1805), Минским (с 1812), Тверским (с 1814). В 1819 году он был назначен митрополитом в Москву, а через два года получил в управление Новгородскую и Санкт-Петербургскую епархии. Его называли искусным и деятельным церковным администратором. При нем в Петербурге и окрестностях было устроено много домовых церквей, отремонтирован новгородский Софийский собор. В последние годы своего служения он был тяжело болен. Умер митрополит Серафим 17 января 1843 года в возрасте 80 лет. Был похоронен в Духовской церкви Александро-Невской лавры, но могила его не сохранилась (в 1937 г. доска с эпитафией перенесена в Благовещенскую усыпальницу лавры).

Сохранилось «Слово», сказанное им в Петропавловском соборе при вступлении на Санкт-Петербургскую митрополию в 1821 году. Вспоминая своего предшественника митрополита Михаила, новый владыка сказал: «О, когда б преемство жезла его было для меня знаменем и преемства духа его, его твердости в вере и надежде, его горячности в любви, его бодрости <...> Настоящая жизнь наша есть время искушений, подвигов и сражений, а не тишины и покоя, есть время сеяния, а не жатвы».¹

Именно эти душевные качества: твердость в вере, горячность в любви — особенно понадобились митрополиту Серафиму в день 14 декабря 1825 года. Этот день поистине стал днем «искушения, подвига и сражения».

Если мы обратимся к воспоминаниям современников о митрополите Серафиме, например, к «Запискам», составленным Н.В.Сушковым, то узнаем, что его «любили как пастыря мирного и доступного, уважали как митрополита разумного и осторожного». ² Мемуарист отмечает, что Серафим «при всей осторожности в общении с людьми, при некоторой даже скрытности, не лишен был и прекрасного свойства великодушной твердости и христианского смирения». ³ В качестве примера приводится поведение митрополита на Сенатской площади в день 14 декабря 1825 года: «Так, когда декабристы смертельно ранили графа Милорадовича, героя стольких битв, героя, которого никогда не коснулась ни вражья пуля, ни сабля, Серафим пошел к мятежникам в полном облачении с крестом и словом мира. Государь, стоявший в виду их у забора около Исаакиевской, не достроенной тогда еще церкви, приказал ему вернуться. Святитель шел на верную смерть так же неустрашимо, как мужественный Николай неустрашимо шел от дворца к Исаакиевскому храму, сопутствуя первому батальону Преображенского полка». ⁴

Словно герой народной легенды, Серафим идет «со словом мира» навстречу бунтовщикам. Такова легенда.

Как же все было на самом деле? У нас есть возможность прислушаться к разным голосам — и представителей царствующей семьи, и декабристов, а также к свидетельствам тех, кто оказался в церковной процессии рядом с митрополитом. Сохранились и его собственные воспоминания в пересказе М.М.Евреинова. В книге «Некоторые воспоминания о митрополите Филарете» Евреинов приводит рассказ о своем путешествии в Петербург в двадцатый числах декабря 1825 года: «В Петербурге не очень еще было спокойно, беспрестанно встречались закрытые рогожки повозки, в которых привозили из разных отдаленных мест преступников, участвующих в заговоре, кончившемся бунтом 14 декабря. По приезде нашем в Петербург поспешил я исполнить поручение нашего владыки и на другой день отправился в Невскую лавру к митрополиту Серафиму». ⁵

Отметим, что мемуарист передал все подробности состоявшейся в лавре беседы. Воспоминания изданы в 1873 году, и, вероятно, основой для них были дневниковые записи. Благодаря М.М.Евреינוву мы можем узнать, как видел происшедшие в Петербурге события сам митрополит Серафим.

«Он принял нас ласково <...> рассказал мне подробно о недавно случившихся происшествиях в Петербурге и, вздохнув, прибавил: “Вот, сударь, до чего мы дожили, и мне пришлось воевать. В это время я находился во дворце для приведения к присяге в ожидании государя, который находился еще на площади, где происходил бунт,— и долгое время мы его ожидали, наконец, изволил прислать своего генерал-адъютанта ко мне, приглашая меня приехать на место бунта. Я поспешил сесть в карету, а генерал-адъютант изволил стать на запятки, и когда мы доехали до места, где эти беспорядки происходили, я вышел из кареты в мантии и, держа в руках крест, начал говорить бунтовавшим: “Именем Распятого уверяю вас в истине, я уже одною ногою стою в гробе и обманывать вас не стану”. Некоторые из них начали креститься и подходить ко кресту, чему я немало обрадовался, как вдруг один выскочил из толпы, имея шпагу в руке, и, помахивая ею, закричал: “Что вы этому старому плуту верите? Он вас обманывает!” Затем над головою моею пролетело несколько пуль, тогда Государь приказал мне удалиться. Меня провели по каким-то доскам, посадили в сани, за которыми стоял дьякон, и меня обратно повезли во дворец, в дворцовую церковь, где и находился я до прибытия государя долгое время, и тогда уже принесена была присяга. Митрополит киевский Евгений тоже выезжал на площадь, но и он возвратился без успеха”». ⁶

Мы знаем, что на Сенатской площади владыка оказался по повелению Николая I, который возлагал на обращение митрополита к мятежникам определенные надежды.

В «Записках о вступлении на престол» сам император отразил этот эпизод очень кратко: «В то время как я ездил к Измайловскому полку, прибыл требуемый мною митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом. Почтенный пастырь с одним поддиаконом вышел из кареты и, положив крест на голову, пошел прямо к толпе, он хотел говорить, но Оболенский и другие сей шайки ему воспретствовали, угрожая стрелять, ежели не удалится».⁷

Достоверно известно, что на самом деле к восставшим вышли два митрополита и два дьякона, но отчего-то этот факт не отражен в записи царя.

Больше живых подробностей сохранилось в дневниковых записях императрицы Александры Федоровны, которая, конечно, знала о происшедшем со слов мужа. Вот как выглядит этот трагический эпизод в ее пересказе: «Государь велел призвать митрополита, тот приблизился к мятежникам с крестом и сказал им, что может засвидетельствовать перед Богом, что воля покойного государя и желание самого великого князя Константина состояло в том, чтобы царствовал Николай. Напрасно! Ответ был: “Ты из партии Николая, мы тебе не верим, другое дело, если бы это нам сказал Михаил, друг Константина”. Над головою митрополита засверкали сабли, и он должен был вернуться».⁸

Итак, благодаря этой дневниковой записи нам стала известна еще одна из реплик мятежников, а в «Записках» Николая I названо имя одного из тех, кто угрожал владыке: Евгений Оболенский.

Фамилия Оболенского звучит и в «Историческом описании 14 декабря 1825 года и предшествовавших ему событий», составленном М. Корфом: «На ближайшем к Сенатской площади углу бульвара митрополит вышел из кареты и в полном облачении, в сопровождении того же иподьякона, под защитою одного своего сана и своих седин, пошел прямо к мятежной толпе, с возложенным на голову крестом. Здесь он хотел взывать к заблужденным гласом религии, но пока солдаты, взяв с плеча, все с благоговением крестились, Оболенский и другие из предводителей шайки пресекли его речь и, издеваясь над почтенным старцем, грозили велеть по ним стрелять. Героическая готовность митрополита осталась бесплодною».⁹

Сохранились и воспоминания участников антиправительственного выступления. Вот как передается ход событий в мемуарах декабриста Андрея Розена: «Наконец, по приказанию государя, употреблено было еще последнее средство к усмирению: на извозничьих санях подъехал митрополит Серафим в сопровождении киевского митрополита Евгения и нескольких священников с животворящим крестом, умолял братьев христианской любовью возвратиться в свои казармы. Серафим, равно как прежде него великий князь Михаил и граф Милорадович, обещал именем государя совершенное прощение всем возмущившимся, кроме зачинщиков. Его выслушали; воины осенили себя знаменем креста, но мольбы его остались также тщетными, ему сказали: “Пооди, батюшка, домой. Помолись за нас за всех, здесь тебе нечего делать!”»¹⁰

В «Алфавите» Боровкова в числе не допускавших митрополита к батальону назван лейтенант Гвардейского экипажа Епафродит Мусин-Пушкин.¹¹

А в показаниях Следственной комиссии поручика Ганглебова эпизод выхода владыки Серафима к мятежникам выглядит следующим образом: «Скалон (поручик л.-гв. Уланского полка. — Е. Д.), подойдя к измайловским офицерам, рассказывал о возмущении в Петербурге, говоря, что вся гвардия не принимает присяги, что митрополит ходил увещевать Измайловский полк, но гренадеры 1-го батальона, вырвав у него крест,

били его оным <...>». ¹² В этом свидетельстве есть много преувеличений: «вся гвардия не принимает присяги», «все полки собраны на Сенатской площади»; возможно, что и «битье» митрополита вырванным у него крестом можно отнести к таким преувеличениям.

Как уже было отмечено, рядом с владыкой Серафимом на протяжении всего этого долгого и полного тревожных событий дня находился дьякон Прохор Иванов. Он служил при митрополите с 1814 года. Этот церковный служитель, как оказалось, вел дневник — «Сведения из домашнего дневника дьякона П.Иванова». ¹³ Записки П.Иванова были опубликованы в журнале «Исторический вестник» за 1905 год; частично рукопись была воспроизведена Я.А.Гординым в его книге о декабристах. ¹⁴ Между журнальным и рукописным вариантами текста дневника есть небольшие расхождения.

Примечательная особенность стиля мемуариста — точный хронометраж событий: «14 числа в 6 с половиной утра преосвященный митрополит Новгородский Серафим отправился в Сенат, в общее присутствие, в коем собраны были члены Священного Синода, государственный Совет, министры, все департаменты Сената и прочие правители. В 7 часов и 20 минут прочтен был манифест <...>». ¹⁵

По прочтении манифеста была принесена присяга и объявлено время торжественного молебна. Важно следующее замечание, которое находим в домашнем дневнике: «Во дворце собираться первоначально назначено было в 11 часов, поутру было отменено, чтобы собираться во втором часу. В 8 часов утра сего 14 числа присягали войска, в 12 — присутственные места и народ, а потому и литургия того дня по всей столице совершаема была в 12 и в 1-м часу, в некоторых церквах по литургии читали и манифест, но во всех отправлено было молебствие благодарное». ¹⁶

Из воспоминаний очевидца не только становится известно, когда и где происходили те или иные события, но и как выглядели их участники, что переживали: «Преосвященный митрополит Серафим с Евгением, митрополитом Киевским, <...> и другими <...> прибыл в придворную большую церковь в первом часу дня, облачился в бархатное зеленое облачение, возлож панагию, крест и митру бриллиантовые, а митрополит Киевский облачился в бархатное пунцовое облачение, и ожидали к двум часам в церковь пришествия государя императора Николая I и всей августейшей фамилии <...> Между тем в исходе первого часа часть московского Гренадерского полка и Гвардейского экипажа <...> выстроилась в каре на Сенатской площади <...> Государь долгое время призывал мятежников к долгу и смирению, но они не внимали сему воззванию, и чем доле, тем более чернь к ним по неведению присоединялась. Тогда Государь в 2 часа и 15 минут дал повеление генерал-адъютанту Стрекалову, чтобы призвать из дворцовой церкви преосвященного митрополита Новгородского Серафима с крестом к сим мятежникам. Генерал стремглав явился в церковь и объявил митрополиту высочайшую волю. Митрополит с духовенством последовал за генералом, но генерал ежеминутно повторял ему: поскорее как можно, время не терпит». ¹⁷

Автор этих записей зафиксировал все происходившее по часам и минутам. Важно и то, что дьякон Иванов обладал несомненным даром рассказчика: так и видишь степенно идущего митрополита и генерала, который сам явился «стремглав», а затем торопил владыку, сознавая напряженность ситуации. Кстати, именно во время выхода митрополита на площадь мимо него с криком «Ура, Константин!» пробежала часть гренадерного полка — гренандеры стремились занять дворец, но тот был окружен и защищен саперным батальоном.

Итак, был подан экипаж, в который сели два митрополита и два дьякона, а сам генерал Стрекалов встал на запятки со словами: «Вас одних туда, куда везу, не пропу-

стят». ¹⁸ У Адмиралтейской церкви на углу площади остановились. Обратимся вновь к записям непосредственного участника событий: «Мы, выйдя из кареты с дьяконами в сопровождении генерала, следовали к бунтующим, но со стороны их и от полка Конногвардейского сделалась сильная перепалка. Предстоящий народ, падая на землю, бежал навстречу сему духовенству. Митрополит, остановив народ, спросил: “Что вы бежите и что такое здесь делается?” Народ, рыдая, отвечивал: “Бунт! Куда вы, ведь и вас убьют! Генерал Милорадович уже смертельно ранен, едва ли и жив. Да и тех, кто их уговаривает, бьют нещадно!” Митрополит остановился и сел было обратно в карету <...>». ¹⁹

Устрашенный увиденным и услышанным, митрополит возвратился в карету, но именно тогда и произошло нечто особенно значимое: «Государь, командуя и распоряжаясь войском, вторично послал генерал-адъютанта Лариона Васильевича Васильчикова, чтобы убедить митрополита от имени Его Величества идти к мятежникам, невзирая ни на какие опасности. Генерал прискакал к карете митрополита и убедил, заклиная спасением России, будучи сам в слезах, маститого старца». ²⁰

Так на страницах дневника появляется имя второго генерала. И если генерал Стрекалов двигался «стремглав», то генерал Васильчиков обратился к владыке «в слезах».

Продолжим чтение: «Преосвященный церкви, повинувшись воззванию своего монарха и исполняя свои слова, сего же дня им произнесенные, не щадя жизни своей, следовал на Петровскую к бунтующим в сопровождении двух дьяконов, генерала и полицмейстера. Бунтующие стояли около Сената, напротив их кавалерия, от Невы — преображенцы, а от Исаакиевского — забор. Тут же перед глазами владыки застрелен был командир лейб-гренадерского полка полковник Стюрлер, уговаривавший солдат». ²¹

Нужно отметить, что в рукописном варианте воспоминаний в описании этого эпизода создается несколько иная картина: не упоминаются члены процессии, сопровождавшие владыку, текст сжат, следовательно — более эмоционален: «Преосвященный Серафим, повинувшись воззванию возлюбленного своего монарха и вспоминая слово, данное сегодня присягою: “Не щадя жизни своей до последней капли крови” — вышел на площадь против бунтующих. Тогда-то командир лейб-гренадерского полка Стюрлер перед глазами владыки был застрелен и по отведению скончался». ²²

Дневник Прохора Иванова сохранил многоголосие, царившее на площади: «Тут тысячи голосов раздалась из народа. Кто кричит: “Не ходите! Рванят! Убьют”. Кто говорит: “Идите!” Иной с угрозой кричит, что “это дело ваше, духовное”, что “они не суть неприютели, но христиане”». ²³

Именно в этот момент по просьбе владыки был вызван митрополит Евгений, до тех пор находившийся в экипаже на углу площади вблизи Адмиралтейской церкви.

Записи дьякона Иванова, опубликованные в начале XX века, воссоздают этот эпизод более подробно: «Итак, с крестом стоял преосвященный среди площади, и когда через полицмейстера Чихачева вызван был митрополит Киевский Евгений из кареты, у коего народ оторвал палицу, удерживая, тогда оба иерарха, поговорив между собою, решились умереть за веру, отечество и царя <...>». ²⁴

Воспоминания рисуют достаточно трагическую ситуацию. Одинок стоящий преосвященный. Разъяренный народ, вырывающий палицу у спешащего к нему на помощь митрополита Киевского Евгения. Два иерарха, которые после кратких переговоров решаются в буквальном смысле «умереть за веру отечество и царя». На глазах владыки уже застрелен полковник Стюрлер, известно о ранении Милорадовича.

Обратимся вновь к дневниковым записям: «<...> и первым митрополит Серафим стремительно бросился, имея в руке духовное оружие — крест — к мятежникам, а за

ним митрополит Евгений и иподьяконы. Увидев они архипастыря своего, со крестом к ним грядущего, начали первоначально креститься, а потом некоторые, особенно из черни, начали и прикладываться ко кресту. Владыко, сблизясь с ними и подняв крест, велегласно говорил им тако: “Воины, успокойтесь! Вы против Бога и царя поступили, Константин Павлович письменно и словесно трикратно отресья от Российского престола, Николай Павлович законно восходит на оный. Синод, Совет, и Сенат, и народ уже присягнули, вы только одни дерзнули восстать против сего. Вот вам сам Бог свидетель, что это есть истина!” Мятеежники, особенно двое из них, офицеры, ответствовали на то, что это несправедливо: “Где Константин? Константин в оковах! На станции вблизи столицы. Подайте его сюда! Ура, Константин! Какой ты митрополит, когда на двух неделях присягнул двум царям? Ты изменник. Ты дезертир николаевский. Не верим вам, поди прочь! Это дело не ваше. Мы знаем, что делаем. Попшите нам великого князя Михаила Павловича, мы с ним хотим говорить!”²⁵

В журнальном варианте есть некоторые отличия от рукописного: к митрополиту подходит депутация из офицеров «с обнаженными шпагами», причем «некоторые» — «в нетрезвости».²⁶

Все дальнейшее очень напоминает бегство: «Сколько владыка не уверял и не убеждал их, однако все сие ими пренебрежено, и когда уже над головами архиереев начали фехтовать шпагами и вокруг ружьями окружили, тогда преосвященные принуждены были поспешно удалиться в разломанный забор к Исаакиевскому собору, в сопровождении черни, и близ Синего мосту оба митрополита сели на двоих простых извозчиков. Назад оных иподьяконы встали в стихарях и таким образом возвратились в Зимний дворец, митрополит Евгений в церковь, а митрополит Серафим — в комнаты государя императора, позже по апартаментам государыни вдовствующей императрицы, где вся знатность, будучи в страхе, спрашивала владыку: “Что? Чем вы нас утепите? Что там делается?”²⁷

На этом записи в рукописи обрываются. А в журнале «Исторический вестник» приводится лаконичный ответ преосвященного: «Обругали и прочь отослали!»²⁸

Из журнального варианта воспоминаний мы можем узнать и о событиях вечера 14 декабря: «Митрополит возвратился в 5 часов в церковь, а государь во дворец от войска, и вся знать была введена в церковь. В 6 часов 20 минут государь с супругою своею и с наследником, с великой княгиней Марией Павловною <...> соизволили войти в церковь. Во вратах митрополит Серафим с членами Синода встретили их величества, оградив крестом: “Благослови грядый во имя Господне”. Какая сцена! Государь и императрица неутешно плакали, а публика, стоящая в церкви, просто сказать, рыдала, потом приложились к кресту <...>. При поднесении креста митрополит сделал государю приветствие, а потом и государыне императрице <...>».²⁹

Известно, что вскоре преосвященные митрополиты были награждены панагиями, а спустя год и дьяконы были пожалованы деньгами при рескриптах: «Его Величество всемилостивейше <...> пожаловал дьякону Петру Иванову 250 рублей, дьякону Прохору Иванову 600 рублей единовременно за их усердие».³⁰

Автор цитированных воспоминаний Прохор Иванов был награжден также орденом Анны III степени за то, что сопутствовал митрополиту Серафиму на Сенатской площади.

В заключение приведу лаконичные строки рескрипта от 25 декабря 1825 года: «Преосвященный митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский! Подвиг ваш в 14 день сего декабря, когда вы с ревностью, достойной архипастырского сана вашего, не щадя живота своего, лично предстали перед толпой восставших против законной власти и гла-

сом кротких убеждений тщались преклонить заблудших сих овец к повиновению, обратил мое на вас внимание. В засвидетельствование оного и в знак признательности моей за то жалую вам украшенную бриллиантовую панагию и <...> поручаю себя молитвам вашим, пребываю вам всегда доброжелательный Николай».³¹

Примечания

¹ Серафим, митрополит. Слово к пастве Санкт-Петербургской епархии при вступлении в управление оной. СПб., 1821. С. 10.

² Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московского. М., 1868. С. 55.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 55—56.

⁵ Евреинов М.М. Некоторые воспоминания о митрополите Филарете. М., 1873. С. 21.

⁶ Там же.

⁷ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 26.

⁸ Там же. С. 89—90.

⁹ РНБ. Ф. 380. № 48. С. 56—57.

¹⁰ Розен А.Е. Записки декабриста//Мемуары декабристов. М., 1988. С. 91—92.

¹¹ Декабристы: Биограф. справочник. М., 1988. С. 290.

¹² Там же. С. 318.

¹³ См.: РНБ. Ф. 380. № 56.

¹⁴ См.: Ист. вестник. 1905. № 1. С. 166—172; Гордин Я. Мятеж реформаторов: 14 дек. 1825 г. [Л.], 1989. С. 348—350.

¹⁵ Ист. вестник. 1905. № 1. С. 166.

¹⁶ РНБ. Ф. 380. № 56.

¹⁷ Ист. вестник. 1905. № 1. С. 167.

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Цит. фрагмент, отсутствующий в рукописи РНБ.

²¹ Там же.

²² РНБ. Ф. 380. № 56.

²³ Там же.

²⁴ Ист. вестник. 1905. № 1. С. 168.

²⁵ РНБ. Ф. 380. № 56.

²⁶ Ист. вестник. 1905. № 1. С. 169.

²⁷ РНБ. Ф. 380. № 56.

²⁸ Ист. вестник. 1905. № 1. С. 170.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 172.

³¹ Там же. С. 171.

Р.В.Иезутова

ЗА ПУШКИНСКОЙ СТРОКОЙ

Вот уже более столетия, как оборванная на полуслове строка «И я бы мог как шут ви...»¹ на л. 37 «Рабочей тетради Пушкина» ПД 836 (т. н. Третьей Массонской тетради) не перестает волновать исследователей: на этом же листе поэт дважды нарисовал виселицу с казненными 13 июля 1826 года пятью декабристами.² При всей очевидности связи этой записи с рисунками виселиц она все еще представляется не до конца ясной, и не только из-за неожиданного в этой трагически окрашенной строке слова «шут», но и по сложности графических ассоциаций, запечатленных в портретах изображенных на этом же листе лиц. Некоторые из них легко узнаваемы (Сергей Трубецкой, отец поэта и его дядя С.Л. и В.Л. Пушкины). Другие до сих пор вызывают споры; предлагаются все новые и новые версии. Исследователи графического наследия А.С.Пушкина склонны видеть в двух шаржированных портретах неизвестного мужчины в очках К.В.Нессельроде или А.К.Бошняка, в портрете, данном крупным планом, — Н.С.Мордвинова или Ф.И.Толстого (Американца). То же самое можно сказать и о нижнем портрете, завершающем графическую сюиту. По определению Т.Г.Цявловской, в слегка заштрихованном портрете узнается кишиневский декабрист, приятель Пушкина П.С.Пущин, во время михайловской ссылки Пушкина живший по соседству в своем имении Жадрицы, но избегавший общения с поэтом. Другие авторы видели в этом портрете С.А.Соболевского, одного из близких друзей поэта.³

Столь резкие и даже взаимоисключающие колебания в атрибуции этих портретов не позволяют считать проблему изучения знаменитого л. 37 из ПД 836 исчерпанной.

Имеет смысл еще и еще раз попытаться проследить ход творческой мысли Пушкина, ибо, по глубоко верному утверждению такого тонкого знатока графики, как А.Эфрос, рисунок виселиц и строка связаны между собой «двойным повторением», т. е. движением мысли от текста — к рисункам — от них снова к тексту.⁴

Однако прежде чем обратиться к записям на этом листе, необходимо иметь в виду, что единичный автограф и автограф в составе рабочей тетради — далеко не одно и то же. Последний не может рассматриваться вне общего контекста окружающих его записей, о чем, видимо, следовало бы помнить и исследователям графического наследия Пушкина, и историкам, воспринимающим этот автограф только как документально зафиксированное свидетельство современника трагических событий, что, разумеется, отчасти справедливо, но явно недостаточно, ибо в данном случае перед нами не один лишь рисунок виселицы, а законченная целостная композиция, сочетающая словесный текст с рисунками и портретными набросками, которые, со своей стороны, позволяют проследить, в каком направлении мог развиваться задуманный Пушкиным поэтический отклик на казнь пяти декабристов.

Рабочая тетрадь Пушкина ПД 836. Л. 37

Последовательность творческой работы над этим замыслом представляется в следующем виде. Первой записью на л. 37, как отметил еще А.Эфрос, «была стихотворная незавершенная строчка “И я бы мог как шут на...”».⁵ Исследователь анализировал ее в соответствии с принятым тогда чтением последнего (незаконченного) слова как «на», не предлагая, однако, вариантов ее окончания. Это чтение, восхитившее еще к В.Е.Якушкину, было оспорено Т.Г.Цявловской, предложившей иную расшифровку последнего слова строки: «ви<сеть>» вместо «на», что и принято ныне в пушкиноведении без каких бы то ни было возражений, несмотря на высокий авторитет большого академического собрания сочинений Пушкина, где строчка печаталась в редакции С.А.Венгерова. Не закончив первый стих, Пушкин тут же начал его переделывать, зачеркнув слова «шут ви<сеть>», но оставив незачеркнутым начало сравнительного оборота «как». В таком варианте стихотворная строчка также не сложилась, последовала пауза, обычно заполняемая у Пушкина рисунками и графическими портретными набросками. Так на л. 37 появился первый рисунок виселицы, но, несомненно, сделанный после записи строки, о чем наглядно свидетельствует то, что рисунок виселицы как бы задевает словесную запись: в противном случае между рисунком и записью был бы оставлен пробел.

Продолжая размышлять над трагическими последствиями декабрьской катастрофы, Пушкин вспоминает день 14 декабря 1825 года, о чем свидетельствует появившийся первым на л. 37 и фактически рядом с рисунком виселицы набросок портрета С.П.Трубецкого. Этот несостоявшийся руководитель выступления «мог бы», но, испугавшись, не захотел быть в этот день среди восставших, в отличие от самого поэта, который «мог бы быть» (как следует из его собственных слов, сказанных им Николаю I на аудиенции 8 сентября 1826 года) и наверняка был бы в этот день на Сенатской площади среди «мятежников», если бы судьба не распорядилась иначе. Так появляется серия портретов С.Л.Пушкина. Верхний из них заштрихован, что чаще всего является у Пушкина знаком негативно окрашенных эмоций, с этим лицом связанных. Повторяя несколько раз этот набросок и добиваясь портретного сходства, Пушкин воскрешал в своей памяти свою недавнюю михайловскую ссору с отцом, когда после резких по тону объяснений с родителем, насмерть перепуганным репрессиями по отношению к сыну, он намеревался попросить власти о своем заключении в Петропавловскую крепость и даже о ссылке в Соловки (о чем писал в письме к В.А.Жуковскому — XIII, 116). Вспоминался и дядя В.Л.Пушкин. В пушкинских портретах на л. 37 он выглядит сильно постаревшим. Известно, что поэт посетил его 8 сентября 1826 года сразу же после окончания аудиенции. Неудивительно, что именно в окружении портретов отца и дяди Пушкин еще раз повторяет строку «И я бы мог», разумеется, уже без зачеркнутого выше первоначального сравнения себя с «шутом». Иными словами, «мог бы» разделить судьбу «друзей, товарищей, братьев», если бы не находился в это время в михайловской ссылке и затем, прощенный новым императором, не оказался бы в Москве.

Еще А.Эфрос заметил, что о значении слова «шут» «в том трагическом сопоставлении, какое дал рисунок виселицы, можно только гадать».⁶ Поэтому понимание выражения «как шут» вызывало и до сих пор вызывает острые споры.

Первый комментарий предложил верно прочитавший это слово в рукописи С.А.Венгеров, отметив, что в этом выражении «никакого пренебрежения к декабристам нет», как нет в нем и сравнения повешенных декабристов с шутами. Он подчеркнул, что «повешение недаром считается казнью позорною. Сложить голову на плахе — тут есть нечто героически-красивое, а повешенный именно болтается как шут».⁷

Вл. Боцяновский отнес это выражение к самому Пушкину, который якобы привел это сравнение в укор себе, имея в виду следующее: «Они (декабристы. — Р. И.) висели,

как герои, бившиеся выступать в защиту знамени свободы... А он, стоявший в стороне от этого движения, он, вовлеченный в мятежный водоворот случайно, висел бы среди них, как шут, быть может, даже умаляя их подвиги своим соседством».⁸

Эту точку зрения принял и подкрепил новыми аргументами (ссылкой на пушкинскую заметку о «Графе Нулине», в которой поэт отметил, что шутившая поэма его сочинена 13 и 14 декабря 1825 года) Н.О.Лернер. «Ну, как же, спрашивается, не шут? — патетически восклицал он. — Они вышли умирать, а он шутил, <...> перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией».⁹

Неверное освещение характера взаимоотношений Пушкина с декабристами (отразившееся у Бояновского и Лернера) привело их и к ошибочному истолкованию пушкинской строки, текст которой не дает оснований для сравнения роли поэта в декабристском движении с ролью шута или с осуждением себя за неуместную шутовскую роль в столь трагический для России день. Важным моментом в ее осмыслении стало указание М.А.Цявловского на общеупотребительность выражения «висеть как шут», подкрепленное ссылкой на подобный образ в «Елисее, или Раздраженном Вакхе» В.Майкова.¹⁰

Наблюдение Цявловского было подхвачено и развито Б.П.Городецким, выдвинувшим гипотезу о пушкинской строке как новой вариации поэтической темы, взятой из «Раздраженного Вакха» с мотивом повешенного шута, висящего между богами, который «не сорвется вовек» (последние слова, многозначительно подчеркнутые исследователем, дали ему основание усмотреть якобы содержащийся в этих строках намек на сорвавшихся при повешении К.Ф.Рылеева, С.И.Муравьева-Апостола, П.Г.Каховского). Исследователь устанавливает аналогию между трагестифованными богами Майкова и декабристами: «В этом воспроизведении майковской формулы была своя и значительная закономерность: ведь тот, кто мог быть повешен, висел бы между богами».¹¹ Столь прямолинейное применение шутовских и грубоватых образов майковской поэмы в трагической ситуации казни декабристов не позволяет признать гипотезу Городецкого удачной, хотя самые поиски литературных реминисценций и параллелей характеризуют тенденцию трактовать пушкинскую строку именно как художественный образ.

Очевидно, что зачеркнутое слово «шут» не может быть опорным при толковании пушкинского замысла, так как оно фиксирует лишь первоначальный ход мысли поэта, дает самый ранний вариант строки, сразу же исправленный. Набрасывая ее второй вариант на том же листе (но несколько ниже), Пушкин как бы закрепляет новую ее редакцию, уже без упоминания шута. Об отказе от продолжения замысла в направлении, заданном этим словом, свидетельствуют близкие по теме «весенние» наброски 1827 года («Весна, весна, пора любви...»), «Как бурею пловец...»), в которых, однако, мотив казни «уходит» в подтекст лирического переживания.

От недавних московских впечатлений и воспоминаний о выступлении декабристов на Сенатской площади Пушкин вновь возвращается к картине казни, запечатленной в несколько измененном виде на нижнем рисунке виселицы. А.Эфрос отнес заполнение л. 37 к июлю — августу 1826 года, после получения 24 июля Пушкиным известия о смерти К.Ф.Рылеева, П.И.Пестеля, С.И.Муравьева-Апостола, П.Г.Каховского и М.П.Бестужева-Рюмина, как это следует из зашифрованной записи под текстом элегии на смерть Амалии Ризнич.

Однако в это время в Михайловском Пушкин не знал еще подробностей казни и не мог представить себе общую ее картину с той отчетливостью, которая отразилась в его рисунках, которые могли появиться в тетради ПД 836 лишь после возвращения Пушкина осенью 1826 года в Москву и общения с московскими друзьями. Источники и полный

объем полученной здесь поэтом информации не поддаются исчерпывающему выяснению, однако можно определить приблизительный круг лиц, с которыми Пушкин мог откровенно говорить на интересующую его тему. Такими собеседниками поэта могли быть его старые друзья: П.А.Вяземский, уже знавший «лютые подробности казни», сблизившийся и постоянно общавшийся с Пушкиным в это время С.А.Соболевский, близкий к декабристам и знавший их среду Е.А.Баратынский, сочувствующие им московские любовницы (Д.В.Веневитинов, И.В.Киреевский), а также уцелевшие в «общей буре» (декабрьской катастрофе) лица из числа входивших в общество Семиугольной звезды (например, В.П.Зубков, привлеченный к следствию и на восемь дней ставший узником Петропавловской крепости, с которым Пушкин сошелся в Москве особенно близко) и бывшие «лицейские» — Б.К.Данзас и В.П.Пальчиков; кроме того, в их число мог войти ряд других участников названного выше общества, следы общения с которыми имеются в рукописях поэта.

Однако наиболее важным в плане установления источников сведений Пушкина о казни декабристов явилось знакомство поэта с очевидцем событий 13 июля 1826 года, близким к декабристам офицером Н.В.Путяттой, присутствовавшим при казни декабристов и впоследствии описавшим этот день в своих воспоминаниях, опубликованных значительно позднее. В них сообщалось, например, что виселица сооружалась в его присутствии. Военный инженер по профессии, Н.В.Путята видел и, безусловно, рассказывал Пушкину о расположении виселицы на валу Кронверка Петропавловской крепости и мучительно протекавшем ритуале казни. В своем «Рассказе», предназначенном для печати, он опустил некоторые важные подробности казни (в частности, вторичное повешение сорвавшегося с виселицы Рыльева, Муравьева-Апостола и Каховского), но они легко восстанавливаются из такого рода обмолвок, как «несколько дней сряду я не мог спокойно заснуть. Лишь только мои глаза смыкались, мне представлялась виселица и срывающиеся с нее жертвы».¹²

Дополненные свидетельствами других очевидцев событий 13 июля 1826 года, из которых исходили многие московские собеседники Пушкина, рассказы Н.В.Путяты и легли в основу рисунков на л. 37 ПД 836. Сравнение и сопоставительный их анализ с мемуарным свидетельством Н.В.Путяты и сохранившимися в Центральном историческом архиве Военно-морского флота планами Кронверка Петропавловской крепости привел А.Петрова к выводу, что повторяющиеся вверху и внизу рисунки виселицы фиксируют два различных момента казни (ее начало и конец) и являются «графически точным свидетельством о месте казни декабристов», «историческим документом, так как автор его — современник события и зарисовал место казни по рассказу “из первых рук”. Время создания рисунка очень близко к самому событию».¹³ Последнее утверждение нуждается в уточнении.

Опытный текстолог и великий знаток Пушкина М.А.Цявловский уверенно датировал рисунки и поэтический текст (на л. 37) по их положению в тетради ПД 836 ноябрем 1826 года, т. е. временем михайловской поездки Пушкина. Она была предпринята для завершения записки «О народном воспитании», начатой еще в Москве по официальному заказу Николая I (см. об этом письмо А.Х.Бенкендорфа от 30 сентября 1826 года — XIII, 298). Обосновывая эту датировку, Т.Г.Цявловская несколько сдвинула ее к концу ноября. Но оба исследователя исходили из того, что настоящим контекстом для понимания и осмысления всех записей л. 37 была именно записка «О народном воспитании». В программном по своему характеру документе Пушкин давал масштабный анализ событий только что разразившегося в России политического кризиса и предлагал некоторые пути выхода из исторического тупика, ибо события 14 декабря 1825 года со всей очевиднос-

тью (даже для Николая I) доказали, что так дальше стране жить нельзя, нужны радикальные перемены.

Пушкин отнесся к официальному заказу ответственно и серьезно, предложив новой власти систему мер по устранению самой возможности повторения подобных событий в будущем. Причину мятежа он увидел не в злонамеренных «умыслах» его участников, а в отсутствии в России (не исключая высших классов общества) истинного просвещения. В тексте записки не случайно снова появляется знаменитая формула о казенных и сосланных «друзьях, товарищах, братьях», которых ныне оплакивает вся Россия. Записка к необходимому стране «народном воспитании» по-своему корреспондирует с поэтическим замыслом «И я бы мог», усиливая мысль о причастности самого Пушкина к тем процессам, которые вывели его поколение на Сенатскую площадь, а его сделали изгнанником, поневоле оставшимся в стороне от бурных событий его времени.

При перебеливании черновика записки «О народном воспитании» из ПД 836 в специально сшитую для этой цели тетрадку Пушкин продолжал совершенствовать ее текст и уточнять отдельные формулировки, создавая окончательную редакцию документа (ныне — ПД № 1734). Работа эта велась уже в Михайловском (куда Пушкин приехал 9 ноября) и была завершена 15 ноября 1826 года: этой датой помечен белой автограф записки.¹⁴ Между 9 и 15 ноября, во время одной из возникших в ходе творческой работы пауз, как мы считаем, и был заполнен набросками поэтической строки и рисунками виселиц и портретов лист 37 в тетради ПД 836, которая в эти дни находилась на рабочем столе поэта.¹⁵

Замысел поэтического отклика на казнь декабристов не был реализован Пушкиным осенью 1826 года, хотя, как это следует из нашей статьи, поэт нащупал тогда главную для себя тему сопричастности не только движению декабристов, но и их судьбам, как бы примеряя к себе разные жребии, выпавшие на долю его «друзей, товарищей, братьев». Так, после возвращения в Петербург в конце мая 1827 года и после встреч с А.Дельвигом (еще одним очевидцем казни) Пушкин (и на этот раз в другой рабочей тетради ПД 833, той самой, где находится черновик стихотворения «Арион») на л. 78об. снова записывает строку «И я бы мог» (во второй ее редакции), имея на этот раз в виду, условно говоря, возможный для себя «тургеневский» вариант судьбы декабриста (т. е. политического эмигранта Н.И.Тургенева), не менее мучительный, чем каторга или ссылка, — так как он означал гражданскую смерть осужденного. Как известно, Пушкин дважды замыслил побег из России — в Одессе и в Михайловском, и после 14 декабря он мог бы также оказаться политическим эмигрантом.

Примечания

¹ Впервые с неправильным прочтением «тут» вместо «шут» запись опубликована В.Е.Якушкиным (см.: Рус. старина. 1884. Июнь. С. 550).

² Лист 37 ПД 836 впервые воспроизведен С.А.Венгеровым, давшим правильное чтение слова «шут». См.: Пушкин. [Сочинения]/Под ред. С.А.Венгера. Т. 2. СПб., 1908. С. 529.

³ См. подробнее: Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. № 144, 529, 498, 627, 790, 672, 773.

⁴ Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933. С. 358—359.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 358.

⁷ Пушкин. [Сочинения]/Под ред. С.А.Венгера. Т. 2. С. 530.

⁸ Боцяновский В.Ф. Пушкин и декабристы//Вестник лит. 1921. № 2. С. 8—9.

⁹ Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 208.

¹⁰ Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 160.

¹¹ Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 370.

¹² Рус. архив. 1881. Кн. 2. № 2. С. 344.

¹³ Петров А. Штрихи ложились на бумагу: Рисунок Пушкина прочтен//Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России». 1969. 30 мая — 6 июня. С. 18.

¹⁴ См.: Измайлов Н.В. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании»//Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967. С. 5—20.

¹⁵ Мне не раз приходилось писать о времени появления в тетради Пушкина знаменитых рисунков виселиц декабристов. В статье «К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.» (см.: Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. М.; Л., 1983. С. 95) я присоединилась к мнению Т.Г.Цявловской, датирующей записи л.37 (в моей статье он дан по жандармской нумерации как л. 38) — второй половиной (не позднее 22) ноября 1826 года. Эта дата была уточнена мною в статье «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836. История заполнения» с подробным обоснованием этой датировки по положению в тетради (см.: Там же. Т. 14. М.; Л., 1991. С. 141—142). Предложенная мною датировка, как и данная ранее Т.Г.Цявловской, была оспорена Г.Невелевым в монографии «Истина сильнее царя», в которой в свете выдвинутой им концепции о задуманной Пушкиным и осуществлявшейся уже в сентябре — октябре 1826 года истории декабристского движения исследователь этими месяцами датировал и создание рисунков виселиц, полностью изолировав их как от стихотворной строки «И я бы мог...», так и от контекста тетради в целом. Не приведя ни одного текстологического аргумента, он попросту отменил датировку, данную Т.Г.Цявловской и поддержанную мной, как якобы несостоятельную. В самих же рисунках он увидел лишь некий исторический документ, претендующий на абсолютную точность в воспроизведении ритуала казни, и даже сумел заметить портретное сходство условных фигур на виселице с конкретными образами казненных. Для осмысления характера и назначения этих рисунков исследователь поместил их в специально сконструированный и расширенный им контекст московского окружения Пушкина, отведя ему роль собирателя сведений о казни из самых различных источников, в том числе и восходящих к А.Х.Бенкендорфу, «под носом» которого только что прощенный поэт открыто вел далеко не безопасные разговоры; согласно Г.А.Невелеву, по полученной от случайных для Пушкина лиц информации (среди которых затерялся Н.В.Путята) поэт составил своего рода графический отчет о казни (см.: Невелев Г.А. «Истина сильнее царя...»: А.С. Пушкин в работе над историей декабристов. М., 1985. С. 95—97).

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ

Т.Г.Александрова

ПИСЬМА СЕСТЕР ШЕЛАШНИКОВЫХ
(Из архива Всероссийского музея
А.С.Пушкина)

Недавно нами были опубликованы несколько фрагментов из хранящихся в архиве Всероссийского музея А.С.Пушкина писем сестер Шелашниковых, адресованных их подруге Евгении Захаровне Ворониной в Самару.¹

Имя Е.З.Ворониной известно в пушкиноведении с 1899 года, когда Л.Н.Майков напечатал ее письмо от 26 ноября 1833 года из Оренбурга,² где Воронина в течение трех месяцев гостила у своих подруг.

18—20 сентября в Оренбурге останавливался А.С.Пушкин во время своего путешествия по пугачевским местам. В письме оттуда 25 сентября 1833 года Воронина сообщила: «Пушкина мы уже не застали здесь: он уехал накануне нашего приезда. Цель его путешествия — собрать сведения о Пугачеве, которого историю он намеревается писать. Верстах в семи от Оренбурга есть деревня Берды, где живет одна старуха, которая знает много подробностей о Пугачеве, и Пушкин ездил туда ее расспрашивать. Она рассказывала ему много любопытного и даже пела ему несколько пугачевских песен».³

Рассказы о Пушкине Воронина могла слышать и от губернатора В.А.Перовского, и от В.И.Даля, которые были частыми гостями в доме Шелашниковых. Будучи поклонницей Пушкина, Евгения Захаровна не только с интересом слушала эти рассказы, но даже, вслед за Пушкиным, предприняла поездку в станицу Берды (вместе с подругами и их отцом П.И.Шелашниковым) к той самой старой казачке, у которой за два месяца до этого побывал Пушкин; она выслушала ее рассказы и о Пугачеве, и о Пушкине, так испугавшем старуху своими длинными ногтями и подаренным золотым. Именно описанию этой поездки и посвящено ее письмо, опубликованное Майковым. Правда, он ошибочно назвал Воронину «молодой москвичкой, проживавшей в Оренбурге в 1833 году».⁴

Письмо это Майков получил от родной сестры Евгении Захаровны Веры Ворониной. По совету Майкова она предложила еще ряд писем в «Русский архив», и в 1902 году девять писем Е.З.Ворониной из Оренбурга за период с 25 сентября по 26 ноября 1833 года были опубликованы П.И.Бартеневым.⁵ Эти письма давно вошли в научный оборот, используются в исследованиях, посвященных работе Пушкина над историей восстания Пугачева и его поездке в Оренбург. Отрывки из них приводит даже В.В.Вересаев в своей известной книге «Пушкин в жизни».

В 1984 году Всероссийский музей А.С.Пушкина приобрел от внучки Е.А.Опочинина Е.М.Гремяцкой архив Е.З.Ворониной, содержащий адресованные ей 277 писем. Все письма пронумерованы и разложены по корреспондентам самой Ворониной. Поступили они в музей в папках с экслибрисом Опочинина. На некоторых письмах есть его карандашные пометы. По материалам этого архива им была опубликована статья, посвящен-

ная одной из старинных подмосковных усадеб, которой в 1830-е годы владели Шелашниковы и подробное описание которой дано в их письмах.⁶

По сообщению Е. М. Гремяцкой, ее мать, филолог, занималась письмами Шелашниковых, мечтала их опубликовать, и в этом ее поддерживали Цявловские. Однако война помешала осуществлению этих планов.

Среди корреспондентов Ворониной письма Шелашниковых, охватывающие период с 1830 по 1844 годы, действительно представляют наибольший интерес. До 1838 года сестры писали вместе, обычно посылая два письма в одном конверте. Когда же младшая, Аделаида, вышла замуж, то переписку стала поддерживать только Софья, но тоже только до своего замужества и отъезда в 1844 году к мужу, барону Максимилиану Гюндерроде, во Франкфурт-на-Майне.

В предисловии к публикации в «Русском архиве» Вера Воронина сообщает о сестрах Шелашниковых: «Старшая из них, Софья Петровна, была чрезвычайно красива; вторая, Аделаида Петровна, была не так хороша, но жива и остроумна. Обе они были очень умные и образованные девушки».⁷

Софья (неизв.) и Аделаида (1817—1895) — дочери камергера, богатого откупщика Петра Ивановича Шелашникова, имевшего откупа в Симбирской и Петербургской губерниях. Детство сестер прошло в Москве; впоследствии, в связи со служебными делами отца, семья переехала в Оренбург; в 1835 году Шелашниковы ненадолго приехали в Петербург, а в 1836-м — вновь возвратились в Москву.

Письма сестер, адресованные Ворониной, весьма пространны — много места в них занимают многословные уверения в чувствах, которые они питают к подруге, воспоминания о днях, проведенных вместе, рассказы о болезнях «маминьки», о приездах родственников и т. д.

Мы публикуем фрагменты их писем, относящиеся к петербургскому и московскому периодам жизни семьи Шелашниковых. В публикации сохранено своеобразное написание некоторых слов, обороты речи, не всегда грамматически правильные, особенно в очень эмоциональных письмах Аделаиды.

Юных девушек, приехавших из провинции, привлекает многое — первые выезды в свет, балы, посещение театров, гуляний, новые знакомства. Они живо и непосредственно описывают события своей повседневной жизни. Письма интересны именно бытовыми подробностями жизни дворянской семьи 1830-х годов.

Извлечения из писем

В Петербург мы приехали осьмого октября, братья нас встретили на последней станции, что нас вовсе не удивило, потому что мы того ожидали. Радость при свидании была чрезмерна, но в Петербург я въехала прехладнокровно, преравнодушно, ни разу даже сердце не сжалось, даже удары его не усилились, будто я въезжала на станцию, и это состояние равнодушия продолжается и до днесь, бывают минуты, что я забываю совершенно, что нахожусь в шумной столице России, а как будто и не выезжала из Исаков.⁸

16 октября 1835.

Аделаида.

Дом у нас большой, гостиные комнаты прекрасные, одна зала не хороша, наша комната на углу, в стороне, разделена надвое большими стеклянными шкафами, одна половина служит нам спальней, другая кабинетом. Диван из красного дерева, перед ним круглый стол,

зеркало на стене, два столика с вещами и стулья, вот убранство нашего маленького кабинета. Прочие комнаты я вам опишу, когда они будут совсем убраны, мы нашли дом не в совершенном устройстве, и до сих пор нездоровье папильки не допускало привести все в порядок. Если я вам пишу о таких безделицах, то вы сами в том виноваты, милая Евгения Захаровна, помните ли вы, как вы меня упрекали в том, что я не писала вам о всех подробностях, вы хотели знать устройство, убранство комнат, вы говорили, что воображение представит вам существенность — и я теперь исполняю ваше прежнее желание.

16 октября 1835.
Софья.

***

Постараюсь рассеять вас сообщением препровождения нашего времени: мы начинаем понемногу пользоваться удовольствиями Петербурга, мы абонировались во французский театр на сто спектаклей и потому вправе ездить туда три раза в неделю; только я не всегда провожу время приятно, иногда, случается, и очень скучаешь, а все-таки едешь, чтоб только видеть общество, потом скоро начнутся гулянья на Невском, мы сшили себе капоты из турецкого атласа, зеленые, приятного цвета. <...>

Визитов мы еще не делали, а уже многие ищут нашего знакомства, многие пеняли папильке, что он до сих пор не познакомил с ними детей своих, и в нынешний четверг, это будет послезавтра, мы должны будем ехать к Строгановой,⁹ Щербатовой, что была Апраксина,¹⁰ к Протасовой, к Толстой и Танеевой, той самой, что родственница Дурасова,¹¹ хоть она и не первого круга, но по родству, по старинным связям мы должны быть с ними знакомы, к тому же Танеев¹² теперь в случае. У них всякую субботу вечера танцевальные, иногда можно повеселиться.

Помните ли, что раз на водах¹³ я бредила петербургскими балами, блестящими, пышными, и обещала описать вам то ощущение, которое наполнять будет мое сердце при бальном платье и накануне самого бала, первого, мной посещаемого, говорила я. Время это наступило: на днях, 11 числа, я буду на балу у княгини Woldemar Голицын,¹⁴ самом пышном, самом этикетном во всем Петербурге. Ну что ж, как вы полагаете? ведь я мыслю о нем прехладнокровно и мыслю только в то время, как заказываю будущий туалет свой, в другое время я забываю о нем совершенно и, по правде, не много желаю быть на нем, потому что заранее я знаю, что найду там скуку в удел и иначе быть не может и ожидать нельзя; знакомых у меня почти никого нет, я буду на этом балу как посреди антиподов, танцевать по той же причине не стану, говорить не с кем, а не ехать было бы еще хуже, непременно надо показаться на этом балу, чтоб придать себе больше весу, знаю, что стану скучать, а все поеду.

Послушайте — вот было забыла вам о том сказать — литературный мир потерял одного из ревностнейших членов своих, графа Хвостова,¹⁵ он скончался, бедный старичок, к удовольствию эпитафистов и тех, которых он морил своими эклогами, какой-то остряк сложил про него *bon-mot*: «Il ronge les vers maintenant les vers le rongent».¹⁶

Кстати о литературе: ознакомились ли вы с стихотворениями Бенедиктова,¹⁷ о них идет большая слава здесь, их ставят выше всех современных стихотворений.

Adieu, я не занимаюсь ни музыкой, ни словесностью, даже и ни книгами, нет времени для занятий, совершенно нет, а между тем я еще не выезжаю, всегда почти дома, Петербург — мастер убивать время так незаметно, что и не оглянешься, не почувствуешь, право, нигде время так быстро не летит, как здесь.

6 ноября 1835.
Аделаида.

***

В последнем письме моем я вам, кажется, говорила, что мы собирались на раут к княгине Голицыной; о, какой дрянной вечер это был, дам было не более двадцати, мужчин не более десяти, хозяйки были в смущении, не зная, как занять гостей, но я — я довольно приятно провела этот вечер, потому что мы пробыли не более часу и что большая часть хозяек были с нами, но недавно, а именно 23 числа сего месяца, мы были на большом балу у княгини Щербатовой, одной из внучек княгини Голицыной. Бал был блестящий, народу до 200 человек, теснота порядочная, потому что здесь, в Петербурге, не то что в провинции или Москве, редко найдешь в доме большую залу, об них и не заботятся, в гостиной и танцуют, и принимают утренние визиты, зала вообще узка, длинна, она назначена для обедов или ужинов. Есть многие дома, где дают большие балы, где назначены дни для вечеров и где гостиная не больше нашей, что в Исаклах, вы тогда можете себе представить тесноту, царствующую на большом балу, где около 200 или 300 людей. На таком-то балу случилось быть и нам, и из всех людей мы знали только хозяйку и двоих кузин ее Протасову и Долгорукую, которые были заняты танцами. Поскучали мы препорядочно, это правда, но зато блеск свечей, шум танцующих и разнообразие незнакомых лиц имело в глазах моих свою привлекательность, картина эта была для меня совершенно новая, да и положение — быть на балу, как будто у антиподов, было совершенно новое для меня, новизна же всегда приятна бывает.

У Танеевых мы еще не были, но на нынешнюю субботу непременно будем, если встречу на этом вечере что-либо примечательное, то непременно опишу вам с будущей почтой. Тут нам, верно, будет менее скучно, потому что найдем более знакомых, да и вечер-то не такой чопорный.

Хотя мы ведем жизнь самую уединенную, самую семейную, но иногда, раз или два в неделю, заходят к нам отобедать то тот, то другой старинный приятель папильки. В числе этого малого числа приятелей есть некто Сверчков,¹⁸ который стоит особенного внимания господам физиологам, подобно вам и мне. Этот Сверчков есть отрасль старинного дворянского дома, играющего некогда не последнюю роль, брат его, женатый на графине Гурьевой, дочери бывшего министра, был посланником при каком-то дворе,¹⁹ родство его большое, громкое, знатное,— но он сам, он ничего не значит и, однако ж, значит многое. Он человек совершенно оригинальный *tant au physique qu'ou morale*,²⁰ начиная с самой персоны его вы открываете тысячу странностей: он не высок, худ, смугл и очень дурен, волосы его черные, курчавые, лоб бел (теперь уже в морщинах), одной формы со лбом Зана,²¹ такие же взлизы, так же крут, вообще он много напоминает нашего степного мудреца; приемы Сверчкова во Франции нашли бы название *anguleux*,²² здесь им дали имя *смешных*, со всем тем он любимец дам и их всепокорный слуга, он даже обрек себя на услужение прекрасного пола, странное дело, он бросил службу, остался холостым, не завелся семейством, все для них, чтобы быть более свободным угождать их капризам. Он объехал весь свет, видел все чудеса мира, ознакомился со всеми столицами Европы — все без денег, сопровождая дам, угождая им и делаясь их чичероне во все время путешествия. Теперь он уже не так молод, но все еще не оставляет прежних привычек и за то любим обществом, как лучшее его украшение; и в самом деле, как он занимателен, как забавен, один только порок им владеет, порок — ненавистный в другом, но в нем и самый порок имеет свою привлекательность — это есть болтовство: вообразите, что он может говорить часа четыре сряду, не умолкая, не уставая, не теряя своей любезности, не надоедая слушательницам, не правда ли, что это редкость?

Не надоела ли я вам этим длинным описанием человека, которого вы никогда не знали и которого, быть может, никогда знать не будете? pardon, я так люблю *беседовать* с вами, что забываю расстояние, которое разлучает нас и которое запрещает введение подобных мелочей в письмо; в глаза, в разговоре позволено иногда надоедать друзьям, но на бумаге — это не деликатно.

Про какое *Живописное обозрение*²³ спрашиваете вы нас, мы о том ничего не знаем, но если хотите, чтоб мы о том провели посерьезней, то опишите нам, где надобно спросить об этом *Обозрении*, и мы приложим все старание исполнить ваше желание.

В глуши, в скуке с какою алчностью хватаешься каждого уведомления, с какою доверенностью внимаешь публикациям журналов, но в столице, где что шаг — то новизна, что день — то перемена, в столице пропускаешь мимо ушей все, что наполняет газеты, которые по большей части и сделаны для внутри империи. Здесь вот о чем много толкуют, вот что делает большой шум: сочинения Бенедиктова, роман госпожи Gyirardin «*Le marquis de Pontanges*»,²⁴ речь, говоренная государем в царстве Польском и напечатанная в иностранных газетах,²⁵ новоявившийся кабинет каких-то достопримечательностей, падение танцовщицы Пейсард из форточки на балкон второго яруса и, наконец, свадьба и бал архитектора Монферана.²⁶ К этому присоединяется еще тысяча мелочей менее публичных.

27 ноября 1835.

Аделаида.

Тебе не наскучило описание нашего дома, так я стану его продолжать.

Вообрази себе большой дом, подъезд на улице, широкое каменное крыльцо, вместо передней Официантская, где сидят люди, с стульями и столами из красного дерева, с красивой комодой и люстрами. Налево зала, которую мы превратили в столовую, дальше буфеты. Направо же маленькая гостиная со вделанным в стене огромным зеркалом, которое отражает всю анфиладу комнат и представляет будто еще ряд покоев, тут диван, рояль и один заповедный уголок в виде беседки, окруженный зеленью и который возвышается от комнаты одной ступенью, покрытый ковром, это наш рабочий уголок, там особенные стулья *à la kiaking* и маленький соломенный столик. Дальше большая приемная с пунцовыми обоями с золотом, с двумя мраморными каминами, перед которыми стоят большие пунцовые экраны; с бронзами, с вазами, с зеркалами и с мебелью, покрытой пунцовым атласом, шитым шелками, потом кабинет папюльки в виде будуара, прекрасно убран *avec de jolies riens*,²⁷ тут мы обыкновенно сидим, когда в семействе, что, впрочем, случается очень часто, и мы видим редко у себя гостей. В кабинете есть прекрасные ширмы сестриной работы по канве и которые она подарила папюлке. Далее идут жилые комнаты, и наше отделение я уже тебе описала. <...>

Мы абонированы во французском театре, можем ездить три раза в неделю, но иногда мы уступаем ложу кузинам, каждый раз надоедает ездить. Мои соседи в театре — раз Пушкин (автор) с женой и сестрами,²⁸ а другой раз какой-то посланник со свитой. О! как разочаровывает вид этого любимого нашего автора, помнишь ли, *chère amie*, в какой идеал мы его облекали, с каким желанием надеялись мы его видеть в Оренбурге. Хоть бы только взглянуть — говорили мы, и что же, теперь я его вижу каждую неделю и, признаюсь, нахожу, он имеет необыкновенное сходство с обезьяной, нет и следа в чертах его той возвышенной мечты, того гармонического таланта, которые так очаровательны в его поэмах. Даже в разговоре его, который я каждый раз слышу очень явственно, не заметна та колкая любезность, которая его так прославила; он каждому дает свои эпитеты в парте-

ре, но они скорее походят на названия, которые мы, бывало, давали всем нашим знакомым и за которые рара величал нас школьницами.

Мы были на одном парадном бале, где находился великий князь Михаил Павлович,²⁹ он целый вечер стоял и смотрел на танцующих. Толпа была многочисленная, но у нас из дам было несколько знакомых, а из кавалеров никого, почему мы и немного танцевали, да притом мы не оставались там долгое время, сестра³⁰ во весь тот день нехорошо себя чувствовала и поехала на бал только из снисхождения к нам, но не могла долго оставаться. Мы были одеты в голубых газовых платьях с цветами и с голубыми цветами на голове.

<...>

Мы иногда гуляем пешком по Невскому проспекту, и, несмотря на сильные морозы, в одних ватюшных капотах, и, вообрази, вместо простуды, которой я была так подвержена, я, напротив того, чувствую себя гораздо крепче и здоровей. Вот и правда, что чем более бережешь <себя>, тем хуже.

Надобно же тебе сказать что-нибудь и об модах. Для вечеров носят на голове золотые тесемочки с камешком посредине или также волосяные тесемочки с камешком. Ты можешь это себе сделать, и оно будет к тебе идти, я уверена. Платья носят и с мысами, и с кушаками, кто как хочет. Газы на шее в большом употреблении. Еще носят на шее для вечеров вместо ожерелья черную бархотку, ширины в палец, из нее делают по два банта на каждой стороне, а посредине висит камешек, который обыкновенно берется из серьги.

27 ноября 1835.

Софья.

***

Рара имеет намерение поселиться в Москве, он покупает по этому случаю преледную подмосковную, в 17 верстах от Москвы, по дороге в Симбирск, всякий раз проезжая мимо, он любовался этой деревней и завидовал счастью ее владельца, она принадлежала Нарышкину, который, как говорили, намерен никогда с нею не расставаться, а теперь вдруг, неизвестно по какому случаю, она продается, цена ей 300 тысяч рублей, вы можете судить по цене о драгоценности этой деревни, рара при получении известия о ее продаже ни минуты не задумался, а тотчас же поскакал в Москву, где находится и теперь, но письма от него мы еще не получали и потому не знаем наверное, купил ли он эту деревню или нет. Если покупка эта состоится, то мы оснуемся в Москве и превратимся в московских жителей, если ж нет, то мы останемся верны Оренбургскому краю, и то, и другое довольно неприятно, и потому я еще не знаю, чего желать лучше. <...>

В прошедшее воскресенье, 15 декабря, мы были в Благородном собрании, вновь учрежденном, вы, я думаю, много уже слыхали об этом новом заведении, мы, как Действительные члены, имели право быть на первом дебюте этих балов и воспользовались им не мешкая. Газеты, верно, не пропустят случая прокричать по всей Руси про великолепность этого бала, и вы, когда прочтете какое-нибудь из этих описаний, то верьте ему во всем, потому что описание, как бы чрезмерно оно ни было, верно, не превзойдет существенности. На этом бале было столько блестящего, столько прекрасного, столько изящного, что воображение, как ни пылко, как ни живо оно бы ни было, никогда не в состоянии будет составить себе такого стройного целого, как картина этого бала. Тут находилось все лучшее общество Петербурга, тут царствовала вся изящность нынешнего вкуса, все великолепие времен Людовика и все богатство, разграбленное у американцев, прибавьте к тому присутствие царской фамилии и всего двора и тогда представьте

себе обширнейшую залу целого Петербурга, вмещающую в себя 600 разряженных блестящих дам и столько же или более мужчин, все в придворных мундирах, в чулках, башмаках, облитых золотом. Одного жаль, теснота была чрезмерная и не позволяла вполне наслаждаться прелестию этой картины, большая часть дам возвратились с измятыми, разорванными платьями, в том числе и наша Софья Петровна. <...>

Вопрос ваш касался Танеевых, неужели вы их не знаете, неужели не слыхали об них от Дурасова, что до меня, то я, не видав, уже знакома была с ними; Танесвы — близкие родственники Николай Николаевича, люди не высшего общества, но известные при дворе, он сам человек с весом, то есть не последний в мнении Государя, место он занимает важное, штатс-секретаря в собственном кабинете Государя, он человек умный, степенный, важный и вместе с тем приятный; жена его хотя урожденная Бибикова, но чрезвычайно пахнет немчиной, я не люблю ее, впрочем, она женщина предобрая и в молодости слыла красавицей, она первая сожгла пламень любви в сердце папильки. Дочь их существо премаленькое, премиленькое и совершенно очаровательное, она до того хороша, до того мила, что не любить ее невозможно, к миловидности она еще соединяет ум обширный, острый, обогащенный познаниями, и душу, о! она, верно, имеет пылкую, горячую душу. Что, довольны ли вы моим описанием? не скучаете ли длиннотою письма моего? <...>

Вышел в свет новый роман: Князь Скопин-Шуйский,³¹ но я еще ничего о нем не знаю. Русский театр ежедневно обогащается новыми пьесами, нынче дают в первый раз *Возмущение в Серале*,³² балет, переведенный с французского. Il a fait fureur a Paris,³³ здесь об нем не менее кричат, но он был под строгим рассмотрением цензуры и явился на русский театр с большим изменением.

18 декабря 1835.

Аделаида.

***

Подмосковную, о которой я вам писала в последнем письме моем, рара уже купил, но что хлопот и трудов стоило ему совершение купчей, не то чтоб со стороны Правительства, но со стороны хозяйки, Нарышкиной, женщины вроде Лиз<аветы> Алек. Боченталь.³⁴ Ее подбили *добрые люди*, твердя о дешевизне продажи (потому что в самом деле рара купил ее чрезвычайно дешево), она и заупрямься — не подписываю, да и только. К счастью, рара имел письмо от Нарышкина, где он принимал условия папильки на покупку имения. С таким очевидцем в руках и умом, подобным папилькиному, в голове, кто не сладил бы с бабой и ее капризами, конец всему был, что деревня Пехра осталась за папилькою. <...>

Русской театр видимо обогащается: Роберт³⁵ дал основу его славе, теперь она шагает быстро, недавно появились две пьесы, одна — драма Виктора Гюго: Анжело, переведенная под именем *Венецианская актриса*, и вторая, балет *Восстание в Серале*, переведенная также с французского. Последняя пьеса fait fureur,³⁶ Государь Император не пропускает ни одного представления, он даже присутствовал при репетициях. Сюжет пьесы вы прочтете в любой газете или журнале, но я вам скажу, что эта пьеса подвергалась перед появлением на свет русской строжайшему рассмотрению цензуры и в ней много, много сокращено, пропущено и переменено. Ожидала публика, что также исключена будет сцена купальни, когда жены султана выходят из ванн, но ошиблись, и не исключили, хотя поправили тем, что накинули газы на актрис и протянули кисею во время выхода из ванн, но это мало помогает, и мы от этого не увидим балета, c'est trop indécent.³⁷ Литературная часть не подарила нас еще ничем

на новый год. Журналы остались почти все те же, кроме детских. Вы читали *Постоялый двор*,³⁸ это довольно хороший роман, ожидали новую фантазию Кукольника *Елизавета Кульман*, но я еще ничего о ней не слыхала, впрочем, она, быть может, и вышла уже из печати.

10 января 1836.

Аделаида.

Ты, верно, получила последнее письмо Адели, chère Eugénie, и неужели тебя не удивит то, что от меня к тебе нет ни единой строки? Что подумала ты в первую минуту, и не пришла ли к тебе мысль, что это раg négligence?³⁹ О! тогда было бы непрослительно с твоей стороны — одно может только помешать мне писать, и это — болезнь. Так и было со мной. Надо тебе сказать, что здесь учреждены вновь Благородные собрания, где бывает вся царская семья и потому и весь двор. Первый дебют был 15 декабря, и мы также поехали с сестрой, потому что маминька все больна и покуда не выезжает. Теснота была ужасная, и вместо удовольствия нас затолкали до полусмерти, мое платье было изорвано в клочки, меня раз зацепил за рукав какой-то адъютант своим крестом, натурально орденским, и стал прехладнокровно его распутывать, и мне пришлось стоять смиренно и смотреть, как он трудится с моим рукавом, а без того он бы оторвал его совершенно, что, впрочем, и случилось впоследствии, другой раз за тот же самый несчастный рукав запутался своей звездой генерал, и этот не был так учтив, как первый, он без пощады его отдернул. Притом еще у меня откололась прическа, и по невозможности оставаться на бале с растрепанной головой и оторванным рукавом мы принуждены были рано уехать домой. Тут я сильно простудилась и целой неделей страданья заплатила за удовольствие видеть весь блеск двора и рвать свои рукава. <...>

Но принимаюсь опять за несчастную судьбу нашу. Едва воротился папинька, как на другой же день занемог и более двух недель лежал в постеле. Вообрази себе, было ли нам до чего во время его болезни, мы ни на минуту не отходили от его постели и таким образом провели все праздники. Вот были и в столице, а не веселей их провели деревенского. Уж, видно, нас преследует рок и не хочет, чтоб мы познали удовольствия. Поверишь ли ты, в продолжение 3 месяцев, как мы находимся в Петербурге, я только была на 4 танцевальных вечерах, и у себя почти никого не принимаем. А кого ни спросишь, здесь никого из других нет, которые бы всякий день или, по крайней мере, три раза в неделю не бываю на балах. Теперь более 4 недель, как мы сидим все дома, разве только иногда в театр ездим.

10 января 1836.

Софья.

***

Chère amie, вот наступила уже и масленица, эта неделя буйных веселий, и тем более без границ предаются ее удовольствиям, что так скоро и внезапно находит преграда всем веселиям, и вместо той упоительной живости и шумного разнообразия и беспрестанного кружения голов, которые наносит нам эта неутомная неделя, вдруг наступает какое-то мрачное безмолвие, все стихает, все уныло, один протяжный звон колоколов заменяет радостные клики, будто горе объяло всю природу, и даже не остаются следы удовольствий, разве бледность и усталость на утомленных лицах. Это чудный переход, но надобно быть в столице, чтобы вполне его ощутить.

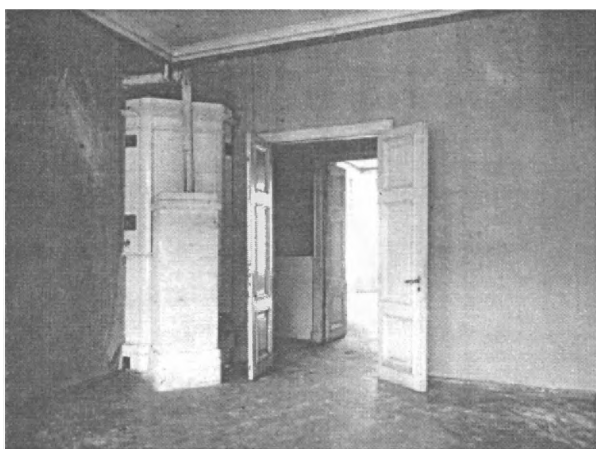
И.Е. Великопольский.
Автопортрет. 1823.
Бумага, тушь. Фото 1928.
Литературный музей
ИРЛИ. Местонахождение
оригинала неизвестно

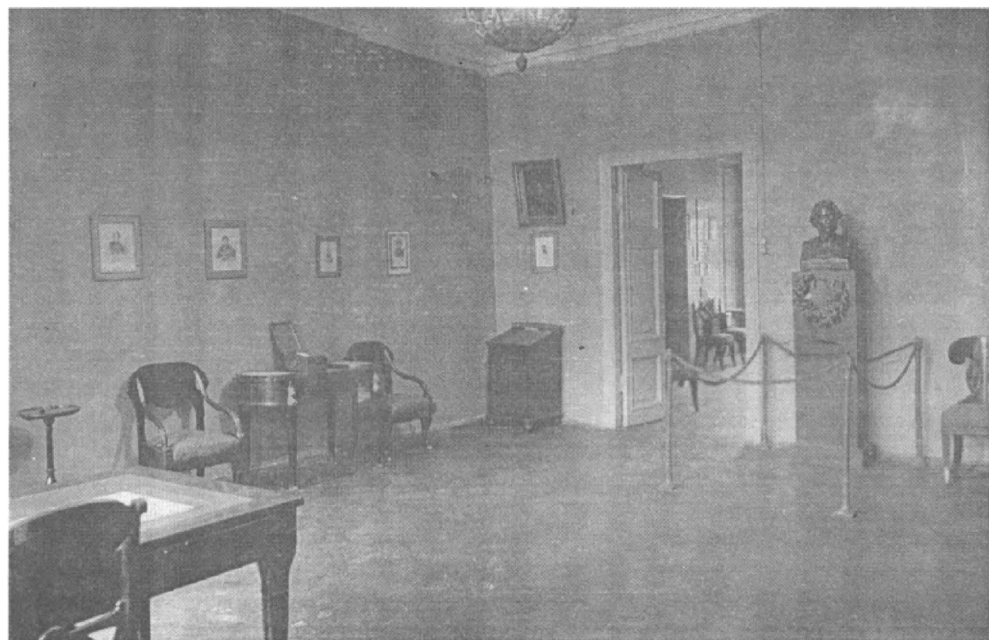
Джозеф Райт из Дерби (1734–1797). Планетарий. 1764–1766.
Городской музей г. Дерби, Великобритания

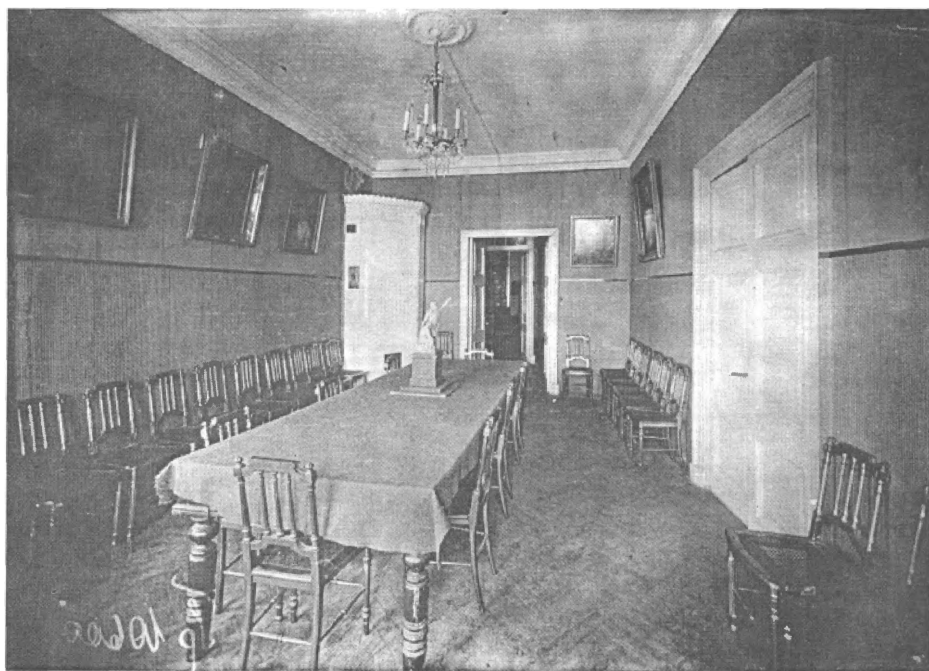
**Михаил Дмитриевич
Беляев (1884–1955). Фото.
1930–1940-е годы.
Всероссийский музей А.С.
Пушкина**

**Бывший кабинет А.С. Пушкина до начала
косметического ремонта. Фото. Осень 1924.
Всероссийский музей А. С. Пушкина**

**Бывший кабинет А.С. Пушкина. Первая музейная экспозиция. Фото 1925.
Всероссийский музей А.С. Пушкина**

Комната для научных заседаний, оборудованная в бывшей спальне Н.Н. Пушкиной. Фото 1924–1926. Всероссийский музей А.С. Пушкина.

Участники первого памятного собрания в бывшей квартире А.С. Пушкина. Фото. 10 февраля 1925. Всероссийский музей А.С. Пушкина.

Д.М. Соболевский. Портрет членов общества «Семиконечной звезды».
Бумага, акв., цв. кар. 1825. Всероссийский музей А.С. Пушкина

С.П. Колошина. Дагерротип.
1860-е. Государственный
Литературный музей
Л.Н. Толстого

**Надгробие А.Г. Колошиной на Новодевичьем кладбище (Москва).
Современное фото**

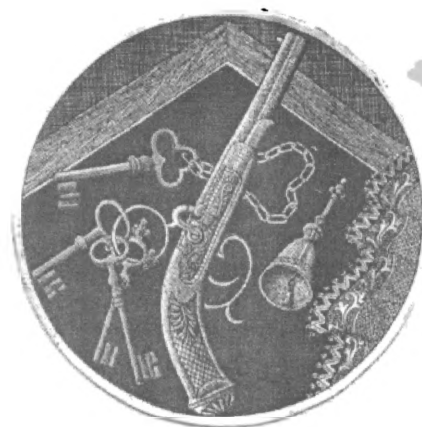
**Надгробие П.И. Колошина на Новодевичьем кладбище (Москва).
Современное фото**

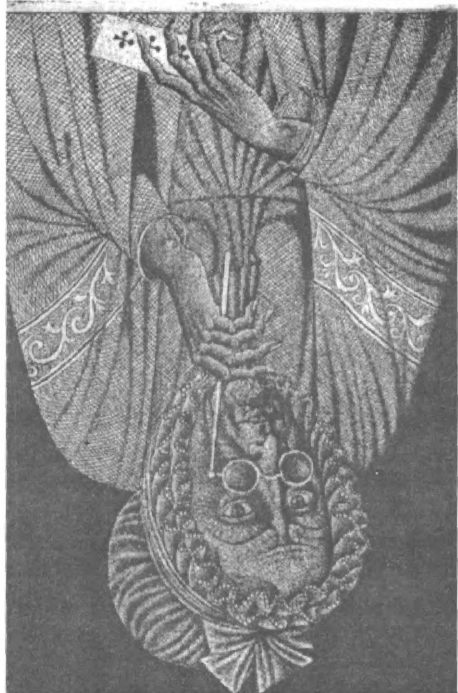
В. А. Мишин. «Пиковая дама».
Полосная иллюстрация к первой главе, офорт

В. А. Мишин. «Пиковая дама». Заставка к шестой главе

В. А. Мишин. «Пиковая дама». Заставка к четвертой главе

В. А. Мишин. «Пиковая дама». Иллюстрация к третьей главе

В.С. Вильнер. Серия «Всадник».
Всадник. 59 x 44. 1973.

*В.С. Вильнер. Серия «По мотивам
«Пиковой дамы»».*
Возвращение. 63,5 x 47. 1993.

В.С. Вильнер в мастерской.
Современное фото.

Петербург теперь беснуется — несмотря на ужасное происшествие, ознаменовавшее начало праздников, — ты, верно, скоро его прочтешь в газетах, оно уже напечатано, и вчера нам принесли эту статью, но так как новости доходят к вам позже, то я и берусь тебе описать несчастный этот случай. Он составляет теперь единственные толки города. В начале это происшествие потрясло все умы, но непродолжительные ощущения в столицах, здесь все мгновенно, один эгоизм бессмертен. Так после минутного потрясения все тотчас же принялись за свои удовольствия, и чувство заменилось разговорами или рассказами. Ты, верно, *chère amie*, помнишь, как мы тебе рассказывали, что здесь в большом употреблении по недельным праздникам ходить по балаганам смотреть фарсы паясов. Между ними уже несколько лет прославился один, по имени Леман,⁴⁰ и в самом деле приятно было видеть его представленье, даже лучшее общество его посещало. В последнее воскресенье, первый день праздников, в 4 часа пополудни собралось к нему в балаган 400 человек, из которых большею частью были из простого народа. Перед самым представлением загорелся балаган, за кулисами, начали его тушить, не объявляя зрителям, но когда увидали, что огонь увеличивается, то подняли занавес, и пожар явился всем взорам. Страх объял всех, иные бросились к дверям, которых, впрочем, только двое, и те премаленькие, некоторые даже уверяют, что одни были заперты, и потому одна только дверь могла служить выходом, но, впрочем, рассказы, как обыкновенно, различные — одно достоверно, что чрезвычайно много народу сгорело. Трупов найдено было 126, с 15 полуживых было вытащено, многие помешались, и многие получили по несколько обжог, говорят, что найдено много костей и потому нельзя наверное узнать число сгоревших. Но кажется, большею частью были тут дети, и сколько семейств осталось теперь бездетными, рассказы, которые беспрестанно слышишь, ужаснее одни других. Уверяют, что найдена была генеральская эполета между сгоревшими и три сабли. Из кадетов сгорели с 20 детей. Это происшествие всех поразило и очень опечалило нашего Государя. В тот самый вечер в Собрании собрано было в 1/2 часа 20000 рублей для несчастных семейств, пострадавших в этот бедственный день. Император сам был на пожаре и содействовал к спасению горевших. На другой день служили всем собором панихиду по сгоревшим, и Государь, и наследник, и Великий Князь сами тут присутствовали, и при дворе нет теперь никаких праздников. Но город, как я тебе уже сказала, беснуется: балы, пикники, театры утром и вечером не дают жителям отдыха. Одно только наше семейство, или, вернее, некоторые члены семейства нашего, не причастны к веселиям карнавала, потому что братья пользуются ими вполне и мы их почти не видим дома. <...>

Поверишь ли? Быть в столице, иметь большое знакомство и во всю зиму танцевать только на трех балах, раз у княгини Щербатовой, в другой у княгини Голицыной и в третий — в Собрании, и потом 4 раза на маленьких вечерах у Танеевых, всего 7 раз, *parдон*, еще раз у дядиньки,⁴¹ так нечаяно собрались, так всего восемь раз в целую зиму; ну, можно ли тому поверить, и это есть наша участь. У себя мы никогда не танцуем, даже и невзначай, и игр никогда не бывает, что бывало так обыкновенно нашему дому. Четыре раза были у нас обеды, но эти обеды так скучны для молодых. Мы познакомились с Жемчужниковым, адъютантом Эссена и братом Аполлона,⁴² но я нахожу, что оренбургский лучше петербургского. Сестры ездили на днях смотреть картину Брюллова⁴³ и в восхищении от нее, но я всего лишена, даже восхищаться не могу, не только веселиться. Читала ли ты, *chère amie*, стихотворения Бенедиктова, говорят, что они прелестны, но мы до сих пор не можем их достать.

6 февраля 1836.
Софья.

Я познакомилась на вечерах Танеевой с одним автором по имени Базили,⁴⁴ он сделал себе славу недавно изданным сочинением *Очерки Константинополя*, это сочинение его привлекло внимание публики, и она поставила его на ряду лучших современных авторов. Этот Базили невысок ростом, смугл, с черными волосами, с черными глазами, большими, выразительными, пронизательными; по осанке, по одежде, по всем его приемам отгадаешь о его авторском звании, потому что он неловок, дурен и странен, как истинный автор, но и как автор он обладает даром красноречия и говорит поэтически, привлекательно и приятно. Знакомство наше сблизилось от комплимента, пущенного мною весьма удачно на слабую его струну, я коснулась его сочинения, хотя, признаться, и не читала его, но тщеславие его было польщено, и с тех пор мы сделались друзьями. Он рассказывал мне жизнь свою на Востоке, рассказывал путешествия свои на суше, на море, кораблекрушение, каким образом он в продолжение целой недели висел на скале, *прилепленный к ней, как устрица*, и разные другие похождения. К несчастью, вечера Танеевой скоро прекратились, и я недолго пользовалась любезностию господина Базили.

Я ездила смотреть картину Брюллова — я любовалась ей и не могла налюбоваться досыта. Что все описания журналистов пред оригиналом, что все чувства, излагаемые пером, перед тем, что кипит в сердце, в то время как взор лежит на этом оживотворенном идеале всего высокого, прекрасного и изящного. При взгляде на картину мысль о ее идее уже располагает вас к высокому, но красота кисти, но сила выражения, но смелость черт и мягкость оттенков очаровывает воображение — дивисься, любуешься — и все еще кажется мало постигаешь изящность целого. <...>

С нами познакомился Жемчужников, тот, что адъютантом у Эссена, он не понравился мне, такой длинный, черный, вялый, какая разница с Аполлоном, тот так мил, так весел, а этот — я не люблю его.

6 февраля 1836.

Аделаида.

***

Читала ли ты, *chère Eugénie*, стихотворения Бенедиктова, мы, наконец, их достали, у него есть прекраснейшие мысли, высокая поэзия, но я ничего такого не нашла, о чем бы можно так кричать, как было это здесь, его ставили выше всех наших поэтов. Одно выражение мне особенно понравилось, оно на второй странице книги, где он говорит:

Люди губят все, что любят, —
Так ведется у людей!⁴⁵

Как оно натурально и мило сказано.

Ты желаешь знать, мой друг, наши наряды на разных балах, их немного, так недолго описать. Первый ты знаешь, второй (в собрании) — мы были одеты в розовых платьях (*tulle de blonde*), те самые, которые ты у нас видела летом, только переделанные, без цветов, одними лентами. Волосы были убраны *à la grecque*,⁴⁶ совсем назад, мелко заплетенная коса, из которой падали букли, на висках были у нас две полугирлянды мелких розовых цветов. У Голицыной на бале, где находился и весь двор, были мы одеты в белых *tulle de blonde* платьях, отделанных спереди в виде фартучка искусственными кораллами, которые выглядывали из-под тюля, на голове мы имели гирлянду также из искусственных кораллов. Мне пришлось танцевать одну французскую кадрили близ самой Государыни,

она осведомлялась обо мне, и я какими-то судьбами ей понравилась. Начали о том говорить в городе, но так как мы после того долго никуда не показывались, то, наконец, и перестали.

27 февраля 1836.
Софья.

***

Выписывают ли у вас журнал Пушкина Современник⁴⁷ и что, как он вам нравится? Я недавно читала новую комедию Загоскина *Недовольный*,⁴⁸ рекомендую вам ее для прочтения, прекрасно писана, прекрасно прибрана, она напоминает Грибоедова Горе от ума.

Не пишите нам больше в Петербург, а уже адресуйте письма ваши в Москву.

16 апреля 1836.
Аделаида.

***

Перевод ваш⁴⁹ я еще не отослала брату Николаю,⁵⁰ жду субботы, дня, в который мы обыкновенно пишем в Петербург. Вы ведь желаете видеть перевод ваш помещенном в журнале, в Библиотеке для Чтения, если будет возможность, не правда ли? Да оно и легче, нежели адресоваться какой-либо другой редакции, потому что Николай имеет здесь некоторых знакомых, например Смирдина,⁵¹ Сенковского⁵² и даже Греча,⁵³ хотя с последним знакомство его ограничивается шапошными поклонами или изредка короткими приветствиями, но зато Греч обязательен, снисходителен и очень вежлив — с ним легко ладить. Впрочем, я вам сознаюсь, что дело не обойдется без хлопот: господа авторы, особенно те, чья слава оперлась на прочную ступень, ужасно завидливы, они взыскательны до крайности к новичкам или вновь ступающим на литературное поприще, и чем выше талант в новоприбывшем, тем строже их цензура, тем злее их критика, меня уверяли, что будто они страшатся чужого дара, потому что слава их нетверда в собственных их мыслях. Вы себе представить не можете, какую ненависть питают они друг ко другу, какая вражда, какая досада, зависть снедает каждого из этих членов парнасского общества, сколько забот, хлопот, сколько мизерных мыслей на уме этих поэтов, перо которых дышит вдохновением, гармонией, всей прелестью истинной поэзии, мучения их выше Танталовых страданий, потому что не чистая струя потока или спелая гроздь прозрачного винограда соблазняет их душу — нет, их прельщает пустая слава, желание первенства или, иных, — металл и все пагубные наслаждения *du superflu*,⁵⁴ — за этим желанием следует океан страстей, пороков, всех грешных чувствований. Вы, с вашим чистым сердцем, с вашими благородными чувствованиями, с вашими светлыми понятиями, вы, отдаленная от света, в тихом уединении, вы не постигнете, не поймете их ада, их бури, — то борьба двух разъяренных демонов, то — опустошение огненной лавы!

Я очень рада, что вы теперь в возможности заниматься французским языком, в *Revue Étrangère* находится много и много прекрасного, занимательного, дельного *et puis vous êtes au courant des nouvelles de Paris*,⁵⁵ это очень приятно в провинции, где без журналов люди, ей-ей, целым столетием отставали бы от просвещения. <...>

Мы также получаем журналы, но только русские: Б<иблиотеку> д<ля> Ч<тения>, Московского Наблюдателя и Современника, трех враждующих журналов, читать приходится много, много, по самое горло, иногда даже чтение надоедает и рука в продолжение трех суток не коснется книги — доказательство, как все наскучит на сем свете. Вообра-

зите мое удивление, когда в первых номерах Б<иблиотеки> д<ля> Ч<тения>, в месяце генваре или феврале, я нашла в описании мод высокую похвалу одному бальному туалету нашему, прочтите, пожалуйста, сами, дело идет о белых из иллюзюного газа платьях, отделанных прибором кораллов, мы их сами выдумали и явились в них на бал к к<нягине> Голицыной, где были замечены Государыней.

15 мая 1836.

Аделаида.

Вчерашний день мы были на гулянье в Летнем саду, толкотня была ужасная, но и скука также, было одно купечество, из порядочных никого. Два раза ездили в театр, первый раз в Русский, играли Горе от ума, но, кроме Фамусова, все роли разыграны были прескверно. А Чацкий, Чацкий — вместо франта его представили каким-то профессором словесности наших университетов, а Софью — жеманной девчонкой. И театр сам собой прескверный, темный, грязный, скучный, мы были в Малом театре, Большой лучше. Во второй — играли по-французски, мы взяли бенуар, здесь их предпочитают 1-му ярусу, и вообрази, какой случай, *chère amie*, мы очутились в соседстве Юрия Гагарина,⁵⁶ он был с женой и с матерью и отцом своим. Я думаю, ты слышала, что он недавно женился на Рахмановой. Он с нами разговаривал и все так же мил и любезен, как и прежде, такой милашка, он еще в мундире и притом в усах, но сказывал, что подал в отставку. А жена его только что можно сказать недурна, но выражение лица ее мне не нравится. В ней что-то есть *maussade*,⁵⁷ вот слово, которое не умею выразить по-русски, и кажется, для него нет настоящего значения, это не то чтобы сердита и не то чтобы скучна, но между этими двумя выражениями. Одним словом, она не стоит его, и я бы желала для него жену, которая была бы так же мила, как и он сам. <...>

Знаешь ли, какая новость. Анненков, которого ты видела на водах, женат, и на ком бы ты думала, на княжне Гагариной, кузине князя Юрия, прехорошенькая и премиленькая собой, и везет ее на 5 лет в Симбирск. Он сегодня был у нас, и татап уверяет, похорошел и превеселый. А его прежняя возлюбленная, Языкова,⁵⁸ про которую ты, верно, слышала, выходит замуж за Хомякова, предурного собой, но чрезвычайно умного и сочинителя, и притом он имеет 3000 душ. Помолвка этих двух пар случилась в один день.

15 мая 1836.

Софья.

***

Свадьбы Анненкова и Языковой уже кончены, не Петербург, а Москва была местом развязки романа жизни Языковой и Анненкова, последнего мы видели женихом, он так был восторжен невестою своею, что ею только и бредил, над Языковой же он подшучивал и пересмеивал ее смешные приемы, восхваляя при этом ловкость и любезность княжны Гагариной, но едва ли теперь он снова не вздыхает по застенчивости и робости Языковой, потому что невеста его за три дни до венчания выказала ему свою ловкость и смелость целой речью самых обидных выражений. Она сказала ему, что терпеть его не может, что дядя выдает ее неволей, что одно богатство в нем ее пленило, что она жертвует собой для изобилия, для блеска, а что жизнь в Симбирске не входила в ее расчет и поэтому она не согласится ни за что на свете погребсти себя в глушь провинции, где нет развлечения, нет даже *порядочных людей*, что не только она согласится сделать знакомство с тамошними жителями, но станет их пересмеивать, пренебрегать, и разный такой

вздор. Что же, вы думаете, Анненков сказал и сделал после подобного открытия? — Он только прослезился...

2 июля 1836.
Аделаида.

***

Сегодня мы едем в Москву распорядиться о нанятом для нас доме для зимы, в прошедшее наше пребывание в этом городе мы ездили осматривать этот дом, тут еще жили сами хозяева. Дом довольно красив, большой, зала прекрасная, ее уже назначают для балов, как оно обыкновенно водится, но сбудется ли это предположение — это также, по обыкновению, неизвестно. Нам назначены две прелестные комнаты, возле самой гостиной, одна маленькая, хорошенькая, служила рабочей комнатой для хозяйки, другая — ее спальня. Мы познакомились также с некоторыми членами семейства, но они не остаются в Москве, их намерение — провести зиму в Симбирске, и, несмотря на неприятное впечатление, произведенное на меня этим городом, я старалась со всею возможностью расхваливать его вычурной, жеманной дочери, единственной, которую мы удостоились видеть, между тем как их с полдюжины, но прочие, кажется, занимались своим туалетом, а эта вошла в гостиную, как уже с лишком полчаса мы там сидели, разряженная как куколка, *et aussi raide qu'une poupée de bois*.⁵⁹ Как я до сих пор могла заметить, здешние дамы, а особенно девушки, разделяются на две части, *les grüdes, et les effrontées*,⁶⁰ и все это доведено до крайности, впрочем, я уверена, что найду со временем много исключений, но я говорю вообще о характеристике общества московского. Матушки — что, бывало, мы звали колдуньями, и поэтому ты можешь их себе представить. Матушка вычурной дочки также этого разряда, и я всеми силами старалась ей понравиться, я страх боюсь этих матерей, мне, бывало, от них довольно доставалось. <...>

Здешние молодые люди также мне не нравятся, я нашла в них или педантство, *fatuité*,⁶¹ или пустоту. Не вина мне, мой друг, за мою разборчивость, Оренбург нас избаловал, мы там нашли людей умных, приятных, без вычурности, здесь я еще таких не встречала, или, может быть, опыт, этот отравитель всего приятного, сделал меня более взыскательной, прежде я видела везде одну лишь хорошую сторону, теперь же мне кажется одна дурная сторона, *mes illusions ont passées*.⁶² Дней с пять тому назад у нас обедали наши соседи, семейные люди, но тут они были без семейств своих, и разговор их был так занимателен, так поучителен, как я уже давно не слыхала, с прекращения наших оренбургских ужинов. Кстати, о разговорах; в прошедшее наше посещение Пашковых я встретила там одного молодого человека, который, я после узнала, выдает брошюры для критика в Московском Наблюдателе. Ты должна знать по журналам войну между петербургской и московской литературой, их вражда неумолима, и я, не зная, что он из этого сословия, вздумала превозносить Б<иблиотеку> для Ч<тения> перед М<осковским> Н<аблюдателем> и защищала Марлинского,⁶³ на которого он жестоко напал. Вообрази его досаду, он даже не мог ее скрыть и выходил из себя. Когда я заметила его нерыбковенную горячность, я замолчала, но уже поздно, он, верно, мне этого никогда не простит.

28 июля 1836.
Софья.

Дайте я лучше познакомлю вас с нашим *petit monde*,⁶⁴ с нашим соседством, это посущественней и более понятно: в двух верстах от нас, по большой дороге к Москве,

стоит сельцо *Горенки*, в старину оно принадлежало графу Разумовскому,⁶⁵ отцу Перовских, и в то время славилось своею пышностью и блеском, теперь оно куплено Волковым,⁶⁶ человеком нового образования; дом, трехэтажный, великолепный, барский, даже феодальный, он обратил в жилитюрную фабрику, сам со всем семейством занимает шесть или семь комнаток, низеньких, темных и весьма дурно меблированных. Семейство его довольно многочисленно, жена, человек семь детей, к тому же мадам, учителя, бедные вдовы, воспитанники и *tout est accessoirer d'une maison de ville aristocratic*.⁶⁷ Жена его, урожденная княжна Оболенская, может служить типом всех московских женщин, узнав ее, вы узнаете всех москвитянок, *la mise*⁶⁸ всегда пестра, отдалена от вкуса, от утонченности, разговор ее самый обыкновенный, занятие — безделье, страсть — карты, понятия ее сжаты, да и от природы довольно умеренны, от этого происходит какое-то недовоспитание, трудное выразить словами, но всеми ошутительное при частом обращении. У ней есть дочка, девушка лет шестнадцати, полная, белая, румяная, этой дочке смерть хочется выезжать и попасть в большие, и это желание вам не покажется больше странным, когда вы узнаете, что мать, по методе всех московских маминек, сбавляет дюжей дочке года два, твердит ей и всем другим, что она ребенок, что ей еще надобно учиться, а не думать о выезде. <..>

С другой стороны, также в двух верстах, живет князь Трубецкой, прозванный букашкой, по сублиности сложения. Он вдовец, человек образованный, лучшего тона, и если вы когда читали в *Revue Étrangère* описание *d'un homme comme il faut*,⁶⁹ так в Трубецком находятся все эти качества, но зато он *fat*⁷⁰ и пахнет ужасно Москвою. Третье соседство есть Дивовы, муж и жена. Сколько Волкова может служить типом московских женщин, столько Дивова — представительницею петербургских дам, в ее одежде вся утонченность нынешнего вкуса, в ее разговорах вся плавность, вся изысканность хорошего общества, но как и все петербургские дамы, вы не увидите в ней ни одной вспышки нетерпения, вы не угадаете ни ее радости, ни ее горя, она сохранит даже в самом жарком споре ту же холодность, ту же важность, ту же утонченную чопорность, которую весьма кстати величают этикетом *élégante vanité*,⁷¹ но зато вы и не увидите в Дивовой и минуты одушевления.

29 июля 1836.

Аделаида.

***

Мы уже переехали в Москву, наш дом на Петровке, в доме Раевских. <...>

Мы начали таскаться по визитам, это самое несносное занятие, особенно когда приходится ездить к особам, которых еще в лицо не видали. Я теперь еще вдвое сердитей на Аренда⁷² и всех этих других докторов, которые запретили маминьке въезд в Петербург, там мы уже несколько ознакомились с обществом, а здесь — Бог знает, сколько потребуется времени, чтоб ознакомить общество с нами, оно такое обширное и несвязное.

Вчера вечером мы танцевали у Пашковых, я познакомилась там с одним иностранцем, путешественником, г. Бетманом, он посещал нутрь России и проезжал Казань и Симбирск, он был также и в Самаре, не слыхали ли вы чего об нем? Он премилый и прелюбезный человек, но и в нем нет души. Прекрасно сказала кузина моя г. Косаковская⁷³ в письме своем к Кате об мущинах большого света: *les femmes causent peu, les hommes sont insipides, ils rôdent dans les salons comme des amies en peines*;⁷⁴ верней последней мысли я ничего не знаю.

16 ноября 1836.

Аделаида.

***

... вот уже полтора месяца, как мы превратились в настоящие жительницы московские. Как справедлива пословица: каждый город — свой нор, каждая деревня — свой обычай, и Москва имеет столько своих особенных, привилегиозных обычаев, так что нам вначале трудно было к ним привыкнуть, но человек легко мирится с привычками, и мы, поневоле следуя этой системе, перестаем понемногу ахать над причудами этого смешения образованной столицы с полупросвещенными еще провинциалами, не таковыми, как Симбирск или наш Оренбург, но, например, как Уфа. Кстати об Оренбурге, знаешь ли ты, *chère amie*, что мы видели недавно некоторых из тамошних жителей, наших добрых знакомых. Сколько воспоминаний возбудили они. Как ни говори, а наше пребывание в этой крепости было лучшей эпохой жизни нашей, и как бы ни весело стали проводить мы здесь время, хотя столица имеет больше способов к увеселению жизни, нежели отдаленная крепость, окруженная одними степями необозримыми, и общество и многочисленной и блистательней, но все прошедшего не вернуть, мы тогда были моложе и сердцем и душой, а опыт много уносит с собой прекрасного, упоительного, он гонит мечты, он отымает очарование. Из чудного обворажающего мира он вас переносит в холодную атмосферу жизни, и душа среди всего блеска и суеты, как осиротелая, тщетно будет искать уголка, где бы ей согреться от оледенелого дыхания света. <...>

Возвращаюсь к свиданию моему с оренбургскими знакомцами, которые остались на первой странице и которых я было совсем забыла. 4 декабря у нас был бал, о нем я с тобой пониже поговорю, я танцевала французскую кадрили, вдруг подводит ко мне брат какого-то адъютанта, низенького, с облизанной прической. Я вообразила, что это кавалер для танцев, которого «он» мне рекомендует, так как мне уже их рекомендовали с полсотни в продолжение вечера, то я, по обыкновению, без внимания проговорила: *charmés monsieur* и пр., но он все стоял и смотрел, будто обиженным, на это брат спешил мне сказать: *mais c'est notre ancienne connaissance d'Orenbourg*,⁷⁵ тут я совершенно стала в тупик и начала извиняться, что никак не могу припомнить, брат, к несчастью, забыл его имя и не мог его мне сказать. Вообрази мое и его затруднительное положение, да, к счастью, Адель подросла и помогла нам, с ней тоже был этот случай. То был Балкашин, чей дом мы занимали в Оренбурге, но он так переменялся, что его трудно вдруг узнать. У нас также был Даль, но мы его вечером не видели, мы не знали, что он находился между гостями, а толпа нас не допустила встретиться. Но он обедал с нами на другой день, был также вначале застенчив, потом любезен и читал нам свою критику на Сенковского, помещенную в Наблюдателе. Писана очень остро и метко, прочти ее, если она тебе еще неизвестна. Жену его мы не видали, она была слишком утомлена дорогой. Перовский не был у нас на бале по случаю болезни матери своей, но он приехал к нам на другое утро и, по обыкновению своему, неожиданно, когда мы в гостиных поправляли беспорядок после бала, просидел с нами почти 2 часа и был очень любезен. Дурасов еще не приезжал, но его ожидают на днях, он всегда в арьбергарде.

Я не успею тебе описать наш бал, *ma bien aimée Eugénie*,⁷⁶ одно тебе скажу, что о нем до сих пор кричат, он был так блистателен, что давно не запомнят такого в Москве, лестница, которая довольно огромна, представляла сад, была уставлена редчайшими цветами и растениями, зеркала на ней отражали множество огней, и дорогой ковер вместо песчаной дорожки вел гостей наверх. Во время танцев и за ужином подавали самые редкие кушанья, у нас даже была свежая клубника и земляника. Мы танцевали до упаду, но, к сожалению, бал кончился рано, в 3 часа все разъехались, потому что *tatán* была

целый день больна и с трудом выдержала вечер. С тех пор мы только раз танцевали на бале у княгини Меншиковой, и до сих пор нет балов в виду, а Адель так к ним пристрастилась, что в отчаянии от того. Мне также не очень оно приятно, но я все хладнокровнее ее. Прежде танцевали каждое воскресенье у Пашковых, но теперь оно прекращено, у них траур по какому-то cousin, так досадно. Матап на праздниках хочет еще дать бал, и мы этим очень довольны. Жаль, что не достает ни места, ни времени тебе описать все анекдоты, которые случились с нами перед балом нашим, преуморительные, здесь большею частью общество предерзкое, бессовестное, и дамы особенно, и все желали быть на нашем бале, и потому с нами были преуморительные случаи. Постараюсь описать тебе в другой раз также и общество, с которым nous sommes plus intimes,⁷⁷ а обо всех нет возможности писать, их такое множество.

15 декабря 1836.
Софья.

Перовский точно проехал в Петербург, проездом через Москву зашел он к нам, просидел часа три и был любезен, как я его еще никогда не видала. В его свите находятся многие из наших знакомых, но с ним был один только Балкашин, прочие следуют за ним или ему предшествуют, Даль с женой приехал днем его позднее в Москву. Он попал как раз на бал наш, которым рара нас угаживал в день именин маминьки, в самый день отправки вашего последнего письма. Бал был необыкновенно великолепен — народу было более 200 особ, и, однако ж, до того просторна наша зала, что стеснения никакого не было, об этом бале и до днесь поминают в Москве, случай необыкновенный в столице! <...>

На другой день Даль обедал с нами, nous avons un diner littéraire,⁷⁸ и тут я имела все время заняться им эксклюзивно, я расспрашивала про знакомых, про житье-бытье Оренбурга. Все и всё по-прежнему, с некоторыми только изменениями, о которых вы уже слышали не раз. Общество прибавилось десятью молодыми девушками, хорошенькими и миленькими; Даль дает музыкальные вечера, Перовский хлопочет о постройке Дворянского Собрания; наш дом превращен в какую-то солдатскую школу; дом Коменданта — в темницу пленных киргизцев, с обеих сторон вместо прежних кликов радости слышится вопль и стон, необразованность и безобразие заступили место роскоши и утонченности — вот вам нить размышлений о нетленности мира в ваши часы уединения.

15 декабря 1836.
Аделаида.

***

С гр. Ростопчиной⁷⁹ мы вновь познакомились, и в первые минуты нашего вторичного знакомства мы обошлись как старинные приятели, но потом не сошлись, какая-то невидимая сила, как было и во время детства, нас отвлекает друг от друга. Мы только и виделись два раза на танцевальном вечере у Пашковых, и было заметно эту враждебную силу, которая нас отталкивала, несмотря на светские любезности, которыми прикрывалась эта тайная антипатия с обеих сторон. Она недолго пробыла в Москве и поехала в Петербург определять мужа⁸⁰ в службу. Что она несчастлива замужеством, это, как кажется, очень несправедливо, разве только тем, что муж ее игрок и много проигрывает, но она далеко, чтоб его останавливать, сама в том ему способствует, Бог знает с какой целью, впрочем, мне кажется, что она с ним делает, что хочет, правда, что истину трудно узнать. Он по наружности кажется очень недалким существом, хотя

собой и красив, высокий ростом, плотный, свежий мужчина, но без всякого выражения в чертах; зато у ней целая поэзия во взорах, и поэзия Данта, поэзия страстей. Она очень недурна, хотя и не такая красавица, как я ожидала ее видеть, вся прелесть ее в выражении. Вообрази большие, черные как ночь глаза, и горят, как пламя, любезна до бесконечности и пресильная кокетка. Успехи ее в свете большие, муж, кажется, ничуть не ревнив и дает ей полную свободу, а кто не станет ей пользоваться в уверенности блестеть в свете. <...> Стихотворения ее очень красивы, она одарена пышным воображением. Ты, верно, читала хвалу ей в Библиотеке для Чтения Сенковским. Для нее должно быть лестно получить ободрение от такого беспощадного критика. Жаль, что ты не читала ему ответ от Даля. Этот ему тем же отплатил, не пощадил. Об наших коротких знакомых мне нечего тебе сказать, у нас их нет, мы видимся только с обществом, когда танцуем или во время утренних визитов, иначе никогда, и вот теперь продолжится наш траур три недели, то нет надежды с кем-нибудь видеться, как только утренним визитом. Впрочем, общество так ласково и любезно с нами, но мы знаем, что тому причиной наши великолепные балы. В свете всегда так и никто не в претензии, другого нельзя ожидать от света. Мы начали было веселиться, но печаль теперь разрушила на всю зиму наши удовольствия, мы более никуда не выезжаем и у себя не принимаем, мы на 3 месяца в трауре.

20 января 1837.

Софья.

***

Вам, я думаю, уже известна трагическая смерть Пушкина, но, быть может, вы полюбозытствуете узнать истину этой истории, которая если и дошла до вас, то должна быть ужасно искажена. Я передам вам все ее подробности.⁸¹ Жена Пушкина невыразимо хороша, она была в моде две зимы сряду — вещь почти несбыточная в Петербурге, где непостоянство вкуса и страсть к новизне перешло в поговорку. С Пушкиной жили две сестры ее, Гончаровы, вы с ними знакомы по нашим петербургским письмам, одна, старшая, — брюнетка, другая — блондинка. Пушкина возила их всюду с собой для прикрытия своего кокетства и в извинение страсти своей к свету. Как модная дама она влачила за колесницей славы своей дюжину поклонников, в том числе находился и Барон Д'Антес, молодой иностранец, записанный в русскую службу не известно как, не известно с чем. Иные говорили, что он побочный сын бедного Карла X, изгнанного из Франции, другие почитали его сыном короля Датского и по той причине, что Блум, посланник Датский, человек несметно богатый и холостой, усыновил Д'Антеса⁸² и делал его наследником всего богатого имущества своего. Д'Антес был ловок, красноречив, кавалергард (я часто встречала его в обществах), и с протекцией Блума он принят был в высшее общество Петербурга. Я вам уже сказала, что он считался приверженцем Пушкиной, но вскоре его стали величать иным именем; более лестным для его французского самолюбия. *Люди добрые* не нашли лучшего дела, как намекать о том мужу, и Пушкин рассудил адресоваться к Д'Антесу с вопросом о причине частого посещения его дома. Иностранец отвечал, что имеет на то весьма положительные причины, потому что намерен жениться на сестре его. «На которой?» — был вопрос. — «На Софье».⁸³ И вот Софья призвана — и вот Пушкин обвенчал Софью с Д'Антесом. Весь Петербург был удивлен такой нечаянностью — Петербург, который лучше мужа знал все тайны жены, который мистифицировал мужа и который вдруг оставался сам мистифицированным; он за такую обиду отместил смерти Пушкина — он же навел Пушкина на интригу жены, он перехватил записку Д'Антеса к Пушкиной со словами: *je sacrifier le bonheur du ma vie*

pour sauver votre honneur.⁸⁴ Записка была представлена глазам мужа — и дуэль состоялась, и Пушкин пал.

По смерти его Государь излил благоволение⁸⁵ свое на вдову знаменитого Поэта, она оставлена при тысячной пенсии, все дети размещены по казенным заведениям, и сочинения его, напечатанные на казенный счет, seront au profit de la veuve.⁸⁶

12 февраля 1837.

Аделаида.

***

Два письма получили мы от вас, и одно после другого, — так что не успели еще ответить на первое, как явилось и второе, они теперь оба передо мною, и я смотрю, нет ли чего отвечать на них. Посмеялась я от души над ошибкою иных, принявших напыщенного Барона Д'Антеса за даунтиста⁸⁷ — жаль, что меня нет в Петербурге, а то я бы всеми силами постаралась передать ему это известие *изнутри России*, он бы не засмеялся, я вас уверяю. Хорош друг Тургенев,⁸⁸ когда при смертном одре лучшего приятеля занимался не его страданиями, а схватыванием последних слов его для рассылки по другим приятелям, но как это походит на литературных собратий и друзей — я вам скажу, что первый шаг к разочарованию моему к поприщу литературному было в Петербурге, когда Базили, автор *Очерков Константинополя* и кавалер мой в мазурке, открыл мне всю закулисную картину этого отдельного мира посреди мира забот и суеты; он, кажется, постиг пронизательностию сокровенную любовь мою к поприщу литературному, потому что поведал мне все его тайны, все изгибы, все мизерные чувства, и когда я с ужасом спросила, отчего он, с его высокой душой и здравым рассудком, не покидает этого поприща, он воскликнул с тем же жаром, как *Кин*⁸⁹ в драме Александра Дюмаса: мне его покинуть, мне расстаться с моей страстию и моей жизнью? Так вы не знаете, что, раз ступив в этот очарованный круг, вы уже не можете с ним расстаться, как с мантией du Centaure Niess sans y laisser votre chair saignante.⁹⁰ Кстати, о драме Дюмаса, если вы ее не читали, то непременно постарайтесь достать, *Kean, ou Desordre et genie*⁹¹ — ее заглавие, ее, верно, легко достать если не у Пановых, так в Симбирске у знакомых Щепотьевой. В Симбирске этой драмы нельзя не знать, там литература на сцене, там сонм литераторов, там общество литературное, там, я чай, и Академия под председательством Языковой.

8 марта 1837.

Аделаида.

***

<...> с половины октября у нас в столице гостят именитые гости, Их Величества Император и Императрица со всем царским семейством. Москва хоть и столица по названию, но в сущности самая закоренелая провинция, ее все удивляет, все занимает, все приводит в восторг: приезд царей свел ее с ума. Нам, городским дамам, назначено было представление 8 сего месяца, то вы и легко представите себе, какие хлопоты влекло за собою это назначение. Нам велено было явиться в парадной форме, то есть в сарафане, повязке и manteau de cour,⁹² что значит разрезное платье с шлейфом.⁹³ Надобно было их заказать, надобно было подумать о изящности, вкусе, с каким его отделать, надобно было подумать, как бы подладить указанную форму себе к лицу, одним словом, хлопот было по уши. Поверите ли, что в каждом доме, в каждом магазине, в каждом обществе разговору только и было, что о представлении да о костюме, — старушки даже забыли о сплетнях. Мы, увлеченные общим движением, неслись за общей суетою и, подобно

всем, скакали, хлопотали, думали и говорили об наступающей эпохе — но эпоха проскользнула мимо, не подарив нас и полвзглядом, — представления не будет, иные говорят, будто оно только отложено до 6 декабря, но по какой причине, этого никто еще не знает. Знают только то, что все расходы пропадают даром и все ожидания на увеселения превращаются в мыльные пузыри. Не досадно ли?

4 ноября 1837.

Аделаида.

На твои вопросы я постараюсь удовлетворительный дать ответ. Государыня была летом в Москве, но только проездом, и потому не было никаких праздников в то время, и мы оставались тогда в Пехре, ни к чему было ехать в город. Что же касается до малого моего распространения о Наследнике, то, вероятно, я боялась, что мне не достанет места на бумаге, чтобы передать тебе всего того, что было на уме, но если ты так много интересуешься о его наружности, то я боюсь еще более подстрекнуть твое любопытство моим описанием. Он в самом деле очень хорош собой, высокий, стройный, чрезвычайно миловиден, и столько приятности и доброты в его лице. Едва пробивающиеся черные усики еще более его украшают. Некоторые уверяют, что в нем есть немного сходства с покойным Государем Александром. На бале он был очень весел, кажется, очень любит танцы и по молодости лет вообще предается всем удовольствиям с детскою веселостию. Танцевал же он с некоторыми фрейлинами. Другой праздник давали ему на даче, но тут была такая теснота, давка, столько несчастных случаев, опрокинутых карет, людей, побросанных в воду, что, право, приятности никакой не было. Мы, по милости Божией, выбрались довольно благополучно. Теперь же мы в больших хлопотах, *chère amie*, двор здесь уже почти две недели, и в Михайлов день первое представление, мы тоже готовимся быть в числе представляющихся, и столько хлопот с этими русскими нарядами, зато как они красивы. После представления начнутся праздники и балы, до сих пор ничего еще нет, и мы только таскаемся по несносным визитам и по еще более скучным магазинам.

4 ноября 1837.

Софья.

***

Наш церемониальный костюм нам удалось таки надеть: это случилось в утро 20 ноября, в день Восшествия на Престол Государя Императора. Нас согнали дам 150 в небольшую залу Малого дворца и заставили простоять на ногах часа три, если не более, потому что каждая поочередно подходила к Ее Величеству и, присевши, делала вид, будто целует ей руку. Впрочем, эта комедия была очень забавна и служила соединению общества, которое перед тем почти не видалось по случаю траура, наде того двором для Голландской Королевы. Я не могу вам сказать наверное, хорош ли был эффект этой церемонии, потому что не ощутила на себе никакого впечатления, бывши слишком занятою свиданием с знакомыми, которых не видала с прошедшей зимы. После представления начались балы и вечера, которые мы пропустили по внезапной болезни маминьки, и успели только быть на свадебном балу Анеты Гудович,⁹⁴ вышедшей замуж за к<нязя> Трубецкого, этот бал был очень блистателен и очень оживлен, но я скучала непомерно. По выздоровлении маминьки нам достался только один бал, последний в бытность Их Величеств в Москве, он дан был Московским Собранием в Николин день и стоил большой суммы денег, но был ужасно безалаберен и скучен по множеству особ, их было 5 тысяч в большой зале, а на хорах

1000. Теснота была ужасная и скука порядочная, но я была счастлива в этот вечер и помирилась с жизнью.

8 декабря 1837.
Аделаида.

***

Сказать тебе, что очень веселимся нынешнюю зиму, я не могу, потому что в свете веселием зовут балы и танцевальные вечера, а их очень немного до января в Москве. Во время пребывания Двора мы находились в трауре и очень мало выезжали, но представлялись государыне. Праздники мы опять начали маленьким трауром, но который не позволяет нам ездить на балы. Умерла в Петербурге старая княгиня Голицына, которую прозвали *la princesse Voldémar*, мне кажется, я часто о ней тебе рассказывала, что у ней в доме был этикет не лучше Двора. Так как папинька был очень привязан к старухе (он был воспитан как сын в доме ее дочери Апраксиной, и сама старуха его записывала в службу), то он непременно желает, чтобы мы по ней носили небольшой траур.

27 декабря 1837.
Софья.

***

...дело идет не обо мне, но об Адели, и в коротких словах к тебе скажу, что она помолвлена на масличной неделе в пятницу за князя Оболенского.⁹⁵ Adèle будет непременно о том сама тебе писать, но так как невестам мало свободного времени и суждения их в том отношении не могут быть совсем беспристрастны, то подробности я и беру на себя, бывши уверена, что участие, которое ты принимаешь в нас, возбудит в тебе желание познакомиться покороче с будущим членом нашего семейства. Его имя Михаил Андреевич, ему 26 лет, среднего роста, худощавый, брюнет и недурен собой, он служит в штатской службе и камер-юнкером при дворе. Состояние у него порядочное, но он им еще не владеет, потому что родители его⁹⁶ живы, и отец его даже богатый человек, но имеет многочисленное семейство. Вот полное описание его наружных качеств, теперь стану говорить о внутренних, о тех, которые имеют большую цену в наших глазах. Такого доброго, благородного сердца редко можно встретить между толпой светских молодых людей — даже Москва, всегда готовая порочить всех и каждого, на этот раз отдает ему справедливость и сама удивляется, что до сих пор не могла ничего найти сказать против его всегдашнего скромного, благородного поведения. Притом нрав у него прекраснейший, и мы вполне можем предаться надежде, что с ним Adèle должна быть счастлива. И как он любит ее, любовью истинной, бескорыстной, а здесь, в вихре света и беспрестанных развлечений, как редко встречаешь такое чувство. Ко всему этому еще присоединяется приятность, что Adèle вступает в огромное родство, составляющее лучшее общество и первые дома в городе, соединенные вместе тесной дружбой. Каждую неделю у родителей жениха, как главных в семействе, бывает родственный обед, мне случилось быть недавно на одном из них, и нас село за стол 50 человек, из посторонних мы были одни, все прочие были самые близкие родственники, и как весело время летит между ними, потому что большая часть из них — всё молодежь. Свадьба назначена в апреле месяце, после святой, и когда все обряды кончатся, мы поедem жить в Пехру, а молодые разделят лето между нашей деревней и деревней родителей жениха.

4 марта 1838.
Софья.

***

Ma chère amie, я счастлива — счастлива столько, сколько позволяет мой бесподобный характер, я нашла в муже человека единственного, особенно в касте дворян и молодежи большого света, он, так же как и прочие, провел несколько дней молодости бурным образом, также чуть было не поплатился за то здоровьем, но рассудок и степень, им занимаемая в обществе, отстранили от гибели, он занялся более самим собою, нежели своими страстями, и сделался прекраснейшим человеком — в Москве едва ли трех найдешь таких благородных, деликатных, изящных, как он. А между тем его наружность не весьма красива, обращение вялое, разговор скучный, он покажется ничтожным в гостиной, зато в обществе знакомых как мил, как красноречив он, а со мной как ласков, как внимателен, и как он любит меня — да, я очень счастлива, я благодарю ежедневно Всевышнего за великую милость, им мне оказанную ниспосланием такого мужа, как мой Мишель, я с каждым днем к нему более привязываюсь и теперь люблю до страсти. А в невестах, знаете ли, chère amie, что раз десять я сбиралась отказать ему, приходило мне все в голову, что, раз сделавшись его женой, я найду в нем тьму недостатков, что я узнаю вещи, которых не снесет мое самолюбие, и что поэтому я непременно разлюблю его,— вышло противное, я полюбила его вдвое. <...> Через неделю, не более, я сделаюсь обитательницей места мне вовсе незнакомого, это деревни моего свекра, я нашла в новых своих родителях людей прекраснейших и совсем противоположных папине и мамине — у нас меня учили скрывать чувство, а теперь я должна изъяслять всякую мысль, рассказывать всякое чувство, и последнее, право, приятней, тем более что все окружающие умеют понимать и даже ценить восторженность души или сердца.

8 мая 1838.

Аделаида Оболенская.

***

Я почти забыла, ma bonne amie, что ты просишь меня сделать тебе описание подробное о свадьбе Адели, но, перечитавши вновь твое письмо, я опять берусь за перо.

18-го апреля в 9 часов вечера ее венчали в домашней церкви бабушки нашей, потому что она была посаженой матерью, и так как она без ног, то ей трудно было бы присутствовать при церемонии в приходской церкви. Последние три дня перед свадьбой мы были в ужасных хлопотах, особенно я, потому что папа, по ее слабому здоровью, не в силах была войти во все подробности, Адели мешало присутствие жениха и невольное волнение, которое производит приближение торжественной минуты. Сестра Лачинова хлопотала в магазинах, а я — дома. Наряды все были выписаны из Петербурга, белье заказано в лучших магазинах, но, несмотря на то, столько еще досталось работы на домашнюю долю, и на нашу также. Но что всех восхищало более всего, то было серебро и мебель. Вообрази, кровать, туалет, столы, диваны и шифоньерки были мозаической работы по новопривезенному из Америки дереву. Оно цвету серо-красного, и по нем гирлянды из цветов, из золота, серебра и перламутра, белого, красного, синего и зеленого. Работа была необыкновенная, вся Москва ездила смотреть эту мебель, когда она еще находилась в магазине. Накануне свадьбы было приданое отвезено в дом к жениху, и, к счастью, он его нанял в двух шагах от нас. Обыкновенно делается, что приданое в тот день, когда его отправляют, выставляют всё, как напоказ, в залу и приглашаются родные и несколько знакомых девушек, чтобы его укладывать. Но так как в городе очень много говорили об Аделином приданом, то многие из знакомых напросились приехать его смотреть, и у нас в то утро был точно раут, некоторые даже остались обедать.

В день свадьбы целое утро прошло в приготовлениях, в 7 часов вечером съехались некоторые знакомые девушки, чтоб одевать невесту. Она была рассеяна, но не грустна. Ее одели в белое платье из тюль де блонда (sic! — Т. А.), на белом атласе, с широкой блондовой оборкой на подоле, и вообрази, эта оборка одна стоила 600 руб., блондой был отделан лиф, на голове длинный блондовый вуаль и венки из fleur d'orange,⁹⁷ буклой, начиная от висков с коротеньких, падали длинными локонами на плечи, жемчуг с бриллиантовым фермуаром и такие же серьги довершали убор, она была бледнее обыкновенного, но очень интересна, я не могла насмотреться на мою Адель, сердце мое чувствовало близкую разлуку, но я об ней не думала, все мысли мои были устремлены к ней, во все время, как она была невестой, я не думала о себе, только на другой день свадьбы, когда я проснулась и взор мой не встретил привычного взора, грусть мной овладела и я почувствовала, что я теперь одна, и после того, всякий раз как я ложилась спать или вставала, ее отсутствие мне стесняло грудь, теперь я уже привыкла. К чему судьба не заставит нас привыкнуть?

Мы поехали в церковь, я сидела в двухместной карете с Катей, во всю дорогу мы говорили об Адели, я трепетала за нее. В церкви нас ждали все родные князя, а их очень много. В продолжение обряда взоры Адели ни на минуту не отворотились от образов. Она мне после сказала, что не слыхала и не видала ничего, что происходило вокруг нее. Шаферами ее были брат Степан, который нарочно к свадьбе приехал и пробыл с нами две недели, и знакомый нам молодой человек, других братьев не отпустили. По окончании обряда мы поехали ужинать в дом молодых, на другой день был у нас большой обед, а на третий — бал у старого князя. Вот и все, головные уборы очень пристают Адели, она очень мила дамой.

16 мая 1838. Софья.

Примечания

¹ См.: Александрова Т.Г. Е.П.Лачинова в переписке ее сестер//Пушкинский музей: Альманах. [Вып.] 2. СПб., 2000. С. 232—239.

² См.: Майков Л. Пушкин: Биограф. материалы и ист.-лит. очерки. СПб., 1899. С.427—429.

³ Рус. архив. 1902. Кн. 2. С. 647.

⁴ Майков Л. Пушкин. С. 427.

⁵ См.: Рус. архив. 1902. Кн. 2. С. 643—660.

⁶ См.: Опочинин В. Новые сведения о Пехре-Яковлевском//Сборник общества изучения русской усадьбы. Вып. 1. М., 1928. С. 5—7.

⁷ Рус. архив. 1902. Кн. 2. С. 643.

⁸ Исаклы — имение Шелашниковых под Ореабургом.

⁹ Строганова Софья Владимировна, урожд. княжна Голицына (1775—1845), дочь Н.П.Голицыной, вдова графа Петра Александровича Строганова (1774—1817).

¹⁰ Щербатова Софья Степановна, урожд. графиня Апраксина (1798—1886), внучка Н.П.Голицыной, жена князя Алексея Григорьевича Щербатова.

¹¹ Дурасов Николай Николаевич (ум. 1840), дальний родственник Шелашниковых. Служил в Оренбурге при губернаторе В.А.Перовском. Впоследствии статский советник, камергер.

¹² Тансев Александр Сергеевич (1785—1866), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета, с 1831 года — статс-секретарь и управляющий Первым отделением Собственной Его Величества канцелярии.

¹³ Имеются в виду серные воды недалеко от Самары, популярное место отдыха в 1830—1840 годы.

¹⁴ Голицына Наталья Петровна, урожд. графиня Чернышева, княгиня (1741—1837), фрейлина, прототип графини в «Пиковой даме» А.С.Пушкина. Покровительствовала П.И.Шелашникову, который воспитывался в доме ее дочери Е.В.Апраксиной.

¹⁵ Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1756—1835) — поэт, член «Беседы любителей русского слова» и Российской академии. Имел репутацию графомана. Его стихи и он сам были постоянной темой для пародий и эпиграмм современников.

¹⁶ шутка: «Он глодал стихи, теперь его гложут черви» (франц.). Игра слов: ver — червь, vers — стихи.

¹⁷ Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт. Первый сборник его стихов (1835) имел большой успех у читателей.

¹⁸ Сверчков Иван Васильевич (ум. 1858) — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка.

¹⁹ Сверчков Алексей Васильевич (1792—1828) — действительный тайный советник, камергер, посланник при Тосканском дворе. Умер во Флоренции. Его жена — Сверчкова Елена Дмитриевна, урожд. графиня Гурьева (ум. 1834), дочь Гурьева Дмитрия Александровича, министра финансов при Александре I.

²⁰ не столько физически, сколько морально (франц.).

²¹ Зан Томаш (1791—1855) — польский дворянин, друг А.Мицкевича, окончил Виленский университет. За основание при университете тайного научно-нравственного общества «Филареты» («Любвище добродетель») в 1823 году был арестован и сослан в Оренбург с содержанием под арестом в течение года. В 1831 году по указанию губернатора Сухтелена был назначен устроителем местного музея при Неплюевском училище. Был частым гостем в доме Шелашниковых в Оренбурге.

²² угловатых, неловких (франц.).

²³ «Живописное обозрение» — первый в России научно-популярный журнал энциклопедического характера, богато иллюстрированный. Издавался в Москве в 1835—1844 годах.

²⁴ Жирарден, Дельфина (1805—1855) — французская романистка, поэтесса и драматург. Ее роман «Le marquis de Pontanges» был издан во Франции в 1835 году.

²⁵ Речь Николая I, произнесенная в Варшаве, выражала его резко отрицательное отношение к польскому национально-освободительному движению и содержала угрозу при малейшем возмущении разрушить Варшаву.

²⁶ Монферран Огюст (1786—1858) — архитектор. В ноябре 1835 года им был устроен грандиозный праздник по случаю женитьбы на французской актрисе Элизе Виргинии Веронике Пик де Бонне.

²⁷ красивыми безделушками (франц.).

²⁸ Сестры Наталья Николаевна Пушкиной Екатерина (1809—1843) и Александра (1811—1891) с 30 сентября 1834 года жили у Пушкиных в Петербурге.

²⁹ Михаил Павлович (1798—1849) — четвертый сын Павла I, великий князь, брат императора Николая I.

³⁰ Лачинова Екатерина Петровна, урожд. Шелашникова (1810 или 1813 — 1896) — писательница, жена Н.Е.Лачинова (1795—1876), флигель-адъютанта, генерал-интенданта Кавказского корпуса. Писала под псевдонимом Е.Хамар-Дабанов.

³¹ Историческая драма Н.В.Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» вышла в 1835 году.

³² О многочисленных толках в Петербурге по поводу этого балета свидетельствует запись в дневнике А.В.Никитенко от 26 декабря 1835 года: «В городе очень много толкуют о новом балете “Бунт в Серале”. Слово “бунт”, впрочем, заменено “восстанием”. Здесь особенно восторгаются сценой купания одалисок и военными эволюциями танцовщиц. Последнее, говорят, доведено до пределов возможного. Государь сам сездил на репетицию и наблюдал за этим».

³³ Он произвел фурор в Париже (франц.).

³⁴ Оренбургская знакомая Шелашниковых.

³⁵ Опера французского композитора Дж. Мейербера «Роберт-дьявол» (1831).

³⁶ произвела фурор (франц.).

³⁷ это слишком неприлично (франц.).

³⁸ Роман А.П.Степанова «Постоялый двор» (СПб., 1835).

³⁹ из-за небрежности (франц.).

⁴⁰ Леман — актер-предприниматель, прибывший в Россию в 1818 году. Его балаганы пользовались огромным успехом в Петербурге и Москве. В 1836 году пожар, самый большой за всю историю народных гуляний, уничтожил балаган Лемана.

⁴¹ Шелашников Николай Иванович (1778—1837) — генерал-лейтенант.

⁴² Сыновья генерал-лейтенанта, начальника 26-й пехотной дивизии Аполлона Николаевича Жемчужникова. Старший сын — Жемчужников Аполлон Аполлонович (1798—1848), с 1831 года полковник, обер-квартирмейстер при Отдельном Оренбургском корпусе, впоследствии генерал-майор, начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса.

⁴³ Картина К.П.Брюллова «Последний день Помпеи» была выставлена для обозрения в Петербурге в августе 1834 года.

⁴⁴ Базили Константин Михайлович (1809—1884) — коллежский секретарь, чиновник Министерства иностранных дел. Автор книг «Архипелаг и Греция в 1830—1831 гг.» (1834) и «Босфор и новые очерки Константинополя» (1836).

⁴⁵ Цитата из стихотворения «Смерть розы». См.: Стихотворения Владимира Бенедиктова. СПб., 1835. С. 2.

⁴⁶ по-гречески (франц.).

⁴⁷ «Современник» — см. сноску 9 на с. 218.

⁴⁸ Комедия М.Н.Загоскина «Недовольные» вышла из печати в 1836 году и в том же году была поставлена в театрах Москвы и Петербурга.

⁴⁹ Сестры Шелашниковы пытались помочь Е.З.Ворониной опубликовать в «Библиотеке для чтения» сделанный ею перевод повести французской писательницы Д'Абрантес, опубликованной в жур-

нале «*Revue Étrangère*» («Иностранное обозрение»). В письме от 1 сентября 1836 года Аделаида сообщает, что Сенковский отказал в печатании перевода, «потому что все, печатанное в *Revue*, никогда уже больше не печатается в его журнале».

⁵⁰ Шелашников Николай Петрович — офицер лейб-гвардии Московского полка.

⁵¹ Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — издатель, книгопродавец. В 1834 году основал журнал «Библиотека для чтения».

⁵² Сенковский Осип Иванович (1800—1858) — писатель, журналист, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», выступал в печати под псевдонимом Барон Брамбеус.

⁵³ Греч Николай Иванович (1787—1867) — писатель, журналист, редактор и издатель журнала «Сын Отечества» (1812—1839), соиздатель (совместно с Ф.В.Булгариным) газеты «Северная пчела» (1825—1860).

⁵⁴ сверх меры (франц.).

⁵⁵ и к тому же вы оказываетесь в курсе вестей из Парижа (франц.).

⁵⁶ Гагарин Юрий Павлович, князь (1811—1858) — полковник. Жена — Гагарина Лидия Аркадьевна, урожд. Рахманова, княгиня (1818—1895).

⁵⁷ угрюмое, хмурое (франц.).

⁵⁸ Языкова Екатерина Михайловна (1817—1862) — сестра поэта Н.М.Языкова, с июня 1836 года — жена Хомякова Алексея Степановича (1804—1860), писателя, критика, одного из идеологов славянофильства. Об их помолвке Пушкин сообщал в письме к жене из Москвы от 6 мая 1836 года: «Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста».

⁵⁹ и такая же негнушающаяся, как деревянная кукла (франц.).

⁶⁰ стыдливые и наглые (франц.).

⁶¹ фатовство (франц.).

⁶² мои иллюзии прошли (франц.).

⁶³ Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович (1797—1837) — писатель, литературный критик, издавал совместно с К.Ф.Рылеевым альманах «Полярная звезда» (1823—1825), декабрист. Сослан в Якутск, в 1829 году переведен рядовым на Кавказ. Убит в стычке с горцами.

⁶⁴ маленьким обществом (франц.).

⁶⁵ Разумовский Алексей Кириллович, граф (1748—1822) — сын гетмана Малороссии К.Г.Разумовского. В 1810—1816 годах — министр народного просвещения. Братья Перовские — внебрачные дети Разумовского, получившие фамилию от принадлежавшего Разумовскому села Перово под Москвой.

⁶⁶ Волков Николай Аполлонович (1795—1858). Жена — Волкова Екатерина Андреевна, урожд. Оболенская (1796—1849).

⁶⁷ вся обстановка аристократического дома (франц.).

⁶⁸ манера одеваться (франц.).

⁶⁹ приличного человека (франц.).

⁷⁰ фат (франц.).

⁷¹ элегантного тщеславия (франц.).

⁷² Арендт Николай Федорович (1785—1859) — врач-хирург, с 1829 года — лейб-медик Николая I. Руководил лечением раненого на дуэли Пушкина.

⁷³ Коссаковская Александра Ивановна, урожд. Лаваль, графиня (1811—1886) — с 1829 года жена церемониймейстера графа С.О.Коссаковского. Знакомая Пушкина.

⁷⁴ женщины беседуют мало, мужчины скучны, они слоняются по гостиним, словно друзья по несчастью (франц.).

⁷⁵ но это наш старый оренбургский знакомый (франц.).

⁷⁶ моя возлюбленная Евгения (франц.).

⁷⁷ мы более близки (франц.).

⁷⁸ у нас был литературный обед (франц.).

⁷⁹ Ростопчина Евдокия Петровна, урожд. Сушкова, графиня (1811—1858) — поэтесса. Сестры были знакомы с Ростопчиной с детства, когда семья Шелашниковых жила в Москве.

⁸⁰ Ростопчин Андрей Федорович (1813—1892) — сын московского генерал-губернатора Ф.В.Ростопчина, впоследствии тайный советник.

⁸¹ Письмо отражает не столько действительные причины дуэли Пушкина, сколько те слухи о ней, которые циркулировали в Москве и Петербурге.

⁸² В свете ходили самые разнообразные толки о Дантесе, возникшие в связи с его блестящей карьерой. В действительности его усыновил в мае 1836 года нидерландский посланник при русском дворе барон Геккерн Луи Борхард де Беверваард (1791—1884), содействовавший карьере Дантеса с момента знакомства с ним в 1833 году.

⁸³ Дантес женился 10 января 1837 года на старшей сестре Натальи Николаевны Пушкиной — Екатерине Николаевне Гончаровой (1809—1843).

⁸⁴ я жертвую счастьем моей жизни ради спасения вашей чести (франц.).

⁸⁵ Во многом благодаря ходатайству В.А.Жуковского Николаем I была назначена пенсия вдове и детям поэта, сыновья определены на казенный счет в Пажеский корпус, разрешено издание сочинений Пушкина в пользу вдовы и детей.

⁸⁶ будут в пользу вдовы (франц.).

⁸⁷ О подобном искажении фамилии Дантеса пишет в воспоминаниях секунданта Пушкина К.К.Дан-

зас: «По поводу принятия Дантесом фамилии Гекерена кто-то, в шутку, распустил тогда в городе слух, будто солдаты Кавалергардского полка, коверкая фамилии — Дантес и Гекерен, говорили: “Что это сделалось с нашим поручиком, был *дантист*, а теперь вдруг стал *лекарем*”».

⁸⁸ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историк, литератор, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, камергер. Друг Пушкина. Провел многие часы в квартире умиравшего поэта, сопровождал его тело в Святогорский монастырь. В письмах к друзьям описал историю дуэли и последние дни жизни Пушкина.

⁸⁹ Герой пьесы А. Дюма-отца «Кня, или Беспутство и гениальность» (1836), прототипом которого является английский актер Эдмонд Кин (1787—1833).

⁹⁰ Кентавр Несс послужил причиной смерти Геракла, одежда которого, пропитанная кровью кентавра, приросла к телу и снялась вместе с его кожей. Герой пьесы Дюма Кин говорит: «<...> ремесло актера — это одеяние Несса, которое можно сорвать с себя только вместе с собственной кожей!» (д. 2, сцена 8; пер. Э.Л.Линецкой).

⁹¹ «Кня, или Беспутство и гениальность» (франц.).

⁹² придворном мундире (франц.).

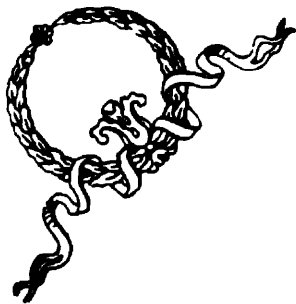
⁹³ парадный придворный костюм, установленный для дам и фрейлин в 1833 году с учетом особенностей национальной русской одежды.

⁹⁴ Гудович Анна Андреевна (1819—1882) — графиня, в замужестве княгиня Трубецкая. Муж — Трубецкой Николай Иванович, князь (1807—1874).

⁹⁵ Оболенский Михаил Андреевич, князь (1811—1866). В нашей публикации «Е.П.Лачинова в переписке ее сестер» допущена ошибка: мужем Аделаиды был назван князь Оболенский Михаил Андреевич (1806—1873), директор архива Министерства иностранных дел. См.: Пушкинский музей: Альманах. [Вып.] 2. С. 232.

⁹⁶ Отец — Оболенский Андрей Петрович, князь (1769—1852), тайный советник, в 1817—1825 годах — попечитель Московского учебного округа. Мать — Оболенская Софья Павловна, княгиня (1787—1860), урожд. княжна Гагарина.

⁹⁷ флердоранжа (франц.), т. е. белых цветов померанцевого дерева (принадлежность свадебного убора невесты).

Н.И.Михайлова

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ «ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН» («сыр Лимбургский»)

К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром Лимбургским живым
И ананасом золотым (VI, 11).

Н.Л.Бродский, комментируя приведенный выше фрагмент строфы из «Евгения Онегина», отмечал, что названные Пушкиным «яства особенно ценились гастрономами и долго были в ходу». ¹ «В № 15 “Московского телеграфа” 1832 г., — писал комментатор, — рассказывается, что для денежных людей дельцы “мелкой торговли и промышленности” мигом доставят “пироги из Страсбурга, сыр из Лимбурга”, “горы ананасов”, “с благородных полей Шампани польются реками вина”». ²

В комментарии Ю.М.Лотмана представлены следующие сведения о лимбургском сыре: «<...> импортировавшийся из Бельгии очень острый сыр, с сильным запахом. Лимбургский сыр очень мягок и при разрезании растекается (*живой*), ср. другое объяснение: “покрытый слоем «живой пыли», образуемой микробами” (Словарь языка Пушкина. Т. I, с. 790)». ³

Существенные уточнения и дополнения к комментарию рассматриваемой строфы из «Евгения Онегина» — в письме историка и писателя, знатока кулинарии В.В.Похлебкина к С.И.Бэлзе от 21 августа 1998 года. С любезного разрешения С.И.Бэлзы, у которого письмо хранится, приводим из него интересующие нас фрагменты:

«Теперь о сыре. Во-первых, географически — Лимбургов всего четыре. Хотя все близки территориально. Но сыр Limburger производят и производили только в одном Лимбурге — городке близ Льежа, а главное — в самом Льеже (в то время — Люттих, Lutich). Так что лимбургский сыр — бельгийский, даже скорее валлонский, а не голландский, хотя провинция Лимбург ныне в Голландии. <...> Limburger (т. е. лимбургский по названию) производит сейчас ФРГ. <...>

Вообще современный лимбургский (Herve, Remondou) — тоже далеко не таков, как надо. Он заводской, промышленный, а настоящий лимбургский — крестьянский, ручной, который делали маленькими порциями. Его главное отличие — вонючий, т. е. как

раз такой, о котором писал Джером К. Джером. Именно сильный аромат — и есть признак Лимбургского сыра. <...>

Пушкин под словом “живой” имел в виду вовсе не каких-то червей, как все вы, интеллигенты неисправимые, об этом думаете. А он имел в виду — запах. Русский язык надо знать. Живой дух = русский дух — это и есть вонь. Для нач. XIX в. (конца XVIII в.) — это нормальное восприятие слова “живой”. А не черви. Червей выдумал лишь человек нач. XX в. (конца XIX в.) — при слове “живой”. Для него “живой” — это копошащийся, т. е. в нач. XX в. все, что связано с насекомыми — вошь, клопы, тараканы, <...> в т. ч. и черви.

В Лимбургском сыре — микрофлора, т. е. попросту плесень: естественно, она живая. Но Пушкин об этом не знал и не ее имел в виду, а запах (микробы стали известны в России после Мечникова, т. е. в конце XIX — нач. XX в.).

Теперь самое главное — о времени появления в России лимб. сыра. Это знаю только я. <...>

Как крестьянский сыр лимбургский производится в Льеже (Валлония) с XIV—XV вв. И как сугубо местный, узкий, не был известен даже в Брюсселе и Париже, а не то что в остальной Европе — вплоть до XIX в. В конце XVIII в. революц. Франция завоевала Валлонию, Фландрию, Верхний Рейн, Арденны, а Наполеоновская империя к 1807 г. фактически завоевала всю Европу. По Тильзитскому миру Россия должна была покупать все у Франции и у стран континента, но прекратить совершенно торговлю с Англией. Вот в этот период: с 1808—1811 — и появился впервые Лимбургский сыр в России, ибо Франция сбывала все, что собирали франц. оккупационные власти с покоренных стран. Но в это время Пушкин был еще мал. Затем, после 1815 г., фактически с 1818, после Аахенского конгресса, начался импорт в Россию западноевропейских пищевых изделий для высших классов: сыров, вин, коньяков, кондитерских изделий. Французы-рестораторы в Петербурге завозили дешевые европейские сыры типа Лимбургского (скороспелый сыр) и продавали их русским дворянам за французские по высокой цене, в том числе и лимбургский. Но потом наши разобрались, и лимбургский исчез в 40-х годах.

P.S. Если у благородных, дорогих франц. и англ. сыров: Рокфор, Данблю, Сталтон — микрофлора голубая-синяя, то у дешевых, типа каламбер и лимбург, — белая или красновато-розовая, палевая. У лимбурга — красноватая. Это важное отличие!

P.P.S. Вот еще одно интересное соображение. <...>

Дело в том, что если Пушкина “задел” лимбургский сыр и он попытался выяснить о его происхождении что-то, то он должен был бы натолкнуться на имя Герцога Лимбургского Гвидо VI (1364—1371 гг.; правил, когда этот сыр возник). А это имя он и использовал для Гвидона (дал русское твердое мужское окончание). Ведь правителей (князей, герцогов) с этим именем в Европе больше не было. Только в Лимбургской династии. Там Гвидо и Вольрамы (от 1-го до 4-го и 6-го). А то у нас даже в серьезных книгах литературоведов пишут — вот, мол, Пушкин нашел древнерусское имя Гвидон и восстановил (!?!?) древнюю русскую сказку о лебеде».

Сведения, сообщенные в письме В.В.Похлебкина, в свою очередь могут быть уточнены и дополнены.

О том, насколько сильно пахнувшим, вонючим был лимбургский сыр, свидетельствует забавный рассказ из «Воспоминаний» Е.Ю.Хвоцинской (опубл. 1898): «Однажды он (дедушка. — Н. М.) собрался делать визиты, принарядился, раздушился и перед выездом велел подать закусить на скорую руку. Подали к закуске и лимбургский сыр, который дедушка велел отнести, говоря, что когда собираешься

с визитами, лимбургский сыр нельзя есть. Отец, бывши в комнате, остановил человека, сказав: “Так как я, папа, сегодня не еду, желая вам дать полную свободу действий, позвольте оставить сыр — я им займусь”, — и принялся кушать. Между тем на уме у него было другое! Когда дедушка нагнулся к столу, выбирая закуску, он потихоньку вложил в его карман кусок сыра, который дедушка опасался даже кушать. Надушив себя еще раз, боясь захватить с собою дурной запах от близкого соседства сыра и не подозревая, что он в его кармане, дедушка уехал. Его ужасу и удивлению не было границ, когда он, посещая элегантные салоны великосветских красавиц, был преследуем невозможным запахом... В каждой швейцарской он приказывал оглядывать свой туалет, не понимал, откуда подобный запах, но все было на нем чисто и элегантно. Он был в отчаянии, когда некоторые дамы при его появлении, не стеснясь, держали носовые платки у носа... Не кончив визитов, раздраженный, вернулся он домой, и там дело разъяснилось: в кармане камердинер нашел кусок лимбургского сыра». ⁴

Онегин в ресторане Талона вкушает лимбургский сыр в конце своей изысканной трапезы. Это десерт. «В аристократических домах к десерту могли подавать сыр: Брийа Саварен считал, что десерт без сыра как прекрасная женщина, у которой нет глаза. Чаще всего использовали мягкие сыры, их ели с сахаром. Анекдот повествует, что на конгрессе в Вене Талейран давал обед. Во время десерта речь зашла о том, какой из сыров должно считать лучшим. Лорд Кастлриг советовал английский стилтон; Альдини — миланский старкино; Зельтер — шведский гриер; датский министр барон Фальк — лимбург...». ⁵

Пушкину был известен анекдот о Петре I из книги «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным»: «Петр Великий, по голландскому обычаю, кушал после обеда масло и сыр. Особливо ж он любил лимбургский сыр, который ему отменно понравился, заметивши прежде, что редко подавали иногда небольшие остатки, вынял он из кармана математический свой инструмент, вымерял остаток своего сыру и записал его меру в записной книжке; Фелтен (обер-кухмистер Петра I.— Н. М.) не был тогда при столе, а как он после этого вошел, то государь сказал ему: “Этот сыр отменно хорош и мне очень полюбился; спрячь его, не давай ни кому и ставь его всегда на стол, пока он изойдет”. По сему приказанию на другой день сыр подан был на стол, но, к несчастью обер-кухмистра, не осталось уже и половины. Государь тотчас заметил сие, взял записную свою книжку и масштаб, вымерял остаток сыру и нашел, что половина того, сколько снято было со стола, была съедена. Он приказал позвать обер-кухмистра и спросил: отчего столько убыло сыру со вчерашнего дня? Фелтен отвечал, что он этого не знает, ибо он его не мерял. “А я его вымерял”, — сказал император, приложивши масштаб, показал ему, что половины сыра не доставало. Потом его величество еще спросил, не приказывал ли он ему спрятать этот сыр. “Так, — отвечал Фелтен, — но я это позабыл”. — “Погоди ж, я тебе напомню”, — сказал государь, встал из-за стола, схватил свою трость и, поколотивши ею обер-кухмистра, сел опять за стол и кушал спокойно свой сыр, которого остатки после того еще несколько дней подаваемы были на стол». ⁶

Приведенный выше анекдот о Петре I свидетельствует о том, что лимбургский сыр был известен русскому двору еще в первой четверти XVIII века, т. е. задолго до указанного В.В. Похлебкиным 1808 года. Правда, пока это был царский деликатес. А в 1800 году «Московские ведомости» уведомляли всех желающих его приобрести: «Близ Кузнецкого мосту, в доме Гж Полуехтовых, в лавке Урбена под № 346, получены всякие новые Дамские уборы, таковые же товары и Лимбургский сыр». ⁷

В допушкинской поэзии мы не нашли упоминаний лимбургского сыра. Уже после того, как он появился в романе «Евгений Онегин», В.С.Филимонов в поэме 1832 года «Обед» наряду с другими сырами воспел и лимбургский:

Бокал кипит пред круговую,
Чего-то ждет веселый пир.
Вот он, с соленою слезою,
Гость милый наш, швейцарский сыр,
Пахучий, сочный, ноздреватый;
И вот британский красноватый,
Иных любимец, тех тиран;
Вот лимбургский, стеклом покрытый;
Вот лягрюер и знаменитый
Миндальный, свежий пармазан.⁸

Примечания

¹ Бродский Н.Л. Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителя. 5-е изд. М., 1964. С. 71.

² Там же.

³ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. 2-е изд. Л., 1983. С. 143.

⁴ Цит. по: Лаврентьева Е. Светский этикет пушкинской поры. М., 1999. С. 540.

⁵ Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды. СПб., 1996. С. 86.

⁶ Цит. по: Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк, 1993. С. 354—355.

⁷ Моск. ведомости. 1800. 4 янв.

⁸ Филимонов В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы; Материалы к биограф. В.С.Филимонова. [М.], 1988. С. 194.

И.В.Кошневко

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЭПИГРАФЫ
РОМАНА В СТИХАХ
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

Текст и внетекстовый мир романа в стихах «Евгений Онегин» органически связаны, живут в постоянном отражении, перекликаются намеками, отсылками, то звуча в унисон, то бросая друг на друга иронический ответ, то вступая в столкновения. Понять роман, не зная окружающей Пушкина русской жизни во всем ее многообразии, невозможно. Здесь важно все, вплоть до мельчайших черточек. В полифонический мир пушкинского романа вводят, прежде всего, эпиграфы к нему, выполняя при этом самые разные функции. М.П.Алексеев писал по поводу эпиграфов у Пушкина: «Говоря вообще, поэтика эпиграфа у Пушкина как тончайшего искусства словесного сопоставления, выбора и применения чужих слов для лучшего уразумения или особой рекомендации читателям собственного авторского текста, эпиграфа, порою сходного со своего рода введением в тональность в музыкальном произведении, с инструментальной прелюдией, предпосланной вокальному тексту, давно заслуживает специального систематического изучения во всех многообразных функциях, какие эпиграф выполняет в его творчестве». ¹ В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением в их взаимосвязи общего или главного эпиграфа к роману и эпиграфами к первой и к последней главам, действие которых происходит в столице, чем смыкается действие по закону кольцевого приема.

Главный эпиграф впервые появился в публикации 1825 года и был отнесен к первой главе; только в 1833 году в первом отдельном издании «Евгения Онегина» он стал эпиграфом ко всему роману:

«*Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil fait avouer la meme indifferenée les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorite peut-etre imaginaire.*

Tiré d'une lettre particuliere»; (перевод: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может, мнимого. Извлечено из частного письма» (VI, 2; 662).

«Помета “извлечено из частного письма” — фиктивная», — писал Ю.М.Лотман. ² Текст эпиграфа несомненно принадлежит Пушкину, хотя и навеян, как то указал В.В.Набоков, несколькими литературными источниками. Лотман в своем комментарии проигнорировал это указание, выразив тем самым свое с ним несогласие. Между тем помимо текстовального и смыслового сходства пушкинского эпиграфа и текстов, приводимых Набоковым, прислушаться к его мнению склоняет еще одно обстоятельство. Дело в том, что помимо реминисценций из пассажа Н. де Мальбранша в «Разысканиях истины» и аллюзий на Ж.-Ж.Руссо Набоков указывает на памфлет Эдмунда Бёрка в той его части, где речь идет о тщеславии Руссо в описании своих недостатков как проявлении нестерпи-

мой гордости. Этот текст действительно близок пушкинскому, но главное то, что его автор — Бёрк. Ведь цитату именно из его сочинения использовал Пушкин в отвергнутом эпитафии к роману: «Nothing is such an enemy to accuracy of judgment as a coarse discrimination. *Burke*» (VI, 543).

Поставив эпитафией эту цитату, Пушкин, по словам В.В.Набокова, возможно, «намекал» «на читателей, не делающих “разграниченья” между автором и его персонажами <...>», — эта мысль вновь возникает в гл. 1, LVI, где Пушкин настаивает на разнице между автором и главным героем, дабы не получить обвинения в подражании Байрону, который в своих героях выводил себя». ³ По мнению Набокова, Пушкин «набрел на эту цитату в чьем-нибудь альбоме <...>», а «мысль снабдить легкомысленную историю эпитафией философского толка явно позаимствована у Байрона». ⁴

Уже цитированная выше обобщающая работа, посвященная этому отвергнутому эпитафии, в которой оценено и место Набокова в установлении его источника, принадлежит М.П.Алексееву. Нас должно интересовать здесь то, что, отказавшись от этого эпитафии из Бёрка, Пушкин прибегает к другому источнику из него же в окончательном своем эпитафии. Новый эпитафия впервые появляется в белой рукописи 1823 года, а с поправками — в копии, относящейся к концу 1824 года, которую отвез Лев Сергеевич Пушкин в Петербург для предстоящего издания первой главы. Исправление касается определения тщеславия и особенной гордости: первоначальное «*Pas entièrement exempt de vanité*» («Не вполне свободный от тщеславия») исправлено в копии Л.С.Пушкина на «*Pétri de vanité*» («Проникнутый тщеславием»; VI, 544). У Бёрка говорится об изощренном тщеславии (по-французски *extravagante vanité*).

Представляется уместным соотнесение этого французского эпитафия, сложившегося в окончательном виде в копии Льва Сергеевича, с написанным на французском же языке письме Пушкина к брату, датируемом сентябрем — октябрем 1822 года (XIII, 49—50). Характерно, что оно написано Пушкиным именно по-французски, хотя все его письма к брату до того и после писаны по-русски. Причина тому видится в том, что в области тончайших нюансов при выражении чувств и психологических переживаний, о которых идет речь в этом письме, Пушкину оказывается недостаточным русского лексикона, в то время как во французском литературном языке эта сфера была давно разработана. Сближает письмо и эпитафия не только цель и направленность, но самая их тональность. Изложенные в этом письме правила, которым должен был, согласно бытовавшему тогда мнению, следовать молодой человек, вступающий в свет, во многом сходны с тем кодексом поведения, которому следует Онегин. Сюда входит и холодность в обращении с людьми, исключаящая фамильярность, и презрение к ним, подразумевающее наличие в людях всего дурного, «что только можно представить», и т. д. В романе будет использовано (что не однажды уже было замечено) суждение о том, что, «чем меньше любят женщину, тем вернее овладевают ею», в известных строках четвертой главы:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей...

Сюда же переключалась из того же письма и реплика по поводу этого суждения на счет Вольтера («Но эта забава достойна старой обезьяны XVIII столетия»):

Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен... (VI, 75).

Представляется, что, оценивая эпиграф, следует принять во внимание и то, что первоначально первая глава посвящалась автором младшему брату Льву Сергеевичу.

Содержание рассматриваемого эпиграфа чаще всего относят к главному герою — Евгению Онегину. Таков, например, комментарий, написанный в 1877 году А.Вольским («Объяснения и примечания к роману А.С.Пушкина “Евгений Онегин”»): «Отношение этих слов ко всему роману то, что ими изображается в общих и существенных чертах характер героя романа — Онегина». ⁵ В том же ключе толкуется эпиграф Л.П.Гроссманом, Н.Л.Бродским, В.В.Набоковым и Ю.М.Лотманом.

По словам исследователя, «Л.Гроссман видел в этом эпиграфе утверждение в Онегине дендизма, с основной присущей денди чертой — тщеславием. “Ибо Онегин тщеславен,— писал он,— знаменитый эпиграф к роману выделяет эту черту <...>». ⁶ В комментарии Н.Л.Бродского 1932 года читаем: «В этом отрывке схвачены проявления того “онегинства”, которое, будучи раскрыто в 1-ой же главе романа, носит все признаки психологической ущербности, присущей аристократической прослойке европейского дворянства на его историческом закате в эпоху растущего торжества буржуазии <...>». ⁷ А в 1937 году тот же исследователь писал: «Англомания Онегина проявлялась в различных формах: в туалете, в пристрастии к “roast-beef’у окровавленному”, в интересе к Адаму Смиту и в том сложном сплаве настроений, привычек, манеры держаться в обществе, который назывался дендизмом и который был присущ европейской аристократии, английской в частности, в период ее исторического заката в конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. Эпиграф к роману четко характеризует это культурно-бытовое явление <...>». ⁸

По поводу окончательного эпиграфа Ю.М.Лотман замечает: «Характеристика героя как “проникнутого тщеславием”, возвышающегося над уровнем посредственности и равнодушного к морали дает лишь одну из его возможных оценок, а не всестороннюю интерпретацию. В первом издании главы, вышедшем отдельной книжкой, эпиграф входил в полифоническое окружение. Рядом с ним выступали, освещая с иных точек зрения текст первой главы, “Разговор книгопродавца с поэтом” и “Предисловие”, в котором П<ушкин>, предвосхищая образ Белкина, являлся под маской постороннего издателя (“Звание издателя не позволяет нам ни хвалить ни осуждать сего нового произведения — Мнения наши могут показаться пристрастными...” — VI, 527—528). См.: Алексеев М.П. Заметки на полях.— Временник Пушкинской комиссии 1974. Л., 1977, с. 98—107». ⁹

Существует еще один взгляд на эпиграф. С.М.Громбах в 1969 году высказал такое мнение: «<...> “он” эпиграфа — это вовсе не герой романа, не Онегин, как настойчиво истолковывали все исследователи: “он” — это автор, “равнодушным” признанием которого “как в хороших, так и в дурных поступках” служит глава из романа, следовавшая за эпиграфом. <...> “Онегин — не я, но его дурные и хорошие поступки — мои”, — говорит автор своим романом и эпиграфом к нему. <...> эпиграф подчеркивает не только и не столько автобиографичность героя, как это кажется на первый взгляд, сколько утверждает его типичность». ¹⁰

Считая целесообразным придерживаться традиционной точки зрения на эпиграф, мы считаем его одной из характеристик героя (характерологическая функция эпиграфа). Сама по себе это характеристика человека нового, послепетровского, т. е. петербургского, уклада русской жизни. Однако эпиграф по своей насыщенности как бы предвосхищает дальнейшее развитие событий романа, указывающее на то, что когда он возник в 1825 году, линия Онегина в нем была уже продумана. Этой

особенностью эпитафии можно объяснить то, что, хотя в первой главе герой и обрисовывается с разных сторон, что объясняет первоначальную принадлежность его именно этой главе, но Пушкину понадобился более точный для нее эпитафия, отражающий причины тщеславности, гордости и равнодушия Онегина. Так появляется цитата из П.А.Вяземского, а заимствование «из частного письма» как важная оценка личности героя становится общим эпитафием и намечает линию поведения Онегина.

Эпитафия написана по-французски и настраивает нас на восприятие героя как личности европейского типа. Но Онегин — русский человек, его «говорящая» фамилия вынесена в название романа. Такое противоречие обусловлено самой жизнью, описываемой Пушкиным, и он постоянно подчеркивает его, в том числе и в эпитафиях. Перед нами тип личности европейского происхождения, сформировавшийся на русской почве. Такое противоречие снимает романтические законы, которые были так популярны до и после написания «Евгения Онегина». В русской литературе впервые появляется противоречивая личность, в которой выражены, обобщены характерные черты определенного типа личности молодого человека начала XIX века. С одной стороны, это было необычно для того времени, а с другой — предмет изображения подчеркнуто обыкновенен, обычен («<...> как вы, как я, как целый свет»). Онегин — мыслящий человек, а потому кажется странным; он отчуждается от общества, причем и от высшего, а позже — и от провинциального. Он не исключительная личность, не гений; по образу жизни и по способностям он такой же, как все. Его образ деромантизируется, поскольку введен в сферу обычной жизни, в реальность, обусловлен определенными обстоятельствами. Пушкину важно показать процесс формирования личности в обстоятельствах.

Эпитафия является «интересной и уж бесспорно не случайной “увертурой” к роману».¹¹ Для нас важна еще одна функция эпитафии. Отсылка к «частному письму» настраивает нас на что-то личное, доверительное и соотносится со всем романом, который имеет структуру письма. Необходимо рассмотреть особенности формы письма в романе — обращение (определение адресата), рассказ о каких-то важных событиях, размышления, возможность поделиться переживаниями, чувствами, эмоциями, прощание. Все эти особенности соблюдаются на всем протяжении романа. Так, адресат вводится с первых строк «Евгения Онегина»: «Хотел бы я тебе представить...», «прими...», «Друзья Людмилы и Руслана», «мой читатель». К кому только не обращается Пушкин в своем романе: «Мои богини! ...Услышу ль вновь я ваши хоры?», «И вы, красотки молодые...», «О вы, почтенные супруги!», «Вы также, маменьки...», «Кстати, братья...», «друзья», «милые друзья», «достопочтенный мой читатель», «Я шлюсь на вас, мои поэты...», «Как ты, Языков вдохновенный», «Тебя тревожить, милый мой» (к Е.А.Баратынскому), «Прими... Поклонник мирных Аонид...» и т. д. Поэт разговаривает со своими героями: «Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью...», «мой Онегин» и др. У читателя создается иллюзия, что он находится вместе с героями, с автором, видит и слышит все происходящее: «Теперь послушаем украдкой Героев наших разговор...», «терпенья вашего прошу», «Вы согласитесь...» и др. Пушкин беседует с самым разным читателем (письмо всем, обобщенный адресат), с героями в форме непринужденной, ни к чему не обязывающей «болтовни». Роман-письмо строится по калейдоскопическому принципу: диалог с множественностью точек зрения, со множественностью адресатов (точных) является признаком романного жанра, по Бахтину, и порождает принципиальную незавершенность, открытость романа. Нам важно подчеркнуть форму романа — беседы, письма, «болтовни», то есть форму открытой структуры. Таким образом, эпитафия ори-

ентирован на строение романа в целом, то есть выполняет архитектурную структурообразующую функцию.

О том свидетельствует и завершение Пушкиным романа, выдержанного в жанре письма,— прощанием, причем и в конце самого текста, и в эпитафе к *восьмой главе*. Исходя из этого, рассмотрим эпитаф к последней главе, взятый из Байрона: *«Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай»* (VI, 65).

Положение восьмой главы в романе придает ее эпитафу особое значение — некоей обобщающей формулы, вытекающей из содержания всего произведения. Само имя автора уже отсылает к «байронизму», в течение всего романа Пушкин упоминал о нем. Уже общий эпитаф связывает характер главного лица с «байроническим героем». Образ поэта-беглеца, тема байронического разочарования, тема прощания были в то время ведущими в европейском и русском романтизме. Тема прощания является сквозной, например, в «Паломничестве Чайльд-Гарольда». «Поэзия Байрона, воспитанная, как и поэзия молодого Пушкина, на идеологическом наследии французской буржуазной мысли XVIII в., на “вольномудстве” и критицизме идеологов буржуазной революции, создает романтический образ мятежного героя-индивидуалиста, пессимистического и разочарованного, героя-отщепенца, находящегося в конфликте с современным обществом, и преступника с точки зрения господствующей морали. Все творчество Байрона превращается в лирическую исповедь этого героя», — такую характеристику поэзии Байрона дает В.Жирмунский.¹² «Байронический герой перестает сливаться с личностью автора и понимается как объективное явление времени, на которое П<ушкин> смотрит как на характерную черту эпохи».¹³

Стихи Байрона «разносились» тогда на эпитафы многими поэтами. Цитата из романтического произведения попадала в романтический контекст. Пушкин поместил ее в контекст необычный — неромантический. Тема прощания звучит в реалистическом произведении, сохраняя свой лиризм, но переосмысливаясь в соответствии с новыми эстетическими требованиями. С этим связана ирония в описании самого романтизма («унылый романтизм») и поэта-романтика (Ленский), а иногда — полемика с романтизмом, противопоставление ему иной художественной системы (реалистической).

В эпитафе к восьмой главе мы сталкиваемся с присущим Байрону романтическим максимализмом: «Прощай <...> навсегда». Но он же настраивает нас и на ироническое осмысление главы. С одной стороны, эпитаф говорит о завершении романа, с другой — это роман без конца, так как введена «смягчающая» максимализм вводная конструкция («и если навсегда, то...»). Мотив варьируется. В душе лирического героя как будто живет слабая надежда, что это прощание не навсегда.

Поэтическая мысль у Пушкина часто допускает внутреннее противоречие. Уже в авторском «прощании» с первой главой обращают на себя внимание строки «противоречий очень много, Но их исправить не хочу <...>» (VI, 30). Звучит промежуточный мотив, отступающий перед «но». Насквозь вариативны письмо Татьяны, монолог Онегина, строфы о возможной судьбе Ленского, прощальный монолог Татьяны и др.

Этот вариативный мотив обуславливает психологизм ситуации, делает ее неоднозначной. Эпитаф восьмой главы может рассматриваться в таком свете как сквозная для романа поэтическая формула, созвучная целому ряду его «веховых» ситуаций, благодаря своей вариативности воплотившая тонкую диалектику человеческих отношений и чувств.¹⁴

Итак, эпитаф создает противоречивость ситуаций, двойственность, которые рождают открытую структуру романа. Ситуация Евгения и Татьяны также ничем не завершается; Онегин остается на распутье. Пушкин оставляет своего читателя среди этих размышлений о жизни, о любви, о выборе.

Толкование эпиграфа первоначально вызвало полемику. Н.Л.Бродский писал: «Эпиграф может быть понят трояко. Поэт говорит “прости” Онегину и Татьяне (см. L строфу); Татьяна посылает прощальный ответ Онегину (продолжение в стихотворении Байрона: “<...> даже если ты не простишь меня, мое сердце никогда не будет восставать против тебя”); Онегин этими словами шлет последний привет любимой». ¹⁵ Однако А.Иваненко в рецензии на его книгу, указав на допущенные тогда ошибки в переводе эпиграфа, заметил, что слова о прощании навсегда «могут относиться только к прощанию героев друг с другом, а не к авторскому прощанию с ними». ¹⁶ И Ю.М.Лотману «вопрос в трактовке Бродского представляется излишне усложненным. Он решается непосредственным обращением к тексту XLIX строфы, где автор прощается с читателем своего романа <...>, и к строфе L, где дано прощание автора с героями и романом в целом. <...> Смысл эпиграфа проясняется и текстологически: он появился лишь в белой рукописи, когда П<ушкин> решил, что восьмая глава будет последней». ¹⁷ Но необходимо отметить, что в самой структуре эпиграфа заложено развитие мотива прощания, ведь эпиграф «тесно связан именно с этой главой, с ее последними строфами <...>». ¹⁸

Пушкин прощается с читателем, намекая на возможное домысливание дальнейшей реальной судьбы персонажей (роман «без конца» предполагает достоверность жизни героев вне романа):

Кто б ни был ты, о мой читатель,
 Друг, недруг, я хочу с тобой
 Расстаться нынче как приятель.
 Прости <...>
 .....
 За сим расстанемся, прости! (VI, 189).

Пушкин акцентирует свою переключку с читателем. «Прости» напоминает нам об исповеди, когда прощение дается Богом. Функция прощения отдана читателю, который должен вынести свой суд об авторе, о произведении, его проблемах и героях.

Когда Пушкин прощается с произведением, он дает ему жанровое определение — «даль свободного романа»:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
 И ты, мой верный Идеал,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый труд (VI, 189—190).

Таким образом, эпиграф ориентирован на структуру восьмой главы как завершающей и структуру романа в целом. Роман-«письмо» был начат с «письма» и традиционно завершён в этом жанре — «Прощай».

Обратимся к оценочной функции этого эпиграфа, который в большей степени, чем любой другой, придает произведению оттенок лиричности. В него открыто введено авторское отношение: оттенок грусти, печали, связанный с расставанием (автор прощается с читателем, героями, романом). Это глубоко лиричный, субъективный подход. Большинство эпиграфов «Онегина» «лишены авторского лица, авторского отношения к тексту», и здесь обращает на себя внимание тот факт, что «эпиграф к VIII главе снова носит субъективный характер», ¹⁹ как и эпиграф к роману.

Вспомним стихотворение «Труд», написанное на окончание «Евгения Онегина»:

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
 Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
 Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
 Плату приявший свою, чуждый работе другой?
 Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
 Друга Авроры элатой, друга пенатов святых? (III, 230).

Оно написано гекзаметром, обращаясь к которому Пушкин ощущал себя равным великим своим предшественникам, писавшим этим торжественным метром. Если Гомер написал «историю» античной Греции, то Пушкин создал «энциклопедию русской жизни». В создающемся таким образом метатекстовом хронотопе огромного культурно-исторического масштаба синтезирован мотив Горациева «Памятника», подключающий «Евгения Онегина» к мировой творческой традиции.

Пушкин чувствует опустошение после окончания работы, ведь автор остается в стороне от дальнейшей жизни произведения, а потому испытывает грусть. В эпитафье реализована содержательно — подтекстовая информация. Доминирующей признается структурообразующая функция.

Возвращаясь к эпитафье к первой главе, который пришел на смену тому, что был переведен в разряд главного ко всему роману, попытаемся определить его место и его функцию. Эпитафья взят из заключительной, философской части стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег»: «И жить торопится и чувствовать спешит» (VI, 5). Пушкин высоко ценил эту элегию Вяземского, которую он считал «прелестью» (XIII, 15). Многочисленные реминисценции из «Первого снега» в поэзии Пушкина, от стихотворений 1820 годов вплоть до «Осени» (1830), прослежены многими исследователями.²⁰ К этой элегии Пушкин в «Онегине» обращается помимо эпитафьи еще три раза: при описании зимы в четвертой главе, XLIII; в начале пятой главы, III; в седьмой главе, XXIX.

В стихотворении Вяземского нет попытки представить типическую общую физиономию современного человека, «героя» начала века (с пролетающей молодостью сравниваются несущиеся сани). В романе Пушкин переосмысливает афористические формулы Вяземского. Стихи «горячность молодая / И жить торопится и чувствовать спешит» отнесены к поре человеческой молодости вообще, без различия эпохи. Пушкин же делает поэтическую идею стихов Вяземского своеобразным лейтмотивом изображения исторически конкретного человека, героя времени.

Как было замечено, еще «<...> К.И. Соколова справедливо обратила внимание на то, что в стихах IX строфы, не вошедшей в окончательный текст первой главы «Онегина» «<...> образ «горячности молодой» «<...> переосмыслен. Но она усмотрела у Пушкина внутреннее противоречие — противоречие между определением «горячность молодая» (восходящим к Вяземскому) и словами о том, что современное молодое поколение узнает подлинную страсть «поздно», уже после того, как любви его научили романы».²¹

«Между тем,— считает Г.М. Фридендер,— для Пушкина все дело как в том, что *современный человек противоречив*: он, с одной стороны, торопится жить и чувствовать, а, с другой, именно поэтому он узнает страсть из книг раньше, чем ее разбудили в нем «природа» и «горячность молодая». Это — противоречие жизни, а не обмолвка Пушкина. От общего, отвлеченного Пушкин идет к исторически конкретному».²²

В самом эпитафье содержится четыре глагола. Постоянное действие, движение, бурная жизнь Онегина описаны в главе, в которой преобладает «глагольная стихия». Это

позволяет нам выделить еще одну функцию. Эпиграф создает лексико-стилистический строй главы, определяет ее ключевые слова и ассоциативный ряд. Так, о «чувствах» Онегина читаем следующее:

Как рано мог он лицемерить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувирать, заставить верить,
 Каваться мрачным, изнывать,
 Являться гордым и послушным,
 Внимательным иль равнодушным!..
 Одним дыша, одно любя,
 Как он умел забыть себя!
 .....

Как рано мог уж он тревожить
 Сердца кокеток записных! (VI, 9; курсив наш. — И. К.).

Строфы X—XII первой главы наполнены описанием «ранних чувств», страстей героя, которые «спешат» и которые сам Онегин не в состоянии до конца прочувствовать, до конца пережить из-за этой торопливости.

Стремительность жизни молодого человека начала XIX века подчеркнута действительными глаголами: «поскачет», «помчался», «едет», «полетел» и др. Но ведь первая «песнь» по общему плану издания, набросанному 26 сентября 1830 года, названа у Пушкина «Хандра»: речь в ней идет о разочаровании, о тоске Онегина. На первый взгляд, жизнь Онегина очень интересна. Развлечения с утра до глубокой ночи: прогулки, рестораны, театры, балы... Однако Пушкин беспощадно точно определяет эту жизнь: «<...> однообразна и пестра. И завтра то же, что вчера» (VI, 20). Герой не был удовлетворен той жизнью, которая удовлетворяла многих. А потому он будет искать, мучиться, страдать: куда уйти, что делать, чем заполнить жизнь? Поиски смысла жизни присущи Евгению как мыслящему человеку. Об этом говорит ряд свидетельств: встречи Онегина с Пушкиным, с Каверинным, чтение Адама Смита и др. Герой не находит смысл жизни. Возникает хандра, которая обозначена в заглавии.

«Преждевременная старость души» — вот что дает эта торопливость, спешность. Разочарование — вот что порождает такая суетливая, насыщенная событиями (события ли это?) жизнь. Эпиграф не говорит об этих последствиях, но создает хронотоп движения, направляющий на познание причин разочарования.

Таким образом, эпиграф, направляя на идею главы, одновременно и продолжает традицию романтизма, и полемичен с ней. Герой отдаляется от светской жизни, от общества, но не потому, что не понимает реальности, а наоборот. Онегин осознает пустоту своего существования, однако не уходит в мир грез, мечтаний, а делает попытку осознать смысл жизни.

Характерологическая функция эпиграфа получает развитие и в сюжете главы, и еще более широко — в сюжете всего романа. Она направляет и поведение героя, и даже его судьбу (Онегин охладил к жизни, к любви). Ее мы выделим как доминирующую, так как роман сосредоточен именно на эволюции характера героя, на познании его контакта с жизнью, обществом. Этот эпиграф — этап на пути познания героя, говорящий о причинах его разочарования.

Кроме того, эпиграф выводит нас и на метатекстовый уровень проблемы отчуждения, разочарованности. Она была характернейшей для поэтов пушкинского круга

(Вяземского, Баратынского, Кюхельбекера и др.). Постановка проблемы у Пушкина была связана с общекультурной, общелитературной ситуацией, когда первая глава с вопросами, в ней поднятыми, оказывается не изолированной, но включается в общий контекст романа, отражающий современный Пушкину литературный процесс. Противоречивость жизни, обстановки, общественной среды рождает противоречивых людей — об этом говорят эпитафии к «Евгению Онегину». Эпитафии подготавливают наше восприятие романа, главы и заостряют смысл всего произведения. Внутри этой системы эпитафий своя логика элементов метатекста, знаков, ориентирующих на жанровые особенности романа, на особенности характеров героев, на форму произведения, на всю новаторскую специфику.

В.В.Виноградов очень точно определил роль цитатности (и эпитафия в том числе) в пушкинском романе: «<...> прием насыщения литературного стиля явными, скрытыми или ироническими приглушенными отголосками чужих литературных произведений играет совершенно исключительную роль в структуре «Евгения Онегина»».²³

Эпитафии нужны Пушкину, чтобы осуществить и закрепить в одном произведении всеобщую системность, всеобщую замкнутость, всеобщее единство. Диалогическая двуплановость, изначально присущая каждому эпитафия, создавая ассоциативные ряды, дает возможность Пушкину равно оперировать как контекстами эпох и веков, так и содержанием индивидуального сознания, постоянно подтверждая философско-эстетический принцип «в малом — великое».

Примечания

¹ Алексеев М.П. Эпитафия из Э.Бёрка в «Евгении Онегине»//Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 560—561.

² Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Комментар. Пособие для учителя. 2-е изд. Л., 1983. С. 116.

³ Набоков В. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 88.

⁴ Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 88, 86.

⁵ Цит. по: Громбах С.М. Об эпитафии к «Евгению Онегину»//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Вып. 3. С. 212.

⁶ Там же. С. 211.

⁷ Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932. С. 6.

⁸ Бродский Н.Л. Евгений Онегин: Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителя сред. шк. 2-е изд., перераб. М., 1937. С. 25.

⁹ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». С. 116.

¹⁰ Громбах С.М. Об эпитафии к «Евгению Онегину». С. 217—218.

¹¹ Там же. С. 212.

¹² Жирмунский В.М. Пушкин и западные литературы//Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Т.] 3. М.; Л., 1937.

¹³ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». С. 214.

¹⁴ См.: Кулагин А.В. Эпитафия к восьмой главе «Евгения Онегина»//Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 73—80.

¹⁵ Бродский Н.Л. Евгений Онегин: Роман А.С. Пушкина. С. 326.

¹⁶ Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Т.] 6. М.; Л., 1941. С. 526.

¹⁷ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». С. 335—336.

¹⁸ Громбах С.М. Об эпитафии к «Евгению Онегину». С. 219.

¹⁹ Там же.

²⁰ См., например: Соколова К.И. Элегия П.А.Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С.Пушкину//Проблемы пушкиноведения. Л., 1925. С. 67—82; Гиллельсон М.И. П.А.Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 278—282; Розанов И.Н. Кн. Вяземский и Пушкин: К вопросу о лит. влияниях//Беседы: Сб. О-ва истории литературы в Москве. [Т.] 1. М., 1915. С. 57—76.

²¹ Фридендер Г.М. Поэтический диалог Пушкина с П.А.Вяземским//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. С. 165.

²² Там же. С. 165—166.

²³ Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 412.

В.П.Старк

«ВЕРЮЩЕЕ ПИСЬМО» ПУШКИНА
К И.Е.ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ*

Эпистолярное наследие А.С.Пушкина включает в себя целый ряд писем, которые, вне всякого сомнения, относятся к разряду официальных, то есть документов по своей сути. Таковы, к примеру, некоторые из писем Пушкина к А.Х.Бенкендорфу и другим лицам. На некоторые из них Пушкин получал даже ответы на служебных бланках, порою и с исходящими номерами. Как правило, выделение таких писем не вызывает сомнений относительно их официального назначения. Однако есть письмо Пушкина, которое никогда не рассматривалось в качестве документа, хотя при ближайшем рассмотрении оно оказывается таковым. Это письмо к И.Е.Великопольскому от 3 июня 1826 года, заключающее в себе шутивное стихотворное послание:

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
500 рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сей час, мой друг, увидишь почему.

Сделайте одолжение, пять сот рублей, которые вы мне должны, возвратите не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно,
Александра Пушкина.

3 июня
1826.

Преображенское.

[Вдоль стихов, слева:] Скрепил Беклешов.

[На обороте:]

Иван Ермолаевич! Мое почтение: я воспользовался этим случаем вам напомнить о верующем письме, которое вы намеревались [вам] мне прислать для взыска денег с Котко: если не пришлете к сроку, что мне делать? — отпишите и не забывайте вашего покорного слугу К<нязя> Фед. Цицианова» (XIII, 281—282).

* Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 01-04-00-246а.

Великопольский получил это письмо в Юрбурге, куда был послан по службе для производства следствия по контрабанде. В ответ 12 июня он отправил Пушкину оттуда послание:

В умах людей как прежде царствуй,
Храни священный огонь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши,
А за посланье — благодарствуй!

***

Не прав ли я, приятель мой,
Не говорил ли я заране:
Не сдобровать тебе с игрой,
И есть дыра в твоём кармане!
Поэт! Ты честь родной стране,
Ню, — смелый всадник на Пегасе, —
Ты так же пылок на сукне,
Как ты заносчив на Парнасе.
Конечно (к слову то нейдет),
С тобою там никто не равен:
Ты там могуч, велик и славен,
Перед тобою все падет,
Тебя приветствует и нежит, —
Но, друг, в игре не тот расчет:
Иной пяти не перечтет,
А вмиг писателя подрежет...
В стихах — ты только что не свят.
Но счастье — лживая монета,
И ногти длинные поэта
От бед игры не защитят!
Надменно плавая по небу,
Во многом ты подобен Фебу,
Но я боюсь, чтоб и во всем
Ты не пошел его путем:
Нет у тебя ни в чем завета
И берегись, чтоб и тебе,
Подобно горестной судьбе
Вождя блистательного света
(Слова не сбудутся, авось!),
Подчас сойти бы не пришлось
К стадам блуждающим Адмета!

Широко известно, что на этом обмен посланиями и эпиграммами между Пушкиным и Великопольским не окончился, завязалась своеобразная поэтическая дуэль, обстоятельства которой подробно освещены во многих работах. 1 сентября того же 1826 года Великопольский написал злую эпигramму на Пушкина «Арист — негодный человек...».

В 1827 году, уже выйдя в отставку, он опубликовал книжечку «К Эрасту. Сатира на игроков», которая вызвала пушкинскую эпиграмму «Послание к Великопольскому, сочинителю “Сатиры на игроков”» (1828), напечатанную без подписи в болгаринской «Северной пчеле». Великопольский узнал руку Пушкина и послал Булгарину свой «Ответ знакому сочинителю послания ко мне» (1828). Булгарин отослал эту эпиграмму Пушкину с просьбой разрешить ее публикацию. Пушкин не разрешил, эпиграмма тогда не была напечатана.

В письме, относящемся к концу марта — началу апреля 1828 года, по поводу этого послания Пушкин написал Великопольскому: «Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприятные строфы в 8-ую главу Онегина?» (XIV, 9) Угроза исполнена не была, но вылилась в злую эпиграмму «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...», которую, однако, Пушкин не завершил и ходу ей не дал, что говорит об его отходчивости. Пушкин называет Великопольского Горацием как лирического и сатирического поэта, автора «Сатиры на игроков» (по имени Квинта Горация Флакка — римского поэта I века до н. э., автора сатир о человеке, его морали и заблуждениях). Беверлей — карточный игрок и прожигатель жизни, главный герой одноименной мещанской драмы Б.-Ж. Сорена, переведенной с французского известным актером И.А.Дмитриевским (впервые на русской сцене 1772; изд. 1773, 1787) и очень популярной в тогдашней России.² В переписке современников встречаются уподобления Беверлею самого Пушкина. Так, С.Н.Карамзина в письме В.Ф. и П.А.Вяземским от 20 марта 1829 года, описывая Пушкина как карточного игрока, пишет: «И хороша же была его осанка и бледное лицо Беверлея».³

В собрании Литературного музея Пушкинского Дома хранится фотография с автопортрета Великопольского, выполненного тушью. Подлинник хранился в Казани у Б.П.Ильина, но местонахождение его в настоящее время неизвестно. На оригиналеверху надпись: «Великопольский. Собственный портрет». На обороте фотографии — карандашная запись: «Иван Ермолаевич Великопольский. Автопортрет тушью в альбоме В.И.Панаева. 24.XII.1823. Казань. Подлинник у Б.П.Ильина в Казани. Фотография д-ра Знаменского». Местонахождение самого альбома в настоящее время неизвестно. Фотография с оригинала была выполнена в 1928 году в Москве и передана в Пушкинский Дом в 1952 году Л.Н.Гринберг. Под портретом рукою самого Великопольского сделана запись стихотворения «Я не хочу, в ряду с альбомными певцами...»:

Я не хочу, в ряду с альбомными певцами,
Витиеватыми скучать тебе хвалами.
Стремясь ослеплять честолюбивый взор,
Они таланту хор, поэзии узор,
Их любит слабый лишь, муж мудрый презирает,
Пускай же лесть моих стихов не оскверняет!
Да чувств радушием и нрава чистотой
Питомца Геснера я сделаюсь достоин —
И, нежить слух любя лир звучно игрой,
Всегда в словах моих останусь прям, как воин.
Но что же помещу на память в твой альбом?
Что на меня тебе со временем покажет?
Жрец недостойный муз, я с славой не знаком,
И миру позднему никто о мне не скажет.
Прими же в памятник сини мои черты.

Мы все, в чаду косой обманчивой мечты,
 Заключены в предел пожизненного круга.
 Под прахом времени меня забудет свет —
 Тогда в досужный час, взглянув на мой портрет,
 Со вздохом, может быть, промолвишь ты про друга:
 <...> был поэт⁴

Хозяин альбома, в котором находился этот автопортрет, Владимир Иванович Панаев (1792—1859), — поэт, выпускник Казанского университета, воспитанником которого был и Великопольский. В ту пору, когда был написан портрет, Панаев служил чиновником комиссии духовных училищ при Синоде, впоследствии, с 1832 года до дня кончины, был директором канцелярии Министерства Двора. Вместе с Пушкиным и Великопольским он являлся членом Общества любителей словесности, наук и художеств. Пушкин в письме к брату Льву Сергеевичу назвал Панаева «идиллическим коллежским ассессором» и удостоил эпиграммы «Русскому Геснеру» (III, 454; XIII, 56, 127). По всей вероятности, Панаев и Великопольский в конце 1823 года пребывали оба в Казани в отпусках и встретились в канун Рождества, когда и был написан автопортрет.

Великопольский представил себя в двубортном мундире с обер-офицерскими эполетами с цифрой «3» на них, что означает принадлежность его к Третьей пехотной дивизии, которая была в ту пору расквартирована в Псковской губернии. Портрет выполнен за год до того, как Пушкин оказался в ссылке на псковской земле. Известны другие изображения Великопольского, в том числе фотографические, но все они выполнены значительно позднее, уже после смерти Пушкина. Таким образом, именно этот, до настоящего времени не публиковавшийся портрет оказывается единственным из изображений Великопольского, выполненным при жизни Пушкина и представляющим приятеля поэта совсем незадолго до того времени, к которому относится их наиболее интенсивное общение и интересующее нас письмо.

Письмо Пушкина помечено 3 июня, то есть оно написано на другой день после его собственных именин 2 июня (дня памяти Св. Александра Константинопольского по ст. ст.) в имении Гавриилы Петровича Назимова в селе Преображенском, «Назимово тож», Знахлицкого погоста Псковского уезда, в сорока верстах от Пскова в сторону Михайловского. В Знахлицах сохранилась старинная Покровская церковь и возле нее могилы хозяев имения Г.П.Назимова и его жены Вильгельмины Петровны. В церкви и ныне показывают небольшую, так называемую «пушкинскую» келью на хорах (куда попасть можно только по приставной лестнице) с оконцем, обращенным оттуда в сторону иконостаса.

Незадолго до того, как было написано это письмо, Пушкин приехал из Михайловского в Псков в самый канун своего дня рождения. 27 мая он писал из Пскова князю П.А.Вяземскому: «<...> мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство» (XIII, 280). В эти дни поэт томительно ждет окончания следствия по делу декабристов, связывая с ним свое решение о подаче прошения на Высочайшее имя о позволении выехать «или в Москву, или в Петербург, или в чужие края» (XIII, 284). Манифест об окончании следствия был обнародован как раз в день именин поэта, когда он гостил в Преображенском и проиграл его хозяину пятьсот рублей. Через несколько дней, узнав об окончании следствия, Пушкин подал подготовленное прошение на имя Николая I.

В упомянутом письме Вяземскому от 27 мая 1826 года Пушкин пишет: «Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30

лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде» (XIII, 280). Очевидно, что молодой доктор — это штаб-лекарь В.И.Всеволодов (1790—1863), отмечавший с Пушкиным день его рождения в кругу псковских приятелей, среди которых был и Великопольский. Видимо, тогда-то он и проиграл Пушкину пятьсот рублей, что оказалось своеобразным подарком ко дню его рождения. Однако через несколько дней Пушкин проиграл именно эту сумму Г.П.Назимову, явно благоразумно остановившись на этом проигрыше, расплачиваясь по которому он и предоставил своему должнику Великопольскому. Таким образом, отпраздновав день рождения 26 мая 1826 года в Пскове, отметить именины поэт отправился к своему приятелю, что и было зафиксировано им самим.

Сделавший приписку к посланию Пушкина князь Ф.И.Цицианов тем самым также заверил пушкинское письмо. Князь Федор Иванович Цицианов (1801—1832), псковский приятель Пушкина, оказался, как и Великопольский, в Пскове не по своей воле. По окончании Пажеского корпуса из камер-пажей он был произведен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк в 1820 году, незадолго до восстания этого полка его перевели в Псковский пехотный полк поручиком. В нем он и состоял в период ссылки Пушкина, будучи однополчанином Великопольского. 18 декабря 1827 года в чине капитана он был уволен в отставку.⁵ Его знакомство с поэтом состоялось в Пскове, так как в Петербурге этого произойти никак не могло — Пушкин был выслан из столицы перед самым выпуском князя Цицианова из Пажеского корпуса.

В отношении Беклешова, который «скрепил» письмо Пушкина, Б.Л.Модзалевский писал: «Беклешов, “скрепивший” стихи Пушкина, — вероятно, Петр Николаевич, в начале 1833 г. женившийся на падчерице П.А.Осиповой (дочери ее мужа, И.С.Осипова, от первого его брака) — Александре Ивановне, которой Пушкин в 1824 г. посвятил свое стихотворение «Признание», а в 1829 г. написал дружеское послание».⁶ Осторожное предположение Б.Л.Модзалевского было уже без оговорок закреплено Л.А. Черейским.⁷ Автор этих строк также в свое время склонился в пользу этого предположения.⁸ Однако поскольку Пушкин приехал в Преображенское из Пскова, по всей вероятности, не просто по приглашению хозяина, но вместе с ним и в компании князя Ф.И.Цицианова, то логичнее предположить, что их спутником оказался однополчанин последнего (равно как и Великопольского) В.Н.Беклешов, а не его старший брат П.Н.Беклешов, служивший тогда исправником в Острове.

Василий Николаевич Беклешов, так же как Великопольский и князь Цицианов, был некогда офицером лейб-гвардии Семеновского полка и вместе с ними был переведен в 1820 году в Псков. Его имя упоминается в дневнике Ф.М.Лодыгина, адъютанта командира Третьей пехотной дивизии генерала И.А.Набокова: это участник обеда у генерала Г.И.Беттихера 14 февраля 1826 года, на котором присутствовал Пушкин.⁹ В свое время уже было высказано мнение о том, что письмо Пушкина «скрепил» В.Н.Беклешов.¹⁰

Письмо с поэтическим посланием от 3 июня 1826 года, адресованное Пушкиным Великопольскому, при всей его внешней шутовности формально является «верующим письмом», то есть официальным финансовым распорядительным документом. После шутового стихотворного зачина, выдержанного в жанре дружеского послания, следует приписка, сделанная на языке вполне деловой прозы. Однако официальным документом это письмо делает не само распоряжение, а то, что оно заверено двумя свидетелями — «скрепившим» его Беклешовым и сделавшим к нему приписку князем Цициановым. В приписке Цицианова определен статус такого рода письма-документа — «верующее письмо».

Таким образом, письмо Пушкина Великопольскому от 3 июня 1826 года должно учитываться не только как письмо и поэтическое произведение, но и как официальный документ, финансовое распоряжение, так называемое «верющее письмо», каковым оно и является с юридической точки зрения, несмотря на шутивную форму, в которую оно облечено поэтом.

Примечания

- ¹ Цит. по: Пушкин. Письма/Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т. 2. 1826—1830. М.; Л., 1928. С. 165.
- ² См.: Лонгинов М.Н.. Русский театр в Петербурге и Москве. СПб., 1873. С. 29, 36; Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 125.
- ³ Лит. наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 89.
- ⁴ Цит. по фотокопии с автопортрета тушью И.Е.Великопольского, публикуемой в настоящем изд.: Литературный музей ИРЛИ. Ф. 1. № 83942. Последний стих в фотокопии не воспроизведен.
- ⁵ См.: Фрейман О.Р. Пажы за 183 года, 1711—1891: Биогр. бывших пажей с портр. Вып. 1. Фридрихсгамн, 1894. С. 162.
- ⁶ Пушкин. Письма/Под ред. Б.Л. Модзалевского. Т. 2. 1826—1830. М.; Л., 1928. С. 166.
- ⁷ См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1988. С. 33.
- ⁸ См.: Старк В.П. Тезоименитство А.С.Пушкина//Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов. Вып. 1 (40). СПб., 1999. С. 244.
- ⁹ См.: Старк В.П. Новое о Пушкине по дневнику Ф.М.Лодыгина//Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993. С. 10, 22.
- ¹⁰ См.: Здесь жил Пушкин: Очерки. Л., 1963. С. 342.

С. В. Павлова

«ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИЦЕЕ
ЛИЦЕИСТА ХХІ КУРСА
Д. Ф. КОБЕКО, 1850—1856» (1908)

19 октября 1811 года с целью «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной» в России был открыт Императорский Лицей — учебное заведение, просуществовавшее более столетия (1811—1843 — в Царском Селе; 1844—1917 — в Петербурге под названием Императорский Александровский Лицей).

Несмотря на то, что Лицей дал России немало замечательных людей, учебное заведение стало привлекать внимание потомков прежде всего потому, что здесь получил воспитание Александр Пушкин. Именно с Лицеем связан начальный период его поэзии. Пушкинским творчеством и обусловлен особый интерес к Лицею. Не случайно именно пушкинский период жизни учебного заведения известен столь широко. О внутренней жизни Лицея в первые годы его существования имеется много сведений, использованных в самых разных произведениях.

Но если о пушкинском, царскоевильском периоде жизни Лицея мы имеем более полное представление благодаря поэту, его знаменитым товарищам, преданиям о первокурсниках, которые передавались из поколения в поколение и были собраны и записаны бытописателями Лицея, — то о Лицее последующих лет, особенно о петербургском периоде жизни этого учебного заведения, наши сведения не столь обширны. Пока что они не стали достоянием широкого читателя и до недавнего времени не представляли большого интереса и для исследователей.

Сегодня положение изменилось. Императорский Лицей — одно из передовых учебных заведений России, известное не только в нашей стране, но и за рубежом, — вызывает большой интерес именно как школа, воспитавшая не одного великого русского поэта, но целую плеяду замечательных людей, оставивших яркий след в государственной деятельности, общественной жизни, в отечественной науке и культуре. Большое внимание, проявляемое к Императорскому Лицею сегодня, вызвано интересом к вопросам отечественной педагогики, к системе образования и воспитания юношества в прошлом. Как готовили в России юношей для государственной службы; как получилось, что из школы, воспитывавшей будущих чиновников, вышло много интересных, талантливых людей, проявивших себя в самых разных областях; почему из школы, основанной императором, всегда находившейся под покровительством государя, вышли декабристы, петрашевцы, деятели освободительного движения шестидесятих годов; как смог Лицей на протяжении столетия сохранить неизменной цель воспитания и образования, выраженную в лицейском девизе «Для Общей Пользы»? Ответы на все эти вопросы можно найти в истории Лицея.

Но история — это не только архивные документы, помогающие составить официальную хронику, но и воспоминания его воспитанников, живых свидетелей былого.

Одним из отличительных качеств лицеистов была любовь к школе, их воспитавшей, *alma mater*, и воспоминаний, многие из которых до сих пор не опубликованы, сохранилось немало.

Большинство воспоминаний об Александровском Лицее написаны в связи со столетней годовщиной учебного заведения, исполнявшейся 19 октября 1911 года. Для подготовки празднования юбилея была создана специальная комиссия, которая признала, что «лучшим способом почтить вековую годовщину Лицея было бы начертание его истории, долженствующей изобразить жизнь Лицея за этот период во всех ее проявлениях». ¹ Предполагалось, что основной материал для составления истории будет взят из архива Лицея. Но внутренняя жизнь школы не может быть изображена лишь на основании официальных данных. И здесь большую помощь должны были оказать личные воспоминания воспитанников. Этим и было вызвано обращение комиссии к бывшим лицеистам. В документе, который распространила «редакционная комиссия по составлению юбилейной истории Императорского Александровского Лицея за сто лет его существования», в частности, говорилось: «Сведения по этому отделу (часть труда, посвященная описанию внутренней жизни Лицея.— С. П.) могут быть до того разнообразны, что трудно дать для них какую-либо программу. Во всяком случае желательно, чтобы они обнимали по возможности все время пребывания автора в Лицее. В них должно отражаться впечатление, произведенное Лицеем на вновь поступившего, отношения между воспитанниками и начальством и учебно-воспитательским персоналом. Какие лекции и каких профессоров пользовались наибольшим сочувствием лицеистов. Как возникла, развивалась и укреплялась любовь и преданность лицеистов к Лицею». Комиссия считала, что очень ценным было бы описание характерных событий общелицейской и курсовой жизни, занятий, развлечений, журналов и альманахов, издаваемых воспитанниками, музыкальных вечеров, концертов, а также лицейских обычаев, празднования 19 октября, выпуска, прощания с Лицеем. «Наибольшую цену имеют здесь не столько прямые ответы, сколько воссоздание этой живой картины юношеских лет, которая сохранилась в памяти данного лица и которую, естественно, невозможно уложить в рамки сухой, размеренной программы. Желательно затронуть то чувство бывшего лицеиста, которое заставило бы его временно оторваться от деловой, обыденной жизни, взяться за перо и воскресить в памяти, быть может, давно забытое, но несомненно дорогое прошлое, связанное с воспоминанием о Лицее, о лучшей поре жизни, со всеми ее мелочами, настроениями, радостями, увлечениями». ²

Одним из тех, кто откликнулся на это обращение, был человек, очень уважаемый в лицейской среде,— известный историк, библиограф, член-корреспондент Российской Академии наук, воспитанник XXI курса Императорского Александровского Лицея Дмитрий Фомич Кобеко. Его воспоминания охватывают период лицейской жизни с 1850 по 1856 годы. Это было трудное время в жизни России, последние годы царствования императора Николая I. Сложным был этот период и для Лицея, недавно переведенного из Царского Села в Петербург, получившего в 1848 году новый Устав, изменивший первоначальный облик учебного заведения и лишивший его некоторых привилегий.

К сожалению, история Императорского (б. Царскосельского) Лицея за сто лет его существования не была написана. В юбилейном 1911 году вышла в свет книга Д. Ф. Кобеко «Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы, 1811—1843», без которой не может обойтись сегодня ни один исследователь, занимающийся историей этого учебного заведения. Воспоминания Д. Ф. Кобеко о годах, проведенных в Лицее, опубликованы не были.

В настоящее время рукопись и машинописная копия воспоминаний хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом).³ По техническим причинам текст воспроизводится по машинописной копии.

Воспоминания о Лицее лицеиста XXI курса Д. Ф. Кобеко, 1850—1856

Родился я в Петербурге 4 марта 1837 г.

Отец мой, Фома Фомич, занимал должность советника Правления Государственного заемного банка, матушка моя, Евдокия Федоровна, была урожденная Ильина. До десяти лет я учился дома под надзором гувернера, француза Мобера, большого «вральмана», или, что называется, «blagueur». ⁴ По одиннадцатому году отдали меня в пансион француза Ладана, где я пробыл недолго: заболев корью, я был взят домой и в пансион не возвратился. Затем, в 1848 году, я поступил во II класс 2-ой Петербургской гимназии, где пробыл два года. Весной 1850 г. внезапно позвали меня к директору гимназии, известному в то время педагогу Постельсу. Он объявил мне, что сверх назначенного к переводу в Лицей гимназиста Юханцева возможно представить туда еще одного кандидата, ⁵ что выбор его остановился на мне и что он поручает мне передать об этом моему отцу. Последний был очень этим доволен, т. к. в Лицее воспитывался уже старший мой брат Николай, поступивший туда в декабре 1848 года из пансиона Гроздова. ⁶ Познания мои оказались не вполне соответственными требованиям программы приемных в Лицей экзаменов. Началась спешная подготовка меня к экзаменам, было приглашено несколько учителей, в числе которых были два брата Эвальда: математик и историк, с которыми впоследствии вошел в свойство, вступив в брак с их племянницей. Матушка моя неустанно наблюдала за моими занятиями. Все кончилось благополучно, и в июле 1850 года я был принят в Лицей. Помню, с какой гордостью читал я свое имя и фамилию в официальном объявлении о молодых людях, поступивших в Лицей, напечатанном в прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» (№ 160).

Сумма полученных мною на экзаменах отметок составила 92 1/2, т. е. значительно более требуемых для поступления 2/3 общей суммы полных баллов. ⁷ По старшинству поступления я оказался десятым.

Программные требования для поступления в Лицей были не высоки, за исключением лишь требования знаний, хотя элементарных, трех языков: французского, английского и немецкого. При поступлении в Лицей я был уже несколько знаком с русской литературой; так, я читал Пушкина, романы Загоскина, сборник «100 русских литераторов»⁸ и журналы «Современник»⁹ и «Москвитянин». ¹⁰ Наконец, в нашем доме получалась и знаменитая «Северная пчела»¹¹ с пошловатой «Пчелкой», фельетонами Булгарина. Впрочем, газеты того времени: «Пчела», «Петербургские ведомости»¹² и «Русский инвалид»¹³ — были совершенно ничтожны. «Русский инвалид» полагалось читать военным, «Северную пчелу» — гражданским чиновникам, а «Петербургские ведомости» с казенными при них объявлениями — людям деловым и промышленным.

В августе того же 1850 г. старший мой брат привез меня в Лицей. В то время Лицей пользовался репутацией отличного учебного заведения. Поступить туда было затруднительно вследствие весьма значительного числа конкурентов.

До моего поступления Лицей состоял из 4-х классов с 1 1/2 годовым продолжением учения в каждом, но по уставу 1848 года решено было превратить Лицей в 6-классное заведение с годовым курсом в каждом. Это и начали приводить в исполнение в 1850 году, при моем определении, так что я принят был в VI класс. Осенью того же года в Лицее

ходили настойчивые слухи, что император Николай I непременно посетит Лицей. Начальство, видимо, к этому готовилось: всюду наводилась чистота, обращалось строгое внимание на наши прически: ежедневно после завтрака мы облакались в новые куртки, которые и снимались перед обедом.

Время было тогда тяжелое, внутри царила самая строгая дисциплина, печать и общественное мнение не существовали: в европейских делах Россия играла роль жандарма и в 1849 году усмирляла мятежных венгров, которые, однако, никакого мятежа против России не подымали.¹⁴ В частности, говорили, что император был гневен на Лицей за то, что несколько из прежних его воспитанников были замешаны в дело Петрашевского, раздутое полицией до невероятных размеров. Поэтому все как-то робели; наконец оправдались ожидания. В марте 1851 года император приехал в Лицей:¹⁵ обходя I, II и III классы, он вошел в наш VI. Дежурный по классу, товарищ мой Слепцов, выступил из фронта, в котором мы были построены, и бойко начал рапорт. Бойкости хватило, однако, не надолго: произнеся несколько слов, он сбился и замолчал. Император положил ему руку на плечо и резко сказал: «Продолжай же», — и Слепцов действительно закончил свой рапорт. Тогда государь, обратясь к директору, спросил его: «Что это значит, там было три класса, здесь оказался VI-ой, где же остальные два?» Директор, заслуженный и почтенный генерал Броневский, смутился не менее Слепцова и начал что-то объяснять. Государю, по-видимому, объяснения эти не понравились, и он решительным тоном сказал: «Незачем делать этих перемен, оставить все по-прежнему».¹⁶ Мы, мальчишки, были очень довольны результатами этого посещения: нас распустили на три дня по домам, а главное, немедленно переименовали в IV-ый класс; нам это нравилось потому, что мы как бы приближались к воспитанникам старших трех классов, а еще и потому, что в течение шести лет нам при 4-классной системе приходилось держать четыре экзамена, а не шесть.

Упомяну теперь о том, как сформировался наш курс.

Поступило нас всего 29 человек, осенью 1850 года был принят Иван Карцев II, и таким образом класс доведен был до нормального состава — 30 человек. В 1851 г. умер Яков Ханыков, прекрасный мальчик, миловидный собою, даровитый и верный товарищ. При переходе в декабре 1851 г. из IV класса в III-ий оставили Лицей Карабанов и Молоствов, а Николаев 2-ой и Патон, не выдержав переходного экзамена, оставлены были в IV класс, взамен их в III класс вновь поступили Иванов, Пономарев, два брата Рихтера, Стефан и Шульгин, сын нашего профессора истории. Наконец, во II кл<ассе> умер Карцев II, а Сабуров, гр. Стен-бок-Фермор и барон фон дер Ховен,¹⁷ увлекшись начавшеюся тогда турецкой войной, поступили в военную службу в гусарские полки, но зачислены были в резерв и в военных действиях не участвовали. За всеми этими переменами окончил курс 27 человек, из числа которых 21 пробыли в Лицее полных 6 лет.

Прежде чем вести рассказ далее, скажу о внешнем виде и внутреннем устройстве Лицея. Главное здание его¹⁸ представляло правильный параллелограмм, разделенный на две равные части широким продольным коридором. Имело это здание четыре этажа: в подвальном этаже жили наши дядьки и помещались карцер и кое-какие кладовые, в первом этаже — квартира директора и инспектора; во втором и третьем — четыре класса: по два в каждом этаже. В 1-ом этаже между квартирами директора и инспектора была, как и ныне, приемная, в задней стене ее, противоположной главному входу в Лицей, была стеклянная дверь, через которую по широкой гранитной лестнице был выход в сад. Лестница эта ныне разобрана при постройке лазаретного помещения и комнат Советской¹⁹ и профессорской, которых в мое время вовсе не было.

Лестницу эту можно видеть на фотографической группе нашего курса, снятой в 1856 г. Во 2-ом этаже над приемной комнатой находилась столовая, нынешний Пушкинский зал, а существующая теперь столовая пристроена гораздо позже. В 3-ем этаже находилась церковь,²⁰ существующая и поныне. Наконец, продольные коридоры имели на обоих концах выходы на черные лестницы, по которым воспитанники выходили для прогулок в сад. Каждый класс был обособлен от остальных; он имел свои три комнаты: классную, рекреационную и спальную. Воспитанникам ходить из одного класса в другой воспрещалось, исключение делалось только для родных братьев, да и то лишь старший мог навещать младшего, а не наоборот. В столовой для каждого класса были назначены по два отдельных стола; в церкви классы становились отдельно, по два по обеим сторонам, и только в саду все четыре класса могли встретиться, но и там существовало ограничение: только два старших класса могли бродить по всему саду, младшие же два должны были довольствоваться лишь одной его половиной.

Посещая ныне изредка лицейский сад, я с глубокой грустью вспоминаю о том, чем он был в мое время. При окончательном переформировании Лицея в 6-классное учебное заведение, при директоре Гартмане, часть сада была продана и на эти деньги выстроено особое здание приготовительных классов; еще позже, при директоре Саломоне, часть сада была занята разного рода новыми постройками. А между тем в мое время огромный наш сад с березовой аллеей посредине, со старыми развесистыми липами по сторонам, с несколькими небольшими прудиками представляли действительно прекрасное место для наших прогулок и игр. На правой стороне сада установлена была на кирпичном фундаменте мраморная доска с надписью: «Genio loci — primus cursus exiit — duodecimus renovavit».²¹

Эта доска, устроенная еще в Царскосельском лицейском садике по мысли директора Энгельгардта и посвященная доброму гению места, т. е. императору Александру, была перевезена из Царского Села одновременно с переводом в Петербург Лицея и погибла с продажей части сада. Всенивелирующий гений г-на Гартмана не пощадил и этого воспоминания о старом Лицее. Кроме главного здания были два существующие ныне флигеля: в одном из них была квартира нашего доктора Таваста и помещался лазарет, в другом помещалась канцелярия Лицея и квартира кого-то из служащих. Наконец, во дворе стояло отдельное двухэтажное здание для кухни и бани.

Лицеисты считались между собою по порядку выпусков или курсов. Я принадлежал к 21-ому курсу. Из 29 юношей, поступивших в 1850 году, большинство поступило из приготовительного пансиона, содержимого преподавателем латинского языка в Лицее Флегонтом Васильевичем Гроздовым. Как преподаватель он был нелюбим, а как содержатель пансиона — ненавидим своими питомцами; взимая за приготовление в Лицей огромную по тому времени плату — 1000 р. в год, он оболванивал учеников, заставляя их заучивать наизусть все руководства и нещадно карая за малейшую ошибку в ответе. Так называемые «субботники»²² были в его пансионе в большом употреблении. В числе мальчиков, перешедших из пансиона в мой курс, был В. Ив. Киреевский, сын известного славянофила и писателя 40-х годов.²³ Недавно довелось мне прочесть в «Русском архиве» 1909 г., № 4, в письме этого последнего к его родственнику Жуковскому, верную характеристику методов преподавания в этом пансионе, которая может быть дополнена лишь указанием на жестокость Гроздова.²⁴

Вторую группу составляли юноши, поступившие или из других частных пансионов, или непосредственно из родительских домов. Наконец, четверо переведены были из 1-ой и 2-ой петербургских гимназий. Если припомнить сказанное выше об отдельной жизни каждого класса, а равно и то, что Лицей представлял в то время строго замкнутое учеб-

ное заведение, т. к. воспитанников отпускали домой только по воскресеньям после обеда с обязательством явиться обратно в тот же день вечером, то понятно, что между одноклассниками устанавливалась тесная связь. Класс представлял как бы отдельный мирок.

Поступил я в Лицей через 39 лет после его учреждения. В живых было еще около половины питомцев I курса,²⁵ которые изредка и посещали Лицей.

В день 19 октября Лицей навещал пользовавшийся громадной популярностью бывший его директор Энгельгардт.

В числе преподавателей и воспитанников было несколько человек, помнивших царскосельское и даже пушкинское время: в числе моих товарищей был Малиновский,²⁶ внук 1-го директора Лицея²⁷ и сын пушкинского друга.²⁸ Другой мой товарищ Пономарев находился в родстве с Софьей Дмитриевной Пономаревой, сестрой лицеиста 2-го курса Поздняка, в салоне которой в 20-х годах собирались русские литераторы, а в числе их и лицейские поэты. Знаменитый альбом ее²⁹ мне довелось видеть у родителей моего товарища Пономарева. Все это, а равно висевшие на стенах нашей рекреационной залы акварельные рисунки старых лицейстов поддерживали в нас память о Царскосельском Лицее и наших предшественниках. Нас очень возмущало, что в 1-ой памятной книжке Лицея из числа воспитанников 1-го курса были пропущены имена Кюхельбекера и Пущина, а из 10-го курса — имя Петрашевского, как осужденных за государственное преступление.

Начальником Лицея, его попечителем был принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Внешний облик его очень удачно схвачен скульптором, лепившим его статую, по которой вылит из бронзы памятник ему, поставленный против Мариинской больницы на Литейном проспекте.³⁰ Равным образом надпись на пьедестале памятника «Просвещенному благотворителю» служит верной характеристикой деятельности принца. Он действительно был образованный, гуманный человек. Как и все, он имел свои слабости: так, он считал себя композитором и стихотворцем; его переводы некоторых баллад Шиллера появлялись даже в печати, конечно, без имени автора. Под своим именем он издал «Сборник немецких стихотворений». В подведомственных ему учебных заведениях он преследовал курение и табачный запах.

Вообще мы, юноши, любили принца и несколько его не боялись; иногда подсмеивались над его выговором и некоторой неловкостью манер, но сохранили о нем добрую память.

Место директора Лицея занимал генерал Дмитрий Богданович Броневский; по воспитанию моряк, он рано оставил службу во флоте, перешел в армию и на должность директора был переведен из командира какого-то драгунского полка. Мало обращал он внимания на преподавание, но строго наблюдал за поведением лицейстов. Коротко обстриженный, с густыми седыми бровями и такими же усами он имел очень строгий вид, почему, вероятно, и носил прозвище Кот Бурмасек,³¹ в сущности же был человек добродушный. Терпеть не мог он лжи и школьных уверток; выгодно было рассказать ему откровенно дело, и тогда он смягчался; впрочем, школьные наши шалости (крупных беспорядков в мое время не было) редко доходили до него; обыкновенно вершились они судом инспектора. Броневский редко посещал классы, но довольно часто после обеда заходил во время рекреации в классный зал, где любил наблюдать за игрою в шахматы, подсаживался к играющим и делал им замечания, а летом, когда мы бывали в саду, забавлялся играющими в городки, причем непременно требовал, чтобы проигравшие возили на спине выигравших. В 1854 г. он оставил должность директора и был назначен почетным опекуном. Прибавить можно и то, что всем лицеистам он говорил «ты» и

сохранил эту манеру обращения и по выпуске их из Лицея, хотя некоторые из них успели сделаться уже сами генералами.

Наш инспектор Н. Ив. Миллер кончил курс в Инженерном училище и затем служил в Измайловском полку. Во время этой службы имя его сделалось известным в военном мире по следующему случаю: когда он со своею ротой занимал караул в Зимнем дворце, то один из нижних чинов роты, стоявший ночью у Иорданского подъезда, услышал крики утопавшего в Неве человека, оставил свой пост и вытащил несчастного из воды; об этом было доложено тогдашнему обер-полицмейстеру Кокоскину, который сумел спасти рядового от грозившей ему тяжелой кары, а самого Миллера от неминуемого взыскания.

Случай этот очень живо рассказан Лесковым в его повестушке «Человек на часах».

При поступлении в Лицей Миллер был уже несколько знаком с ним, т. к. его сестра Екатерина Ивановна была замужем за Сергеем Ивановичем Кашкиным, сын которого Николай Сергеевич был лицеистом XV курса (1841—1847). Николай Иванович Миллер был женат на Марии Ивановне Барышниковой, сестре лицеиста XVI курса (1842—1848) Николая Ивановича Барышникова.

Инспектор Миллер был строгим хранителем порядка, требовал соблюдения мельчайших даже формальностей, но в то же время человек весьма вежливый и, как говорят, корректный. Мы, однако же, менее любили его, чем директора, т. к. последний если не сближался с нами, то все-таки снисходил до нас.

Как сказано выше, я поступил в Лицей при впервые вводимом новом его уставе, утвержденном 10 апреля 1848 года. Устав этот несколько принизил Лицей сравнительно с уставом 1810 г. В последнем цель Лицея определена была в образовании юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной, тогда как по уставу 1848 г. учреждению Лицея поставлено целью воспитание благородного юношества для гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования, преимущественно же для служения по Министерству внутренних дел. В преобразовании Лицея из 4-классного в 6-классное заведение мы видели лишь желание уравнивать нас с воспитанниками Училища правоведения,³² попечителем которого был также принц Ольденбургский. Мне неизвестно, какие именно цели преследовали составители устава 48 года и чем руководствовались они при составлении учебного плана, отличительным признаком которого была многопредметность. По этому уставу курс учения делился на подготовительный (IV и III классы) и окончательный (II и I классы). Полный курс учения составляли следующие предметы:

А) В подготовительном курсе

- 1) Священная история и пространный катехизис;
- 2) Геометрия и алгебра;
- 3) История русская и всеобщая, география России и всеобщая;
- 4) Грамматическое и практическое учение языков: русского, славянского, латинского, французского, немецкого и английского;

Б) В окончательном курсе

- 1) История Веры и Церкви, нравственное богословие и церковное право;
- 2) Психология и логика;
- 3) Тригонометрия, приложение алгебры и геометрии, сколько потребно для практической механики, практическая механика;
- 4) Физика, химия и минералогия;
- 5) Сельское хозяйство;
- 6) Гражданская архитектура;

- 7) История 3-х последних веков и история России;
- 8) Статистика и дипломатия;
- 9) Политическая экономия;
- 10) Энциклопедия законоведения;
- 11) Римское право;
- 12) Отечественные законы:
  - а) История законодательства;
  - б) Государственное право;
  - в) Гражданское право;
  - г) Уголовное право;
  - д) Законы финансовые;
  - е) Юридическая практика как гражданская, так и уголовная, а в особенности все делопроизводство, до Министерства внутренних дел относящаяся;
- 13) Литература языков: русского, латинского, французского, немецкого и английского.

В подготовительном курсе было довольно легко: всего было 5 уроков в день, и на приготовление их, как мы говорили — на «препарацию», назначались особые часы вечером и утром. Все уроки были до обеда, т. е. до 4-х часов. Из преподавателей предметов живо помню я учителя истории и географии Семена Николаевича Смарагдова; его учебник средней истории считался очень хорошим руководством, был одобрен Академией наук как научное сочинение и впервые пробудил во мне интерес к историческим знаниям; перед каждой главой этого учебника приведены были указания на иностранные сочинения, служившие автору пособием. Я выписал заглавия этих книг в особую тетрадь и долго хранил ее в надежде со временем приобрести их. Это и был мой первый библиографический труд. Смарагдов излагал свои уроки довольно живо, позволяя себе иногда вставлять в свой рассказ такие анекдоты, которые могли бы быть пропущены в его юношеской аудитории. В III-ем классе его сменил преподаватель Ведров. Это был молодой и пылкий человек, излагал он русскую историю очень высокопарно, но это не производило на нас никакого впечатления, скорее вредило ему в наших глазах. Ведров вскоре оставил преподавательскую деятельность и сделался цензором.

На преподавание иностранных языков назначено было очень много времени: на французский, немецкий и английский языки всего 15 часов в неделю. К сожалению, преподавание их велось довольно слабо. Преподавателем английского языка был Иван Егорович Браун, хотя и долго живший в России, но плохо усвоивший себе русскую речь. Мы должны были на его уроках изустно переводить с русского на английский статьи из изданного им для этого в трех книжках «курса английского языка». Одно время он был воспитателем нашего курса, довольно грубоватым и в то же время бестолковым.

Учителем русского языка был Иван Яковлевич Селезнев, которого еще в бытность мою в младшем классе сменил Петр Миронович Перевлесский, переведенный из Москвы. Он известен как составитель русской и славянской грамматик и пособий для изучения старинных писателей; он был превосходный преподаватель, сумевший вселить в учеников любовь к своему предмету. Я занимался у него очень старательно, и он настолько был ко мне внимателен, что разрешил мне иногда по воскресеньям посещать его, предоставив мне свободу пересматривать книги его небольшой, но хорошо составленной библиотеки. У него я познакомился с филологическими сочинениями Каткова, Павского и под его руководством внимательно изучил диссертацию Буслаева

«О влиянии христианства на славянский язык». Но не в одном этом заключалось доброе его влияние на меня и моих товарищей. Перевлесский был человек 40-х годов, гуманист и носитель тех светлых идей, которые прочно установились при императоре Александре II-ом. К сожалению всех его питомцев, он умер в сравнительно еще молодых годах.

Латинский язык преподавал Флегонт Васильевич Гроздов, по образованию, если не ошибаюсь, семинарист. Человек злой, бессердечный, он как содержатель пансиона буквально тиранил мальчиков, отдаваемых ему на выучку для приготовления в Лицей; как преподаватель он издевался над учениками, хотя сам слабо знал латинский язык. Мы его терпеть не могли; к величайшему счастью, вслед за переходом нашим в III-ий класс Гроздова заменил — Григорий Иванович Лапшин, и картина резко переменялась. Лапшин, как и Перевлесский, умел приохотить к занятию своим предметом; при переводах с латинского на русский язык он сообщал нам данные филологические, исторические и бытовые, так что изучаемые нами тексты становились для нас вполне ясными. К сожалению, при каком-то общем нерасположении к классическим языкам большинство моих товарищей, даже и хорошо учившихся, относились к его преподаванию спустя рукава.

Во II-ом классе мы переводили «Метаморфозы» Овидия, причем должны были к каждому уроку подготовить устный перевод примерно 20—25 строк. В первый же раз, когда Лапшин вызвал меня к ответу, я подошел к кафедре без книги и на вопрос Лапшина об ее отсутствии ответил, что надобности в книге не имею, потому что знаю все заданные стихи наизусть, и по требованию Лапшина безошибочно произнес их. Григорий Иванович пришел от этого в восторг и с того времени относился ко мне в высшей степени приветливо.

В так называемом окончательном курсе, т. е. во втором и первом классах, уроки заменились лекциями, и ежедневно было четыре лекции по 1 часу каждая, от 12 <до> 4 часов. Прочитанную в течение месяца часть курса мы обязаны были ответить профессору в следующий месяц. Для этого класс делился по взаимному между учениками соглашению на 4 отдела, которые назывались сменами, и каждая смена в назначенный заранее по расписанию день должна была явиться с ответами к профессору. На эти так называемые репетиции назначено было время от 9 <до> 11 часов утра. Эта система представляла удобство двоякого рода: во 1-х, она давала профессору возможность весьма тщательно проверить знания ученика, т. к., например, в нашем курсе при 27 учениках каждая смена состояла только из 7 человек, проэкзаменовать которых в течение двух часов было для профессора легко. Другая выгода этой системы состояла в том, что так как в четырех неделях учебных дней было всего 24, а предметов, которые подлежали репетированию, было значительно менее, то оставалось около 12 дней свободных от репетиций, которые мы и могли посвящать внеклассному чтению, т. к. для приготовления к репетициям у нас имелось ежедневно все послеобеденное время.

Выше приведен был перечень предметов, которые должны быть преподаваемы в двух старших классах; их так много, что по необходимости пришлось некоторые из них исключить; так, в мое время не преподавались минералогия и юридическая практика, а преподавание гражданской архитектуры перенесено было в 3-й класс. Но и за всем тем число предметов было и значительно, и разнообразно, так что успевать во всех них было нелегко. Относительно преподавателей могу упомянуть с признательностью о преподавателях языков: французского — Бужо, перелавшего на французский язык некоторые басни Крылова, английского — Шау, также переводившего на английский язык некоторых русских авторов, и немецкого — Мюнцлова, хотя этот последний излагал немецкую литературу так подробно, что в III-ем классе, начав ее с Ульфицеллы, мы

дошли только до Вальтера фон дер Фогельвейде. Теорию словесности и историю русской литературы преподавал Яков Карлович Грот, человек необыкновенного трудолюбия, громадной начитанности. Сменивший Петра Георгиевича Георгиевского, носившего школьное прозвище Пепос и давшего Лицею 2 руководства, которые на школьном языке назывались «малое» и «большое свинство», Яков Карлович издал значительное число сочинений, пользующихся почетною известностью. К сожалению, при всех его достоинствах он не отличался даром устного изложения: читал свои лекции монотонно, вяло и как бы нехотя.

О преподавателях: математики — Щиглеве, физики — Щеглове и химии — Энгельгардте³³ ничего не скажу, потому что к излагаемым им предметам склонности не имел. Профессор практической механики, известный ученый академик Чебышев после каждой репетиции говорил мне: «Покойный брат ваш очень хорошо у меня занимался, а вы ничего не знаете, я вам более 8 поставить не могу». Тогда товарищи мои по смене, а это были лучшие ученики класса, начинали хором упрашивать его непременно выставить мне 11 баллов, потому что во всех остальных предметах у меня отличные отметки, и добрейший Пафнутий Львович, махнув рукою, соглашался исполнить их просьбу. Никаких сведений о механике я в Лицее не приобрел.

Очень смешно было преподавание сельского хозяйства профессором Степаном Михайловичем Усовым. В нашем саду отведена была небольшая площадка, разбитая на несколько квадратов, на которых что-то сеяли и сажали; но что именно, сказать не могу, т. к. эти практические занятия были сущим баловством. Усов, подобно Чебышеву, был также очень снисходительный человек и отметки рассыпал нам щедрою рукою. Но едва ли его лекции принесли нам какую-либо пользу.

Главными предметами, на которые обращали особое внимание, были науки юридические и политические, но и в этой отрасли состав преподавателей не был особенно высок. Читавший энциклопедию законоведения, римское право и уголовное право Яков Иванович Баршев был сухой, черствый педант; читал он монотонно, не только без увлечения, но даже без интереса к им читаемому, потому что каждый год он слово в слово повторял то, что читал в предыдущем году. От отвечающих он точно также требовал буквального воспроизведения им сказанного.

Профессор финансового и гражданского права Андрей Филиппович Оболенский был преподавателем на все руки: прежде преподавал он русский и латинский языки, логику, был одно время инспектором и наконец перешел на юридические дисциплины; лекции его составляли не что иное, как извлечение из действовавшего тогда свода законов. Никакого интереса они не представляли.

Петр Давыдович Калмыков преподавал историю русского права, любил выражаться очень высокопарно и, кажется, уже в то время страдал зачатками душевной болезни, которая и свела его в могилу.

Наконец, Игнатий Акинфьевич Ивановский один только вносил свежую струю в преподавание политической экономии и статистики. Он не садился на кафедру, а прохаживался по классу, и речь его походила более на интересный рассказ, чем на формальное изложение предмета.

Профессор истории в старшем курсе Иван Петрович Шульгин был известен в свое время как составитель нескольких учебников по географии и истории, из которых один под заглавием «Изображение, характер и содержание истории 3-х последних веков» представлял действительно интересную по времени издания книгу; но Шульгин был уже утомлен долгою педагогическою деятельностью и часто манкировал лекциями.

В заключение упомяну о преподавателе Закона Божия протоиерее Кочетове. Он был известен как педагог и считался даже ученым, был членом Российской академии, автором книги «Черты деятельного учения веры». Кроме того, он преподавал логику и психологию, т. к. эти науки по особому распоряжению должны были преподаваться лицами духовного сана. Насколько преподавание им психологии было основательно, покажет следующий пример: говоря об отношении души к телу, он объяснил, что душа есть странница, а тело — гостиница и что как странница покидает временное пребывание в гостинице, так и душа оставляет временную телесную оболочку и удаляется, но куда именно, это не объяснялось.

В 1854 году Кочетов скончался, и его заменил молодой священник Алексей Николаевич Строкин. Это был умный, симпатичный человек, сразу всем полюбившийся; до сих пор в памяти моей сохранилось молитвенное к нему обращение, выражавшееся в следующих словах: «Отче Строче, нельзя ли урок задать покороче».

Вообще следует сказать, что наши преподаватели принадлежали к лицам, утомленным долгою и однообразною деятельностью, т. к. в те времена преподаватели должны были строго держаться определенных программ, не допуская в преподавании никаких новшеств.

Лицей был не только учебное, но и воспитательное заведение; хотя воспитательная часть была поставлена едва ли не хуже учебной. На две категории делились воспитатели: одна половина их была из иностранцев, другая — из офицеров, которые назначались, по-видимому, с целью подтянуть молодежь. Но цель эта решительно не достигалась. Из числа военных можно упомянуть о бароне Штейнгеле, впоследствии инспекторе Лицея, над которым веяло что-то запретное, ибо отец его был одним из видных декабристов;³⁴ другой офицер-воспитатель был Сергей Васильевич Лялин, который потом сделался содержателем в Лицее пансиона. Он поступил воспитателем нашего курса, когда мы были в IV-м классе, и довел нас до выпуска, пользуясь постоянно нашей любовью. Об остальных офицерах и упоминать не стоит — до того они были не пригодны к принятым ими на себя обязанностям. Несомненно, что они приносили вред делу воспитания, а некоторые даже развращали юношество, во всем ему потворствуя и даже содействуя неисполнению ими установленных школьных порядков; так, бывали случаи привоза некоторыми из них воспитанникам вина.

Воспитатели-иностранцы должны были занимать нас разговорами на иностранных языках; но это соблюдалось далеко не строго, и некоторые учились у нас русскому языку, так что разговор принимал иногда какой-то смешанный, двуязычный характер, да и вообще эти разговоры были весьма кратки, и никакого нравственного на нас влияния воспитатели не имели.

Выше было сказано, что в каждом этаже лицейского здания помещалось по два класса, из коих каждый представлял из себя отдельное целое. А между тем на дежурство назначалось только по одному воспитателю в каждый этаж; очевидно, что надзор их за двумя классами делался совершенно невозможным. Для усиления этого надзора в помощь обоим воспитателям назначалось по одному воспитаннику 1-го класса; последствием этого явилось то, что в 1-ом классе всегда дежурил воспитатель, а во 2-ом — всегда воспитанник, в 5-м же и 4-ом классах воспитатель и дежурный воспитанник чередовались. Дежурный воспитанник облакался в мундир, прицеплял шпагу, даже прихватывал с собой шляпу, нес все обязанности воспитателя и пользовался всеми его правами. Сверх того, в случае, если в лазарете было 3 больных, то и туда наряжался воспитанник 1-го класса.

Вообще старшие лицеисты имели надзор за младшими даже вне стен Лицея. Система эта представляла значительные удобства для начальства Лицея, ибо дежурные воспитанники исполняли обязанности воспитателей строго, т. к. и на них лежала ответственность за порядок в классе.

Очень тяжелое впечатление произвела в Лицее несчастная смерть пятерых лицеистов, а в числе их и моего старшего брата,³⁵ утонувших 21-го августа 1854 года. Произошло это следующим образом. На летнее время приглашен <был> к брату и ко мне англичанин мистер Гаррисон, причувивший нас к плаванию на лодке. Жили мы на даче, на Петергофской дороге, и катались на лодке на взморье.

На лето 1854 года брат мой уехал в Тамбовскую губернию погостить у своего товарища Сабурова. Лодку же нашу, носившую название «Нелли», отдал он своему товарищу Гаврилову, жившему на Крестовском острове. По его возвращению в Петербург лодку предстояло вернуть нам. Для этого предположено было в роковой день, в субботу 21 августа, что мой брат, его товарищи Антонов и Гаврилов и воспитанники III-го класса Гежелинский и барон Оффенберг отправятся на этой лодке к нам на дачу; я же поехал домой предупредить об их отъезде. В субботу они не приехали, на следующий день, в воскресенье, мы также напрасно их ждали, матушка моя сильно беспокоилась. В воскресенье вечером я вернулся в Лицей и на вопрос, предложенный мною воспитателю: «Приехал ли мой брат?» — получил утвердительный ответ. Однако на следующее утро, едва мы начали вставать с постели, вбежал в спальню один из товарищей брата и испуганным голосом заявил, что никто из уехавших на лодке в Лицей не вернулся. Сделалось ясным, что они погибли. Были приняты меры к отысканию их тел и к выяснению причин несчастья. Оказалось, что когда они выходили из Малой Невки в Большую Неву, то командир поставленной там брандвахты, окликнув их, советовал им не идти далее, указывая на опасность от подымавшегося сильного ветра, но они не вняли этому совету. Это единственное сведение, которое могло быть о них добыто. Разбитая, вероятно, волною лодка не была найдена; тела же погибших были найдены в разных местах побережья. Тело моего брата было найдено на отмели близ Лахты. Событие это описано дядею Гаврилову Г.С.Поповым в изданной им брошюре «Память печали о юных погибших пловцах», явившеюся тогда же и во французском переводе.³⁶

Благодаря объясненному выше закрытому характеру Лицея мы крепко держались друг за друга, и дух товарищества был меж нами очень сильно развит.

Содержали нас хорошо, кормили весьма порядочно и хотя между нами и бродило четверостишие:

Капитан Свиридов
Славный эконо́м —
Из каких-то видов .
Кормит нас ... *

Но эти стихи были и нечистоплотны и несправедливы. Обращение с нами воспитателей было вежливое и по сравнению с другими учебными заведениями того времени даже снисходительное. Система наказаний заключалась в сокращении отпуска на несколько часов или совершенном его лишении. Высшей мерой взыскания было заключение в карцер. Телесные наказания, которые изредка применялись во время состояния

* Так в оригинале.— Примеч. публикатора.

Лицея в ведомстве военно-учебных заведений,³⁷ не практиковались во время моего пребывания в Лицее. К слову сказать, курение в Лицее преследовалось беспощадно: каждый уличенный в этом должен был подвергнуться заключению в карцер на сутки, лишиться отпуска на воскресенье, и, сверх того, ежемесячная отметка за поведение уменьшалась на единицу.

Одним из лучших табачных фабрикантов того времени был некто Фортуна. Фамилия эта вызвала следующее четверостишие:

Ты, Фортуна, украшаешь
Злодеяния людей,
Папиросами снабжаешь
Императорский Лицей.

В двух старших классах свободного времени у нас было достаточно, и мы посвящали его чтению. К сожалению, систематического чтения не было, оно ограничивалось русскою журнальною литературой и французскими романами Александра Дюма и Поль де Кока. Для учеников 1-го класса выписывалось несколько газет и журналов, которые раскладывались на двух столах в приемной. В этой же комнате происходили свидания родственников с воспитанниками, и лишь только появлялась хорошенькая сестра или кузина, то число читателей заметно увеличивалось; никаких рукописных журналов, так широко распространенных в Царскосельском Лицее, у нас не было.

В старшем классе некоторые из моих товарищей пожелали держать экзамен на чин прапорщика, почему для приготовления к военному экзамену они слушали по вечерам курсы военных знаний. Трем другим моим товарищам пришла, не знаю почему, фантазия учиться китайскому языку, и профессор Леонтьевский являлся раза два в неделю обучать их этой премудрости. Уроки эти принесли пользу одному лишь Е.К.Бюцову, который занимал впоследствии дипломатические должности в Токио и Пекине. Что касается меня, то я занялся историей русской литературы и по указанию Я.К.Грота написал статью о Сумарокове. Статья эта предназначалась для Памятной книжки Лицея, но почему-то осталась ненапечатанною.

В мое время существовал в Лицее обычай или обряд, ныне совершенно забытый, назывался он «соединение» и состоял в том, что 1-ый класс, приступая к выпускным экзаменам, для приготовления к которым разрешалось жить дома, передавал свои так называемые «права» II-ому классу и угощал его ужином, получая ответное приглашение на обед. Эти торжества, как и празднование 19-го октября, очень туманили головы многим из нас. На день 19 октября и у нас писались стихотворения, автором их был И.И.Мечников, один из самых даровитых, но далеко не самых прилежных моих товарищей. Приведу одно из его стихотворений:

Лейте полнее
Бокалы вина.
За здравье Лицея
Их пейте до дна.
Настало то время,
Когда весь Лицей
Сливается в племя
Веселых друзей.
Так выпьемте ж, братья,

Мы прежде всего
 За всех без изъятия
 Питомцев его.
 Теперь, без сомнения,
 Начальства черед —
 Но тут затрудненье,
 И стих не идет.

За год до выпуска моего из Лицея скончался 18 февраля 1855 года император Николай I. Лицей в полном составе участвовал в церемонии перевезения тела императора из Зимнего дворца в Петропавловский собор. Упомяну при этом следующую подробность: в церемоньяле Лицей был поставлен ниже Училища правоведения, что было неправильно и очень обижало наше самолюбие; по счастью, церемониймейстером того отдела процессии, в который входили оба этих учебных заведения, был камер-юнкер Мухортов, свояк моего товарища Юханцова. Мы обратились к нему с просьбой о восстановлении наших прав, что он и исполнил к великому нашему удовольствию.

Прошел, наконец, последний наш экзамен 17-го мая 1856 г. Мы нарядились во фраки, обошли младшие классы, обошли наш старый сад и в заключение простились с директором и инспектором. Грустно было покидать Лицей, грустно было расставаться с товарищами.

Прошли годы, в Лицее окончили курс 2 моих младших брата;³⁸ я вступил в брак с Ольгой Александровной Шакеевой, сестрой лицеиста 23-го курса. Сын мой³⁹ — лицеист 45 курса — вышел из Лицея в 1889 г., а дочь моя Ольга была в замужестве за лицеистом 46-го курса Г.Р.Шмидтом.

Таким образом, не прерывалась связь моя с Лицеем. Крепка она и теперь; я состою членом Совета Лицея и, по доверию товарищей, всегда избирался в разные совещания по нашим лицейским делам.

Молю Бога, да будет дарована мне возможность принять участие в торжественном 100-летнем Лицейском юбилее.

Указатель имен

Антонов Михаил Илларионович (? — 21.VIII.1854) — воспитанник XX курса. Утонул в Финском заливе.

Баршев Яков Иванович (1807—1894) — криминалист, доктор права. Получил образование в Московской духовной академии. Учился правоведению при II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Усовершенствовался в университетах Германии. Профессор юридических наук в Лицее (1837—1867; с 1857 — заслуженный профессор). Его курс «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» (СПб., 1841) был в свое время заметным явлением в своей области.

Барышников Николай Иванович — воспитанник XVI курса, окончил Лицей в 1848 году. Служил в Министерстве внутренних дел.

Браун (Броун) Иван Егорович — учитель английского языка. Бывший подданный Великобритании. Службу начал в Малолетнем кадетском корпусе. Учитель английского языка в Лицее (1834—1862). Преподавание английского языка было введено в Лицее в 1834 году, и до 1842 года И.Е.Браун один вел занятия во всех классах. Впоследствии его

занятия были ограничены младшим возрастом. С 1843 по 1847 годы содержал пансион для подготовки к поступлению в Лицей.

Броневский Дмитрий Богданович (1795—1867) — генерал-лейтенант, директор Императорского Александровского (б. Царскосельского) Лицея (1840—1853).

Бужо Альфред Людвигович — писатель, преподаватель французского языка и словесности. Бакалавр Парижской академии. Учитель французского языка (1848—1859) и преподаватель французской литературы (1853—1859) в Александровском Лицее. Одновременно преподавал французскую словесность в Главном Инженерном училище и Главном Педагогическом институте. Автор книг о французской литературе и языке («Principes de composition et de style avec études des genres en vers et en prose», 1851, 2-е изд. 1853; «Difficultés et finesses de la langue française», 1853; «Précis historique et chronologique de la littérature française», 1853; и др.).

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — журналист и писатель. Издавал газету «Северная пчела» (1825—1859), журнал «Сын отечества» (1825—1839; совместно с Н.И.Гречем) и др. издания. Автор псевдоисторических романов.

Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — филолог и искусствовед, академик Петербургской Академии наук (1860). Автор трудов в области славянского и русского языкознания, фольклора, древнерусской литературы и искусства. Издатель древних рукописей.

Бюцов Евгений Карлович (1837—1904) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Русский дипломат. Посланник России в Китае (1873—1883) и в Иране (1889—1897). В 1881 году совместно с Н.К.Гирсом (фактически бывшим в ту пору министром иностранных дел) подписал Петербургский договор и торговое соглашение с китайским правительством. Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швеция и Норвегии (1897—1904).

Ведров Владимир Максимович (1824—1892) — историк. Профессор всеобщей истории в Лицее и в Казанском университете (1853—1859). Впоследствии цензор Петербургского цензурного комитета. Автор трудов «Жизнь афинского олигарха Критии» (СПб., 1848; за эту работу был удостоен Петербургским университетом степени магистра всеобщей истории), «Поход афинян в Сицилию» (СПб., 1857) и др.

Гаврилов 2-й Гавриил Федорович (? — 21.VIII.1854) — воспитанник XX курса. Утонул в Финском заливе.

Гартман Николай Николаевич (1825—1892) — тайный советник. Директор Императорского Александровского (б. Царскосельского) Лицея (1877—1892), прежде служивший в Лицее инспектором (1875—1877). В бытность его директором велась перестройка лицейского здания, шли значительные строительные работы.

Гежелинский Иван Иванович (? — 21.VIII.1854) — воспитанник XXII курса. Утонул в Финском заливе.

Георгиевский Петр Георгиевич (1792—1852) — профессор российской и латинской словесности. Получил образование в Калужской семинарии, затем в Педагогическом институте. Начал преподавательскую деятельность в Царскосельском Лицее в 1815 году адъюнкт-профессором российской и французской словесности. В 1828—1852 годах — профессор, с 1843 года — заслуженный профессор. Преподавал также в Училище правоведения. Автор «Руководства к изучению русской словесности» (СПб., 1835—1837, 1840).

Гроздов Флегонт Васильевич — лицейский преподаватель латинской словесности. Адъюнкт-профессор русской словесности и латинского языка (1833—1844); профессор латинской словесности (1844—1852). Входил в состав Комиссии для рассмотрения нового Устава Лицея (1848).

Грот Яков Карлович (1812—1893) — воспитанник VI курса. Окончил Лицей в 1832 году с большой золотой медалью. Филолог, академик Петербургской Академии наук (1856). Профессор русской словесности Александровского университета в Гельсингфорсе (1841—1852) и Императорского Александровского Лицея (1853—1862). Исследователь русской литературы. Особое значение имеют труды Грота по этимологии, лексикографии и грамматике русского языка. Установил нормы русского правописания, сохранившиеся до орфографической реформы 1918 года. Автор статей, посвященных Пушкину и Лицею. Как ученый известен также работами по истории шведской и финской литературы, скандинавского фольклора и мифологии.

Дюма Александр (Дюма-отец; 1802—1870) — известный французский писатель, автор многочисленных исторических романов.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — русский писатель, почетный член Петербургской Академии наук (1841), автор исторических романов «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) и др.

Иванов Николай Аполлонович (? — 5.VIII.1904, С.-Петербург) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Тайный советник. Член Совета министра финансов.

Ивановский Игнатий Акинфиевич (1807—1886) — профессор международного права. Учился в Виленском университете, после чего был направлен в Московский университет и Профессорский институт в Дерпте. По получении степени доктора права был командирован для усовершенствования за границу. Приглашен в Лицей в 1837 году на вновь образованную кафедру политической экономии и статистики. В Лицее — профессор статистики и политической экономии (1837—1857), профессор международного права, государственного права европейских держав и дипломатии (1857—1882). С 1860 года — заслуженный профессор. Известен своими трудами «Взгляд на науку дипломатии» (1836), «О началах постепенного усовершенствования государств» (1837), «Руководство статистики европейских государств» (1856). Лицейист А.Н.Яхонтов вспоминал об Ивановском так: «Все в нем увлекало нас, возбуждало наше внимание: и живая пылкая речь, и интерес содержания лекции, и даже оригинальные модуляции его голоса» (Рус. старина. 1888. Окт. С. 114).

Калмыков Петр Давыдович (? — 1860) — профессор Петербургского университета. Приватный преподаватель отечественного права в Лицее (1851—1860).

Карцев Иван Николаевич (? — июль 1854, Москва) — воспитанник XXI курса.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (1851—1855, 1863—1887). В 1845 году защитил магистерскую диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» (М., 1845).

Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914) — воспитанник XV курса. Окончил Лицей в 1847 году с серебряной медалью. Тайный советник. Член Консультации при Министерстве юстиции. Почетный мировой судья Калужского, Козельского, Перемышльского и Мещовского уездов. Почетный попечитель Калужского реального училища.

Киреевский Василий Иванович — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Прапорщик, служил в лейб-гвардии Измайловском полку (С.-Петербург).

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — религиозный философ, литературный критик и публицист. Один из основоположников славянофильства.

Кобеко Дмитрий Дмитриевич — воспитанник XLV курса. Окончил Лицей в 1889 году с золотой медалью. Тульский губернатор.

Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918) — историк. Воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году с серебряной медалью. По окончании Лицея поступил на службу в канцелярию министра финансов. Впоследствии занимал различные должности по этому министерству. На литературное поприще вступил в 1858 году, напечатав в журнале «Библиографические записки» дополнения к составленному Г.Н.Геннади указателю статей о Пушкине (1858. № 19). Главный труд — «Цесаревич Павел Петрович» (СПб., 1881; Уваровская премия). Автор многочисленных работ по истории. Член-корреспондент Академии наук. В 1870—1880-х годах принимал деятельное участие в Литературном фонде в качестве казначея, секретаря и члена комитета. Директор Императорской Публичной библиотеки (1902—1918). Действительный тайный советник. Член Государственного Совета. Член Совета Императорского Александровского Лицея. Первый председатель Пушкинского Лицейского общества (1899—1906). Председатель Комитета лицейской товарищеской кассы. Автор труда «Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы, 1811—1843» (СПб., 1911).

Кобеко Николай Фомич (? — 21.VIII.1854) — воспитанник XX курса. Утонул в Финском заливе.

Кобеко Павел Фомич — воспитанник XXVIII курса. Окончил Лицей в 1866 году. Тайный советник. Член Виленской судебной палаты и почетный мировой судья городов Вильно и Мстиславль.

Кобеко Петр Фомич (? — 1897, С.-Петербург) — воспитанник XXXI курса. Окончил Лицей в 1871 году. Статский советник. Правитель канцелярии Департамента окладных сборов.

Кобеко Фома Фомич (1793—1870) — тайный советник. Служил в Новгороде в канцелярии губернатора; в Тифлисе при А.П.Ермолове; в Министерстве финансов, где занимал должность советника правления Государственного заемного банка.

Кок (Поль де Кок) (1794—1871) — известный французский романист, автор более 50 романов из жизни среднего слоя парижского населения.

Кочетов Иоаким Семенович (1790—1854) — протоиерей, настоятель Петропавловского собора в Петербурге. Законоучитель православного вероисповедания в Лицее (октябрь 1817 — 1854). Член Российской академии, писатель. В качестве члена академии принимал деятельное участие в составлении «Словаря церковнославянского и русского языка» и академического «Словаря русского языка». В Лицее за счет казны получили воспитание два его сына, Кочетов Борис Иоакимович (XV курс, выпуск 1847 года) и Кочетов Александр Иоакимович (XXIV курс, выпуск 1860 года).

Лапшин Григорий Иванович (1813—1884) — профессор латинской словесности в Лицее (1853—1867); экстраординарный профессор (1867—1882). Обучался в Петербургском университете и в Профессорском институте при Дерптском университете. Автор работы «Микенские и троянские раскопки Шлимана» (Вестник Европы. 1880. № 5).

Лялин Сергей Васильевич (? — 1871, С.-Петербург) — штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка. Командирован в Лицей в 1851 году. Воспитатель (1851—1858; 1863—1871); репетитор (1851—1871). Кроме того, содержал пансион для приготовления к поступлению в Лицей (1856—1871). В Лицее учились два его сына: Лялин Василий Сергеевич (XXXII курс, выпуск 1872 года) и Лялин Сергей Сергеевич (XXXIV курс, выпуск 1875 года).

Малиновский Антон Иванович (? — 6.IV.1904, Москва) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году с серебряной медалью. Действительный статский совет-

ник. Член Московской судебной палаты. Почетный член Пушкинского лицейского общества.

Малиновский Василий Федорович (1765—1814) — дипломат, литератор. Первый директор Царскосельского Лицея (1811—1814).

Малиновский Иван Васильевич (1796—1873) — воспитанник I курса. Окончил Лицей в 1817 году. Лицейский друг Пушкина. Прапорщик, позднее капитан лейб-гвардии Финляндского полка. С 1825 года — отставной полковник. Впоследствии — помещик села Каменка Изюмского уезда Харьковской губернии, предводитель дворянства Изюмского уезда.

Мечников Иван Ильич (? — 1881, Москва) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Действительный статский советник. Старший председатель Киевской судебной палаты.

Миллер Николай Иванович (1809—1889) — инспектор (1843—1853), а потом директор (1853—1877) Лицея. Закончил Инженерное училище первым учеником. Капитан лейб-гвардии Измайловского полка, прикомандированный к Пажескому корпусу. В Лицей принят по ходатайству принца П.Г.Ольденбургского, знавшего Миллера «за человека отлично образованного и любознательного».

Мюнцлов (Минцлов) Рудольф Иванович (1811—1883) — преподаватель немецкой словесности в Лицее (1852—1870). Образование получил в университетах Европы. Старший библиотекарь Императорской Публичной библиотеки. Преподавал в старших классах.

Николаев Василий Никитич (? — 17.IV.1898, С.-Петербург) — окончил Лицей с XXII курсом в декабре 1857 года. Действительный статский советник. Директор С.-Петербургской Ссудной казны.

Оболенский Андрей Филиппович (1790—1861) — профессор нравственных наук. Воспитанник Педагогического института. Свою деятельность в Лицее начал с должности гувернера, учителя латинского языка и арифметики в Благородном пансионе. С 1824 по 1839 годы был библиотекарем. Продвигаясь по «лицейской учебной иерархии», закончил службу заслуженным профессором, преподавал государственные законы. Содержал частный пансион при Царскосельском Лицее.

Ольденбургский Петр Георгиевич, принц (1812—1881) — первый попечитель Императорского Александровского Лицея (1843—1881). В своей деятельности большое внимание уделял образованию в России. Основатель и попечитель Училища правоведения. На собственные средства купил для училища дом и передал ему. В 1860 году П.Г.Ольденбургскому было вверено управление всеми учреждениями Ведомства императрицы Марии с назначением его главноуправляющим IV отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1844 году в ведомстве IV отделения было 104 воспитательных и других учреждений, а в год кончины принца их насчитывалось 496.

Оффенберг Павел Федорович, барон (? — 21.VIII.1854) — воспитанник XXII курса. Утонул в Финском заливе.

Павский Герман Петрович (1787—1863) — филолог, востоковед и русист, академик Петербургской Академии наук (1858). Главный труд — «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841—1842). Законоучитель православного вероисповедания в Царскосельском Лицее (сентябрь 1816 — 1817), профессор богословия Петербургского университета (1819—1826), позднее — Духовной академии.

Патон Иван Петрович (? — 17.IV.1911, С.-Петербург) — тайный советник. Председатель Екатеринославского окружного суда. Окончил Лицей с XXII курсом в декабре 1857 года.

Перевлесский Петр Миронович (1815—1866) — педагог, писатель. По окончании курса в Московском университете был учителем русского языка в гимназии. Адъюнкт-профессор (1851—1862), затем профессор русской словесности (1862—1866) в Лицее. Известен как составитель распространенных учебных пособий «Русское стихосложение» (1853), «Памятники старославянского языка» (1854), «Практическая русская грамматика» (1854—1855), «Грамматика старославянского языка» (1852; 3-е изд. 1862).

Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821—1866) — утопический социалист. Воспитанник X курса. Окончил Лицей в 1839 году. Кандидат права. Руководитель общества петрашевцев. Выступал за демократизацию политического строя России и освобождение крестьян с землей. Приговорен военно-судной комиссией к расстрелу «за преступный замысел к ниспровержению существующего государственного устройства»; был осужден на бессрочную каторгу. В дело Петрашевского «были замешаны» следующие воспитанники Лицея: Н.Д.Ахшарумов (1819—1893; X курс, выпуск 1839 года; оставлен под секретным надзором), Н.И.Кайданов (1821—1894; X курс, выпуск 1839 года; оставлен под секретным надзором), Н.А.Спешнев (1821—1882; полного курса в Лицее не окончил; приговорен к «смертной казни расстрелянием», замененной десятью годами каторги), Н.Я.Данилевский (1829—1885; XII курс, выпуск 1842 года; сослан в Вологду под секретный надзор), Е.С.Есаков (1825 — ?; XIII курс, выпуск 1844 года; оставлен под секретным надзором), А.И.Европеус (1826—1885; XV курс, выпуск 1847 года; военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации определен рядовым на Кавказ), Н.С.Кашкин (1829—1914; XV курс, выпуск 1847 года; приговорен к четырем годам каторги, по конфирмации определен рядовым на Кавказ).

Поздняк Иван Дмитриевич — воспитанник II курса. Окончил Лицей в 1820 году. Служил в департаменте Министерства народного просвещения.

Пономарев Константин Николаевич (? — 4.XII.1888) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Нотариус г. Киева.

Пономарева Софья Дмитриевна (урожд. Поздняк; 1794—1824) — хозяйка литературного салона (1821—1824), посетителями которого были известные русские литераторы и любители отечественной словесности. Среди них — лицейские поэты А.А.Дельвиг, А.И.Илличевский, В.К.Кюхельбекер, М.Л.Яковлев и, кроме того, Е.А.Баратынский.

Постельс Александр Филиппович (1801—1871) — естествоиспытатель и педагог. Окончил Петербургский университет. На военном шлюпе «Синявин» в качестве минеролога и рисовальщика совершил кругосветное путешествие (1826—1829). Преподавал минералогию в Главном Педагогическом институте. Свыше 25 лет обучал естественным наукам в Училище правоведения. Директор Второй гимназии в Петербурге (1837—1856). Автор многочисленных работ по естествознанию (на немецком языке).

Рихтер Александр Александрович (? — 4.III.1898, С.-Петербург) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году с серебряной медалью. Тайный советник. Член Совета министра финансов.

Рихтер Андрей Александрович — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Коллежский асессор. Мировой посредник в Калужской губернии.

Сабуров Петр Александрович — воспитанник XX курса. Окончил Лицей в 1854 году с большой золотой медалью. Действительный тайный советник. Член Государственного Совета, сенатор. Был послом в Берлине.

Саломон Александр Петрович (1853—1908) — воспитанник XXXIII курса. Окончил Лицей в 1874 году с золотой медалью. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку и участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Шталмейстер Высочайшего Двора. Член Государственного Совета. Директор Императорского Александровского (б. Царскосельского) Лицея (1900—1908). Переводчик Данте.

Селезнев Иван Яковлевич (? — 1889) — преподаватель русского и славянского языков в Лицее (1849—1855). Состоял в должности библиотекаря (1854—1859). Одновременно являлся помощником правителя дел Лицея. Автор книги «Исторический очерк Императорского Лицея, 1811—1861» (СПб., 1861).

Слепцов Александр Александрович (? — 1906) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Действительный статский советник. Член Ученого комитета Министерства народного просвещения.

Смарагдов Семен Николаевич (1805—1871) — историк, писатель. Воспитанник Дерптского университета. Преподаватель истории и географии в разных учебных заведениях. Адъюнкт-профессор истории и географии в Лицее (1840—1853). Составил «Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений» (СПб., 1840; 6-е изд. 1852), «Руководство к познанию средней истории» (СПб., 1841; 5-е изд. 1856), «Руководство к познанию новой истории» (СПб., 1844; 5-е изд. 1864) и др.

Стефан Александр Густавович — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Действительный статский советник. Член Окружного совета Виленского военного округа.

Строкин Алексей Николаевич (1826—1870) — магистр богословия Петербургской Духовной академии. Лицейский законоучитель православного вероисповедания (1854—1870). Преподавал закон Божий, психологию и логику. Настоятель церкви Лицея.

Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — русский писатель, один из видных представителей классицизма.

Таваст Николай Лаврентьевич — медик. Дивизионный доктор резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса. С 1842 года — медик Лицея. В 1847 году сверх обязанностей медика «заведовал над преподаванием гимнастики в Лицее». В 1853 году переведен из Лицея в действующую армию инспектором аптекарской части.

Ульфила (Вульфила; ок. 311 — ок. 383) — переводчик Библии на готский язык. Первый распространитель христианства среди германских племен.

Усов Степан Михайлович (1796—1859) — писатель. Автор книг по сельскому хозяйству. Редактор «Земледельческой газеты» (1834—1853). Экстраординарный профессор Петербургского университета. В 1852 году был приглашен в Лицей в связи с открытием кафедры сельского хозяйства. Программа его курса состояла из трех частей: общих понятий о сельском хозяйстве; о скотоводстве; о сельскохозяйственном управлении. В 1859 году в связи со смертью профессора Усова кафедра была закрыта.

Фогельвейде Вальтер, фон дер (ок. 1170 — 1230) — немецкий средневековый поэт-миннезингер.

Ханыков Яков Васильевич (? — 3.I.1851, С.-Петербург) — воспитанник XXI курса.

Чебышев Пафнутий Львович (1821—1894) — математик и механик. Преподаватель практической механики в Лицее (1852—1856).

Шакеев Евгений Александрович (? — 1899) — воспитанник XXIII курса. Окончил Лицей в 1859 году. Статский советник. Петербургский мировой судья.

Шау Фома Иванович (по данным С. Д. Руденской: 1813—1882) — исправляющий должность адъюнкт-профессора английской словесности в Лицее (1842—1862). Вел занятия в высших классах. Магистр Кембриджского университета. Переводчик английской литературы, а также автор переводов русских писателей (в их числе — Пушкин) на английский язык.

Шмидт Геральд Рудольфович — воспитанник XLVI курса. Окончил Лицей в 1890 году. Ревизор первого разряда Управления по делам мелкого кредита. Чиновник особых поручений V класса Министерства финансов.

Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783—1862) — декабрист. Окончил морской кадетский корпус. Участник Отечественной войны и заграничного похода (1812—1814). Ушел в отставку в 1817 году в чине подполковника. Член декабристского Северного общества. Сторонник конституционной монархии. По поручению К. Ф. Рылеева составил проект манифеста к народу. В восстании 14 декабря 1825 года не участвовал. Был приговорен к двадцати годам каторги на Нерчинских рудниках. С 1835 года — на поселении. Умер в Петербурге.

Штейнгель Вячеслав Владимирович, барон — лицейский воспитатель и репетитор (1850—1853), затем инспектор (1853—1858). Полковник. Будучи штабс-капитаном лейб-гвардии Егерского полка поступил в Лицей в соответствии с высочайшим повелением, согласно которому должности воспитателей в Лицее и в Училище правоведения следовало замещать военными обер-офицерами в качестве прикомандированных от своих полков и команд (декабрь 1849).

Шульгин Виктор Иванович (? — 7.VIII.1900, Бектышев Владимирской губ.) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году. Действительный статский советник. Столичный мировой судья в Петербурге.

Шульгин Иван Петрович (1795—1869) — историк. Воспитанник Педагогического института. Читал историю в Петербургском университете, Училище правоведения, Императорском Лицее, а также великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Павловичам. Начиная свою деятельность в Лицее в 1816 году в качестве учителя географии. Лицейский профессор статистики и географии (1833—1836); всеобщей и российской истории (1841—1862); заслуженный профессор (1843—1869). Составитель «Плана преподавания всеобщей и русской истории», автор четырехтомника материалов по всеобщей и русской истории.

Щеглов Николай Тихонович (1800—1870) — профессор физических и математических наук в Лицее (1836—1853). Кандидат Петербургского университета, удостоенный серебряной медали. В 1848 году получил звание заслуженного профессора. Автор учебников и руководств по математике, физике и химии.

Щиглев Роман Петрович — преподаватель математики. Кандидат физико-математического факультета Петербургского университета. Начал службу в Лицее в 1828 году в качестве учителя математики. Лицейский адъюнкт-профессор математики (1833—1868). Входил в состав комиссии для разбора архивов Лицея, был членом и секретарем Совета Лицея.

Энгельгардт Егор Антонович (1775—1862) — педагог, писатель. Директор Царскосельского Лицея (1816—1823). Пользовался большим уважением и любовью воспитанников. Со многими из них сохранял дружеские отношения на протяжении всей жизни.

Юханцев Николай Николаевич (? — 1902) — воспитанник XXI курса. Окончил Лицей в 1856 году с золотой медалью. Тайный советник. Помощник начальника Канцелярии по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых.

Примечания

¹ ИРЛИ. Ф. 157. № 416.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Ф. 157. № 307.

⁴ Шутник (франц.).

⁵ Согласно Уставу Императорского Александровского Лицея, утвержденному в 1848 году, 50 казенных вакансий замещались воспитанниками Первой, Второй и Ларинской гимназий Санкт-Петербурга и Московского Дворянского института, а также сыновьями генералов и гражданских чиновников не ниже 4 класса. Половина всего числа открывающихся вакансий после каждого выпуска и в случае нечетного числа более одного предоставлялась гимназистам (пп. 6—10). См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 23. Отд. 1. 1848. СПб., 1849. С. 237—255.

⁶ Частный пансион Ф.В.Гроздова (1845—1851). Готовил мальчиков к поступлению в Лицей.

⁷ Начиная с 1832 года система баллов для оценки успехов в науках в Императорском Лицее подверглась изменениям. В отличие от прежних обозначений (1 — отлично, 2 — очень хорошо, 3 — хорошо, 4 — посредственно, 0 — худо) новые выглядели так: 12 — отлично хорошие успехи; 11 и 10 — весьма хорошие успехи; 9 и 8 — хорошие; 7 и 6 — удовлетворительные; 5 и 4 — посредственные; 3 и 2 — худые; 1 и 0 использовались для обозначения безуспешности.

⁸ СПб.: Изд. А. Смирдина, 1839—1845. Т. 1—3.

⁹ Журнал (1836—1866), основанный А.С. Пушкиным. После смерти поэта издавался группой его друзей во главе с В.А.Жуковским. С 1838 года руководство изданием перешло к П.А.Плетневу. В 1846 году Плетнев передал свои права Н.А.Некрасову и И.И.Панаеву. До первой половины 1848 года идейным руководителем журнала был В.Г.Белинский. Издание пропагандировало революционно-демократические идеи, реалистическую эстетику. В нем сотрудничали А.И.Герцен, И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, М.Е.Салтыков, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов.

¹⁰ Научно-литературный журнал (1841—1856). Издавался в Москве М.П.Погодиным. Орган славнофилов.

¹¹ Политическая и литературная газета (1825—1864). Издавалась в Петербурге Ф.В.Булгариним (1825—1859, с 1831 — совместно с Н.И.Гречем).

¹² Старейшая русская газета «Санкт-Петербургские ведомости» (1728—1917). С 1800 года выходила еженедельно. В 1863—1874 годах была ведущей либеральной газетой в стране. С передачей в 1875 году Министерству народного просвещения утратила оппозиционность.

¹³ Военная газета (1813—1917). Выпускалась в Петербурге. С 1869 года была органом Военного министерства.

¹⁴ Имеется в виду буржуазная революция в Венгрии (1848—1849), которая была подавлена.

¹⁵ Николай I посетил Лицей 2 марта 1851 года. Ранее император посещал учебное заведение неоднократно: 15 января 1829, 17 октября 1833, 1 ноября 1840, 31 октября 1841, 19 января 1844, 29 ноября 1844, 3 марта 1847 годов.

¹⁶ Согласно Уставу 1848 года, прежний порядок обучения в четырех полуторагодовых классах заменялся на шестиклассный по одному году в каждом классе. Решено было вводить новую систему постепенно. По этой причине в описываемый мемуаристом период в Лицее одновременно обучались классы с полуторагодовым курсом и одногодичным. Замена на шестиклассный курс вела к увеличению числа воспитанников. Однако преобразования были прерваны в связи с визитом Николая I, заявившего, что он «не усматривает надобности увеличивать состав Лицея еще двумя классами, ибо признает расширение привилегированных заведений в настоящее время неуместным».

¹⁷ Сведений о гр. Стен-бок-Ферморе и бароне фон дер Ховене найти не удалось.

¹⁸ Здание, в котором размещался Императорский Александровский Лицей, было построено в 1834 году по проекту архитектора И.Л.Шарлемана для Александринского сиротского дома.

¹⁹ Имеется в виду помещение, где происходили заседания Совета Лицея.

²⁰ Церковь во имя Св. царицы Александры.

²¹ «Покровителю места — первый курс установил — двенадцатый возобновил» (лат.). Д.Ф.Кобеко ошибся. Возобновил памятник не 12-й, а 11-й курс. Об этом пишут другие мемуаристы и сам Д.Ф.Кобеко в книге «Императорский Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы, 1811—1843» (СПб., 1911. С. 114).

²² Т. е. лишение отпуска в субботу.

²³ Т. е. Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856).

²⁴ Ср.: «Пансион Гроздова, относительно ученья и надзора, хорош до излишества. Детям не только некогда шалить, но даже некогда и отдохнуть минуты от непрерывных занятий <...> Вася рожден не деловым человеком, а художником <...> не думав прежде отдавать его в общественные заведения, я приучил его больше понимать уроки, чем зубрить их наизусть, между тем как требуется зубрение. От того теперь находится он в таком положении, что должен вести беспрестанную, ежеминутную борьбу с самим собою, беспрестанно убивая в себе потребность мышления и понимания, чтобы не прогулять минуты, назначенные для зубрения. На секунду поддавшись естественному побуждению понять и обдумать урок свой, он теряет время зубренья и заслуживает дурные баллы» (Рус. архив. 1909. № 4. С. 600).

²⁵ В 1850 году в живых были следующие воспитанники первого курса: А.П.Бакунин (1799—1862), А.М.Горчаков (1798—1883), С.Д.Комовский (1798—1880), А.А.Корнилов (1801—1856), М.А.Корф (1800—1876), С.Г.Ломоносов (1799—1857), И.В.Малиновский (1796—1873), Д.Н.Маслов (1799—1856), Ф.Ф.Матюшкин (1799—1872), П.Н.Мясоедов (1799—1868), И.И.Пушин (1798—1859) и М.Л.Яковлев (1798—1868).

²⁶ Имеется в виду Малиновский Антоний Иванович.

²⁷ Т. е. Малиновского Василия Федоровича.

²⁸ Т. е. Малиновского Ивана Васильевича.

²⁹ Альбом с автографами известных русских литераторов — посетителей салона С.Д.Пономаревой, украшенный рисунками О.А.Кипренского, К.И.Кольмана, К.Н.Батюшкова (ИРЛИ. 9668).

³⁰ Памятник в честь принца П.Г.Ольденбургского с надписью «Просвещенному благотворителю» был воздвигнут в 1889 году на Литейном проспекте перед зданием Марининской больницы, управление которой было поручено принцу 14 октября 1839 года. Автор памятника — академик И.Н.Шредер. В 1930-е годы памятник утрачен.

³¹ Прозвище восходит к имени персонажа произведения В.А.Ушакова «Восточная повесть». См.: Ушаков В.А. Кот Бурмосеко. М., 1831.

³² Первоначально закрытое учебное заведение для детей дворян (1835—1918). Учреждено по мысли и на средства принца П.Г.Ольденбургского «для образования благородного юношества на службу по судебной части». Училище состояло в ведомстве Министерства юстиции и управлялось попечителем. Срок обучения сначала был шестилетний, затем семилетний с подготовительными классами. В подготовительных классах и на младшем курсе изучались общеобразовательные предметы, на старшем — юридические науки. В числе окончивших училище — И.С.Аксаков, А.Н.Апухтин, А.М.Жемчужников, В.О. и М.Е.Ковалевские, К.П.Победоносцев, Д.А.Ровинский, В.В.Стасов, А.Н. Серов, П.И.Чайковский.

³³ После выбытия из учебного заведения профессора физико-математических наук Н.Т.Щеглова, преподававшего и физику, и химию, его кафедра была разделена между двумя преподавателями: одному поручена физика, другому — химия. В «Списке чинов Императорского Александровского Лицея» преподаватель химии Энгельгардт не значится (см.: Наставникам, хранившим юность нашу. СПб., 1911). Однако современный исследователь сообщает, что «курс химии “в Лицее” вел известный публицист и ученый-агрохимик профессор Александр Николаевич Энгельгардт» (Руденская С.Д. Царскосельский — Александровский Лицей, 1811—1917. СПб., 1999. С. 222).

³⁴ Имеется в виду Штейнгель Владимир Иванович.

³⁵ Т. е. Кобеко Николая Фомича.

³⁶ См.: [Попов Г.] Память печали о юных погибших пловцах. СПб., 12 октября 1854 г. СПб.: Печатано в Военной тип., 1857; Popoff, Gabr. de. Souvenir douloureux, ou récit du naufrage de cinq jeunes lycéens. SPb., 1854.

³⁷ В ведомстве военно-учебных заведений Императорский Лицей находился с 1822 по 1843 годы.

³⁸ Имеются в виду Кобеко Павел Фомич и Кобеко Петр Фомич.

³⁹ Имеется в виду Кобеко Дмитрий Дмитриевич.

Д.М.Добровольская

**А.Н.АММОСОВ И А.С.ПУШКИН.
Четверть века спустя после дуэли**

Александр Николаевич Аммосов (1823—1866) — поэт, имя которого сегодня почти никому не знакомо. Пушкинисты знают его как автора брошюры «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса» (СПб., 1893). Известный исследователь П.Е.Щеголев, автор одной из первых книг о дуэли Пушкина, признавался: «К сожалению, несмотря на старанья, не удалось собрать сведений о книжке Аммосова, ни о процессе составления этой книжки, ни о самом составителе». ¹ И до сегодняшнего времени творческое наследие и жизненный путь А.Н.Аммосова недостаточно изучены. Так, в современном биографическом словаре ему посвящена лишь краткая заметка. ²

А.Н.Аммосов родом из дворян Петербургской губернии. ³ Отцом А.Н.Аммосова называют Николая Алексеевича Аммосова (1787—1868), ⁴ начальника Сестрорецкого завода, изобретателя пневматических печей, которые долгое время применялись при отоплении Зимнего дворца. Однако в формулярном списке этого человека за 1839 год сын Александр в числе детей не указан. ⁵

Остается неясным, где Александр получил первоначальное образование. Скорее всего, оно было домашним.

Благодаря архивным разысканиям нам удалось установить, что в 1842 году юноша поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. К этому моменту ему уже было восемнадцать лет — в ту пору довольно зрелый возраст для начинающего учебу студента. Вероятно, до поступления в университет у Аммосова не было систематических знаний, потому что он получил не слишком высокие баллы на вступительных экзаменах, о чем свидетельствует ведомость «О приемных экзаменах в студенты в 1842 году»: «Закон Божий 4; русская словесность 3; логика 4; немецкий язык 2; французский 2; география 4; история 3; математика 3». ⁶ Примечательно, что Аммосов оказался в числе одиннадцати молодых людей, которые получили на приемном экзамене слабую отметку по латинскому языку. В декабре 1842 года он был подвергнут переэкзаменовке. Аммосов получил требуемые положением баллы и был принят в число студентов. Донесение об этом было подписано 16 января 1843 года. ⁷

Учился Александр с трудом, блестящих успехов не показал. Его имя находится в списке студентов, «оставшихся в том же курсе» на следующий год.

В январе 1845 года, не закончив курса, он подал прошение об отчислении. Первого февраля 1845 года на заседании Правления Императорского Санкт-Петербургского университета среди других дел было рассмотрено и прошение «своекоштного студента Алек-

сандра Аммосова от 17 января об увольнении его вовсе из числа студентов <...> для поступления в военную службу».⁸

Вскоре Аммосов был зачислен юнкером в действующий Люблинский егерский полк. Уже в первом сражении под чеченским селением Дарго он был ранен винтовочной пулей под правый глаз. По воспоминаниям очевидца события князя А.М. Дондукова-Корсакова, «Аммосов плакал от мысли, что был навек изуродован».⁹ Пулю так и не удалось извлечь. Это первое ранение впоследствии послужило причиной его смерти.

В дальнейшем Аммосов многократно принимал участие в военных действиях — и в подавлении венгерского восстания (1849), и в Крымской войне, где он отличился в боях на реке Дунай.

Согласно выписке из формулярного списка, за отвагу в сражениях Аммосов был награжден орденами Св. Владимира 3 степени с мечами, Св. Владимира 4 степени с бантом, Св. Анны 2 степени с императорской короной и с мечами, Св. Анны 3 степени с бантом и другими наградами; за участие в венгерской кампании ему был пожалован австрийский орден Железной короны 3 степени.¹⁰ В течение долгой военной жизни Аммосов прошел путь от юнкера до полковника. Он не сделал блестящей карьеры, но и не стремился к ней. В памяти боевых товарищей этот человек остался «чрезвычайно милым, веселым и острым собеседником, обладающим замечательным даром импровизировать стихи»,¹¹ «запевалой, кутилой и поэтом».¹² О нем ходили легенды и анекдоты. Так, генерал В.И.Ден рассказывает о том, что во время заключения военного перемирия (Аммосов был участником переговоров 1856 года) он зашел в палатку и «застал в ней в то время всей армии хорошо известного <...> А.Н.Аммосова в дружеском интимном разговоре с английским артиллерийским капитаном Моррисом. Несмотря на полное незнание Аммосовым английского, а Моррисом французского языка, они не только понимали друг друга, но уже успели угоститься, и когда я вошел, Аммосов уже предлагал Моррису пить на брудершафт».¹³

В 1857 году Аммосов служил при Главном штабе, управлял III (наградным) отделением Инспекторского департамента.

В 1861—1863 годах Аммосов находился в Варшаве и состоял при главнокомандующем Первой армией для особых поручений. К этому времени Александр Николаевич был уже слаб здоровьем. 8 мая 1863 года он подал следующее прошение: «Товарищу министра Государственных Имуществ Господину Тайному Советнику и кавалеру Гернгросу. Желая продолжать службу по Министерству Государственных Имуществ, имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего Превосходительства для причисления меня в это министерство из Военного. Состоящий по армейской пехоте полковник Аммосов».¹⁴ В 1863 году Аммосов перешел на гражданскую службу в чине коллежского советника. В том же году он был произведен в статские советники (были приняты во внимание его боевые заслуги и ранения). Аммосов остался служить в Польше, затем был переведен на Украину, где управлял Волынской палатой государственных имуществ. Его отношение к служебным обязанностям охарактеризовано в отзыве высокопоставленного чиновника Меделя: «Управляющий Волынской Палатой Государственных Имуществ Статский Советник Аммосов отличался особенно ревностно и истинно полезною служебною деятельностью <...>».¹⁵

О его жизни в этот период известно немного. В 1859 году Аммосов женился на Марии Даниловне Волоховой. Из сохранившихся документов выясняется, что его постепенно разрастающаяся семья бедствовала. Аммосову не раз приходилось писать прошения об увеличении жалования.

В то же время Александр Николаевич был человеком большой душевной щедрости. В памяти жителей города Житомира остался его добрый поступок: незадолго до смерти он подарил городской библиотеке 14 томов из своего личного собрания.

В эту пору Аммосов тяжело болел. Сохранилось его прошение от 1 мая 1865 года о предоставлении 29-дневного отпуска на Южный берег Крыма: «Неудачно сложившиеся обстоятельства моей жизни вовлекли меня в усиленные по службе труды, которые отразились на моем здоровье... Кабинетная, сидячая жизнь, при умственном напряжении и неудобстве, в разъездах по казенным селениям иногда в худое время года, сырое и холодное помещение для ночлегов, нередко долгий разговор на воздухе с крестьянами развили во мне в сильной степени хронический катар желудка и вообще слизистых каналов. Часто кашель душит меня целые ночи. Вдобавок к этому усугубляются страдания от полученной мною контузии в турецкую кампанию, а в особенности от тяжелой раны, полученной мною при взятии Дарго, винтовочной пулею под правый глаз, где пуля и осталась».¹⁶

Вскоре состояние здоровья Аммосова заметно ухудшилось. Согласно заключению врача Свентитского, ему было необходимо уйти со службы: «Дано сие от ныне подписавшегося Управляющего Волынской Палаты Государственных Имуществ Статского Советника Александра Николаевича Аммосова, что он, имея 41 год от роду и посредственное от природы, но ныне уже ослабленное телосложение, страдает бугорчатым поражением слизистой оболочки гортани с образованием язв, которая, поддерживая постоянно раздражение гортани, обуславливает частые и тягостные приступы удушливого кашля, лишающие больного сна... Болезнь эта сопровождается хроническим катаром желудка».¹⁷

Аммосов скончался от последствий старых ран во время поездки по делам конторы из Житомира в Санкт-Петербург 24 августа 1866 года в час пополудни. После его смерти Мария Даниловна Волохова и четверо малолетних детей остались фактически без средств к существованию. 26 августа 1866 года вдова отправила в Министерство государственных имуществ прошение, в котором сообщала, что ей было «не на что предать тело покойного земле».¹⁸

Аммосов был похоронен на Большеохтинском Георгиевском кладбище. Точное местоположение его могилы неизвестно, надгробие до нашего времени не сохранилось.

***

К моменту напечатания брошюры А.Н.Аммосова «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса» (СПб., 1863) круг доступных современникам материалов о дуэли Пушкина был крайне ограничен.

Среди письменных свидетельств о поединке поэта можно указать письма друзей Пушкина В.А.Жуковского и князя П.А.Вяземского.¹⁹ Они были рассчитаны на предание гласности, но были известны лишь немногим.

П.В.Анненков, рассказывая в своей биографии Пушкина о его последних днях, в основном ограничивается размышлениями об особом складе природы поэта, предопределившем его вызов Дантесу.²⁰

Несколько статей, опубликованных в периодике 1850—1860 годов, принадлежат перу врачей, лечивших умирающего Пушкина. Они описывали лишь последние минуты поэта, но не рассказывали об обстоятельствах, предшествовавших поединку.²¹

Книга Аммосова — первая подробная книга о пушкинской дуэли.

Во вступлении автор замечает: «Последние дни жизни и горестная кончина А.С. Пушкина давно уже были описаны многими. Тем не менее мы можем сказать, что описания эти в некотором отношении не совершенно верны и лишены многих подробностей <...>».²² Очевидно, что именно восполнение недостатка сведений и подробностей о дуэли и смерти поэта Аммосов считал основной задачей своей книги.

В свой труд он включил и ряд писем, позволяющих читателю проследить за тем, что происходило в Петербурге в ноябре — феврале 1836—1837 годов. Спустя четверть века зазвучали голоса участников трагических событий, и прежде всего — голос самого Пушкина. Эти исторические документы сделали книгу особенно привлекательной для современников.

Однако один из рецензентов отметил неточность публикации писем Пушкина на французском языке: «<...> издатель позволил себе некоторые граммат<ические> поправки в печатном <издании> (platitude вм<есто> platitude и т. п.) <...>».²³

Следуя рассказу Данзаса, Аммосов подробно передал события, предопределившие дуэль, и точно воспроизвел ход поединка. Глубокой грустью веет с тех страниц, где описывается смерть Пушкина.

Современники откликнулись на брошюру Аммосова в основном благожелательно. В одной из многочисленных рецензий говорилось: «Нельзя без глубокого волнения читать этот рассказ, с такой простотой и истинною изображающий последние минуты жизни великого поэта».²⁴ Библиографы и критики единодушно отмечали новизну освещения событий. Так, М.Н. Лонгинов, который к этому времени сам опубликовал несколько биографических заметок о поэте, писал: «Вся первая часть рассказа до получения Пушкиным смертельной раны составляет совершенную новость в печати, а последующие за тем сведения дополняют известия, напечатанные доселе о последних днях раненого Пушкина <...>».²⁵ Ему вторил рецензент журнала «Русское слово»: «26 лет прошло с тех пор, как Пушкин убит, и до сих пор мы не знаем никаких точных подробностей об обстоятельствах, вызвавших дуэль».²⁶ Именно поэтому, по его словам, книга Аммосова «читается с живым интересом».²⁷

Вокруг дуэли и смерти Пушкина ходило множество противоречивших друг другу слухов. Все рецензенты ставили в заслугу Аммосову то, что существовавшие до выхода книги толки либо получили в его работе документальное подтверждение, либо были убедительно опровергнуты: «<...> нельзя не порадоваться, что теперь напечатан г. Аммосовым свод достоверных рассказов о ходе всего этого дела <...>».²⁸

Записанный Аммосовым рассказ Данзаса позволил читателям по-новому взглянуть на суть конфликта Пушкина с окружавшим его великосветским обществом. Безымянный автор статьи в журнале «Библиотека для чтения» замечал, что об этом конфликте знали в общих чертах и раньше, но «до какой степени этот большой свет был безжалостен к нему (Пушкину.— Д. Д.), до какой степени драматично было положение в нем Пушкина и насколько все это подготовило роковое событие, мы узнаём <...> лишь из брошюры г. Аммосова».²⁹

В рецензии, помещенной в другом журнале, отмечалось, что многие впервые узнали об условиях поединка, о письме императора Николая I, адресованном Пушкину, и о наказаниях, постигших участников дуэли.³⁰

Читающая публика впервые узнала о зловещей роли графа А.Х. Бенкендорфа. Рецензент «Библиотеки для чтения» полагал, что «получит себе достойное в истории нашей литературы место и имя гр. Б, который, имея возможность предотвратить дуэль Пушкина, не сделал этого по личному нерасположению к поэту <...>».³¹ Причиной этого суждения могли послужить следующие строки Аммосова: «Одним только <...> нерасположе-

нием (Бенкендорфа.— Д. Д.), говорил Данзас, и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полицией. Жандармы были посланы в Екатеринбург, будто бы по ошибке». ³² Правда, следует заметить, что позднейшие биографы Пушкина поставили под сомнение этот факт.

Книга вызвала огромный резонанс в печати еще и потому, что, целиком доверяясь рассказу Данзаса, Аммосов обвинил князей П.В. Долгорукова и И.С. Гагарина в составлении анонимного пасквиля: «После смерти Пушкина многие в этом подозревали Гагарина, теперь же подозрение это осталось за кн. П.В. Долгоруковым. Поводом к подозрению Гагарина в авторстве <...> послужило то, что они (пасквили.— Д. Д.) были написаны на бумаге одинакового формата с бумагой Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагарин признался, что записки действительно были написаны на его бумаге, но только не им, а кн. П.В. Долгоруковым». ³³ Фамилии этих лиц прозвучали в связи с пасквилями в брошюре Аммосова не впервые. Как сообщает П.Е. Щеголев в своем исследовании, «эти имена (кн. П.В. Долгорукова и кн. И.С. Гагарина.— Д. Д.) стали произносить в первые же дни после смерти Пушкина». ³⁴ Известны записки в дневнике А.И. Тургенева от 30 и 31 января 1837 года: «Вечер у Карамзиной. О князе Иване Гагарине»; «Обедал у Карамзиной. Спор о Геккерене и Пушкине. Подозрения опять на К. И. Г.». ³⁵

Многие современники поверили словам Аммосова, о чем, в частности, свидетельствуют гневные отзывы по адресу тех, кого он назвал авторами пасквиля, в некоторых рецензиях на его книгу. Однако были и противоположные мнения. Например, М.Н. Лонгинов посчитал неправомерным и бездоказательным обвинение «двух наших соотечественников, бывших тогда очень молодыми людьми, а теперь навсегда оставивших Россию». ³⁶ Князя Долгоруков и Гагарин, возмущенные публикацией, послали в редакции журналов отклики, в которых отрицали свою причастность к написанию анонимных писем. ³⁷

По свидетельствам современников, книга Аммосова разошлась очень быстро в большом количестве экземпляров. Уже первые ее рецензенты высказывали заинтересованность в подготовке нового издания. «Нельзя не пожелать,— заключал свою статью один из них,— чтобы к новому изданию брошюры, которое, видимо, скоро появится <...> присоединены были <...> документы, не вошедшие в нынешнее, а также напечатаны были новые материалы <...>». ³⁸

К сожалению, книга Аммосова так и не была переиздана. Ее сокращенный текст был приведен в двухтомнике «Пушкин в воспоминаниях современников» как записки К.К. Данзаса, чье имя и было вынесено в оглавление книги. Лишь в примечании отмечено: «Устные рассказы Данзаса были записаны А. Аммосовым и в 1863 году изданы отдельной брошюрой <...>. Книга Аммосова была первым авторитетным изложением обстоятельств гибели Пушкина». ³⁹

НЕСОБРАННЫЕ И НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.Н.АММОСОВА

В 1850—1860-е годы А.Н. Аммосов опубликовал в периодике немало ярких, запоминающихся стихотворений. В числе его поэтических опытов есть произведения пародийного, обличающего характера, но встречаются и легкие стихотворения-импровизации, чрезвычайно популярные в то время. Некоторые стихи Аммосова известны не только по журнальным публикациям, но и в списках. Подчас стихотворения поэта становились

основой романсов. Как народная песня до нашего времени дошла «Элегия» («Хас-Булат удалой...»; 1858).

Обыкновенно Аммосов подписывал свои произведения А. А.; иногда пользовался псевдонимом **Последователь Кузьмы Пруткова**. Сборник стихотворений поэта так и не был издан. Литературное наследие поэта остается несобранным по сей день.

Составитель выражает благодарность А.Г.Тимофееву за предложение составить подборку малоизвестных стихотворений А.Н.Аммосова и поместить ее в качестве дополнения к нашей статье.

Пародия на стихотворение г. Некрасова «Тройка»

Что повесил головку пустую,
В стороне от наук и труда,
Знать, все манит тебя на Морскую,
Каждый день все туда да туда?

И зачем ты бежишь торопливо,
Вдруг накинув на плечи шинель?
На тебя, развалившись лениво,
Загляделась в коляске мамзель.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя каждой не лень:
Вьется ус темно-русый игриво,
Ростом парень в косую сажень!

Хватит ей на наряд и на ленты,
А тебе впредь на горький урок
За большие набитый проценты
Туго-натуго твой кошелек.

Взгляд один да французские моды
Распалят в тебе русскую кровь
И отцовские хлопнуть доходы
На поддельную девы любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь коротка и легка:
Да не то тебе пало на долю,
Ведь именье пойдет с молотка.

Ты, с шампанским и милой девицей
Надорвавши и силы, и грудь,
Спустишь все, наконец, за границей,
И придется тут спину согнуть.

Познакомься с работою трудной,
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Если нечего будет поесть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, появится вдруг
Горьких слез и стыда выраженья
И последний тяжелей недуг.

И скоронят в сырую могилу,
И забудут в Морскую твой путь,
Где утратил и деньги, и силу,
Истоцил ты и разум, и грудь.

Не гляди же с тоской на Морскую,
Презирай покупную красу,
Береги ты на пользу святую
Благотворную жизни красу.

Ядовита краса покупная,
Жизнь тошна и позорна пустая —
Посмотри, как стремится толпой
К общей пользе народ молодой!⁴⁰

Палашка

Не Пелагея, а Палашка —
Уж так она
Со дня рождения, бедняжка,
Окрещена.

Она как лошадь почтовая:
Впрягут — вези!
Всегда в лохмотьях и босая,
Всегда в грязи.

На ней заплатки да заплатки —
И счету нет!
Сухие корки да остатки —
Ее обед.

Стирать белье, тереть посуду,
Корпеть с иглой,
Послать куда — Палашка всюду
Бежит стрелой.

И солнце жжет, и дождик мочит —
Ей нет защит;
Жалеет кто или хохочет —
Она молчит.

Одно глубокое смирение
И вечный страх —
Другого нету выраженья
В ее чертах.

Все остальное шито-крыто
Давным-давно;
В ней все запугано, забито,
Заглушено.

Никто ничем не озадачит,
Бесстрастный взгляд...
А может быть, она и плачет,
Когда все спят.⁴¹

Вседневная история

Строго, честно живши смолоду,
Не шныряла за ворота я,
Не знавала срама, голода,
Весела была, работая.

Точно яблочко, румяная,
Из себя была я видная...
Да соседка, немка пьяная,
Извела меня, ехидная!

Все шипела, окаянная:
«Что,— мол,— ты для хлеба трудишься?
Приоденься-ка, желанная,—
Добру молодцу полюбишься.

За иголкой да за ниткою
Век твой девичий износится;
А твой клад перед калиткою
В руки сам, сердечный, просится.

Клад твой — парень, сын купеческий,
Сердце в парне разыгралось...
Проводил он гроб отеческий —
Вся казна ему досталась».

Речь лукавая да складная!
 Вишь, в мужья мне парня прочила...
 Обольстила немка жадная!
 Обманула, обморочила!

В руки ведьмы я попалася:
 Угощение заграничное...
 И не помню, где шаталася,
 Где срамилась, горемычная.

Тут с врагом-то человеческим
 Я сдружилась, молодешенька;
 Каждый день с сынком купеческим
 Я была пьяна-пьянешенька.

Не стыдилась бела света я,
 Хорошо ли было, худо ли,
 В шелк и бархат разодетая
 Для его бесовской удали.

А оставил — только черное
 Гореванье неутешное,
 Только рубище зазорное,
 Чтоб прикрыть им тело грешное.

Впереди — нужда гнетущая
 До могилы непокаянной...
 А старуха, немка злющая,
 В Риге дом купила каменной.

Где ты, счастье желанное,
 Красота и резвость детская?
 Вот работа иностранная,
 Настоящая немецкая!⁴²

Дьявол (Стихотворение Пирона)

Он цвета мяса над плитой,
 Рога на лбу завиты,
 Нос наподобье запятой,
 А ноги — как копыты.

Он Геркулесовых потех
 Искривленная прялка,
 И даже выставлен на смех
 Огромный хвост, как палка.⁴³

* * *

Зачем так иногда печально смотрит свет,
И грустно на душе, так грустно, мочи нет,
Грудь дышит тяжело, и в ней теснится что-то,
Как будто тайная, бесплодная забота?

Шумя, площадный франт в коляске расписной
Взрывает яд и злость в душе моей больной,
А нищий страждущий, в углу, дождем облитый,
В ней будит жалости остаток недобитый.

А между тем небес высоких, голубых
Кругом роскошный свод прозрачен так и тих,
Там чудо, кажется; но все еще покуда
Идти туда не хочется отсюда.⁴⁴

СОН

Вчера я видел вас во сне
И полным счастьем наслаждался;
Когда б возможно было мне,
Я никогда б не просыпался.

Доверчиво на грудь мою
Головку нежно вы склонили,
Когда сказал я вам: «Люблю», —
«Люблю» вы тихо повторили.

И думал я, что не живу,
Что в рай душа моя стремится...
Увы! Не может наяву
Мне этот сон осуществиться.

Ваш блеск способен ослепить,
Во мне все темно, все ничтожно...
Зачем же можно то любить,
Чего достигнуть невозможно?!⁴⁵

С французского

Не исповедаю я свету,
Кого люблю,
Отдам себя за тайну эту
И жизнь мою.

Она прелестней утра мая
И звезд ночей,
Пышна, как нива золотая,
Волна кудрей.

Внемлю, как мальчик, что прикажет,
Пред ней я слаб.
«Умри», — из прихоти мне скажет —
Умру, как раб.⁴⁶

***

Любил, и ждал, и верил я,
Но все замолкло, все заснуло...
Зачем, зачем ты, жизнь, меня,
Зачем так горько обманула?!

Ужель душевный трепет мой,
Мои сердечные волненья,
Жизнь, познакомившись с тобой,
Не стоят даже сожаленья?

Зачем, несяся, как волна,
Меня пленяла и манила?
Зачем?! ты так же холодна
И беззаветна, как могила.⁴⁷

Свиданье

Поцелуй, обними,
Сторожат за дверьми;
Но прыгну я в окно,
Пропадать заодно!
— Поцелуй, обними!

Вниз аршин до семи,
Как убьюсь, подними;
А как цел соскочу,
Так тебе закричу:
— Поцелуй, обними!

Шум и гам за дверьми:
«Отворяй да ломи!»
А внизу, с мостовой,
Слышен голос другой:
— Поцелуй, обними!⁴⁸

Ночь

Молчит долговязая ель,
Не движет сонливых ветвей,
И сыплет раскатами трель
Из кущи лесной соловей.
Небесный алмазный наряд —
Бессчетные звезды горят,
А серую тучку одну
Лазурь нанесла на луну.
В окошко летит на кровать
Дыханье листов и цветов,—
И хочется верить в любовь,
И хочется жить, а не спать.⁴⁹

Талисман

Ф.К.Затлеру

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна над гробом блещет
В тихий час вечерней мглы,
Где грозу с грозой сводили,
Где лилася кровь струей,
Где зарыли и забыли
Нашу братью под землей;

Где для войск: пехотных, конных,
Тучей собранных крутом,—
Посреди ночей бессонных
Вы работали умом,
Где встречающих могилу
Вы старались накормить,
Чтобы с голоду всю силу
Без ножа не уморить,—

Там собрат, в последних столах
Умирающий от ран,
На кровавых бастионах
Подарил мне талисман.
И когда, вздохнув уныло,
Талисман мне отдавал:
«В нем таинственная сила»,—
Тихо-тихо он сказал.

«От врага и от злодея
Талисман не сохранит,

И богатства Фундуклея
 Он тебе не подарит,
 К <императорскому трону?>⁵⁰
 Не подвинет скромный сан,
 Ни пронырству, ни поклонам
 Не научит талисман.

Но лечись ты талисманом,
 Коль душа уязвлена,
 Он — бутылка со стаканом
 Искрометного вина.
 Талисман мой не погубит,
 Не нагонит грустных дум.
 Пей за то, что сердце любит,
 И за то, что любит ум.

Помни чести все условия,
 Пей за правду лишь одну,
 Пей за Затлера здоровье,
 Помня Крымскую войну.
 Пусть перо берет он в руки,
 Ум ему по праву дан,
 А в свободный час от скуки
 Сохранит мой талисман».⁵¹

Историческое предание

«Апраксину угрожала пытка. Спасительницею несчастного явилась дочь его, княгиня удивительной красотой. Граф Шувалов, один из сильнейших временщиков того времени, был полонен красотой Куракиной. Он употреблял все средства, чтобы приобрести любовь и сердце красавицы. Она отвергла мольбы сластолюбивого вельможи. Но вот отцу Куракиной угрожают все ужасы застенного розыска. Его можно спасти через заступничество Шувалова, каждая просьба которого исполняется Государыней. Чем же приобрести это ходатайство? Княгиня для спасения отца от пытки отдается любви Графа...»

Семевский.

Богата княгиня и родом знатна,
 Как солнце прелестна, как пальма стройна,
 Добра, точно ангел небесный.
 Весь дом ее пышный, замет в серебре,
 Сановник почетный супруг при дворе,
 Отец — полководец известный.

Как гром беспощадный, он бил пруссаков,
С воинами мешалась на Прегеле кровь.
Трепещущий враг удалялся,
В России трубили победу кругом,
Царица его наградила жезлом,
Фельдмаршалом он величался.

В собраньях княгиня пред шумной толпой
Поклонников жарких пленяла красой;
Но хладен был взор ее ясный.
На нежные плечи, на знойную грудь
В толпе меж другими, не смея вздохнуть,
Глядел временщик сладострастный.

Супружеский свят был княгини венец,
Ей даром был муж, даром нежный отец,
О них лишь она помышляла,
Меж тем как вельможа отдать был готов
Полжизни за ласку, всю жизнь за любовь —
Княгиня его презирала.

Но с Прегеля мчится ужасная весть:
Фельдмаршал утратил и славу, и честь
Изменой своей роковою.
От милости прежней уж нет и следа,
Как черная туча, нависла беда
Над старой его головою.

Заброшен в темницу, не видит он дочь.
Безмолвные стоны да темная ночь
Внимает шагам часового.
Он смерть презирал, на сраженьях привык.
Не смерти боится в темнице старик,
Страшится, несчастный, другого.

На грудь льются слезы, пот хладный на лбу,
Он чувствует, он видит себя на дыбу,
Горят и ломаются члены;
Язык его силится что-то сказать...
И смерть поскорее страдальцу послать
Он молит холодные стены.

Напрасно княгиня бросалась к ногам,
Не внемлет царица горячим мольбам,
Ни воплям, ни слезным потокам.
В безмолвии ночи с последней мольбой
Княгиня в слезах пред иконой святой
Упала в страданье глубоком.

Меж тем как молились и дочь, и старик,
 В богатых палатах не спал временщик,
 В раздумье припав к изголовью,
 То кровь в нем кипела, то весь он хладел,
 И ждал, и не верил, и сладостно млел,
 Волнуясь кипучей любовью.

А месяц на небе, как старец седой,
 В серебряном блеске стоял над Невой,
 Одетый лазурной эмалью.
 Он видел один, как с гранитных ступень
 Спускалася чья-то безмолвная тень,
 Покрытая черною шалью.

Он видел в глазах ее влажных печаль,
 Он видел, как лик она в черную шаль
 Закутала маленькой ручкой;
 Он видел, как шла, и заметил тот дом,
 Где тень вдруг исчезла за темным углом,
 Как звездочка в небе за тучкой.

Все спали, за тенью никто не следил;
 Но люди узнали, что месяц сокрыл,
 Что ночь сохранила немая.
 Была то княгиня... в полуночный час
 Любви сластолюбца она отдалась,
 От пытки отца избавляя.

Наутро царица судей созвала,
 Приказ о прощенье судьям отдала;
 Но свыше уж суд совершился:
 Да в страшную пытку от мысли одной
 Фельдмаршал в тот день из темницы сырой
 В сырую могилу скатился.⁵²

***

«Не люблю», — для меня
 Был всегда твой ответ.
 Но до гроба тебя
 Я любить дал обет.

Пусть осудят меня,
 Пусть страдаю всегда,
 Не забуду тебя
 Никогда, никогда.

Твой суровый укор
Нежной ласки милей,
А холодный твой взор
Мне со дня горячий.

Обожать век тебя —
Вот мой истинный рай.
Век любить буду я,
Хоть ты век презирай.⁵³

Примечания

¹ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы: В 2 кн. Кн. 2. М., 1987. С. 234.

² См.: Войналович Е.В., Кармазинская М.А. Аммосов Александр Николаевич//Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь. Т. 1. М., 1989. С. 58—59.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же.

⁵ См.: ЦГВИА. Ф. 401. Оп. 8. Д. 186.

⁶ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д. 4593.

⁷ См.: Там же.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 13320.

⁹ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания//Старина и новизна: Ист. сб. СПб., 1903. С. 119.

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 381. Оп. 4. № 2712.

¹¹ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. С. 119.

¹² Ден В.И. Записки//Рус. старина. 1890. № 5. С. 324.

¹³ Там же.

¹⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 4. № 2712.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Неизданные отрывки из письма В.А.Жуковского о кончине Пушкина//Рус. архив. 1864. № 1. С. 48—49; Из писем кн. П.А.Вяземского к А.Я.Булгакову//Там же. 1879. № 6. С. 243—257.

²⁰ См. по изд.: Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. М., 1984. С. 379—381.

²¹ См.: Спасский [И.М.]. Последние дни А.С.Пушкина: Рассказ очевидца//Библиогр. записки. 1859. № 18. С. 555—559; Даль В.И. Смерть А.С. Пушкина//Моск. медицинская газ. 1860. № 49. [Б. д.] С. 389—394.

²² [Аммосов А.] Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина: Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К.Данзаса. СПб., 1863. С. 3.

²³ [Б. п.]. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина: (Разбор)//Кн. вестник. 1863. № 9. С. 159.

²⁴ [Б. п.]. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина. Со слов К.К.Данзаса: (Разбор)//Совр. листок. 1863. № 23. С. 250.

²⁵ Лонгинов М.Н. Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина//Совр. летопись. 1863. № 18. С. 12.

²⁶ П. В. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина//Рус. слово. 1863. № 4. С. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Лонгинов М.Н. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина. С. 12.

²⁹ 1863. № 5. С. 49 [статья «Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина. (Разбор)»].

³⁰ Кн. вестник. 1863. № 9. С. 159.

³¹ 1863. № 5. С. 49.

³² [Аммосов А.] Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. С. 15.

³³ Там же. С. 9—10.

³⁴ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Кн. 2. С. 199—200.

³⁵ Цит. по: Там же. С. 200.

³⁶ Лонгинов М.Н. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина. С. 9—10.

³⁷ См.: Письмо князя П.В.Долгорукова к редактору «Современника»//Колокол. 1863. [№] 168. 1 авг. С. 134; Оправдание иезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина: (Письмо из Парижа)/Биржевые ведомости. 1865. № 154. 16 июля. С. 2.

³⁸ Лонгинов М.Н. Последние дни жизни и кончина А.С.Пушкина. С. 13.

³⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. СПб., 1998. С. 605 (коммент. Я.Л.Левкович).

⁴⁰ Современник. 1859. № 10. С. 532—533. Подп.: А. А.

⁴¹ Искра. 1860. № 46. С. 507. Подп.: А. А.

⁴² Там же. № 57. С. 390. Подп.: А. А.

⁴³ Развлечение. 1861. № 20. С. 240. Подп.: А. А.

⁴⁴ Там же. Подп.: А. А.

⁴⁵ Там же. № 24. С. 287. Подп.: А. А.

⁴⁶ Там же. 1865. № 16. С. 247. Подп.: А. А.

⁴⁷ Там же. № 17. С. 257. Подп.: А. А.

⁴⁸ Там же. № 44. С. 259. Подп.: А. А.

⁴⁹ Там же. № 47. С. 337. Подп.: А. А.

⁵⁰ В оригинале после предлога «к» следует длинный ряд точек. Наша реконструкция предположительна и основана лишь на помстах читателей журнала, в котором был опубликован этот текст.

⁵¹ Рус. старина. 1879. № 1. С. 169—171 (публ. П.А.Воронова).

⁵² ИРЛИ. Ф. 265 (архив журн. «Русская старина»). Оп. 2. № 42. Публ. впервые по автографу.

⁵³ ИРЛИ. Р. I. Оп. 1. № 21. Публ. впервые по автографу.

В.Ф.Рожнов

**ИМЕНИЕ ПОТОМКОВ ВРЕВСКИХ
КОСОРЫМЫ БЛИЗ ТРИГОРСКОГО**
(По материалам дневников Н.П.Вревской)

Светлой памяти Софьи Алексеевны Вревской

Предметом настоящей публикации является частичная реконструкция и восстановление исторической картины земель Тригорского и примыкающих к ним «пустошей», которые ранее принадлежали Прасковье Александровне Осиповой, урожденной Вындомской,¹ и ее детям, внукам и правнукам. Согласно «Геометрическому плану Егорьевской губы» 1784 года, западная граница владений Вындомских проходила по высокому правому берегу этой губы в районе нынешних сел Селихново и Забоево. На основании изучения материалов семейного архива Вревских, в частности дневниковых записей Натальи Павловны Вревской,² и архива Алексея Николаевича Вульфа³ в Пушкинском заповеднике нами был сделан вывод о том, что в полутора — двух километрах от Тригорского на территории бывших «пустошей», при слиянии рек Великой и Сороти, находилась доселе неизвестная усадьба потомков тригорских друзей А.С.Пушкина баронов Вревских.

При выезде туда, где могла в свое время располагаться усадьба Косорымы, автору публикации и группе научных сотрудников Пушкинского заповедника удалось уточнить бывшее местонахождение барского дома, косорымской мельницы и плотины, найти «дуб уединенный» на излучине реки Великой, который не уступает по красоте и величию дубу тригорскому, а также остатки фруктового сада, березовую аллею и искусственный пруд неподалеку.

Бытующая в этих местах легенда о «Милином» лесе (названном по имени девушки. — *В. Р.*) удивительно совпадает с семейным преданием Вревских о дочери косорымского мельника, утопившейся в реке от несчастной любви.

Еще в 1907 году, по свидетельству Н.П.Вревской, в дубовой чаще в устье сохранилась «ее» (Русалки? — *В. Р.*) могила.

О принадлежности имения Косорымы семейству Осиповых (Вульф), а затем и Вревских свидетельствуют не только материалы архива потомков Вревских, но и некоторые документы из архива А.Н.Вульфа.

К числу таких свидетельств могут быть отнесены:

1) доверенность А.Н.Вульфу от сестер на Тригорское от 30 ноября 1859 года (в село Голубово): «<...> от баронессы Евпраксии Николаевны Вревской, ур<ожденной> Вульф,⁴ <...> от дочери статского советника девицы Марии Ивановны Осиповой,⁵ <...> от подполковницы Екатерины Ивановны, жены Фок, урожденной Осиповой,⁶ <...> досталось нам с Вами вместе движимое и недвижимое имение, состоящее в губ<ернии> Псковской Опочецкого уезда в с. Тригорском с деревнями и отдельными пустошами (в том числе село Косорымы. — *В. Р.*), в коих по последней ревизии числится 551 душа. <...> не желая сами вступать в распоряжение по сему наследству, просим Вас покорно принять оныя

вотчины в полное Ваше управление»⁷ (26 января 1881 года, за три месяца до кончины, на основании этой доверенности А.Н.Вульф сделал передоверие на управление именными в Псковской губернии, с правом залога и продажи, своему племяннику отставному есаулу Алексею Викторовичу Фоку);⁸

2) «объявление» (то есть заявление), поступившее 30 апреля 1863 года «в Егорьевское Волостное Правление вотчинной конторы села Тригорска» от А.Н.Вульфа: «В ночи с 28-е на 29-е число сего апреля разломали господскую скирду и из нее обмолотили 200 снопов <...>. Неизвестно, кто оную разломал и обмолотил, а известно только, что скирда эта стоит в близком расстоянии от *Косорымского* (здесь и далее курсив в цитатах наш. — В. Р.) скотного двора, против окна избы, в которой живет скотник крестьянин пригорода Воронич Климентий Нестеров <...>. Вотчинная контора просит исследовать, кто обмолотил означенные снопы <...>. Село Тригорское 30 апреля 1863 г.»⁹

3) запись в журнале А.Н.Вульфа «Распоряжения по имению» от 13 мая 1868 года: «<...> навоз вывозить сперва из хлебов, потом из конюшен и, наконец, в *Косорымах* и класть на пашню, где ближе и свободные остались десятины <...>»;¹⁰

4) запись в том же журнале от 25 ноября 1868 года: «<...> убрать мост в *Косорымах*, <...> потом вывезти подстойник <...> с Носовского бора, который годен на балки и стропила, а который кривой и гнилой — на дрова <...>»;¹¹

5) запись в журнале «Словесные приказания (с. Тригорское)» от 8 июня 1859 года: «<...> косить около гумна и по реке к *Косорымам*, чтобы очистить для дойных коров выгон».¹²

Заметим, что последнее распоряжение (№ 5) дано ровно два месяца спустя после кончины П.А.Осиповой. Следовательно, «отдельные пустоши», включая село (или хутор) *Косорымы*, существовали ранее и принадлежали не только А.Н.Вульфу и его сестрам, но и П.А.Осиповой.

Ниже мы печатаем отдельные фрагменты дневника Н.П.Вревской, в котором, наряду с усадьбой *Косорымы*, упоминаются и другие имения близ Тригорского, описываются жизнь и быт родственников и друзей Вревских, живших в этих имениях.

Автор выражает искреннюю благодарность праправнуку Евпраксии Вревской Александру Борисовичу Вревскому за передачу в доверительное пользование семейного архива.

Кроме того, автор низко склоняет голову в память о матери Александра Борисовича Софье Алексеевне Вревской (6.IV.1921 — 9.X.2000), деятельное участие которой в систематизации семейного архива помогало ему не только в работе над данной публикацией, но и над недавно вышедшей книгой, в которой были впервые опубликованы многие материалы из семейного архива Вревских.¹³

В дневниках Н.П.Вревской рассказ ведется через жизнь и судьбу ее мужа Михаила Степановича,¹⁴ внука Евпраксии Вревской, крупного ученого-химика, профессора, члена-корреспондента АН СССР. Дневниковое повествование — не всегда от первого лица. Порой Наталья Павловна писала о себе в третьем лице. При публикации особенности стиля и орфографии Н.П.Вревской сохранены без изменений.

Из дневников Н.П.Вревской

<...> В 1901 г., после смерти своего отца, Михаилу Степановичу Вревскому, как старшему в семье, пришлось оставить университет, произвести раздел наследства отца и заняться практическими делами на земле — аренда, долги и т. п. Удовлетворив желания

всех родственников, Михаил Степанович сам остался в худшем из положений, получив заложенное в Дворянском банке имение Александрово и запущенные пустоши Тригорского. За долгих три года с большой затратой энергии и времени Михаил Степанович добился некоторых успехов и стал трудиться над воссозданием александровского хозяйства. Старый прадедовский дом с колоннами он решил сохранить для сына. Живя один в огромном доме, где отапливались лишь две комнаты, стараясь практически наладить сельское хозяйство, он часто вспоминал шутливые слова отца о том, что в Псковской губернии хлеб «вымокае, выдувае, вымерзае и высыхае» и потому никогда не родится хорошо.

Однажды зимой Михаил Степанович приехал в Косорымы, бывшую часть Тригорского, полученную им после раздела отцовского наследства, и, оглядевшись среди леса, воткнул хворостину в сугроб.

«Здесь строй избу, Яков, чтобы к весне жить!» — сказал Михаил Степанович своему верному другу и «дядьке» с юных лет.

Из своего сухостойного леса соорудили маленькую хатку, рядом сарайчик... Вид из окна хорош, а с обрыва — еще лучше. Как на сцене: под ногами излучинами течет Великая, образуя полуостров — зеленый луг. На нем пасется стадо, а ночью — табун лошадей. За островом — плотина. Вдаль уходит река, а на левом берегу высокие старые сосны и березы, уцелевшие со времен А.Н.Вульфа, плотной стеной опускаются по пологому склону реки Сороти, которая впадает недалеко в Великую. Слияние этих двух рек поразительно. Великая — мрачная, бурливая, быстрая. Сороть — ласковая, спокойная, тихая. Но воды ее не смиряют Великой, делают ее лишь шире.

На устье в старину рос дубовый лес. В чаще на тропинке стоял «голубец» — столбик с иконкой под крышей. «На месте сем похоронена дочь мельника, утопившаяся в реке от несчастной любви». Так гласит преданье, и, возможно, оно вдохновило Пушкина написать «Русалку».

Места здесь необычайно поэтичны и фантастичны. Шум мельничных колес в ночной тиши, фырканье лошадей, звяканье цепей, шелест деревьев... Глушь вековая. Ни души кругом... Звезды смотрят в окна совсем иначе, чем в Петербурге (они яснее, ближе, как бы заглядывают к нам, хотят украсить собой тот великий мир «вне времени и пространства», в котором мы находимся...).

Главным помощником Михаила Степановича в Косорымах был лесник Яков, лет на 15 старше его, когда-то приставленный присматривать за барином его матерью Марией Михайловной Сердобиной,¹⁵ да так и оставшийся верным другом, защитником, советником, экономом, на всю жизнь сохранивший преданность своему хозяину. В 1883 году, когда Михаилу Степановичу исполнилось всего 12 лет, его двоюродный дед Алексей Николаевич Вульф подарил ему настоящее ружье и впервые взял с собой на охоту. Открытие охотничьего сезона было в с. Михайловском у Григория Александровича Пушкина¹⁶ (сына Поэта) — радушного хлебосола и доброго охотника. Собирались все окрестные соседи-охотники. Охота была удачной... Стаи гончих, егеря, трофеи, завтрак в поле и ужин у Григория Александровича, впечатление незабываемое! Главным и постоянным вдохновителем любви к охоте был лесник Яков. Уходили на целые дни, с ночевкой. Михаил Степанович и Яков, в поршнях, с ружьем и сумкой с хлебом, исколесили все окрестные леса и болота. Яков хорошо знал места, где водится дичь, и хотя его больше интересовал сам процесс охоты, приятно все же вернуться домой с набитым ягдташем. Как приятно поздно вечером у костра пить чай из котелка, закусывая кое-чем, слушая маловероятные, но увлекательные «охотничьи рассказы» Якова! Наблюдательный и умный, Яков преклонялся перед Михаилом Степановичем за меткую стрельбу «влет»,

недоступную ему самому. Часто, споря со свойственной ему горячностью, Яков безоговорочно подчинялся всем его распоряжениям. Он был готов за него в огонь и в воду, ревновал его к другим людям. Трусливая покорность крестьян, подличанье перед начальством вызывало презрение, таких Яков не уважал. Сам лихой богатырь, ходивший один на один на медведя, он уважал силу в человеке. Светлая голова, умница, не зная грамоты, он на память знал количество десятин земли, объем сена, цены и т. п. Вырежет какие-то значки на полке — и всё. Но одна беда — как все местные мужички, любил выпить. И надорванное сердце не выдержало. От обычной простуды и высокой температуры этот колосс однажды свалился, как подрубленный могучий дуб, в расцвете сил. Михаил Степанович долго горевал о нем и не мог найти ему замену. Но это случилось потом, а пока Яков — правая рука Михаила Степановича в его отсутствие умело и толково ведет дело.

С 1901—1902 гг., после смерти Степана Борисовича,¹⁷ отца Михаила Степановича, начали корчевать, распахивать пустыри, сеять, постепенно увеличивая запашки, устанавливая многопольный севооборот с искусственными удобрениями, клеверами и замечательным льном. На сельхозвыставке в Царском Селе в 1911 году за лен была присуждена золотая медаль. Очевидцы «царского осмотра» выставки говорили, что сноп льна с полей Вревских был вышиной с царя Николая II! Действительно, земля была хорошая, и урожай — на зависть окрестным соседям. Впоследствии завезены были машины, построены необходимые сараи, большая изба для Якова и др. постройки. Михаил Степанович любил свое детище, ревниво оберегая его, никому не только не показывая, но и не рассказывая о своих достижениях.

В свободное от сельхозработ время Михаил Степанович принимал деятельное участие в земских и дворянских собраниях Опочецкого и Островского уезда в вопросах народного образования. Возглавляя комиссию по земским школам, он много времени уделял хождениям по «особам» и канцеляриям в Петербурге (в комитете по образованию Госдумы) и одерживал победы.

Поступали средства. Открывали школы. Его заслуги в этой области не остались незамеченными. Новой школе в дер. Юцы (в 5-ти верстах от Александрово-Врево) было присвоено имя Михаила Степановича Вревского. Он бы избран почетным мировым судьей. Портрет его висел (против его воли) в зале Уездной управы. Даже подняв хозяйство и вернувшись в университет Петербурга, летние месяцы Михаил Степанович неизменно проводил в своей родной Псковщине. И как бы он ни прятался в свой «деревенский кабинет», дела и соседи из Тригорского окружения обязательно его отыщут.

<...> Погода установилась. Работы в разгаре. В усадьбе пусто, все на покосе, даже дети — возят воза с сеном. Неожиданно появляется т. н. «паук»: среди бесчисленных спиц у огромных колес — худощавая фигура. Маленькая рука в перчатках с крагами твердо осаживает рослую лошадь. Передав лошадь подбежавшему конюху, седок легко соскакивает и быстро входит в дом. Серо-зеленая куртка, фуражка заграничного сукна, живые серые глаза, седина. Это Георгий Сергеевич Корсаков,¹⁸ недалекий сосед, но редкий гость из Батово. У себя в хозяйстве воздвиг «дворец» в готическом стиле на... 200 голов скота. Датские навозохранилища, шведский сеновал, заграничные рецепты, книжное ведение хозяйства. Новатор. Охотно делится опытом и обширной библиотекой. Провел в имение телеграф, вся усадьба в телефонах. Племенные животные, всё по последнему слову техники. Кабинет — в книжных полках, мешочках с семенами, частями машин, грудой писем. Сам отправляет крестьянскую почту за 20 верст на своей лошади в Святые Горы. Его живой, содержательный разговор, новинки, обмен опытом — всегда

к услугам каждого. Деятельный, честный, порядочный, с фанатичной верой в лучшее российское будущее — милый российский фантазер, с юности и до седых волос. Добрый старый приятель любимой тетки Михаила Степановича Вревского Софьи Борисовны¹⁹ Георгий Сергеевич Корсаков закончил Дерптский университет; преклоняясь перед немецкой техникой и наукой, вхлопал в псковские земли не одну сотню тысяч рублей без особых практических результатов. Воровали все кому не лень. Любая хорошо задуманная идея срывалась. Сам Георгий Сергеевич Корсаков, отдав свое благоустроенное имение Васильевское на реке Великой, с хозяйством по последнему слову техники, сыну Георгию Георгиевичу²⁰ («Жоржу», как звали его все, даже крестьяне), поселился в Батове. Запущенное, непригодное, лесистое место. Когда-то был господский дом, следы сада и прудок. Выстроив «коровий дворец», кабинет свой разместил над машинным отделением: две комнаты с балконом, а во флигеле — дочь Ольга, там обедают. Паровой двигатель, сепаратор, новейшая технология плюс любовь к земле — и масло лучшего качества в коробках из шведского картона отправлялось в Ригу. Очевидно, не всё в Псковской губернии «вымокае и вымерзае».

<...> В юридических делах (суд с М.И.Пальмовым — арендатором Тригорского) Михаилу Степановичу Вревскому помогал старинный знакомый его отца — Степана Борисовича — Павел Федорович Карпов,²¹ земский начальник, типичный помещик-хлебосол, в будущем — 1-й попечитель села Михайловского с 1900 года (затем его сменил на этом посту Жорж Корсаков). 26 мая 1911 г. Г.Г.Корсаков делал доклад «Отчет о Михайловском и положении колоний» на открытии колонии престарелых литераторов. Во флигелях были помещения для престарелых литераторов — несколько комнат, там жили какие-то старушки, вечно ссорившиеся между собой, и Павлу Федоровичу приходилось быть судьей и мирителем их. О многих эпизодах он, добродушно смеясь, рассказывал.

Косорымы для Михаила Степановича Вревского стали, кроме всего прочего, «исторической вехой». Три года, проведенные в деревне, одиночество и обилие забот привели к тому, что он стал находить вдохновение в рюмке. Наталья Павловна часто пеняла ему на это. И вот однажды в Косорымах Михаил Степанович совершил памятный поступок. Разбив об угол косорымского дома злополучную бутылку и торжественно вручив Наталье Павловне пробку от нее, он уныло побрел в сторону реки Великой. Уже почти у воды он, внезапно обернувшись, изрек: «А все-таки, ртутный затвор для хим. прибора я изобрел в пьяном виде!..»

<...> Дорога из Голубово в Косорымы и Тригорское проходила мимо села Вече — имения П.Ф.Карпова. (Карпов был деверем дочери Евпраксии Вревской Марии.) Общеизвестно, что имение Батово и Вече ранее принадлежало родной сестре Прасковьи Александровны Елизавете Александровне Вындомской (замужем за Яковом Ганнибалом). Она была лишена наследства отцом, сестра отдала ей впоследствии эти земли. Павел Карпов — ближайший сосед Г.С.Корсакова, его сверстник и товарищ по опочечкиным выборам. Именище Вече — небольшое, дом неказист, но внутри живут хорошо. Большой хлебосол, не поешь — обида, не выпьешь — еще больше. Женат на Марии Алексеевне (урожденной Янович-Сиверс),²² с хорошими средствами. Две дочери: Надя, очень красивая, замужем за Владимиром Назимовым, и Маша — медик в Святых Горах.

«Открытый дом» в Санкт-Петербурге (набережная реки Мойки, 36) и дом здесь, в Вече, требовали денег. П.Ф.Карпов был земским начальником правых взглядов. Не имея средств — оборотистым, практическим умом умудрялся выколачивать доход из всего. Так он держал почту «Новгородка — Святые Горы».

Далее — Дериглазово Шелгуновых. Домик в саду едва выглядывает из-за зелени. Дом и вся усадьба какие-то заброшенные. Никогда не видно открытого окна, чье-то лица, будто никто не живет. А цветы, грядки, дорожки — в порядке. Усадьба напоминает описанную Тургеневым в рассказе «Три встречи». Какая-то тайна окутывает это селение. Носовский Бор примыкает к их усадьбе. Шелгуновы хотели его купить, но Михаил Степанович не продал. Позже, в революцию, его срубили на дрова, хотя лес был маттовый, отменный...

<...> По деревянному мосту от Дериглазово на другой берег, заливаемыми лугами, ущельем между двух гор, и вот, взобравшись в гору,— Тригорская усадьба!

Огромный скотный двор с въездом на чердак, где прячут сено. Направо — людская изба. Налево — амбар небольшой. Продолговатый копаный прудок с утками, и вправо от него — господский дом. Там доживал арендатор Михаил Иванович Пальмов, а с 1914 г. во второй половине дома — С.Б.Вревская.

Михаил Степанович, бывая в Косорымах, всегда заезжал к своей тетке Софье Борисовне. Имение запущено донельзя. Постройки без ремонта, заборов нет, скот в плохом виде. Аренда шла к концу срока, и Пальмов был занят перекачиванием денег в свое имение под Опочкой, которое он купил за 35 тысяч рублей, наворованных в Тригорском. Михаил Степанович, получив доверенность от Софьи Борисовны на управление имением, после длительного суда с Пальмовым выиграл процесс.

Усадьба Тригорское... Зрелище жуткое — парк зарос, заглох, аллеи перепутались, дорожек нет, одни тропинки. Цела только банька, едва державшаяся на самом обрыве. Вид на нее изумителен! Близ нее остатки сгоревшего дома Вындомских. Все заросло. С трудом нашли часть фундамента. Михаил Степанович доискался до кирпичей, нашлись одичавшие кусты роз и жасмина.

«Вот, смотри, здесь я поставлю избу, на этом фундаменте, как хорошо будет заниматься наукой! Какой вид и как уединенно!» — восклицает Михаил Степанович.

«Нет, окна будут широкие, балкон, а все соединено галереей!» — возразила Наталья Павловна.

Но реально, после длительного судебного процесса с Пальмовым, Тригорское освобождилось от аренды и переходило в руки Михаила Степановича. Он смог бы осуществить свое давнее желание — устроить лабораторию в деревне, заняться не только хозяйством, но и любимой экспериментальной работой по химии. Мечта всей жизни становилась реальностью!

А судьба готовила свое. Грянула первая мировая война 1914 года.

В то время в Тригорском постоянно гостили племянники Софьи Борисовны, то Соня Лодыженская,²³ то Евпраксия Григорьевна Карпова²⁴ (внучка <Зизи>), то Александра Михайловна Фок, урожденная Родзянко, жена Алексея Викторовича Фока.

Летом частенько Михаил Степанович и Наталья Павловна Вревские вместо Косорым обедали в Тригорском. Иногда, загостившись, и заночуют у Софьи Борисовны, а утром — по делам в Косорымы и домой — в Александрово, путь немалый: 25 верст! Но это — завтра, а пока, гуляя, забрели в амбар: там нашлась бывшая девичья кровать Евпраксии Николаевны со спинкой в форме лиры. Память о бабушке. На окнах в Тригорском не вешали штор. Окна высокие, и всегда очень светло. Интересны ширмы красного дерева, оклеенные картинками, которые рисовала и вырезала Мария Ивановна Осипова — крестная мать Михаила Степановича, жившая всю жизнь в Тригорском.

Сестра ее — Екатерина Ивановна (замужем за Виктором Александровичем Фок). Им отделили часть Тригорского — Лысую Гору, расположенную на р. Великой,— отменные поля и леса. Екатерина Ивановна была очень красива, вела светский образ

жизни, любила молодежь. Так, например, Борис Григорьевич Карпов,²⁵ двоюродный брат Михаила Степановича, студентом был ею облюбован, и все, смеясь, рассказывали, как он ее катал в лодке по р. Великой (лет ей было под 70) и развлекал своим пением...

Старший сын Екатерины Ивановны Фок (урожденная Осиповой) Алексей Викторович Фок — бывший защитник Порт-Артура в русско-японскую войну. Генерал. Будучи в отставке, поселился на Лысой Горе, забрал расстроенное хозяйство в свои руки и очень скоро привел его в сносный вид. Наверху двухэтажного дома на Лысой Горе он занимал 4 комнаты. Из кабинета — великолепный вид на реку Великую. Простые деревянные стены, простая мебель. Какой-то походный вид, если бы не книги; книги повсюду: и на столе, и на полках, и на мебели, — и карты на стенах. Он всегда в военном сюртуке с георгиевской ленточкой. На всю жизнь людскую он смотрел с точки зрения военной. Гостеприимен, разговорчив, хлебосол. Любит угостить, сам не пьет, только шампанское. Все работы у него ведутся по старинке — вручную... Между тем урожаи хорошие. При нем захиревшая «Лыска» расцвела и укрепилась. Ездил без кучера на тройке рабочих лошадей в маленькой рессорной тележке. «Подражал Вульффу», — говаривал Михаил Степанович. Горячий «ндрав» его и властность он унаследовал от матери. Несколько раз в лето совершает объезды соседей, критикуя их хозяйство. Превеликий ругатель всех порядков, добряк, бессребреник, холостой, все жалованье он отдавал семье брата. Послушать — какой желчный насмешник, а на самом деле — милейший человек! Пишет военные воспоминания, ругая всех, вплоть до Николая II, за упущения в обороне Порт-Артура. Любит рассказывать истории своей кочевой военной жизни. С особой любовью шутит с детьми. Отдыхая, прохаживался по березовой аллее. Окрестные мальчишки за конфеты и пряники приносили на «Лыску» молоденькие березки и сажали в заранее выкопанные ямки. С теплым чувством Алексей Викторович Фок вспоминает свою тетку по матери Евпраксию Николаевну. Он тогда учился с ее сыном Степаном (отцом Михаила Степановича) в корпусе. Проводя вакации в Голубово, они отправлялись в церковь говеть, после чего полагалось подать нищим. Евпраксия Николаевна выдала для этого своим детям медяки, а ему, сироте, — серебряный гривенник. «Как умно, как деликатно поступила она!» — заключал он в конце рассказа. Живя очень обособленно, летом 1—2 раза он объезжал соседей, разглядывая и критикуя их хозяйство.

«...» Трясется, тарыхтит тарантас, на козлах — малый в армяке, машет кнутом, подбадривая тройку. Дворняги яростно лают. Шум, гам. Дети бегут с радостным криком: «Генерал, генерал приехал!» Неторопливо, размеренно выкатывается Алексей Викторович. Некоторая торжественность его манер забавно контрастирует с убогим выездом. Приехал в Александрово днем, с ночевкой, с детальным обходом всего хозяйства, с допросом служащих и самого Михаила Степановича. Все критикуется, всему в пример ставится Лысая Гора. И хотя визиты его были длинны и утомительны, человек он был в своем роде интересный. Не имея детей и очень любя своих племянников, сдав все дела, завещая им свою часть имения и ценности, в конце войны, в 1916 г., проигрыш которой он заранее предвидел, уехал по Волге на Кавказ (на полгода). Но не так-то вышло. Попав на Северный Кавказ, он был отрезан фронтом гражданской войны, прожил там до 20-го года и больше никогда в имение Лысая Гора не вернулся.

Ближайшим соседом Михаила Степановича был его двоюродный брат Павел Александрович.²⁶ Сын старшего из детей Евпраксии Николаевны Александра Борисовича,²⁷ туркестанского генерал-губернатора, которому принадлежало с. Голубово. Павел, бывший камергер, губернатор одной из губерний Царства Польского, прозябал в деревне по

болезни, брюзжа на все и вся. Он занимался геральдикой и рисованием, хранил фамильные реликвии, письма, альбомы, миниатюры, печатки. Монархист, презирающий либералов. Общего с Михаилом Степановичем ничего, кроме родства.

Михаил Степанович любил Голубово, где прошло его детство, любил тетю Соню, хранительницу дедовских традиций. Софья Борисовна, младшая сестра отца, всю жизнь прожила близ брата и всю любовь к брату (Степану Борисовичу), не имея своих детей, перенесла на сына его Михаила. Она всегда рада приезду Михаила Степановича. Оживляется, расспрашивает о том о сем. И хотя особенной разговорчивостью не отличается, иногда вспомнит былое, расскажет о матери — Евпраксии Николаевне, Тригорском, Пушкине и т. д., то, что сама не видела, но слышала от первоисточника.

Обычно Михаил Степанович приезжал к 6 часам к обеду. Посидит часа два, Софья Борисовна ложится рано, — и домой, к себе в Александрово.

Большой радостью были приезды двоюродного брата Бориса Григорьевича Карпова. Когда-то он учился с Михаилом Степановичем в Санкт-Петербургском университете. Приятный, простой, родной, хотя немного флегма. Как и Михаил Степанович, с молодости увлекался пением. После долгих упрашиваний соглашается спеть — «тряхнуть стариной». Лишь бы начал, а там — распоеется! Всегда тихий, Борис Григорьевич оживляется, будто перерождается, — настоящий артист! Время не изменило тембра голоса, и его лирический баритон чудно звучит в большом зале Александровского дома. Михаил Степанович, заслушавшись, вспоминает былое...

<...> Еще с детства у Миши обнаружился приятный певческий голос, и он стал серьезно заниматься. Первые его выступления были в деревенской церкви во Вреву в ученическом хоре. Михаил Степанович пел «соло» и очаровывал всех своим мягким высоким баритоном. Пройдя затем хорошую школу по итальянской системе пения у бывшей солистки Большого театра Оноре-Пилсудской, он выступал на благотворительных вечерах во Пскове.

С особым вдохновением внук Евпраксии Вревской пел арии Онегина. В дни 100-летнего юбилея А. С. Пушкина на торжествах в Михайловском (1899 г.) Михаил Степанович с огромным успехом исполнил эти партии, почтив таким образом память Поэта, столь бережно охраняемую в его семье. <...>

Приезды родных и знакомых нарушали жизнь, протекавшую по расписанию. После завтрака Михаил Степанович уходил в сад. Никто не смеет ему мешать. В 12.00 — обед. Вся семья в сборе. Часовой отдых, чашка кофе на балконе — и снова работа в саду. В 6 часов — звонок: ужин. Затем — распоряжения управляющему. К вечернему чаю (к 9-ти часам) появляется управляющий С. И. Бульго, и начинается нескончаемый разговор о хозяйстве. Александрово заложено отцом, Степаном Борисовичем. Уплата больших процентов была тяжким бременем для хозяйства. Было над чем поразмыслить. Но ликвидировать Александрово он не мог («дедовское надо сохранить потомству»); этот принцип всегда был основным в роду Вревских, и Михаил Степанович продолжал трудиться над воссозданием Александрово. Усадьба ремонтировалась и перестраивалась. Дом обелен снаружи, крыша покрашена. С мебели сняты чехлы, повешены шторы, натерты полы, повсюду цветы. Перед домом приведены в порядок клумбы. Розы, лилии, нарциссы совсем было заросли. Все разыскали, пересадили, и на следующий год все пышно зацвело! Дорожки в парке не чистились со времен деда М. Н. Сердобина.²⁸ Нашли их по старому плану и, потрудясь, привели в порядок. Расставили скамьи, починили купальню и лодку, сделали новый забор. Главный доход давал лен. Но как трудна его обработка и как важно уметь его продать! А управляющие (в т. ч. и Семен Ильич Бульго) воровали, пили, кутили. Постепенно хозяйство укрепилось. Выращивались лошади сво-

его завода. Заведены породистые коровы и свиньи. Расширен огород. Насаждался новый плодовый сад. Дом принял жилой вид.

Но прадедовский кабинет с огромным письменным столом, с боковым зеркалом, огромными глобусами земли и неба, с книжными шкафами до потолка, наполненными французскими книгами по истории, географии и путешествиям, любимым чтением деда в старости, строго сохраняется в неприкосновенности, как память о прошлом.

Михаил Степанович любил прогулку на Городище, где находится семейное кладбище. Там, на любимой скамье, поставленной еще матерью (Марией Михайловной Сердобиной), так хорошо посидеть, поглядеть в тихое, как зеркало ясное озерко Зеленище. Тихая грусть, душевный мир и покой нисходит свыше, и добром вспоминаются дорогие ушедшие люди.

Весной 1907 года в пасхальные каникулы Наталья Павловна впервые решила съездить из Петербурга в Александрово. Очень хотелось посмотреть места, где родился, жил и работал Михаил Степанович. Приехала в Остров одна. Лошадей из Александрово нет. Телеграмма опоздала. К счастью, шли «обратные» лошади Г.С.Корсакова. 40 верст пути показались бесконечными. Унылая дорога, пустые поля с едва-едва показавшейся травой, бедные маленькие деревушки.

Вот скоро Сергино, а там и Старое Село. Действительно, как-то неожиданно из-за последней избы открылся вид на огромные постройки, странно белые среди черной пахоты! Сворачиваем с большака и едем вдоль озера по березовой аллее, минуя людскую, скотный двор, забор, флигеля, подъехали к крыльцу Александровского дома. Нет, не дома, а дворца, так величествен и красив он, построенный по плану Кваренги в конце XVIII в.

Встречает управляющий, говорит, что Михаил Степанович в Голубове, куда за ним тотчас съездыт — близко (1,5 версты). Михаил Степанович вскоре вернулся, слегка закусив наскоро поданной едой, пошли осматривать дом. Михаил Степанович бегло упомянул о порядках, о князе Куракине,²⁹ несколько подробнее о матери и отце. Весь дом был наполнен памятью о них. Из темных углов вставали тени прошлого, пронесился шорох, потрескивал паркет, как бы от чьих-то невидимых шагов. Жутко в этих огромных, холодных, давно необитаемых покоях... И крепко держалось поверье, что по ночам ходит старый барин — «Все ли в порядке?» Михаил Степанович рассказывал, как один его товарищ, студент, стрелял ночью в привидение. Обстановка комнат с дедовских времен осталась почти без перемен.

В кабинете — огромное бюро с зеркальным шкафиком и письменным прибором «кампир». Диван, кресло. У окна «вольтеровское» кресло, в котором проводил дни до глубокой старости дед Михаила Степановича, читая географические и исторические карты. В одном из шкафов — потайная дверь в спальню, с другой стороны — выход в зал. Высокие полукруглые окна закрыты внутренними ставнями. Вся мебель и рояль — в чехлах, в простенках окон зеркала, по углам — старинные голландские печи с нишами. На стенах — прекрасные акварели итальянских видов и фамильные портреты, среди которых выделяется изображение масляной краской двух мальчуганов в рубашечках; один, потемнее, — Сердобин (Михаил Николаевич. — В. Р.), другой, посветлее, — Вревский (Борис Александрович. — В. Р.). Оба — сыновья князя А.Б.Куракина. Из зала — выход на балкон, обращенный к северу. Шесть могучих колонн и широкая лестница из каменных плит делают фасад дома величественным, красивым. Прямая дорожка среди цветника спускается к заглухшей воде. В саду, как и в доме, — печать запущенности.

Самой живой комнатой оказалась столовая. Там над обеденным столом висят старинные лампы на коромысле. Длинная малиновая лента с вышитым бисером рисун-

ком служит для звонка. В александровском доме, несмотря на его величину, а может быть, благодаря огромному резонансу, трудно было соблюсти тишину, необходимую Михаилу Степановичу для работы. Поэтому на дверях висели суконные портьеры.

Вечером в маленькой угловой комнате топится камин — уютно, тепло. Пустой, огромный дом. Никого. Нет прошлого, нет будущего. Одно огромное, бесконечное настоящее...

<...> 1909 год. Весна. Утро. Пасха. Распутица. Пешком из Александрово к Софье Борисовне в Голубово. Из Астратовского Бора Иван-лесник на полозьях без подрезов волоком потащил груз — копченые окорока к пасхе...

Придя в Голубово, вошли в сад. Легкий трепет вершин дубов и кленов, пестрый ковер светотени на золоте песчаной аллеи...

Здесь, в мезонине дома, родился Михаил Степанович Вревский... Долго ходили под руку по аллеям, посаженным бабушкой Евпраксией Николаевной и А.С.Пушкиным. Добрели до ампирной беседки начала XIX в. Мебель, зеркала — все сохранны в ней и носит запах, слегка затхлый, долго закрытого помещения.

Сели на диванчик, любуемся безмятежным видом дома, отраженного, как в зеркале, в тихих водах пруда. Густая зелень окружает, окутывает, отъединяет от внешнего мира...

Хорошо здесь, в родовом имении! Живешь, и жить хочется...

Примечания

¹ Осипова П.А. (23.IX.1781 — 8.IV.1859) — владелица с. Тригорского, соседка А.С.Пушкина по с. Михайловскому. Ее старшая сестра Елизавета Александровна Вындомская была женой мичмана Якова Исааковича Ганибалы (21.VI.1775 — 29.III.1836), двоюродного брата матери Пушкина. Сама же Прасковья Александровна в 1799 году вышла замуж за Николая Ивановича Вульфа (1771—1813), от брака с которым имела пятерых детей. В 1824 году вышла замуж за Ивана Сафоновича Осипова (? — 1824) и в этом браке родила еще двух дочерей и воспитывала падчерицу Александру.

² Вревская Н.П. (1877—1861) — приемная дочь князя Павла Федоровича и Варвары Федоровны Ржевских, вторая жена Михаила Степановича Вревского (1871—1929), внука Евпраксии Николаевны Вревской. О ее судьбе после 1917 г. см.: Мелентьев М.М. Мой час и мое время: Книга воспоминаний/ Авт. вступ. ст. и отв. ред. Е.А.Вильк; подг. текста и коммент. Г.Г.Мартынова. СПб., 2001. Страницы по Указ. имен.

³ Вульф А.Н. (17.XII.1805 — 17.IV.1881) — сын П.А.Осиповой от первого брака, с 1859 года владеец с. Тригорского, близкий приятель Пушкина.

⁴ Вревская Е.Н. (12.X.1809 — 22.III.1883) — дочь П.А.Осиповой от первого брака, по-домашнему Зизи; с 8 июля 1831 года жена барона Бориса Александровича Вревского (29.XI.1805 — 17.XII.1888), внебрачного сына князя А.Б.Куракина. Выйдя замуж, жила в имении мужа Голубово (Островского уезда Псковской губернии).

⁵ Осипова М.И. (27.VII.1820 — 19.VII.1896) — дочь П.А.Осиповой от второго брака.

⁶ Фок Е.И. (17.VI.1823 — после 1908) — дочь П.А.Осиповой от второго брака; с 10 ноября 1841 года жена Виктора Александровича Фока, лесничего Вятской губернии; встречалась с Пушкиным.

⁷ Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (в дальнейшем все ссылки на архивные материалы музея-заповедника даются сокращенно: ПЗ). Вспомогательный фонд. № 1170. Л.1—4.

⁸ Фок А.В. — старший сын Виктора Александровича и Екатерины Ивановны Фока, племянник А.Н.Вульфа, владеец имения Лысая Гора (Опочечского уезда Псковской губернии).

⁹ ПЗ. Вспомогательный фонд. № 1165. Л.1—2.

¹⁰ Там же. № 1146. Л. 35об.

¹¹ Там же. № 1148. Л. 36об.

¹² Там же. № 1152. Л. 99об.

¹³ См.: Рожнова Т.М., Рожнов В.Ф. Жизнь после Пушкина: Наталья Николаевна и ее потомки. СПб., 2001.

¹⁴ Вревский М.С. (1871—1929) — сын барона Степана Борисовича Вревского (1843—1901 или 1902) и Марии Михайловны, урожд. Сердобиной (1844—1894).

¹⁵ Сердобина (в замужестве Вревская) Мария Михайловна — дочь барона Михаила Николаевича Сердобина, сводного брата Б.А.Вревского.

¹⁶ Пушкин Г.А. (14.V.1835 — 5.III.1905) — младший сын А.С.Пушкина; с 1866 по 1899 годы жил в с. Михайловском, а затем — в имении жены Маркучай под Вильно, где и умер.

¹⁷ Имеется в виду барон Вревский Степан Борисович, сын Бориса Александровича Вревского и Евпраксии Николаевны Вревской (урожд. Вульф).

¹⁸ Корсаков Г.С. — владелец имения Батово и Васильевское (Опочецкого уезда Псковской губернии), приятель Софьи Борисовны Вревской, дочери Евпраксии Николаевны Вревской.

¹⁹ Вревская С.Б., баронесса (10.IX.1839 — 1920) — дочь Бориса Александровича и Евпраксии Николаевны Вревских.

²⁰ Корсаков Г.Г. — сын Георгия Сергеевича Корсакова, владелец имения Васильевское (Опочецкого уезда Псковской губернии). Попечитель в с. Михайловском.

²¹ Карпов П.Ф. — земский начальник Опочецкого уезда Псковской губернии, старинный знакомый Степана Борисовича Вревского; с 1900 года первый попечитель с. Михайловского; брат Карпова Григория Федоровича (4.X.1835 — 1888) — мужа старшей дочери Евпраксии Николаевны Вревской Марии Вревской (9.VI.1833 — после 1902), владелицы имения Казаны (близ с. Голубово Островского уезда Псковской губернии).

²² Имеется в виду Карпова Мария Алексеевна (урожд. Янович-Сиверс), жена Павла Федоровича Карпова.

²³ Ладыженская Софья Михайловна — дочь псковского помещика Михаила Евграфовича Ладыженского; внучка знакомой М.Ю.Лермонтова мемуаристки Екатерины Сушковой и внучатая племянница ее сестры Елизаветы Александровны Сушковой (1815—1883), знакомой Пушкина.

²⁴ Карпова Е.Г. — дочь Григория Федоровича Карпова и Марии Борисовны Вревской; была замужем за полковником Андреем Койшевским.

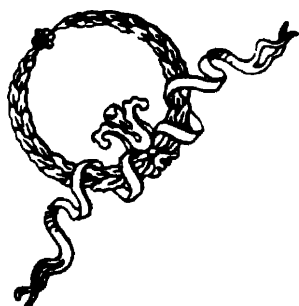
²⁵ Карпов Б.Г. (? — 1940) — сын Григория Федоровича Карпова и Марии Борисовны Вревской, двоюродный брат Михаила Степановича Вревского.

²⁶ Имеется в виду Вревский Павел Александрович (2-й), барон (? — 1917), сын Александра Борисовича Вревского и Анастасии Матвеевны Храповицкой, дочери Матвея Евграфовича Храповицкого (1784—1847), военного губернатора С.-Петербурга. С 1910 по октябрь 1917 годов П.А. Вревский (2-й) был владельцем имения Голубово (Островского уезда Псковской губернии). Был женат на Светлане Николаевне Лопухиной.

²⁷ Имеется в виду Вревский Александр Борисович (23.X.1834 — 9.XI.1910), сын Бориса Александровича и Евпраксии Николаевны Вревских, генерал-губернатор Туркестана (1889—1902), член Военного Совета (1902—1906).

²⁸ Сердобин Михаил Николаевич, барон [согласно «Пушкину и его окружению» Л.А.Черейского (2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 397): 16.VIII.1802 — не ранее 1851; по данным семейного архива Вревских: 1797 — 5.X.1888] — внебрачный сын князя А.Б.Куракина, сводный брат Б.А. Вревского. Предводитель островского дворянства Псковской губернии. Был женат на Ольге Павловне Петровой, дочери атамана Уральского казачьего войска. Встречался с Пушкиным в Петербурге. Накануне дуэли Пушкин обедал у М.Н.Сердобина с Е.Н.Вревской.

²⁹ Имеется в виду князь Куракин Александр Борисович (18.I.1752 — 24.VI.1818), сын князя Бориса Александровича Куракина и княгини Елены Степановны Апраксиной (? — 1768), дочери фельдмаршала Апраксина; отец Б.А.Вревского.

ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУШКИНИАНЫ

Т.С.Буковская, В.Э.Долинин

«ВОЛЬНОЕ СЛОВО»

Всем известно, что в Советском Союзе не было свободы слова, свободы творчества и свободы печати. Однако свобода и слова, и творчества, и печати существовала. В этом было нетрудно убедиться и удостовериться, осмотрев выставку «Вольное слово. (Поэзия в самиздате)», которая открылась во Всероссийском музее А.С.Пушкина на Мойке, 12 в октябре 2000 года.

На ней были представлены журналы, альманахи и поэтические сборники, выходившие в самиздате в 1950—1980-е годы. Их авторы и составители явочным порядком реализовали свои права на свободу. Произведения многих русских поэтов XX века, не публиковавшиеся в СССР, стали доступны тысячам читателей благодаря самиздату.

Представленные на выставке «Вольное слово» издания выходили скромными тиражами, а теперь и вовсе малодоступны. Свободная литература и свободная печать известны не слишком широкому кругу читателей. Однако выставка показала, что интерес к этой литературе безусловно существует. В том числе и у молодежи, которая не испытала на себе пресса запретов.

Попытки хронологизации и систематизации литературного процесса второй половины XX века вызывают не чувство обиды, а чувство вины — на наших глазах жили, творили и уходили почти в безвестность замечательные поэты, чье творчество оказало влияние на движение литературы русской, но чьи судьбы были трудны, а тексты малодоступны. Выставка «Вольное слово» дала возможность оценить масштаб такого явления, как самиздат, и позволила в контексте времени увидеть такие фигуры, как Александр Величанский, Евгений Вензель, Григорий Ковалев, Виктор Кривулин, Константин Кузьминский, Борис Куприянов, Слава Лён, Олег Охаткин, Борис Тайгин, Петр Чейгин, Владимир Эрль и т.д.

Провести грань между рукописью поэта и самиздатским текстом трудно: не будь рукописей, ходивших по рукам, переписывавшихся друзьями и читателями, — не было бы и самиздата. Часто повторяемое определение самиздата, данное поэтом Глазковым, не совсем точно — не обязательно только «сам себя издат», но и «сам тебя издат», и «другого издат». Не надо думать, что самиздат ушел в прошлое — пока медлят «самобразовываться» издатели и издательства, поэты будут тиражировать собственные стихи и стихи своих, покинувших этот мир друзей (как это делают Владимир Уфлянд, Анатолий Домашёв, Борис Тайгин, Валерий Мишин и др.), а также тех, кто не вписался в идилическую картину с этикеткой «свобода печати».

Выставка, в создании которой приняли участие Всероссийский музей А.С.Пушкина, Научно-исследовательский центр «Мемориал», Академия русского стиха и частные

лица — хранители бесценного наследия недавней эпохи, после экспонирования в доме на Мойке, 12 была показана в столице, в Фонде А.И.Солженицына. В 2003 году материалы, посвященные самиздату, будут представлены в филиале Государственного Литературного музея в Трубниковском переулке, экспозиция которого посвящена литературе XX века. Нам кажется естественным завершить показ материалов по истории русской литературы «бронзового века» именно в Литературном музее, так много сделавшем для сохранения сведений о литературе «века серебряного».

Среди уникальных экспонатов выставки самиздата — рукописи нобелевского лауреата Иосифа Бродского, любовно переплетенные, но напечатанные на папиросной бумаге сочинения Николая Гумилева, Михаила Кузмина, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, авторизованная машинопись и рукописи Олега Григорьева и Роальда Мандельштама, Леонида Аронсона и Александра Морева, Виктора Кривулина и Александра Величанского... Так произведения поэтов разных поколений и эпох обретают самостоятельную жизнь, становятся неотъемлемой частью огромной русской литературы.

Но становление литературы, обретение ею права на независимость от власти цензуры и идеологического диктата — процесс сложный и долгий. Мучительны судьбы литераторов 1950—1980-х годов, трудны судьбы рукописей, которые могли никогда не стать книгами, если бы не внутреннее сопротивление интеллигенции, т. е. читателей, собирателей и хранителей тонких машинописных листков. Из таких листков сложилась и первая книга Иосифа Бродского, напечатанная в 1964 году в США в издательстве имени Чехова стараниями двух петербургских поэтов — Константина Константиновича Кузьминского и Бориса Ивановича Тайгина. Из таких же листков очень тонкой бумаги для машинописи складывались самиздатские альманахи и журналы «Оптим», «37», «Часы», «Северная почта», антологии «Острова» и «Лепта» и др.

На выставке можно было увидеть и собрание уникальных фотографий, копии которых были подарены устроителями библиотеке Фонда А.И.Солженицына. По мнению посетителей, эти материалы должны стать основой будущего музея, посвященного русской культуре «бронзового века».

Д.Я.Северюхин

«ПИКОВАЯ ДАМА» ВАЛЕРИЯ МИШИНА
(«Редкая книга из Санкт-Петербурга»)

Искусство Валерия Мишина, одного из «апостолов» современной визуальной культуры Петербурга, глубоко пропитано атмосферой нашего города, вдохновлено его лирикой и мифологией, и оно строится на привычных нашему зрительному слуху образах, созвучиях и ритмах.

Присущая художнику творческая подвижность заставляет его постоянно изобретать новые приемы, вырабатывать оригинальные технические средства, чередовать и комбинировать жанры. Он выступает как живописец, график и художник книги, как скульптор и медальер, как автор манифестов и инсталляционных акций, основанных на сочетании поэтического текста и выставочных объектов. В этой непрерывной эволюции формотворчества он остается последовательным приверженцем классического подхода, в основе которого лежит профессиональная интуиция, совершенное владение техникой, глубокое понимание особенностей художественного материала и максимальное использование скрытых в нем возможностей.

Сюита из восемнадцати офортов к «Пиковой даме», выполненная в 2000—2001 годах, предстает как очередной этап в творчестве этого художника и продолжает пушкинскую тему, начатую им более четверти века назад. Тогда, осенью 1975 года, одна из его лучших графических серий, посвященная А.С.Пушкину, была «забракована» союзовским выставкомом, поскольку не вполне соответствовала «каноническому» образу поэта, утвержденному в советском искусстве. Отвергнутая официозом, эта серия вскоре появилась на выставке в ДК «Невский» — одной из первых больших выставок художников-нонконформистов, открывших зрителю новые горизонты изобразительной культуры.

Дух раскрепощения, эстетический плюрализм и независимость от официальных структур, свойственные литературно-художественному андеграунду, оказались для Мишина ближе, чем карьерная суета и неизбежная «присяга» повсеместно господствовавшему в те годы социалистическому реализму. Сегодня ожесточенные споры о допустимых границах творческого самовыражения ушли далеко в историю и воспринимаются не более чем грустный курьез миновавшей эпохи. Уходит в прошлое и затянувшаяся на несколько десятилетий полемика между новаторами и традиционалистами, а непосредственность наглядного созерцания художественного произведения ценится нами выше любых логических соображений.

Обращаясь к «самой петербургской повести» А.С.Пушкина, любой иллюстратор невольно вступает в состязание с выдающимися мастерами прошлого, включая Александра Бенуа и Василия Шухаева, давших незабываемые графические интерпретации пушкинских образов. Тем важнее оригинальное прочтение классической темы, принятое Мишиным на рубеже нового века, когда подход к внешнему облику книги

претерпевает значительные изменения, а сама книжная иллюстрация повсеместно вытесняется дешевыми образцами компьютерного дизайна.

В своих иллюстрациях художник намеренно уклоняется от буквальной связи с текстом и уходит от развернутой динамики действия, предпочитая обобщенно-символическую трактовку образов. Шесть небольших крутых заставок — по числу глав повести — исполнены в виде символических натюрмортов: гусиное перо в чернильнице и набросок письма, дымящаяся курительная трубка, старинный пистолет и, наконец, разбросанные игральные карты с неизменными тройкой, семеркой и роковой дамой пик.

Следующий блок иллюстраций составляют погрудные портреты главных героев, отпечатанные двойным оттиском тет-беш и образующие шесть вертикально удлинённых композиций, которые напоминают игральные карты. Аксессуары, узоры и складки одежды прорисованы с филигранной тщательностью, которая, однако, не вредит избранному уровню обобщенности, а сосредоточенное лицо Германна, задумчиво-просветлённый взгляд Лизы и таинственная полуулыбка старой графини переданы с легким уклоном в театральность.

Каждой портретной иллюстрации соответствует близкий ей по формату петербургский пейзаж. Здесь, как и в портретах, важным изобразительным средством становится глубокий черный фон, столь редко достигаемый в офорте. Причудливые изломы безлюдной набережной и уходящая вдаль булыжная мостовая предстают в загадочном ночном освещении, которое вполне соответствует таинственно-драматической атмосфере повести, а знакомые мосты через Мойку и Фонтанку с их великолепными отражениями в стоячей воде вторят условной «зеркальности» игральных карт.

Мишин создал графическую серию к «Пиковой даме» как в черно-белом, так и полихромном вариантах, причем оба варианта абсолютно равноправны в своем художественном существовании. Ровная почти без полутонов ручная раскраска акварелью, произведенная в несколько слоев, сохраняет нетронутым графический штрих, который остается главным средством построения объемов. Интенсивный красный, синий, фиолетовый, коричневый и желтый цвета в сочетании с черным фоном обладают притягательной силой и, кажется, сообщают иллюстрациям особый магический смысл.

Иногда Мишин составляет групповые композиции из офортов к «Пиковой даме», раскладывая их подобно карточному пасьянсу, и тогда комбинация листов превращается в станковое произведение, обладающее новым самостоятельным качеством. Однако подлинную жизнь иллюстраций трудно представить вне книжного пространства, тем более что в данном случае речь идет о рукотворной книге, созданной печатниками и переплетчиками — уникальными мастерами издательства «Редкая книга из Санкт-Петербурга».

Текст повести набран старинной елизаветинской гарнитурой на благородной шероховатой бумаге ручного производства. Фолиант размером 45 x 30 см заключен в массивный кожаный переплет ручной работы, украшенный тиснением с портретом графини Голицыной в образе Пиковой дамы и барочным орнаментом решеток знаменитого голицынского особняка (этот же орнамент повторяется в виньеточных полиптиках, буквицах и некоторых иллюстрациях). Как гласит заключительное уведомление, книга отпечатана и переплетена в мастерской издательства тиражом 25 пронумерованных экземпляров, 10 из которых имеют раскрашенные иллюстрации, а экземпляр № 25 хранится в отдельных листах.

Основатель издательства Петр Суспицын уподобляет редкую книгу «камерному оркестру, где виртуозы-исполнители, объединяя свое мастерство, рожают высокое искусство». Графическое соло Валерия Мишина звучит в этом ансамбле безукоризненно, побуждая нас снова вслушиваться в знакомую с детства музыку пушкинского повествования.

Ю.М.Лютко

**НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ХУДОЖНИКУ,
ИЛИ ЗАГАДКИ «ПИКОВОЙ ДАМЫ».**
Беседа с Валерием Мишиным

Юрий Лютко: Валерий Андреевич, на Первой Санкт-Петербургской Биеннале графики Вы получили за иллюстрации к «Пиковой даме» Гран-при. Почему среди произведений Пушкина Вас заинтересовала именно «Пиковая дама», а не «Повести Белкина», например, или «Капитанская дочка»?

Валерий Мишин: Мне интересна была именно эта, самая загадочная и самая точная по слову пушкинская повесть, именно с нее, мне кажется, началась огромная русская литература XIX века. В «Пиковой даме» — всё тайна и всё ясность. Из простоты и точности словесной структуры возникает ощущение божественной ясности, из страстосплетений побуждений и действий героев, из разлада между измышленным Германном планом и промыслом Божьим является тайна. Но тайна не менее важная и дразнящая меня с первого прочтения пушкинской повести — кто же такой Германн? Холодный, расчетливый злодей, одержимый жадной выигрыша безумец или несчастный романтик, отважившийся сыграть с судьбой ва-банк, поставивший на карту жизнь, счастье, любовь и разом все проигравший. Вспомните финал не оперы, где автором либретто был Модест Ильич Чайковский, а повести: Лизавета Ивановна вышла замуж, а Германн в глубоком помрачении разума «бормочет необыкновенно скоро: “Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..”» (VIII, 252), — как будто ребенок, который не в силах поверить коварству обманщика. Пушкин не был моралистом — стало быть, и финал повести не стоит прочитывать как моралите. Хотя, вероятно, так и прочел Федор Михайлович Достоевский и, «смешав карты», из линии старая графиня — Германн вывел завязку «Преступления и наказания» — убийство старухи процентщицы Родионом Раскольниковым.

Ю. Л.: Ваши иллюстрации лишены привычной театральности; герои пушкинской повести не встречаются в жанровых сценах, они наедине с собой и всегда в состоянии внутреннего монолога. Почему?

В. М.: Потому что каждый герой не одинок даже, а отъединен от мира, но при этом живет в мире своих страстей, мечтаний, воспоминаний. Мне кажется, что в любой жанровой сцене накал страстей, испепеляющих Германна, был бы «размазан», ослаблен, в них невозможно было бы передать «непреклонность его желаний и беспорядок необузданного воображения».

Ю. Л.: Портреты героев повести Пушкина Вы напечатали двойным оттиском тет-беш, то есть они становятся как бы частью карточной колоды. Это только художественный прием или нечто большее?

В. М.: Художественный прием, но подсказанный мне самим автором повести. Вспомните начало шестой главы: «Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шеве-

лились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: “Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная”. У него спрашивали: “который час”, он отвечал: “без пяти минут семерка”. Всякий пузатый мужчина напоминал ему туза <...>» (VIII, 249). Да и в пушкинские архетипы это герои-символы, герои-архетипы. А что, как не пластически воплощенные архетипы, — отточенные временем картинки в картонных колодах?

Ю. Л.: Вы любите карты как миниатюрные произведения графического искусства или как любят их практикующий игрок?

В. М.: К огромному моему сожалению, я не постиг тайн карточного везения и не одержим игроцкими страстями, но судьба свела меня с двумя большими знатоками этого совершенно особенного мира — замечательным исследователем истории картопечатания в России и Европе, страстным собирателем уникальной карточной коллекции, увы! ныне покойным Александром Семеновичем Перельманом (кстати, выставка его коллекции пять лет тому назад была во Всероссийском музее А.С.Пушкина) и автором «Энциклопедии карт» Дмитрием Станиславовичем Лесным. Стараниями и попечением А.С.Перельмана даже осуществилось печатание в Австрии на самой старой в Европе карточной мануфактуре Пятника двух моих карточных колод, одна из которых, оттиснутая в 1999 году, была посвящена 200-летию юбилею поэта и так и называлась — «Пушкин».

Ю. Л.: Мне кажется, в Ваших иллюстрациях трудно определить время действия. Нет привычного снега, который мы помним по иллюстрациям Елифанова, театральным эскизам Шухаева: Наконец, «мокрый снег» идет в третьей главе повести. Почему снега нет у Вас?

В. М.: А можно встречный вопрос? Вы когда-нибудь спрашивали себя или пушкинцев, занимавшихся изучением «Пиковой дамы»: когда происходит действие повести? Что там на дворе в это время — осень, зима или весна? В первой главе упоминается долгая зимняя ночь, но светать начинает в шестом часу; идет мокрый снег, но передвигаются по Петербургу в каретах, и колеса «стучат» по мостовой; печь в доме старой графини холодна; бледный свет озаряет комнату Лизаветы Ивановны в пятой главе столь же быстро, как происходит ее объяснение с Германном, сообщившим бедной воспитаннице о смерти покровительницы, случившейся почти сразу после наступления полуночи: «Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свечу: бледный свет озарил ее комнату» (VIII, 245). Это какое-то нереальное, «художественное» время, которое трудно соотносимо с Петербургом и его климатом. Я не хотел добиваться метеорологической точности, мне важно было передать даже в пейзаже напряжение страсти, тревогу, глубину отчаяния и упоение надеждой — те чувства, которые испытывают герои Пушкина в пространстве измышленного им Петербурга.

Ю. Л.: Это ведь не первое Ваше обращение к творчеству Пушкина, не так ли?

В. М.: Да, я впервые выставил цикл «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» в 1974-м, затем был цикл «Тень поэта», первый вариант «Пиковой дамы», петербургские пейзажи с пушкинской топографией. В начале восьмидесятых годов я сделал иллюстрации к эпиграммам, и позднее даже возникла в издательстве «Художественная литература» идея издать такую книгу, но тут развалился Союз, приказало долго жить издательство, и книга так и не осуществилась. Ждет своего счастливого часа... Будет жить надеждой.

А.Г.Рабиняни

ВСТРЕЧА С В.С.ВИЛЬНЕРОМ

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Б.Пастернак

Эпиграф из Пастернака предваряет мой очерк о разговоре с петербургским художником В.С.Вильнером, потому что для него «цель творчества — самоотдача, / А не шумиха, не успех». После общения с этим светлым, духовно щедрым и очень скромным человеком мне захотелось открыть томик Пастернака и вспомнить известные строки из стихотворения «Быть знаменитым некрасиво...».

Встреча с таким человеком и художником, как В.С.Вильнер, — большая удача, редкость и радость. И хотя мы сразу условились: в том, что я напишу и опубликую о нем, не будет прямой речи во избежание ошибок в передаче его мыслей и слов, — я постараюсь донести как можно точнее его размышления о собственном творчестве и работе над Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Блоком, Андреем Белым.

Виктор Семенович Вильнер в 1941 году во время блокады поступил в Ленинградское художественное училище на Таврической улице, директором которого в то тяжелейшее время был Я.К.Шабловский. Окончить училище по факультету живописи ему удалось только после эвакуации и фронта — в 1950 году, когда он вернулся в Ленинград. Самым дорогим педагогом для него стала (и остается до сих пор) Евгения Марковна Магарил.

В середине 1960-х годов он пришел в экспериментальную литографскую мастерскую на Песочной набережной. Как вспоминает сам Виктор Семенович, когда он подошел и увидел камень, то почувствовал и понял, что это именно то, что нужно, и «мой материал». С тех пор он работает только над литографиями, а к тому, что делал до этого: живописи, графике, книжным иллюстрациям — больше не возвращался. Более сорока лет художник посвятил «нетрадиционной литографии, близкой живописи» (определение В.С.Вильнера), и на этом пути ему приходилось решать многие проблемы, возникавшие при работе с камнем.

Множество листов, созданных Вильнером, распределяется по сериям, но и эти серии никогда не оканчиваются. Его темы живут во времени минувших 70-х, 80-х, 90-х годов, сегодня, в будущем. Серии осуществляются параллельно — лист идет то в одну, то в другую. Листов много, но стилистически они разные. Меняются подходы, и все складывается как будто не по воле художника. Он не ставит перед собой конкретные задачи, его работа — эксперимент, и она осознается глубоко и философски только после того, как сделана. «Импровизация по мотивам “Петербургских повестей” Н.В.Гоголя», «По мотивам произведений Блока», серия «Всадник», связанная с «Медным всадником» Пушкина, «По мотивам “Пиковой дамы” А.С.Пушкина», «По мотивам произведений Ф.М.Достоевского», «По мотивам “Фауста” Гете», «По мотивам произведений Шекспира», «Островитяне» (серия, посвященная творчеству Андрея Белого), «Белые ночи» — таков далеко не полный перечень работ, связанных с петербургской и мировой литературой.

По ходу нашего разговора выяснилось, что в мире Вильнера (а его литографии — это захватывающий и совершенно независимый мир фантазий) нет места традиционно-иллюстративному подходу. Неслучайно в названиях его серий звучат слова («по мотивам произведений...»). «Изучал рисунки», — сказал мне Виктор Семенович. Начал с мира Достоевского, а затем — через «Петербургские повести» Гоголя — обратился к «Медному всаднику», «Пиковой даме», «Домику в Коломне» Пушкина. Основываясь на личном опыте восприятия, на собственной интуиции, художник создал свой необычный Петербург, свое литературное пространство, в котором Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок и Андрей Белый существуют одновременно. Герои перемещаются, переходят из одной эпохи в другую, из литографии в литографию или из листа в лист, и Германн, Евгений, Башмачкин и многие другие находятся и сейчас в том самом городе, в котором, как выразился художник, он живет уже более ста пятидесяти лет.

Его прадед приехал в Петербург в 60-е годы XIX века. И дед и отец любили литературу, и художник впитал эту любовь, воплотив ее в своих парадоксах, фантазиях и постижениях. Его главный герой — Петербург, в котором соединились прошлое и современность — это мистический город поэтов и художников и литературное пространство с никогда не существующими, но абсолютно реальными героями Пушкина, Гоголя и Достоевского. Кажется, что идешь по улицам этого вымышленного художником города и встречаешь Германна, Евгения, Чичикова, Башмачкина, которые переселились потом в произведения Блока, Андрея Белого, Федора Сологуба и их жизнь «продлилась» в литературе «серебряного века».

Как я почувствовала, самой притягательной книгой для художника стал «Петербург» Андрея Белого, напрямую соединенный в его сознании и творчестве с «Петербургскими повестями» Гоголя и, конечно, «Медным всадником» и «Пиковой дамой» Пушкина. Фактические сведения о Пушкине и Гоголе в жизни часто разочаровывали и ничего не добавляли к главному и существенному, что являлось в их бессмертном творчестве. Поэтому художник придерживается той точки зрения, что личность писателя — это одно, а его творчество — совсем другое, и пытается передать умение Пушкина, Гоголя, Достоевского «живописать» своих героев и открытый им мир.

«И вот только тогда, когда нарисуешь, — сказал мне Виктор Семенович, — можешь приблизиться к подлинной глубине. Когда мы говорили о «живописи» Гоголя, я подумала о близости мыслей художника к эссе Набокова, посвященному Гоголю. Впрочем, тут же выяснилось, что это произведение Набокова ему неизвестно. Листы, связанные с темами «Шинели», наделены, как мне кажется, философской глубиной, близкой прозрениям Набокова.

Но что же самое значительное для мастера, который свободно экспериментирует, тонко чувствует литературу XIX века, погружается в поэзию «серебряного века», создает свой мир, живет в литографиях, как во вселенной? Я думаю, самоотдача. Это чувствовалось даже в том, как он говорил со мной — горячо, заинтересованно, не жалея драгоценного времени. В. С. Вильнер — не современный человек, и это счастье, ибо подлинное искусство — вне времени, и мне кажется, он сумел «так жить, чтобы в конце концов / Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов».

«Художники не всё могут сказать словами о своем творчестве, — заметил мне Вильнер, когда мы начали нашу беседу, — они говорят своими картинами». Я полностью разделяю эту точку зрения мастера и с благодарностью вспоминаю о своем посещении его светлой и просторной мастерской, которая с пола до потолка увешана листами литографий, все-таки не поддающихся словесному описанию, фантастических, как рисунки Гофмана, но ни на что не похожих.

И.А.Щепеткова

**«ТАЙНА, КОТОРУЮ БУДЕМ
РАЗГАДЫВАТЬ ВЕЧНО».**

Интервью с Валерием Трауготом

Петербургские художники братья Валерий и Александр Трауготы широко известны многолетней работой в жанре книжной иллюстрации. В поле их творческого внимания находятся произведения русской и зарубежной классики.

Размышлениями о личности и творчестве А.С.Пушкина и специфике работы художника над произведениями поэта мы попросили поделиться с читателями Валерия Георгиевича Траугота.

Ирина Щепеткова: Валерий Георгиевич, расскажите, пожалуйста, с чего для Вас начинался Пушкин?

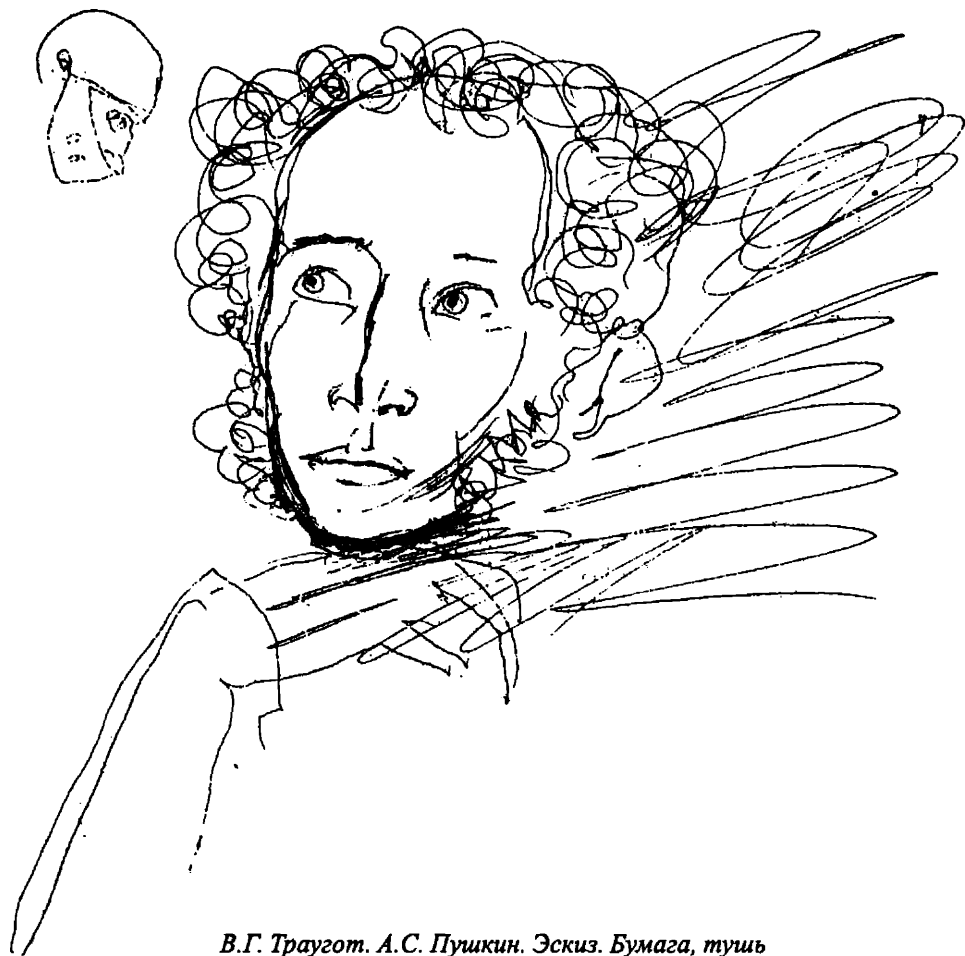
Валерий Траугот: У меня такое впечатление, что с самого раннего детства я знал, кто такой Пушкин. Когда началась война, я уехал в эвакуацию, причем так получилось, что без родителей и брата. Жил я в интернате для детей художников в деревне около реки Тобол, в Тюменской области. В интернате были собраны дети разных возрастов, я попал туда еще дошкольником. Единственным развлечением для нас, особенно зимой, было чтение. Очень хорошо помню, как нам читали «Капитанскую дочку». Пожалуй, именно с этого произведения для меня началось знакомство с Пушкиным, потом были сказки, стихи. Мы очень много рисовали, в основном свои впечатления от прочитанного, делали иллюстрации. Одним из первых произведений, которое я иллюстрировал, была «Песнь о вещем Олеге» — она мне очень нравилась. И еще я много рисовал стихотворение «Бесы». Дети, с которыми я воспитывался, были одаренными, хорошо рисовали, но я уже тогда считался почти настоящим художником. Я пробыл в Сибири четыре года, два первых класса учился в местной школе. Несмотря на то что школа располагалась в глухой деревне, она была очень хорошая, интеллигентная, с прекрасной библиотекой. Директором работал выпускник Петербургского университета, который приехал в Сибирь учить детей еще задолго до войны 1914 года.

И.Щ.: Я знаю, что учителем в профессии Вы считаете своего отца — художника.

В.Т.: Отец был живописцем. С ним и братом мы начинали работать над иллюстрацией, делали вместе первые книжки. Тогда мы и стали подписывать макеты втроем. Отец рано умер, но осталось много общих замыслов.

И.Щ.: Наверное, художника формирует и семья, и годы ученичества.

В.Т.: Я учился в художественной школе при Академии художеств. Это была особая школа, можно сказать, что дети в ней не чувствовали себя детьми. Были большие учебные нагрузки, мы работали по десять часов в день. Именно здесь мы формировались как личности. Дальше я учился в Суриковском училище, потом перевелся в Художественное училище Штиглица, которое при мне стало Мухинским. Училище я

В.Г. Траугот. А.С. Пушкин. Эскиз. Бумага, тушь

закончил как скульптор, но уже студентом сделал первые книжки, это было в 1957 году.

И.Щ.: *А когда Вы в первый раз обратились к произведениям Пушкина, став профессиональным художником?*

В.Т.: Как ни странно, к иллюстрированию произведений Пушкина мы с братом обратились довольно поздно, но все время о них думали, что-то пробовали, делали макеты. К трехсотлетию со дня рождения Петра I — а это было примерно тридцать лет назад — мы сделали «Полтаву». Работали очень напряженно и с большим удовольствием. Это и было наше первое профессиональное обращение к Пушкину. Потом последовали «Маленькие трагедии» — огромная работа, длившаяся десять лет, затем «Дубровский». Совсем недавно проиллюстрировали стихотворение, о котором думали очень давно, — «Воспоминания в Царском Селе». Оно, как никакое другое, на мой взгляд, нуждается в иллюстрации, для того чтобы стать понятным нынешнему ребенку. Ведь в нем перечисляются важнейшие для истории России события и имена. Много лет трудимся над макетом «Капитанской дочки», думаем о сказках, особенно о «Сказке о золотом петушке» — она

очень живописная. Недавно приступили к «Арапу Петра Великого». Работать над этим произведением очень интересно, прежде всего, из-за уникальной фигуры главного героя. Конечно, не случайно он так интересовал и самого Пушкина. Абрам Петрович Ганнибал был человеком удивительной судьбы, разнообразных способностей и интересов. Он знал многие иностранные языки, а будучи Ревельским комендантом, выучил еще и эстонский, на котором тогда говорили только крестьяне. Это позволило ему выступать в суде в качестве защитника. Кстати, он был и каллиграфом. В Кунсткамере находятся две книги, которые Ганнибал сам написал и проиллюстрировал. Он собирался преподнести их Петру I, но тот к тому времени умер, а Екатерина I не смогла оценить его труд по достоинству. Иллюстрации к пушкинскому «Арапу» в разное время делались художниками, но отдельной книгой это произведение никогда не выходило. Надеюсь, мы успеем выпустить его к 300-летию нашего города.

И.Щ.: Когда Вы приступаете к работе, — наверное, много читаете. Я имею в виду не только произведение, которое собирается иллюстрировать, но и «вокруг».

В.Т.: Конечно, нужно погрузиться и в текст произведения, в том числе его редакции, и в исторические реалии, и в ту эпоху, в которую оно было написано. Потом эту информацию можно и забыть, но в период работы над произведением о нем надо знать все. Известно, как кропотливо работал Пушкин. Изучал материалы в архивах, перепроверял исторические свидетельства. Очень внимательно относился и к изобразительным материалам. Маша Миронова в «Капитанской дочке» встречает Екатерину II у Кагульского памятника. Конечно, Пушкин был знаком с известной гравюрой, изображающей императрицу.

И.Щ.: Иными словами, художник, иллюстрирующий Пушкина, в каком-то смысле становится пушкинистом.

В.Т.: Безусловно. Мы следим и за публикациями, и за результатами новых исследований. И вообще все, что выходит о Пушкине, я стараюсь читать: и о предках, и о друзьях, и об эпохе в целом. На мой взгляд, наше пушкиноведение время от времени «заносит» то в одну, то в другую сторону. То из поэта по идеологическим причинам долгое время делали чистого декабриста, теперь читаешь, что у Пушкина не было более любимого человека, чем Николай I. Понятно, что к Николаю I он относился лучше, чем к Александру. Поэт стал старше, изменились его понятия о государственной власти, но тем не менее человека, вскрывавшего его переписку с женой, он вряд ли мог уважать. Поэтому, когда читаю, что стихотворение «Пророк» было написано в честь императора, я в это поверить не могу. Для меня оно, прежде всего, имеет библейский источник.

И.Щ.: Иллюстрация литературного произведения — это особый жанр. В чем специфика работы над Пушкиным?

В.Т.: Начнем с того, что иллюстрация — жанр очень старый и популярный. Добрая половина картин, находящихся в Эрмитаже, — это иллюстрации или к мифам, или к тексту Священного Писания. Иллюстрация книги тоже имеет свою давнюю историю. Можно сказать, что писатели делятся на тех, кто любит иллюстрацию, и тех, кто считает ее в книге лишней. Например, Анатоль Франс говорил, что иллюстрированные книги нужны только детям, да и то не самым умным, а Гете в конце жизни, будучи прославленным и знаменитым, увидев рисунки Делакруа к «Фаусту», написал, что теперь стал лучше понимать смысл своего произведения. Иллюстратор, с одной стороны, должен очень хорошо знать контекст эпохи, а с другой, не вступать в спор с писателем, не навязывать свое понимание, а вслушиваться в автора. Нужно суметь сфокусировать внимание на самом важном в произведении. Наверное, работа художника-иллюстратора чем-то напоминает работу режиссера-постановщика в театре.

В.Г.Траугот. Петр I. Эскиз. Бумага, тушь

Есть особая сложность в работе над произведениями Пушкина. Я иллюстрировал многих писателей, и наших, и зарубежных классиков, и могу сказать, что самый краткий в изобразительности — Пушкин. Причем он одинаково краток и выразителен и в поэзии, и в прозе. Если взять маленький отрывок из «Сказки о попе и о работнике его Балде», то в восьми строках можно найти двенадцать очень хороших, живых сюжетов, которые можно перевести в изобразительный ряд. И так в любом пушкинском произведении. Если возьмем «Капитанскую дочку», то вся история от начала повести до отъезда Петра Гринева в крепость занимает четыре страницы текста в обычной книге, — а сколько на этих страницах образов! И француз, и родители, и Савельич, и масса событий. Может быть, только Гоголь в лучших своих произведениях писал так же емко. В этой специфике пушкинского текста таятся большие сложности для художника. Работать чрезвычайно интересно и в то же время ответственно. Пушкин был очень внимателен к деталям. Иллюстрируя пушкинский текст, ничего нельзя делать приблизительно. Ведь его стационарный зритель — это не зритель вообще, а именно он, Самсон Вырин, со своей судьбой, привычками, своим страданием. Поэтому замысел художника, иллюстрирующего Пушкина, может вынашиваться в течение многих лет, и за всем этим стоит кропотливый труд.

И.Щ.: Что стало важным для Вас в освоении пушкинской темы?

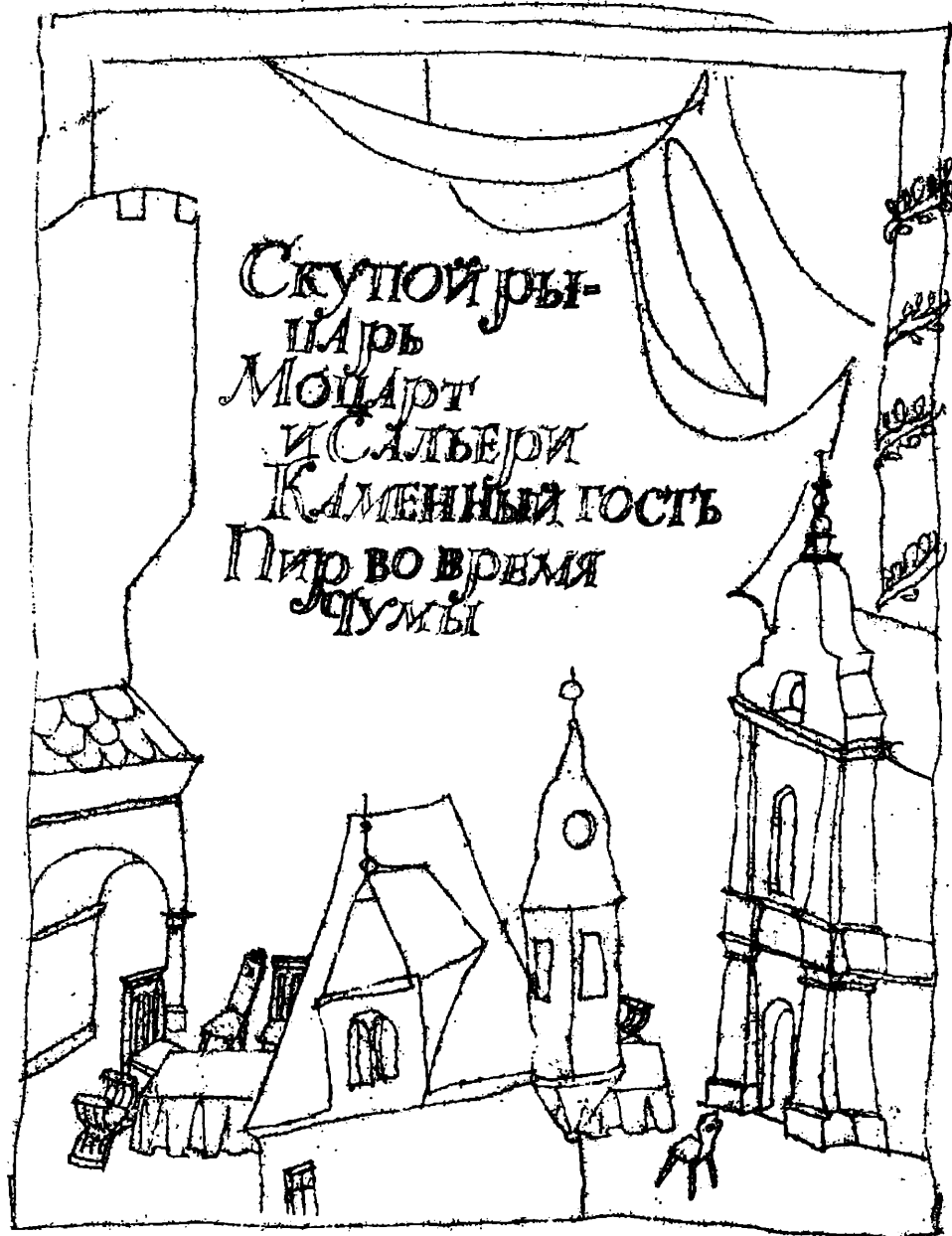
В.Т.: Прежде всего, образ самого Пушкина. Дело в том, что он в своих произведениях, как всякий глубокий автор, часто переходит к себе, своим ощущениям и переживаниям. Поэтому рисовать его надо. Мы делаем много набросков, практически без резинки, чтобы чувствовать себя с этим образом свободно. Изображаем Пушкина и смеющимся, и задумчивым; и разного возраста. Недавно сделали серию изображений его с Натальей Николаевной.

На художника, решившего иллюстрировать Пушкина, конечно, огромное влияние оказывают его рисунки, хотя подражать им бессмысленно. Если бы Пушкину сказали, что он через двести лет будет восприниматься художником, он бы, конечно, не поверил. Он рисовал меньше многих своих знакомых. Кажется, что он и не думал о том, что рисует. Конечно, сохранились его ученические рисунки, они приличные и выдают способного человека. Но рисунки на полях его рукописей — это отдельный, глубокий мир. Вообще писать гусиным пером — это особое искусство. Мы сами иллюстрировали пером, знаем, что это за труд. Такая работа очень воспитывает руку. Возьмите любую пушкинскую рукопись — ведь наслаждение смотреть, как это красиво. Кроме того, у Пушкина была удивительная память на лица, он мог рисовать человека, не видя его пять лет. Он умел хранить яркие впечатления, хотя то, что его не интересовало, — он забывал. Если мы возьмем известный пушкинский автопортрет с Онегиным на фоне Петропавловской крепости, то увидим, что крепость у него напоминает Кремлевскую башню. Она его не интересовала, ему были важны люди, стоящие на набережной.

И.Щ.: Существует ли для Вас различие в работе над детской и взрослой книгой?

В.Т.: Я стараюсь, чтобы этого различия не было. Пушкин написал для детей лучшие свои произведения. Чехов говорил, что детской литературы не существует, дети должны читать и Диккенса, и Гоголя. Я не люблю адаптаций, хотя сейчас это очень модное поветрие, пришедшее к нам с Запада. Когда солидный дядя в парижском метро серьезно рассматривает комикс, мне становится смешно. А ведь героям комиксов там ставят памятники. Я рад, что у нас люди: и взрослые, и дети — пока еще воспитываются на большой литературе.

И.Щ.: Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние книжного рынка для детей?

В.Г.Траугот. Иллюстрация к «Маленьким трагедиям» А.С.Пушкина.
Бумага, тушь

В.Г.Траугот. А.С.Пушкин. Эскиз. Бумага, тушь

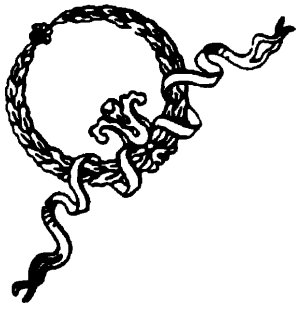
В.Т.: Детская книга сейчас явно не на подъеме, хотя, может быть, в скором времени это положение изменится к лучшему. В денационализации книжного дела есть свои отрицательные стороны. Да, конечно, в эпоху Серебряного века выходили прекрасные книги, работали Нарбут, Митрохин и другие, но в основном продукция была рыночной, выпускались книги не очень высокого качества. Думаю, тот уровень издания детских книг, который в советское время задавали Чуковский, Лебедев, Маршак, Житков, до сих пор остается невероятно высоким. Когда мы пришли в книжную иллюстрацию, «Детгиз» был маркой, своеобразным знаком качества. То, что сейчас происходит на книжном рынке для детей, мне не очень нравится. В последние десять лет определилась тревожная тенденция: мультфильмы, в основном иностранного производства, очень влияют на книжную иллюстрацию, модно стало работать «под Дисней», и это еще в лучшем случае. А угодничество потребителю до добра не доведет. Вообще-то хорошо изданная книга сейчас редкость: столько ошибок, неточностей, чего раньше и придумать было нельзя. Например, открываю книгу солидного издательства, посвященную Серебряному веку, и вижу: под фотографией композитора Александра Глазунова стоит подпись: «Илья Глазунов». В книге для детей по искусству приводится репродукция Давидова «Наполеона». Во-первых, картина изображена зеркально, а во-вторых, в авторах вообще числится не Давид, а какой-то другой художник...

И.Щ.: *Недавно Вы закончили работу над «Медным всадником». Не тяготят ли Вас опыты других художников, например, А.Н.Бенуа, иллюстрировавшего это произведение?*

В.Т.: Книга Бенуа, конечно, интересна. Но мы делаем принципиально другое. Бенуа очень хорошо понимал наш город, был отличным стилистом, хотя я больше люблю Добужинского как петербургского художника. Для меня Пушкин — прежде всего психологический писатель. Нам интересен сам Пушкин, его герой, которого мы сознательно сделали похожим на автора. Конечно, колоссальна фигура Петра I. Только гениальный человек мог за два десятка лет создать город с его гигантским масштабом и основал его как будто специально в том месте, где была опасность наводнений, как будто бросал вызов природе.

Чем больше думаешь о Пушкине, тем больше понимаешь, что он был уникальным человеком. Нет такого явления в русской литературе после Пушкина, которое не обращалось бы к Пушкину как к источнику. Интересно, что в своих произведениях он никогда не был проповедником, никогда ничему не учил. Он просто творил искусство и был абсолютно лишен зависти, которая бытует среди художников. Он щедро делился с талантливыми людьми своими замыслами. Например, такой мощный талант, как Микеланджело, ненавидел окружавших его художников, подозревал их в ненависти к себе, а ведь он был и знаменит и признан. Если сравнивать Пушкина со скульпторами, то он больше похож на Донателло. Конечно, Пушкин осознавал мощь и силу своего таланта. Наверное, в Моцарте он описал себя таким, каким хотел, чтобы его воспринимали окружающие, но и Сальери он сделал чувствующим, трагическим; с каким напряжением он говорит о музыке — это поразительно. Я очень люблю поздние стихи Пушкина, «Странник», «Из Пиндемонти», они удивительно глубокие, философские.

Пушкин, конечно, явление для России. Он был очень быстро развивающимся человеком. Если бы он прожил дольше, хотя бы до пятидесяти лет, — думаю, Россия была бы другой. И сколько бы мы ни знали о Пушкине (а кажется, что знаем почти всё), слова Достоевского о том, что он оставил нам тайну, которую мы будем разгадывать вечно, — безусловная правда.

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

С. В. Березкина

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКИХ
ИЗДАНИЙ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ
Б. В. ТОМАШЕВСКИМ

Настоящая статья — результат наблюдений, сделанных в ходе работы по подготовке лирики 1824—1829 годов для нового академического Собрания сочинений А. С. Пушкина (работа над этим изданием ведется в стенах Института русской литературы).

Подготовка каждого текста поэта предполагает не только погружение в автограф этого произведения, но и встречу с личностью текстолога, готовившего его для предыдущего академического шестнадцатитомного издания.¹ Этот личный отпечаток лежит на работах всех крупнейших ученых, в нем участвовавших. Таковы не останавливающийся перед прямым «художественным» вмешательством в текст Пушкина напор С. М. Бонди, изящнейшая, непревзойденная по своему проникновению в суть творческого процесса поэта манера Н. В. Измайлова (считаю подготовленные им черновые тексты в академическом шестнадцатитомнике своего рода шедевром той текстологической школы) и несколько суховатый, без видимого блеска, но жестко выверенный и строго логичный подход Б. В. Томашевского.

Томашевский написал совсем немного комментариев для томов лирики Пушкина. Он привлекался к этой работе лишь в самых исключительных случаях. В процессе издания второго и третьего томов академического Полного собрания сочинений Пушкина (лирика 1817—1836 годов) Томашевскому была предназначена иная роль — он был контрольным рецензентом этих книг. Подготовленные им контрольные рецензии до нас не дошли — в отличие от ответов на них, которые подавались редакцией томов в письменном виде. Эти интереснейшие документы сохранились в составе архива М. А. и Т. Г. Цявловских и ныне хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Знакомство с ответами контрольному рецензенту не позволяет проникнуть в суть весьма острой научной полемики вокруг текстов Пушкина. Ответы представляют собой длинный реестр, состоящий из многих десятков пунктов (их нумерация, по-видимому, соответствует нумерации замечаний в контрольной рецензии), с очень краткими формулировками (например: «Замечание рецензента принято»; при этом название произведения не указывается). Однако очень часто ответ редакции, адресованный Томашевскому, был иным: «Замечание рецензента рассмотрели, но решили оставить без изменений».

Соотношение принятых и не принятых редакцией претензий рецензента заставляет вспомнить слова Бонди, сказанные им в 1957 году на заседании ученого совета Пушкинского Дома, посвященном памяти Томашевского: «<...> а мы с Борисом Викторовичем на пятьдесят процентов по всем вопросам сходились и на пятьдесят процентов расходи-

лись».² Серьезность этих разногласий проясняет выступление Измайлова, который назвал Томашевского и Бонди центральными фигурами академического издания.³

Впрочем, о несходстве мнений вокруг текстов Пушкина, которое обнаружилось в ходе подготовки шестнадцатитомника, мы в настоящий момент почти ничего не знаем. Прямой полемики между участниками этого издания в печати практически не было. Почему? Отчасти вследствие трагического урока, полученного ими в результате обсуждения седьмого тома Собрания сочинений Пушкина (драматические произведения). После 1934 года пушкинисты старались не попадаться на эту «наживку» (обсуждение спорных сторон творчества Пушкина), помня о том, что научная (и не научная) «общественность» их выступления без внимания не оставит, осложнив и без того непростую ситуацию с изданием все новыми и новыми далекими от интересов пушкиноведения «директивами». Они работали на результат, отмечая то, что возникало в их отношениях в ходе острых споров вокруг произведений Пушкина. Итог известен: издание состоялось в кратчайшие сроки, став гордостью советской академической школы.

Некоторое представление о характере и объеме мнений Томашевского, не совпадающих с решениями, принятыми в шестнадцатитомном издании, дает подготовленное им малое академическое Собрание сочинений Пушкина в десяти томах. (Конечно, представление весьма скромное, поскольку замечания Томашевского, относящиеся к пушкинским редакциям и вариантам, по сути дела так и канули в Лету: небольшой раздел десятитомника «Из других редакций» вместить их не мог.) Малое академическое Собрание сочинений Пушкина, вобравшее в себя ряд принципиально иных, нежели в шестнадцатитомнике, решений Томашевского, вышло первым изданием в 1949 году (повторено в 1950—1951 годах). Второе, исправленное издание появилось спустя несколько лет (1956—1958). Для настоящей заметки важно отметить время выхода первых трех томов этого Собрания сочинений (корпус стихотворений Пушкина) — 1956 год.⁴ Последующие третье и четвертое издания малого академического Собрания сочинений Пушкина воспроизводили второе издание (в четвертое коллектив Пушкинской группы ИРЛИ внес небольшие дополнения).

Параллельно со вторым изданием десятитомника Томашевский делал еще одну очень важную пушкиноведческую работу — готовил трехтомник стихотворений Пушкина для Большой серии «Библиотеки поэта».⁵ Он вышел в 1955 году, вслед за томами лирики малого академического издания Собрания сочинений Пушкина (разница в датах подписания этих книг к печати составляет ровно год).

Сравнение изданий 1955 и 1956 годов приводит к поразительному результату. В ряде случаев Томашевский дал диаметрально противоположные решения одних и тех же текстологических проблем. Приведу примеры, касающиеся лирики 1824—1829 годов.

Во всех изданиях десятитомника (см. Т. 2) стихотворение «Пророк» датировано 8 сентября 1826 года — в «Библиотеке поэта» оно оказалось включенным в михайловский раздел, что указывает на его создание до 3 сентября 1826 года (принципиально важный момент для комментария к «Пророку»)⁶ Стихотворение «Счастлив, кто избран своенравно...» (1828) приведено в десятитомнике (см. Т. 3) в качестве самостоятельного произведения — в «Библиотеке поэта» оно присутствует лишь в разделе «Из других редакций» и охарактеризовано как продолжение стихотворения «Наперсник».⁷ Стихотворение «Будь подобен полной чаше...», датированное в то время 1826 годом, приведено в «Библиотеке поэта» без заключительного фрагмента, начинающегося словами «Он мне ровесник, он так мил...». Далее я приведу еще один, наиболее яркий, с моей точки зре-

ния, пример противоречащих друг другу решений Томашевского в его последних изданиях Пушкина.

Но сейчас хотелось бы сформулировать суть проблемы, интересующей меня как автора настоящей статьи в первую очередь. С каким из изданий Пушкина связана «последняя воля» Томашевского-текстолога? Или ее, этой «последней воли», не было? Может быть, урок, данный нам Томашевским в 1955—1956 годах, свидетельствует о том, что текстология — наука индифферентная и можно практически одновременно по-разному печатать и комментировать одни и те же тексты Пушкина?

Вопрос о соотношении академического десятитомника и трехтомника «Библиотеки поэта» поднимался современными исследователями в ходе устного обсуждения. Высказывалось такое мнение: поскольку первые тома десятитомника были сданы в печать и вышли в свет позднее «Библиотеки поэта», то, значит, готовя их, Томашевский просто отказался от решений, предложенных им на страницах трехтомника 1955 года. Казалось бы, это рассуждение верно, однако при таком подходе, прежде всего, поражает скорость, с которой произошла перемена принципиальных текстологических решений Томашевского. В 1949—1951 годах ученый предложил одни, в 1955-м — другие, а в следующем году — не просто новые, а старые, возвращающие издание к тому, что было сделано им в 1949—1951 годах. Такой подход к изданию пушкинских сочинений не вяжется с представлением о личности Томашевского-текстолога. Да, он менял, и неоднократно, свои решения в отношении текстов Пушкина на протяжении многолетней (в течение нескольких десятилетий!) деятельности по их изданию. Но к книгам, вышедшим в 1955 и 1956 годах, это отношения не имеет. Суть того, что произошло с ними, помогла уяснить история публикации Томашевским стихотворения Пушкина «Клеопатра», на которой я и хотела бы остановиться.

Вопрос о принципах публикации стихотворения «Клеопатра», при жизни Пушкина не печатавшегося, и источниках его текста (выбор редакции — 1824 или 1828 годов, а также предполагаемое продолжение стихотворения) представляет собой одну из самых сложных текстологических проблем пушкинских изданий. Решение, найденное 1837 году В.А.Жуковским, сделало традиционным — вплоть до наших дней — включение второй редакции произведения в повесть «Египетские ночи» (1835),⁸ надолго определив отсутствие «Клеопатры» как самостоятельного стихотворения в корпусе сочинений Пушкина.

В «Египетских ночах» текст подается в виде стихотворной импровизации итальянца на тему «Клеопатра и ее любовники», в автографе повести Пушкиным не представленной. В основной корпус стихотворений поэта «Клеопатра» попала не сразу (1880-е годы),⁹ причем это была все та же вторая ее редакция. Положение изменилось в 1930-е годы, когда в шеститомных собраниях сочинений Пушкина (приложение к журналу «Красная нива»; издания, вышедшие в «Academia» и Государственном издательстве художественной литературы) стали печатать «Клеопатру» в отделе 1824 года по тексту первой редакции, оставляя вторую за «Египетскими ночами».

В большом академическом Собрании сочинений Пушкина было принято иное решение: вновь в корпус стихотворений поэта появилась вторая редакция, включенная в отдел 1828 года (публикация была осуществлена Бонди). С этим решением не согласился Томашевский, давший в малом академическом Собрании сочинений Пушкина редакцию «Клеопатры», относящуюся к 1824 году (текст 1828 года при этом оказался лишь в составе повести «Египетские ночи»). Последний штрих в картину сложностей, связанных с этим стихотворением, внесли десятитомные издания, вышедшие после малого академического Собрания сочинений Пушкина. Как и в

изданиях середины XIX века, «Клеопатра» в них вновь не была представлена в качестве самостоятельного произведения (корпус стихотворений был подготовлен Т.Г.Цявловской).¹⁰

Что же послужило основой для решения Томашевского о включении в подготовленный им десятитомник ранней редакции «Клеопатры»? Обосновывая его, исследователь указывал в комментарии, что осуществлявшаяся Пушкиным в 1828 году «переработка (стихотворения “Клеопатра”. — С. Б.) осталась незаконченной».¹¹ При этом имелась в виду недоработанность белой рукописи (ПД 907; здесь и далее все ссылки на фонд рукописей Пушкина в Рукописном отделе Института русской литературы даются в тексте. — С. Б.), где фрагмент, начинающийся словами «Клянусь... о мать наслаждений...» (клятва Клеопатры), отмечен значком переноса, не повторенным Пушкиным в том месте, куда он намеревался его вставить. Начиная с Жуковского издатели помещали клятву Клеопатры в конце произведения. Попытаемся выяснить, было ли правильным это решение.

Первоначальная редакция 1828 года (до момента, когда в рукописи появился значок, свидетельствующий о намерении Пушкина изменить композицию стихотворения) имеет признаки законченного произведения (на этом этапе композиция редакции 1828 года соответствовала развитию сюжета в тексте, написанном в 1824 году),¹² в то время как перенос клятвы Клеопатры в конец стихотворения лишил его этого качества. «Клеопатра» становилась незаконченной, и Жуковский (а вслед за ним и Бонди) постарался сгладить это, присоединив к ее тексту записанный на отдельном листке отрывок «И вот уже сокрылся день...» с описанием «золотого ложа» египетской царицы (собственно, для оправдания этой контаминации и производилась ими перестановка фрагмента «Клянусь... о мать наслаждений...» в конец произведения). Текст получился очень эффектным, однако со стороны Томашевского он вызвал самые решительные возражения.

Протест был выражен им в статье «Текст стихотворения Пушкина “Клеопатра”». В ней Томашевский доказывал, что работу над редакцией 1828 года поэт завершил.¹³ В тексте «Клеопатры» Томашевский указал место спорного фрагмента, объяснив недоработанность рукописи следующим обстоятельством: для того чтобы сделать в ней отметку о присоединении клятвы Клеопатры к ее первой речи (вызов на страстный «торг», обращенный к толпе поклонников), Пушкину нужно было перевернуть лист ПД 907; в ожидании, пока высохнут чернила, он продолжил работу по исправлению текста, а потом, по-видимому, забыл о своем намерении.¹⁴ Текст «Клеопатры» в академическом издании, подготовленный Бонди (III, 130—132), был охарактеризован Томашевским как «совершенный редакторский произвол»¹⁵ (это, насколько мне известно, самые резкие слова о текстологической работе Бонди, появившиеся в печати). Сомнительная, с точки зрения Томашевского, расшифровка поправок белого автографа 1828 года усугублялась присоединением к нему отрывка «И вот уже сокрылся день...» (автограф: ПД 215), который относился не к 1830 году (судя по тону статьи Томашевского, это не было секретом для Бонди в момент работы над комментарием к стихотворению для третьего тома большого академического издания), а к 1835-му, когда Пушкин фактически отказался от замысла «Клеопатры» как самостоятельного произведения.¹⁶ В 1835 году текст так называемой «поэмы о Клеопатре», заново написанный и лишь в отдельных сюжетных деталях совпадающий с замыслом созданного ранее стихотворения, должен был войти в произведение большой формы, предполагавшей разбивку текста поэмы посредством прозаических вставок (повесть «Мы проводили вечер на даче...», 1835).

В соответствии с положениями, изложенными в статье 1955 года, текст «Клеопатры» в редакции 1828 года был опубликован Томашевским в издании «Библиотеки поэта». ¹⁷ Принципиально иначе стал выглядеть в нем и раздел «Из других редакций» стихотворения «Клеопатра». В него была помещена, во-первых, редакция «Клеопатры» 1824 года, а во-вторых, — фрагмент основного текста повести «Мы проводили вечер на даче...» (поэма в стихах и прозе о Клеопатре — в полном объеме), а вслед за ним отрывок «И вот уже сокрылся день...». Исследователь охарактеризовал тексты 1835 года как отражение позднейших попыток переработки Пушкиным сюжета о Клеопатре. Комментарий к стихотворению в издании «Библиотеки поэта» был значительно расширен по сравнению с десятитомником. В нем Томашевский изложил текстологические резоны, связанные с выбором редакции произведения и ее реконструкцией.

Иное решение относительно места «Клеопатры» в составе Собрания сочинений дал Томашевский во втором издании десятитомника. Он поместил первую редакцию стихотворения среди поэтических текстов 1824 года, сопроводив ее все тем же комментарием, где говорится, что редакция 1828 года не была Пушкиным завершена... Невольно возникает вопрос: а может быть, Томашевский спустя *десять* месяцев после подписания к печати сборника со статьей о тексте «Клеопатры» отказался от обоснованного в ней решения? По-видимому, все же нет, поскольку в шестом томе десятитомника в составе «Египетских ночей» Томашевский, меняя текст, представленный в первом его издании, дал редакцию «Клеопатры» в соответствии с выдвинутыми им предложениями по ее реконструкции. ¹⁸ В русле положений статьи 1955 года охарактеризована творческая история «Клеопатры» и в материалах к монографии Томашевского о Пушкине. ¹⁹ Тогда почему же в подготовленных Томашевским томах лирики фигурирует отвергнутая Пушкиным редакция 1824 года взамен заверщенного, как полагал исследователь, произведения?

Попробую изложить в связи с этим свое мнение, которое в настоящий момент может быть только предположительным.

«Последняя воля» Томашевского-текстолога была связана, как это ни парадоксально, не с томами издания Пушкина 1956 года. Последним выношенным детищем Томашевского был трехтомник «Библиотеки поэта». Что же касается второго издания десятитомника и перенесении в него Томашевским ряда новых текстологических решений, найденных в ходе подготовки трехтомника стихотворений Пушкина, то вина за это, по-видимому, целиком ложится на издательство, выпускавшее малое академическое Собрание сочинений. Молва, живущая в стенах Пушкинского Дома, и поныне хранит память о том, что самые страшные издательские конфликты были у Томашевского с курировавшим десятитомник А. И. Корчагиным. Из-за отношений с ним работа по исправлению и дополнению десятитомника была, похоже, свернута. По сути дела редактор загубил переиздание Собрания сочинений, и Томашевский просто не смог внести все планировавшиеся им изменения в тексты Пушкина и комментарии к его произведениям. В 1957 году Томашевский, выведенный из себя взаимоотношениями с Корчагиным, уехал в Крым, забыв написать заявление об отпуске. Там он и умер. Поэтому не будет преувеличением сказать, что издание малого академического Собрания сочинений Пушкина — это одна из самых печальных страниц жизни Томашевского.

С сожалением стоит отметить, что издание пушкинских стихотворений, осуществленное Томашевским в 1955 году, пушкинисты вспоминают крайне редко. Упоминания о нем не встречаются в списках условных сокращений авторитетных современных изданий. Может быть, это еще не поздно исправить.

Примечания

- ¹ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949.
- ² Б.В.Томашевский: (Стенограмма ученого совета от 3 окт. 1957 г.)/Публ. Я.Л.Левкович//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л., 1991. С. 308.
- ³ Там же. С. 299.
- ⁴ Далее ссылки на малое академическое Собрание сочинений Пушкина даются по изд.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956—1958.
- ⁵ См.: Пушкин А.С. Стихотворения: В 3 т./Вступ. ст., подг. текста и примеч. Б.В.Томашевского. Л., 1955. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- ⁶ Об этом подробнее см.: Березкина С.В. «Пророк» Пушкина: Совр. проблемы изучения//Рус. лит. 1999. № 2. С. 27—42.
- ⁷ Пушкин А.С. Стихотворения. Т. 3. С. 741. Спорный характер текста «Счастлив, кто избран своею равно...» легко уяснить на примере его публикации в академическом шестнадцатитомнике, где это произведение приведено в качестве продолжения стихотворения «Наперсник» в разделе «Другие редакции и варианты» (см.: III, 661), что объявлено ошибкой в семнадцатом, справочном томе того же издания (С. 25).
- ⁸ Впервые: Современник. 1837. Т. 8. № 4. С. 23—24.
- ⁹ Впервые: Пушкин А.С. Сочинения/Под ред. П.А.Ефремова. Т. 2. М., 1882. С. 19—22.
- ¹⁰ Имеются в виду издания: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959—1962; Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974—1978.
- ¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 425.
- ¹² Ни в одном из изданий Пушкина не приведен текст первоначальной редакции 1828 года (его заменяет описание первоначальной последовательности фрагментов текста). Думается, этот пробел следует восполнить в новом академическом Собрании сочинений Пушкина и воспроизвести этот интереснейший текст.
- ¹³ Уч. зап. ЛГУ. 1955. № 200 (Сер. филол. наук. Вып. 25). С. 216—227. Перепечат.: Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 248—266.
- ¹⁴ Томашевский Б.В. Писатель и книга. С. 263.
- ¹⁵ Томашевский Б.В. Писатель и книга. С. 260.
- ¹⁶ О датировке автографа ПД 215 см.: Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л., 1961. С. 57.— Томашевский полагал, что описание «ложа золотого», данное в автографе ПД 215, относится не к осуществлению клятвы Клеопатры, а к приготовлению рокового пиршества («золотое ложе» как пиршественное ложе, на котором предстает возлежать царице перед толпою своих поклонников).
- ¹⁷ Пушкин А.С. Стихотворения. Т. 3. С. 464—466.
- ¹⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 386—389.
- ¹⁹ Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). С. 55—65.

В.А.Грибовская

**МАТЕРИАЛ О БОРИСЕ ВИКТОРОВИЧЕ
ТОМАШЕВСКОМ
В АРХИВЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО
КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА**

Около пятнадцати лет я занимаюсь биографиями ученых-кораблестроителей, изучаю документы архива Ленинградского кораблестроительного института (в обиходе — «Корабелки»), ныне названного Морским техническим университетом.

Просматривая описи личных дел за 1930-е годы, я, естественно, сразу обратила внимание на фамилию Томашевский. Смущало «литературными ассоциациями» имя-отчество — Борис Викторович. С университетских времен я твердо помнила легендарное имя Бориса Викторовича Томашевского.

Мне было известно, что многие Томашевские служили во флоте, работали в кораблестроении. На одной из научных конференций лет десять назад я слышала выступление начальника Кафедры военного кораблестроения Ленинградского кораблестроительного института контр-адмирала Владислава Трофимовича Томашевского. В семьях морских офицеров служба во флоте — занятие традиционное, поэтому резонно было предположить, что кто-то из старших родственников контр-адмирала в далекие тридцатые годы работал в Ленинградском кораблестроительном институте.

Итак, уволенный в 1931 году преподаватель технического вуза — и есть знаменитый исследователь творчества А.С.Пушкина?

Вряд ли, думалось поначалу мне, он мог быть в одной «компании» с корабелями — людьми иной душевной и умственной организации. Выяснилось, что среди морских офицеров Томашевских не было никого с именем «Борис Викторович».

Однако я все-таки решила взглянуть на сохранившиеся архивные материалы.

Документы тридцатых годов размещены в архиве на самых верхних полках, под потолком. Дело Б.В.Томашевского совсем тоненькое: несколько листов и четвертушек бумаги, исписанных побуревшими чернилами. Просматриваю их — и сразу убеждаюсь в том, что невероятное сделалось очевидным: это дело пушкиниста Томашевского, который преподавал математику в Ленинградском кораблестроительном институте в начале 1930-х годов.¹

Жизненный путь Томашевского отражен в его личном деле следующим образом. В 1912 году он окончил электротехнический факультет Льежского университета в Бельгии. Два года Томашевский служил по железнодорожному ведомству в должности инженера — на изыскательских работах во Владимирской губернии и в техническом отделе Управления постройкой железной дороги Мерефа — Херсон. Первую мировую войну он провел в инженерных войсках на Западном фронте. С 1918 года и до возвращения в Петроград в 1921 году Томашевский сначала был служащим Статистического отделения Наркомата почт и телеграфов, а затем перешел на работу в Высший совет народного хозяйства. В период 1918—1919 годов он опубликовал три статьи,

посвященных вопросам применения телеграфной и телефонной связи. Они появились в «Почтово-телеграфном журнале» (1918; статьи «Статистика кратности повреждений телеграфных проводов» и «Телефон на войне») и газете «Пролетарий связи» (1919, 25 марта; статья «Статистика почт и телеграфов»). С 1921 года, по его собственным словам, «занился исключительно научной работой и связался с учреждениями Академии наук». С 1924 до 1931 года Томашевский преподавал в Ленинградском университете (в «Анкете научного работника ВТУЗ'а» временем прекращения этой работы назван 1930 год).²

Борис Викторович начал вести практические занятия по математике в Ленинградском кораблестроительном институте 9 июня 1931 года. «Анкета научного работника ВТУЗ'а» была заполнена им 16 июня 1931 года, тогда как свое жизнеописание («Culticulum vitae») ученый составил двумя днями позже. Его документы были оформлены в отделе кадров 20 июня.

Томашевского приняли ассистентом по кафедре математики для ведения занятий в вечерних группах майского приема. На работу его рекомендовал заведующий кафедрой математики профессор Р.О.Кузьмин (в заявлении Томашевского о приеме на работу: Р.О.Кузьмин). Проработал Томашевский на кафедре до 17 ноября 1931 года. Приказ о его увольнении имеет вполне нейтральную бюрократическую формулировку — «выбыл ввиду временного пребывания в составе ЛКИ». Но за этой канцелярской фразой скрывается характерный для рубежа двадцатых и тридцатых годов сюжет.

Борис Викторович учил математике будущих инженеров-кораблестроителей чуть больше пяти месяцев. В основном это были рабочие и служащие верфей. У них было много энтузиазма и мало знаний. Инженерные премудрости они постигали с трудом.

На протяжении всего срока обучения у студентов возникали конфликты с профессорско-преподавательским составом. Они разыгрывались по одному сценарию: недовольные своими неудачами в учении, студенты писали подметные письма, обвиняя своих преподавателей в политической неблагонадежности. Начинались разборки, которые, к чести руководства института, как правило, не приводили к тяжким для преподавателей последствиям. Бывало, что обидевшегося профессора просили продолжить занятия. Иногда под напором обвинений в реакционности и контрреволюционности преподавателя вынуждали искать место в другом вузе.

На первых курсах вчерашним рабфаковцам более всего досаждали преподаватели математики, поэтому инцидент, случившийся с Томашевским, можно отнести к разряду типичных. В его личном деле сохранилось характерное для того времени анонимное письмо. Подписанное «группой студентов-партийцев Корабельного института», оно было отправлено в другое учебное заведение — Ленинградский институт инженеров путей сообщения (ЛИПСИ; впоследствии Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта — ЛИИЖТ). Из этого письма, написанного почерком писаря, следует, что студенты выступили против преподавателя математики, имеющего, по их мнению, специальность «литератора очень реакционного направления». «Студенты-партийцы» много о нем узнали и пришли к выводу, что «ему чуждо» «внедрение диалектики в преподавании» и что, как «совершенно чуждый» гражданин, он «не должен» «руководить подготовкой новых кадров». Не исключено, что затеявшие скандал студенты и не предполагали, что Томашевский имел право преподавать математику благодаря своей специальности инженера-электротехника.

Первый инцидент возник, судя по извещению, подписанному помощником директора по учебной части профессором В.Ф.Найdenовым, «ввиду неприбытия» Томашевского «на занятия 2 сентября» 1931 года. Томашевский после переговоров с новым заведу-

ющим Кафедрой математики профессором В.В.Люшем¹ вел занятия до середины ноября. Можно предположить, что к этому времени он устроился на работу в другой вуз.

Директор Ленинградского кораблестроительного института Б.Я.Стрельцов с уважением относился к мнению специалистов. Профессор В.Ф.Найден, полковник старой армии, преподававший на кораблестроительном факультете еще с дореволюционных времен, так же как профессора-математики Р.О.Кузьмин и В.В.Люш, хорошо понимал суть проблемы обучения студентов, не получивших обычного среднего образования. (Между прочим, к середине тридцатых годов, когда в вузы пришли выпускники средних школ, конфликты, подобные вышеописанному, стали редкостью.)

На обороте студенческого доноса едва прочитываются пометки, сделанные, по всей вероятности, членами Рабоче-крестьянской инспекции (на лицевой стороне сохранилась надпись красными чернилами: «РКИ-ЛИПС (sic! — В. Г.)» — то есть: «Рабоче-крестьянская инспекция — Ленинградский институт инженеров путей сообщения»). Из пометок следует, что вопрос о преподавателе Томашевском рассматривался на заседании — возможно, той же Рабоче-крестьянской инспекции. Для этого собирались сведения о специальности Томашевского, его документах, выяснялись его взгляды на современность.

Нам неизвестны выводы, сделанные на заседании проверяющей инспекции. Почему письмо отправили обратно в Ленинградский кораблестроительный институт? Наверное, были сопутствующие, не дошедшие до нас документы.

Конец этой истории остается неясным.

Примечания

¹ См.: Томашевский Б.В. Личное дело (1931)//Производственный архив ЛКИ-ГМТУ (в дальнейшем — ЛКИ-ГМТУ). Оп. 1. Д. 54. В деле хранятся: заявление Б.В.Томашевского с просьбой о приеме на работу (л. 1), «Анкета научного работника ВТУЗ'а» (л. 2—3), «Curriculum vitae» (л. 4), «Список научных трудов Б.В.Томашевского», составленный им 19 июня 1931 года (л. 5), извещение помощника директора Института по учебной части от 4 сентября 1931 о «неприбытии» на занятия 2 сентября 1931 года (л. 6), анонимное письмо «группы студентов-партийцев» (л. 7), карточка отдела кадров (л. 8). В дальнейшем все ссылки на материалы личного дела Томашевского даются в тексте без оговорок.

² Сведения о службе Б.В.Томашевского в Ленинградском государственном университете приводятся в изд.: Борис Викторович Томашевский, 1890—1957: К 100-летию со дня рожд./Сост.: Е.В.Звезденкова, С.Б.Федотова. М., 1991. С. 26. Однако составителям «Основных дат жизни и деятельности Б.В.Томашевского» остался неизвестен факт работы ученого в Ленинградском кораблестроительном институте.

³ См.: Люш В.В. Личное дело (1930—1940)//ЛКИ-ГМТУ. Оп. 1. Д. 969.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ольга Яценко-Бэрд

АНГЛИЙСКИЕ КНИГИ В БИБЛИОТЕКЕ А.А.САМБОРСКОГО

Среди бумаг Андрея Афанасьевича Самборского (1732—1815), хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины (Киев), находится интересный и содержательный документ — список книг его домашней библиотеки. Он был составлен в начале XIX века (здесь представлены сербские издания, которые могли появиться после возвращения Самборского из Австро-Венгрии в 1804 году). Книги описывались сплошным порядком, в соответствии с их расположением на полках. Опись заняла восемь листов.¹

Заметно, что составитель описи к концу работы мог почувствовать усталость и испытывал нехватку бумаги: если лист, на котором записаны книги, находящиеся «в первом столбе от печи», заполнен аккуратно, с большими интервалами между строками (причем каждое название книги вписывалось на одну строку), то книги, стоящие «в четвертом столбе», записаны подряд, без разделения на строки, с помарками, гораздо более торопливым, мелким и неразборчивым почерком.

Но владелец книг явно стремился упорядочить свое собрание. Книги (всего более 300 названий) сгруппированы по языкам: латинскому, немецкому, французскому, английскому, итальянскому — и частично по темам (выделены «книги церковные» и «архитектурные книжки»).

Составитель списка не давал полного описания книг; зачастую опускалось даже имя автора. Обычно он ограничивался лишь указанием на количество томов и формат издания и приводил два-три ключевых слова, относящихся к названию книги. Однако в большинстве случаев этого было достаточно для определения того, о каком именно издании шла речь.

В данной работе мы рассматриваем только английские книги в библиотеке Самборского. Они составляют примерно пятую часть собрания и выделены в отдельную группу (70 названий, или 135 томов). Кроме того, несколько английских изданий оказалось среди «архитектурных книжек». Они также будут рассмотрены ниже.

Собрание английских книг Самборского достаточно полно отражает индивидуальный характер, интересы и занятия умного, образованного и любознательного священника, который провел в Англии пятнадцать лет (1765—1780), живо интересуясь историей, политикой, достижениями и современным состоянием страны, в которой он жил.

Анализ состава английской части библиотеки Самборского позволяет выделить несколько тем, особенно занимавших священника. Это экономика и политика, сельское хозяйство и домоводство, ботаника, религия, история, педагогика, английская словесность. Основная часть книжного собрания была приобретена во время пребывания в Англии, но многие издания могли быть присланы позднее Я.И.Смирновым, преемником

Самборского в русской церкви в Лондоне, английскими друзьями Самборского, а также быть привезены его зятем В.Ф.Малиновским или многочисленными студентами, которые изучали в Англии земледелие и затем возвращались домой.

XVIII столетие в Англии было ознаменовано бурными политическими событиями (например, борьбой якобитов против ганноверской династии). Успехи просвещения дали мощный толчок индустриальной и аграрной революции, а следовательно, быстрому развитию политических и экономических наук. Интерес общества вызывала и борьба за независимость Американских Штатов.

В библиотеку Самборского попала книга шотландского историка Кемпбелла «Политическое обозрение Британии» («Political Survey of Britain»), которая принесла автору известность и почетную степень доктора прав в Университете города Глазго.

Естественно обнаружить в библиотеке и первое издание знаменитой книги профессора Эдинбургского университета Адама Смита «Причины богатства народов» («An Enquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations»). Она была опубликована в 1776 году, и ее появление восторженно приветствовал историк Дэвид Юм.

Заметим, что во второй половине XVIII века шотландские университеты приобрели очень высокую репутацию и с успехом соперничали с традиционно известными Оксфордом и Кембриджем. В 1760—1770 годы Эдинбургский университет завоевал европейский авторитет. Не случайно княгиня Е.Р.Дашкова выбрала именно Эдинбург, «северные Афины», для образования своего сына. Вспоминая о своем пребывании в Шотландии (1776—1779), она писала: «Я познакомилась с профессорами, достойными уважения за ум, просвещенность и нравственность. Им были чужды сомнения и зависть — удел мелких душ, они жили между собой, как любящие и уважающие друг друга братья, и было приятно находиться в обществе этих глубоко образованных людей, во всем согласных между собой; разговоры с ними являлись неисчерпаемым источником знаний. <...> Два раза в неделю незабвенный Робертсон, Блэр, Смит и Фергюсон приходили ко мне обедать и провести время». ² Этот подъем и расцвет науки в Шотландии («Шотландское Просвещение») хорошо заметен по составу библиотеки Самборского — многие из книг, ее составлявших, изданы в Эдинбурге или Глазго.

Вторая половина XVIII века — это эпоха расцвета исторической науки в Британии. (Любопытно, что двое из трех ведущих историков той поры были шотландцами.) По словам Н.М.Карамзина, «Робертсон, Юм, Гиббон влияли в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом. После Фукидида и Тацита ничто не может сравниться с Историческим Триумvirатом Британии». ³ Среди книг Самборского имеются основные сочинения Уильяма Робертсона, ректора Эдинбургского университета с 1762 года, — «История правления императора Карла V» («History of the Reign of the Emperor Charles the Fifth»), «История Америки» («The History of America») и «Древняя Индия» («A Historical Disquisition Concerning the Knowledge which the Ancients Had of India <...>»).

Первый из названных трудов принес автору европейскую славу. В 1771 году он был переведен на французский язык и заслужил похвальный отзыв Вольтера. Екатерина II прислала Робертсону золотую табакерку и уверяла, что никогда не путешествует без его книги в руках.

Другой шотландский историк, друг Робертсона Дэвид Юм представлен в библиотеке Самборского своим главным трудом «История Великобритании» («History of Great Britain»). В первом томе этого сочинения были изложены события, относящиеся к правлению Якова I и Карла I. Во втором томе Юм описал эпоху Парламента, Карла II и Якова II. Интересно, что

следующие тома «Истории Великобритании» автор посвятил более давним историческим периодам: в третьем томе Юм рассмотрел историю тюдоровской Англии и, наконец, в четвертом — историю Англии от вторжения Юлия Цезаря. У Самборского имелось первое полное «хронологическое» издание «Истории» в восьми томах.

Перу Адама Фергюсона, еще одного шотландского собеседника княгини Дашковой, принадлежит книга «История гражданского общества» («An Essay on the History of Civil Society»). Фергюсон был назначен профессором философии Эдинбургского университета в 1759 году. Через несколько лет он опубликовал свое исследование, которое вскоре было переведено на несколько европейских языков. Кроме английской «Истории гражданского общества» в библиотеке Самборского была и «Фергюсона нравственная философия» на русском языке.

Личность и труды Хью Блэра, шотландского пресвитерианского священника, также живо интересовали Самборского. В 1759 году Блэр начал курс публичных лекций по риторике. Успех этого начинания привел к созданию в Эдинбургском университете кафедры изящной словесности, которую Блэр и возглавил в 1762 году. На следующий год он опубликовал диссертацию, посвященную Оссиану Д.Макферсона (автор отстаивал оригинальность происхождения поэзии Оссиана). Первый том проповедей Блэра появился в 1777 году. За ним последовали многочисленные переиздания и переводы на европейские языки. У Самборского имелось двухтомное издание проповедей Блэра (London, 1780—1781).

Но главные интересы и занятия Самборского в Англии были связаны с изучением земледелия и сельского хозяйства. Священник был сторонником применения в России английских систем землепользования. В одном из частных писем он признавался: «Я <...> совершенно убежден, что земледелие есть сила и слава каждого государства». ⁴ Эпоха правления короля Георга III (1760—1820) оказалась чрезвычайно благоприятным временем для реализации этих устремлений. Король интересовался сельским хозяйством своей страны и поощрял агрономию, фермерство и садоводство. Хотя в политическом отношении правление Георга III не было особенно удачным, поскольку при нем Англия оказалась в состоянии войны со своими заокеанскими колониями и в конечном счете потеряла их, сам монарх заслужил в британской истории снисходительно-добродушное прозвище «Король-фермер».

В бытность в Англии Самборский познакомился и подружился с многими английскими агрономами. Особенно он ценил — и сохранил на всю жизнь — дружбу агронома и писателя Артура Юнга (1741—1820). В библиотеку Самборского попало немало трудов Юнга: тринадцать томов различных его сочинений, посвященных фермерству, «Пример Франции как предостережение Британии» («The Example of France, a Warning to Britain»), «Политическая арифметика» («Political Arithmetic»). В 1793 году было создано Королевское агрономическое общество, секретарем которого стал А.Юнг. Первые изданные Обществом труды, посвященные положению сельского хозяйства в различных графствах Англии, в числе которых — «Общий взгляд на агрономию в графстве Саффолк» («General View of the Agriculture of the County of Suffolk») А.Юнга, были в библиотеке Самборского.

Занятия сельским хозяйством поддерживали интерес Самборского к биологии и ботанике. Это пристрастие отражает небольшая, но содержательная подборка книг: «Словарь садовника» («The Gardener's Dictionary»), «Английская флора» («Flora Anglicana»), «Альманах натуралиста» («The Naturalist's Miscellany») — два из двадцати четырех томов «цветных изображений объектов, зарисованных и описанных непосредственно с природы».

Особо остановимся на авторе книги «*A Botanical Arrangement*» — замечательном натуралисте Уильяме Визеринге. Автор был членом «Лунного общества», сложившегося в Бирмингеме в 1760-е годы. В него вошли люди, объединенные дружескими узами и естественнонаучными интересами, — механики и изобретатели Мэтью Боултон, Джеймс Уатт, Уильям Мердок, химик Джеймс Керр, основатель фарфоровой мануфактуры Дж. Веджвуд, естествоиспытатели Эразмус Дарвин и Джозеф Пристли. Обычно они встречались у Боултона в Бирмингеме накануне полнолуния (лунный свет освещал им дорогу домой), — отсюда и полушутливое название Общества. Как пишет современный английский исследователь, «члены Лунного общества благодаря своему энтузиазму и усилиям сделали больше, чем кто бы то ни было, для продвижения индустриальной революции в Британии, а следовательно, для создания той технологической среды, которая окружает нас и сегодня». ⁵ У. Визеринг, ботаник и практикующий врач, открыл и описал лечебные свойства наперстянки (*digitalis*), которые до сих пор использует современная медицина.

В эпоху Просвещения огромное значение придавалось не только исследованию окружающего мира, но и распространению знаний о нем. У короля Георга III была богатая коллекция научных инструментов, многие из которых изготовил ведущий механик того времени Георг Адамс по высочайшему заказу (Музей науки, Лондон). Это общее настроение той эпохи прекрасно выражено в одной из самых известных и необычных картин Джозефа Райта из Дерби «Философ, читающий лекцию о планетарии» («*A Philosopher Giving on the Orrery*», 1766; Музей и картинная галерея города Дерби). Поэтому вполне закономерно обнаружить в библиотеке Самборского «Описание глобуса и планетария» («*Description and Use of the Globes and the Orrery*») — одну из многочисленных книг той поры, посвященных устройству мира и вселенной.

Самборский всегда считал, что воспитание и наставничество (в широком смысле) являются важнейшей частью обязанностей духовного лица в обществе. Сообразуясь со своими государственными идеями, он мечтал о создании в России образцов школы земледелия и готовился к педагогической деятельности. Среди книг его библиотеки — английский перевод трактата Гельвеция «Об уме» («*A Treatise of Man; His Intellectual Facilities and His Education*») и труд Джона Локка «Опыт о человеческом разуме» («*An Essay Concerning Human Understanding*»).

К сожалению, не удалось точно установить, кто был автором принадлежавшей ему книги «Либеральное воспитание» («*Liberal Education*»). Проблемы воспитания и образования человека всерьез занимали умы философов эпохи Просвещения, и в Англии XVIII столетия была издана не одна книга с таким названием. Возможно, автором издания из библиотеки Самборского был член «Лунного общества» Джозеф Пристли. Исследования в области химии привели его в 1774 году к открытию кислорода. Это открытие очень интересовало А. Юнга, который, узнав, что Пристли считает кислород элементом питания растений, вступил с ним в переписку и начал проводить в своем имении Бредфилд опыты по насыщению почвы кислородом. Самборский неоднократно бывал в Бредфилде и, конечно, знал о результатах опытов. Очевидно, что он не мог не интересоваться личностью Пристли. Трактат Пристли «Либеральное воспитание», опубликованный в 1765 году, был неоднократно переиздан. (Впрочем, не исключено, что в библиотеку Самборского могла попасть книга В. Нокса с таким же названием.)

Состав библиотеки отражает и религиозные интересы Самборского. Православный священник не замыкался в своей конфессии, но живо интересовался событиями в жизни англиканской церкви, опытом и взглядами британских служителей церкви, теологическими дискуссиями. В библиотеке Самборского кроме уже упоминавшихся проповедей Блэра были сочинения Уильяма Шерлока, Сэмюэла Кларка, Уильяма Дэрхема, посвя-

ценные доказательства бытия Божия, и труды Джона Гиллотсона, архиепископа Кентерберийского (1630—1694), которые многократно переиздавались после его смерти. Самборскому принадлежало их двенадцатое издание в восьми томах, вышедшее в Дублине в 1739—1740 годах.

Любознательность Самборского, его живой интерес к окружающему миру выражается в приобретении таких изданий, как, например, «Церемонии и религиозные обряды различных народов известного мира», «Собрание путешествий и странствий». Подобные книги органично вписываются в библиотеку человека, жившего в эпоху географических исследований и торжества британского флота, бывшего современником Джеймса Кука, Горацио Нельсона и Мэтью Флиндерса.

Состав библиотеки Самборского отразил и внимание ее владельца к важным событиям в литературной жизни Англии. Так, в собрании английских книг есть первое издание «Толкового словаря английского языка» известного писателя и издателя Сэмюэла Джонсона, вышедшее в свет в 1755 году.

Произведений изящной словесности в библиотеке Самборского было немного. К сожалению, в его собрании не представлены ни Генри Филдинг, ни Тобайас Смоллет, ни Оливер Голдсмит. Однако в списке книг отмечены первое издание «готического» романа Горация Уолпола «Замок Отранто» и «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна, скрывшегося под псевдонимом Мистер Йорик (Mr. Yorick). Четыре тома «Отрывков из изящной словесности в прозе и стихах» («Elegant Extracts») В.Нокса (1752—1821) дают довольно полное представление о развитии английского языка и литературы. Автор прославился как составитель одной из ранних антологий английской прозы (1770-е годы?), куда он включил отрывки из сочинений Блэра, Стерна, Смоллета, монологи и диалоги из пьес Шекспира. После успеха прозаической антологии он составил сборник английской поэзии, куда вошли отрывки из Дж. Мильтона, А.Попа, Р.Бернса. Эти антологии приобрели огромную популярность и многократно переиздавались. Сегодня их можно увидеть в домашних библиотеках многих георгианских усадеб и домов, открытых для публики. Уже в XVIII веке антологии Нокса использовались в качестве учебных пособий и были школьным чтением Вордсворта и Кольриджа.

В отдельной группе «архитектурных книжек» отмечены три издания, посвященные садам и садово-парковым постройкам. Эпоха Георга III — это время, когда принципы ландшафтного парка были не только сформулированы, но и применены на практике поэтом А.Попом, устроившим живописный сад в своем имении Твикенхем, и знаменитыми ландшафтными архитекторами Ланселотом (Капабилити) Брауном, разбившим около двухсот парков в течение тридцати лет, и Уильямом Чамберсом, заложившим знаменитые сады Кью. Тогда же начали реализовываться романтические идеи садового устройства — Гораций Уолпол перестроил в готических формах Стробери-Хилл; Чамберс построил китайскую пагоду в садах Кью. Чарльз Камерон, Василий и Илья Нееловы принесли английский опыт в Россию, в Царское Село.

Самборский не мог не интересоваться этими идеями — у него на глазах торжествовала культура земледелия, и Англия превращалась в цветущий сад. Спустя несколько лет по возвращении в Россию он проявил себя как садово-парковый архитектор при устройстве «Александровой дачи» — сада по мотивам «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II.

Знакомство с репертуаром книг в библиотеке Самборского позволяет нам представить весьма обаятельный образ русского человека эпохи Просвещения, принадлежавшего к европейской культуре и глубоко чувствовавшего свою связь со всем богатством и многообразием окружающего мира.

Представляется, что книги Самборского могли быть не только известны, но в некоторых случаях и доступны воспитанникам Царскосельского Лицея пушкинской поры. Лицейсты могли видеть и читать их, навещая Самборского в Белозерке (между Царским Селом и Павловском); через директора В.Ф.Малиновского или его сына Ивана отдельные издания могли оказаться в лицейской библиотеке.

В настоящее время книги, входившие в библиотеку Самборского, являются чрезвычайно редкими. Целенаправленный поиск этих изданий мог бы в случае успеха значительно обогатить книжное собрание Всероссийского музея А.С.Пушкина.

***

Ниже приводится перечень английских книг из библиотеки А.А.Самборского.⁶ Сначала воспроизводятся записи, сделанные в списке, охарактеризованном в начале нашей статьи. Затем дается полное описание издания (в том случае, если отмеченная в перечне книга была установлена точно или предположительно). Выявление книг, зафиксированных в списке, производилось по каталогам Библиотеки Конгресса США, Британской Национальной библиотеки, библиотек Оксфордского университета и Университета г. Бирмингем, а также по некоторым другим источникам. Лишь в некоторых случаях удалось ознакомиться с изданиями *de visu*. Упомянутое в списке издание считалось установленным, если все основные данные в его описании: автор, название (ключевые слова, относящиеся к названию книги), количество томов и формат — совпадали с таковыми в списке. В некоторых случаях дополнительные сведения об авторах и/или изданиях приводятся в аннотациях. Издания, относительно идентификации которых с упоминаемыми в списке у нас нет полной уверенности, обозначены курсивом. Архаические написания английских слов, временами встречающиеся в названиях книг XVIII века, сохранены и специально не оговариваются (например, «compleat», «authentick» и т. д.; то же можно сказать и об употреблении артикля: «An Historical <...>»).

English books

1. 5 vol. *The Ceremonies and Religious Customs*. Folio.

Picart, Bernard (1673—1733). *The Ceremonies and Religious Customs of the Various Nations of the Known World; together with Historical Annotations, and Several Curious Discourses Equally Instructive and Entertaining*. London, 1733—1739. 7 vols. Folio.

2. 2 vol. *Harris's Voyages*. Folio.

Harris, John (ок. 1666 — 1719). *Navigantium atque itinerantium bibliotheca: or, a Compleat Collection of Voyages and Travels: Consisting of Above Four Hundred of the Most Authentick writers <...> in the English, Latin, French, Italian, Spanish, Portuguese, German or Dutch tongues*. London, 1705. Folio.

Это одна из самых популярных в XVIII веке книг Джона Харриса — компиляция описаний путешествий и приключений, выбранных из произведений различных европейских писателей и путешественников. Указан год первого издания. В течение XVIII столетия книга переиздавалась неоднократно. Харрис был одним из первых членов Королевского научного общества, основанного в 1660 году, и некоторое время — его вице-президентом.

3. 13 vol. *Mr. Young's on Farming*. 8".

Среди произведений А.Юнга нет книг с таким названием. Составитель описи объединил общей темой различные труды этого автора, например: «A Six Weeks' Tour through the

Navigantium atque Itinerantium Bibliotheca :
OR, A COMPLETE
COLLECTION
OF
Voyages and Travels :

Consisting of above

Four Hundred of the most Authentick Writers;

BEGINNING

With *Hackluit, Purchass, &c.* in *English*; *Ramusio* in *Italian*;
Thevenot, &c. in *French*; *De Bry, and Grynæi Novas Orbis* in
Latin; the *Dutch East-India Company* in *Dutch* :

And Continued, with

Others of Note, that have Publish'd HISTORIES, VOYAGES,
TRAVELS, or DISCOVERIES, in the *English, Latin, French,*
Italian, Spanish, Portuguese, German, or Dutch Tongues ;

RELATING

To any Part of **ASIA, AFRICA, AMERICA, EUROPE,**
or the *Islands* thereof, to this present Time.

WITH THE

HEADS of several of our most Considerable *Sea-Commanders* ;
and a great Number of Excellent MAPS of all Parts of the **WORLD,** and
CUTS of most Curious Things in all the VOYAGES.

ALSO,

AN APPENDIX, of the Remarkable ACCIDENTS at Sea ;
and Several of our Considerable ENGAGEMENTS :

THE

CHARTERS, ACTS of PARLIAMENT, &c. about the *East-*
India Trade ; and PAPERS relating to the Union of the Two Companies.

Throughout the Whole

All Original PAPERS are Printed at Large ; as the *Pope's Bull,*
to Dispose of the *West-Indies* to the King of *Spain* ; Letters Patents for Estab-
lishing Companies of Merchants ; as the *Ruffia, East-India Companies, &c.*
Letters from one Great Prince or State to another ; shewing their Titles,
Style, &c.

To which is Prefixed. A

HISTORY of the Peopling of the several Parts of the World,
and particularly of *America* ; An Account of the Ancient SHIPPING, and
its successive Improvements ; together with the Invention and Use of the
Magnet, and its Variation, &c.

By **JOHN HARRIS,** A. M. Fellow of the *Royal Society.*

In Two VOLUMES.

LONDON :

Printed for *Thomas Basset,* at the *Half-Moon,* in *St. Paul's Church-yard* ; *John Nicholson,* at
the *King's Arms,* in *Lamb-Street* ; and *Daniel Holsinger,* at the *Rose and Crown,* in *St. Paul's*
Church-yard. MDCCV.

Southern Counties of England and Wales» (London, 1768); «The Farmer's Guide in Hiring and Stocking Farms» (London, 1770; 2 vols); «A Six Months' Tour through the North of England» (London, 1771; 4 vols); «The Farmer's Tour through the East of England» (London, 1771; 4 vols), и т. д. На «Северное» и «Восточное» путешествия Юнга Самборский ссылается в своей книге «Описание практического английского земледелия» (М., 1781).

4. 2 vol. *Bath Papers on Farming*. 8".

В эпоху бурного развития сельского хозяйства в Англии появилось много локальных агрономических обществ. В 1777 году в Бате было основано агрономическое «Общество города Бат и Западной Англии» («Bath and West of England Society»), публиковавшее труды своих членов в периодическом издании «Letters and Papers on Agriculture, Planting etc., Selected from the Correspondence Book of the Society Instituted of Bath for the Encouragement of Agriculture, Arts, Manufactures and Commerce» (1780—1816).

5. 1 vol. *The English Flora*. 8".

Weston, Richard (1733—1806). *Flora Anglicana: seu arborum, fruticum, plantarum et fructuum, tam indigenorum quam exoticorum, qui in pepinariis, viridariis, et hypocaustis Anglicis <...> coluntur catalogues, etc.* (The English Flora etc.). London, 1775—1780.

Автор — секретарь Агрономического общества города Лестер.

6. 2 vol. *Philosophical Essays on Light*. 8".

Идентифицировать это издание не удалось.

7. 1 vol. *Botanical Arrangement*. 8".

Withering, William, the Elder (1741—1799). *A Botanical Arrangement of All the Vegetables Naturally Growing in Great Britain*. London, 1776. 2 vols. 8°.

8. 1 vol. *Essay of Civil Society*. 8".

Ferguson, Adam (1723—1816). *An Essay on the History of Civil Society*. Edinburgh, 1767. 8°.

9. 1 vol. *Robertson's Ancient India*. 4".

Robertson, William (1721—1793). *An Historical Disquisition Concerning the Knowledge which the Ancients Had of India; and the Progress of Trade with That Country Prior to the Discovery of the Passage to It by the Cape of Good Hope. With the Appendix, Containing Observations on the Civil Policy, the Laws and Judicial Proceedings, the Arts, the Sciences, and Religious Institutions, of the Indians*. London, 1791. 4°.

10. 2 vol. *Smith's Wealth of Nations*. 4".

Smith, Adam (1723—1790). *An Enquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London, 1776. 4°.

11. 2 vol. *Geographical Grammar*. 8".

Guthrie, William (1708—1770). *A New Geographical, Historical, and Commercial Grammar, and Present State of the Several Kingdoms of the World*. London, 1771. 2 vols. 8°.

12. 2 vol. *Treatise of Man*. 8".

Helvetius, Claude Adrien (1715—1771). *A Treatise of Man; His Intellectual Facilities and His Education*. London, 1777. 8°.

13. 2 vol. *History of Russia*. 8".

Tooke, William (1744—1820). *History of Russia, from the Foundation of the Monarchy by Rurik, to the Accession of Catharine the Second*. London, 1800. 8°.

Автор — пастор британской фактории в Кронштадте, затем — в Петербурге (1771—1792); член Академии наук и Вольного экономического общества; о его книгах и переводах см.: Cross A. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, 1997. P. 108—113.

14. 2 vol. Essay of John Locke. 8".

Locke, John (1632—1704). An Essay Concerning Human Understanding. London, 1775. 2 vols. 17-th ed. 8°.

Сочинение Дж. Локка было впервые издано в 1690 году и имело такой успех, что только в XVIII веке было переиздано четырнадцать раз. Однако лишь семнадцатое издание отвечает исходным данным списка.

15. 3 vol. Robertson's History of Charles V. 8".

Robertson, William (1721—1793). History of the Reign of the Emperor Charles the Fifth. Dublin, 1769. 8°.

16. 3 vol. Robertson's History of America. 8".

Robertson, William. The History of America. Dublin, 1777. 8°.

17. 8 vol. Hume's History of England. 8".

Hume, David (1711—1776). History of Great Britain. London, 1763. 8°.

18. 1 odd volume the same.

Один из томов «Истории» Д.Юма (№ 17).

19. 1 vol. Elements of Trigonometry. 4".

Elements of Plane and Spherical Trigonometry, Written Originally in Russian and Translated into English by the Authors Basil Nikitin and Prochor Souvoroff. London, 1786. 4°.

Книга идентифицирована по изд.: [Алексеев М.П.]. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. (Лит. наследство; Т. 91). С. 114, 170 (прим. 19). Авторы и переводчики — русские студенты в Оксфорде (1765—1775), впоследствии профессора математики в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. П.И.Суворов был другом А.А.Самборского.

20. 2 vol. Johnson's Dictionary. Folio.

Johnson, Samuel (1709—1784). A Dictionary of the English Language: In Which the Words are Deduced from Their Originals, and Illustrated in Their Different Significations by Examples from the Best Writers. To Which are Prefixed a History of the Language, and an English Grammar. London, 1755. Folio.

21. 1 vol. Miller's Dictionary. 4".

Miller, Philip (1691—1771). The Gardener's Dictionary. Dublin, 1764. 2 vols. 4°.

22. 2 vol. Campbell's Survey. 4".

Campbell, John (1708—1775). Political Survey of Britain, Being a Series of Reflections on the Situation, Lands, Inhabitants' Revenues, Colonies, and Commerce of This Island. Edinburgh, 1744. 4°.

23. 10 vol. Tillotson's Works. 8".

Tillotson, John (1630—1694). The Works of the Most Reverend Dr. John Tillotson Containing Two Hundred and Fifty Four Sermons and Discourses on Various Occasions, together with the Rule of Faith. Dublin, 1739—1740. 12-th ed. 8°.

24. 2 vol. Naturalist's Miscellany. 8".

Shaw, George (1751—1813). The Naturalist's Miscellany: or Coloured Figures of Natural Objects, Drawn and Described Immediately from Nature. London, 1789—1811. 24 vols. 8°.

25. 4 vol. *Elegant Extracts*. 4".

Knox, Vicesimus (1752—1821). *Elegant Extracts*, or, Useful and Entertaining Passages in Prose Selected for the Improvement of Youth. London, 1791. 2 vols. 4°.

Knox, Vicesimus. *Elegant Extracts*, or Useful and Entertaining Pieces of Poetry Selected for the Improvement of Youth in Speaking, Reading, Thinking, Composing and in the

Conduct of Life: Being Similar in Design to Elegant Extracts in Prose. London, 1791. 2 vols. 4°.

26. 1 vol. Religion of Nature. 8°.

Wollaston, William (1660—1724). The Religion of Nature Delineated. London, 1722. 8°.

Самое популярное в XVIII столетии произведение философа и писателя У. Уолластона. Посвящено доказательству идентичности религии и морали. Сочинение выдержало несколько переизданий. Нами указан год первой публикации.

27. 4 vol. *Sherlock's Sermons*. 8°.

Sherlock, Thomas (1678—1761). Sermons. 1754—1758.

Автор — сын Уильяма Шерлока (о нем см. ниже, № 28); был вице-канцлером Кембриджа, настоятелем собора в Чичестере, епископом Бангора. Поддерживал дружеские и деловые связи с премьер-министром Робертом Уолполом. По данным «Британской энциклопедии», в 1754—1758 годах опубликовал четыре или пять томов своих проповедей. В каталогах вышеуказанных библиотек издание (издания?) не обнаружено.

28. 1 vol. *Sherlock's on Providence*. 8°.

Sherlock, William (1641—1707). Discourse Concerning the Divine Providence. London, 1694. 2-nd ed. 8°.

Автор — пребендарий, а затем настоятель собора св. Павла в Лондоне.

29. 1 vol. *Liberal Education*. 8°.

Точно идентифицировать это издание не удалось. Возможно, в библиотеке Самборского было одно из двух нижеперечисленных изданий. Priestley, Joseph (1733—1804). An Essay on a Course of Liberal Education for Civil and Active Life. London, 1765. 8°.

Liberal Education, or A Practical Treatise on the Methods of Acquiring Useful and Polite Learning. By the Rev. V. Knox. London, 1781. 8°.

30. 1 vol. The Orthodox Confession. 8°.

Mogila Petr (1596—1647). The Orthodox Confession of the Catholic and Apostolic Eastern Church. Translated (by P. Lodvell). London, 1762. 8°.

31. 1 vol. Friendship in Death. 8°.

Rowe, Elizabeth (Singer; 1674—1732). Friendship in Death: in Twenty Letters from the Dead to the Living, to Which Are Added Thoughts on Death, Translated from the Moral Essays of the Messieurs du Port Royal. London, 1733. 3-d ed. 8°.

32. 1 vol. Clark's on the Attributes of God. 8°.

Clarke, Samuel (1675—1729). A Discourse Concerning the Being and Attributes of God. London, 1716. 8°.

33. 5 vol. Yorick's ————. 8°.

Sterne, Laurence (1713—1768). A Sentimental Journey through France and Italy. By Mr. Yorick. London, 1774. 5 vols. 8°.

34. 1 vol. Demosthene's Orations. 8°.

All the Orations of Demosthenes, Pronounced to Excite the Athenians against Philip, King of Macedon. Translated into English by Thomas Leland. London, 1757. 8°.

35. 1 vol. *Abel's death*. 8°.

Место и год выпуска книги установить не удалось.

Gessner, Salomon (1730—1788). The Death of Abel/From the German of Mr. Gessner. London, 1762. 3-d ed. 8°.

Автор — швейцарский художник и поэт, преимущественно сентиментального направления. Его сочинение «Смерть Аделя», написанное в 1758 году, — род идиллической

пасторали. Во второй половине XVIII века «Смерть Абея» дважды была переведена на английский язык и многократно переиздавалась.

36. 1 vol. Derham's Astro-theology. 8".

Derham, William (1657—1735). *Astro-theology, or A Demonstration of the Being and Attributes of God from a Survey of the Heavens*. London, 1714. 8°.

37. 1 vol. *The Description of the Globes*. 8".

Исходным данным полностью отвечают несколько изданий.

Harris, John. *Description and Use of the Globes and the Orrery*. London, 1740. 8°.

Grew, Theophilus (? — 1759). *Description and Use of the Globes, Celestial and Terrestrial*. London, 1753. 8°.

Dilworth, Thomas (? — 1780). *New and Complete Description of the Terrestrial and Celestial Globes*. London, 1794. 8°.

Martin, Benjamin (1705—1782). *Description and Use of Both the Globes, the Armillary Sphere, and Orery*. London, 1760. 8°.

38. 1 vol. *The Traveller's Pocket Book*. 8".

Ogilby, John (1600—1676). *The Traveller's Pocket Book*. London, 1782. 21-st ed. 8°.

Первое издание справочника «*The Traveller's Guide; or a Most Exact Description of the Roads of England Being Mr. Ogilby's Actual Survey and Mensuration by the Wheel, of the Great Roads from London to All the Considerable Cities and Towns in England and Wales*» появилось в 1699 году. Описание дорог и расстояний между городами в Англии оказалось столь необходимым и актуальным, что в XVIII столетии книга выдержала более двадцати переизданий. У Самборского было двадцать первое издание справочника (все остальные — в двенадцатую долю листа).

39. 4 vol. *Dictionary of Arts and Sciences*. 8".

A New and Complete Dictionary of Arts and Sciences; Comprehending All the Branches of Useful Knowledge. London, 1754—1755. 4 vols. 8°.

40. 2 vol. *Blair's Sermons*. 8".

Blair, Hugh (1718—1800). *Sermons*. London, 1780—1781. 2 vols. 8°.

41. 1 vol. *Gibson's Moral Philosophy*. 8".

Точно идентифицировать автора и издание не удалось. Возможно, имеется в виду Эдмунд Гибсон (1669—1748), священник и юрист, автор ряда религиозных сочинений.

42. 2 vol. *Ainsworth's Dictionary*. 8".

Ainsworth, Robert (1660—1743). *Thesaurus linguae Latinae compendiaris*. London, 1758. 8°.

Автор — школьный учитель и писатель. Англо-латинский словарь — его главный труд, работа над которым велась в течение двадцати двух лет. Впервые опубликован в 1736 году. Длительное время словарь использовался в качестве школьного пособия и многократно переиздавался.

43. 1 vol. *Society of Arts; and in the inside: Travels of Emperor Paul*.

Точно идентифицировать это издание не удалось.

«Общество для поощрения искусств, коммерции и ремесел» («*The Society for the Encouragement of Arts, Commerce, and Manufactures*») было основано в 1753 году и регулярно печатало свои протоколы («*Transactions*»).

44. 5 vol. *Practical Husbandry of John Mills, Esq*. 8".

Mills, John (? — 1784). *A New and Complete System of Practical Husbandry; Containing All that Experience Has Proved to Be Most Useful in Farming, either in the Old or New Method*. London, 1762—1765. 5 vols. 8°.

45. 1 vol. *The Example of France, Warning to Britain*. 8".

Young, Arthur (1741—1820). *The Example of France, a Warning to Britain*. London, 1793. 8°.

46. 1 vol. *Observations for Assisting Farmers*. 8°.

Edwards, George (1752—1823). *Some Observations for Assisting Farmers and Others to Acquire the Knowledge of Their Business*. London, 1779. 8°.

47. 1 vol. *Gentleman Farmer*. 8°.

Lord Kames, Henry Home (1696—1782). *Gentleman Farmer, Being an Attempt to Improve Agriculture by Subjecting It to the Test of Rational Principles*. Edinburgh, 1776. 8°.

Автор — шотландский юрист и философ, писатель. Интересовался агрономией. Эта книга, переведенная на русский язык, была послана Самборскому Н.С.Мордвиновым (об этом см.: Cross A. *By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth Century Britain*. Newtonville, 1980. P. 81).

48. 1 vol. *Buchan's Domestic Medicine*. 8°.

Buchan, William (1729—1805). *Domestic Medicine, or The Family Physician*. Edinburgh, 1769. 8°.

49. *First and Fourth Volumes Hale's Husbandry*. 8°.

A Compleat Body of Husbandry Containing Rules for Performing the Whole Business of the Farmer and Country Gentleman. Compiled by J.Hill from the Original Papers of the Late Thomas Hale. Dublin, 1757. 4 vols. 8°.

50. 1 vol. *Dickson's Husbandry*. 8°.

Dickson, Adam (1721—1776). *The Husbandry of the Ancients*. Edinburgh, 1788. 2 vols. 8°.

51. 1 vol. *Political Arithmetic*. 8°.

Young, Arthur. *Political Arithmetic*. London, 1774. 8°.

52. 1 vol. *Monk's Dictionary*. 8°.

Monk, John. *Agricultural Dictionary, Consisting of Extracts from the Most Celebrated Authors and Papers*. London, 1794. 3 vols. 8°.

53. 1 vol. *Agriculture of Stafford*. 8°.

Pitt, William (1749—1823). *General View of the Agriculture of the County of Stafford*. With Observation. London, 1796. 8°.

54. 1 vol. *Agriculture of Suffolk*. 8°.

Young, Arthur. *General View of the Agriculture of the County of Suffolk*. London, 1794. 8°.

55. 1 vol. *Agriculture of Nottingham*. 8°.

General View of the Agriculture of the County of Nottingham, with Observations on the Means of Its Improvement, by Robert Lowe. London, 1798. (Board of Agriculture). 8°.

56. 2 vol. *Pamphletts <sic!> on Potatoes*. 8°.

Идентифицировать это издание не удалось.

57. 1 vol. *The Antidote*. 8°.

Исходные данные недостаточны для идентификации издания. В XVIII столетии слово «antidote» часто использовалось авторами многочисленных религиозных и политических памфлетов. Возможно, в библиотеку Самборского попало следующее издание: *The Antidote; or An Enquire into the Merits of a Book Entitled: a Journey into Siberia, Made in 1761 in Obedience to an Order of the French King, and Pub., with Approbation by the Abbot Chappe d'Auteroche*. London, 1772.

58. 1 vol. by Nicolai. 8°.

Nicolai, Christoph Friedrich (1733—1811). *The Life and Opinions of Sebaldus Nothanker*. London, 1798. 3 vols. 8°.

Это единственное произведение К.-Ф. Николаи, изданное в интересующий нас период времени и отвечающее исходным данным.

59. 1 vol. *The Castle of Otranto*. 8".

Walpole, Horace (1717—1797). *The Castle of Otranto, a Story Translated by William Marshal, Gent. from the Original Italian of Onuphrio Muralto*. London, 1765. 8°.

60. 1 vol. *Wide Companion*. 8".

Точно идентифицировать издание невозможно из-за недостаточных исходных данных. Оно может оказаться и путеводителем по Британским островам, и кулинарной книгой.

61. 1 vol. *Dr. Johnson's on Drowned Persons*. 8".

Johnson, Alexander (1715 или 1716 — 1799). *An Account of Some Societies at Amsterdam and Hamburg for the Recovery of Drowned Persons, and of Similar Institutions at Venice, Milan, Padua, Vienna, and Paris; with a Collection of Authentic Cases*. London, 1773. 8°.

62. 1 vol. *Abridged Instructions of the Same*. 8".

Johnson, Alexander. *A Short Account of a Society at Amsterdam Instituted in the Year 1767 for the Recovery of Drowned Persons*. London, 1773. 8°.

63. 1 vol. *Spelling Book*. 8".

Entick, John (1703?—1773). *A New Spelling Dictionary Teaching to Write and Pronounce the English Tongue*. Dublin, 1791. 8°.

64. 1 vol. *Home on Agriculture*. 8".

Home, Francis (1719—1813). *Principles of Agriculture and Vegetation*. Edinburgh, 1757. 8°.

65. 1 vol. *Obligations for Conversion of Heathens*. 8".

Carey, William (1761—1834). *An Enquiry into the Obligations of Christians to Use Means for the Conversion of the Heathens*. Leicester, 1792. 8°.

66. 1 vol. *Sermon to the Jews*. 8".

Cooper, William (1776—1818). *The Promised Seed: A Sermon Preached for God's Ancient Israel the Jews, at Zion Chapel on Sunday Afternoon, Aug. 28, 1796, to the Jews*. London, 1796. 8°.

67. 1 vol. (нрзб.) *Manuscript*. 4".

Дополнение'

68. *Эстампы английских строений в садах — в лист*.

Издание можно идентифицировать предположительно.

Repton, Humphry (1752—1818). *Sketches and Hints on Landscape Gardening Collected from Designs and Observations Now in the Possession of the Different Noblemen and Gentlemen, for Whose Use They Were Originally Made*. London, 1794. 4 vols. Folio.

69. 1 vol. *Rural Architecture*. 4".

Издание можно идентифицировать предположительно.

Morris, Robert (1701—1754). *Rural Architecture: Consisting of Regular Designs of Plans and Elevation for Buildings in the Country*. London, 1750. 4°.

70. 1 vol. *Chinese Architecture*. 4".

Издание можно идентифицировать предположительно.

Decker, Paul. *Chinese Architecture, Civil and Ornamental: Being a Large Collection of the Most Elegant and Useful Designs of Plans and Elevations*. London, 1759. 2 vols. 4°. Титульный лист («Chinese Architecture <...>») отсутствует в первом томе.

Кроме того, в то время было довольно широко известно и популярно другое издание: Halfpenny, William and John. Rural Architecture in the Gothic Taste; Rural Architecture in the Chinese Taste. London, 1750—1752. 2 vols. 4°.

Примечания

- ¹ В настоящее время документ разделен на два архивных дела. См.: ЦГИА Украины. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 213, 214.
- ² Дашкова Е.Р. Записки; Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. [М.], 1987. С. 114—115.
- ³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника/Изд. подг. Ю.М.Лотман, Н.А.Марченко, Б.А. Успенский. Л., 1987. С. 369.
- ⁴ Письмо А.А. Самборского к П.В.Завадовскому//ЦГИА Украины. Ф. 2503. Д. 513.
- ⁵ King-Hele D. Erasmus Darwin, Master of Interdisciplinary Science//Interdisciplinary Science Review. 1985. Vol. 10. P. 170—191.
- ⁶ ЦГИА Украины. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 214. Л. 1—1об.
- ⁷ Там же. Л. 2об.

Л.Б.Михайлова, М.Шиппан

**КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ
И САКСОНИИ В ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ
(новая книга Эрхарда Хексельшнайдера)***

Б лагодаря территориальной близости Германия всегда привлекала россиян. Русские путешественники стремились посетить старинные города, крепости и монастыри и осмотреть их культурные сокровища. И если во Францию ездили отдыхать и развлекаться, в Англию — знакомиться с государственным устройством, законами и торговлей, в Италию — осматривать знаменитые коллекции и произведения художников, то Германия на протяжении многих десятилетий оставалась в сознании русских центром классического образования. Почти в каждом, даже небольшом немецком городке была гимназия, и во многих городах — университеты, со своей научной школой, а также специальные научные общества и академии.

Особенно это проявилось в одном из германских государств — Саксонии, где находились старинные города Дрезден и Лейпциг.

Подобно соперничеству между древней Москвой и столичным Санкт-Петербургом в России между главными городами Саксонии — королевской резиденцией Дрезденом, названным путешественниками «Флоренцией на Эльбе», и культурным и торговым Лейпцигом, или «маленьким Парижем», по определению И.В. Гете, шла постоянная борьба.

В разные годы в этих городах побывало множество русских. Это екатерининские вельможи, попавшие в опалу при Павле I, — граф А.Г. Орлов, князь П.А. Зубов. Довольно весело проводила время в Дрездене Н.К. Загряжская, позднее поведавшая о том А.С. Пушкину, который очень ценил эти свидетельства о прошедшем времени.

Среди тех, кто побывал в Саксонии, — знаменитый сатирик и одновременно видный политический деятель екатерининского времени, автор первого в России конституционного проекта Д.И. Фонвизин, писатели и поэты Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский и многие другие.

В Лейпцигском университете слушали лекции автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев, переводчик, литератор, впоследствии министр внутренних дел О.П. Козодавлев, член Российской академии, переводчик Р.М. Цебриков (отец декабриста Н.Р. Цебрикова).

Тема культурных связей Саксонии и России издавна привлекала многих исследователей. Среди них специалистам хорошо известно имя Эрхарда Хексельшнайдера (Erhard Hexelschneider).¹ Результатом десятилетней кропотливой и плодотворной работы этого

* Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland, 1790—1849. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2000. 617 S. (Gesellschaft und Politik in Sachsen).

ученого стала монография «Культурные контакты между Саксонией и Россией, 1790—1849», изданная в серии «Общество и политика в Саксонии».

Этот труд представляет огромный интерес для всех, кого интересует вопрос о путях формирования культурных взаимоотношений между Россией и Германией.

Автор разделил свою книгу на десять глав, каждая из которых является серьезным и самостоятельным исследованием (например, «“Дрезденские романтики” и Россия», «Лейпцигский университет и Россия» или те части книги, которые посвящены творчеству Пушкина и В.К.Кюхельбекера). В книге Э.Хексельшнайдера собран богатый архивный материал. Каждая глава снабжена обширными примечаниями.

Хронологические рамки исследования Э.Хексельшнайдера — это последнее десятилетие XVIII и вся первая половина XIX столетий, т.е. тот период времени, который мы привыкли называть «пушкинским».

Неудивительно, что на страницах книги встречаются не только хорошо известные пушкинистам имена русских писателей и поэтов — современников Пушкина, но и тех немецких издателей и литераторов, которые информировали своих соотечественников о политической и культурной жизни России.

Обратимся к отдельным главам книги.

Начало исследования посвящено подробному анализу того, кто и каким образом менял место своего жительства в конце XVIII века, становясь русским саксонцем или саксонским русским.

Прежде всего, это были те, кто ехали из Саксонии в неизвестную Россию добровольно, в надежде на благополучное устройство будущей жизни.² Интересно отметить, что среди приехавших в Россию саксонцев было мало ремесленников и торговцев, в большинстве случаев это были представители образованной, культурной части немецкого населения — священнослужители, домашние учителя, книготорговцы, художники, врачи, аптекари. Многие из них смогли адаптироваться, гармонично вписались в русскую жизнь и связали с Россией свою дальнейшую судьбу.

В их числе такие личности, как Б.В.Пестель, московский почт-директор, статский советник, дед казненного декабриста П.И.Пестеля, и выпускник Лейпцигского университета К.Г.Кюхельбекер, отец поэта и декабриста В.К.Кюхельбекера, сделавший карьеру во времена царствования императора Павла I. Он управлял Каменным островом, а позднее (1781—1789) стал первым директором царской резиденции в городе Павловске. К тому же поколению переселенцев относится представитель известного издательского дома Б.Брейткопф (Bernhard Theodor Breitkopf; 1749—1820) и член Российской академии наук, директор Первого отдела Эрмитажа археолог Г.Л.Кёлер (Heinrich Karl Ernst Koehler; 1765—1838). Прибыв в Санкт-Петербург в качестве домашнего учителя одной купеческой семьи, Кёлер в 1795 году получил место библиотекаря в Императорском Эрмитаже, а позднее — должность хранителя коллекции гемм и медалей.

Была и другая категория приезжих саксонцев — те, кто, прожив в России определенное время, возвращались на родину и там становились своего рода «пропагандистами» малознакомой многим немцам России. Среди них можно назвать писателя и переводчика И.-Г.Рихтера (Johann Gottfried Richter; 1763—1829). В 1799 году он написал книгу о своих впечатлениях от пребывания в древней столице,³ а спустя несколько лет первым в Германии занялся переводом на немецкий язык «Писем русского путешественника» Карамзина.

Карамзин, посетивший Дрезден и Лейпциг, детально описывает пребывание в Саксонии и запомнившиеся ему встречи в своих «Письмах...». Множество французских

эмигрантов, спасавшихся от страшных проявлений революции, казалось, в тот момент составляли в Саксонии большинство приезжих.

В следующей главе монографии Э.Хексельшнайдера речь идет о памятных для русского человека событиях 1812 года.

Бесспорно, больше всего русских побывало в Саксонии во время заграничных походов русских войск по Европе в 1813—1815 годах.

В 1812 году саксонская армия, образовавшая особый корпус, находилась в составе армии Наполеона, вторгшейся в Россию. В ходе военных действий саксонский корпус, изначально насчитывавший более 21 тыс. человек, понес огромные потери: домой смогли вернуться не более 6 тыс. человек.

В 1813 году русская армия появилась в Саксонии. Среди русских офицеров, отличившихся в сражениях при Дрездене и Лейпциге и получивших боевые награды, были те, чьи имена неразрывно связаны с историей русской культуры и политической борьбы. Вместе со своими полками там оказались известные поэты К.Н.Батюшков, Д.И.Давыдов, будущие декабристы Ф.Н.Глинка, П.С.Пушкин, И.Г.Бибиков, И.Г.Бурцов, В.Л.Давыдов, П.П.Каверин, М.Ф.Орлов, П.И.Пестель и многие другие.⁴

Курфюрст Фридрих Август III, возведенный Наполеоном в ранг короля и ставший в 1806 году королем Фридрихом Августом I, названный патриотически настроенными подданными «Справедливым», не пожелал изменить Наполеону, хотя освободительное движение распространилось по Саксонии. В битве при Лейпциге часть саксонских войск самовольно перешла на сторону союзников, а после сражения король был захвачен в плен союзными войсками.

Осенью 1813 года в Саксонии сформировалось временное правительство, которое возглавил русский генерал Н.Г.Репнин-Волконский (1778—1845). Прославленный боевой генерал, награжденный золотой шпагой «За храбрость», Репнин-Волконский был наделен неограниченными полномочиями и очень много сделал для восстановления разоренного войной края, проявив замечательные административные способности и на мирном поприще. По воспоминаниям многих современников, генерал был прекрасно образован и приветлив, а его необыкновенная память позволяла удерживать в поле внимания множество дел, которые он стремился решить, не откладывая надолго.⁵

Особый интерес для русского читателя представляет глава «Лейпцигская ярмарка и Россия». Речь в ней идет о близких друзьях Пушкина.

Э.Хексельшнайдер подчеркивает, что Лейпцигская ярмарка, одна из крупнейших в Европе, всегда привлекала русских торговцев, купцов и путешественников. Русский лен, пенька, лес, меха обменивались здесь на ткани, кружева, пряжу, деревянные изделия, часы, музыкальные инструменты, редкий фарфор и, конечно, книги.⁶ (Уже с 80-х годов XV столетия Лейпциг стал важным центром книгопечатания и книготорговли.)

В апреле 1827 года среди покупателей книг на Лейпцигской ярмарке был известный русский поэт В.А.Жуковский. В 1826 году он был назначен заведующим учебной частью великого князя и наследника русского престола Александра Николаевича. Прославленный поэт был главным среди преподавателей: обучение будущего императора Александра II велось по плану, тщательно им разработанному.

Одной из важнейших задач Жуковский считал приобщение будущего императора к чтению. «Я ничего так не желаю, как вселить в Великом князе охоту к чтению. До сих пор еще не было и начала ея. Боюсь, чтобы пристрастие к военному не зашло к нам в душу и многому не помешало. А хорошие книги — вернейшие друзья частного человека и настоящие советники Государей; они не льстят, а заставляют мыслить и возбуждают уважение ко всему человеческому», — писал он императрице Александре Федоровне.⁷

На Лейпцигской книжной ярмарке Жуковского интересовали книги по педагогике (о воспитательной системе И.Г.Песталоцци). Он также покупал детскую литературу, учебные издания, книги по искусству и живописи, многочисленные справочники и энциклопедии — словом, все то, что, по мнению наставника, могло пригодиться для воспитания и образования будущего императора. В этот приезд Жуковский приобрел книг более чем на 4 тыс. талеров — весьма значительную по тем временам сумму.

Неоценимую помощь в посещении многочисленных книжных магазинов, коллекционеров, в общении с книготорговцами оказал Жуковскому русский посол в Саксонии (1820—1834) В.И.Фрейганг (Wilhelm von Freygang; 1783—1849).

Он родился в Петербурге. Начиная служить по военному ведомству, а затем перешел в Коллегию иностранных дел. В 1802—1805 годах слушал лекции в Геттингенском университете, тогда же начал заниматься литературой. Его первые литературные опыты были опубликованы в журнале Карамзина «Вестник Европы».

Фрейганг вернулся в Россию со степенью доктора философии и продолжил службу на дипломатическом поприще. Его посольская служба проходила в Вене, Париже, Персии, Нидерландах. В 1820 году он был назначен послом России в Саксонии.

Фрейганг проявил необыкновенную активность зимой 1826 года. После восстания на Сенатской площади он сообщал в Россию по дипломатическим каналам о восприятии этих событий не только саксонцами, но и, прежде всего, русскими, жившими в Дрездене и Лейпциге. Он же организовал принесение присяги новому императору в русской церкви в Лейпциге.

Как и Жуковский, русский посол, будучи разносторонне образованным человеком, был увлечен воспитательными теориями, способами и методами обучения в различных учебных заведениях. Его младший сын Василий Фрейганг⁸ был впоследствии определен в Царскосельский Лицей. Вполне возможно, что именно Жуковский, который бывал в Лицее и знал его выпускников, рекомендовал это учебное заведение В.И.Фрейгангу.⁹

Одну из глав своего исследования автор монографии посвящает научным и медицинским центрам Лейпцига. Если о русских студентах Лейпцигского университета мы знаем довольно много, то о тех русских, кто получал в Германии медицинскую помощь, известно меньше.

Европейской известностью пользовался небольшой саксонский город Пирна, расположенный у ворот в Саксонскую Швейцарию. Неподалеку от этого городка в июле 1811 года была открыта психиатрическая лечебница «Зонненштейн». В числе пациентов этой больницы были и русские. Для лечения здесь использовали не только новейшие достижения медицины того времени — страждущим помогала сама обстановка, и прежде всего — великолепная природа, о которой П.А.Вяземский писал:

Прекрасен здесь вид Эльбы величавый,
Роскошной жизнью берега цветут;
По ребрам гор — дубрава за дубравой,
За вилой вила — летних нег приют.¹⁰

Вяземский приехал в Зонненштейн в 1853 году, а почти за 25 лет до него эту лечебницу посетили братья Н.И. и А.И.Тургеневы. Их приезд был в первую очередь связан с беспокойством по поводу состояния здоровья их близкого друга поэта Батюшкова. Тургеневы прекрасно знали врача клиники Э.Г.Пиница (Ernst Gottlob Pienitz), находились с ним в переписке.

Батюшков лечился в клинике «Зонненштейн» в 1824—1828 годах. Он приехал туда с надеждой на выздоровление, надеждой и ожиданием жили его друзья и родные, но болезнь оказалась неизлечимой. Поэтому такой печалью пронизаны воспоминания Вяземского, посетившего клинику летом 1853 года:

Я предан был другому впечатленью, —
Любезный образ в душу налетал,
Страдальца образ, — и печальной тенью
Он красоту природы омрачал...¹¹

Среди пациентов доктора Пиница был и П.А.Граббе (1796—1859), еще один близкий друг Вяземского, брат М.А.Граббе, привлекавшегося по делу декабристов.

Если для русского читателя, интересующегося историей отечественной литературы первой половины XIX века, какие-то моменты исследования Э.Хексельшнайдера кажутся знакомыми, то немецкий читатель впервые так детально погружается в мир русских писателей, поэтов, студентов и путешественников, посетивших Саксонию в период 1790—1849 годов, и узнает о том впечатлении, которое производила Германия на русских людей. Поэтически мнение многих выразил П.А.Вяземский:

<...> Бархат пестрых лугов,
Храмы, замки, беседки
И зеленые сетки виноградных садов <...>¹²

Представляет интерес и следующая глава книги. Автор назвал ее «Книжные издательства и Россия», и в ней речь идет об издании книг русских авторов в Лейпциге. Значительное место в этой главе отведено деятельности человека, хорошо известного в России как основателя фирмы, которая совместно с русским издателем И.А.Ефроном выпустила многотомный энциклопедический словарь.¹³

Фридрих Арнольд Брокгауз (F.A.Brockhaus; 1772—1823), основатель крупного лейпцигского книжного издательства, был одним из первых, кто начал выпускать книги русских авторов. Среди тех, кого немецкий издатель удостоил своим вниманием, был Карамзин: перевод выпущенного им альманаха «Аглая» на немецкий язык в 1819 году увидел свет в Лейпциге.

Последняя глава книги посвящена творчеству Пушкина и Кюхельбекера — соучеников по Императорскому Лицею и друзей юности.

Автор книги «Культурные контакты Саксонии и России» не стремится рассказать биографию Пушкина, для него на первом месте — восприятие творчества великого русского поэта немецким читателем и первые переводчики произведений Пушкина на немецкий язык.

Пушкина начали переводить на немецкий язык еще при жизни. Поэту не суждено было побывать за границей, и европейский читатель мог судить о его творчестве только по переводам. Поэтому Пушкина интересовали не только переводы его сочинений, но и сами переводчики, некоторых из которых (например, А.Дитриха, Е.Розена) он знал лично.

Одной из первых на немецкий язык была переведена поэма «Кавказский пленник». Она была издана Ольдекопом еще в 1823 году.

В этой же главе весьма интересными для специалистов стали сведения об отношении саксонских литераторов к русским авторам и их произведениям.

Так, Карл фон Кнорринг (Karl von Knorring; 1773—1841) создал небольшое книжное собрание из изданий русских авторов. Он предложил немецкому читателю «Бориса Годунова» Пушкина, «Горе от ума» А.С.Грибоедова, сочинения Жуковского.¹⁴

Среди книг библиотеки немецкого поэта-романтика Людвиг Тика (Ludwig Tieck; 1773—1853) были сочинения А.С.Пушкина и Г.Р.Державина на языке оригинала. Он получил эти издания в подарок, хотя сам не владел русским языком.

Константин Фалькенштейн (Konstantin Karl Falkenstein; 1801—1855), историк, служащий Дрезденской королевской библиотеки, собирал автографы известных современников, деятелей науки, культуры, искусства. В его коллекции были и автографы Пушкина.¹⁵

Исследование Э.Хексельшнайдера завершается рассказом о жизни и творчестве Кюхельбекера. Можно с уверенностью сказать, что именно работы этого исследователя открыли немецкому читателю всю значимость творчества Кюхельбекера и его место в кругу поэтов пушкинской плеяды. Перу Э.Хексельшнайдера принадлежат такие исследования, как «В.К.Кюхельбекер в Дрезденской галерее в 1820 году», «Встреча В.Кюхельбекера с немецким художником Людвигом Рихтером» и др.

Работа в немецких архивах позволила Э.Хексельшнайдеру собрать полные сведения о саксонских корнях предков Кюхельбекера. Ему удалось установить (и для русских исследователей это совершенно новый, неизвестный ранее материал), что дед Вильгельма, доктор Иоганн Кюхельбекер (Johann Basilius von Kuechelbecker), служил чиновником в области государственных доходов. Он учился в гимназии города Наумбурга, который спустя много лет посетил его внук. «<...> мы проехали близ славного училища Шульпфорте: оно лежит в уединении гор и напомнило мне наше Царскосельское убежище; здесь юноши в объятиях величественной природы, в безмолвной тишине жертвуют музам и внимают их прорицаниям <...>», — писал Вильгельм Кюхельбекер в своем дневнике.¹⁶

В.К. Кюхельбекер совершал путешествие по Европе в качестве секретаря известного вельможи А.Л.Нарышкина. Эта поездка позволила ему познакомиться с достижениями европейской научной и культурной мысли, но вместе с тем он информировал иностранцев о том, что происходит в России, прежде всего — о путях развития русской литературы своего времени.

Ведь именно в беседе с русским путешественником немецкий поэт Христофор Август Тидке (Christoph August Tiedge; 1752—1841) узнал о русской словесности («об Державине, Жуковском и молодом творце “Руслана и Людмилы”»), как вспоминал Кюхельбекер). По просьбе Тидке собеседник «должен был перевести <...> несколько стихотворений Батюшкова и Пушкина». ¹⁷ Таким образом, В.К. Кюхельбекера можно назвать первым переводчиком Пушкина на немецкий язык в Саксонии.

Во время своего путешествия по Германии Кюхельбекер познакомился с немецким художником Людвигом Рихтером (Ludwig Richter; 1803—1884), который по просьбе Нарышкина сделал много зарисовок с экспонатов Дрезденской картинной галереи.

Для русского читателя имя этого немецкого художника долгие годы оставалось неизвестным. Э.Хексельшнайдер впервые подготовил и издал материалы о жизни и творчестве Рихтера, его дневники, где упоминаются русские путешественники А.Л. Нарышкин и его секретарь. Для нас интересно, что, по мнению Рихтера, в богатом русском заказчике Нарышкине было что-то от невежественного варвара, а Кюхельбекер, напротив, показался ему тонко чувствующей аристократической натурой.

Путевой дневник Кюхельбекера содержит многочисленные подробности, в нем немало описаний встреч с интересными собеседниками, но, по мнению Э.Хексельшнай-

дера, для секретаря Нарышкина важнее всего знакомство со страной своих предков. Кюхельбекера интересовали образ жизни, привычки местного населения, он стремился понять и национальные особенности саксонцев.

Рецензируемая монография дает весьма полное представление о культурных взаимоотношениях русских и саксонцев. Книга «Культурные контакты Саксонии и России, 1799—1849» займет достойное место в ряду серьезных научных работ по истории российско-немецких культурных отношений (таких, например, как серия сборников, изданных литературоведом и историком Львом Копелевым «Немцы о России и русских» и «Русские о Германии и немцах»).

Примечания

¹ Бывший профессор Лейпцигского университета и Института им. И.-Г.Гердера, он многие годы занимался изучением русско-немецких культурных связей. Кроме того, Э.Хексельшнайдер является автором ряда статей по истории русской литературы пушкинского времени.

² Интересно отметить, что среди 27 тыс. выходцев из Германии, приехавших и живших в России в царствование Екатерины II, саксонцев было всего 15 человек. Остальные были представителями других частей Германии. Об этом см.: Schippan M., Striegnitz S. *Wolgadeutsche: Geschichte und Gegenwart*. Berlin, 1992.

³ См.: Richter J.G. *Moskwa: Eine Skizze*. Leipzig, 1799.

⁴ Интересно обратить внимание, как менялось отношение саксонцев к русской армии. Только в марте 1813 года в Саксонии было свыше 64 тыс. русских. И если первое впечатление местного населения было восторженно-благодарственным (в русских видели, прежде всего, освободителей), то позднее простые саксонцы стали испытывать к ним чувство, похожее на ненависть. Ведь среди русских были не только высокообразованные офицеры, бывшие великолепными знатоками поэзии, живописи и музыки, но и (в большинстве своем) поставленные под ружье крепостные, которые порой занимались воровством и грабежами.

⁵ В 1836 году Н.Г.Репнин-Волконский вышел в отставку и совершил длительное путешествие за границу, побывав в местах прежней боевой службы (в т. ч. в Дрездене и Лейпциге).

⁶ Интересно отметить, что среди подлинных книг лицейской библиотеки, сохранившихся до настоящего времени, есть несколько изданных в Лейпциге. См.: Klopstock's Werke. Leipzig: Bey Georg Joachim Goschen, 1798; Lessing's Geist aus seinen Schriften, oder dessen Gedanken und Meinungen, zusammengestellt und erläutert von Friedrich Schlegel. Leipzig: Bei J.C. Hinrichs, 1810; Das Lied der Nibelungen/Metrisch übersetzt von D. Johann Gustav Busching. Altenburg und Leipzig: F.A. Brockhaus, 1815. Об этом см.: Бокариус М.В. Путеводитель по библиотеке Всероссийского музея А.С.Пушкина. СПб., 2000. С. 250—251, 253, 254.

⁷ Александр II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 53.

⁸ Фрейганг Василий Васильевич (1816—1898), воспитанник VIII курса (1832—1836).

⁹ Интересные сведения о В.И.Фрейганге, дополняющие материалы Э.Хексельшнайдера, содержатся в дневниковых записях члена Государственного совета П.И.Кутайсова (1780—1840) о встречах с русским послом во время путешествия по Германии. Эти документы обнаружены Л.Б.Михайловой в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки.

¹⁰ Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986. С. 312—313 («Зонненштейн»; 1853).

¹¹ Там же. С. 313. Для современного человека название этой клиники связано и с событиями Второй мировой войны: в этом лечебном заведении нацисты уничтожили сотни психически больных людей.

¹² Там же. С. 314 («Бастей»; 1853).

¹³ СПб., 1890—1907. 82 основных и 4 дополнительных тома.

¹⁴ В письме к Ф. Шлегелю Кнорринг сообщал о том, что авторы, книги которых находились в его собрании, имели достаточно большое влияние в русском обществе. Например, Жуковский был наставником будущего императора, а Грибоедов — русским послом в Персии.

¹⁵ Автор монографии проводит множество свидетельств интереса немецких литераторов и лекционеров к творчеству и личности Пушкина. Например, о трагических событиях января 1837 года, дуэли и гибели поэта в Саксонии узнали из донесений саксонского посла в Петербурге Карла Августа Лютзероде (Carl August Luetzerode), который и сам пытался переводить стихи Пушкина на немецкий язык.

¹⁶ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 13. Кюхельбекер продолжает: «<...> он (Тидке.— Л. М., М. Ш.) хочет их (стихотворения.— Л. М., М. Ш.) переложить и поместить в журнале, который в непродолжительном времени будет издаваться в Германии». Издателем этого журнала стал Иоганн Кинд (Johann Friedrich Kind; 1768—1843).

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ МУЗЕЙНОЙ ПУШКИНИАНЫ (1879—1999)

1879 — открытие Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея.

1880 — открытие памятника А.С.Пушкину в Москве;

— открытие мемориальной доски на доме Волконских по набережной реки Мойки в Петербурге, где жил и умер А.С.Пушкин.

1899 — открытие пушкинских выставок в Академии наук в Петербурге и в Румянцевской библиотеке в Москве;

— выход в свет первого каталога «Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея».

— приобретение в государственную собственность у потомков поэта села Михайловское.

1905 — основание Пушкинского Дома при Российской Академии наук.

1906 — приобретение Пушкинским Домом у внука поэта библиотеки А.С.Пушкина.

1911 — первое факсимильное издание рукописей А.С.Пушкина, хранившихся в Пушкинском музее Императорского Александровского Лицея;

— открытие первой экспозиции в селе Михайловское;

— приобретение в государственную собственность у потомков поэта имения Болдино.

1917 — объединение фондов Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея и Пушкинского Дома.

1918 — принятие крестьянским сходом села Большое Болдино решения взять пушкинскую усадьбу «на предохранительный учет».

1922 — постановление Совнаркома об объявлении государственным заповедником усадеб Михайловское, Тригорское и могилы А.С.Пушкина;

— открытие Первой отчетной выставки Пушкинского Дома при Российской Академии наук «Пушкин и его современники».

1925 — передача Пушкинскому Дому помещения последней квартиры А.С.Пушкина на набережной Мойки, 12.

1927 — открытие первой экспозиции в Музее-квартире А.С.Пушкина на Мойке, 12.

1928 — Получение Пушкинским Домом парижской коллекции А.Ф.Отто-Онегина.

1934 — вхождение Пушкинского заповедника в состав Пушкинского Дома, открытие пушкинской экспозиции в Михайловском.

1937 — открытие Всесоюзной Пушкинской выставки в залах Государственного Исторического музея в Москве.

1938 — постановление Совнаркома о создании Музея А.С.Пушкина на основе материалов Всесоюзной Пушкинской выставки.

1949 — открытие пушкинской экспозиции в Александровском дворце и в Царско-сельском Лицее;

— открытие пушкинской экспозиции в с. Болдино и Михайловском.

1953 — постановление Правительства СССР о выделении из состава Пушкинского Дома и создании самостоятельного музейного пушкинского комплекса — Всесоюзного музея А.С.Пушкина.

1958 — открытие Музея-дачи А.С.Пушкина в доме А.Китаевой (филиал Всесоюзного музея А.С.Пушкина).

1961 — открытие Государственного музея А.С.Пушкина в Москве.

1962 — открытие музейной экспозиции в Тригорском.

1963 — открытие экспозиции в восстановленном «господском доме» в с. Болдино.

1967 — открытие основной литературно-монографической экспозиции Всесоюзного музея А.С.Пушкина «Пушкин: Личность. Жизнь и творчество» в Церковном флигеле Екатерининского дворца (г. Пушкин).

1972 — открытие пушкинских музеев в Тверском крае (с. Берново, г. Торжок);

— открытие музея «Домик станционного смотрителя» в с. Выра (Ленинградская область).

1977 — открытие музейной экспозиции в Петровском.

1981 — открытие Музея-квартиры А.С.Пушкина в Москве (Арбат, 52).

1983—1987 — реконструкция музейного комплекса на Мойке, 12. Открытие новой экспозиции Музея-квартиры А.С.Пушкина после восстановления исторического архитектурного объема помещений.

1995—1997 — реконструкция музейного комплекса Государственного музея А.С. Пушкина на Пречистенке, 12 в Москве. Открытие новой экспозиции «Пушкин и его эпоха».

1999 — открытие после рэзкспозиции музейных объектов Всероссийского музея А.С.Пушкина (Санкт-Петербург), Государственного музея А.С. Пушкина (Москва), Государственных музеев-заповедников «Михайловское» и «Болдино», а также других пушкинских объектов в соответствии с государственной юбилейной программой подготовки к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина «Пушкин и современность».

Указатель произведений А.С.Пушкина

- Андрей Шенье («Меж тем как изумленный мир...») 126, 128
Анчар («В пустыне чахлой и скупой...») 57
Арап Петра Великого 258
Арион («Нас было много на челне...») 151
«Беги, сокройся от очей...» (Вольность. Ода) 74, 80, 96
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи...») 256
Борис Годунов 57, 126, 127, 292
«Будь подобен полной чаше...» 265
Буря («Ты видел деву на скале...») 56
«В крови горит огонь желанья...» 57
«В пустыне чахлой и скупой...» (Анчар) 57
«Весна, весна, пора любви...» 149
«Вкруг я Стурдзы хожу...» (Стансы на Стурдзу) 80
«Во глубине сибирских руд...» 130
«...Вновь я посетил...» 109
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей...») 74, 80, 96
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») 257
«Всей России притеснитель...» («На Аракчеева») 64
«Всё в жертву памяти твоей...» 56
Выздоровление («Тебя ль я видел, милый друг?...») 96
Граф Нулин 4, 122—138, 149
19 октября («Роняет лет багряный свой убор...») 128
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») 74, 80
«Для берегов отчизны дальней...» 57
Дневники 5, 79, 80
Домик в Коломне 89, 96, 255
Дубровский 257
«Духовной жаждою томим...» (Пророк) 57, 258, 265, 269
Евгений Онегин 3, 4, 20—22, 57, 133, 178—190
Египетские ночи 266, 268
Езерский 96
Желание славы («Когда, любовью и негой упоенный...») 57
«Завидую тебе, питомец моря смелый...» 7
Заметка «О графе Нулине» 122—124, 127—129, 134, 136, 137
Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права...») 263
История Петра 91
История Пугачевского бунта 91, 127, 153
К *** («Я помню чудное мгновенье...») 56
К Морфею см. Морфею
К морю («Прощай, свободная стихия...») 57
К Орлову, отсоветовавшему мне вступить в военную службу («О ты, который сочетал...») 77, 78
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») 74, 130, 133
Кавказский пленник 291
«Как бурею пловец...» 149
«Как ныне собирается вещий Олег...» (Песнь о вещем Олеге) 256
Каменный гость 261
Капитанская дочка 252, 256—258, 260
Клеопатра («Царица голосом и взором...») 266—268
«Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» (Эпиграмма на Шаликова) 21
«Когда, любовью и негой упоенный...» (Желание славы) 57
Критические заметки 127

- «Куда ты холоден и сух!...» (Русскому Геснеру) 194
- «Любви, надежды, тихой славы...» (К Чаадаеву) 74, 130, 133
- Маленькие трагедии 257, 261
- Медный всадник 96, 254, 255, 263
- «Меж тем как изумленный мир...» (Андрей Шенье) 126, 128
- Метель 35, 38
- «Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...» (Труд) 188
- Морфей («Морфей! до утра дай отраду...») 57
- Моцарт и Сальери 261, 263
- «Мчатся тучи, вьются тучи...» (Бесы) 256
- «Мы проводили вечер на даче...» 267, 268
- <На Аракчеева> («Всей России притеснитель...») 64
- На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году («Утихла брань племен; в пределах отдаленных...») 40
- <На Стурдзу> («Холоп венчанного солдата...») 74, 80
- «На углу маленькой площади...» 91
- «На юге, в мирной темноте...» (Эллеферия) 130
- «Навис покров угрюмой ночи...» (Воспоминания в Царском Селе) 257
- Наперник («Твоих признаний, жалоб нежных...») 265, 269
- «Нас было много на челне...» (Арион) 151
- «Не дорого ценю я громкие права...» (Из Пиндемонти) 263
- Нереида («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...») 57
- «Ночной зефир...» 57
- О народном воспитании 150—152
- О новейших блюстителях нравственности 127
- «О ты, который сочетал...» (К Орлову, отсоветовавшему мне вступить в военную службу) 77, 78
- «Однажды странствуя среди долины дикой...» (Странник) 263
- «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...» (Осень) 188
- Опровержение на критики 127
- Осень («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...») 188
- Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
- Песни о Степке Разине 127
- Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещей Олег...») 256
- Пиковая дама 4, 56, 57, 174, 250—255
- Пир во время чумы 57, 261
- Письма:
- Александру I (начало июля — сент. 1825; черновое) 80, 81
- И. Е. Великопольскому (3 июня 1826) 191—196
- В. Ф. Вяземской (20-е числа апр. 1828) 22
- П. А. Геземскому (27 мая 1826) 194, 195
- Н. И. Гнедичу (апр.— май 1820) 82
- А. А. Дельвигу (начало февр. 1826) 129
- В. А. Жуковскому (31 окт. 1824) 148
- П. А. Плетневу (4—6 дек. 1825) 128
- П. А. Плетневу (7 марта 1826) 125, 126
- Н. Н. Пушкиной (6 мая 1836) 176
- Л. С. Пушкину (сент.— окт. 1822) 183
- Л. С. Пушкину (30 янв. 1823) 194
- Л. С. Пушкину (янв.— начало февр. 1824) 132, 133
- Л. С. Пушкину (не позднее 20 дек. 1824) 132
- А. А. Фукс (20 февр. 1836) 91
- Повести Белкина 184, 252
- «Под небом голубым страны своей родной...» 149
- Полтава 257
- Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» («Так элегическую лиру...») 193
- «Поэт-игрок, о Беверлей-Горацій...» 193
- Поэту («Поэт, не дорожи любовью сегодня...») 57
- «Приветствую тебя, пустынный уголок...» (Деревня) 74, 80
- Признание («Я вас люблю — хоть я бешусь...») 195
- Пророк («Духовной жаждою томим...») 57, 258, 265, 269
- «Прощай, свободная стихия...» (К морю) 57
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава...») 184
- «Редет облаков летучая гряда...» 57
- Роман на Кавказских водах 32
- «Роняет лет багряный свой убор...» (19 октября) 128
- Рославлев 38
- Русалка 239
- Руслан и Людмила 66, 67, 96, 185, 292

- Русскому Геснеру («Куда ты холоден и сух!...») 194
- Сказка о золотом петушке 257
- Сказка о попе и о работнике его Балде 260
- Сказки. Ноël («Ура! в Россию скачет...») 74
- Скупой рыцарь 261
- «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» (Нереида) 57
- Стансы на Стурдзу («Вкрут я Стурдзы хожу...») 80
- Станционный смотритель 260
- «Стишки для вас одна забава...» (Разговор книгопродавца с поэтом) 184
- Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») 263
- «Счастлив, кто избран своенравно...» 265, 269
- «Счастливы ты в прелестных дурах...» 20
- «Так элегическую лиру...» (Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков») 193
- «Твоих признаний, жалоб нежных...» (Наперсник) 265, 269
- «Тебя ль я видел, милый друг?...» (Выздоровление) 96
- Труд («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...») 188
- «Ты видел деву на скале...» (Буря) 56
- «Ура! в Россию скачет...» (Сказки. Ноël) 74
- «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...» (Царскосельская статуя) 57
- «Утихла брань племен; в пределах отдаленных...» (На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году) 40
- Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой!...») 57
- «Холоп венчанного солдата...» (<На Стурдзу>) 74, 80
- «Царица голосом и взором...» (Клеопатра) 266—268
- Царскосельская статуя («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...») 57
- Цветок («Цветок засохший, безуханной...») 57
- Цыганы 126
- Эпиграмма на Шаликова («Князь Шаликов, газетчик наш печальный...») 21
- Эллеферия («На юге, в мирной темноте...») 130
- <В.В.Энгельгардту> (N.N.) («Я ускользнул от Эскулапа...») 89
- «Я вас любил: любовь еще, быть может...» 57
- «Я вас люблю — хоть я бешусь...» (Признание) 195
- «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 57
- «Я помню чудное мгновенье...» (К ***) 56
- «Я ускользнул от Эскулапа...» (N.N.)
- <В.В.Энгельгардту> 89

Указатель имен

- Агамалян Л.Г. 70, 72
Адамс Г. 276
Адарюков В.Я. 16
Ажинова К.П. 48
Азаревичева Н.А. *см.* Новицкая Н.А.
Айвазовский И.К. 45
Айвазовские 25
Аксаков И.С. 219
Александр I (Александр Павлович) 14, 44, 60—64, 66—72, 74, 78—84, 117, 132, 171, 175, 201, 258
Александр II (Александр Николаевич) 28, 171, 205, 289, 293
Александр III 19
Александра Федоровна, имп. 27, 28, 44, 141, 163, 164, 289
Александрова Т.Г. 4, 153—177
Алексеев М.П. 137, 182—184, 190, 281
Аллен К.-У. 138
Аллер С. 90
Альдини 180
Альфieri В. 129
Алябьев А.А. 38
Алябьева (Римская-Корскова) Е.А. *см.* Офросимова Е.А.
Аммосов А.Н. 4, 220—236
Аммосов Н.А. 220
Аммосова (Волохова) М.Д. 221, 222
Амшинская А.М. 63, 71
Анна Иоанновна, имп. 107
Анна Леопольдовна, правительница 107
Анна Павловна, вел. кн. 40
Анненков (?) 164, 165
Анненков П.В. 71, 73, 75, 76, 83, 84, 222, 235
Анненкова (Гагарина) 164
Антипова Т.И. 100, 103
Антонов М.И. 208, 210
Антонова М.Ц. 48
Антропов М. 87
Анучин Д.Н. 115
Апраксин А.Ф. 91
Апраксин А.П. 91
Апраксин И.А. 86, 87, 89—97
Апраксин Н.П. 91
Апраксин П.А. 91
Апраксин П.И. 91
Апраксин П.М. 91
Апраксин С.Ф. 232, 247
Апраксин Ф.М. 91
Апраксина Ал-дра П. 91
Апраксина Анастасия П. 91
Апраксина В.П. 91
Апраксина М.М., царица 91
Апраксина М.П. 91
Апраксина П.П. 91
Апраксина (Голицына) Е.В. 172, 174
Апраксина (Остафьева) Н.А. 91
Апраксина (Волькенштейн-Валедштейн) М.А. 91
Апраксина (Одоевская) Н.И. 91
Апраксина Е.И. *см.* Новосильева Е.И.
Апраксина Е.С. *см.* Куракина Е.С.
Апраксина С.С. *см.* Щербатова С.С.
Апухтин А.Н. 219
Аракчеев А.А. 4, 59—72, 74, 75, 78—81, 83
Аракчеева Е.А. 66
Арапов П. 196
Арапова (Ланская) А.П. 24, 26, 30
Арендт Н.Ф. 166, 176
Арина Родионовна 44, 56, 94, 96
Аринштейн Л.М. 84
Аронзон Л. 249

- Архангельская Н.Э. 48
Архаровы 32
Асафьев Б.В. 53
Ахматова (Горенко) А.А. 9, 53, 58, 249
Ахшарумов Н.Д. 215
- Багратионы 32
Базили К.М. 162, 170, 175
Байдукевич У.Ф. 48
Байков И. 59
Байрон Д. 125, 126, 137, 183, 186, 187
Бакунин А.П. 120, 121, 219
Балакин Ю.А. 83
Балашовы 32
Балкашин (?) 167, 168
Балугьянский М.А. 71
Баратынский Е.А. 150, 185, 190, 215
Барсков Л.Л. 56
Бартенев П.И. 71, 74—76, 79, 83, 84, 97, 137, 153
Барулин В.Н. 138
Баршев Я.И. 206, 210
Барышников Н.И. 203, 210
Барышникова М.И. см. Миллер М.И.
Барюш М. 3, 20, 22
Баторская Е.А. 48
Батюшков К.Н. 219, 287, 289—292
Бах Р. 11
Бахтин М. 185
Бачманова М.Б. 111, 114
Бекетова 33
Бекетовы 32
Беклешов В.Н. 191, 195
Беклешов Н.А. 99
Беклешов П.Н. 195
Беклешова П.Б. 99
Беклешова (Осипова) А.И. 99, 195, 246
Белинский В.Г. 123, 137, 218
Белозерская Н.А. 115
Белоруков Д. 121
Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 254, 255
Беляев А. 58
Беляев М.Д. 15, 18, 19, 24, 25, 29, 30, 48—50, 52, 54—58
Беляев П.П. 101
Бенедиктов В.Г. 155, 157, 161, 162, 175
Бенкендорф А.Х. 71, 78, 84, 150, 152, 191, 223, 224
Бенуа А.Н. 10, 53, 250, 263
Беранже П.Ж. 130—134, 137, 138
Березкина С.В. 4, 264—269
Бёрк Э. 182, 183, 190
- Бернс Р. 277
Бернштам Л. 43
Бестужев (Марлинский) А.А. 132, 165, 176
Бестужев-Рюмин М.П. 149
Бетман, путешественник 166
Беттихер Г.И. 195
Бетховен Л.В. 57
Бибииков И.Г. 289
Бирюков П. 121
Благово Д.Д. 32, 39, 121
Блок А.А. 254, 255
Блок Э.Ю. 51
Блум, дат. посланник 169
Блэр Х. 274—277
Бобров А.И. 86, 88
Бокариус М.В. 293
Болховитинов Е. см. Евгений (Болховитинов), митр.
Большаков, рабочий 57
Болычев П.И. 100
Бонди С.М. 264—267
Боровков А.Д. 141
Боровская (Пушкина) Е.А. 113, 115
Боровский К.А. 113
Бородин А.П. 57
Борщов С.С. 86, 88
Боултон М. 276
Боценталь Е.А. 159
Боцяновский В.Ф. 148, 149, 151
Бошняк А.К. 146
Брадке Е.Ф. фон 65, 71, 72
Брант А.Ф. 100
Брант К.Ф. 100
Браун (Броун) И.Е. 204, 210, 211
Браун Л. (К.) 277
Брегет Л. 40
Брейткопф Б. 288
Бродский И.А. 249
Бродский Н.Л. 178, 181, 184, 187, 190
Брокгауз Ф.А. 291
Броневский Д.Б. 200, 202, 210
Брюллов К.П. 10, 161, 162, 175
Будкин Ф.О. 18, 19
Бужо А.Л. 205, 211
Буковская Т.С. 4, 248—249
Булгаков А.Я. 235
Булгарин Ф.В. 176, 193, 199, 211, 218
Булла К. 43
Булыго С.И. 244
Бурцов И.Г. 289
Буслаев Ф.И. 204, 211

- Бутурлины 21
Бэлза С.И. 178
Бюцов Е.К. 209, 211
- Вагнер И.Ф. 63, 64, 71
Валентин, «мусье» 36
Варламов А.Е. 57
Васильев М.Е. 106
Васильев-Ушкуйник Ф.А. 103, 106
Васильчиков И.В. 65, 74, 79
Васильчиков Л.В. 143
Веджвуд Дж. 276
Ведров В.М. 204, 211
Вейнер П.П. 16
Великопольский И.Е. 191—196
Величанский А. 248, 249
Венгеров С.А. 16, 148, 151
Веневитинов Д.В. 150
Вензель Е. 248
Вересаев В.В. 84, 153
Верхотуров Н.И. 42
Вигель Ф.Ф. 59, 60, 70, 73, 83, 84
Визберг С. 57
Визеринг У. 276
Вильк Е. А. 246
Вильгельм, принц Оранский 40
Вильмонт К. 286
Вильмонт М. 286
Вильнер В.С. 4, 254—255
Виноградов В.В. 190
Витали И.П. 49, 53
Витберг А.Л. 70
Воеводин В. 41
Воейков, багетчик 25, 27
Военский К.А. 16
Войналович Е.В. 235
Волков Н.А. 166, 176
Волкова (Оболенская) Е.А. 166, 176
Волконская С.Г. 66
Волконские 8, 32, 54, 294
Волконский Г.С. 66
Волконский П.М. 65—67, 69, 71, 76, 84
Волохова М.Д. см. Аммосова М.Д.
Волькенштен (Валедштейн) М.А. см.
Апрксина М.А.
Вольский А. 184
Вольтер (Аруэ М.Ф.) 5, 183, 274
Вольховский В.Д. 117, 118
Вордсворт У. 56, 277
Воронина В.З. 153, 154
Воронина Е.З. 153—175
- Воронов П.А. 236
Врангель Н.Н. 19
Вревская Н.П. 4, 237—247
Вревская С.А. 237, 238
Вревская С.Б. 241, 242, 244, 246, 247
Вревская (Вульф) Е.Н. (Зизи) 98—100, 103, 237, 238, 241—244, 246, 247
Вревская (Лопухина) С.Н. 247
Вревская (Сердобина) М.М. 239, 245, 246
Вревская (Храповицкая) А.М. 247
Вревская М.Б. см. Карпова М.Б.
Вревский А.Б. 238, 243, 247
Вревский Б.А. 98—100, 245—247
Вревский М.С. 238—247
Вревский 2-й П.А. 243, 244, 247
Вревский С.Б. 99, 100, 240, 241, 243, 244, 246, 247
Врубель М.А. 10
Всеволодов В.И. 195
Вульф А.Н. 100, 237—239, 243, 246
Вульф Е.Н. см. Вревская Е.Н.
Вульф Н.И. 98, 246
Вульф П.А. см. Осипова-Вульф П.А.
Вындомская Е.А. см. Ганнибал Е.А.
Вындомская П.А. см. Осипова-Вульф П.А.
Вяземская (Гагарина) В.Ф. 21, 22, 193
Вяземский П.А. 20—22, 27, 32, 39, 77, 80, 84, 150, 185, 188, 190, 193, 194, 222, 235, 287, 290, 291, 293
- Гаврилов 2-й Г.Ф. 208, 211
Гагарин И.С. 224, 235
Гагарин Ю.П. 164, 176
Гагарина (Рахманова) Л.А. 164, 176
Гагарина С.П. см. Оболенская С.П.
Гаевский В.П. 12, 13
Галкина Т.И. 3, 42—46
Гальберг С.И. 49
Галышкин С.А. 48, 50, 54—56
Ганглебов, поручик 141
Ганнибал А.Е. 105
Ганнибал А.П. 107—109, 112, 258
Ганнибал А.С. 115
Ганнибал А.Я. 105
Ганнибал Иван А. 109, 111, 112, 115
Ганнибал Исаак А. 108—111, 114
Ганнибал О. (И.) А. 108—115
Ганнибал П.А. 108, 109, 111, 112, 114, 115
Ганнибал Я.И. 241, 246
Ганнибал (Вындомская) Е.А. 241, 246
Ганнибал (Пушкина) М.А. 94, 96, 109—112

- Ганнибал (Чихачева) А.А. 114
 Ганнибал А.А. *см.* Неелова А.А.
 Ганнибал Елизавета А. *см.* Пушкина Е.А.
 Ганнибал Н.О. *см.* Пушкина Н.О.
 Ганнибалы 103
 Гаррис М.А. 102, 103, 106
 Гаррисон, англичанин 208
 Гартман Н.Н. 201, 211
 Гартунг (Пушкина) М.А. 27—29
 Гау В. 25, 26
 Гвидо VI 179
 Жежелинский И.И. 208, 211
 Гейден, граф 101
 Гейцыг П.В. 15—19
 Геккерн де Беверваард Л.Б. 176
 Геллер П.И. 3, 42—46
 Гельвещий К.А. 276
 Геннади Г.Н. 213
 Георг III 275—277
 Георгиевский П.Г. 206, 211
 Гердер И.-Г. 293
 Геркен Е.Г. 48
 Гернгросс, тайный сов. 221
 Герцен А.И. 70, 218
 Гершензон М.О. 32, 39
 Геснер 193
 Гессен С.Я. 123, 129, 130
 Гете И.-В. 8, 254, 258, 287
 Гиббон Э. 274
 Гибсон Э. 283
 Гидон Г.И. 50
 Гизетти А.А. 56
 Гизо Ф. 130, 134
 Гиллельсон М.И. 190
 Гинзбург М. 58
 Гинзбург Э. 58
 Гирс Н.К. 211
 Гладкий А.К. 56
 Глазков, поэт 248
 Глазунов А.К. 57, 263
 Глазунов И.С. 263
 Глаубич А.А. 105
 Глинка М.И. 57
 Глинка Ф.Н. 65, 71, 73, 74, 82, 84, 289
 Гнедич Н.И. 64, 74, 82
 Гоголь Н.В. 3, 40, 42—46, 110, 196, 254, 255, 260
 Голдсмит О. 277
 Голицын А.М. 21
 Голицын А.Н. 69, 70, 71, 79
 Голицын Д. 34
 Голицын Д.В. 117
 Голицын Л.М. 21
 Голицын Н.В. 86
 Голицын Ф.С. 36, 39
 Голицына М.А. 34, 39
 Голицына (Чернышева) Н.П. (Пиковая дама) 155, 156, 161, 162, 164, 172, 174, 251
 Голицына С.В. *см.* Строганова С.В.
 Голицыны 32
 Голлербах Э.Ф. 43—46, 53
 Голубев В.З. 108, 115
 Гомер 5, 188
 Гончарова А.Н. 25, 26, 169, 175
 Гончарова Е.Н. 169, 175, 176
 Гончарова Н.Н. *см.* Пушкина Н.Н.
 Гончаровы 85
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 188, 193
 Горбунова С.И. 37
 Горбуновы 37
 Гордин А.М. 46, 83
 Гордин Я.А. 142, 145
 Городецкий Б.П. 149
 Горсткин И.Н. 120
 Горчаков А.М. 219
 Гофман М.Л. 20, 21
 Гофман Э.Т.А. 255
 Гохштейн Е.Б. 48
 Гохштейн М.Н. 48
 Горчаков А.М. 86—88
 Граббе М.А. 291
 Граббе П.А. 291
 Граммон 36
 Гревениц П.Ф. 86, 88
 Гремяцкая Е.М. 153, 154
 Греч Н.И. 63, 71, 80, 81, 163, 176, 211, 218
 Гречанинов А.Т. 57
 Грибовская В.А. 4, 270—272
 Грибовский М.К. 117
 Грибоедов А.С. 32, 39, 87, 163, 292, 293
 Грибоедова С.А. *см.* Римская-Корсакова С.А.
 Грибоедовы 32
 Григори, профессор 135
 Григоров А.А. 17, 19, 39
 Григорьев О. 249
 Гринберг Л.Н. 193
 Гриневская И.А. 48
 Гроздов Ф.В. 199, 201, 205, 211, 218
 Громан, «иностранец» 90
 Громбах С.М. 184, 190
 Гроссман Л.П. 83, 184
 Гроссман Ш.Г. *см.* Карпова Ш.Г.

- Гроссманы 103
Грот Я.К. 89, 206, 209, 212
Гудович А.А. *см.* Трубецкая А.А.
Гулидов М.П. 113
Гулидова (Пушкина) Х.А. 113, 115
Гумилев Н.С. 249
Гурьев Д.А. 59, 60, 67, 69, 71, 175
Гурьева Е.Д. *см.* Сверчкова Е.Д.
Гусев Н.Н. 121
Гюго В. 159
Гюндерроде М. 154
- Д'Абрантес, писательница 175
Давид д'Анже П.Ж. 263
Даву Л.Н. 33
Давыдов В.Л. 289
Давыдов Д.И. 289
Давыдов М.А. 84
Давыдова (?) 60, 61
Давыдова Е.Е. 70
Давыдовы 32
Даль В.И. 153, 167—169
Данзас Б.К. 120, 150
Данзас К.К. 176, 220, 222—224, 235
Данилевский Н.Я. 215
Данилин Ю. 138
Данте Алигьери 169, 216, 222
Дантес Геккерт Ж.Ш. 169, 170, 176, 177, 224
Дарвин Э. 276
Даргомыжский А.С. 57
Дашков П.Я. 16
Дашкова Е.Р. 274, 275, 286
Де Бриер Лефорт 36
Делакруа Э. 258
Дельвиг А.А. 12, 129, 151, 215
Дельвиг С.М. 56
Дементьев М. 30
Демидов П.Г. 91, 92
Демчинский М.М. 90
Ден В.И. 221, 235
Депрерадович Н. 21
Державин Г.Р. 9, 10, 12, 40, 53, 292
Джером Д.К. 179
Джонсон С. 277
Дивовы 166
Дядло Ш.-Л. 19
Диккенс Ч. 260
Дитрих А. 291
Дмитриев М.А. 70
Дмитриевский И.А. 193
Добровольская Д.М. 4, 220—236
Добровольская Е.Б. 4, 139—145
Добролюбов Н.А. 218
Добужинский М.В. 263
Долгорукая 156
Долгоруков П.В. 97, 224, 235
Доливо-Добровольский А.О. 53
Долинин В.Э. 4, 248—249
Долматовская О.П. 57
Домашёв А. 248
Донателло (Дonato ди Николло ди Бетто Барди) 263
Дондуков-Корсаков А.М. 221, 235
Достоевский Ф.М. 252, 254, 255, 263
Дружников Ю.И. 77, 83, 84
Дубельт М.Л. 27
Дубельт (Пушкина) Н.А. *см.* Меренберг Н.А.
Дубенский, полковник 92
Дубровин В. 92
Дурасов Н.Н. 155, 159, 167, 174
Дэрхем У. 276
Дюма А. (отец) 170, 177, 209, 212
Дятлев С.П. 15
Дятка, «немец» 36
- Евгений (Болковитинов), митр. 115, 140—144
Евреинов М.М. 140, 145
Европеус А.И. 215
Егоров И.Е. 83
Екатерина I 258
Екатерина II 32, 91, 110, 258, 274, 277, 287, 293
Екатерина Ивановна, царица 107
Елагин П.Н. 56
Елизавета Петровна, имп. 107
Елисеева Т.В. 30
Енгальчев, помещик 33
Енгальчевы 32
Епатко Ю.Г. 3, 14—19
Епифанов, художник 253
Ермолов А.П. 32, 213
Ермолова А.П. 32
Ермоловы 60
Есаков Е.С. 215
Ефремов П.А. 269
Ефрон И.А. 291
- Жарновский С.Н. 48—52, 54, 55
Жемчужников А.А. 161, 162, 175
Жемчужников А.М. 219
Жемчужников А.Н. 175
Жирарден Д. 175

- Жирмунский В.М. 53, 186, 190
 Житков Б.С. 263
 Житомирская С.В. 23
 Жуйкова Р.Г. 31—39, 151
 Жуковский В.А. 40, 42—46, 74, 90, 148, 176, 218, 222, 235, 266, 267, 287—290, 292, 293
 Завадовский П.В. 286
 Завитаев П.В. 48, 54
 Завитаева В.Р. 48, 54
 Загоскин М.Н. 163, 175, 199, 212
 Загряжская Н.К. 20, 287
 Закревская А.Ф. 28
 Зан Т. 156, 175
 Затлер Ф.К. 231, 232
 Звезденкова Е.В. 272
 Зельтер 180
 Зеленин К.А. 48
 Зенков С.Н. 48
 Знаменский, д-р 193
 Золотусский И. 46
 Зубков В.П. 120, 150
 Зубов П.А. 287
 Иван IV Грозный 43, 45
 Иван V 107
 Иван (Иоанн) VI 107
 Иваненко А. 187
 Иванов А.А. 45
 Иванов Н.И. 52
 Иванов Петр 144
 Иванов Прохор 139, 142—144
 Иванов Н.А. 200, 212
 Ивановский И.А. 206, 212
 Ивашев В.П. 55, 56
 Иезуитов А.Н. 4, 122—138, 138
 Иезуитова Р.В. 4, 146—152
 Измайлов Н.В. 50, 54—56, 152, 264, 265
 Иллйчевский А.И. 215
 Ильин Б.П. 193
 Ильина П. 57
 Ильина Е.Ф. *см.* Кобеко Е.Ф.
 Инзов И.Н. 74, 83
 Каверин П.П. 178, 189, 289
 Казанович Е.П. 50
 Казанский Б.В. 23
 Казначеев В.П. 135
 Кайданов Н.И. 215
 Калаушин М.М. 43, 46
 Калмыков П.Д. 206, 212
 Камерон Ч. 277
 Каминская Э. 57
 Какрин Е.Ф. 72
 Каподистрия И.А. 74
 Карабанов, лицеист 200
 Каразин В.Н. 73, 74, 81
 Карамзин Н.М. 9, 11, 12, 40, 65, 73, 74, 82, 96, 126, 274, 286—288, 290, 291
 Карамзина С.М. 193, 224
 Каратыгин П.А. 21, 23, 45
 Кардовский Д.Н. 46
 Карл I 274
 Карл V 274
 Карл X 169
 Карл Леопольд, герцог Мекленбургский 107
 Кармазинская М.А. 235
 Карпов, пред. Союза просвещения 52
 Карпов А.С. 98
 Карпов А.Ф. 99
 Карпов Б.Г. 99—101, 243, 244, 247
 Карпов В.Ф. 99
 Карпов Г.Г. 99
 Карпов Г.Ф. 98—100, 103, 247
 Карпов П.Ф. 98—103, 241, 247
 Карпов Ф.А. 98—100, 103, 105
 Карпова А.Ф. 99, 100
 Карпова Г.Г. 57
 Карпова Е.Ф. 99
 Карпова М.П. 100, 101, 241
 Карпова Н.Ф. 99
 Карпова (Вревская) М.Б. 98—100, 247
 Карпова (Гроссман) Ш.Г. 99, 100, 105
 Карпова (Назимова) М.Л. 100, 101
 Карпова (Янович-Сиверс) М.А. 100, 101, 241, 247
 Карпова Е. (З.) Г. *см.* Койшевская Е.Г.
 Карпова Н.П. *см.* Назимова Н.П.
 Карцев 2-й И.Н. 200, 212
 Кастлриг, лорд 180
 Кастюс, «мамзель» 36
 Катенин А.А. 16, 17
 Катенин Е.А. 15, 18, 19
 Катенин М.И. 16, 17
 Катенин П.А. 3, 14—19
 Катенины 19
 Катков М.Н. 204, 212
 Каховский П.Г. 149, 150
 Кашкин Н.С. 203, 212, 215
 Кашкин С.И. 203
 Кашкина (Миллер) Е.И. 203
 Кваренги Д. 245

- Кёлер Г.Д. 288
Кельчевский А. 3, 5
Кемпбелл, историк 274
Керр Дж. 276
Кибальник С.А. 137
Кин Э. 177
Кинд И. 293
Кипренский О.А. 49, 121, 219
Киреевский В.И. 201, 212
Киреевский И.В. 150, 201, 212, 218
Киселев П.Д. 76—78, 84
Китаева А.К. 8, 11, 43, 44, 295
Кларк С. 276
Клевцова Л.А. 48
Климов М.Г. 51, 53, 55
Клокачев А.Ф. 89, 90, 96
Кнорринг К. фон 292, 293
Кобеко Д.Д. 210, 212
Кобеко Д.Ф. 197—219
Кобеко Н.Ф. 199, 206, 208, 213
Кобеко Павел Ф. 213
Кобеко Петр Ф. 213
Кобеко Ф.Ф. 199, 213
Кобеко (Ильина) Е.Ф. 199
Кобеко (Шакеева) О.А. 210
Кобеко О.Д. см. Шмидт О.Д.
Ковалев Г. 248
Ковалевский В.О. 219
Ковалевский М.Е. 219
Козлов Н. 81, 94
Козловские 34
Козловский, кн. 33
Козодавлев О.П. 287
Койшевская (Карпова) Е.Г. 99, 242, 247
Койшевский А. 247
Кок П. де 209, 213
Коковкина М.А. 48
Кокошкин, обер-полицм. 203
Колошин Павел И. 4, 116—121
Колошин Петр И. 116—119
Колошина А.П. 118
Колошина С.П. 119, 120
Колошина (Олсуфьева) М.Н. 116, 118
Колошина (Салтыкова) А.Г. 117—119
Колридж (Кольридж) С.Т. 56, 277
Кольман К.И. 219
Комаров 52
Комовский С.Д. 219
Кондорсе Ж.А.Н. 5
Кони А.Ф. 51, 53
Коновницын П.П. 71
Константин Павлович, вел. кн. 78, 84, 141, 142, 144, 217
Копелев Л. 293
Корнилов А.А. 219
Корсаков Г.Г. 241, 247
Корсаков Г.С. 240, 241, 245, 247
Корсаков Н.А. 86—88
Корсакова О.Г. 241
Корф А.Ф. 90
Корф М.А. 90, 141, 219
Корфы 86, 89
Корчагин А.И. 268
Коссаковская (Лаваль) А.И. 166, 176
Коссаковский С.О. 176
Котко 191
Котляревский Н.А. 47, 48, 51, 53, 56, 57
Кочетов А.И. 213
Кочетов Б.И. 213
Кочетов И.С. 207, 213
Кочубей В.П. 59, 60, 67, 71, 81
Кошанский Н.Ф. 116
Кошиенко И.В. 182—190
Кречевская Л.И. 48
Кривулин В. 248, 249
Крылов И.А. 205
Кудрявцев, рабочий 57
Кузмин М.А. 53, 249
Кузьмин Р.О. 271, 272
Кузьминская Т.А. 121
Кузьминский К.К. 248, 249
Кузнецов Н.Н. 56
Куинджи А.И. 42, 46
Кук Дж. 277
Кукольник Н.В. 160, 175
Кулагин А.В. 190
Куницын А.П. 116
Кутриянов Б. 248
Куракин, действ. тайн. советник 72
Куракин А.Б. 245—247
Куракин Б.А. 247
Куракина (Апраксина) Е.С. 232, 247
Кутайсов П.И. 293
Кутузов М.И. 33, 34
Кутузов Я.В. 92
Кюхельбекер В.К. 86—88, 134, 138, 190, 202, 215, 288, 291—293
Кюхельбекер И. 292
Кюхельбекер К.Г. 288
Л., генерал 18
Лабзин А.Ф. 59, 60, 67, 70

- Лавали 26
 Лаваль (Козицкая) А.Г. 80
 Лаваль А.И. *см.* Коссаковская А.И.
 Лаврентьева Е. 181
 Лаврецов С.А. 45
 Лаврецова Г.А. 45
 Лавров А.А. 115
 Лагрене Т. 21
 Ладан 199
 Ладыженская (Лодыженская) С.М. 242, 247
 Ладыженский М.Е. 247
 Лайкевич С.А. 70
 Лансере Н.Е. 48—50, 54, 55, 57
 Ланская А.П. *см.* Арапова А.П.
 Ланская Е.П. 26, 29
 Ланская (Гончарова) Н.Н. *см.* Пушкина Н.Н.
 Ланская О.С. *см.* Одоевская О.С.
 Ланская С.П. 26
 Ланской Павел П. 26
 Ланской Петр П. 24—30
 Ланской С.С. 26
 Лапшин Г.И. 205, 213
 Лафонтен Ж. де 5
 Лачинов Н.Е. 175
 Лачинова (Шелашникова) Е.П. 158, 166,
 173—175, 177
 Лаш К.И. 29
 Лебедев, столяр 57
 Лебедев, художник 263
 Левкович Я.Л. 235, 269
 Левшин Д.М. 39
 Леконде-Летомбель Е.И. 48
 Лемап, актер 161
 Лён Слава 248
 Леонтьевский, проф. 209
 Лермонтов М.Ю. 18, 19, 131, 137, 196, 247
 Лернер Н.О. 53, 123, 137, 149, 151
 Лерхенфельдт М. 21
 Лесков Н.С. 203
 Лесной Д.С. 253
 Лефорт Ф.Я. 36
 Линецкая Э.Л. 177
 Лисовский 52
 Лифарь Серж (С.М.) 20
 Лодыгин Ф.М. 195, 196
 Локк Дж. 276, 281
 Ломоносов С.Г. 86—88, 219
 Лонгинов М.Н. 196, 223, 224, 235
 Лопухин, князь 72
 Лопухина С.Н. *см.* Вревская С.Н.
 Лопухины 32
 Лотман Ю.М. 73, 84, 178, 181, 182, 184, 187,
 190, 286
 Лувель Л.-П. 80
 Лукомский Г.К. 93, 97
 Луначарский А.В. 53
 Львов А.Ф. 65
 Львов Ф.П. 20
 Львова Е.Н. 65, 71
 Любимов 52
 Люблинский П.И. 108, 115
 Людовик XV 43—45
 Лютзероде К.А. 293
 Лютско Ю.М. 252—253
 Люций Юний 124
 Люш В.В. 272
 Лялин В.С. 213
 Лялин С.В. 207, 213
 Лялин С.С. 213
 Лямина Е.Э. 70

 Магарил Е.М. 254
 Магнитской 36
 Майборода А.И. 117, 121
 Майков А.А. 19
 Майков В. 149
 Майков Л.Н. 153, 174
 Маймон М.Л. 42
 Макаров И.К. 24—28, 30
 Маковский В.Е. 45
 Макферсон Дж. (Оссиан) 275
 Малиновский А.И. 202, 213, 214, 219
 Малиновский В.Ф. 11, 202, 214, 219, 274, 278
 Малиновский И.В. 202, 214, 219, 278
 Мальбранш Н. де 182
 Малышев П.А. 93
 Мандельштам Р. 249
 Мария Александровна, имп. 28
 Мария Николаевна, вел. кн. 28
 Мария Павловна, вел. кн. 144
 Мария Федоровна, имп. 39, 40, 214
 Марков А.И. 92
 Марков А.Н. 3, 24—30
 Марков А.Т. 26
 Маркова М.А. 92, 97
 Мартынов А. 138
 Мартынов Г.Г. 246
 Мартынов И.И. 40
 Марченко Н.А. 286
 Марченко В.Р. 61, 70, 72
 Маршак С.Я. 263
 Маслов Д.Н. 219

- Масловская З.Д. 48
Матвеева М.П. 39
Матюшкин Ф.Ф. 219
Маштафаров В. 121
Медведев Ю. 138
Медель, чиновник 221
Медерский Л. 89
Мейербер Дж. 175
Мейлах Б.С. 73, 80, 83, 84
Мелентьев М.М. 246
Мельникова В.А. см. Пушкина В.А.
Меншиков А.С. 65
Меншикова, княгиня 168
Мердок У. 276
Меренберг (Пушкина) М.А. 27
Меркурьев П. 61
Метнер Н.К. 57
Мечников Иван И. 209, 214
Мечников Илья И. 179
Микеланджело Буонарроти 263
Миллер Н.И. 203, 214
Миллер (Барышникова) М.И. 203
Миллер Е.И. см. Кашкина Е.И.
Милорадович М.А. 14, 64, 74, 81—83, 140, 141, 143
Мильтон Дж. 277
Милуков П.Н. 84
Мироненко М.П. 121
Мироненко С.В. 121
Митрохин, художник 263
Михаил, митр. 139
Михаил Павлович, вел. кн. 14, 141, 144, 158, 175, 217
Михайлов, рабочий 57
Михайлова Л.Б. 4, 287—293
Михайлова Н.И. 4, 178—181
Мицкевич А. 175
Мишин В.А. 4, 248, 250, 252, 253
Мобер, гувернер 199
Модзалёвский Б.Л. 15—17, 39, 47, 48, 50, 54, 56, 71, 74, 77, 83, 84, 101, 106, 115, 125, 195, 196
Моллер Ф.А. 45
Молоствов, лиценст 200
Молчанова 33
Мольер (Поклен Ж.Б.) 5
Монферран О. 157, 175
Мордвинов Н.С. 146, 284
Морев А. 249
Моррис, капитан 221
Мотовилова М.Н. 50, 55
Моцарт В.А. 51, 53, 263
Муравьев А.Н. 121
Муравьев М.В. 115
Муравьев-Апостол С.И. 133, 149, 150
Муравьев Н.Н. 34, 60, 61, 64, 116, 121
Муравьевы 60
Мусин-Пушкин Е. 141
Мусоргский М.П. 57
Мухортов, камер-юнкер 210
Мюнцлов (Минцлов) Р.И. 205, 214
Мюрат И. 33
Мясоедов П.Н. 219
Набоков В.В. 182—184, 190, 255
Набоков И.А. 195
Назимов В.Л. 100, 101, 241
Назимов Г.П. 191, 194, 195
Назимова В.П. 194
Назимова М.Л. см. Карпова М.Л.
Назимова (Карпова) Н.П. 100, 101, 241
Найденов В.Ф. 271, 272
Наполеон I Бонапарт 32, 263, 289
Нарбут, художник 263
Нарышкин (?) 158
Нарышкин А.Л. 292, 293
Нарышкин И.А. 20, 21
Нарышкина (?) 159
Нарышкины 32
Населенко Е.П. 50
Наумов А.А. 49
Нащокин, «некто» 21
Нащокин П.В. 8, 50
Невгина Е.М. 48
Невелев Г. 152
Неелов Авраам С. 113
Неелов Ал-др С. 113
Неелов В. 277
Неелов И. 277
Неелов Павел С. 113
Неелов Петр С. 113
Неелов С.С. 113, 115
Неелова (Ганнибал) А.А. 113
Неелова Е.М. см. Пушкина Е.М.
Неелова Е.С. 113
Неелова Р.С. 113
Некрасов Н.А. 8, 218, 225
Некрасов С.М. 3, 8—13
Нелединский-Мелецкий Ю.А. 40
Нелидов Ю.А. 23
Нельсон Г. 277
Нессельроде К.В. 146

- Нестеров К. 238
 Нефф Т.А. 24, 26, 28—30
 Нечкина М.В. 137, 138
 Никитенко А.В. 175
 Никифоров В.Г. 3, 98—106
 Николаев В.Н. 200, 214
 Николаев С.А. 57
 Николаев, монтер 57
 Николай К.-Ф. 285
 Николай I (Николай Павлович) 18, 21, 27, 28, 62, 68—71, 78, 118, 127, 129, 140—142, 144, 145, 148, 150, 151, 159, 161, 170, 175, 176, 194, 198, 200, 210, 217, 218, 223, 258
 Николай II 240, 243
 Николай Михайлович, вел. кн. 14, 19, 39, 71, 72
 Новиков Н.И. 139
 Новицкая (Азаревичева) Н.А. 14, 19
 Новицкий О.О. 19
 Новосильцев Н. 101
 Новосильцев Н.Н. 80
 Новосильцев Н.П. 91
 Новосильцева (Апраксина) Е.И. 91
 Нокс В. 276, 277
 Носиков, печник 57

 Ободовская И. 30
 Оболенская Е.А. *см.* Волкова Е.А.
 Оболенская (Гагарина) С.П. 177
 Оболенская (Шелашникова) А.П. 153—177
 Оболенский А.П. 172, 177
 Оболенский А.Ф. 206, 214
 Оболенский Е.П. 141
 Оболенский М.А. (1806—1873) 177
 Оболенский М.А. (1811—1866) 172, 173, 177
 Овидий 205
 Одоевская Н.И. *см.* Апраксина Н.И.
 Одоевская (Ланская) О.С. 26
 Одоевский А.И. 133, 138
 Одоевский В.Ф. 27, 56
 Оксман Ю.Г. 23
 Оленин А.Н. 4, 36, 39, 59—72, 74
 Оленин Г.Н. 65—67, 71
 Оленин Н.М. 71
 Оленин П.А. 67, 71
 Оленина А.А. 55, 56, 70
 Оленина В.А. 65, 66, 69—72
 Оленина (Савельева) Е.П. 71
 Оленины 55
 Олсуфьева Д.В. 28
 Олсуфьева М.Н. *см.* Колошина М.Н.

 Олсуфьевы 32
 Ольдекоп Е. (А.) И. 291
 Ольденбург С.Ф. 53
 Ольденбургский П.Г., принц 202, 203, 214, 219
 Онегин (Отто) А.Ф. 294
 Оноре-Пилсудская, певица 244
 Опочинин Е.А. 153, 174
 Орлов А.Г. 287
 Орлов А.Ф. 76—78, 84
 Орлов Г.Г. 20
 Орлов М.Ф. 84, 289
 Орнатская Т.И. 39, 121
 Осипов И.С. 195, 246
 Осипова А.И. *см.* Беклешова А.И.
 Осипова Е.И. *см.* Фок Е.И.
 Осипова М.И. 237, 241, 242, 246
 Осипова-Вульф (Вындомская) П.А. 98, 103, 105, 195, 237, 238, 241, 246
 Осипович Л.А. 40—41
 Остафьева Н.А. *см.* Апрксина Н.А.
 Офросимова (Римская-Корсакова) Е.А. 38
 Оффенберг П.Ф. 208, 214
 Охапкин О. 248

 П. В. 235
 Павел I 42, 43, 175, 213, 287, 288
 Павлищева (Пушкина) О.С. 5, 86, 94, 96, 99, 108, 114, 115
 Павлова Е.В. 43, 46
 Павлова С.В. 4, 197—219
 Павский Г.П. 204, 214
 Палацци Л. 49
 Пальмов М.И. 241, 242
 Пальчиков В.П. 120, 121, 150
 Панаев В.И. 193, 194
 Панаев И.И. 218
 Панин В.Н. 22
 Пановы 170
 Па́йчулидзе́в С. 39
 «Паскевичевы» 32
 Паской С.И. 86, 88
 Пассек Т.П. 70
 Пастернак Б.Л. 254
 Патон И.П. 200, 214
 Пашкова Е.Д. 34, 39
 Пашковы 165, 166, 168
 Пейсард, танцовщица 157
 Пентешев Л. 92
 Перевлесский П.М. 204, 205, 215
 Перельман А.С. 253

- Перовские, братья 166, 176
Перовский В.А. 153, 167, 168, 174
Персиани, чиновник 87
Песталоцци И.Г. 290
Пестель Б.В. 288
Пестель П.И. 133, 149, 288, 289
Петерсон 36
Петр I 15, 36, 43—45, 56, 91, 180, 181, 257—259, 263
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М.В. 200, 202, 215
Петров А. 150, 152
Петров П.Н. 19, 63
Петрова О.П. см. Сердобина О.П.
Пик де Бонне Э.В.В. 175
Пиниц Э.Г. 290, 291
Пиотровский А.И. 53
Платонов А.А. 48—50, 54, 55, 57, 58
Платонов С.Ф. 53—56, 58
Плетнев П.А. 83, 89, 90, 125—127, 218
Плутарх 5
Победоносцев К.П. 219
Погодин М.П. 218
Погосян Е.А. 181
Поздняк И.Д. 202, 215
Покровский А.А. 27
Полетика И.Г. 20
Полешко, ген.-лейт. 99
Полторацкие 39
Полторацкий 36
Полукетовы 180
Пономарев К.Н. 200, 202, 215
Пономарева С.Д. 202, 215, 219
Поп А. 277
Попов А.А. 20
Попов В.С. 39
Попов Г.С. 208
Попов М. 15
Попов П. 108, 115
Попов, домовладелец 94
Порошина, домовладелица 87
Поспелов Г. 121
Поспелов С. 92
Постель А.Ф. 199, 215
Потоцкий П. 39
Похлебкин В.В. 178—180
Преображенский П. 99
Принцева Г.А. 71
Пристли Дж. 276
Пролет Е.В. 3, 20—23
Протасова 155, 156
Протасевы 32
Пугачев Е.И. 91, 127, 153
Путята Н.В. 150, 152
Пушкин А.П. 113
Пушкин В.Л. 146, 148
Пушкин Г.А. 101, 239, 247
Пушкин И.А. 49
Пушкин К.И. 113
Пушкин Л.С. 76, 78, 84, 94, 96, 108, 126, 132, 183, 184, 194
Пушкин М.А. 110
Пушкин Н.И. 49
Пушкин С.Л. 5, 41, 82, 86, 89, 90, 94, 96, 115, 146, 148
Пушкина (Ганнибал) Е.А. 113
Пушкина (Ганнибал) Н.О. 32, 44, 86, 89, 90, 94, 96, 108—112, 114, 115, 246
Пушкина (Гончарова) Н.Н. 3, 21, 24—30, 37, 49, 55, 157, 169, 170, 176, 258, 260
Пушкина (Мельникова) В.А. 101
Пушкина (Неелова) Е.М. 113
Пушкина Елизавета А. см. Боровская К.А.
Пушкина М.А. (1745—1818) см. Ганнибал М.А.
Пушкина М.А. (1832—1919) см. Гартунг М.А.
Пушкина Н.А. см. Меренберг Н.А.
Пушкина О.С. см. Павлицева О.С.
Пушкина Х.А. см. Гулидова Х.А.
Пушин И.И. 76, 82, 84, 116—121, 128, 129, 133, 134, 136, 202, 219
Пушин П.С. 146, 289
Пыпина В.А. 55
Рабинянц А.Г. 4, 254—255
Радищев А.Н. 9, 287
Радлов С.Э. 53
Раевская Е.Н. 55
Раевские 166
Раевский Н.Н. старший 78
Разин С. 127
Разумовский А.К. 40, 166, 176
Разумовский К.Г. 176
Райт Дж. 276
Райт Т. 50
Ралль Ал-др Ф. 34
Ралль Анастасия Ф. 32, 35, 37
Ралль Анна Ф. см. Ремер А.Ф.
Ралль В.Ф. 38
Ралль Е.Ф. 36, 37
Ралль К.Ф. 38

- Ралль М.А. 38
 Ралль (Римская-Корсакова) М.Д. 31—39
 Ралль М.Ю. 38
 Ралль Н.Ф. 31, 32, 34, 36—38
 Ралль С.Ф. 32, 36—38
 Ралль Ф.Ф. 31—39
 Ралль Ю.Ф. 38
 Рахманова Л.А. см. Гагарина Л.А.
 Резников В.Д. 53
 Рейнбот П.Е. 50, 55, 56
 Рейхард Е.В. 48, 50
 Рейхард Н.О. 48
 Ремер (Ралль) А.Ф. 37, 39
 Ремер Н.Ф. 39
 Рено Л.У. 87, 88
 Репин И.Е. 10, 46
 Репнин-Волконский Н.Г. 289, 293
 Репьев С.И. 138
 Ржевская В.Ф. 246
 Ржевский П.Ф. 246
 Ризнич (Рипп) А. 149
 Римская-Корсакова А.А. 32
 Римская-Корсакова Е.А. см.
 Офросимова Е.А.
 Римская-Корсакова М.Д. см. Ралль М.Д.
 Римская-Корсакова (Наумова) М.И. 32, 36,
 39
 Римская-Корсакова (Грибоедова) С.А. 39
 Римский-Корсаков А.Я. 32
 Римский-Корсаков Г.А. 32—34
 Римский-Корсаков Н.А. 57
 Римский-Корсаков Н.Д. 31
 Римский-Корсаков П.А. 34
 Римский-Корсаков С.А. 39
 Рихтер Ал-др А. 200, 215
 Рихтер Анд. А. 200, 215
 Рихтер И.-Г. 288
 Рихтер Л. 292
 Робертсон У. 274
 Ровинский Д.А. 14, 19, 71, 219
 Родзянко А.М. см. Фок А.М.
 Рождественский В.А. 53
 Рожнов В.Ф. 4, 237—247
 Рожнова Т.М. 246
 Розанов И.Н. 190
 Розен А.Е. 141, 145
 Розен Г.В. 102
 Розен Е. 291
 Рокотов И.М. 132
 Романов К.К. 53
 Романюк С.К. 39
 Россихина Н.А. 105
 Ростовцев Я.И. 129
 Ростопчин А.Ф. 168, 169, 176
 Ростопчин Ф.В. 176
 Ростопчина (Сушкова) Е.П. 168, 169, 176
 Роткирх А. 108, 109
 Русаков В.М. 101, 106
 Руссо Ж.-Ж. 182
 Рылеев К.Ф. 128, 129, 132, 134, 138, 149, 150,
 176, 217
 Сабанеев И.В. 77
 Сабуров А.И. 21
 Сабуров Я.И. 64, 71, 74, 75, 78, 84
 Сабуров П.А. 200, 208, 215, 218
 Саварен Б. 180
 Саломон А.П. 201, 216
 Салос Никола, юродивый 43, 45
 Салтыков Н.И. 60
 Салтыков (Щедрин) М.Е. 218
 Салтыкова А.Г. см. Колошина А.Г.
 Салтыкова, графиня 118
 Самборский А.А. 273—286
 Самойлов Н.А. 21
 Санянтовская О.Н. 48
 Сапрыгина Е.В. 19
 Саржицкене Б. 101
 Саути Р. 56
 Саутов И.Д. 94
 Сахаров А.Н. 84
 Свентитский, врач 222
 Свербеев Д.Н. 80
 Сверчков А.В. 156, 175
 Сверчков И.В. 156, 175
 Сверчкова (Гурьева) Е.Д. 156, 175
 Свиридов, капитан 208
 Северюхин Д.Я. 4, 250—251
 Седова Г.М. 3, 47—58
 Селезнев И.Я. 204, 216
 Семейские 37
 Семейский М.И. 59, 60, 70, 72, 232
 Семенов-Тянь-Шанский А.П. 50, 55, 56
 Семенова А.В. 4, 116—121
 Сенковский О.И. (Барон Брамбеус) 163, 167,
 169, 176
 Сен-При К.Ф. 21
 Сен-При Э.-К. 3, 20—23
 Сент-Илер, картограф 92
 Серафим (Глаголев С.В.), митр. 4, 139—145
 Сергей Александрович, вел. кн. 42
 Сердобин М.Н. 244, 245—247

- Сердобина (Петрова) О.П. 247
Сердобина М.М. см. Вревская М.М.
Серов А.Н. 219
Серов В.А. 10
Симонов (Симонсон) Д.А. 108
Синявский А.Д. 124, 137
Скалон, поручик 141
Скворцов М. 102
Слепцов А.А. 200, 216
Слонимский А.Л. 46
Смарагдов С.Н. 204, 216
Смирдин А.Ф. 163, 176, 218
Смирнов Н.М. 22, 23
Смирнов Я.И. 273
Смирнов, рабочий 57
Смирнов, зав. Столом союзов 52
Смирнова-Россет А.О. 21, 23
Смит А. 184, 189, 274
Смоллет Т. 277
Соболевский Д.М. 120, 121
Соболевский С.А. 27, 76, 84, 146, 150
Соколов П.Ф. 20
Соколова К.И. 188, 190
Сокольников, землевладелец 16
Солдатова Л.М. 56
Солженицын А.И. 249
Сологуб Федор (Тетерников Ф.К.) 255
Сорен Б.-Ж. 193
Спасский И.Д. 3, 6—7
Спасский И.М. 235
Сперанский М.М. 71
Спешнев Н.А. 215
Срезневский В.И. 16
Сретинская А.А. 48, 57
Станиславский К.С. 54
Старк В.П. 3, 4, 88—97, 191—196
Стасов В.В. 16, 219
Стен-бок-Фермор, лиценст 200, 218
Степанов А.П. 175
Стерн Л. (Мистер Йорик) 277
Стефан А.Г. 200, 216
Столбушинская А.Ф. 100
Столпянский П.Н. 57
Стрекалов, ген.-адъют. 142, 143
Стрельцов Б.Я. 272
Строганов П.А. 174
Строганова (Голицына) С.В. 26, 155, 174
Строкин А.Н. 207, 216
Стурдза А.С. 80
Стюрлер, полковник 143
Суворов А.В. 42, 43
Суворов П.И. 281
Сумароков А.П. 209, 216
Суриков В.И. 10
Суспицын П. 251
Сухтелен 175
Сушков Н.В. 70, 140, 145
Сушкова Е.П. см. Ростопчина Е.П.
Сушкова Ек. 247
Сушкова Ел. А. 247
Сычкова И. 22
Сясько В.Б. 4, 71, 73—84
Таваст Н.Л. 201, 216
Тайгин Б.И. 248, 249
Тагановская Е.Н. 48
Талейран Ш.М. 180
Талон П. 178, 180
Танеев А.С. 155, 156, 159, 161, 174
Танеева (Бибикина) 155, 156, 159, 161, 162
Таубер Ц.А. 48 Тацит 274
Телетова Н.К. 3, 107—115
Тешпер де Фергюссон В. (Л.-В.) П. 11, 12
Тидке Х.А. 292
Тик Л. 292
Тиллотсон Д. 277
Тимофеева (Юдицкая) А.Ф. (Настасья) 111, 114
Тимофеева Наталья 111, 114
Тимофеев А.Г. 225
Тимофеев П.И., колл. асс. 114
Тимофеев П.И., подпоручик 114
Тимофеева А.П. 114
Тимофеева М.П. 114
Тимофеева Т.П. 114
Тимофеевы 115
Титов, композитор 57
Тихонов А.Н. 53
Толстая (?) 155
Толстая, графиня 118
Толстая (Шишкина) У.Е. 110, 111
Толстой И.Д. 110
Толстой Л.Н. 28, 38, 119—121, 218
Толстой М.В. 117, 121
Толстой Н.И. 119
Толстой П.А. 31
Толстой Ф.И. (Американец) 80, 146
Томашевский Б.В. 4, 53, 54, 73, 83, 97, 125, 264—272
Томашевский В.Т. 270
Траугот А.Г. 256, 257
Траугот В.Г. 4, 256—263

- Троицкая К.К. 39
Тройницкий С.Н. 53
Трончинский С.П. 48
Тропинин В.А. 8, 30, 49
Труайя А. 84
Трубецкая (Гудович) А.А. 171, 177
Трубецкой, «букашка» 166
Трубецкой Н.И. 171, 177
Трубецкой С.П. 146, 148
Тряпкин В. 110
Тургенев А.И. 56, 74, 77, 80, 89, 170, 177, 224, 290
Тургенев И.С. 218, 242
Тургенев Н.И. 80, 151, 290
Турилова С.Л. 3, 85—88, 90, 97
Тыркова-Вильямс А.В. 83
Тютчева А.Ф. 28, 30
Тягельский Е.Г. 52
- Уатт Дж. 276
Ульфила (Вульфила) 206, 216
Уолластон У. 282
Уолпол Г. 277
Уолпол Р. 282
Урбен, лавочник 180
Усов С.М. 206, 216
Успенский Б.А. 286
Устимович П.М. 50, 56
Уткин Н.И. 63, 64, 71
Уфлянд В. 248
Ушаков В.А. 219
- Файбисович В.М. 4, 59—72
Фелтен, обер-кухмистер 180
Фальк, барон 180
Фалькельштейн К. 292
Февчук Л.П. 40, 41
Федор Алексеевич, царь 91
Федотова С.Б. 272
Фергюсон А. 274, 275
Филарет, митр. 70, 145
Филдинг Г. 277
Филимонов В.С. 31, 181
Филиппова Е. 96
Финогенов, дворник 48, 52, 57
Флиндерс М. 277
Фогель, полиц. агент 81
Фогельвейде В. фон дер 206, 216
Фок А.В. 238, 242, 243, 246
Фок В.А. 242, 246
Фок (Осипова) Е.И. 237, 242, 243, 246
- Фок (Родзянко) А.М. 242
Фонвизин Д.И. 9, 287
Фортуна, фабрикант 209
Франс А. 258
Фрейганг В.В. 290
Фрейганг В.И. 290, 293
Фрейман О.Р. 196
Фрейтков Б.М. 57
Фридлиндер Г.М. 137, 188, 190
Фридрих Август III 289
Фролов Г.Ф. 93
Фукидид 274
Фукс А.А. 91
- Хамар-Дабанов Е. см. Лачинова Е.П.
Ханыков Я.В. 200, 216
Харрис Дж. 278
Хвостов Д.И. 155, 174
Хвошинская Е.Ю. 179
Хексельшнайдер Э. 287—293
Ховен фон дер, лиценст 200, 218
Хомутова А.Г. 84
Хомяков А.С. 164, 176
Хомякова (Языкова) Е.М. 164, 170, 176
Хортик М.Я. 57
Хотинцев Н.И. 105
Храповицкая А.М. см. Вревская А.М.
Храповицкий М.Е. 247
Хрушев, помещик 33
- Цветасва М.И. 249
Цебриков Н.Р. 287
Цебриков Р.М. 287
Цемш Н.С. 23
Цирель-Спринцсон В.С. 57
Цирель-Спринцсон С.Д. (Л.) 50, 55, 57
Цицианов Ф.И. 191, 195
Цылов Н. 92, 97
Цявловская Т.Г. 60, 70, 73, 82, 84, 146, 148, 150, 152, 154, 264, 267
Цявловский М.А. 87, 89, 97, 149, 150, 154, 264
- Чаадаев П.Я. 74, 81, 82
Чайковский М.И. 252
Чайковский П.И. 57, 219, 252
Чамберс У. 277
Чебышев П.Л. 206, 216
Чейгин П. 248
Черейский Л.А. 84, 195, 196, 247
Черкасский П.Д. 120

- Черниговский В.В. 101
Чернышев А.И. 76, 84
Чернышева Н.П. *см.* Голицына Н.П.
Чернышевский Н.Г. 218
Чехов А.П. 260
Чистяков П.С. 15, 18
Чистяков В.П. 16, 17
Чихачев, полицмейстер 143
Чихачева А.А. *см.* Ганнибал А.А.
Чуковский К.И. 53, 263
- Шабловский Я.К. 254
Шакеев Е.А. 216
Шакеева О.А. *см.* Кобеко О.А.
Шаликов П.И. 21
Шарлемань И.Л. 218
Шагобриан Ф.Р. де 5
Шау Ф.И. 205, 217
Шварценберг Ф. 21
Шейкина Е.Н. 56
Шекспир У. 124, 129, 254, 277
Шелашников Н.И. (дядинька) 161, 175
Шелашников Н.П. 163, 176
Шелашников П.И. (папинька) 153—160,
172—174
Шелашников С.П. 174
Шелашникова А.П. *см.* Оболенская А.П.
Шелашникова Е.П. *см.* Лачинова Е.П.
Шелашникова С.П. 4, 153—177
Шелгуновы 242
Шерлок У. 276, 282
Шерстобитов Е.Л. 93
Шерстобитова П.А. 93
Шилейко С.А. 48
Шиллер Ф. 202
Шиппан М. 4, 287—293
Широкий В.Ф. 89, 97
Шишкина У.Е. *см.* Толстая У.Е.
Шлегель Ф. 293
Шлиман Г. 213
Шлионский Л. 89
Шмидт Г.Р. 210, 217
Шмидт (Кобеко) О.Д. 210
Шот-Шедель Е. 96
Шредер И.Н. 219
Штейнгель В.В. 207, 217
Штейнгель В.И. 207, 217
Штелин Я. 180
Штюрмер Б.В. 16
Шуберт Ф.Ф. 92
Шубин В.Ф. 72
- Шувалов И.И. 232
Шульгин В.И. 200, 217
Шульгин И.П. 206, 217
Шухаев В. 250, 253
- Щеглов Н.Т. 206, 217, 219
Щеголев П.Е. 51, 53, 220, 224, 235
Щепеткова И.А. 4, 256—263
Щепотьева 170
Щербатов А.Г. 174
Щербатова (Апраксина) С.С. 155, 156, 161,
174
Щиглев Р.П. 206, 217
- Эвальды, братья 199
Эйдельман Н. 137
Эйнштейн А. 135
Эйхенбаум Б.М. 53
Энгельгардт А.Н. 206
Энгельгардт Б.М. 56
Энгельгардт В.В. 89
Энгельгардт Е.А. 11, 74, 82, 83, 201, 202, 217
Эрль В. 248
Эртель В.А. 89
Эссен 161, 162
Эфрос А. 146, 148, 149, 151
- Юдин М.Ф. 87, 88
Юдин П.М. 86—88
Юдицкая А.Ф. *см.* Тимофеева А.Ф.
Юлий Цезарь 275
Юм Д. 274, 275, 281
Юнг А. 275, 276, 278, 280
Юсупова Т.М. 86, 88
Юханцев (Юханцов) Н.Н. 199, 210, 217
- Языков Н.М. 176, 185
Языкова Е.М. *см.* Хомякова Е.М.
Языковы 32
Яков I 274
Яков, лесник 239, 240
Яковлев М.Л. 215, 219
Яковлев Н.В. 56
Яковлева Д.И. 93
Яковлевы 93
Якубович А.И. 21, 22
Якушкин В.Е. 75, 84, 148, 151
Якушкин Е.И. 76
Якушкин И.Д. 79, 84, 130
Янович И.А. 100
Янович-Сиверс М.А. *см.* Карпова М.А.

- Янович Н.А. 100
 Янович Н.М. 100
 Янькова Е.П. 117
 Яхонтов А.Н. 212
 Яцевич А.Г. 48, 54, 89, 97
 Яценко О.А. 56
 Яценко-Бэрд О. 4, 273—286
- Ainsworth R. 283
 Blair H. 283
 Breitkopf B.T. 288
 Broekhaus F.A. 291, 293
 Buchan W. 284
 Busching J.G. 293
 Campbell J. 281
 Carey W. 285
 Catharine II 280
 Charles V 274, 281
 Clarke S. 282
 Cooper W. 285
 Cross A. 280, 284
 Darwin E. 286
 Decker P. 285
 Derham W. 283
 Dilworth T. 283
 Dickson A. 284
 Edwards G. 284
 Entick J. 285
 Falkenstein K.K. 292
 Ferguson A. 280
 Freygang W. v. 290
 Gessner S. 282
 Goschen G.J. 293
 Grew T. 283
 Guthrie W. 280
 Gyrardin D. 157
 Halfpenny J. 286
 Halfpenny W. 286
 Halle T. 284
 Harris J. 278, 279, 283
 Helvetius C.A. 280
 Hexelschneider E. 87—293
 Hill J. 284
 Hinrich J.C. 293
 Home F. 285
 Hume D. 281
 Johnson A. 285
 Johnson S. 281
- Kames H.H. 284
 Kind J.F. 293
 King-Hele D. 286
 Knorrung K. v. 292
 Knox V. 281, 282
 Koehler H.K.E. 288
 Kuechelbecker J.B. v. 292
 Locke J. 281
 Lodvell P. 282
 Lowe R. 284
 Luetzerode C.A. 293
 Martin B. 283
 Miller Ph. 281
 Mills J. 283
 Mogila P. 282
 Monk J. 284
 Morris R. 285
 Nicolai Ch. F. 284
 Nikitin B. 281
 Ogilby J. 283
 Philip, King of Macedon 282
 Picart B. 278
 Pienitz E.G. 290
 Pitt W. 284
 Priestley J. 282
 Repton H. 285
 Richter J.G. 288, 293
 Richter L. 292
 Robertson W. 280, 281
 Rowe E. 282
 Schippan M. 293
 Shaw G. 281
 Sherlock T. 282
 Sherlock W. 282
 Schlegel F. 293
 Smit A. 280
 Souviroff P. 281
 Sterne L. 282
 Striegnitz S. 293
 Tieck L. 292
 Tiedge C.A. 292
 Tillotson J. 281
 Tooke W. 280
 Walpole H. 285
 Weston R. 280
 Withering W. 280
 Wollaston W. 282
 Young A. 284

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ПУШКИН И НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

Александр Кельчевский, Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге Пушкин и Франция	5
--	---

И.Д. Спасский, генеральный конструктор и начальник ФГУП «ЦКБ морской техники “Рубин”», академик Мои встречи с Пушкиным	6
--	---

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МУЗЕЯ

С.М. Некрасов Основные направления развития Всероссийского музея А.С.Пушкина на 2001—2011 годы	8
---	---

Ю.Г. Елатко Поиск длиною в сто лет (К истории портрета П.А. Катенина)	14
---	----

Е.В. Пролет «...St.-Priest, твои карандаши...» (Альбом с карикатурами графа Э.-К. Сен-При из собрания парижского антикара)	20
---	----

А.Н. Марков К истории портретов Н.Н.Ланской	24
---	----

Р.Г. Жуйкова «Воспоминания о незабвенных родителях». Письма М.Д.Ралль из собрания Всероссийского музея А.С.Пушкина	31
---	----

Л.А. Осипович Еще раз о золотых часах Пушкина	40
---	----

Т.И. Галкина Картина П.И.Геллера «Гоголь среди своих великих друзей»	42
--	----

Г.М. Седова Пушкинский кружок Общества «Старый Петербург» в доме на Мойке, 12 (1924—1925 годы)	47
---	----

ВОКРУГ ПУШКИНА

В.М. Файбисович А.Н.Оленин и граф А.А.Аракчеев	59
--	----

В.Б. Сясько К истории «Дела о ссылке Пушкина»	73
---	----

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

С.Л.Турилова Автографы А.С.Пушкина и других лицеистов в «Адресной книге» Министерства иностранных дел	85
В.П.Старк «Александр Пушкин живет у Калинкина мосту в доме графа Апраксина»	89
В.Г.Никифоров Сельцо Вече и его обитатели	98
Н.К.Телетова О материалах к истории сельца Михайловского	107

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

А.В.Семенова «Почтенный дом Колошиных» (Новое о декабристе и его семье)	116
А.Н.Иезуитов Поэма Пушкина «Граф Нулин»: «странные сближения»	122
Е.Б.Добровольская Митрополит Серафим на Сенатской площади в день 14 декабря 1825 года	139
Р.В.Иезуитова За пушкинской строкой	146

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ

Т.Г.Александрова Письма сестер Шелашниковых (Из архива Всероссийского музея А.С.Пушкина)	153
Н.И.Михайлова Из комментария к роману «Евгений Онегин» («сыр Лимбургский»)	178
И.В.Коцкиенко Петербургские эпитафии романа в стихах «Евгений Онегин»	182
В.П.Старк «Верующее письмо» Пушкина к И.Е.Великопольскому	191
С.В.Павлова «Воспоминания о Лицее лицеиста XXI курса Д.Ф.Кобеко, 1850—1856» (1908)	197
Д.М.Добровольская А.Н.Аммосов и А.С.Пушкин. Четверть века спустя после дуэли	220
В.Ф.Рожнов Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского (По материалам дневников Н.П.Вревской)	237

ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУШКИНИАНЫ

Т.С.Буковская, В.Э.Долинин «Вольное слово»	248
Д.Я.Северюхин «Пиковая дама» Валерия Мишина («Редкая книга из Санкт-Петербурга»)	250
Ю.М.Лютко Несколько вопросов художнику, или Загадки «Пиковой дамы». Беседа с Валерием Мишиным	252
А.Г.Рабиняц Встреча с В.С.Вильнером	254
И.А.Щепеткова «Тайна, которую будем разгадывать вечно». Интервью с Валерием Трауготом	256

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

С.В.Березкина Из истории пушкинских изданий, подготовленных Б.В.Томашевским	264
В.А.Грибовская Материал о Борисе Викторовиче Томашевском в архиве Ленинградского кораблестроительного института	270

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ольга Яценко-Бэрд Английские книги в библиотеке А.А.Самборского	273
Л.Б.Михайлова, М.Шиппан Культурные связи России и Саксонии в пушкинское время (новая книга Эрхарда Хексельшнайдера)	287
Хроника важнейших событий музейной пушкинианы (1879—1999)	294
Указатель произведений А.С.Пушкина	296
Указатель имен	299

На первой странице обложки:

Дом графа И.А. Апраксина у Калинкина моста, в котором жил А.С. Пушкин по окончании Лицея (совр. адрес: кан. Грибоедова, д. 174).

На четвертой странице обложки:

Золотые швейцарские карманные часы, принадлежавшие А.С. Пушкину (Всероссийский музея А.С. Пушкина).

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

Альманах

**Редактор издательства Г.Г.Мартынов
Художник В.Н.Дзюба
Художественный редактор М.П.Шафрова
Технический редактор Л.Е.Голод
Корректор А.И.Утищев**

ЛР № 065126 от 25.04.97

Подписано в печать 13.01.2003. Формат 70x100^{1/16}.

Объем 21,0 печ. л.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Заказ №01 . Тираж 830 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Навычары»
Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 140, пом. 1-Н